

Е. Лаголева

РОКФЕЛЛЕРЫ

ЖЗЛ

РОКФЕЛЛЕРЫ

Екатерина
Лаголева

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1986

(1786)

Екатерина Глаголева

РОКФЕЛМЕРЫ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 94(7)(092)“18/20”
ББК 63.3(7Сое)
Г 52

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-04279-7

© Глаголева Е. В., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

*Зарабатывайте деньги:
получайте их честно и затем
отдавайте с умом.*

Слова баптистского
проповедника, записанные
Джоном Д. Рокфеллером
в записную книжку

Глава первая
ДЖОН Д. И ЕГО БРАТЯ

Я считаю, что способность делать деньги — Божий дар, точно так же, как задатки к искусству, музыке, литературе, талант врача, сиделки или ваши дарования, и его следует развивать и использовать, как только возможно, для блага человечества. Будучи наделён даром, которым я обладаю, я считаю, что мой долг — делать деньги и ещё больше денег и использовать деньги, которые я делаю, для блага моего ближнего, как повелевает мне совесть.

Джон Д. Рокфеллер

Превратности любви

Волы идут медленно, склонив головы к пыльной дороге и роняя на неё тягучую слюну. Младшие дети трясутся в повозке под полотняным тентом, тяжело нагруженной домашним скарбом, а взрослые идут пешком, по очереди подсаживаясь в фургон, когда совсем устанут. Часто лес подступает к дороге настолько близко, что деревья сплетают над ней свои ветви, образуя тёмно-зелёный свод, а повозка, скрипя осями, переползает через толстые корни, похожие на искривлённые артритом пальцы. Говорят, здесь водятся олени, пумы и медведи. Днём, во время остановок, мужчины уходят на охоту и возвращаются с подстреленным зайцем или дикой индейкой. По ночам кто-то постоянно должен поддерживать костёр: пару раз волчий вой раздавался слишком уж близко.

Через две недели вышли к посёлку. Ричфорд, бывшая почтовая станция на дороге из Олбани в Катскилл, с 1821 года именовался городом, обзавёлся своей площадью, на которой стояли единственная церковь и школа, а даже промышленностью: лесопилкой, мельницей и винокуренным заводом. Теперь оставалось пройти три с половиной мили, взбираясь на почти отвесный холм. Волы выбивались из сил, оскальзываясь на разбитой каменистой дороге, и

только вздрагивали под ударами кнута. Потеряв терпение, Годфри Рокфеллер выбрался из фургона и пошёл пешком. Тяжело дыша, в мокрой от пота рубашке, он стоял на вершине холма и оглядывал свои новые владения: 60 акров* не-возделанной земли. Яркая зелень травы, сквозь которую проглядывали капельки диких цветов и ягод, переходила в тёмную бронзу сосен, дубов и клёнов. «Видно, ближе к Мичигану нам не подобраться», — вздохнул глава семьи и нарёк холм Мичиганским.

На холме стоял маленький одноэтажный дом из распиленных вручную брёвен и досок: 22 фута** в длину и 16 футов в ширину. Люси нахмурилась: как здесь всем разместиться? Прежнее жилище было гораздо просторнее, её муженька опять провели. Но делать нечего, надо как-то устроиваться.

Зачем она вышла замуж за Годфри? Сейчас уже трудно вспомнить; наверное, по любви. Нелюбимому мужчине она вряд ли родила бы десятерых детей. Когда они поженились в 1806 году в Грейт-Баррингтоне, штат Массачусетс, вся её семья была против. Рокфеллеры — неровня Эвери. Взять хотя бы их родословную. Они из немцев; около 1723 года мельник Иоганн Петер Рокфеллер*** приехал с женой и пятью детьми в Филадельфию, сделался фермером в Сомервилле (Нью-Джерси), а десять лет спустя его кузен Дилл явился в Джермантаун. Внук Иоганна Уильям женился на внучке Дилла Кристине, и у них родился Годфри. Вот и вся история. А предки Люси Эвери приехали из Девона в Салем (Массачусетс) вслед за отцами-пилигримами, около 1630 года; из этого рода вышли проповедники и солдаты, городские магистраты и купцы, первопроходцы и отважные воины, сражавшиеся с индейцами. Если спуститься по их генеалогическому древу к самым корням, то там окажутся английский король Эдмунд Железнобокий, правивший в 1016 году целых шесть месяцев, герцог Йоркский и Мэри Болейн (сестра королевы Анны, супруги Генриха VIII), но это совершенно не важно, потому что 11 членов семьи Эвери пали смертью храбрых в сражении с британцами на Гротонских высотах 6 сентября 1781 года, приблизив обрете-

* Акр — единица площади в ряде стран, использующих английскую систему мер; равен 0,405 гектара.

** Фут — единица длины в английской системе мер; равен 0,3048 метра.

*** Впоследствии внук Годфри, Джон Д. Рокфеллер, поставит надгробный памятник на могиле Иоганна Петера во Флемингтоне, штат Нью-Джерси.

ние Независимости. Да бог с ней, с родословной; вы только взгляните на них: разве они пара? Годфри — низенький, придурковатый на вид, весёлый и разбитной, но ленивый и любит приложиться к бутылке. Люси — высокая, крепкая, уверенная в себе, к тому же образованная: до замужества была школьной учительницей... И вот они уже почти три десятка лет вместе, и Люси переезжает с Годфри из одного штата в другой после краха его очередного предприятия, таская за собой детей.

Упрёками делу не поможешь. Люси собственноручно сложила каменную ограду вокруг фермы, выкорчевала пни, а однажды ночью поймала в амбаре вора. Правда, тому удалось убежать, но Люси вырвала кусок ткани из его рукава. По этому клочку она опознала злоумышленника и разобралась с ним сама, без помощи шерифа.

Где-то через год после приезда новых соседей в Ричфорде появился высокий франтоватый детина с рыжей бородой на загорелом лобастом лице и с табличкой на груди: «Я глухонемой». На этой же табличке он нацарапал вопрос, с которым обращался к прохожим: «Где дом Годфри Рокфеллера?» Впрочем, парня быстро раскусили: никакой он не глухонемой. Вновь обретя дар речи, он назвался «Рокафелло», но и это не помогло. Вскоре уже все знали, что это третий сын Годфри и Люси, Уильям, родившийся в 1810 году, когда они ещё жили в Грейнджере, штат Нью-Йорк. Фермером он не стал, мерил дороги, торгуя всякими дешёвыми безделушками, притворяясь глухонемым и выведывая чужие секреты — а вдруг пригодятся. Понятно, что при такой жизни ему не раз приходилось уносить ноги от желающих с ним поквитаться, вот они и привели его обратно к родителям. В полумиле от отцовского дома, на безлесном склоне, Билл выстроил свой — из плотно подогнанных досок с местной лесопилки, похожий на два составленных вместе вагона. В доме были две спальни (каждая размером 8 × 10 футов) и гостиная, а наверху чердак, где тоже можно спать, и антресоли. Пристройка служила амбаром и деревянным сараем, над крыльцом приладили небольшой навес. Земельный участок занимал 50 акров; рядом с домом рос яблоневый сад, а у подножия холма тёк ручей, где водилась форель. Такому дому нужна хозяйка.

Нэнси Браун из Харфорд-Миллз была поразительно красивой. Билл сразу влюбился в неё. Она жила у него как экономка, но все ожидали, что она скоро станет его женой. Вот только Нэнси была бесприданница, а во время своих

прежних скитаний Билл как-то забрёл за 30 миль к северо-западу от Ричфорда, неподалёку от Моравии, и увидел там девушку — стройную, рыженькую, с голубыми глазами, явно ирландских кровей. «Если бы он не был глухонемым, я бы вышла за него замуж», — сказала она подружке. Такая простодушная! Билл навёл справки: её отец Джон Дэвисон считался богачом, ему принадлежали 150 акров земли в округе Каюга, он даже давал деньги в долг! Глухонемой неожиданно излечился. Влюбить в себя Элизу Дэвисон не составило труда. Её мать скончалась, когда девочке было 12 лет (проглотила пилюлю, которую ей продал бродячий знахарь, и упала замертво), а присматривавшая за Элизой старшая сестра Мэри Энн не пользовалась родительским авторитетом. Впрочем, даже строгий отец, решительно воспротивившийся неравному браку, не смог отговорить дочь от необдуманного шага: 18 февраля 1837 года она вышла замуж за Билла в доме одной из своих подруг. Ему было 27 лет, ей — 24.

Все её иллюзии разбились о порог нового дома, на котором новобрачных встретила экономка. В 1838 году Элиза родила первенца — дочь Люси, а несколько месяцев спустя Нэнси разрешилась от бремени дочерью Клориндой. 8 июля 1839-го Элиза произвела на свет сына и назвала его Джоном Дэвисоном в честь своего отца (о, если бы она тогда его послушала!), а Нэнси через несколько месяцев родила ещё одну дочь, Корнелию. Братья Элизы явились в Ричфорд потолковать с Биллом «по-мужски». Но брак втроем так бы и продолжался (Элиза по-прежнему любила мужа и жалела бедную Нэнси), если бы у красавицы-экономки не испортился характер. После очередной ссоры с любовницей Большой Билл (так Рокфеллера прозвали за высокий рост) велел ей забирать детей и отправляться к родителям. Правда, ночью он тайно прокрался к её дому и положил на крыльцо тюк с одеждой. Возможно, он и загубил Нэнси лучшие годы, однако жизнь не поломал: довольно скоро она вышла замуж за некоего Берлингейма, родила ему других детей, а старшим дочерям дала приличное воспитание. Правда, Клоринда умерла молодой, зато Корнелия выросла, стала школьной учительницей, а потом вышла замуж за местного уроженца по фамилии Секстон. Она была высокой, смышлёной, внешне — просто портрет отца...

А Большой Билл, который после женитьбы пробовал остепениться (завёл небольшую лесопилку на Мичиганском холме, торговал солью, пушниной, лошадьми,

стройматериалами), принялся за старое: уходил из дома под покровом ночи и возвращался тоже тайком, несколько недель, а то и месяцев спустя: бросал камешки в окно, предупреждая жену о своём приходе. Чем он занимался? Он был метким стрелком, участвовал в состязаниях и получал призы. А ещё торговал галантереей и всякой мелочовкой, умудряясь впаривать покупателям дешёвку с большой наценкой. Впрочем, главным его товаром были разные снадобья. Его мать Люси умела лечить травами от всех болезней; в садике рядом с её домом рос «лечебный куст», настои из листьев и корней которого Большой Билл продавал под видом эликсиров, а тёмно-красные ягодки, похожие на пилюли, шли как лекарство «от живота». Чтобы его не принимали за шарлатана, Билл всегда строго спрашивал у каждой покупательницы, фермерской жены, не находится ли она в «интересном положении», поскольку эти «пилюли» способны вызвать выкидыш. Бывало, что он торговал и патентованными лекарствами, приобретёнными у аптекарей, но «народная медицина» пользовалась большим спросом.

Перед тем как в очередной раз скрыться из дома, Билл договаривался о кредите в местной лавке. «Отпускайте моей семье любой товар, какой понадобится, а я всё оплачу, когда вернусь», — говорил он лавочнику Чонси Ричу, отец которого, Эзикиел, основал Ричфорд. Но когда он вернётся? Элиза всегда боялась, что ей откажутся давать товары в долг, если она будет брать слишком много, а потому старалась обойтись самым необходимым, жила с детьми впроголодь и ходила в латаной одежде. А потом вдруг являлся Билл — на новых лошадях, в отличном костюме и с толстой пачкой банкнот. Первым делом шёл в лавку и расплачивался с Ричем, а потом дарил жене и детям подарки, созывал гостей, шутил, смеялся (но не пил, в отличие от отца и братьев). Разве можно было не любить такого мужа? Как-то вечером, в очередной раз оставшись одна, Элиза мечтательно смотрела на полную луну. «Может быть, Уильям, который сейчас во многих милях отсюда, тоже смотрит на неё? — со вздохом сказала она кухне. — Я так на это надеюсь!»

Но пока Билла не было, ей одной приходилось вести большое хозяйство и заниматься фермой. Однажды отсутствие мужа настолько затянулось, что счёт у Чонси Рича перевалил за тысячу долларов. И тут молва принесла весть: Билла арестовали. Его необычная жизнь породила столько слухов, что местные обитатели прозвали его Дьявол Билл. Откуда он берёт столько денег? Говорили, что он шулер,

конокрад, разбойник. У Элизы сердце захолонуло. Но не прошло и дня, как Билл явился в новой повозке, правя великолепной парой лошадей, сверкая бриллиантовой булавкой в галстук, и оплатил счёт в лавке крупными купюрами. А вечером угощал родню и гостей красочными рассказами о своих приключениях на Западе и сражениях с индейцами. «Вот трепло», — думали соседи, качая головами, но вслух ничего не говорили: им было жалко Элизу, которая бьётся как рыба об лёд и при этом ведёт себя достойно, не позволяя себе ни слова упрёка.

Да, она любила мужа. 31 мая 1841 года у них родился сын, которого назвали в честь отца Уильямом. Но Элиза всё чаще задумывалась, что станет с её детьми в окружении таких родственников. После ухода Нэнси Билл нанял в помощь жене новую служанку — Эллу Брасси, но его младший брат Майлз Эвери Рокфеллер сбежал с ней, бросив жену, в Южную Дакоту. Там он под фамилией Эвери женился на Элле. Другой брат, Джейкоб, хранил верность своей второй половине (эта добрая женщина часто присматривала за маленькими Люси и Джонни, штопала им одежду и вязала варежки из домашней шерсти), но тоже не был примером для подражания: сквернослов и пьяница. Однажды он выиграл пять долларов: побился об заклад, что не будет пить... на всём пути от своего дома до города! Свекровь, конечно, была уважаемая женщина, но вечно пьяный свёкор... Да и сам этот паршивый городишко с одной-единственной церковью, и заболоченная земля, на которой ничего не растёт... Нет, нужно отсюда уезжать! В 1843 году Билл купил за тысячу долларов участок земли в 92 акра, полого спускавшийся к Оваско — самому живописному из озёр Фингер. Но самое главное — они будут жить в Моравии, всего в трёх милях от фермы Джона Дэвисона. Возможно, он простит заблудшую дочь, когда увидит внуков...

«Я ясно помню ручей, который тёк неподалёку от дома, и как я должен был быть осторожен и держаться подальше от него. Смутно припоминаю мою мать в Ричфорде и мою бабушку, которая жила в полумиле выше по холму», — поделится Джон Д. Рокфеллер воспоминаниями детства 70 лет спустя. Родной дом он покинул без сожалений: «Я с содроганием думаю о том, что бы со мной стало, если бы я провёл в Ричфорде всю жизнь».

Моравия тоже совсем недавно получила статус города, но здесь вдоль тенистых улиц стояли каркасные дома

с широкими верандами, имелись гостиница, универсальный магазин, хлопкопрядильная фабрика и конгрегационалистская церковь. Рокфеллеры поселились в северном сельском пригороде. Билл надстроил дом, стоявший на участке, и теперь в нём было восемь комнат, откуда, особенно со второго этажа, открывались чудесные виды: ярко-голубое озеро на фоне лесистых холмов дальнего берега в раме из высоких сосен. Через дорогу — сарай и амбар, за домом — коптильня. В 1843 году Элиза родила вторую дочь, назвав её Мэри Энн. Правда, почти на всём протяжении беременности Билла опять не было дома.

Местные жители не могли взять в толк, что он за человек. С одной стороны — солидный зажиточный мужчина, а с другой — летун, перекаати-поле. Он организовал лесоповал (на вполне законных основаниях): до зари, вооружившись фонарями, выходил со своей бригадой рубить стройные корабельные сосны, которые потом сволакивали к озеру и сплавляли в Обёрн. Рабочим Билл платил хорошо и быстро, однако нанимал их ненадолго, мог рассчитать, а через несколько дней взять снова — и думал, что поступает умно: никто не будет лениться, зная, что в следующий раз работу ему могут не предложить. Билл помог найти место для городской школы: проехал на своих дрожжах через весь город, подсчитывая число оборотов колеса, а потом указал, где будет ровно середина. Он же уговорил местных налогоплательщиков скинуться на школу, когда многие ещё считали по старинке, что детей следует обучать дома. Рокфеллер запустил в озеро Оваско мальков шуки и даже возглавил местное общество трезвости. «Вот такой он был человек: пока соседи только начинали что-то обсуждать, он уже делал», — с гордостью вспоминал старший сын. Но запала хватало ненадолго, и Билл снова исчезал. Да и фермерской работой он никогда не занимался, это было ниже его достоинства. Он нанял Хирама Оделла, рабочего с железной дороги, помогать по хозяйству его жене. 8 августа 1845 года Элиза родила двойню. (Билл воспользовался этим, чтобы наладить отношения с тестем, жившим на другом берегу озера. Видно, он пустил в ход всё своё обаяние, раз Джон Дэвисон ссудил ему тысячу долларов.) Фрэнк родился здоровеньким, а вот его сестра Фрэнсис часто хворала. Местного врача к ней вызывали около семидесяти раз! Но это не помогло — малышка скончалась, не прожив и двух лет. Мать отправила семилетнего Джона собирать камни, чтобы он не видел, как хоронят сестрёнку.

Джон был смышлёным и обладал развитым воображением, потому-то мать и старалась оградить его от лишних переживаний — но не от работы. Она натянула бечёвку, разделив сад пополам, и сказала старшим сыновьям: «Джон, ты будешь заботиться об этой стороне сада, а эта сторона — твоя, Уилл». И они сажали рассаду, пололи грядки. За работу им платили; свои монетки (медные, серебряные, а то и золотые) Джон складывал в синюю фарфоровую баночку на каминной доске. Покупая фунт конфет в лавке, он делил их на небольшие порции и продавал сёстрам и братьям в розницу, получая небольшую прибыль. Но первую крупную торговую операцию он провернул в семь лет: выследил дикую индейку, нашёл её гнездо в лесу, забрал птенцов, выкормил их и продал. Мать поощряла его в этом предприятии: давала створоженное молоко для индюшат. На следующий год Джон вырастил ещё больший индюшачий выводок.

Дети спали на втором этаже, в комнате, согреваемой печной трубой, поднимавшейся из кухни. Зимой, когда снаружи бушевала вьюга, завывая в вершинах сосен, снег набивался в щели. Утром, ещё до зари, детей будили стук топора (во дворе рубили дрова) и скрип полозьев по снегу. Мать звала снизу: «Джон, сынок, пора вставать и доить корову!» В тёмном холодном хлеву Джон, чтобы погреть ноги, становился на то место, с которого только что поднялась корова...

Шёл 1846 год. Началась война с Мексикой из-за прошлогодней аннексии Техаса (в Моравии, вотчине либералов, её осуждали, а конгрессмен Авраам Линкольн назвал её бессмысленной и жестокой), и США завладели Калифорнией; Роял Эрл Хаус запатентовал печатающий телеграф, способный передавать 40 слов в минуту; заработала Пенсильванская железная дорога... Но всё это было где-то далеко, точно в другом мире. Семилетний Джон Рокфеллер 30 недель в году посещал школу, построенную его отцом и состоявшую из единственного класса. Если ученики начинали шуметь, учитель заносил над их головами линейку и запросто мог пустить её в ход. Джон не был бузотёром, но не был и блестящим учеником; он словно всё время о чём-то думал. Его малограмотная мать, сама писавшая с ошибками и пренебрегавшая знаками препинания, порола сына за нерадивость берёзовой хворостиной. Однажды, когда она принялась его наказывать за дурное поведение в школе, Джон стал уверять, что на него возводят напраслину, а

он ни в чём не виноват. «Не важно, — ответила непреклонная мать, — я уже начала порку и доведу её до конца; это послужит тебе уроком на будущее». Наказывая, она всегда приговаривала: «Я это делаю любя».

Широколицые и лобастые Уильям и Фрэнк пошли в отца, Джон был очень похож на мать: узкое лицо, пронзительный взгляд серо-голубых глаз, острый подбородок. Сходство было не только внешнее: он был так же терпелив и вынослив, никогда не выходил из себя, не повышал голоса, никого не оскорблял и не принимал скоропалительных решений. Мать приучила его к бережливости, трудолюбию и порядку. В чрезвычайных же обстоятельствах Элиза не пугалась и умела найти единственно правильный выход. Однажды ночью, когда в доме не было никого из мужчин, она услышала, как в заднюю дверь лезут воры. Она тотчас распахнула окно и запела какую-то старую негритянскую песню, чтобы непрошеные гости подумали, что в доме есть слуги. Они и в самом деле не решились войти, украли только упряжь из каретного сарая, спустились к озеру, сели в лодку и были таковы.

Билла дети просто обожали. Чей ещё отец сможет перепрыгнуть через забор спиной вперёд, говорить на несколько голосов, не разжимая губ, выиграть на ярмарке медвежонка и обучить его разным трюкам? А ещё у него были способности гипнотизёра — он мог «напустить туману» и на человека, и на зверя. Дома хранились ружья, которые он любовно разбирал, чистил и смазывал; одно — с оптическим прицелом, хотя у Билла был такой зоркий глаз, что он мог подстрелить жаворонка в небе. Однажды он собрал вокруг себя толпу (уж это-то он умел как никто), установил чучело с глиняной трубкой во рту, отошёл на 200 шагов, выстрелил и попал в трубку, а потом предложил десять долларов любому, кто это повторит, но никто не смог. Когда Билл возвращался из своих странствий, дом сразу наполнялся шумом, смехом, пением, музыкой. Однажды он узнал, что в городскую тюрьму посадили за пьянство скрипача-виртуоза: тот должен был или заплатить 100 долларов, или отсидеть 100 дней за решёткой. Сотни долларов Биллу было жалко, он выждал 35 дней, а потом выкупил музыканта за 65 долларов, забрав взамен его скрипку. Старших сыновей он брал на озеро ловить рыбу. Однажды, когда они сидели в лодке, Уильям пожаловался на жару. «Так остудись!» — воскликнул отец и сбросил малыша в воду. Тот сразу пошёл ко дну; Билл нырнул за ним, вытащил и попытался научить

плавать. Надо предвидеть последствия своих слов и уметь позаботиться о себе, сделал вывод Джон. У него с отцом была своя любимая игра: мальчик забирался на высокое кресло и прыгал оттуда, а Билл подхватывал его на руки. Однажды он опустил руки, и Джон грохнулся на пол. «Запомни, сынок: полностью доверять нельзя никому, даже мне».

По воскресеньям ходили в церковь; даже Дьявол Билл не пропускал воскресную службу, знал много гимнов наизусть, а Джону посулил пять долларов, если тот прочтёт Библию от корки до корки. Отец учил его добывать деньги, мать — копить их, а проповедник в церкви — отдавать нуждающимся. Себя Рокфеллеры бедняками не считали: им было во что одеться, и их не мучил голод.

Церковь, приверженцами которой они стали, была баптистской. В мае 1845 года по вопросу о рабстве она раскололась на Южную (включавшую девять штатов) и Северную баптистские конвенции. В представлении баптистов с Севера движение за отмену рабства — аболиционизм — согласовалось с их противостоянием церковной иерархии и в целом с их деятельностью, направленной на очищение общества от греха. Грехом считались курение (Билл однажды здорово отругал Джона и Уильяма, застукав их курящими в амбаре), пьянство, а также изготовление и продажа спиртного, танцы, игра в карты и на бильярде, посещение театров, торговля в воскресенье. Зато любовь к деньгам грешной не была. А Большой Билл любил деньги почти чувственной любовью.

«У него были деньги, целая куча, — вспоминал позже один сосед. — Он держал их в ящике стола. Я видел их — банкноты в один доллар, два, три доллара (тогда такие были), пять, десять, двадцать и пятьдесят, все перевязанные, как дрова, и стянутые шпагатом в пачки, которыми был заполнен ящик». Говорили даже, что у него есть ведро на четыре галлона*, наполненное золотыми монетами (но это вряд ли, разве что посыпано сверху). Уезжая куда-нибудь, Билл всегда держал в кармане тысячу долларов: он мог за себя постоять и не боялся возить с собой такие деньги, а эта пачка согревала ему душу.

Когда Джону было восемь или девять лет, отец стал приучать его к делам. Мальчику поручили выбирать и покупать дрова, чтобы поленья были буковые или кленовые,

* Галлон — единица объёма жидкостей и сыпучих продуктов в английской системе мер; американский галлон равен 3,79 литра.

без гнили и сучков, причём надо было упорно торговаться. Все свои расходы полагалось тщательно записывать, ведь система кредита в магазине сохранялась. Возвращаясь из отлучек, Билл сразу платил по долгам: уговор дороже денег, а что написано пером, того не вырубишь топором. Договоры же теперь под его диктовку писал старший сын твёрдым чётким почерком.

Но Дьявол Билл не остепенился. 26 июля 1849 года суд в Обёрне вынес Уильяму Эвери Рокфеллеру обвинительный приговор по делу об изнасиловании Анны Вандербик — молодой красивой девушки, помогавшей Элизе по хозяйству. Однако в документах значилось, что преступление было совершено больше года назад, 1 мая 1848-го, а Билла не арестовали, суд вынес решение в его отсутствие, и прокурор обвинительное заключение не подписал. По Моравии поползли сплетни, одна невероятнее другой. Реальность же была прозаичнее: когда Биллу предъявили обвинения, он попросил тестя внести за него залог. «Я слишком стар, чтобы выкупать кого бы то ни было», — ответил Дэвисон. Билл сообщил, что тогда ему придётся уехать из округа (в те времена наказание за подобные преступления часто сводилось к изгнанию) и Элиза больше никогда не увидит его, а её отец — свои денежки, которые ссудил ему три года назад. Дэвисон сразу явился в суд и подал жалобу на зятя, который хочет сбежать, обманув своих кредиторов; к тому времени на ссуду набежали проценты, и Билл был ему должен уже 1210 долларов 75 центов. Элиза была готова провалиться сквозь землю, когда к ней домой явился шериф с двумя соседями-понятыми и описал всё её движимое имущество, которое теперь поступало в распоряжение Джона Дэвисона. Испуганные дети ничего не понимали, кроме того, что случилось что-то плохое и стыдное, а их дед переписал завешание — передавал долю наследства Элизы в руки распорядителей, чтобы уберечь свои денежки от загребущих лап зятя.

Зять же тем временем снова пропал. Поползли слухи о банде конокрадов «старшины Билла». В 1850 году два его закадычных дружка Калед Палмер и Чарлз Тидд, а также некий Бейтс были арестованы за кражу коровы. Имя Рокфеллера на суде не называли, но все в Моравии были уверены, что именно он был главарём, просто он слишком умён, чтобы попасться. Весной Дьявол Билл вернулся, забрал семью и перевёз её в Овего, в округе Тайога, поближе к границе с Пенсильванией.

Когда-то здесь жили индейцы-ирокезы, и на их языке «Авага» означает «Там, где долина расширяется». Город расположился в красивой излучине реки Саскуэханны, впадающей в Атлантический океан. Дома здесь выглядели богаче, чем в Моравии; в центре находились внушительное здание суда, библиотека, довольно известная школа, а среди 7200 жителей было много писателей и художников. Более того, в Овего имелась железнодорожная станция! (1 июня 1849 года туда пришла железная дорога «Эри», и всё население высыпало встречать первый поезд под звон колоколов и пушечную пальбу.) Но даже не это больше всего поразило детей: на вокзале они однажды увидели живого француза. С усами! (Большой Билл носил бороду, но сбрасывал растительность над верхней губой.)

Рокфеллеры опять поселились за городом — на красивом лугу с купами деревьев, глядящимися в тёмное зеркало ручья. Из первого дома они довольно быстро переехали в другой, поменьше, но с прекрасным видом на илистую Саскуэханну на фоне тающих в туманной дымке далёких голубых холмов. У Джона теперь была одна кровать на двоих с Уильямом; зато это был их дом, соседи — милые приветливые люди, никто не показывал на них пальцем и не перешёптывался у них за спиной. И потом, их отца привели сюда дела: полгода назад в Овего разразился большой пожар, уничтоживший 104 дома; теперь стройматериалы нарасхват, и новая лесопилка будет прибыльной. А ещё тут любят докторов и не смотрят на дипломы. Наконец-то папа не будет надолго уезжать из дома!

Как бы не так: отлучки Большого Билла стали ещё более странными и непредсказуемыми. Элиза уже смирилась и терпеливо несла свой крест. Ей как-никак уже 37 лет, наивная рыжеволосая девушка осталась в прошлом. К соседям с визитами приезжала милая, воспитанная, благопристойная дама в платье из чёрного шёлка, похожем на вдовье. Теперь, когда её разряженный супруг соизволял заявиться домой, ему приходилось подчиняться правилам, установленным ею. Не в силах удержать при себе мужа, она твёрдой рукой руководила детьми; никто не смел ослушаться матери, иначе наказания не миновать. Однажды Элиза была больна и лежала в постели, но, узнав, что Джон не сделал то, о чём она его просила, послала его к реке за ивовым прутом. Даже Джон не мог полностью подавить в себе подростковые бунтарские наклонности: чтобы прут поскорее сломался, он сделал на нём несколько насечек

карманным ножом. Но старания оказались напрасными: мать послала его за другим прутом, предупредив, чтобы выбирал получше.

Зимой Саскуэханна покрывалась льдом, соблазнительно сверкавшим на солнце; но мать запрещала сыновьям кататься на коньках по реке. Однажды ночью, когда полная луна заглядывала в окна, прогоняя сон, Джон и Уильям ослушались запрета. Наслаждаясь скоротечным счастьем от быстрого движения, общей тайны и щекочущего ощущения собственного непослушания, они вдруг услышали крики: ещё один сорванец, вышедший кататься, провалился под лёд. Братья нашли длинную жердь, подползли к полынье и вытащили паренька из воды. Когда они вернулись домой и всё рассказали матери, та похвалила их за смелость — и устроила хорошую порку.

Каждую зиму местные баптисты прорубали купели во льду, покрывавшем Саскуэханну, и крестили в них исправившихся грешников. По воскресеньям соседи заходили за Элизой с детьми и все вместе шли в церковь. В воскресной школе детей учили прощению; вечером, перед тем как лечь в постель, маленькие Рокфеллеры спрашивали друг друга: «Прощаешь ли ты меня за всё, что я сделал(а) тебе сегодня?» — и, очистив душу от обиды или гнева, спокойно засыпали.

В отсутствие матери за младшими присматривал Джон, в свои 11 лет фактически заменивший им отца. Когда он не ходил в школу, то колол дрова, доил корову, таскал воду из колодца, полол грядки, ходил за покупками. Однажды он три дня копал картошку у местного фермера за 37,5 цента в день. Вскоре после этого к Рокфеллерам зашёл другой сосед в надежде одолжить денег — ему срочно требовались 50 долларов. Джон опустошил свою копилку и выдал ему деньги мелочью, под семь процентов. В конце года сосед вернул долг — 53 доллара 50 центов. Три с половиной доллара за так, не ударив пальцем о палец! Мальчик был поражён. Тогда он и решил, что нельзя всю жизнь работать ради денег — напротив, надо заставить деньги работать на себя. Что-то в нём изменилось в тот день, что именно — трудно сказать, но соседи теперь предпочитали обращаться за помощью к Уильяму: тот сразу брался за работу, засучив рукава, и не задавал лишних вопросов, тогда как Джон пытался мысленно разложить задачу на составные части и найти способ выполнить её с наименьшими затратами. Гуляя однажды с приятелем по берегу Саскуэханны, он ска-

зал: «Когда-нибудь, когда вырасту, я буду стоить сто тысяч долларов».

Америку тогда обуюла «золотая лихорадка»: орды желающих быстро разбогатеть пробирались пешком или в дилижансах через всю страну, морем через Южную Америку и Панамский перешеек в Калифорнию, где в 1848 году нашли золото. Большинство из них ждало разочарование, но редкие истории успеха мгновенно разлетались на тысячи миль и раздували робкую искру надежды в бушующее пламя безумной веры. Люди вновь поклонялись золотому тельцу, низринув идеалы «отцов-основателей».

Большого Билла Калифорния не интересовала. У него была своя «золотая жила» — доверчивые фермеры из Тайоги и в особенности их жёны и дочери, которым он представлялся как «доктор Уильям Левингстон» (слегка переиначив название округа Ливингстон в штате Нью-Йорк, где родился его отец). Высокий (1,83 метра) статный мужчина в годах внушал доверие, тем более что носил хороший костюм и шёлковый цилиндр. А его дети бегали в школу с книжками, которые купил им добросердечный сосед.

В августе 1852 года Джон и Уильям поступили в Академию Овего, основанную в 1827 году и считавшуюся лучшим средним учебным заведением в этой части штата Нью-Йорк. Трёхэтажное кирпичное здание школы, увенчанное высокой башенкой и обнесённое оградой, произвело на сельских детей сильное впечатление. Плата за обучение составляла три доллара за семестр. Большинство из 350 учеников были городскими, и братья Рокфеллеры в их обществе поблескивали, хотя и не могли ещё с ними равняться. Однажды директор пригласил фотографа, чтобы сделать групповой снимок, и Джона с Уильямом отвели в сторонку — очень уж потрёпанной была их одежда. Но они не обиделись, тем более что им выдали дагеротип с изображением их товарищей — на память. Их главной целью сейчас было слиться с общей массой, ни в коем случае не выделяться из неё.

На пансион денег не было, поэтому каждое утро мальчики проделывали путь в три мили* до школы, мимо красивых внушительных домов с ухоженными лужайками, выстроившихся вдоль Саскуэханна. В тёплую погоду они шли босиком, погружая ноги в прохладную пыль. Если повезёт, можно было часть пути проехать на попутной телеге, лишь бы возчик попался добродушный.

* Британская и американская миля равна 1609,34 метра.

Директор-шотландец, доктор Уильям Смит, каждые две недели задавал ученикам тему для сочинения или выступления, чтобы они учились внятно излагать свои мысли и избавлялись от косноязычия, а по субботам демонстрировал им технические новинки: телеграф, гальванические элементы и прочие вещи, которым суждено было в корне изменить повседневную жизнь. Делать уроки дома, где было тесно и шумно, не получалось, и Элиза отводила мальчиков к соседке, Сьюзен Ла Монте, которой ещё не исполнилось и двадцати, чтобы та присмотрела за ними и помогла справиться с заданием. Непоседы Уильям и Фрэнк пихали и дразнили друг друга, но Джон, выглядевший старше своих лет, занимался усердно и прилежно. Он решил учиться ещё и музыке. Каким-то образом Рокфеллерам удалось раздобыть пианино (атрибут жизни среднего класса), и Джон играл на нём по шесть часов в день, доводя мать до грани нервного срыва.

Уже тогда он держал себя как взрослый, но вовсе не был занудой или педантом; невозмутимое выражение лица только усиливало эффект от его шуток. Однажды во время воскресного пикника, проходя мимо заваленной едой скатерти, вокруг которой уселись юные леди, Джон назидательно сказал: «Помните, девушки: будете есть медленно — съедите больше». Его тянуло к девочкам; он всегда провожал взглядом краснощёкую голубоглазую Фрир, когда та шла в школу мимо дома Сьюзен, но старался держать себя в руках: теперь он был уже большой, многое понимал и больше всего на свете боялся, что о нём станут говорить: «Весь в отца».

Тот, кстати, снова сорвал семью с обжитого места, посадил в поезд и отвёз в Стронгсвилл в штате Огайо, в дюжине миль к юго-западу от Кливленда. Улицы этого городка, основанного поселенцами в конце XVIII века, носили имена первых землевладельцев: Хоу, Дрейка, Уитни... Через усадьбу Алансона Помероя проходила «подземная железная дорога» — тайный путь, по которому беглых рабов из южных штатов переправляли в Канаду. Этим путём воспользовались герои романа «Хижина дяди Тома» — мулаты Элиза, Джордж и их сын Гарри; он начинался с реки Огайо, отделявшей рабовладельческий Кентукки от свободного Огайо. Роман Гарриет Бичер-Стоу был опубликован в 1852 году и не остался незамеченным.

Если раньше каждый новый переезд был ступенькой вверх, то теперь они разом скатились со второго этажа в

подвал: вместо собственного дома Билл подселил свою большую семью к родной сестре Саре Энн, бывшей замужем за Уильямом Хамистоном, пообещав платить родственникам за постой 300 долларов в год. Семерым Хамистоном пришлось потесниться, чтобы приютить шестерых Рокфеллеров. И дело было вовсе не в финансовых затруднениях: Дьявол Билл давал деньги взаймы под большие проценты, имел три или четыре дорогих ружья и богатый гардероб, носил кольца с бриллиантами и золотые часы. Похоже, ему просто требовалось спрятаться. К тому времени он совершенно охладел к строительному бизнесу и прочим занятиям, требовавшим оседлого образа жизни, и окончательно заделался бродячим врачом, который «лечит травами». В первый год в Стронгсвилле семья видела своего главу только три или четыре раза, зато по городу вновь поползли слухи. Один из местных жителей, Джо Уэбстер, как-то поехал по делам в Ричфилд и был поражён, увидев в холле гостиницы, где он поселился, объявление: «Доктор Уильям Э. Рокфеллер, прославленный специалист по лечению рака. Всего один день! Излечивает все виды рака, если болезнь не зашла слишком далеко». Вскоре приехал в коляске и сам доктор Рокфеллер — в шёлковом цилиндре, чёрном фраке, с тёмно-рыжей бородой. Собравшимся вокруг него зевакам он предлагал пройти полный курс лечения от рака всего за 25 долларов; не имеющие столько денег могли приобрести бутылки со снадобьями подешевле. После этого «выступления» Уэбстер подошёл к Рокфеллеру; тот, ничуть не смутившись, заявил, что в последнее время «докторит» на большой территории вплоть до Айовы, где собирается купить землю. Разумеется, по возвращении домой Уэбстер всем рассказал о неожиданной встрече, и нового соседа теперь иронично именовали «док Рокфеллер».

Через год Элиза с детьми перебралась на небольшую ферму в окрестностях Стронгсвилла — к облегчению для всех. Ещё раньше, осенью, Большой Билл решил, что Джону и Уильяму надо продолжить образование, и отвёз их в Кливленд, в пансион миссис Вудин на Эри-стрит, за который они платили доллар в неделю. После Академии Оwego учиться в старой школе на Клинтон-стрит было ещё одним унижением. К счастью, в 1854 году пятнадцатилетний Джон смог поступить в старшую школу, занимавшую скромное одноэтажное здание в тени деревьев, обнесённое белым забором. Эта школа пользовалась хорошей репутацией, и там учились и мальчики, и девочки.

В школе Джон познакомился с сёстрами Люси и Лорой Селестией Спелман и отдавал явное предпочтение второй, которую в семье звали Сетти. Как выяснилось впоследствии, Люси (Лют) была приёмной и на два года старше Лоры, но они были так похожи, что казались родными. Лора родилась 9 сентября 1839 года и провела детство в Акроне, в 56 километрах от Кливленда, где её отец торговал мануфактурой. Они жили небогато, но много внимания уделяли общественной работе: Харви Спелман, потомок пуритан, ратовал за развитие государственного образования и даже был избран в 1849 году в законодательный орган Огайо. А ещё он со своей женой Люси способствовал основанию в Акроне конгрегационалистской церкви и вёл упорную борьбу с пьянством. Кроме того, их дом был «станцией» на «подземной железной дороге»: через него прошло немало рабов, бежавших из Теннесси и Кентукки. На памяти Лоры её мать лишь единственный раз позволила себе нарушить запрет и работала в воскресенье — когда готовила еду для рабов, отправлявшихся в Канаду. В мае 1851 года в Акроне состоялась Конференция по правам женщин, на которой аболиционистка Соджорнер Трут (бывшая рабыня Изабелла Баумфри) произнесла знаменитую речь «Разве я не женщина?». Те несколько дней, пока продолжались заседания, она жила у Спелманов. В том же году Харви Спелман разорился во время банковской паники, и семья переехала в Кливленд. Там дела вроде бы пошли на лад, но призрак неудачи по-прежнему стоял за плечами.

Лора была невысокой, тоненькой, круглолицей, с тёмно-кариими глазами и каштановыми волосами, которые разделяла прямым пробором и собирала сзади в узел, закрывая уши. Милая девушка обладала твёрдым характером и железной волей, а чувство юмора в ней сочеталось с даром убеждения и глубокой религиозностью. Она никогда не теряла самообладания, не проявляла интереса к пустым развлечениям вроде театра и танцев, зато интересовалась искусством и литературой и по три часа в день упражнялась в игре на пианино. Они с Джоном играли в четыре руки, да и вообще у них сложился неплохой дуэт.

Чтобы перейти в следующий класс, нужно было написать сочинения на четыре темы: «Образование», «Свобода», «Образ святого Патрика» и «Воспоминания о былом». По крайней мере первые две перекликались с актуальными событиями. 30 мая 1854 года конгресс США принял Закон Канзас—Небраска: население новообразованных терри-

торий должно было самостоятельно решить, принять ли там рабовладение или запретить. Ранее, по Миссурийскому компромиссу 1820 года, на территориях западнее реки Миссисипи и севернее 36°30' северной широты рабство было запрещено, поэтому новый закон вызвал в обществе ожесточённые споры (Канзас и Небраска находятся западнее Миссисипи). В сочинении «Свобода» Джон Рокфеллер называл «попранием законов нашей страны и законов Бога нашего, если человек держит своего ближнего в неволе». Жестокие хозяева заставляют своих рабов трудиться под палящим солнцем Юга. «Как может Америка называть себя свободной при таких условиях?» — возмущался подросток, который уже тогда жертвовал часть своих скудных сбережений благотворительным организациям, помогавшим чернокожим. Что же касается образования, то «в прежние времена, когда к учению допускались только монахи и священники, мир пребывал в застое, и только тогда, когда люди получили образование и начали думать самостоятельно, он двинулся вперёд». Похожие мысли звучат и в речи, подготовленной Сетти для выступления в старшем классе: «Мы не будем подчиняться и покорно позволять помыкать собой какому-либо человеку или партии, мы будем думать своей головой и, когда примем решение, будем всегда придерживаться его». Кроме того, она боролась за равноправие полов: «Дайте женщине образование, откройте перед ней пути в науку, позвольте математике и точному мышлению оказать влияние на её ум, и светским условностям не стоит беспокоиться по поводу того, где “её место”».

Свои сочинения Рокфеллер подписывал «Джон Д.», и это стало его школьным прозвищем. Было и другое — Дьякон. Джон был этим не обижен, а польщён. По воскресеньям миссис Вудин с дочерью Мартой и двумя юными постояльцами отправлялась в баптистскую миссионерскую церковь на Эри-стрит — небольшое белое здание с колокольней и высокими узкими окнами. Джон и Уильям посещали там уроки дьякона Александра Скеда — семидесятилетнего шотландца, цветочника по профессии и поэта в душе, знавшего Библию наизусть. Осенью 1854 года дьякон Скед погрузил Джона в крестильную купель, и тот стал полноправным членом церковной общины. Джон Д. не только присутствовал на службах (вечером в пятницу и дважды по воскресеньям), но и подметал пол в церкви, зажигал и тушил свечи, рассаживал прихожан, пел гимны звучным

баритоном, собирал пожертвования и сам преподавал в воскресной школе. Он был довольно привлекательным и, хотя одевался «бедненько, но чистенько», нравился девушкам, видевшим его в церкви. Поскольку основные светские развлечения были запрещены, оставались пикники для прихожан и невинные развлечения типа игры в жмурки. Девушки, позволявшие себя поймать, охотно продолжили бы общение с Джоном и за пределами церкви, но он был с ними любезен и учтив — не более того.

Его замкнутость и молчаливость не помешали ему завести друзей, одним из которых стал Марк Ханна, сын процветающего бакалейщика и биржевого брокера. Верно говорят, что противоположности сходятся. «Марк имел мужественный вид, всегда подвижный, участвовал во всех спортивных состязаниях, а Джон Рокфеллер был сдержанным, прилежным, хотя и всегда приятным в общении, — вспоминал позже Дарвин Джонс, составлявший с ними триоцу. — В любой возбуждающей ситуации Джон сохранял спокойствие и всегда улыбался». Некоторые учителя считали это ненормальным и видели в странном для юноши хладнокровии расчётливость и снобизм. А ещё он всех поражал способностями к математике, в особенности к устному счёту — годы ведения домашней бухгалтерии не прошли даром.

Математика в социальном аспекте была одной из тем ожесточённых споров, которые Джон и Уильям вели со своей квартирной хозяйкой и её дочерью. Обе женщины считали, что давать деньги в рост — просто свинство, а Рокфеллеры были с ними не согласны. Кстати, Джон иногда ссужал деньгами под проценты своего отца (возможно, тот сам поощрял сына к этому). К тому времени их отношения стали натянутыми, от былого восхищения не осталось и следа. В том же 1854 году Джон Д. явился к директору школы доктору Уайту и попросил помощи: ему надо подыскать временное жильё в Кливленде для своей «вдовой матери» и двух сестёр. Уайт предложил им поселиться у него, чему Джон был несказанно рад.

Однако муж «вдовы» снова возник из ниоткуда и перевёз своё семейство в дом на Перри-стрит, который снял за 200 долларов в год. Но не прошло и года, как они снова переехали — на ферму в десять акров на берегу ручья в Парме, в семи милях южнее Кливленда. Здесь на каждом шагу можно было встретить таверны и другие отнюдь не благочестивые заведения, и у Элизы появилась новая го-

ловная боль: как уберечь детей от соблазнов? Сыновья подрастали, далеко ли до греха, особенно имея перед глазами пример отца... Джон что-то слишком часто стал приезжать из Кливленда и подолгу гулять с их служанкой Мелиндой Миллер — хорошенькой селянкой всего на год старше его. Вскоре по городку поползли слухи, что старший сын «дока Рокфеллера» лишил девушку невинности. Примчались Миллеры и подняли страшный шум. Отец забрал Мелинду домой. Добро бы ещё она связалась с кем из приличных, а то — тьфу, голь перекатная! Мелинда вышла замуж... за молодого Джо Уэбстера, сына разоблачителя «дока Рокфеллера». А 12 июня 1855 года 45-летний «доктор Уильям Левингстон» женился в Николсе, штат Нью-Йорк, на двадцатилетней Маргарет Аллен из Онтарио, которая была всего на три года старше его дочери Люси.

Как заработать себе работу

Элиза надеялась, что её старший сын, выучившись, станет баптистским священником. Джон тоже планировал продолжить образование и поступить в колледж, но в мае 1855 года получил письмо от отца: колледж — пустая трата времени и денег. Зачем он нужен? Можно окончить курсы или получить образование заочно, если уж так хочется, и начинать работать. Основному Джон уже научился, теперь надо позаботиться о младших братьях. Даже не догадываясь, что отец теперь живёт на две семьи (которые разделяло озеро Эри), а потому готовит в его лице замену себе, Джон признал его правоту и уплатил 40 долларов за трёхмесячный курс обучения в Коммерческом колледже Э. Г. Фолсома. Это была сеть образовательных заведений, охватывающая семь городов. Кливлендский филиал занимал верхний этаж Роуз-билдинг — первого делового центра в городе, располагавшегося на главной площади. Там преподавали бухгалтерский учёт по методу двойной записи, чистописание, основы банковского, биржевого и коммерческого законодательства. Окончив курсы за лето, Джон Д. приступил к поиску работы.

Утром, облачившись в рубашку с высоким воротничком, тёмный деловой костюм и белый галстук, он ровно в восемь выходил из пансиона и начинал обходить кливлендские фирмы строго по списку, который составил сам. Железнодорожные компании, банки, предприятия оптовой

торговли — его интересовали только крупные, солидные заведения, а не мелочные лавки или конторы, занимающие две комнаты. Джон исходил вдоль и поперёк оживлённый район Флэтс, где река Кайахога вилась между лесопилками, литейными мастерскими, складами и верфями, а затем впадала в озеро Эри, по которому сновали пароходы и рыбацкие лодки. Заходя в офис очередной фирмы, он просил аудиенции у директора; его направляли к заместителю, и соискатель сразу переходил к делу: «Я разбираюсь в бухгалтерии и хотел бы получить работу». Ему вежливо отказывали, и он шёл дальше. Домой возвращался уже вечером, еле волоча натруженные ноги. И так шесть дней в неделю, шесть недель подряд. Поиски работы превратились для него в работу на полную ставку. В кармане лежало письмо отца, в котором тот предлагал Джону, если он не сможет подыскать себе место, вернуться в деревню, — оно придавало ему сил для продолжения поисков. Лора Спелман, приятно удивлённая его упорством, поддерживала его морально. Она тоже поступила на коммерческие курсы, и ей нравилось, что Джон такой целеустремлённый и амбициозный. Он хороший, честный человек, и если бы ещё обеспечил себе регулярный доход и финансовую независимость, тогда... тогда...

Улицы Кливленда по большей части были немощёные, система канализации отсутствовала, но город бурно развивался, и его население, составлявшее тогда 30 тысяч человек, увеличивалось за счёт эмигрантов из Германии и Англии, а также переселенцев с восточного побережья. Это был крупный транспортный узел с портом и железнодорожным терминалом: сюда свозили уголь из Пенсильвании и Западной Виргинии, железную руду с озера Верхнего, соль из Мичигана, зерно из нескольких штатов. Всё это надо было учитывать и перераспределять, но ни одна фирма не желала нанимать в бухгалтеры шестнадцатилетнего мальчишку.

Дойдя до конца своего списка, Джон начал сначала. В некоторых фирмах он побывал два или три раза. Утром 26 сентября он вновь толкнул дверь конторы «Хьюитт и Татл» на Мервин-стрит (оптовая торговля на комиссионных началах). Его принял младший партнёр Генри Татл, которому требовался помощник бухгалтера. Он попросил соискателя снова зайти после обеда. «Непременно», — пообещал Рокфеллер, неспешной походкой вышел из кабинета, спустился по лестнице, завернул за угол — и помчался по улице вприпрыжку, готовый вопить от радости. Правда,

в сердце стучалась тревога: «А что, если я не получу работу?» Еле дождавшись конца обеда, он вернулся в контору и прошёл собеседование у старшего партнёра, Айзека Хьюитта. Хьюитт владел обширной недвижимостью в Кливленде и был основателем Кливлендской железорудной компании — солидный бизнесмен. Посмотрев, какой у мальчика почерк, он заключил: «Мы дадим тебе шанс» — и велел ему тотчас приступить к работе.

Двадцать шестое сентября Джон назвал «Днём работы» (он будет праздновать его каждый год с большим воодушевлением, чем день рождения, потому что именно с этой даты для него началась настоящая жизнь). Вечером первого рабочего дня Рокфеллер зашёл к дьякону Скеду, чтобы поделиться своей радостью. Встреча закончилась странно: когда Джон собрался уходить, Скед сказал, что любит его, но ему всегда больше нравился его брат Уильям. Почему он так сказал?.. Джон был озадачен.

Хьюитт ни словом не упомянул о жалованье. Джон тоже не заикался о нём целых три месяца, хотя купил за десять центов красную книжечку («журнал А») и заносил туда все свои доходы и расходы. Его день начинался на рассвете, в половине седьмого, при тусклом свете масляных ламп. Отрываясь от гроссбухов, юный клерк бросал взгляд в окно — на верфи суетились люди, по каналу проплывали баржи — и снова окунался в цифры. Он упивался своей работой, и ему нравилось, что здесь придерживаются системы и всё чётко организовано с применением новейших технических средств, включая телеграф. Обед он приносил с собой, а иногда возвращался на работу и после ужина. Опасаясь, что столь ревностное отношение навлечёт на него неприязнь других сотрудников или, что ещё хуже, какие-нибудь подозрения, он дал себе слово, что 30 дней не будет засиживаться в конторе позже десяти часов вечера.

Рокфеллеру поручили оплату счетов, и он подошёл к делу с небывалым усердием, словно платил из собственного кармана. Он дотошно проверял каждый счёт, выискивая малейшие ошибки, и был поражён, когда босс передал служащему длинный непроверенный счёт от сантехника, коротко велел: «Оплатите», ведь он только что уличил эту фирму в недобросовестности: в другом счёте она завысила стоимость своих услуг на несколько центов! Удивительная беспечность! «Помню, был у нас один капитан, который вечно выставлял рекламации за повреждение груза, и я решил провести расследование, — будет рассказывать

Джон Д. много лет спустя. — Я изучил все счета, накладные и прочие документы и выяснил, что этот капитан выставлял совершенно необоснованные претензии. Больше он этого не делал». Кроме того, Рокфеллер объезжал владения Хьюитта и взимал долги с арендаторов. Никто не ожидал, что этот паренёк проявит бульдожью хватку. Его могли улещать, совестить, страшать — он невозмутимо сидел в своих дрожках, учтивый, бледный, терпеливый, точно сотрудник похоронного бюро, и ждал, пока должник выдохнется и сдастся.

Начав с торговли овощами, фирма «Хьюитт и Татл» сильно расширила номенклатуру товаров, которые бралась реализовать за комиссию, и первой стала привозить железную руду с озера Верхнего. Прежде чем выдать самый простой коносамент, требовалось произвести сложные расчёты издержек на перевозку товара по железной дороге, каналу или озеру, оценить возможные убытки и прочий ущерб — этим и занимался вчерашний школьник.

В последний день 1855 года Хьюитт выдал Рокфеллеру 50 долларов за три месяца работы (чуть больше 50 центов за день), объявив, что испытательный срок он выдержал и теперь будет получать 25 долларов в месяц, то есть 300 долларов в год. Но этот юноша в самом деле был непостижим: вместо радости он испытал чувство вины. Не поддался ли он греху алчности?

«Журнал А» убедил его в обратном. Половина заработка уходила на плату миссис Вудин и прачке. Костюм он купил у старьёвщика. Единственная роскошь, которую он себе позволил (верно, в каком-то помутнении разума), — меховые варежки за 2,5 доллара. Скипидар, который использовали для освещения, стоил 88 центов за галлон. Шесть процентов жалованья Рокфеллер отдавал бедным, неграм и сиротам, хотя иногда выходило и больше: зарабатывая доллар в день, он мог пожертвовать целый четвертак, в том числе миссионерским организациям, действовавшим в Китае. В 1855 году ему в руки попала книга «Избранные места из дневника и переписки покойного Амоса Лоуренса». Этот текстильный промышленник пожертвовал 100 тысяч долларов на благотворительность, в том числе на учреждение школ и университетов. 100 тысяч! Джон представил эту сумму в виде пачки новеньких хрустящих банкнот. Когда он разбогатеет (а он обязательно разбогатеет!), он тоже будет жертвовать новенькие хрустящие банкноты.

Деньги его завораживали. Однажды босс показал ему банковский билет на четыре тысячи долларов и положил

его в сейф. Несколько раз за день Джон открывал сейф, доставал оттуда билет, благоговейно взирал на цифру с тремя нулями, а потом запирали обратно. А в воскресенье дьякон объявил, что задолжал по ипотеке две тысячи и если срочно не собрать деньги, церковь закроют. Расстроенные прихожане потянулись к выходу. В дверях стоял Рокфеллер. Он каждого «брал за пуговицу» и спрашивал, сколько тот сможет пожертвовать, а потом записывал эту сумму в книжечку напротив имени. Он просил, требовал, почти угрожал; сам, конечно, тоже внёс сколько смог. За пару месяцев он собрал эти две тысячи, и церковь была спасена.

Весной 1856 года в Кливленде вновь появился блудный отец, поселился у миссис Вудин вместе с сыновьями и стал подыскивать постоянный дом для своей (первой) семьи. В просторном кирпичном доме 35 по Седар-стрит имелась даже такая роскошь, как туалет и ванная. Элиза с детьми переехала туда из Пармы. Люси уже исполнилось восемнадцать, в ноябре она вышла замуж за Пирсона Дугласа Бриггса (он родился 23 сентября 1832 года в Верноне, штат Нью-Йорк, учился в семинарии в Фултоне, а в 1856 году переехал в Кливленд) и выпорхнула из гнезда. Джон и Уильям съехали от миссис Вудин и воссоединились с семьёй. Вот и славно: Большой Билл объявил Джону Д., что теперь тот должен отдавать квартирную плату ему. А что такого?

В январе Татл ушёл из фирмы, и Рокфеллера повысили до старшего бухгалтера, а по сути возложили на него обязанности партнёра. Однако Татл зарабатывал две тысячи долларов в год, Джону же платили всего пятьсот. При этом его отец, вознамерившийся построить совершенно новый кирпичный дом на Чешир-стрит (это стало бы его прощальным подарком), возложил все заботы на старшего сына. Джон запросил сметы от восьми подрядчиков и выбрал самый дешёвый вариант; он утверждал планы, торговался, платил по счетам, а когда дом был готов, Дьявол Билл снова потребовал отдавать ему квартплату, несмотря на возражения Элизы. Конечно, ни она, ни Джон тогда не знали, что большую часть года Уильям Рокфеллер проводит как «доктор Левингстон» в обществе молодой жены и её родителей. Но оба чувствовали, что надвигается страшная развязка.

В сентябре в Нью-Йорке ждали прибытия корабля «Сентрал Америка», следовавшего с грузом в 14 тонн золота, добытого в Калифорнии, и 420 пассажирами на борту. Но 9-го числа судно затонуло во время урагана. Банки охватила паника. Страховая и трастовая компания Огайо обан-

кroтилась, вызвав эффект домино; на железных дорогах начались массовые увольнения. Рухнули пять тысяч предприятий. Президент Джеймс Бьюкенен считал, что причина кризиса — бумажные деньги и банковские кредиты, побуждающие людей к спекуляциям и игре на бирже. Как обычно бывает в трудные минуты, люди вспомнили о Боге: в обеденное время бизнесмены во многих городах США собирались на молитвы и публично клялись бросить пить и грешить. Фирма Хьюитта балансировала на грани разорения, и её глава занял тысячу долларов... у Большого Билла. Джон предупредил отца, что дела компании плохи; тот ворвался в кабинет Хьюитта и потребовал свои деньги назад.

Надо бы уйти с тонущего корабля, но куда? Да и корабль, может быть, ещё выплывет... Став начальником, Джон Д. пристроил в компанию своего брата Уильяма. Тот оказался не менее ответственным бухгалтером, чем он сам. Как-то Уильям проснулся среди ночи — вспомнил, что сделал ошибку в накладной. Не в силах ждать утра, он побежал в темноте к озеру, на склад, и к отправлению судна все документы были в порядке. Хьюитт предложил Джону Рокфеллеру жалованье в 600 долларов в год; тот запросил 800; босс несколько недель тянул с ответом, потом выставил окончательное предложение — 700. Чтобы заработать больше денег, Джон занялся «мелким гешефтом»: приторговывал мукой, ветчиной и свининой. В кливлендских доках его уже знали и почтительно называли «мистер Рокфеллер», хотя он, похоже, ещё ни разу не брился.

Всё решила встреча со старым знакомым, 28-летним англичанином Морисом Кларком, с которым они вместе учились на курсах Фолсома, а теперь оказались соседями. Кларк работал на той же улице, что и Рокфеллер, в фирме «Отис, Броунелл», торговавшей овощами. Они были полными противоположностями. Кларку пришлось бежать из родного Уилтшира, где он работал садовником, потому что он поднял руку на хозяина-тирана и опасался тюрьмы. Он явился в Бостон в чём был, работал дровосеком, возчиком, добрался до Кливленда и в итоге занялся торговлей. Он курил, пил, сквернословил, и благочестивый Рокфеллер ни за что не стал бы с ним связываться, если бы не почувствовал в нём умного и предприимчивого бизнесмена. Кларку же рекомендовали этого святошу как ловкого бухгалтера. Он предложил создать вдвоём собственную компанию, в которую каждый партнёр должен был внести по две тысячи долларов.

За три года работы Джон умудрился скопить 800 долларов, но это даже меньше половины требовавшегося. Где взять остальное? Тысяча, выцарапанная обратно у Хьюитта, верно, жгла Дьяволу Биллу карман. Он сказал сыну, что собирался подарить каждому из своих детей по тысяче долларов, когда им исполнится 21 год. Джону пока только восемнадцать, поэтому он может дать ему эти деньги в долг... под десять процентов (в те времена обычная ставка была шесть процентов). Стойкость сына превосходила наглость отца — Джон согласился. 1 апреля 1858 года он стал полноправным партнёром в фирме с капиталом в четыре тысячи долларов! Отработав первый день на новом месте, он вернулся на Чешир-стрит, в построенный им же дом, упал на колени и просил Господа благословить его новое предприятие.

Первого июня скончался Джон Дэвисон, оставив дочери ежегодную ренту до 1865 года, когда она должна была получить основное наследство. Джон теперь сам себе голова, Уильям тоже пристроен, Элиза как-нибудь проживёт, решил Большой Билл и снова уехал.

В это время Лют и Сетти Спелман тоже начали взрослую жизнь: их родители уехали из Кливленда в Бёрлингтон, а они остались. В 1858 году Джон Д. получил весточку от Лоры: они с сестрой поступили учиться в Орид — христианский колледж для женщин в Ворчестере, штат Массачусетс. Там строгий распорядок дня: подъём в полшестого утра, отбой без четверти десять вечера, но ей это нравится. Она пишет стихи, руководит литературным обществом и издаёт студенческий журнал. В одной из статей она написала, что Америкой правят три элиты: интеллектуальная аристократия в Новой Англии, аристократия денег на среднем побережье Атлантики и аристократия крови на Юге. В этой статье она клеймила нуворишей, в особенности женщин-парвеню, думающих только о нарядах и развлечениях, и призывала прекратить поклоняться «всемогушему доллару». Джон был с этим согласен: поклоняться надо Богу, поскольку умение делать деньги и власть, которые они дают, — Божий дар.

Война и бизнес

Над складом по адресу Ривер-стрит, дом 32, повесили новую вывеску: «Кларк и Рокфеллер». «Мы рекомендуем эту фирму опытных, ответственных и проворных бизнесменов благосклонному вниманию наших читателей», — пи-

сала газета «Кливленд лидер». По Великим озёрам сновали суда, гружённые мясом, зерном, рыбой, известью, гипсом, солью, и новая фирма готова была всем этим торговать. Конечно, успех пришёл не по шучьему велению. Всего через два месяца после открытия компании ранние заморозки побили урожай; партнёры, заключившие контракт на поставку большой партии бобов, получили мешанину из попорченных стручков, грязи и мусора. «Кларк и Рокфеллер» торговали только качественным товаром. В свободное время партнёры шли из конторы на склад и собственноручно сортировали бобы. Чтобы финансировать закупки, пришлось снова просить займы у отца...

Наняв бухгалтера и усадив его за счета, Джон колесил по Огайо и Индиане, подыскивая для фирмы новых клиентов. Заходил в какую-нибудь контору, оставлял там свою визитку, сообщая при этом, что не хочет навязываться, однако может сделать выгодное предложение, даёт время на раздумье, а за ответом зайдёт попозже. Он с первого взгляда внушал доверие старикам. Ну или почти с первого. Один клиент просил выдать ему деньги до прибытия товара или оформления накладных, но Рокфеллер отказался нарушить устоявшуюся практику. Клиент разбушевался и ушёл, хлопнув дверью; Джону пришлось признаться Кларку, что он упустил выгодного партнёра. Однако оказалось, что это была проверка, устроенная молодым бизнесменам местным банкиром, чтобы посмотреть, насколько они честны. Заказы теперь поступали со всех сторон, только успевай принимать. К концу года прибыль составила 4400 долларов.

Тем не менее 1 апреля 1859 года вывеску пришлось переделать. Кларк переманил из своей прежней фирмы Джорджа Гарднера, выходца из кливлендской аристократии (впоследствии он станет мэром Кливленда и президентом местного яхт-клуба); тот пришёл, понятное дело, не с пустыми руками. Теперь фирма называлась «Кларк, Гарднер и К^о»: предполагалось, что такой набор имён привлечёт больше клиентов. Обняв Рокфеллера за плечи, Кларк попросил его не расстраиваться: «Это ненадолго, пройдёт немало лет, и ты обскачешь нас всех». (Ещё бы: именно ему, младшему компаньону, старый банкир Труман Хэнди ссудил целых две тысячи долларов под залог товарных квитанций.) Джон улыбнулся в ответ, но, конечно, ему нанесли душевную рану, которая болела. Разве можно сравнивать, на что пошёл ради фирмы он и что сделал Гарднер? Однако гордыня — смертный грех.

Как-то в погожий субботний денёк Гарднер закончил работу пораньше. Весело насвистывая, он шёл по коридору и заметил в приоткрытую дверь Рокфеллера, корпевшего над своими грессбухами. Вот чудак. Так ведь и вся жизнь пройдёт мимо.

— Джон! — приветливо окликнул его Гарднер. — Мы тут с друзьями собираемся прошвырнуться под парусом в Пут-ин-Бэй. Поехали с нами, а? Я думаю, тебе было бы неплохо хоть иногда выбираться из конторы и забывать о бизнесе.

К его удивлению, обычно невозмутимый Рокфеллер выскочил из-за стола и закричал на него, брызгая слюной:

— Джордж Гарднер! Вы самый экстравагантный молодой человек, какого я только знаю! О чём вы только думали — вы, человек, который только начинает жить, — покупая в складчину яхту за две тысячи долларов! Вы подорвали свой кредит в банке — ваш и мой!.. Ноги моей не будет на вашей яхте! Я даже видеть её не хочу!

И он вернулся к своим книгам. Но Гарднера было не так легко выбить из колеи.

— Джон, — сказал он перед уходом, — я вижу, что нам с тобой, похоже, никогда не прийти к согласию по некоторым вещам. Мне кажется, ты любишь деньги больше всего на свете, а я нет. Не всё же работать, надо и поразвлечься немного.

От работы, как известно, кони дохнут. У Джона теперь часто болела шея — не повернуть: сказались постоянный стресс и сидячая работа. Тогда он тоже отправлялся развеяться, но по-своему: запрягал в коляску двух быстрых лошадей и гнал их по дороге — рысью, галопом, во весь опор. Или они с братом Уильямом скакали верхом наперегонки. Джон всегда приходил первым — к большой досаде Уильяма, такого же запыхавшегося и потного, как и его конь. Но у Джона был свой секрет: он никогда не бил лошадь, а разговаривал с ней, успокаивал, убеждал, что им нужно победить — вдвоём и друг для друга.

Деньги... Да, он их любит, но добывает честным путём. Когда Бенджамин Франклин был маленьким, отец внушил ему: «Человек, оборотливый в делах, стоит выше королей». Теперь Джон повторял эту фразу мальчикам в воскресной школе. И, видит Бог, деньги он зарабатывает в поте лица своего.

В партию зерна, которую предстояло поставить в Буффало, фирма вложила весь свой капитал. Обычно осторож-

ный Рокфеллер в этот раз предложил не страховать груз и сэкономить хотя бы 150 долларов, Гарднер и Кларк неохотно согласились. В ту же ночь на озере Эри поднялся страшный шторм. Когда Гарднер на следующее утро пришёл в контору, бледный как смерть Рокфеллер мерил шагами комнату. «Давайте купим страховку сейчас, — взмолился он, — успеем, если судно ещё не разбилось». Гарднер побежал за полисом. Когда он вернулся, Рокфеллер размахивал свежей телеграммой: судно благополучно прибыло в Буффало. Раздосадованный тем, что пришлось зря потратить деньги, он ушёл домой совершенно больной.

Время от времени в Кливленде появлялся Рокфеллер-старший, по-свойски заходил в контору, без умолку болтал, сыпал шутками, а потом оставлял там на сохранение деньги или забирал их. Гарднер ломал голову над кучей загадок: как у такого отца уродился такой сын? Чем занимается старина Рокфеллер, душа-человек, если у него случайно оказывается с собой лишняя тысяча долларов, а на следующий месяц срочно требуются деньги? Спрашивать у Джона было бесполезно. Почему он так странно относится к своему отцу? Однажды Гарднер собрался ехать в Филадельфию, чтобы завязать там деловые контакты, и ему пришло в голову, что можно было бы предварительно кое-что разузнать у старины Билла, который везде побывал. Надо бы его повидать. Джордж спросил у Джона, где живёт его отец, и тот ответил, что не помнит. Да ладно, Джон с его феноменальной памятью — и не помнит? Пусть спросит у матери, когда пойдёт домой обедать. Но после обеда Джон Д., покраснев, сказал, что забыл узнать у матери адрес. Гарднер не стал настаивать.

Тем временем сёстры Спелман вернулись в Кливленд, всё лето занимались французским, латынью, брали уроки фортепиано и вокала, а осенью устроились в государственную школу: Сетти учила девочек, а Лют — мальчиков. Им нравилась эта работа, а замужество положило бы ей конец (тогда было такое правило), поэтому Сетти вовсе не горела желанием выйти замуж. Когда она сказала об этом Джону, тот ответил, что и ему бы не хотелось, чтобы она сейчас пошла под венец, однако мысль об этом надо приберечь на будущее.

Восемнадцатого ноября 1859 года газета «Кливленд лидер» сообщила о «нефтяной лихорадке», охватившей север Пенсильвании, где три месяца назад (28 августа) Эдвин Дрейк, бывший служащий Нью-Хейвенской железной до-

роги, впервые сумел добыть нефть методом бурения, с помощью деревянной вышки. В затерянный в лесах городок Тайтусвилл* на берегу Ойл-крик (Нефтяного ручья), всего десять лет как получивший статус посёлка городского типа и до сих пор промышлявший пиломатериалами (там действовали 17 лесопилок), хлынули желающие быстро разбогатеть. Среди них был и торговец из Кливленда Джордж Хасси, бывший начальник Мориса Кларка. Вернувшись домой, он восторженно рассказывал, какие деньги можно наварить в Тайтусвилле. С одной стороны, профессор Йельского университета Бенджамин Силлиман утверждал, что из местной нефти можно изготавливать множество полезных продуктов, в том числе для освещения домов и улиц. С другой — спекулянты всю пользовались неграмотностью местного населения; так, один фермер, чья земля оказалась нефтеносной, наотрез отказался от четвертой доли дохода с неё и потребовал восьмью.

Первые поставки сырой нефти в Кливленд начались уже через пару месяцев. Англичанин К. Э. Дин, владелец салотопенного завода, производившего свечи, скипидар и каменноугольное масло, купил десять баррелей пенсильванской нефти, и его соотечественник Сэмюэл Эндрюс, химик-самоучка и прирождённый изобретатель, сумел добыть из неё керосин. Для «очистки» (то есть перегонки) нефти он использовал серную кислоту, и это был величайший производственный секрет. Желавшие добыть его кливлендские бизнесмены протоптали дорожку к дому Эндрюса, однако тот сам раскрыл его своему земляку Морису Кларку (они оба были родом из Уилтшира). Рокфеллер тоже знал Эндрюса и его жену — по баптистской церкви с Эри-стрит. Эндрюсы жили небогато, оба работали (жена была швей-надомницей). Поразительные свойства керосина, казалось, сулили большую прибыль. Однако Кларк, с которым Эндрюс заговорил об этом, сразу охладил его пыл: они с Джоном едва ли наскребут 250 долларов свободных средств. Весь капитал они сразу пускают в оборот, надо возвращать кредиты банкам, выдавать авансы, платить за страховку и аренду — откуда деньги на новое предприятие? Тогда Эндрюс пошёл к Рокфеллеру, который оказался куда более восприимчивым к его идее (к тому времени

* Его основатель Джонатан Титус (Тайтус) назвал в 1796 году свой хутор Эдинбургом, но через 14 лет новые жители дали посёлку его имя.

Джон уже вложил деньги в акции железнодорожной компании, и мысль о том, чтобы разнообразить бизнес, ничуть не казалась ему нелепой). Когда Кларк, принимавший товар на складе, снова увидел фигуру Эндрюса, он хотел сразу же оборвать ненужный разговор, но тот успел вставить: «Мистер Рокфеллер одобряет». — «Ну, хорошо, — сдался Кларк, — если Джон на это подпишется, то и я тоже». К тому же два его родных брата, Джеймс и Ричард, сделались ярыми «нефтепоклонниками» и давили на него.

Прежде чем на что-то «подписаться», Джон Д. должен был лично убедиться, что игра стоит свеч. Он отправился в Тайтусвилл. Сначала надо было ехать в набитом под завязку поезде (люди сидели даже на крыше), а потом, миль двадцать, в дилижансе. Дорога шла через лес, но пахло не хвоей и прелью, а нефтью. Нефть была везде, пропитывала всё вокруг, словно сочилась из земли. Навстречу дилижансу тянулись с холмов вереницы повозок с крикливыми краснолицыми возчиками: бороды венником, шляпы комом. Они заламывали невероятные цены за перевозку бочек с нефтью, которые потом стояли штабелями у железной дороги, дожидаясь очереди на отправку. Бочки часто опрокидывались, разбивались, нефть растекалась, заливая густой чёрной жижой разбитые, изрезанные колеями дороги. Лошади увязали в чавкающей, топкой грязи; их нещадно хлестали толстыми кнутами, они падали, обессилев, и разъеденные нефтью, раздувшиеся чёрные туши с оскаленными зубами валялись тут и там. А на реке Аллегейни, в которую впадал Нефтяной ручей, сталкивались плоты и баржи, и нефтяная плёнка колыхалась на поверхности воды, поблёскивая на солнце перламутровыми разводами. Некогда живописная долина была теперь загажена, с вековыми соснами резко контрастировали грубо сколоченные нефтяные вышки и покосившиеся хижины будущих богачей. Рабочие в высоких сапогах заходили в таверны, оставляя на полу чёрные следы; из окон долетал характерный звук, с каким игральными картами шлёпали по столу с пятнами от виски; пьяные, нетвёрдо ступая, шли по улице в обнимку с продажными женщинами; зато нувориши выставляли напоказ шёлковые цилиндры, бриллиантовые галстучные булавки и золотые цепочки от часов.

Рокфеллер и местный нефтедобытчик Франклин Брид ехали верхом через долину; последние полмили до колодца предстояло пройти пешком. Путь преградила глубокая лужа не меньше двух метров в ширину и полтора в глубину.

Работники Брида сливали сюда осадки из нефтяных цистерн; смешавшись с грязью, они загустевали, как смола. Через лужу была перекинута доска шириной в шесть дюймов*. Брид привычно перешёл по ней на другую сторону, а Рокфеллер в замешательстве остановился, потом всё же двинулся вперёд — и оступился. Однако гость, похоже, не рассердился. «Ну что ж, Брид, я теперь по уши в нефтяном бизнесе», — сказал он с улыбкой. Вот только события в стране заставили придержать коней.

В мае 1860 года Республиканская партия собралась на конвент в Чикаго и выдвинула своим кандидатом в президенты Авраама Линкольна. Его соперником стал демократ Стивен Дуглас из Иллинойса, два года назад одержавший над ним победу во время выборов в сенат. Дуглас отстаивал принцип «народного суверенитета», то есть право населения решать все важнейшие вопросы, включая вопрос о рабстве. Эта позиция оказалась неприемлемой для одиннадцати рабовладельческих штатов, которые выдвинули своих кандидатов — Джона Брекинриджа и Джона Белла. Линкольн культивировал образ «человека из народа», говорил и одевался просто, не старался всё время быть на виду и делал ставку на молодёжь. А ещё по совету одиннадцатилетней Грейс Беделл он отпустил бороду («Все женщины нравятся бакенбарды, — написала ему Грейс, — они будут пилить своих мужей, чтобы голосовали за Вас, и тогда Вы станете президентом»). 6 ноября 1860 года он победил на выборах, став первым президентом-республиканцем. Победу ему принесла поддержка Севера и Запада, десять из пятнадцати южных штатов не подали за него ни одного голоса. Джон Д. Рокфеллер, которому исполнился 21 год, впервые участвовавший в выборах, голосовал за Линкольна.

Новый президент должен был вступить в должность в марте, однако южане пригрозили выйти из Союза штатов, если это произойдёт. К февралю 1861 года Флорида, Миссисипи, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас примкнули к Южной Каролине, приняли собственную конституцию и объявили себя суверенным государством — Конфедеративными штатами Америки. Президент Бьюкенен и избранный президент Линкольн отказались их признать; тогда Конфедерация избрала своим временным президентом Джефферсона Дэвиса. Линкольна планировали убить в Балтиморе,

* Дюйм — единица измерения длины (1/12 фута); английский дюйм равен 2,54 сантиметра.

по дороге в Вашингтон, но покушение было предотвращено агентами охранного агентства Алана Пинкертона. Инаугурация состоялась. «Мы не враги, а друзья», — взывал Линкольн к южанам. Но 12 апреля конфедераты открыли огонь по войскам Союза, захватив форт Самтер под Чарлстоном, в Южной Каролине. Через три дня Линкольн призвал все штаты присылать вооружённые отряды для защиты Вашингтона и Союза в целом. Он ещё верил, что Союз существует; но Виргиния, Северная Каролина, Теннесси и Арканзас тоже проголосовали за отделение.

В Кливленде зачитывали на перекрёстках воззвания, приглашая записываться в армию; по вечерам проводили факельные шествия. Муж Люси, Пирсон Бриггс, вступил в роту добровольцев «Кливленд Грэйз», которая занималась поддержанием порядка в городе, а в случае необходимости могла быть послана на фронт (что и произошло дважды за эту войну). «Я хотел пойти в армию и внести свой вклад, — рассказывал позже Джон Д. — Но об этом просто не могло быть и речи. Мы только-только начали своё дело, и если бы я не остался, оно бы остановилось, а от этого столько всего зависело».

Согласно распоряжению правительства мужчины освобождались от военной службы, только если были единственной опорой семьи, являлись несовершеннолетними или родителями малолетних детей. Фактически 21-летний Джон содержал мать, сестру и младшего брата, но формально у него был отец. Тогда он воспользовался другой возможностью: нанял за 300 долларов человека, который пошёл служить вместо него, и потратил ещё 138 долларов 9 центов на оснащение целого взвода. Однажды утром капитан Леви Скофилд, друг Джона, привёл на Ривер-стрит 30 новобранцев и выстроил их перед конторой. Вышел мистер Рокфеллер и выдал каждому десять долларов — новенькую хрустящую бумажку. «Господи, да он богат», — шепнул один паренёк другому. «Да, — ответил тот, — говорят, он стоит десять тысяч долларов!»

Уильям тоже не пошёл в армию. Поработав немного у Хьюитта, он перешёл к местному мельнику, а затем стал партнёром в фирме оптовой торговли «Хьюз, Лестер и Рокфеллер» — и всё это за один год. К своему двадцатилетию он уже зарабатывал тысячу долларов в год — больше, чем его старший брат. Нельзя было рисковать таким ценным кадром. Зато заводной и темпераментный Фрэнк, которому было всего шестнадцать, сбежал на войну.

В первый раз его не взяли — мал ещё. Удручённый Фрэнк вернулся домой. Отец, случайно захвативший в Кливленд, поставил ему ультиматум: «Молодой человек, если ты отправишься на войну, то распрощаешься с семьёй — скатертью дорога!» У Фрэнка уже пробивались усы, он рвался в бой и мечтал о военной славе. Он станет героем, а не будет, как старшие братья, вечно возиться с цифрами и дрожать над каждым центом! Однако на снаряжение требовались деньги, и Фрэнк попросил у Джона взаймы 75 долларов. Тот прочитал ему целую проповедь: «Ты поведёшь себя как дикий, глупый мальчишка, если сбежишь из дома и потратишь впустую годы юности, вместо того чтобы найти своё место в жизни и делать деньги». Нужную сумму Фрэнку ссудил Гарднер. Когда сержант на призывном пункте спросил Фрэнка: «Сколько?» — имея в виду возраст, он ответил: «Выше восемнадцати». (Чтобы не осквернить свои уста ложью, Фрэнк написал мелом на подошвах своих ботинок цифру 18, и получилось, что он выше восемнадцати.) Его зачислили рядовым в 7-й добровольческий пехотный полк Огайо.

В сентябре два уроженца Кливленда, уехавшие в нефтеносный район, открыли новый колодец «Эмпайр»: нефтяной фонтан бил, как писала газета, «выше колокольни» и давал три тысячи баррелей в день. У владельцев скважины быстро закончились бочки, а к фонтану уже со всех сторон бежали люди с ведрами, флягами, ковшами, черпаками — всем, что можно было наполнить «чёрным золотом»... Цены на нефть резко упали: за баррель теперь давали десять центов вместо десяти долларов, в то время как за доставку каждой бочки к железной дороге возчики по-прежнему требовали три-четыре доллара. Похоже, это всё-таки ненадёжное дело, решили многие.

Бизнес Кларка и Рокфеллера зависел от владения информацией о ситуации на рынке. В контору поступали телеграммы со всех концов страны, сюда же заглядывали знакомые, чтобы узнать последние сводки с фронта. Седьмой добровольческий полк сражался в долине Шенандоа, штат Виргиния. Джон и Морис прикрепили к стене две большие подробные карты и отмечали на них продвижение войск. 25 мая 1862 года состоялось сражение при Винчестере, и южане под командованием Томаса Джонатана Джексона, прозванного Каменной Стеной, одержали победу. 9 июня северяне были разбиты при Порт-Репаблик; федеральная армия отступила, и Джексон ринулся к Ричмонду, на помощь генералу Ли. 9 августа в битве у Кедровой горы Фрэнк Рокфеллер впервые был ранен.

Из-за военных действий река Миссисипи уже не использовалась для торговых перевозок, и Кливленд, связанный с системой Великих озёр и впадающих в них рек, приобрёл ещё большее значение как транспортный узел. Жизнь в городе бурлила, цены росли, и прибыль фирмы «Кларк, Гарднер и К^о» увеличивалась, хотя она и не получала прибыльных правительственных контрактов. Сведя баланс 1862 года, Джон Д. смог проставить в графе «Итого» целых 17 тысяч долларов; склады были заставлены сотнями бочонков с солью, семенами, свининой, а сама фирма занимала уже четыре здания по Ривер-стрит: дома 39, 41, 43 и 45.

Джон теперь был настолько уверен в себе, что начал открыто ухаживать за Лорой. Часто заезжал за ней в школу, чтобы проводить домой. Спелманы жили тогда в очень милом зелёном квартале, утопающем в яблоневых садах. Джон и Уильям не раз приходили туда по выходным — якобы посмотреть на проводившиеся неподалёку учения новобранцев. Они каждый год выплачивали по 300 долларов семьям солдат, ушедших вместо них на войну, а Джон также жертвовал деньги на благотворительность.

К началу декабря 1862 года Рокфеллеру удалось выгнать из фирмы Гарднера. Зато Эндрюс ушёл от Дина, и Джон Д. с Морисом Кларком вложили четыре тысячи долларов в новую фирму — «Эндрюс, Кларк и К^о», которая должна была заниматься нефтью: не добычей, а переработкой и продажей.

Джон Д. сам выбрал место для нефтеперегонного завода, который назвали «Эксельсиор»: в полутора милях от делового центра Кливленда, где вдоль узкого илистого ручья Кингсбери, впадающего в Кайахогу, паслись коровы, оскальзываясь на красной глине, а плакучие ивы брезгливо смотрелись в мутную воду. Кларка удивил этот выбор: за городом, вдали от дорог... Но Джон в очередной раз всё просчитал на два хода вперёд: именно здесь планировалось проложить новую железную дорогу, соединив уже существующие три (это произойдёт 3 ноября 1863 года), и тогда нефть из Пенсильвании можно будет доставлять прямо в Нью-Йорк по железной дороге «Эри». Рокфеллера теперь видели на «Эксельсиоре» с половинки седьмого утра: он осматривал бочки, следил за тем, как на них набивают ободья и куда девают опилки. Заметив, что после обработки нефти остаётся довольно большое количество выпаренной серной кислоты, он составил план использования её в качестве удо-

бления — зачем добру пропадать? Погрузка, буксировка — всё, что могли, делали сами, не обращаясь к сторонним организациям. Торговались до посинения. Однажды агент по закупкам сообщил, что купил партию нефти по цене на порядок ниже рыночной. Получив телеграмму, Рокфеллер вскочил со стула с радостным воплем, заплясал по комнате, подбрасывая вверх шляпу, обнял Кларка — тот даже испугался, уж не сошёл ли компаньон с ума. Перегонка нефти, затеянная как побочное производство, превратилась в самый доходный вид деятельности.

Часто Джон будил ночью Уильяма (они спали в одной комнате). «Слушай, у меня родился такой план. Что ты об этом скажешь?» — «А твои идеи не могут подождать до утра? — сонно отвечал брат. — Я спать хочу». Утром, пока Джон завтракал, являлись Морис Кларк и Сэм Эндрюс. Они были старше Рокфеллера, но как будто не могли сделать ни шагу, не посоветовавшись с ним. Все разговоры вертелись вокруг нефти, и двадцатилетняя Мэри Энн уже не знала, куда деваться: «Меня тошнило от этого, и я каждое утро мысленно просила, чтобы они заговорили о чём-нибудь другом». Зато Сетти охотно выслушивала все проекты Джона. Спелманы переехали в новый дом в центре Кливленда, и когда Джон в испачканных нефтью сапогах заезжал к ним в своей коляске, чтобы пригласить Сетти на прогулку, она вникала во все детали и даже давала ему дельные советы.

Авраам Линкольн тоже плохо спал по ночам, но совсем от других мыслей. Армия северян таяла из-за болезней и дезертирства. Декларация об освобождении рабов, обнародованная 1 января 1863 года, подорвала доверие к администрации, и республиканцы потерпели поражение на промежуточных выборах в конгресс. Все надежды были на нового главнокомандующего — Джозефа Хукера. Проведя тщательную разведку, обеспечив себе численное преимущество и составив грамотный план сражения, 30 апреля он атаковал генерала Ли при Чанселлорсвилле, рассчитывая на эффект внезапности. Однако Ли сумел его разбить в серии ожесточённых сражений. Победу южан омрачила только смерть генерала Джексона: 2 мая он был по ошибке ранен дозором конфедератов, потерял руку, а через восемь дней скончался от пневмонии. Тогда же Фрэнк Рокфеллер получил ранение в голову от разорвавшейся картечной гранаты. Он вернулся домой, полный жалости к себе, проклиная своё невезение и затаив обиду на братьев, которые богатели, пока он проливал свою кровь.

Нефтеперегонные заводы вдоль ручья Кингсбери росли как грибы после дождя. Открыть такой завод стоило всего тысячу долларов — столько же, во сколько обходилось открытие торговой лавки, — а прибыль ожидалась колоссальная. На войне нефти находили самое разное применение: обрабатывали раны солдат, использовали вместо скипидара, который раньше поставляли с Юга, а генерал Улисс Грант в своей палатке писал и читал донесения при свете керосиновой лампы. К тому же страны Европы через Лондон и Париж покупали американский керосин сотнями тысяч бочек. Правда, Роберт Ли, опрокинув Хукера, сумел перенести боевые действия в Пенсильванию, и нефтедобытчикам пришлось защищать свои колодцы с оружием в руках. 1—3 июля 1863 года возле Геттисберга состоялось кровопролитнейшее сражение, обозначившее перелом в войне. Утрата Каменной Стены не прошла бесследно — Ли потерпел поражение. А 4 июля армия южан, осаждённая Грантом в Виксберге, капитулировала, и северяне получили контроль над Миссисипи. Начался «марш на Атланту», в котором участвовал и 7-й добровольческий полк из Огайо — уже без Фрэнка.

В это время Джон Д. вёл свою войну: на фирму пришёл работать брат Мориса, Джеймс Кларк, и они с Рокфеллером сразу невзлюбили друг друга. Джеймс обладал атлетическим телосложением и повадками громаилы, а деловую хватку и проницательность подменял хитростью и обманом. Наслушавшись его хвастливых рассказов, Джон стал тщательнее проверять его счета, а тот называл его «интендантом воскресной школы» и святошей. Однажды утром Джеймс ворвался в кабинет Рокфеллера и начал осыпать его бранью. Джон спокойно слушал, положив ноги на стол; ни единый мускул не дрогнул на его лице. «Можешь оторвать мне голову, Джим, — сказал он, дождавшись конца тирады, — но знай: тебе меня не запугать». Морис часто принимал сторону брата и во время деловых разговоров обрывал Рокфеллера фразой: «Что бы ты вообще делал без меня?» Тот проглатывал обиду молча, но это не значит, что он её прощал. Нужно было всё как следует обдумать и предусмотреть. Месть — блюдо, которое нужно подавать холодным.

Джону Д. шёл двадцать пятый год; он превратился в элегантного молодого человека, пользовавшегося определённым влиянием в Кливленде, ходил во фраке, цилиндре и модных полосатых брюках, отпустил пушистые усы, придававшие ему солидности. Высокий, привлекательный муж-

чина, на которого заглядывались девушки. Но он, по обыкновению, мило улыбался — и только, поскольку свой выбор уже сделал: Лора Спелман. А вокруг неё вдруг начал увиваться другой поклонник! Нужно было действовать. В марте 1864 года Джон пришёл к Лоре и предложил стать его женой — точно таким же тоном, каким предложил бы партнёру заключить контракт. Девушка предложение приняла, но требовалось согласие её родителей. Чтобы уверить их в серьёзности своих намерений и в том, что он — «надёжная фирма», Рокфеллер купил невесте кольцо с бриллиантом аж за 118 долларов. Свадьбу назначили через полгода; ученицы со слезами проводили мисс Спелман в новую жизнь.

Уильям, который был моложе Джона на один год, один месяц и одну неделю, обскакал старшего брата — женился уже в мае на двадцатилетней Альмире (Мире) Джеральдине Гудселл из зажиточной кливлендской семьи, перебравшейся из Нью-Йорка. Свадьба состоялась в старинном городке Фэрфилд, штат Коннектикут, — на родине отца невесты Дэвида Джадсона Гудселла. Здесь, похоже, обошлось без долгих ухаживаний. Уильям умел расположить к себе людей (а потому был несравненным агентом по продажам), к тому времени даже нефтеторговцы из Пенсильвании считали его милейшим и обаятельным молодым человеком. Он не был таким рассудочным, как Джон, и больше доверял интуиции, прислушиваясь к своему сердцу.

Вечером 2 сентября 1864 года президент Линкольн получил телеграмму от Уильяма Шермана: «Атланта наша и завоёвана безусловно». А 8 сентября в гостиной дома Спелманов на Гурон-стрит праздновали скромную свадьбу в кругу семьи (Большой Билл не приехал), о которой даже не упомянули в газетах. Обряд совершили два священника: из Плимутской конгрегационалистской церкви и из баптистской церкви с Эри-стрит. Стоимость обручального кольца (15,75 доллара) Джон Д. занёс в свою красную книжечку, в графу «Прочие расходы». С утра он успел побывать в конторе, у бочара и на нефтеперегонном заводе; созвал 26 служащих на лёгкий обед, не сразу объявив им, по какому случаю праздник, а отправляясь на свадьбу, сказал управляющему: «Обращайтесь с ними хорошо, но следите, чтобы они работали».

Свадебное путешествие продлилось ровно месяц, с 8 сентября по 8 октября. Молодожёны отправились к Ниагарскому водопаду, потом провели несколько дней в Монреале и в отеле «Саммит-Хаус» на горе Вашингтон в штате

Нью-Гэмпшир. Джон никогда ещё не забирался так далеко от дома. Ему всё было интересно; во время экскурсии к водопадам он засыпал проводника вопросами, так что тот, отвлекшись, не заметил выбоины на дороге, и пришлось менять колесо. Не зря в нефтеносных районах Пенсильвании Рокфеллера прозвали Губкой: он впитывал в себя информацию. Вернувшись, Джон и Лора сначала поселились у Элизы, а через полгода переехали в двухэтажный кирпичный дом 29 на той же Чешир-стрит, с высокими изящными окнами, но некрасивым крыльцом. Они обзавелись посудой, и Сетти стала вести хозяйство — слуг в доме не было.

За 1864 год цены на нефть выросли с 4 до 12 долларов. Рокфеллер и Эндрюс понимали, что нефтепереработка — дело верное и нужно расширять производство, но для этого требовались деньги, и немалые. «Как, ты занял сто тысяч долларов?!» — в ужасе воскликнул Морис Кларк. Он не мог прийти в себя: этот педант, экономящий на булавках, выверяющий все счета до последнего цента, который скорее удавится, чем потратит лишний доллар на себя, берёт такие огромные кредиты в банках, рискуя всем их капиталом и даже не удосужившись посоветоваться? Да что он о себе возомнил? «А ты — баба и мокрая курица», — подумал Джон Д. Он уже знал, что рано или поздно порвёт и с Кларками, и с оптовой торговлей. Нефтепереработка — вот чем он будет заниматься. Надо мыслить широко, а осознанно рисковать — совсем не то же самое, что швырять деньги на ветер.

В январе 1865 года вдоль ручья Питхоул-крик, впадающего в Аллегейни, медленно двигалась небольшая странная процессия. Впереди шёл человек с раздвоенной веткой лешины, подобной «волшебной лозе» рудоискателей; за ним, стараясь не мешать, топтались несколько человек в высоких сапогах и полушубках. Было тихо, только изредка какая-нибудь птица, вспорхнув с высокой ели, стряхивала с ветки снег. С недавних пор ручей привлёк внимание нефтедобытчиков, потому что из расщелин-колодцев по его берегам поднимался серный газ. Конец ветки качнулся к низу. Есть! Место поместили, начали бурить скважину, и через несколько дней к небу взметнулся чёрный фонтан. Когда Джон Д. Рокфеллер об этом узнал, он сразу понял: Бог посылает ему знак, он на верном пути.

Кларк просто взъярился, когда он принёс ему на подпись ещё один банковский счёт. Морис и Джеймс пригрозили расторгнуть партнёрство с Рокфеллером, но для этого

требовалось согласие всех компаньонов, включая Эндрюса. Джон вызвал его на разговор: «Предположим, я поймаю их на слове в следующий раз, когда они пригрозят разрывом. Предположим, я смогу выкупить их дело. Ты со мной?» Эндрюс кивнул, и они пожали друг другу руки. В представлении Рокфеллера это был лучший договор.

Случай перейти от слов к делу подвернулся несколько дней спустя. 1 февраля Джон пригласил компаньонов к себе домой и стал разворачивать перед ними свой план ускоренного расширения нефтеперерабатывающего бизнеса. Джеймс Кларк сразу заявил: пусть он отделяется и делает, что хочет. Рокфеллер попросил, чтобы каждый сказал вслух, что он — за разрыв. Кларки наивно решили, что запугали бухгалтера, но тот отправился напрямик в редакцию «Кливленд лидер» и попросил вставить в утренний выпуск извещение о роспуске компании. Развернув утром газету, Морис Кларк был поражён. «Так ты это всерьёз?» — спросил он Джона. Только сейчас до него дошло, что Рокфеллер успел переманить на свою сторону Эндрюса. Но он не предполагал, что Джон к тому же заручился поддержкой симпатизировавших ему банкиров.

Фирму выставили на аукцион. Кларки явились туда со своим адвокатом, Рокфеллер пришёл один: что тут мудрёного, обычная сделка. Адвокат играл роль аукциониста. Торги начались с 500 долларов; цена очень быстро взлетела до нескольких тысяч, а затем подползла к пятидесяти тысячам — завод, конечно, столько не стоил. Однако Рокфеллер покупал сейчас не завод, а свободу действий. «В итоге она увеличилась до 60 000 долларов, потом, мелкими шажками, — до 70 000, и я уже боялся, что не смогу выкупить бизнес, не наберу денег, чтобы заплатить за него, — вспоминал Джон Д. много лет спустя. — Наконец, та сторона объявила 72 000 долларов. Не колеблясь, я сказал: 72 500. Тогда мистер Кларк сказал: “Я больше не стану повышать, Джон; фирма твоя”. — “Мне выдать вам чек прямо сейчас?” — предложил я. “Нет, — сказал мистер Кларк. — Я тебе с радостью доверяю; оплатишь, когда сможешь”». Цена была высока: помимо денег, Рокфеллер отдавал свою долю в торговом бизнесе. Однако он получал в своё полное распоряжение самый большой из тридцати нефтеперерабатывающих заводов в Кливленде, перегонявший 500 баррелей сырой нефти в день (вдвое больше, чем предприятия сильнейших конкурентов), и полный запас нефти и тары. 15 февраля «Кливленд лидер» объявила о создании фирмы «Рокфел-

лер и Эндрю», а 2 марта — о роспуске компании «Кларк и Рокфеллер». В этот же день у Уильяма родился первенец — Льюис Эдвард Рокфеллер.

В это время военные действия из Южной и Северной Каролины вновь переместились в Виргинию. 1 апреля Роберт Ли, теснимый Улиссом Грантом, оставил Петерсберг, 2-го — Ричмонд, а 9-го числа остатки его армии сдались у Аппоматтокса; однако армия южан под командованием Джозефа Джонстона ещё сражалась. Конфедераты не желали признавать своё поражение; сложился заговор с целью устранить руководящую верхушку: президента, вице-президента и госсекретаря. 14 апреля актёр Джон Уилкс Бут вошёл в президентскую ложу Театра Форда в Вашингтоне во время представления пьесы «Наш американский кузен» и выстрелил в голову Линкольну. Раненого президента перенесли в дом напротив, и на следующее утро он скончался, не приходя в сознание. Одновременно Льюис Пауэлл пытался убить госсекретаря Уильяма Сьюарда, но только ранил: незадолго до покушения Сьюард выпал из кареты и сломал себе челюсть; гипс, наложенный врачом, помешал убийце пробить ножом яремную вену. А вице-президент Эндрю Джонсон даже не догадывался, что опасность была рядом: Джордж Этцеродт, который должен был его убить, слишком много выпил для храбрости, а потом пошёл бродить по улицам.

В стране объявили национальный траур. 27 апреля траурный поезд привёз в Кливленд тело Линкольна, где его выставили на несколько часов для прощания в специальном павильоне; на вокзале гроб встречали печальными песнопениями женщины в белом. За день до этого солдаты, посланные в погоню за Бутом, нашли его и застрелили; его сообщник Дэвид Геролд сдался и вместе с Пауэллом, Этцеродтом и помогавшей им Мэри Сурратт был впоследствии повешен. 10 мая после ареста Джефферсона Дэвиса и членов его правительства Конфедерация прекратила существование; сражение у ранчо Пальмито, выигранное южанами три дня спустя, уже ничего не могло изменить. Гражданская война закончилась, хотя бригадный генерал Стэнд Уэйти, в войсках которого сражались индейцы, капитулировал только 23 июня. Новым президентом США стал демократ Эндрю Джонсон.

К тому времени фирма «Рокфеллер и Эндрю» уже разместилась на втором этаже кирпичного офисного здания на Супириор-стрит, в нескольких кварталах от Кайахоги. Из

окна была видна река с баржами, гружёнными бочками нефтепродуктов, поставляемых заводом.

А в Питхоуле творилось нечто невообразимое. В несколько месяцев на месте четырёх бревенчатых избушек вырос целый город с населением 12 тысяч человек. Здесь появились с полсотни гостиниц, даже театр на сотню человек, с хрустальными канделябрами, третье по величине в Пенсильвании почтовое отделение, своя газета, целых три церкви — и «квартал красных фонарей», не говоря уже про салуны. Сюда провели железную дорогу, и Сэмюэл Ван Сейкель стал протягивать к ней двухдюймовую железную трубу, чтобы подавать нефть сразу к товарным составам. Трубопровод длиной целых шесть миль охраняли вооружённые сторожа; но банды возчиков, рисковавших остаться без работы, каждую ночь выкапывали целые секции проклятой трубы. То же самое происходило, когда Генри Харлей начал строить второй трубопровод, только злоумышленники ещё и подожгли резервуары с нефтью. Пытаясь с ними совладать, Харлей нанял небольшую армию из агентов Пинкертона.

В газетах это называли «послевоенной эйфорией», полагая, что она рано или поздно уляжется. Однако Уильям Рокфеллер был согласен с Джоном: нефть — это будущее. В сентябре 1865 года он вышел из торговой компании «Хьюз, Дэвис и Рокфеллер» (бывшая «Хьюз, Лестер и Рокфеллер») и присоединился к брату.

Великий Флаглер

«Война принесла дух независимости и предприимчивости, — напишет генерал Грант в мемуарах. — Ныне господствует ощущение, что молодой человек должен порвать со своим старым окружением, чтобы подняться выше». Демобилизованные солдаты, не сняв мундиров, с ранцами и винтовками на плечах, массово устремились на северо-запад Пенсильвании; вчерашние лейтенанты, капитаны, майоры, даже генералы перехватывали друг у друга нефтеносные участки, привнося в новый бизнес военную организацию и воинствующую конкуренцию. Однако им было привычнее убивать и разрушать, чем строить — основательно, на долгую перспективу.

«Нефть, а не хлопок царит теперь в мире коммерции», — писал в 1865 году конгрессмен Джеймс Гарфилд

своему бывшему сотруднику. А королём нефтепродуктов стал керосин, вытеснивший скипидар и ворвань, цены на которую увеличились вдвое из-за сокращения добычи китов. В декабре, когда население Питхоула достигло двадцати тысяч человек, Рокфеллер и Эндрюс открыли второй нефтеперерабатывающий завод, назвав его «Стандарт» (Standard): он должен был задавать стандарты всей отрасли. Номинальным главой этого предприятия стал Уильям. Но Джон Д. каждый день совершал обход заводов, представлявших собой россыпь сараюшек на склоне холма, ничего не упускал из виду, вникал во все детали. Управляющим он нанял «педантичного, исполнительного и честного человека» Амброуза Макгрегора, который пользовался его доверием в технических вопросах. До города было довольно далеко, и Рокфеллер с Макгрегором часто обедали на постоялом дворе миссис Джонс; резкий запах нефти от их сапог отбивал аппетит у других клиентов, поэтому их отсаживали на крыльцо. Но ещё чаще обед состоял из сэндвича, завернутого в вощёную бумагу, который Джон утром, уходя на работу, засовывал в карман.

Ни одно дело нельзя пускать на самотёк, а если дело ещё и новое, хозяйский глаз нужен во всём. Взять, к примеру, дубовые бочки, в которые разливали керосин. Бондари брали по два с половиной доллара за штуку, но делали их из сырого дерева, лишь бы побыстрее. Рокфеллер открыл собственное бочарное производство: дубы валили, распиливали прямо в лесу, сушили в древесосушках, отчего вес дерева снижался, вдвое сокращая расходы на транспортировку; из этих досок делали прочные бочки, обходившиеся менее чем в доллар за штуку, и красили их в фирменный голубой цвет. Помимо керосина, компания «Рокфеллер и Эндрюс» продавала лигроин, парафин и «нефтяное желе» (впоследствии названное вазелином), получаемое по технологии, разработанной в 1859 году английским химиком Робертом Чезбро, — его использовали в медицинских целях и для освещения церквей, потому что, в отличие от парафина, оно горело без копоти. В Нью-Йорке цены скакали вверх и вниз, и чтобы успеть за ними, надо было вертеться: узнав по телеграфу о выгодной конъюнктуре, Джон Д. со всех ног бежал к железной дороге и носился вдоль состава, поторапливая грузчиков. «Никогда не забуду, каким голодным я был в те дни, — будет он вспоминать много лет спустя. — Меня не было дома ни днём, ни ночью». Если же он всё-таки добирался до дома и засыпал в объятиях Лоры, в любую минуту

мог раздаться тревожный звук колокола — пожар! — и надо было снова мчаться на завод.

Пожар — самое страшное, что могло случиться, поэтому в районе Нефтяного ручья на каждом шагу встречались таблички с лаконичным предупреждением: «Куришь — пристрелю». Нефтяные резервуары возле перегонных заводов тогда ещё не вкапывали в землю; огонь, вспыхнувший в одном из них, мгновенно перекидывался на соседний, и вскоре весь берег превращался в бушующее море огня, а мрачные клубы чёрного дыма были видны из города. Все сотрудники превращались в пожарных; лошадей и повозки всегда держали наготове. Школьный приятель Рокфеллера Марк Ханна так и лишился денег, вложенных в нефтеперегонный завод, который в 1867 году сгорел дотла за одну ночь. Рокфеллер же во время пожара доставал свой карандаш и составлял план по восстановлению завода. После пожара цены на керосин сразу взлетали.

Тогда ещё никто не знал, что делать с побочным продуктом — бензином. На заводах Рокфеллера его сжигали, используя как топливо для перегонки нефти, но многие другие тайком сливали его в реку под покровом темноты, так что все берега насквозь пропитались бензином, а Кайахога стала такой огнеопасной, что мгновенно вспыхивала, стоило какому-нибудь легкомысленному капитану парохода сбросить за борт неостывшие угли.

Ещё большим кошмаром был неотступный страх: вдруг завтра нефтяные фонтаны иссякнут — что тогда? Кроме того, в 1865 году кто-то очень жадный догадался взрывать нефтяные скважины порохом, чтобы добывать больше нефти, и за два послевоенных года цена барреля упала с 12 до 2,40 доллара. Теперь годовая прибыль больше не была стопроцентной — какое разочарование! Уже в 1866 году добыча нефти в Питхоуле замедлилась, и люди начали потихоньку покидать город, особенно после пожаров. (К 1877 году он прекратит существование, будто его и не было, — настоящий город-призрак.) Молясь перед сном, Джон Д. читал сам себе проповеди о преходящести земных богатств, в особенности нефти. Но это не приносило покоя его душе. Тогда он надевал пропахший «чёрным золотом» костюм и отправлялся во Франклин, штат Пенсильвания, где у него была закупочная контора (экономили на посредниках). Там всё было пропитано нефтью: и земля, и воздух, и мечты, и разговоры. Возвращался Рокфеллер повеселевшим.

Две трети кливлендского керосина шли за океан через Нью-Йорк. Этим тоже нужно было заниматься без посредников, и в 1866 году Джон Д. отправил Уильяма в Нью-Йорк, где тот зарегистрировал фирму «Рокфеллер и К^о». В тот момент французские и немецкие закупщики, сговорившись, прекратили покупать керосин, надеясь, что цены на него понизятся вслед за падением цен на сырую нефть. Одной из задач Уильяма было информировать о резком падении экспортных цен рокфеллеровских закупщиков (в числе которых был Пирсон Бриггс, муж их с Джоном старшей сестры Люси), чтобы те приостанавливали или сокращали покупку сырья.

Уильям продуманно подобрал место для офиса новой компании: Пёрл-стрит, дом 181, неподалёку от Уолл-стрит — улицы финансистов. Его задачей было убедить банкиров, предпочитавших кредитовать железные дороги и правительство, что нефтяной бизнес — не однодневка и не мыльный пузырь. «Поначалу нам приходилось ходить по банкам (практически становясь на колени) за деньгами и кредитами», — вспоминал Джон Д. много позже. Денег требовалось много; бывало, что он долго не мог уснуть, думая о том, как же будет отдавать всё, что назанимал, а утром, освежённый кратким сном, уже был готов занимать ещё. Кливлендские банкиры — Труман Хэнди, Уильям Отис и другие — считали его достойным доверия, поскольку он никогда не уклонялся от обсуждения проблем, не подтасовывал цифры и вовремя выплачивал кредиты; к тому же его знали как глубоко религиозного человека, а теперь ещё и отца семейства: 23 августа 1866 года Лора родила дочь Элизабет (Бесси). А вот сынишка Уильяма умер 3-го числа того же месяца. Джон Д. отпустил усы, переходившие в пышные бакенбарды; на его высоком лбу уже появились залысины; выглядел он гораздо старше своих лет и весьма солидно. С банкирами надо уметь разговаривать. Однажды Джон Д. шёл по улице, раздумывая, где взять нужные позарез 15 тысяч долларов, и тут рядом с ним остановилась коляска местного банкира. «А что, господин Рокфеллер, нашли бы вы применение пятидесяти тысячам долларов?» — спросил он. Джон Д. унаследовал актёрские способности от отца. «Н-н-н-у-у-у, — протянул он, покачиваясь с пятки на носок и заложив руки за спину, — дадите мне сутки на обдумывание?» — и получил кредит на самых выгодных условиях.

Деньги требовались, чтобы скупать нефтеперегонные заводы: Рокфеллер приводил в порядок эти заведения, ра-

ботавшие порой абы как, и подчинял их введённому им стандарту. Продавали заводы только за наличные: при виде долларов глаза владельцев вспыхивали зелёным огнём, а складные или векселя в них только тускло отражались. Однажды в полдень Джон Д. получил телеграмму о возможности перекупить завод, но нужны были сотни тысяч долларов, а поезд отходил в три часа. Джон стал объезжать все банки подряд, прося первого же попавшегося ему на глаза сотрудника — кассира или президента — подготовить для него всю наличность, какая есть. Во время второго объезда банков он собрал эти деньги, успел на поезд и заключил сделку.

К концу 1866 года в Кливленде работало полсотни нефтеперегонных заводов (больше было только в Питсбурге). Продукция местных пивоварен отдавала керосином, молоко скисало, но это был запах богатства. При грамотной постановке дела из этих активов можно было бы сколотить крупнейшую промышленную компанию в мире — были бы деньги.

Одним из богатейших людей Кливленда считался совсем недавно обосновавшийся там Стивен Харкнесс — 49-летний усач, отец троих детей, слегка неотёсанный (начинал он учеником шорника), сколотивший состояние во время войны благодаря инсайдерской информации. Сенатор от Огайо Джон Шерман вовремя сообщил ему в 1862 году о намерении правительства обложить все пивоварни и винокурни налогом в два доллара с галлона. До июля, когда был введён налог, Харкнесс, владевший винокурненным заводом в Монровилле, штат Огайо, купил на все деньги (сняв их даже с депозита в банке) вина и виски, а потом продал, получив прибыль в 300 тысяч долларов. Два года спустя он обогатился на поставках сырой нефти перерабатывающим заводам, а ещё через два продал винокурню и переехал в Кливленд, где поселился на «улице миллионеров» Евклид-авеню, создал «Евклид авеню нэшнл банк» и стал президентом горнодобывающей компании «Белт». Как к нему подступиться? И тут оказалось, что Генри Флаглер, занявший место Джона Рокфеллера при Морисе Кларке и сидевший за соседним столом в конторе, — сводный брат Стивена Харкнесса.

Голубоглазый брюнет с густыми вислыми усами, одетый по последней моде и державшийся с королевским достоинством, Генри Моррисон Флаглер был старше Джона Дэвисона Рокфеллера на девять с половиной лет, однако их многое объединяло: деловая хватка, проницательность,

энергичность, трудолюбие, желание преуспеть и нежелание посвящать других в свои планы и откровенничать о своей прежней жизни.

Мать Генри, Элизабет Энн Моррисон, первый раз вышла замуж за Дэвида Харкнесса, вдовца с ребенком (это и был Стивен, лишившийся матери двух лет от роду). У них родился сын Дэниел. Овдовев в 1825 году, Элизабет забрала обоих мальчиков и вернулась в родной штат Нью-Йорк. Там она вышла замуж за пресвитерианского пастора Айзека Флаглера — безденежного, но смелого и принципиального: он не побоялся в Толедо, штат Огайо, совершить свадебный обряд над молодым мулатом и белой женщиной. 2 января 1830 года на свет появился Генри.

В 14 лет он бросил школу и уехал в Огайо, где работал в лавке Леймона Харкнесса — дяди своих братьев. Днём он отпускал покупателям товар, а ночью спал тут же, в чуланчике. В 1853 году он женился на дочери Леймона, скромной и застенчивой Мэри Харкнесс; у них родились две дочки (младшая умерла в три года). Он стал зарабатывать неплохие деньги, торгуя кукурузой и пшеницей. Большинство поставок шло через Кливленд, и агентом Флаглера, бравшим товар на комиссию, был Джон Д. Рокфеллер. Из зерна гнали виски, винокурня приносила Харкнессам хорошие доходы. Генри Флаглер, сын пастора, преподававший, как и Рокфеллер, в воскресной школе, не пил, не курил и не сквернословил; торговля спиртным противоречила его принципам, поэтому он оставил это дело — после того как заработал на нём 50 тысяч долларов. На эти деньги он построил себе особняк в Бельвю, где побывал Рокфеллер, объезжавший клиентов их с Кларком фирмы. Во время войны Флаглер тоже нанял человека, отправившегося на фронт вместо него. Его фирма заключила большие и прибыльные подряды на поставку зерна для армии северян, но в 1862 году он совершил единственный за всю карьеру крупный промах: приобрёл большую долю в соляной компании в Сагино, штат Мичиган, и перевёз туда семью. Когда война закончилась, спрос на соль резко упал, и фирма обанкротилась. Флаглер потерял всё, и Харкнессам пришлось выкупать его из долговой тюрьмы: он был должен 50 тысяч долларов тысячам ирландцев, работавшим на соляной фабрике. Пришлось начинать с нуля. Флаглер вернулся в Бельвю, торговал войлоком, экономил на обедах, изобрёл машину для изготовления подков... Потом вслед за сводным братом он перебрался в Кливленд — и снова встретился с Рокфеллером.

В начале 1867 года Джон Д. пришел в банк к Стивену Харкнессу. Переговоры о крупном займе продолжались целый час. В конце концов банкир предложил такой вариант: он не одалживает деньги, а инвестирует их — покупает долю в бизнесе за 100 тысяч долларов, при условии, что казначеем фирмы и его личным представителем в ней (сторожевым псом, как он выразился) станет Генри Флаглер. Это было предложение, от которого невозможно отказаться. Харкнесс входил в правления банков, железных дорог, горнодобывающих и промышленных компаний; через него Рокфеллер сразу попадал в высший круг и обрастал полезными связями. 4 марта «Кливленд лидер» известила читателей о создании новой компании — «Рокфеллер, Эндрюс и Флаглер», с конторой в Кейс-билдинг на Паблик-сквер, в самом центре города. «Эта фирма — одна из старейших в нефтеперерабатывающем бизнесе и уже имеет гигантский оборот, — писала газета. — Это одно из крупнейших предприятий в Соединённых Штатах... и одно из самых успешных». Настолько успешных, что его 27-летний глава смог тайно ссудить своего беглого отца деньгами на покупку 160 акров земли в Иллинойсе, где тот поселился на ферме вместе с Маргарет. Разумеется, матери Джон ничего не сказал.

Судьба хранила его. За несколько дней до Рождества, собираясь вернуться домой из Нью-Йорка, он опоздал на поезд, а потом узнал, что состав сошёл с рельсов: страшная катастрофа, много людей погибло... «Я вижу в этом (и видел тогда, когда узнал, что первый поезд уже ушёл) Провидение Господне», — написал Джон жене.

Они с Флаглером рьяно взялись за дело и почти не расставались. «Мы встречались и вместе шли в контору, домой на обед, обратно после обеда и возвращались домой вечером, — вспоминал позже Рокфеллер. — По пути, поскольку нас ничто не отвлекало, как в конторе, мы вместе размышляли, говорили, планировали». В офисе они поставили свои столы так, чтобы сидеть спина к спине; оба молниеносно производили в уме операции с большими числами и ловко сводили баланс; более того, они даже разработали общий стиль деловых писем, передавая друг другу черновики для правки; окончательный же вариант утверждал «самый ценный советник» — миссис Лора Рокфеллер. А ещё Флаглер умело составлял юридическую документацию и высматривал ястребиным оком малейшие «подводные камни» в контрактах. Джону нравилась любимая поговорка Генри: друж-

ба, основанная на бизнесе, прочнее бизнеса, основанного на дружбе; про себя же Флаглер, явно имевший склонность к афоризмам, говорил: «Я всегда был доволен, но никогда — удовлетворён».

И всё же, когда Рокфеллера позже спросят, кто был величайшим бизнесменом его времени, он не колеблясь назовёт Джея Гулда. Тот был старше его всего на три года, тоже начинал бухгалтером — у кузнеца, потом работал межевщиком и картографом; вместе с Задоком Праттом создал кожевенный бизнес в Пенсильвании, в посёлке, позже получившем название Гулдсборо. Выкупив долю Пратта, Гулд создал другую кожевенную компанию с Чарлзом Мортимером Люппом. Во время банковской паники 1857 года Люпп потерял все деньги, Гулд же воспользовался падением цен на недвижимость и выкупил имущество компании. Тесть, Дэниел Миллер, посоветовал ему вкладывать деньги в железные дороги. С 1859 года Гулд начал скупать акции малых железнодорожных компаний за десятую долю стоимости, а во время войны спекулировал акциями в Нью-Йорке.

Железная дорога «Эри», построенная государством на деньги налогоплательщиков на земле, подаренной госслужащими и частными застройщиками, к середине пятидесятых годов погрязла в долгах из-за неграмотного управления. Тогда-то её и забрал под свой контроль Дэниел Дрю — бывший скотопромышленник, ставший банкиром и биржевым брокером; это обошлось ему в два миллиона долларов. Умело манипулируя акциями железной дороги на Нью-Йоркской фондовой бирже, он сколотил целое состояние; но тут на акции «Эри» положил глаз 72-летний богач Корнелиус Вандербильт, задумавший создать железнодорожную империю и монополизировать этот рынок. Он великодушно оставил Дэниела в составе правления в должности казначея — и это оказалось большой ошибкой. В 1866—1868 годах Дрю сговорился с Джеймсом Фиском и Джемсом Гулдом, которого он ввёл в правление, выпускать фальшивые акции железной дороги «Эри», «разводняя» акционерный капитал; ничего не подозревавший Вандербильт, покупая эти бумажки, потерял более семи миллионов долларов и в итоге уступил контроль над крайне важной железной дорогой жуликоватой троице (правда, пригрозил ей судом, и Гулд, ставший президентом компании, большую часть денег ему вернул). Подкупленный политик Уильям Твид, которого тоже ввели в правление «Эри», обе-

спечил принятие в штате Нью-Йорк закона, легализовавшего новые акции.

Так вот, весной 1868 года Джей Гулд тайно договорился с Рокфеллером и Флаглером: они получали акции дочерней транспортной компании «Аллегейни» — первой трубопроводной сети, обслуживавшей Ойл-крик. Эта сделка принесла друзьям-бизнесменам скидку аж в 75 процентов на нефть, поставляемую по транспортной системе «Эри». Флаглер также заключил договор с филиалом «Эри» — «Атлантик и Грейт Вестерн», обеспечив фирме выгодные тарифы железнодорожных перевозок между Кливлендом и нефтеносными районами Пенсильвании. Таким образом, доставка сырой нефти в Кливленд, а затем нефтепродуктов в Нью-Йорк обходилась всего в 1,65 доллара за баррель, тогда как официальный тариф составлял 2,4 доллара. Конечно, это было противозаконно, но выгодно — причём обоюдно.

Компании «Эри» и «Нью-Йорк Централ» конкурировали с Пенсильванской железной дорогой, руководство которой заявило, что Кливленд скоро «сотрут, словно губкой с доски», из списка нефтеперерабатывающих центров — в пользу Питсбурга. В Кливленде это заявление вызвало панику: владельцы нефтеперегонных заводов собрались перебазироваться на Ойл-крик, и только Рокфеллер и Флаглер сохранили голову на плечах, используя хаос для своей выгоды. Флаглер договорился с новым вице-президентом железнодорожной компании «Лейк-Шор», входившей в систему «Нью-Йорк Централ», о регулярных перевозках: 60 вагонов нефтепродуктов в день. Для компании выгода была в том, что теперь она могла использовать целые грузовые составы, а не подсоединять товарные вагоны к пассажирским поездам, и забирать весь груз из одного места, а не по разным полустанкам. В итоге время пути из Кливленда в Нью-Йорк и обратно сокращалось с тридцати дней до десяти, а количество вагонов увеличивалось с 600 до 1800. Чтобы обеспечить такой объём поставок, Рокфеллер был готов кооперироваться с другими местными производителями, хотя один его завод производил столько же, сколько три других вместе взятые.

Компанию «Нью-Йорк Централ» контролировал Вандербильт — пожалуй, самый богатый человек в Америке (и отец тринадцати детей). «Вчера мистер Вандербильт прислал за нами к двенадцати часам, а мы не пошли, — сообщал Джон в письме Сетти из Нью-Йорка 18 августа

1868 года. — Он хочет иметь с нами дело и говорит, что готов обсудить с нами условия. Мы отправили ему нашу визитку с посыльным, чтобы Вандербильт знал, где находится наш офис». Теперь Рокфеллер сам решал, где, когда и с кем он будет разговаривать.

Тогда же, в августе, Рокфеллеры переехали с Чешир-стрит на Евклид-авеню — «самую красивую улицу в мире», по которой в сени раскидистых вязов разъезжали модные экипажи, запряжённые холёными лошадьми. Внушительные кирпичные дома отстояли далеко от дороги; за решётчатой оградой простирался ровно подстриженный газон. Заборов между домами почти не было, и улица напоминала аллею красивого парка.

Дом 424 (двухэтажный, с мансардой и портиком, с арочными окнами и высокими потолками; на первом этаже — прихожая, гостиная и столовая, на втором — четыре спальни), обошедшийся Рокфеллеру в 40 тысяч долларов, по сравнению с особняками других богачей выглядел избушкой. Для Джона Д., так и оставшегося в душе сельским жителем, важнее был не дом, а сад. После душной конторы, бумажной пыли и керосиновой вони хотелось свежего воздуха, запаха нагретой травы и цветущих деревьев. Чтобы расширить сад, он купил соседний участок, но там тоже имелся дом, который только загораживал вид. Что с ним делать? Сломать? Жалко... Рокфеллер подарил этот ненужный дом новой школе для девочек, открывшейся в соседнем квартале. Чтобы доставить подарок на место, кирпичное здание приподняли лебёдками, поставили на брёвна, смазанные жиром, и так перекатили на соседнюю улицу, а там установили на новый фундамент. Неординарное событие освещали в газетах. «Это было чудесное предприятие, но он тогда всегда затевал чудесные вещи», — восхищалась зятем Люси Спелман.

За домом Рокфеллер выстроил каменную конюшню и каретный сарай — более роскошный, чем сам дом. Джон умел править и парой, и четвёркой лошадей, обожал рысаков, а Евклид-авеню была достаточно широка, чтобы устраивать на ней гонки: если хоть кто-нибудь пытался обогнать Рокфеллера, в нём мгновенно просыпался дух соперничества. Его жена тоже любила быструю езду и правила сама. Джон, Уильям и Фрэнк приобрели акции Кливлендского конного клуба — первого общества любителей рысистых бегах в Америке. Не любивший показухи и тративший деньги только на красивые и полезные вещи, Джон Д. мог

выложить от десяти до двенадцати с половиной тысяч долларов за породистого рысака. А ещё они с Сетти приобрели абонемент в филармонию (театр и опера были под запретом как недостойные развлечения). Но в целом они жили довольно замкнуто: круг общения ограничивался родными, партнёрами по бизнесу и друзьями по церковной общине. «Ходить в клубы мне не по душе, — говорил Рокфеллер. — Всех людей, которые мне нужны, я встречаю днём на работе... Семье приятнее, если я побуду дома (даже если буду похрапывать в кресле), чем уйду куда-нибудь на весь вечер, да я и сам предпочитаю там оставаться».

Не прошло и года после переезда, как 14 июля 1869 года в новом доме появилась на свет вторая дочка, Алиса. (Жена Уильяма 8 июня 1868-го родила дочь Эмму.) Джон был заботливым отцом, и если малютка плакала, брал её на руки и укачивал, не перекладывая всё на жену. К несчастью, Алиса прожила чуть больше года и умерла 20 августа 1870-го.

В марте 1869 года Улисс Грант стал восемнадцатым президентом США — можно сказать, против своей воли. «Если бы я отступился, то, как мне кажется, предоставил бы борьбу за власть на ближайшие четыре года продажным политикам, чьё возвышение, какая бы партия ни победила, переложило бы на нас в большой степени последствия дорогостоящей войны, через которую мы прошли», — написал он своему другу Уильяму Шерману после выдвижения кандидатом. К моменту его переезда в Белый дом государственный долг США составлял 2,8 миллиарда долларов. Проблема усугублялась тем, что единственным платёжным средством тогда признавались бумажные «гринбеки», не обеспеченные золотом, но вытеснившие его из обращения и взвинтившие цены на драгоценный металл. В августе Гулд и Фиск начали скупать золото в надежде монополизировать этот рынок. Расчёт был сложный: они надеялись, что вслед за повышением цен на золото вверх поползут и цены на пшеницу, фермеры с Запада начнут её продавать, увеличатся поставки продовольствия на Восток, а перевозить всё это будут по железной дороге «Эри».

Грант придерживался схемы: каждую неделю продавать часть золотого запаса, чтобы выплатить государственный долг, стабилизировать доллар и придать импульс экономике. Гулд и Фиск сблизились с Абедем Корбином, женатым на младшей сестре президента, Вирджинии, и попросили представить их Гранту в надежде получать частным обра-

зом информацию о грядущих продажах золота. План сработал. В первую неделю сентября Грант написал министру финансов, чтобы тот пропустил торги, поскольку выброс золота на рынок повредит фермерам с Запада. Эту мысль ему подсказали Гулд и Фиск, начавшие покупать золото. Поняв, что его провели, Грант приказал выставить в пятницу 24 сентября на продажу золото на четыре миллиона. Лаж* «двойного орла» (золотой монеты номиналом 20 долларов) сразу упал с 62 до 35 процентов, на Уолл-стрит началась паника, и на ближайшие несколько месяцев экономика страны погрузилась в хаос. Ценой огромных усилий администрации удалось избежать общенациональной депрессии, а покровительство со стороны Твида позволило Гулду и Фиску избежать суда.

В нефтяной промышленности тоже наступил кризис — кризис перепроизводства. Цены на керосин понизились, рентабельность стремилась к нулю. Возможности нефтеперегонных заводов втрое превышали объём добычи сырой нефти, 90 процентов из них работали себе в убыток. Один из конкурентов, Джон Александер, предложил Уильяму Рокфеллеру купить его бизнес за десятую долю стоимости, чтобы не пропал даром. Теория Адама Смита не подтверждалась практикой: рынок и не думал саморегулироваться; вместо того чтобы сокращать производство и выравнивать цены, люди упорно бурили новые нефтяные скважины. Значит, умные головы должны взять этот процесс под контроль: покупать убыточные заводы и закрывать их. Вот только где взять деньги? Опять занимать у банков под залог имущества с риском его потерять? А если инкорпорировать эти заводы, продавать их акции и привлекать инвесторов со стороны? «Я бы хотел иметь такие мозги, чтобы это придумать, — скажет Рокфеллер, — но это всё Генри Флаглер».

Десятого января 1870 года товарищество «Рокфеллер, Эндрюс и Флаглер» уступило место акционерной компании «Стандард ойл» с капиталом в миллион долларов: президентом стал Джон Д. Рокфеллер, вице-президентом — Уильям Рокфеллер, секретарём и казначеем — Генри Флаглер. Руководство не получало зарплату — только дивиденды с акций: это более надёжный стимул, чтобы хорошо работать. Контора занимала несколько помещений

* Лаж — превышение рыночного курса валюты и ценных бумаг относительно нарицательной стоимости.

That the Capital Stock necessary for said Company, and the amount expressed on an accompanying the Capital Stock is the sum of one million Dollars -

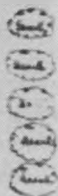
That the amount of each share of Capital Stock is one hundred Dollars -

That the name of the place where the manufacturing establishment shall be located, regarding business is Cleveland City, Cuyahoga County

That the name and style of which said manufacturing establishment shall be known is The Standard Oil Company
Cleveland Ohio January 10th 1870

John D. Rockefeller
Henry M. Flagler
Samuel Andrews
Stephen D. Harkness
William Rockefeller

Документ об учреждении компании «Стандард ойл», подписанный Джоном Д. Рокфеллером, Генри Флаглером, Сэмюэлом Эндрюсом, Стивенем Харкнессом и Уильямом Рокфеллером. 1870 г.

в четырёхэтажном здании на Паблик-сквер; Джон Д. Рокфеллер и Флаглер сидели в одной комнате, обставленной с мрачной серьёзностью похоронного бюро: чёрный кожаный диван, четыре чёрных ореховых кресла с гнутыми спинками и подлокотниками, камин... При этом «Стандард ойл» контролировала десятую часть всей нефтепереработки в Америке, имела своё бочарное производство, склады, транспортную систему и целые составы цистерн. «Однажды “Стандард ойл” будет перерабатывать всю-всю нефть и делать все-все бочки», — заявил Джон Д. Кливлендскому бизнесмену Джону Приндлу в приступе мании величия. Он верил в свою корпорацию и сразу же приобрёл самый большой пакет акций (2667 из 10 000), а после не упускал ни единой возможности его пополнить. Флаглер, Эндрюс и Уильям Рокфеллер взяли по 1333 акции, Стивен Харкнесс — 1334, ещё тысячу поделили между собой бывшие партнёры, а последняя тысяча акций перешла к Оливеру Дженнингсу, родственнику жены Уильяма и первому внешнему инвестору. Во время «золотой лихорадки» в Калифорнии Дженнингс делал деньги, продавая провизию золотодобытчикам. Теперь чутьё его опять не подвело: уже через год держатели акций «Стандард ойл» получили дивиденды в 105 процентов. Это было очень кстати, потому что у Уильяма 21 мая случилось прибавление в семействе — родился Уильям Гудселл Рокфеллер.

А вот Фрэнк не примкнул к почти семейному бизнесу. С одной стороны, он пытался подражать старшим братьям и идти по их стопам, а с другой — действовал словно в пику им. Вернувшись с войны, он устроился бухгалтером в небольшую торговую фирму, но не преуспел. 12 октября 1870 года он женился на высокой красавице Хелен Скофилд, на три года его моложе, отец которой, Уильям Скофилд, был партнёром в товариществе «Александр, Скофилд и К°» — том самом, долю в котором предлагали Уильяму, — и тоже занялся нефтепереработкой, став конкурентом своих братьев.

У Генри Флаглера 2 декабря родился долгожданный сын Гарри Харкнесс. Радость была омрачена тем, что Мэри так и не оправилась после тяжёлых родов и навсегда осталась прикованной к постели. Теперь по вечерам общительный жизнелюб Флаглер оставался дома и часами читал жене. Иногда приходили Джон и Лора Рокфеллер, чтобы слегка разрядить мрачную атмосферу и скрасить их вынужденное затворничество.

Нефть, ложь и Библия

«Человеку, добивающемуся успеха в жизни, иногда необходимо идти против течения», — написал Джон Лоре 30 ноября 1871 года из Нью-Йорка. В тот день они с Флаглером явились в отель «Сент-Николас» на встречу с важным человеком — Питером Уотсоном, опытным юристом, служившим в 1862 году заместителем военного министра, а после войны — президентом одной из веток железной дороги «Лейк-Шор», проходившей через нефтеносные районы. Этого джентльмена с окладистой бородой, но без усов (как у его покойного приятеля Линкольна) и с пронизательным взглядом умных глаз из-под кустистых бровей хорошо знали во Франклине, штат Пенсильвания, да и не только там. Он был близким другом Хораса Кларка — зятя Уильяма Вандербильта (сын Корнелиуса Вандербильта был тогда президентом железной дороги «Лейк-Шор и Мичиган Саутерн»). Однако идея, которой Уотсон решил поделиться с руководителями нефтеперерабатывающей компании, исходила от Тома Скотта — главы конкурирующей Пенсильванской железной дороги. Один вид его знаменитых длинных бакенбард и фетровой шляпы заставлял законодателей двадцати штатов трепетать, точно листья на ветру; владельцы нефтеперегонных заводов из Питсбурга и Филадельфии готовы были ползти за ним на коленях; его окружала аура власти, он был словно рождён повелевать — и, возможно, именно это не нравилось в нём Рокфеллеру. Но когда речь заходила о бизнесе, Джон был готов заключить сделку хоть с самим чёртом.

Суть вопроса была в следующем: три крупнейшие железные дороги: Пенсильванская, «Нью-Йорк Сентрал» и «Эри» — должны заключить альянс с горсткой нефтеперерабатывающих заводов, в первую очередь со «Стандард ойл», а заводы из нефтеносных регионов и Нью-Йорка, отбивающие у них хлеб, туда принимать не будут. Они образуют фиктивную организацию под названием «Южная компания по благоустройству» («South Improvement Company» — «SIC»), для которой Скотт уже получил учредительные документы. (После Гражданской войны продажные пенсильванские законодатели выдавали такие бумажки пачками, наделяя компании по благоустройству обширными расплывчатыми полномочиями, в том числе правом приобретать акции компаний, находящихся за пределами Пенсильвании, и осуществлять любую деятельность в любой

стране и каким угодно путём. Уставные документы именно этой компании были куплены у владельцев поместья, проданного за долги.) После этого железные дороги резко повысят тарифы для всех остальных нефтеперерабатывающих предприятий, участники же альянса получают скидку до 50 процентов на перевозки сырой нефти и нефтепродуктов, а следовательно, конкурентное преимущество. Более того, члены «SIC» будут получать откаты от перевозок, оплачиваемых конкурентами. То есть «Стандард ойл» будет иметь скидку в 40 центов с каждого барреля, отправленного по железной дороге с запада Пенсильвании в Кливленд, и ещё 40 центов с каждого барреля, отправленного туда же конкурентами. За это она должна будет делить «по справедливости» свои заказы между тремя железными дорогами: 45 процентов нефти члены альянса будут перевозить по Пенсильванской дороге, 27,5 процента — по «Эри» и ещё 27,5 — по «Нью-Йорк Централ». Но и это ещё не всё: члены «SIC» будут получать полную информацию об объёмах перевозок, осуществляемых конкурентами, что поможет им вести ценовую войну.

Цены на «очищенную нефть» стабильно падали. Если в 1865 году прибыль составляла 58,75 цента с галлона, то в 1870-м — только 26,45 цента. В 1871-м цены на керосин понизились ещё на четверть; дивиденды «Стандард ойл» составили всего 40 процентов. Джон даже продал небольшой пакет акций, и Уильяму стало от этого не по себе. Кроме того, иностранцы теперь закупают в Америке сырую нефть, чтобы перерабатывать её самим — так было дешевле; Франция даже ввела налог на американские нефтепродукты для поощрения собственных производителей. Переломить ситуацию можно было, только сконцентрировав и упорядочив производство под единым руководством. Схема, которая обсуждалась в отеле «Сент-Николас», вызревала уже давно, но Рокфеллер с Флаглером не слишком верили в успех. Теперь же Уотсону удалось их уговорить.

Естественно, всё это нельзя было разглашать и следовало по возможности прикрывать фиговым листком законности. Опыт уже имелся: совсем недавно Рокфеллер втихаря купил нью-йоркскую фирму «Боствик и Тилфорд», владевшую баржами, лихтерами и большим нефтеперегонным заводом на берегу Ист-Ривер. (По закону кливлендская фирма не могла владеть активами за пределами штата Огайо.) Товарищество переименовали в «Дж. А. Боствик и К^о», внешне оно не зависело от «Стандард ойл», но действовало

по её указке. Теперь же участникам сговора предлагалось подписать обязательство: «Я, такой-то, клянусь своей честью как джентльмен и обещаю держать в тайне все сделки, которые у меня будут с корпорацией, известной как “Южная компания по благоустройству”; если мне не удастся осуществить какой-либо договор с означенной компанией, все предварительные разговоры не будут преданы огласке; наконец, я не стану обнародовать цены на свою продукцию или иные факты, способные пролить свет на внутреннее устройство или организацию компании».

Вернувшись в Кливленд, Джон Рокфеллер решил поглядеть старого школьного друга Оливера Пейна. Сын богатого политика Генри Пейна, проживавшего в особняке на Евклид-авеню, Оливер окончил Йельский университет, во время Гражданской войны получил чин полковника, а после войны стал главным акционером нефтеперерабатывающей фирмы «Кларк, Пейн и К^о». Он сохранил военную выправку, держался чопорно, даже напыщенно; Флаглер с иронией говорил, что Пейн «Богу сват», но Рокфеллер надеялся обрести в его лице способного и надёжного союзника — и ещё раз поквитаться с давним врагом, потому что партнёром Пейна был не кто иной, как Джеймс Кларк. Ни словом не упомянув о «SIC» (клятва есть клятва), Джон сообщил Оливеру, что «Стандард ойл» собирается расширяться, и спросил в лоб: «Если мы договоримся о цене и условиях, ты с нами?» Прежде чем решиться на продажу своей компании, Пейн пожелал ознакомиться с бухгалтерией и был поражён, узнав, какую прибыль получает «Стандард ойл». Переговорив с партнёрами, он назвал цену за свой завод: 400 тысяч долларов. Рокфеллер знал, что переплачивает, но игра стоила свеч. К тому же он поставил условие: чтобы и духу Джеймса Кларка здесь больше не было. Зато Пейн теперь работал в одном кабинете с Рокфеллером и Флаглером.

Первого января 1872 года исполнительный комитет «Стандард ойл» увеличил капитал фирмы с одного до двух с половиной миллионов долларов, выпустив дополнительно четыре тысячи акций, а уже на следующий день — до трёх с половиной миллионов (11 тысяч акций). Три тысячи акций получил Джон Д. Рокфеллер, 1400 — Генри Флаглер, четыре тысячи — владельцы «Кларк, Пейн и К^о», 700 — Джабес Боствик; 1200 акций составили резерв. Уотсон сразу же приобрёл 500 акций; возможно, именно через него Командор Вандербильт тайно вложит в течение года в «Стандард ойл» 50 тысяч долларов. Среди новых акционеров были банкир

Труман Хэнди и несколько соседей Рокфеллера и Флаглера по «улице миллионеров», в том числе могущественный Амаса Стоун, личное состояние которого оценивалось в шесть миллионов долларов и которого Рокфеллер ввёл в правление «Стандард ойл». Тогда же было принято решение приобрести несколько нефтеперегонных заводов в Кливленде и за его пределами. Одновременно в Филадельфии состоялось первое собрание акционеров «Южной компании по благоустройству»; президентом стал Уотсон. Уставной капитал компании был поделён на две тысячи акций номиналом по 100 долларов, которые можно было приобрести, внося 20 процентов стоимости. Четверть всех акций перешла к Джону и Уильяму Рокфеллерам и Генри Флаглеру, а с учётом долей Боствика и Пейна «Стандард ойл» получила 900 акций.

Дискуссии по оргвопросам затянулись, Джон Д. рвался из Нью-Йорка домой. «Наши люди и слышать об этом не хотят, они взвинчены и давят на меня, — писал он жене в конце месяца. — Я чувствую себя, точно лев в клетке, и зарычал бы, если бы от этого был какой-нибудь прок... Пройшей ночью мне приснилась девушка, Селестия Спелман, а когда я проснулся, то понял, что это была моя Лора»... Они были женаты больше шести лет, но их любовная лодка умело лавировала между рифами и не спускала парус. Плакав маленькую Алису, Сетти 12 апреля 1871 года произвела на свет Альту, а совсем недавно узнала, что снова беременна (Эдит родится 31 августа 1872-го). Джон нанял ей в помощь двух служанок и кучера, хотя мог теперь позволить себе и больший штат прислуги; Сетти считала это излишним и по-прежнему большую часть работы по дому и в саду выполняла вместе с сестрой Лют, которая оставила учительство и поселилась у Рокфеллеров. Джон тосковал вдаль от неё, к тому же в Нью-Йорке ему вовсе не нравилось. «Мир полон Обмана, Лести и Разочарований, а дом — это рай из покоя и свободы», — писал он. Сетти тревожилась по поводу дел, удерживавших супруга на берегах Гудзона. Ах, эта нефть... Чем выше вознесёшься, тем больнее падать... Но Джон её успокаивал: «Ты знаешь, что мы независимо богаты и помимо капиталовложений в нефть, но я считаю, что мои нефтяные активы — самые лучшие». И сам себе удивлялся: «Мы так преуспели и обеспечили себе независимость, это похоже на сказочный сон, но уверяю тебя: это прочный и отрадный факт, насколько отлич-

но наше положение от множества других, будем же благодарны».

Несмотря на строжайшую секретность, слухи о надвигающемся скачке транспортных тарифов просочились на запад Пенсильвании. 22 февраля газета «Петролеум центр рекорд» намекнула на «гигантскую махинацию», осуществлённую некоторыми железными дорогами и нефтеперерабатывающими компаниями с целью контролировать закупки сырой и очищенной нефти на местах. Четыре дня спустя ошарашенные нефтедобытчики прочли в утренних газетах, что транспортные тарифы увеличились вдвое — для всех, кроме привилегированных компаний из Кливленда, Питсбурга и Филадельфии, входивших в некую «Южную компанию по благоустройству».

Нефтяной регион мгновенно вспыхнул. В ночь на 27 февраля в здании городского театра Тайтусвилла собрались три тысячи человек с плакатами «Долой заговорщиков!», «Никаких компромиссов!» и «Мы не уйдём с корабля!». Рокфеллера называли «чудовищем», а его шайку — «сорока разбойниками».

«К нам подкралась гигантская анаконда, но мы не желаем уступать! — выкрикнул очередной оратор, Джон Дастин Арчболд. (Питер Уотсон пытался заманить его в «SIC», но Арчболд с негодованием отказался, считая, что каждый имеет дарованное Богом право добывать нефть у себя на заднем дворе и продавать её.) — Это последняя отчаянная схватка отчаявшихся людей!»

Его слова потонули в рёве аплодисментов и возгласов одобрения. Молодого человека (ему было 24 года) избрали секретарём нового Союза производителей нефти, который принял решение нанести ответный удар и уморить голодом заговорщиков из «SIC», продавая сырую нефть только местным заводам. Но для этого было нужно, чтобы все действовали заодно. Небольшой отряд активистов переходил из городка в городок, устраивая факельные шествия и вербуя новых сторонников. В ночь на 1 марта состоялось другое шумное и многолюдное собрание — в театре Ойл-Сити. Арчболд внёс предложение: сократить производство на треть и не бурить новых скважин в течение месяца; его поддержал молодой нефтедобытчик Льюис Эмери-младший. К концу митинга тысяча человек были готовы идти в Гаррисберг, тогдашнюю столицу Пенсильвании, и требовать у властей избавления от «SIC».

Газета «Ойл-Сити деррик» каждый день печатала на первой странице, в жирной чёрной рамке, список заговорщиков: Питер Уотсон, Джон Рокфеллер и шестеро других членов правления. Это всё была «анаконда», а Рокфеллера прозвали «кливлендским Мефистофелем». На голубых бочках «Стандард ойл» рисовали череп и кости. Представители фирмы Джозеф Сип и Дэниел О'Дэй забаррикадировались в конторе от бушующей толпы. Знакомые перестали здороваться с ними на улице. Крупный нефтедобытчик капитан Джон Джонс призывал поджечь резервуары «Стандард ойл». Диверсанты нападали на железнодорожные составы, выливали содержимое цистерн на землю, разбирали рельсы. По ночам конные патрули разъезжали по шестнадцати нефтяным посёлкам, следя, чтобы никто не нарушал «эмбарго» и не бурил втихаря. Одновременно делегаты нефтяников в Гаррисберге вели атаку на законодателей, требуя аннулировать уставные документы, выданные «SIC», и направили в конгресс петицию в виде свитка длиной 93 фута с требованием провести расследование. Листовка о «SIC» была отпечатана в тридцати тысячах экземпляров, чтобы «честные люди знали и проклинали врагов свободной торговли».

На посыпавшиеся угрозы Рокфеллер не реагировал, так что Флаглер даже восхищённо воскликнул: «Джон, у тебя кожа толстая, как у носорога!» Репортёров он и на порог не пустил, а Флаглеру, заявившему прессе, что противники «Стандард ойл» — «горстка горячих голов», посоветовал впредь воздерживаться от комментариев, и тот закрыл рот на замок. Но слова словами, а дела делами: Джон Д. договорился, чтобы рядом с конторой установили особый полицейский пост, второй помещался возле его дома, а сам он теперь клал на прикроватную тумбочку револьвер.

«Носорожистость» — бесценная черта в бизнесе. Пока в Пенсильвании бушевали страсти, «Стандард ойл» поглотила 22 из 26 своих кливлендских конкурентов, причём шесть заводов Рокфеллер выкупил в начале марта за двое суток (впоследствии это назвали «Кливлендской резнёй»). Заваруха с «SIC» возникла в смутное время. Над отраслью сошлись грозовые тучи банкротства и разорения — и вдруг из них на голубых крылышках спускался добрый ангел с бакебардами. «Мы переложим ваше бремя на себя, — говорил он страждущим. — Мы будем использовать ваши способности, мы дадим вам представительство, мы объединим наши усилия и возведём прочное здание на основе сотруд-

ничества». Владельцы убыточных заводов соглашались их продать; Рокфеллер выплачивал им сумму, обычно не превышавшую четверти расходов на строительство, или ту, какую можно было бы выручить при продаже разорившейся фирмы с молотка. А что делать? Он же собирался закрыть эти заводы, а не извлекать из них прибыль. Соглашались не все и не сразу. Джон Хейзель из фирмы «Бишоп и Хейзель» заявил Рокфеллеру, что не боится его, на что Джон со смиренной улыбкой христианина ответил: «Вы можете не бояться, что вам отрубят руку, но вашему телу будет больно». Колеблющихся он уговаривал покупать акции «Стандард ойл» — «и ваша семья никогда не узнает нужды». Заключив очередную сделку, он бежал в контору, пускался в пляс и радостно кричал Сэму Эндрюсу: «Ещё один завод наш, Сэм! Ещё одна овца в загоне».

Однажды в дверь дома 424 по Евклид-авеню постучался... Айзек Хьюитт, некогда предоставивший Рокфеллеру его первую в жизни работу. Теперь он молил о пощаде: Хьюитт был партнёром в товариществе «Александр, Скофилд и К^о». Разговаривать в доме было неудобно; бизнесмены неспешно шли вдоль по улице, и Джон Д. сказал бывшему боссу: «У меня есть способы делать деньги, о которых вы даже не подозреваете». Фирма не выживет, если не продать её «Стандард ойл». Рокфеллер был невысокого мнения о способностях Хьюитта как дельца, но всё-таки был ему обязан. Зато Александр вызывал у него раздражение: «Разве мог этот самодовольный англичанин даже предположить, что молодой человек, начинавший бухгалтером, особенно в то время, когда он сам служил на нефтеперегонном заводе, окажется способен возглавить движение такого рода?» А Скофилд был тестем Фрэнка (у которого, кстати, в августе прошлого года родилась вторая дочь)... Рокфеллер купил фирму за 65 тысяч долларов — владельцы были уверены, что она стоит 150 тысяч, — и одолжил Хьюитту денег на покупку акций «Стандард ойл».

Фрэнк свою долю вложил в суда, ходившие по озеру Эри. Отношения между братьями так и не наладились. Джон сделал первый шаг, заключив с Фрэнком контракт на перевозки, но тот остался в своём репертуаре: вместо того чтобы оправдать доверие и проследить за выполнением контракта, отправился на охоту. «Фрэнк, пора это прекратить, — строго заявил ему Джон тоном директора школы. — Если ты хочешь заниматься бизнесом — прекрасно. Если нет, мы найдём другое решение». Фрэнк вспылал, но

брат резко оборвал его: «Сколько, по-твоему, стоят твои суда? Назови сумму!» На следующий день он выписал чек, и Фрэнк немедленно принялся играть на бирже...

Когда в контору «Стандард ойл» вызвали Роберта Ханну, дядю Марка Ханны (школьного товарища Джона) и партнёра в товариществе «Ханна, Баслингтон и Компания», тот с порога заявил, что свой завод не продаст. Рокфеллер вздохнул и пожал плечами. «Вы останетесь одни, — предупредил он. — Ваша фирма никогда не сможет больше делать деньги в Кливленде. Нет смысла пытаться вести дела, соперничая с компанией “Стандард ойл”. Попробуйте — и окажетесь за бортом». Ханна попробовал: отправился к руководству «Лейк-Шор» и потребовал для себя таких же тарифов, как и для Рокфеллера, — и получил отказ: скидки для «Стандард ойл» оправданы тем, что эта компания осуществляет крупные перевозки. А вот вы сможете фрахтовать столько же вагонов? Каждый день? Ханна не мог. В конце концов он согласился продать завод за 45 тысяч долларов, хотя сам оценивал его в 75 тысяч. Однако тут же скооперировался с Уильямом Скофилдом и подал на Рокфеллера в суд. Суть обвинений сводилась к тому, что Рокфеллер запугивает владельцев заводов, размахивая над их головой дубиной «SIC» и грозя расправой. Рокфеллер возражал: при чём тут «SIC»? «Стандард ойл» не имеет к ней никакого отношения. И он не грозит, а увещевает. Не он же вызвал кризис.

А ведь пророчества «кливлендского Мефистофеля» начинали сбываться. Один из нефтепромышленников, Грант, знавший Рокфеллера по баптистским кругам, отказался примкнуть к «Стандард ойл», думая, что это колосс на глиняных ногах, — и разорился, не в силах с ней тягаться. «Отец почти помешался из-за ужасного крушения своего бизнеса, — вспоминала позже Элла Грант Уилсон. — Он расхаживал по дому днём и ночью... Покинул свою церковь и больше никогда после этого в церковь не ходил. Вся его жизнь была отравлена этим происшествием».

Но как бы ни хорохорился Рокфеллер, а 90 процентов работников компании пришлось временно распустить по домам. Заговорщики совершили большую оплошность, не пригласив в «SIC» нью-йоркских производителей нефтепродуктов; те теперь перешли на сторону протестующих из Пенсильвании, однако согласились на переговоры. Своим представителем они избрали 32-летнего красавца Генри Роджерса, умевшего располагать к себе людей.

Сын капитана-китобоя, Роджерс уже в юности понял, что будущее за нефтью, а не за китовым жиром. В 1861 году он вместе с другом основал рядом с Ойл-Сити небольшой нефтеперегонный завод, вложив 1200 долларов, и уже в первый год заработал 30 тысяч — больше, чем получили бы три китобойных судна, уйдя в годичное плавание. В Пенсильвании Роджерс познакомился с Чарлзом Праттом, сыном плотника из Массачусетса, старше его на десять лет. Пратт, ранее торговавший лаками и красками, стал пионером нефтяной индустрии и основал в Бруклине фабрику по производству керосина «Астрал ойл». Качество его товара оценили в Европе и в Азии; рекламным лозунгом фирмы было: «Тибетские фонари заправляет Астрал ойл». Роджерс с другом договорились продавать всю продукцию своего заводика Пратту по твёрдой цене. Когда спекулянты раздули цены на сырую нефть, которую молодые люди, не имея собственной скважины, были вынуждены приобретать, они погрязли в долгах. Партнёр Роджерса сдался и вышел из бизнеса, но сам он отправился в Нью-Йорк и заявил Пратту, что весь долг берёт на себя. Это произвело столь сильное впечатление, что Пратт взял его на работу мастером, пообещав сделать партнёром, если прибыль удастся довести до пятидесяти тысяч в год. В 1867 году родилась фирма «Чарлз Пратт и К^о», а Роджерс превратился в «руки и ноги, глаза и уши» Пратта. Он улучшил технологию производства лигроина и 31 октября 1871 года получил соответствующий патент. Необходимость кормить быстро растущую семью придавала ему энергии для борьбы с новыми препятствиями, неожиданно возникшими на пути.

Итак, 18 марта Генри Роджерс и Том Скотт встретились в отеле «Филадельфия», и Скотт решил дать задний ход: в самом деле, несправедливо исключать из «SIC» господ из Нью-Йорка и Пенсильвании. Рокфеллер в это время тоже находился в Нью-Йорке, но уступать ни в чём не собирался. «Я всё ещё полон упорства и надежды, — писал он 21 марта Лоре, томившейся от тревоги и дурных предчувствий. — Не забывай, что наша сторона ещё не попала в газеты. Мы знаем кое-какие вещи, о которых люди в целом могут не знать; во всяком случае, нам известны наши собственные намерения, и они правильные, и только так. Но, пожалуйста, не говори ничего, только знай, что твой муж будет держаться и бороться за правое дело».

Контора железной дороги «Эри» размещалась в нарядной нью-йоркской Гранд-опера. Именно там группа Род-

жерса устроила 25 марта совещание с руководством железных дорог. Оно уже началось, когда в дверь постучали: Питер Уотсон и Джон Рокфеллер попросили разрешения войти. Уотсона впустили, а Рокфеллера нет, и он стал нервно расхаживать по коридору, а потом махнул на всё рукой и ушёл. На совещании присутствовал журналист «Нью-Йорк таймс», не преминувший рассказать читателям об инциденте; имя Рокфеллера тогда впервые появилось в столь крупной газете, но в искажённом виде: «Рокафеллоу». А собрание закончилось тем, что владельцы железных дорог согласились расторгнуть договор «SIC», отменить скидки и откаты и установить единые тарифы для всех. В начале апреля пенсильванские законодатели аннулировали уставные документы «SIC», а месяцем позже конгресс заклеил позором «гигантский и бесстыдный заговор».

Теперь уже кливлендская фирма оказалась в проигрыше, ведь ей сначала нужно было оплатить перевозку сырой нефти в Кливленд (50 центов за баррель), а потом доставку нефтепродуктов в Нью-Йорк, тогда как заводы Тайтусвилла сразу поставляли свою продукцию в порт. Генри Флаглер снова выторговал уступки от «Лейк-Шор», но уже не такие существенные. Однако питсбургские компании переживали те же неприятности, и Рокфеллер решил объединиться с ними, чтобы вместе надавить на железнодорожников. Время индивидуалов прошло, будущее за кооперацией.

Между тем некоторые кливлендцы, продавшие ему свои заводы, бессовестно открывали новые — на его же деньги! Этого нельзя было так оставить: Рокфеллер заставлял их подписывать обязательство более не возвращаться в нефтяной бизнес, а обманщиков ташил в суд. В его представлении «Стандард ойл» была «Моисеем, избавившим их от безрассудства, произведшего столь великие опустошения». Он сотворит из хаоса упорядоченный мир, регулируя производство, поставки и цены на рынке. И дело пойдёт на лад.

В середине мая Рокфеллер с Флаглером отправились в Питсбург для встречи с местной деловой тройцей: Уильямом Уорденом, Уильямом Фрю и О. Т. Вэрингом. Оттуда вся компания выехала поездом в Тайтусвилл, чтобы представить там план новой Ассоциации национальных нефтепереработчиков. Встретили их враждебно: хотя ассоциация была открыта для всех (под председательством Рокфеллера), в ней видели замаскированную «SIC» и ждали подвоха. На двух шумных собраниях Флаглера освистали и осыпали насмешками; Рокфеллер сидел невозмутимый, как сфинкс.

Пришлось опять вербовать сторонников по одному, разделять, чтобы властвовать. Среди перебежчиков оказался... секретарь Союза нефтедобытчиков Джон Арчболд — сын пастора-методиста, игрок и пьяница, зять нефтепромышленника из Тайтусвилла и отец двух дочерей.

Арчболд увидел в Рокфеллере спокойную силу, которая ему импонировала. И не только ему. Зная себе цену, Джон Д. не заискивал перед сильными и богатыми и не боялся вступить с ними в конфликт, действуя хладнокровно и умно. Когда «Стандард ойл» в очередной раз потребовались деньги, Рокфеллер обратился во Второй национальный банк, в правление которого входил Амаса Стоун. Тот ожидал, что молодой бизнесмен явится просителем, но этого не произошло. Получив отказ от Стоуна, Рокфеллер обратился к совету директоров, и двое из них, Пейн и Уитт, высказались в его поддержку. Стоит ли говорить, что отношения резко испортились и Стоун закрыл перед Рокфеллером двери своего дома. Ответный удар последовал очень скоро. Стоун вовремя не купил дополнительный пакет акций «Стандард ойл». В июне их продажа закончилась. Стоун обратился к Флаглеру, чтобы тот продлил срок; тот пошёл ему навстречу, но Рокфеллер немедленно отменил это распоряжение. Генри считал, что Стоун может быть полезен и надо его задобрить, — Джон Д. резко возражал: нечего перед ним пресмыкаться. Ах так? Стоун продал все свои акции «Стандард ойл» и вышел из правления компании. Рокфеллер об этом не сожалел. Он верил в свою компанию и как-то сказал одному кливлендскому заводчику, ставшему её акционером: «Продайте всё, что у вас есть, вплоть до последней рубашки, но сохраните акции».

Буквально через месяц, 30 июля, на нью-йоркском нефтяном терминале «Стандард ойл» в Хантерс-Пойнте вспыхнул страшный пожар. Страховщик отказался выплачивать деньги до завершения расследования, а на восстановление терминала срочно требовались деньги. Пришлось снова обращаться во Второй национальный банк. На заседании правления Стоун, предвкушая месть, заявил, что, прежде чем выдавать кредит, следует оценить финансовое положение просителя. Тогда Стилман Уитт распорядился принести деньги из его личного сейфа: «Джентльмены, это надёжные молодые люди, и если они хотят занять больше денег, нашему банку следует выдать их без колебаний, а если вам нужны дополнительные гарантии — вот они: возьмите, сколько нужно».

Деятнадцатого декабря Рокфеллер собрал нефтепромышленников из Пенсильвании в нью-йоркском отеле «Пятая Авеню» и подписал с ними Тайтусвиллский договор: ассоциация нефтепереработчиков будет покупать нефть у ассоциации нефтедобытчиков по пять долларов за баррель (почти вдвое дороже рыночной цены) в обмен на строгое соблюдение лимитов на добычу. Как бы не так: нефти стали качать ещё больше, рыночная цена скатилась до двух долларов, а самые ушлые производители норовили воспользоваться привилегиями ассоциации, не присоединяясь к ней. Уже в январе Рокфеллер расторгнул соглашение, а 24 июня 1873 года распустил ассоциацию. Не хотите по-хорошему? «Есть люди, которых и Всемогущий Господь спасти не может. Они не желают быть спасёнными. Они хотят по-прежнему служить дьяволу, идя своим порочным путём».

Был, однако, момент, когда он поколебался в своей вере. Взывать к рассудку пенсильванских нефтедобытчиков, представлявших собой не общину, а дикую орду, было тщетно; не помогали даже жёсткие меры активистов ассоциации, поджигавших новые скважины. Кроме того, у США уже не было мировой монополии на нефть: с 1872 года её добыча начала бурно развиваться в Российской империи, в районе Моздока: за год производство увеличилось с 25 тысяч тонн до 66 тысяч. А в 1873 году швед Роберт Нобель, оказавшись проездом в Баку, купил одно из нефтеперерабатывающих предприятий. Бакинская нефть залежала ближе к поверхности, чем пенсильванская, и её запасы, по оценкам специалистов, были обширнее. Старший брат Роберта, Людвиг Нобель, владевший оружейными заводами в Петербурге, вложил огромные средства в создание современного нефтеперерабатывающего комплекса из нескольких десятков скважин, заводов в Баку и нефтехранилищ в главных городах России. Рокфеллер же не мог на законных основаниях расширить свой бизнес на территорию других штатов. Покупку половины товарищества «Чесс, Карли и К^о», которой принадлежал завод в Луисвилле, штат Кентукки, надо было держать в секрете. Полностью подмять его под себя не удалось: владелец, Ф. Д. Карли, падший методистский священник, обаятельный негодяй, закоренелый игрок, всячески сопротивлялся контролю со стороны «Стандард ойл», а с заседаний правления отпирлялся напрямик в свою букмекерскую контору.

Между тем недалёковидная политика президента Улисса Гранта ввергла США в очередной кризис. Сокращение

денежной массы создавало проблемы для развития бизнеса: столь необходимые деньги нужно было «изыскивать». 18 сентября 1873 года рухнул банк «Джей Кук и К^о». Кук финансировал строительство новой железной дороги «Нозерн Пасифик», которая должна была обслуживать промышленность Северо-Запада. Он уже должен был получить правительственный заём в 300 миллионов долларов на покрытие облигаций железной дороги, когда кто-то распустил слух, что его банк разорён. С «чёрного четверга» началась новая «чёрная серия»: банк Кука утянул за собой банк Генри Ключа, потом другие; Нью-Йоркская биржа закрылась на десять дней; на заводах от восточного до западного побережья начались увольнения... К ноябрю прогорели 55 железных дорог, а ещё 60 обанкротились к годовщине кризиса.

Утратив скелет, нефтяная промышленность вялой тряпочкой сползла на пол: после «чёрного четверга» цены на сырую нефть упали до 80 центов за баррель, а в течение года опустились до 48 центов — в некоторых городках нефть стоила дешевле воды. Однако настоящий бизнесмен сможет извлечь выгоду даже из катастрофы. 34-летний Джон Рокфеллер резко сократил дивиденды «Стандард ойл», остановил четыре из шести крупных заводов в Кливленде и таким образом сохранил запасы наличных средств, кредит в банках и довольно высокий уровень доходов, обеспечивавший доверие инвесторов. «Стандард ойл» поставляла около миллиона баррелей нефтепродуктов в год и зарабатывала по доллару с барреля; даже после сокращения производства компания концентрировала четверть всей американской нефтяной промышленности.

Об этих сказочных доходах потенциальные инвесторы или партнёры могли узнать, только ознакомившись с бухгалтерскими книгами; всю прибыль надлежало вкладывать в дело, а не тратить на показуху в припадке тщеславия, свойственного нуворишам. Структура «Стандард ойл» была подобна корневой системе дерева, скрытой под землёй. Поглощённые ею конкуренты продолжали работать на прежнем месте, под прежним названием и вели тайную бухгалтерию, чтобы о связях с Кливлендом нигде не было указано в документах. Для внутренней переписки использовали шифр и вымышленные имена.

Человек, которому есть что скрывать, легко подвержен шпиономании. Однажды, проходя через контору, Джон Д. заметил, что один из служащих разговаривает с незнакомцем. Он вызвал сотрудника к себе: «Кто этот человек? Что

ему нужно? Что он тут вынюхивает?» — «Это мой друг, — оправдывался клерк, — он ничего не выводывал, просто зашёл повидать меня». — «Допустим, — возразил Рокфеллер, — но этого никогда нельзя знать наверняка. Будьте осторожны. Очень, очень осторожны».

Глава фирмы, ворочавшей миллионами, ходил в поношенном сюртуке, лоснящемся на локтях, а его жена собственноручно штопала одежду и уверяла, что женщине нужно не более двух платьев. Никто не должен был знать, насколько они богаты, включая их собственных детей, донашивавших платица друг за другом. Заключив договор с одним из кливлендских заводчиков, Рокфеллер пригласил его к себе домой и сказал: «Держите этот договор в тайне даже от собственной жены. Когда вы начнёте получать больше денег, постарайтесь, чтобы никто об этом не узнал. Вы ведь не собираетесь зажить на широкую ногу, не так ли?» Никто не должен видеть, что на нефтяном бизнесе можно разбогатеть, иначе люди вновь устремятся в эту нишу и сведут на нет все его усилия. Однажды, когда Рокфеллер ехал из Питсбурга в Кливленд вместе с О. Т. Вэрингом, тот спросил, кто владеет вон тем красивым тёмно-зелёным домом на вершине холма. Джон Д. помрачнел: «Хотите знать, чей это дом? Нашего мистера Хоппера, который делает для нас бочки. Фью! Дорогуший дом, правда? Интересно, не получает ли Хоппер *слишком* много денег? Надо будет посмотреть». Вернувшись в контору, он проверил все счета, решил, что Хоппер получает чрезмерную прибыль, и расторг с ним контракт.

«Анаконда» постепенно сжимала кольцо вокруг нефтяных регионов. 22 января 1874 года Рокфеллер купил «Империал рефайнинг компани» со всеми её заводами вокруг Ойл-Сити. Основатель компании Джейкоб Дж. Вандергрифт, уроженец Питсбурга, был двенадцатью годами старше Рокфеллера; поступив пятнадцатилетним юнгой на пароход, менее чем за десять лет дорос до капитана. Он первым стал использовать полезное пространство на носу парохода и внедрил метод буксировки барж, увеличив таким образом перевозки угля и создав стимул для местных шахт. Узнав из газет об обнаружении нефти в Западной Виргинии, он передал свой пароход брату Джозефу и отправился туда попытать счастья. Но началась Гражданская война, пароход реквизировали для военных нужд, впоследствии он затонул; конфедераты разорили нефтеносный район, и капитан Вандергрифт уехал в Ойл-Сити. Для транспорти-

ровки нефти от скважин к погрузочным терминалам стали прокладывать трубы; Вандергрифт первым начал получать прибыль от нефтепровода. Когда он переметнулся на сторону «Стандард ойл», став её акционером, это сильно деморализовало независимых нефтедобытчиков, чего Рокфеллер и добивался.

Господь в очередной раз послал ему знак, что он на правильном пути: ровно через неделю, 29 января, Джон Д. примчался из дома в контору и со слезами на глазах сообщил Флаглеру и Пейну радостную новость: у него наконец-то родился сын! (К тому времени у Уильяма было уже двое сыновей: Джон Дэвисон Рокфеллер II появился на свет 8 марта 1872 года.) Младенец был крошечным и слабым, но без изъянов. Для его матери появление на свет Джона-младшего совпало с созданием в Огайо при её активном участии Христианского женского союза за трезвость. Словно чувствуя, какие громадные надежды возлагают на него оба родителя, малыш съёживался в комок и плакал только в самых неотложных случаях, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Дед со стороны отца не сразу узнал о его рождении. «Доктор Левингстон» колесил по Иллинойсу, Миннесоте, Айове, обеим Дакотам, используя старый проверенный трюк: притворялся глухонемым. Индейцы верили, что духи, лишая человека какого-либо дара, наделяют его другим — например, целительством. В 1874 году «доктор» получил приёмного сына: он встретил в Висконсине Чарльза Джонстона, похожего на индейца (смуглая кожа, выступающие скулы, длинные чёрные волосы), вылечил его от лихорадки и пообещал научить «искусству исцеления». Теперь, приезжая в очередной городок, Билл предьявлял доверчивым зрителям «сына великого вождя» в пышных перьях и боевой раскраске, который якобы узнал от своего отца секреты врачевания. С его помощью «великий доктор Левингстон» обещал лечить от всех болезней, ставя диагноз практически с одного взгляда. Он всегда останавливался в лучшей гостинице и снимал несколько номеров, за которые отчаянно торговался, а потом вставлял в галстук булавку с бриллиантом и начинал приём больных. Бывало, что он зарабатывал 200 долларов в день. Вырученные деньги вкладывал в ходовой товар, чтобы им спекулировать. Например, купил 50 тысяч бушелей кукурузы, а на следующее лето, когда урожай сожрала саранча, продал свои запасы с большой наценкой. Кстати, с Джонстона он взял тысячу

долларов за «обучение». Все возражения «доктор» снял одним убийственным аргументом: когда-то он одолжил деньги Джону Д. Рокфеллеру, чтобы тот смог заняться нефтяным бизнесом, и теперь его инвестиции в «Стандард ойл» потянут на 375 тысяч. Он сделал богатым Рокфеллера — и Джонстона сделает, если тот останется с ним.

Весёлый, плохой, свой

Предположим, что завтра все эти нефтяные скважины пересохнут. И куда прикажете девать цистерны, резервуары, нефтеналивное оборудование, в которое вложено столько денег? Нет, пусть этим занимаются нефтяники, зачем железным дорогам взваливать на себя такую обузу!.. Рокфеллер с этим согласился (как бы неожиданно) и в апреле 1874 года заключил сделку с железной дорогой «Эри»: «Стандард ойл» получает в своё распоряжение терминал в Вихокене, штат Нью-Джерси, а взамен модернизирует за свой счёт оборудование для поставок нефти в Новую Англию и на Юг и половину своего товара перевозит по «Эри». Таким образом, Рокфеллер не только получал льготные тарифы, но и мог отслеживать перемещения продукции своих конкурентов по всей стране. Он мог даже заблокировать эти перемещения: достаточно просто скупить все бочки или зафрахтовать все цистерны. Кстати, бочки — это вчерашний день: тара порой стоит дороже содержимого, да и всех лесов в округе не хватит, чтобы удовлетворить все потребности. Заботясь об интересах железных дорог, «Стандард ойл» стала вкладывать десятки тысяч долларов в изготовление железнодорожных цистерн, которые потом сдавала в аренду. Железные дороги сразу ввели дополнительную плату за доставку обратно пустых бочек, в то время как цистерны возвращались порожняком бесплатно. Пользователи цистерн получали такую же скидку на утечку, как и перевозчики бочек, вот только цистерны не протекали; таким образом, экономия «Стандард ойл» равнялась стоимости шестидесяти двух галлонов с каждой цистерны.

В Кливленде ей становилось тесно. Контора переехала в построенный Рокфеллером и Харкнессом четырёхэтажный дом 43 на Евклид-авеню, к востоку от Паблик-сквер. Здесь было больше простора. Каждое утро, ровно в 9.15, в дверях появлялся Джон Д. — с тщательно выбритым подбородком и ровно подстриженными усами и бакенбардами

(цирюльник приходил к нему на дом). «Мистер Рокфеллер входил с видом спокойного достоинства, — вспоминал позже один из служащих. — Он был безупречно одет и выглядел так, словно его только что вынули из шляпной картонки. В руках он держал зонт и перчатки, на голове — шёлковый цилиндр». В манжеты были вставлены запонки из чёрного оникса (обязательного для людей, считающих себя влиятельными) с буквой R; туфли начищены до умопомрачительного блеска. (Джон Д. придавал внешнему виду обуви такое значение, что в каждом отделении фирмы непременно имелся бесплатный набор щёток и коробочек с ваксой.) Высокий, бледный, невозмутимый, Рокфеллер желал всем доброго утра, справлялся о здоровье присутствующих, а затем скрывался в своём скромном кабинете. Это занимало столь мало времени, что некоторые сотрудники вообще не замечали, когда он приходил и когда уходил. «Его никогда не было, и при этом он всегда был здесь», — скажет один его компаньон. Многие мелкие служащие даже не знали шефа в лицо.

Рокфеллер редко назначал встречи, особенно незнакомым людям, предпочитая общаться письменно. Людям вовсе не обязательно знать больше того, что им положено знать. Его любимыми поговорками были: «Успех приходит к тем, кто держит уши открытыми, а рот закрытым» и «Не словами, а делами наполняется кошелек». Путём упорных упражнений Рокфеллер сумел превратить своё лицо в непроницаемую маску; когда он читал телеграмму, принёсший её клерк никогда не мог догадаться по выражению лица босса, хорошие пришли новости или плохие. Ежевечерние проповеди, произносимые самому себе, о грехах гнева, тщеславия, слабости и гордыни, а также исповедально-нравоучительные записи в дневнике, который он вёл с самого детства (у баптистов нет таинства исповеди), помогали держать себя в руках, а мысленный разбор своих поступков утверждал в сознании собственной правоты. Однажды к нему в кабинет ворвался разъярённый подрядчик и разразился потоком ругательств; Джон Д. спокойно продолжал работать за письменным столом, не поднимая головы, а когда посетитель выдохся и замолчал, спросил его: «Я не расслышал, что вы сказали. Вы не могли бы повторить?» Он гордился, что у него ненормально редкий пульс — 52 удара в минуту.

Пунктуальность была возведена в степень непреложного закона: «Один человек не имеет права отнимать время

у другого без необходимости». Весь день был расписан по минутам; работа перемежалась с отдыхом — чтобы восстановить силы для работы: в середине утра — перерыв на молоко и крекеры, после обеда — полчаса на сон: «Нехорошо постоянно держать все силы в напряжении».

Джон расхаживал по кабинету мерными шагами, заложив руки за спину. Останавливался у чёрной доски на стене и вписывал мелом новые цены на нефть. Садился на высокий стул и изучал бухгалтерские книги, что-то подсчитывая на листочке. Вставал у окна и смотрел на небо, бесстрастный, как идол. «Многим из нас не удалось совершить великих дел из-за неумения сосредоточить свой ум на одной вещи, которую следует сделать в нужное время, отрешившись от всего остального», — сказал он однажды.

Иногда он выбирался из своей берлоги и шёл по коридору, размеренный, как метроном, всегда проходя определённое расстояние за одинаковое время. Движения его были бесшумными, голос — почти неслышным. Он скользил тенью и появлялся за спиной у служащих, точно привидение, учтиво прося разрешения ознакомиться с тем, что они делают. Чаще всего это случалось в бухгалтерии. «Позвольте мне, — говорил он и брал в руки гроссбух. — Очень хорошо. В самом деле аккуратно. Вот здесь небольшая ошибка — исправьте, пожалуйста». Бухгалтер был ошарашен: за такое краткое время пробежать глазами плотные колонки цифр и найти ошибочку — он мог поклясться, единственную на весь гроссбух! В бухгалтерии Рокфеллер установил гимнастический снаряд — палку на резиновых ремнях, которую можно было отталкивать или тянуть к себе, разминая мышцы. Однажды утром, застав его за этим занятием, молодой помощник бухгалтера проворчал, что эта штукавина только место занимает, лучше б её отсюда убрать. «Хорошо», — сказал Рокфеллер, и штуквину убрали. А служащий с ужасом узнал от товарищей, что высказал недовольство самому шефу, и стал ждать увольнения. Однако его не последовало: Джон Д. по-отечески относился к своим служащим, принимал живое участие в решении их проблем, щедро платил, а уволить мог только за серьёзный проступок. Всю свою ярость и мстительность он приберегал для конкурентов.

В конце августа 1874 года Рокфеллер и Флаглер отправились в Саратогу-Спрингс, штат Нью-Йорк — модный курорт у подножия Адирондакских гор, славившийся минеральными источниками, казино и рысистыми бегами; Командор Вандербильт построил там себе дачу. (Кстати,

именно ему мир обязан появлением картофельных чипсов: однажды, ужиная в ресторане «Мун Лейк Лодж», Вандербилт вернул жареный картофель на кухню: слишком толсто нарезан. Шеф-повар Джордж Крам рассердился, нашинковал клубни кусочками толщиной в бумажный лист — и угодил взыскательным клиентам.) Однако руководители «Стандард ойл» ехали туда совсем не за этим: у них была назначена тайная деловая встреча с Чарлзом Локхартом из Питсбурга и Уильямом Уорденом из Филадельфии. Локхарт (по оценке Джона Д., «один из самых опытных, степенных и сдержанных людей в бизнесе») был ветераном нефтяной отрасли: он начинал ещё в 1850-е и первым отправил образцы пенсильванского керосина в Лондон. Товарищество «Локхарт, Фрю и К°» обзавелось филиалом в Филадельфии — «Уорден, Фрю и К°», позже превратившимся в «Атлантик рефайнинг компани». Они поставляли в Ливерпуль нефтепродукты в железных цистернах, сокращавших риск воспламенения и предохранявших от распространения неприятных запахов.

После завтрака все четверо удалились в уютный павильон возле одного из источников и проговорили там шесть часов кряду. Ну как проговорили — Локхарт внимательно слушал, не произнося ни звука (Рокфеллер потом сказал Флаглеру, что с таким человеком он охотно пошёл бы на рыбалку), зато Уорден, наоборот, был излишне экспансивен. Джон Д. пытался донести мысль, что, только объединившись в одну компанию, они смогут остановить снижение цен. Собеседники колебались, и тогда он выложил на стол главный козырь: приезжайте в Кливленд и посмотрите нашу бухгалтерию. Уорден приехал — и не поверил своим глазам: себестоимость керосина была такой низкой, что Рокфеллер мог продавать его дешевле, чем Уордену обходилось его производство, да ещё и получать прибыль. Потратив несколько недель на оценку возможностей «Стандард ойл» и получив обещание, что они получают право голоса в правлении, Уорден и Локхарт тайно продали Рокфеллеру свои заводы за акции «Стандард ойл». В один присест «анаконда» заглотнула больше половины питсбургских нефтеперерабатывающих предприятий, и новые союзники пообещали прибрать к рукам независимых производителей. Через два года независимость сохранил только один из двадцати двух. К тому времени в Нью-Йорке уже удалось купить компанию по производству нефтяных контейнеров и крупный нефтеперерабатывающий завод на Лонг-

Айленде, а Уильям Рокфеллер сумел заполучить контроль над «Чарлз Пратт и К^о». Прежде чем сдаться, Пратт — немногословный, осторожный баптист — обсудил этот вопрос с Генри Роджерсом, в недавнем прошлом ярким обличителем «SIC», и они решили, что для пользы дела надо объединяться. Джон Д. довольно потирал руки: «Я рад тому, что в большинстве случаев те же самые люди, которые отчаянно сопротивлялись всему, что предлагает “Стандард ойл”... встретившись с нами лицом к лицу, узнав всё от нас, а не от клеветников, с готовностью к нам присоединялись и позже никогда об этом не жалели». Роджерс сформулировал условия, обеспечивавшие им с Праттом работу и достаток, а также получил пакет акций «Стандард ойл». Рокфеллер взял перспективного молодого человека в свою команду, к тому же Роджерс подружился с Генри Флаглером, с которым у него было много общего.

Новые союзы держались в секрете, но их последствия бросались в глаза. Вскоре после того как Рокфеллер и Пратт пожали друг другу руки, Джон Эллис, производивший вазелин, неожиданно обнаружил, что не может зафрахтовать вагоны для перевозок сырой нефти. Словно какая-то невидимая сила вставляла ему палки в колёса. Ему недолго пришлось ломать голову над этой загадкой: в контору зашёл представитель «Стандард ойл» и сказал ему по-дружески: «Вам ничто не поможет. Придётся продать завод нам». — «Я ни за что не продам его таким мошенникам, как “Стандард ойл”!» — взорвался Эллис. Ему удалось удержаться на плаву, но он стал исключением из правил.

Рокфеллер летом переговорил с руководством железных дорог штатов Нью-Джерси и Нью-Йорк, заставив их уравнивать тарифы для всех нефтеперегонных заводов, поставляющих свой товар на восточное побережье. Теперь по участку в 150 миль, соединявшему Ойл-крик и Кливленд, сырую нефть перевозили бесплатно, так что нефтедобытчики утратили своё преимущество. Когда эта новость грянула как гром среди ясного неба, 9 сентября 1874 года, вдоль всего Нефтяного ручья начались митинги протеста. Какими только словами не поносили Рокфеллера! Но руководство железных дорог теперь твёрдо знало, что добытчики-индивидуалы обречены.

«Стандард ойл» занялась созданием сети нефтепроводов, основав для этого Американскую трансфертную компанию под руководством энергичного тридцатилетнего ирландца Дэниела О’Дэя. Рокфеллер также приобрёл

треть акций нефтепроводной компании «Вандергрифт и Форман», в результате чего родилось новое предприятие — «Юнайтед пайп лайнз», якобы независимое от «Стандард ойл». Якобы, понимаете? Выдав небольшие пакеты её акций Уильяму Вандербильту («Нью-Йорк Сентрал») и Амасе Стоуну («Лейк-Шор»), Рокфеллер теперь извлекал максимальную выгоду и из железнодорожных перевозок, и из трубопроводов, контролируя 36 процентов рынка.

Не забывал он, разумеется, и о самом производстве. У Сэма Эндрюса появился конкурент в лице Эмброуза Макгрегора, которому поручили надзор за производством нефтепродуктов в Кливленде. Конкурентов надо опережать не только по объёму производства, но и по широте ассортимента, а Эндрюс так всю жизнь и будет гнать из нефти только керосин и лигроин. Рокфеллер не был химиком, но умел находить профессионалов и прислушиваться к ним. Благодаря Макгрегору «Стандард ойл» существенно удлинила перечень своих продуктов: парафин для жевательной резинки и свечей, гудрон и асфальт для строительства дорог, смазочные материалы, лаки, краски, промышленные кислоты...

В начале 1875 года добычей «анаконды» стал второй по величине завод Тайтусвилла — «Портер, Морленд и К^о», в результате чего 27-летний Джон Д. Арчболд вошёл в руководство «Стандард ойл». Рокфеллер обратил внимание на этого заводного толстячка не тогда, когда он гомонил на митингах, предавая анафеме «кливлендских прохиндеев», а при регистрации в одной тайтусвиллской гостинице: в журнале над его собственным именем красовалась надпись: «Джон Д. Арчболд, 4 доллара за баррель». Сырая нефть тогда продавалась гораздо дешевле.

Это был тот самый случай, когда сошлись две противоположности: высокий худой Рокфеллер, похожий на агента похоронного бюро, был очарован подвижным коротышкой Арчболдом, сыпавшим шутками и анекдотами, — как заметил один современник, он «высмеял себе дорогу к богатству». Сделавшись придворным шутом, Арчболд постепенно выбьется в наследники, превратившись в приёмного сына (его отец-священник бросил семью, когда Джону было десять лет) — наверное, потому, что напоминал Джону Д. его собственного отца. (Несмотря на всю сложность их отношений, старший сын Дьявола Билла был благодарен отцу за практическое воспитание без «розовых очков».) Даже пьянство и игромания Арчболда не оттол-

кнули от него трезвенника Рокфеллера, который, конечно же, увещевал его не предаваться пагубной страсти, но расстаться с тёзкой уже не мог. «Ренегат» и «дезертир» Арчболд оказался настолько ловким дипломатом, что помог «Стандард ойл» поглотить нефтеперерабатывающий завод на Ойл-крике. Компанию теперь называли «спрутом», в Тайтусвилле Рокфеллером пугали детей. Людей из Кливленда не пустили бы и на порог, а Арчболд кого угодно мог обезоружить своей улыбкой. Полезный человек...

В мае Рокфеллер взял под свой контроль все крупные нефтеперерабатывающие центры, тайно купив компанию Джонсона Ньюлона Кэмдена в Паркерсбурге, штат Западная Виргиния. До совершения сделки «Стандард ойл» потребовала произвести инвентаризацию фирмы и собиралась направить туда Эмброуза Макгрегора, но Кэмден побоялся, что Макгрегора может узнать начальник бондарной фабрики и заподозрить неладное. Покупку фирмы удалось осуществить в полнейшей тайне. Между прочим, Кэмден, юрист по образованию, был президентом Первого национального банка Паркерсбурга и политиком-демократом, дважды — в 1868 и 1872 годах — неудачно баллотировавшимся на пост губернатора Западной Виргинии.

Теперь от шупалец спрута ускользала только железная дорога «Балтимор и Огайо» («В & О»), пролежавшая по югу Пенсильвании и соединявшая нефтеперегонные предприятия Паркерсбурга и Вилинга с Балтимором, где находился экспортный нефтяной терминал. Компания «В & О» к тому же поставляла сырую нефть в Питсбург по нефтепроводу. Короче говоря, она была последней надеждой независимых нефтепромышленников, ещё сопротивлявшихся новой власти. Президент «В & О» Джон Гарретт уже давно призывал Кэмдена выступить единым фронтом против «Стандард ойл» и даже предложил ему льготные тарифы. Это и стало его роковой ошибкой. Коварный перебежчик выторговал для себя замечательные тарифы в обмен на ежемесячные перевозки пятидесяти тысяч баррелей нефти и получил откат в десять центов с барреля со всех нефтепродуктов, перевозимых «В & О» — принадлежащих и самому Кэмдену, и его конкурентам. Знал бы Гарретт, на чью мельницу льёт воду... Кэмден, как и Арчболд, начал скупать местные предприятия. «Плакать хочется, когда приходится выкладывать хорошие деньги за этот мусор, — жаловался он Рокфеллеру, — но это наш долг перед человечеством, и я считаю, что нужно исполнить его не дрогнув».

В сентябре «Стандард ойл» создала «Акме ойл компани» — подставную организацию для поглощения мелких предприятий под руководством Арчболда. В несколько месяцев он купил или взял в аренду 27 нефтеперерабатывающих заводов. На деньги не скупилась, за работающие предприятия платили, сколько попросят, но важнее всего было не допустить создания новых. Когда Сэмюэл Ван Сейкель (один из первых жителей Питхоула, от которого теперь осталось одно воспоминание, и героический создатель первого трубопровода) пожелал построить новый завод, к нему пришёл представитель «Стандард ойл» и предложил хорошее жалованье в обмен на отказ от этих планов: «Подумайте хорошенько: даже если вы начнёте перерабатывать нефть, на чём вы будете её перевозить? Кому продавать? Вы непременно разоритесь». И Ван Сейкель уступил.

Но успокаиваться было рано. Прогнозы Пенсильванского геологического комитета, что добыча нефти достигла пика и теперь может только идти на спад, в очередной раз не сбылись: в 1875 году нефть нашли в Брэдфорде, к северо-востоку от Ойл-крика. Туда немедленно устремились тысячи бурильщиков с горящими глазами, и цены вновь поползли вниз: если в 1876 году за баррель давали четыре доллара, то два года спустя — всего 70 центов. А правительство всё уповало на конкурентную экономику и свободный рынок. При этом президент Улисс Грант благоговел перед богатыми промышленниками и был счастлив возвращаться в их обществе; в отелях Вашингтона проживали толстосумы, покупавшие за наличные правительственные контракты, права собственности на землю, банковские лицензии и разрешения на прокладку железных дорог.

В 1876 году в конгрессе представили проект закона «О регулировании торговли и запрете несправедливой дискриминации общественными перевозчиками», который должен был положить конец льготам для привилегированных. Дж. Н. Кэмден, конгрессмен от Западной Виргинии, пунктуально информировал Рокфеллера и Флаглера, как идёт рассмотрение, используя для переписки с ними шифр, принятый в «Стандард ойл». «Ко мне прислушиваются с полдюжины сенаторов, с которыми я собираюсь встретиться. Вряд ли есть хоть малейшая опасность того, что этот законопроект пройдёт через сенат». И действительно, в сенате его провалили.

Острый на язык журналист Марк Твен, прославившийся вышедшей в 1869 году книгой «Простаки за границей»,

возмущался продажностью американских законодателей. «Есть один конгрессмен — я хочу сказать, сукин сын, — впрочем, зачем же повторяться», — намеренно «обмолвился» он, выступая на одном банкете. Его бесило, что «голос полного невежды стоит столько же, сколько голос человека образованного и предприимчивого; эта попытка уравнять то, что Господь создал неравным, — заблуждение и позор». Очередные президентские выборы утвердили его в нелестном мнении об американской демократии.

Республиканцы выдвинули кандидатом сенатора от Огайо Резерфорда Хейса, которого поддержал Джон Шерман. В вице-президенты наметили члена палаты представителей Уильяма Уилера из штата Нью-Йорк. («Стесняюсь спросить: кто такой Уилер?» — поинтересовался Хейс.) Его соперником от демократов стал Сэмюэл Тилден, губернатор Нью-Йорка. Оба считались честными людьми, стремились к укреплению доллара и собирались провести реформу госслужбы. По традиции того времени сами кандидаты в предвыборной кампании не участвовали, доверив это своим представителям. Проводя предвыборную агитацию, республиканцы напоминали, что демократы с Юга развязали Гражданскую войну; если допустить их к власти, они могут отобрать у чернокожих с таким трудом завоёванные гражданские права. Демократы, в свою очередь, клеймили администрацию Гранта за коррупцию: вам мало? хотите ещё? Голоса распределились практически поровну, но у Тилдена было небольшое преимущество: за демократов выступили почти весь Юг, Нью-Йорк, Индиана, Коннектикут и Нью-Джерси.

Через три дня после голосования, 11 ноября 1876 года, оказалось, что у Тилдена 184 голоса выборщиков, у Хейса — 166. Республиканцы оспорили результаты выборов, обвинив демократов в подтасовках и запугивании чернокожих избирателей во Флориде, Луизиане и Южной Каролине (если бы это подтвердилось, Хейс получил бы дополнительно 19 голосов). Выяснилось, однако, что в этих трёх штатах ловчили и те и другие. Более того, один из трёх выборщиков из штата Орегон был дисквалифицирован, и ещё один голос, поданный за Хейса, перешёл в разряд спорных. В сенате тогда главенствовали республиканцы, в палате представителей — демократы; кому доверить подсчёт голосов? Уже наступил январь, а вопрос о президенте оставался открытым. Грант согласился на создание двухпартийной комиссии, куда вошли бы пять представителей,

пять сенаторов и пять судей Верховного суда. В итоге в ней оказалось восемь республиканцев против семи демократов, которые и присудили 20 спорных голосов Хейсу. Демократы пытались сопротивляться, но им пообещали ряд уступок, и 4 марта состоялась инаугурация. Невозможно подсчитать, сколько саквояжей, набитых пачками купюр, перешли за это время из одних рук в другие. Деньги решают всё; руководству «Стандард ойл» стало очевидно, что очень скоро придётся завести новую статью расходов.

Пока же Рокфеллер пытался разнообразить статьи своих личных доходов. А что может быть надёжнее недвижимости? В 1873 году он приобрёл 79 акров земли в Форест-Хилле — на густо заросшем лесом холме, изрезанном глубокими оврагами, всего в четырёх милях от дома на Евклид-авеню. Два года спустя он продал этот участок группе инвесторов, которые построили там санаторий для лечения входившей в моду гомеопатией и целебными водами. Для удобства будущих курортников Рокфеллер и Стивен Харкнесс провели туда небольшую железную дорогу. Однако это предприятие разорилось, и Рокфеллер выкупил землю с домом обратно. К тому же доктора нашли у Лоры признаки общего истощения организма; свежий ветер с озера и прогулки по лесу должны были пойти ей на пользу.

Трёхэтажная усадьба, похожая на пряничный домик, — с ажурными бортиками галерей, портиком, высокой двускатной крышей, — стояла на вершине крутого холма, и из каждого окна открывался чудесный вид на озеро Эри. Она строилась как отель: слева от входа находилась контора, прямо — обеденный зал с небольшими столиками, на втором и третьем этажах вдоль коридора выстроились кубиками одинаковые комнаты, на верандах стояла мебель из бамбука. Там был даже орган! В первое же лето, которое Рокфеллеры провели на даче (1877), они пригласили туда дюжину знакомых, которые и подумать не могли, что едут не в гости, а в «гостевой дом», а потому были потрясены, когда им выставили счёт за пребывание. Детям тоже было непривычно обедать в большом зале, по которому степенно передвигались официанты в чёрных фраках. Что уж говорить про Сетти, которую вовсе не обрадовала роль «хозяйки гостиницы». Ладно, Рокфеллер уволил официантов и стал переделывать отель под жилой дом для своей семьи.

К тридцати восьми годам он был отцом четверых детей и исполнял эту роль так же, как любую другую, — с полной самоотдачей. Семья была для него не менее важна, чем

работа, поэтому в Кливленде он установил дома телеграфный аппарат, чтобы проводить с детьми три-четыре вечера в неделю и при этом оперативно получать все важные новости. (Дети спускались из классной комнаты в аппаратную и сидели там тихонечко, заморожённо следя глазами за бумажной лентой, на которой отстукивались буквы.) Он катал малышей на плечах, играл с ними в прятки и в жмурки, делая неожиданные повороты и финты и всегда искренне радуясь, когда выигрывал. За обедом он показывал разные трюки: например, ставил крекер себе на кончик носа, удерживал его в равновесии, а потом вдруг подбрасывал и ловил ртом. Он учил детей плавать, грести, кататься на коньках и на велосипеде. Зимой, выходя на лёд замёрзшего озера, Джон велел им брать в обе руки по узкой дощечке — помнил, как сам в детстве вытаскивал мальчика из полыньи. Он учил их работать в саду и рассказывал им сказки. Из детей сложился домашний музыкальный квартет: Бесси играла на скрипке, Альта — на пианино, Эдит — на виолончели, Джона-младшего тоже учили игре на скрипке. В репертуар входили Моцарт, Бетховен, Гендель (дети нередко играли на собраниях в церкви), но и современная популярная музыка не была под запретом. В общем, счастливое детство... хотя гувернантки, которых Рокфеллер нанимал для обучения своих чад, придерживались иного мнения.

Дом Рокфеллеров был отрезан от внешнего мира: кроме церкви дети не могли никуда пойти. К ним приглашали в гости других детей — как правило, из круга хороших знакомых; сами же они не выбирались даже к ближайшим соседям. У них не было школьных друзей, потому что они не ходили в школу. Это делалось для того, чтобы они даже не подозревали, насколько богаты их родители (им бы охотно рассказали, сколько «стоит» их отец, а сравнение собственной жизни с бытом нуворишей, навёрстывавших упущенное в полуголодной юности, наверняка вызвало бы у них лишние вопросы и желания). Деньги на карманные расходы они зарабатывали: пенни за каждые десять выдернутых сорняков, по два цента за убитых мух, десять центов за точку карандашей, пять центов в час за занятия музыкой, целый доллар — за склеивание разбитой вазы. Воздерживаясь от сладкого целый день, можно было получить два цента — и ещё бонус в десять центов за дополнительный день воздержания. В день можно было съесть только один кусочек сыра; однажды Альта обвинила Эдит в жадности за то, что та съела два. Когда Бесси исполнилось 13 лет, она

стала каждый вечер обходить дом и гасить лишние газовые рожки; экономя газ, она зарабатывала себе «на булавки». Маленький Джон до восьми лет донашивал платьица своих сестёр. Отец подавал пример бережливости: если в дом приносили бандероль, он распаковывал её аккуратно, чтобы потом использовать обёрточную бумагу и бечёвку. Мать поддерживала его в этом, одновременно преследуя и другие воспитательные цели. Так, когда Джон Д. хотел купить каждому из детей трёхколёсный велосипед, она возразила, что приобрести нужно только один. И дело не в деньгах: если у каждого будет свой велосипед, они не научатся делиться друг с другом.

Все дети вели свою бухгалтерию, подсчитывая свои доходы и расходы. Пунктуальность была возведена в ранг фетиша. По утрам, ещё до завтрака, Рокфеллер собирал семью на молитву, и опоздавшие должны были заплатить штраф в один цент. Каждый по очереди произносил отрывок из Священного Писания, а Джон с Лорой разясняли сложные места. Перед сном дети в присутствии матери читали молитвы. В воскресенье заведённого порядка придерживались особенно строго: утренняя молитва, воскресная школа, послеполуденные молитвенные собрания и вечернее пение гимнов. В свободное время дети должны были читать Библию или духовную литературу, но ни в коем случае не светскую. Мать выделяла час для беседы: просила детей порассуждать на такие темы, как «Владеющий собой — величайший победитель» или «Смысл жизни — в простоте». Кроме того, каждый должен был назвать свой самый большой грех, и тогда она молилась вместе с детьми, прося у Бога помощи, чтобы они исправились. Но розгами детей не наказывали никогда.

Если работа была миром мужчин — честолюбивых, беспринципных, порой грубых, то дом — миром женщин, выдержанных, строгих и благочестивых. Помимо Лоры и её сестры Лют, Рокфеллер делил кров то с тёщей, то с матерью. После того как Мэри Энн наконец-то вышла замуж (17 октября 1872 года, в 29 лет), Элиза Дэвисон Рокфеллер по очереди гостила у своих пятерых детей. Мужем Мэри Энн стал Уильям Радд — президент бакалейного концерна из Кливленда «Чендлер и Радд», так что они с Рокфеллерами стали соседями по Евклид-авеню, но при этом редко встречались (в церковь сестра Джона не ходила). Мэри Энн, несмотря на то что её муж был богат, сама вела хозяйство, отказываясь от прислуги, экономила на всём и вечно

делала вид, будто денег у них в обрез. Она всегда ходила в чёрном (говорили, что у неё с возрастом вырос горб и траурное платье должно было его скрывать), гостей принимала редко и быстро выпроваживала, детей (двоих сыновей и двух дочерей) держала в ежовых рукавицах. Зато её муж, бывший на два года моложе, являл собой полную её противоположность: от мрачной атмосферы собственного дома он спасался у родственников в Форест-Хилле, всегда приезжая туда с гостинцами для детей: его карманы были набиты орехами и конфетами. Сразу начинались шутки, розыгрыши. Однажды Уильям Радд привёз мешок грязной старой картошки и раздал её детям; те были удивлены и разочарованы, пока не обнаружили в каждой картофелине искусно запрятанную золотую монету.

Муж тётки Люси (старшей сестры Рокфеллера) Пирсон Бриггс тоже очень нравился детям: добрый, весёлый. Вот только сама тётка умерла в 1878 году в 40 лет... Её сын Уильям умер, когда ему было всего девять. Похоронив жену, вдовец через два года женился на Лоре Прайс, породнившись с другой богатой семьёй из Кливленда, а его музыкально одарённая дочь Флоренс всё лето проводила в Форест-Хилле у дяди и тётки*.

Раз в год в Кливленд навещался дедушка Билл, всё такой же бесцеремонный и нахальный: гостил несколько дней, показывал внукам фокусы и демонстрировал чудеса меткости, рассказывал всякие небылицы, сыпал грубыми шутками, совсем не для детских ушей, и снова исчезал на целый год. Фрэнк был весь в него, разве что в отличие от отца налегал на виски (а ещё курил сигары и любил бузотёрить в клубе), Джон пошёл полностью в мать, а Уильям сочетал в себе черты обоих родителей.

Сына, родившегося 26 декабря 1877 года, Фрэнк назвал Уильямом (после появятся на свет две дочери — Хелен и Мира). Джона Д. он почему-то терпеть не мог и публично высказывался о нём... в общем, очень неуважительно. Поэтому Джон вскоре оставил попытки пристроить брата в свою компанию. Кроме того, Джон на дух не переносил тестя Фрэнка, Уильяма Скофилда, и однажды даже сказал Сэму Эндрюсу: «Когда-нибудь я пырну этого типа ножом под рёбра, вот увидишь». Сдержанного Рокфеллера вывело

* Впоследствии Флоренс вышла замуж за Уильяма Уоллеса Бенджамина из Нью-Йорка и всю оставшуюся жизнь прожила там; у неё родились дочь Люси Эвери и сын Уильям Уоллес-младший.

из себя вероломство Скофилда: всего через год после того, как «Стандард ойл» купила «Александр, Скофилд и К^о», тот создал другую нефтеперерабатывающую фирму — «Скофилд, Шёрмер и Тигл». Три года Джон только пускал дым из ушей, не поддаваясь на шантаж, а в 1876-м всё-таки вложил в эту фирму десять тысяч долларов, создав совместное предприятие и согласившись закупать для неё сырую нефть, продавать её продукцию и выторговывать для неё скидки на железнодорожные тарифы, обязав взамен соблюдать производственную квоту. Для пущей секретности вся переписка велась через особый почтовый ящик. И что же? Квоту никто и не думал соблюдать! Рокфеллер подал на фирму в суд. Тем временем Фрэнк, словно назло, объединился в 1878 году со Скофилдом и Дж. У. Фосеттом, создав товарищество «Пионер ойл воркс», которое тоже занялось перегонкой нефти. Джону Д. ничего не стоило бы попросту придушить такой завод, но всё-таки родной брат... «Стандард ойл» не раздавила, а потихонечку проглотила «Пионер ойл воркс», перерабатывая её нефть за полцены. Джон и Фрэнк тогда не разговаривали друг с другом, так что всю операцию провернули через Уильяма: Джон диктовал ему письма, а тот ставил свою подпись. Но весной 1879-го Фрэнк сговорился с кое-какими независимыми производителями из Огайо, и те обвинили «Стандард ойл» в сговоре с железными дорогами. Руководителям «Стандард ойл» вручили повестки в суд, Джону Д. удалось от этого уклониться, но когда ему сказали, что его младший брат сидит в закуской с людьми, принёсшими эти повестки, всего в одном квартале отсюда, он почувствовал, как земля уходит из-под ног... А в 1880-м Рокфеллер проиграл суд Скофилду: кливлендский судья постановил, что, навязывая конкуренту квоты на производство, он нарушил положение о свободе торговли.

Родная кровь... Семья слишком много значила для Джона. Он никогда не думал только о себе. Ради семьи можно пожертвовать собственным благополучием — моральным или материальным. «Стандард ойл» тоже стала для него семьёй. Но, в отличие от родственников, с компаниями можно расстаться — если они больше не разделяют его ценностей.

Новая серьёзная трещина в отношениях с Сэмом Эндрюсом обозначилась в августе 1878 года, когда «Стандард ойл» объявила по своим акциям пятидесятипроцентные дивиденды. Эндрюс считал, что прибыли с лихвой хватило бы на вдвое большие выплаты, но компании тогда остро тре-

бовались деньги на ценовую войну с конкурентами и расширение бизнеса. Как можно этого не понимать? Ставить свои интересы выше интересов «семьи»? Эндриус брякнул, не подумав, что лучше бы он не ввязывался в этот бизнес, и Рокфеллер тотчас поймал его на слове: «Сэм, похоже, ты не веришь в методы компании. Сколько ты хочешь за свои акции?» — «Миллион», — сразу ответил Эндриус. Но Рокфеллера не так-то легко было выбить из седла: «Дай мне сутки, поговорим об этом завтра». На следующее утро Сэм получил чек на миллион.

В то время Рокфеллер набрал множество кредитов под обеспечение акциями «Стандард ойл»; если бы Эндриус выставил свою долю на рынок, акции немедленно упали бы в цене, и тогда... Лучше об этом не думать. Пусть забирает свой миллион, и скатертью дорога.

Сначала Эндриус ликовал — пока не узнал, что Рокфеллер перепродал его акции Уильяму Вандербильту с прибылью в 300 тысяч долларов. Каков подлец! Одурачил его, а ведь если бы не он... Рокфеллер спокойно предложил Эндриусу выкупить акции обратно, по той же цене, за которую он их продал. Но Эндриус в самом деле не верил в будущее компании. Одно дело акции, что-то с ними ещё будет, а другое — миллион настоящими деньгами. Он построил себе огромный (85 × 275 метров), уродливый в своей вычурности пятиэтажный дом на Евклид-авеню, с башенками, эркерами, сотней комнат и целой армией слуг, надеясь когда-нибудь достойно принять в нём английскую королеву Викторию. Но королева в Кливленд так и не приехала; дом простоял пустым четверть века и был снесён в 1923 году, когда сам Эндриус уже давно лежал в могиле (он скончался в 1904-м в отеле «Атлантик-Сити»). До конца своих дней он будет мучить своих случайных собеседников длинными и нудными филиппиками против Рокфеллера. Однако, как проницательно заметил Морис Кларк, «до продажи он досадовал на Джона; после продажи он досадовал на себя».

Достань до меня, если сможешь

Четвёртого января 1877 года в Нью-Йорке скончался Командор Вандербильт. Последние восемь месяцев он не выходил из своего дома 10 на площади Вашингтона; застарелые хвори навалились на него разом и вытянули-таки цепкую душу из 82-летнего тела, которое было предано зем-

ле на Моравском кладбище, на острове Статен-Айленд, где позже будет воздвигнут внушительный мавзолей. То, что он не смог унести с собой в могилу, оценивалось в 100 миллионов долларов. Почти всё (95 процентов) Командор завещал сыну Уильяму, которого считал единственным достойным продолжателем своего дела, и четверым его сыновьям (пять миллионов Корнелиусу и по два миллиона Уильяму, Фредерику и Джорджу). Своему младшему сыну Корнелиусу Джеремии он оставил 200 тысяч, которыми должен был распоряжаться трастовый фонд, иначе этот вертопрах всё промотает. Дочери получили от 250 тысяч до полумиллиона, жена — тоже полмиллиона, дом в Нью-Йорке и две тысячи акций железной дороги «Нью-Йорк Сентрал». (В то время девять тысяч акций «Стандард ойл», которыми владел Джон Д. Рокфеллер, стоили 18 миллионов.)

Командор Вандербильт жил по тогдашним меркам относительно скромно, позволяя себе лишь один вид непрактичных расходов — на скаковых лошадей. Рокфеллер в этом походил на него: родные деликатно напоминали ему, что пора купить новый костюм, когда рукава старого пиджака начинали лосниться. При этом он вовсе не трясся над нажитым, а считал его стартовым капиталом. Настоящая игра только начинается! Он чувствовал охотничий азарт и сам был похож на гончую собаку: поджарый, лёгкий на подъём, стремительный в мыслях и движениях. Теперь ему хотелось выглядеть моложе, отмежеваться от старшего поколения, и он сбрил старомодные бакенбарды, оставив только рыжеватые усы. Однако от недомоганий, вызываемых постоянным стрессом, он предпочитал лечиться в буквальном смысле слова бабушкиными средствами: съездил в Ричфорд к бабушке Люси, побеседовал с ней и захватил с собой листья и корни её «лечебного куста». Одному компаньону Рокфеллер посоветовал, чтобы избавиться от пристрастия к табаку, каждый день жевать до завтрака апельсиновую корку, а сам снимал нервное напряжение, грызя сельдерей.

Сельдереем надо было запастись впрок, потому что в сгустившемся воздухе уже опять потрескивало электричество. С началом нефтедобычи в Брэдфорде для «Стандард ойл» материализовалась новая угроза — в лице полковника Джозефа Д. Поттса, самого богатого человека в Пенсильвании и президента компании «Эмпайр транспортейшн», которой принадлежали 500 миль нефтепроводов и тысяча железнодорожных цистерн. Скупая нефтеперерабатывающие

предприятия в Нью-Йорке, Филадельфии и Питсбурге, она вела борьбу за клиента, предлагая новым нефтедобытчикам свои тарифные скидки, а также начав прокладывать трубопровод от Брэдфорда к океанскому побережью, чтобы качать по нему сырую нефть в обход заводов «Стандард ойл».

«Эмпайр транспортейшн» была филиалом Пенсильванской железной дороги. Рокфеллер потребовал встречи с её президентом Томом Скоттом и вице-президентом Александром Кассаттом и пригрозил войной, если они не прекратят «пиратствовать». (Он ведь прекрасно понимал, кто «выписал каперское свидетельство» Поттсу.) 65 процентов нефти, перевозимой по Пенсильванской железной дороге, принадлежали «Стандард ойл», и всё же Скотт не стал уступать: его страшило превращение Рокфеллера в великана. Если уж нельзя стереть его в порошок, пусть хотя бы уменьшится в размерах.

В марте 1877 года «Пенсильвания» ответила отказом. Тотчас же все нефтяные заводы в Питсбурге временно закрылись, работали только кливлендские; Флаглер договорился с Уильямом Вандербильтом об изготовлении ещё шестисот цистерн для перевозки дополнительных объёмов нефти по «лояльным» железным дорогам — «Эри» и «Нью-Йорк Централ». «Эмпайр» в ответ развернула энергичную кампанию по созданию собственных нефтеперерабатывающих предприятий и привлечению на свою сторону независимых производителей. Тогда «Стандард ойл» резко опустила цену на свой керосин везде, где появлялась продукция конкурентов, причём низкая цена поддерживалась изо дня в день, неделю за неделей, месяц за месяцем. Рокфеллер не постеснялся применить способ нелояльной конкуренции, с которым раньше сам же боролся. Одновременно «Эри» и «Нью-Йорк Централ» по его настоянию сократили тарифы на перевозки. Нефтедобытчики, перевозившие свою продукцию по «Пенсильвании», стали просить её руководство о том же. «Мы делали им щедрые скидки, — рассказывал позже Кассатт, — мы делали, что могли, чтобы перевозить их нефть. В некоторых случаях скидки превышали плату за перевозку. Помню, как однажды мы перевозили в Нью-Йорк нефть для г-на Олена или человека, чьим представителем он был, со скидкой, кажется, восемь центов от ничего. Конечно, объём там был небольшой, но мы работали и по таким тарифам».

Для поддержания баланса Том Скотт уволил сотни рабочих и сократил зарплаты на 20 процентов. Когда он вдвое

увеличил длину составов, оставив неизменной численность обслуживающей бригады, железнодорожники в знак протеста бросили работу. В начале июля железная дорога «Балтимор и Огайо», находившаяся в оппозиции к «Стандард ойл», тоже уменьшила зарплаты на десять процентов и установила норму для бригады в 100 миль в день, причём простои на станциях не оплачивались. Бригады, обслуживавшие товарные составы, отказались выйти на работу; забастовщиков оказалось так много, что их нечем было заменить, а рабочие ещё и блокировали пути, требуя повышения зарплаты. 17 июля кто-то перевёл стрелку, и поезд, следовавший на запад, сошёл с рельсов; паровоз загорелся, два человека получили сильные ожоги. Забастовка охватила несколько городов, от Балтимора до Чикаго, и несколько станций в Западной Виргинии; губернатор штата обратился за помощью к президенту. 20 июля в Балтиморе простаивало около 250 поездов; президент «В & О» Джон Гарретт попросил губернатора Мэриленда прислать на подмогу войска. Губернатор отрядил формирования милиции, Резерфорд Хейс — части регулярной армии. Железнодорожников поддерживали другие мастеровые; собравшиеся толпы преградили дорогу солдатам; в яростных стычках погибло от десяти до двадцати двух человек, более 150 получили ранения. Движение поездов возобновилось только 29-го числа, когда забастовщиков заменили другими рабочими. В Питсбурге протестующие подожгли 500 цистерн, 120 паровозов и 27 зданий, и руководству Пенсильванской железной дороги пришлось просить срочный кредит у банка «Дрексель, Морган и К°» с Уолл-стрит. Джинн, выпущенный из бутылки, теперь грозил сокрушить всё и вся: по Кливленду разнёсся слух, что две тысячи активистов, вооружённых пистолетами, идут на Евклид-авеню. В Тайтусвилле ждали только сигнала, чтобы начать громить имущество «Стандард ойл», но его не последовало. Том Скотт быстренько скупил акции «Эмпайр», упавшие в цене, и, не сказав ни слова Поттсу, отправил Кассатта в Кливленд — передать Рокфеллеру и Флаглеру, что готов пойти на мировую.

В октябре элегантный Томас Скотт вошёл в номер маленького отеля в Филадельфии, снял мягкую шляпу, покрывавшую его совсем седые, но ещё густые волосы, причёсанные на косой пробор, и, увидев Рокфеллера и Флаглера, выставил вперёд подбородок и растянул тонкие губы в улыбку: «Ну, что будем делать, мальчишки?» Несколько часов подряд они упорно торговались: Скотт требовал, чтобы

«Стандард ойл» купила всё имущество «Эмпайр»: заводы, резервуары, нефтепроводы, пароходы, буксирные катера, баржи, рассыпающиеся от старости, — за 3,4 миллиона долларов, причём 2,5 миллиона выплатила в течение суток. И, пожалуйста, наличными, а на остальное можно выписать чек.

Снова, как в молодые годы, Рокфеллер объезжал кливлендские банки, прыгивал с дрожек и шёл прямо к президенту: «Мне нужно всё, что у вас есть! Вся наличность! Соберите всё! Мне нужно успеть на двенадцатичасовой поезд!» Заглянул в контору «Стандард ойл», собрал правление (все важные решения принимались консенсусом), изложил ситуацию. «Зачем нам пароходы? — возразили ему. — Пустая трата денег!» Джон Д. занял несколько сотен тысяч долларов лично для себя и купил-таки это ржавьё, пока Скотт не передумал, — и никогда не пожалел об этом.

В тот же день 17 октября, когда «Стандард ойл» получила контроль над нефтепроводами «Эмпайр», Рокфеллер купил за миллион долларов трубопроводную систему «Колумбия конduit компани» Дэвида Хостеттера. Во время переговоров он намеренно молчал полчаса, предоставляя говорить собеседнику, а сам в это время делал напряжённые подсчёты в уме — и в итоге сэкономил 30 тысяч долларов, предложив свои условия выплаты процентов. (Эта маленькая победа доставила ему тем большее удовольствие, что он смог перемудрить еврея.) А месяц спустя, 21 декабря, торжествующий Кэмден сообщил ему о покупке всей инфраструктуры нефтеналивного терминала в Балтиморе (верфей, складов и земли, где они стоят), который собиралась использовать «В & О». «Мы выпололи каждый росток нефтепереработки, какой только мог пробиться в Балтиморе, так что теперь всё решаем мы», — писал он.

Скотт был нужен Рокфеллеру живым — и покорным. «Стандард ойл» согласилась перевозить не менее двух миллионов баррелей в год по Пенсильванской железной дороге в обмен на десятипроцентную комиссию (та же скидка, только по-другому называется). Таким образом, доля «Пенсильвании» в перевозках составит 47 процентов, «Эри» и «Нью-Йорк Сентрал» достанется по 21 проценту, «В & О» — 11. Однако нефть переправляли не только по рельсам, но и по трубопроводам. «Юнайтед пайп лайнз» соединяла 20 тысяч нефтяных скважин; в феврале 1878 года её глава Дэниел О'Дэй сообщил руководству «Пенсильвании», что «Стандард ойл» теперь хочет скидку не меньше

чем в 20 центов с барреля сырой нефти, перевозимой по железной дороге. А ведь по трубам можно гнать и нефтепродукты...

В конце предыдущего года в Тайтусвилле собрался «Нефтяной парламент» независимых нефтедобытчиков, отчаянно пытавшихся сбросить с себя ярмо «Стандард ойл». Многолюдные собрания завершались принятием резолюций, в том числе об обращении в конгресс для принятия закона о бесплатных трубопроводах (для прокладки которых не требовалось бы получать дорогостоящие разрешения) и о запрещении железным дорогам проводить дискриминационную тарифную политику. Рокфеллер считал, что чумазы «парламентарии» расплачиваются за собственную глупость. «Мы пренебрегли всеми советами и добывали нефть в чрезмерном количестве, не имея средств хранить и перевозить её. Мы не построили собственных хранилищ. Как смеете вы отказываться забирать всю нашу продукцию? — передразнивал он их. — Почему вы не платите нам по высоким расценкам 1876 года, несмотря на то, что из-за перепроизводства все рынки в депрессии?»

А 4 марта ему написал Асахел Николс Коул, сенатор от штата Нью-Йорк, и предложил себя в «адвокаты» «Стандард ойл», чтобы «прокатить на вороных» законопроект о бесплатных трубопроводах. В своём письме Коул изложил программу действий и обрисовал стройную систему лоббирования: нужны два-три «адвоката» в сенате и пять-шесть в палате представителей (он этим займётся, если желаете). Платить им лучше государственными облигациями, поскольку если их застукают при получении наличных, это может кому-нибудь показаться подкупом. А закончил так: «Ради бога, не предавайте это письмо огласке: если Вы это сделаете, боюсь, мои братья по методистской церкви испугаются, что я пал настолько низко, что нет никакой надежды на возвращение милости Божией».

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Независимые производители составили план прокладки к океану двух длинных нефтепроводов в обход всей сети «Стандард ойл» и даже железных дорог. Льюис Эмери-младший образовал «Экитабл петролеум компани», чтобы качать нефть по трубопроводу от Брэдфорда к железной дороге, а потом перевозить в Буффало и уже оттуда — на восток, по каналу Эри. Рокфеллер сразу отбил телеграмму Дэниелу О'Дэю: «Не дайте им проложить трубу в Буффало». Железную дорогу, ведущую в Буффало, перекупили;

изготовителям труб, подписавшим договор с «Экитабл», пригрозили отозвать свои заказы; всех нефтедобытчиков из Брэдфорда, имевших дело с Эмери, отключили от собственной трубы. Но, несмотря на все эти меры, в августе 1878 года «вольная» труба всё-таки заработала, пробив небольшую брешь в броне «Стандард ойл».

Однако всё, что говорил о «диких» нефтяниках Рокфеллер, подтвердилось. С апреля по ноябрь объём нефти в хранилищах Брэдфорда увеличился с одного до четырёх с половиной миллионов баррелей. Нефтепроводы не справлялись, О'Дэй не знал, куда девать ежедневно десять тысяч лишних баррелей, а местные всё продолжали бурить. Добытую нефть приходилось попросту выливать на землю. «Стандард ойл» объявила, что более не станет принимать нефть на временное хранение — только для немедленной переправки на заводы (разумеется, её собственные), и установила закупочную цену на 20 центов ниже существующих расценок.

Теперь по ночам к конторе компании являлись большие группы людей, закутанных с ног до головы в белые простыни, как у ку-клукс-клана, рычали, свистели и выкрикивали угрозы. На зданиях «Стандард ойл» рисовали череп и кости, ораторы из толпы призывали подпустить на насосные станции «красного петуха»... Штат Пенсильвания делегировал на место событий члена комиссии по внутренним делам Уильяма Маккэндлесса для изучения ситуации в нефтяной промышленности. Он разослал повестки сотрудникам «Стандард ойл», управлявшим нефтепроводами, но те не явились для дачи показаний. Это не помешало Маккэндлессу представить в октябре благожелательный отчёт. Нефтяники совсем разъярились. По улицам Брэдфорда пронесли, а потом повесили чучело Маккэндлесса, из кармана которого торчал чек на 20 тысяч долларов, подписанный Рокфеллером и заверенный Пенсильванской железной дорогой. В газетах писали, что один житель Брэдфорда пригласил было Рокфеллера туда приехать, но потом передумал: «Не делайте этого: если приедете, живым не вернётесь». Кстати, в ноябре 1878 года в газете «Нью-Йорк сан» вышла первая большая статья о Рокфеллере: «Жители Кливленда говорят, что он ставит себе целью сделаться самым богатым человеком в Огайо и одним из десяти богатейших людей в Соединённых Штатах... И в самом деле, людей богаче его можно перечесать по пальцам». В статье прославлялся великий коммерческий ум Рокфеллера,

однако упоминалось и о том, что на олимп он взобрался в результате тёмных сделок с железными дорогами, хотя это и не удалось никому доказать. Что ж, придётся заняться обработкой общественного мнения. Преодолев свою неприязнь к прессе, Рокфеллер купил акции двух кливлендских газет, вложив пять тысяч долларов в «Геральд» и десять тысяч в «Лидер».

В это время в Брэдфорде возник проект нового трубопровода, разработанный 46-летним Байроном Д. Бенсоном, создателем и главой компании «Тайдуотер пайп лайн». До сих пор ширина труб не превышала трёх дюймов, длина трубопровода — 30 миль, и прокладывали его в основном по равнинной местности. Бенсон же решил протянуть нефтепровод от Брэдфорда до Уильямспорта, которые разделяли 110 миль через холмы высотой 2600 футов, да ещё зимой, причём использовать трубы шестидюймового диаметра и всего две насосные станции. Скептики считали это безумием, но Рокфеллер знал, что нет ничего невозможного. До сих пор «Стандард ойл» использовала достижения технического прогресса. Увы, теперь придётся встать у него на пути.

Сначала «Тайдуотер пайп лайн» собиралась проложить нефтепровод от Ойл-крика до Балтимора, но Кэмден не дремал: купил у законодателей Мэриленда за 40 тысяч долларов эксклюзивную лицензию на строительство нефтепроводов. Поэтому 22 ноября Бенсон решился: начал великую гонку к морю, укладывая по две мили труб в день. Безумцем он не был: его компанию финансово поддерживали два магната с Уолл-стрит — 38-летний Джордж Фишер Бейкер, сооснователь и президент Первого Национального банка в Нью-Йорке (принадлежавшие ему 20 тысяч акций этого банка стоили 20 миллионов долларов), и 43-летний Гаррис Чарлз Фанесток, другой сооснователь того же банка и бывший финансовый советник Авраама Линкольна.

«Они не дождутся от меня пощады, поскольку и не заслуживают, и не оценят её», — написал Рокфеллеру побоевому настроенный О'Дэй. Джон Д. повёл наступление по всем фронтам: разослал своих людей к изготовителям резервуаров, чтобы не имели дела с «Тайдуотер»; завалил заказы производителей железнодорожных цистерн, чтобы не отвлекались на сторонних заказчиков; лишил конкурентов транспортных возможностей для перевозки стройматериалов, переманил клиентов «Тайдуотер» тарифными льготами и побыстрее скупил все оставшиеся независи-

мыми нефтеперерабатывающие предприятия, чтобы те не пополнили собой клиентуру конкурентов. «Стандард ойл» скупала за любые деньги земельные участки на прямом пути от северной до южной границы Пенсильвании, чтобы застопорить продвижение Бенсона. Ошарашенные фермеры, уступившие напору кливлендских агентов, проснулись богачами. Тех же, кто продавал землю «Тайдуотер», предупреждали через газеты, что утечки нефти из трубопровода погубят их урожай. Железные дороги не давали разрешения на пересечение их путей. И всё-таки нефтепровод продолжал строиться. Когда «Стандард ойл» купила целую долину, трубы проложили по окружающим её холмам. Тогда Рокфеллер решил купить законодателей штата, чтобы победить политическим путём там, где не мог справиться экономическим. Генри Флаглер спешно вернулся из Флориды, где поправлял здоровье, и нанял адвокатов, которые якобы представляли интересы фермеров и землевладельцев, недовольных законопроектом о вольных трубопроводах. Если бы этот закон был принят в Пенсильвании, «Тайдуотер» уже не пришлось бы покупать дорогостоящие разрешения на прокладку труб. Но законопроект погребли под кучей поправок. В штате Нью-Йорк Флаглер объединил усилия с Хью Хьюиттом из железнодорожной компании «Эри»: не одной же «Стандард ойл» выплачивать бакшиш. Хьюитт оказался не таким щедрым: если Флаглер был готов отстегнуть 60 тысяч долларов лоббисту из Олбани Смигу М. Уиду на подкуп законодателей, то Хью возразил ему, что пятнадцать тысяч будет вполне достаточно, и Флаглер тотчас прислал ему свою долю — десять тысяч наличными.

Между тем 29 апреля 1879 года Большое жюри (коллегия присяжных) из пенсильванского округа Кларифон выдвинуло против девяти сотрудников «Стандард ойл» (включая Джона Д. Рокфеллера, Генри Флаглера, Дэниела О'Дэя и Джона Арчболда) обвинения в сговоре с целью монополизировать нефтяной бизнес, вымогательстве скидок на железнодорожные перевозки и манипулировании ценами в ущерб конкурентам. Трёх ответчиков — Уордена, Локхарта и Вандергрифта, проживавших в Пенсильвании, арестовали и выпустили под залог, до прочих было не дотянуться. Тревожный звонок, но ещё не пожарная сирена. «Если зайдёт речь о железнодорожных тарифах и дискриминации, то, по моему рассуждению, [Вандергрифт] ничего не знает, а если и знает, то не захочет отвечать», — успокаивал Флаглер Рокфеллера. Тот и сам считал, что «это дело ни-

Компания «Тайдуотер» сопротивляется анаконде «Стандард ойл». Карикатура. 1878 г.

когда не дойдёт до суда», однако подстраховался: попросил адвоката «Нью-Йорк Сентрал» Чонси Детью потолковать с губернатором штата Нью-Йорк Люциусом Робинсоном, который пообещал отвечать отказом на запросы об экстрадиции, если таковые поступят из Пенсильвании. Одновременно Александр Кассатт попросил губернатора Пенсильвании Генри Хойта, чтобы тот пресёк попытку привлечь Рокфеллера к суду. В благодарность «Стандард ойл» в Филадельфии запустила на полную мощность свои заводы, перевозившие продукцию по Пенсильванской железной дороге; но это распоряжение можно было в любой момент отменить, если пенсильванские друзья, вечно держащие фигу в кармане, снова начнут плохо себя вести. С одной стороны, уголовное расследование в округе Кларирон могло оказаться даже на руку: пока оно не закрыто, ответчики с лёгкой душой откажутся от дачи показаний по гражданским делам. Но с другой стороны, оно могло создать прецедент, а вот это уже нехорошо. «Мы намерены бороться с этим и не подвергаться такому шантажу постоянно», — подтвердил Рокфеллер коллегам и союзникам.

К 22 мая в Уильямспорте была уложена последняя труба. В отчаянной попытке предотвратить неизбежное Рокфеллер попробовал купить долю участия в этом проекте за 300 тысяч долларов — но не преуспел. 28 мая в Брэдфорде запустили насос, нефть потекла в трубу. Сработает ли? Получат ли нефть за горами, за долами? Мучительное ожидание длилось целых семь дней, пока труба в Уильямспорте наконец не плюнула нефтью. Ура! Свобода! Байрон Бенсон — Давид, сразивший Голиафа!.. О'Дэй, горячая голова, начал планировать диверсию, но Рокфеллер не дал ему на это благословения.

В июле в законодательном собрании штата Нью-Йорк прошли слушания под председательством Алонзо Бартона Хепбёрна о тайном сговоре между железными дорогами и различными отраслями промышленности. Рассмотрению подверглись мукомольные и мясные комбинаты, солеварни, но было ясно, что законодатели прицеливаются к «Стандард ойл». Всё лето Рокфеллер провёл в Форест-Хилле — туда они дотянуться не могли. Но и из других сотрудников компании выжать ничего не удалось. Чаще всего они отказывались отвечать «по совету юриста». Нахальный Арчболд, отнюдь не говоривший «правду, только правду и ничего, кроме правды», ещё и отказался прийти снова, заявив, что зря потратил целый день. Законодатели пришли к логич-

ному выводу: людям есть что скрывать, дело нечисто. Была учреждена особая комиссия, чтобы установить единые для всех тарифы на железнодорожные перевозки. В это время Рокфеллер продолжал изматывать «Тайдуотер» ценовой войной, вынуждая её работать вполсилы.

Согласно уставу «Стандард ойл Огайо», она не могла владеть компаниями за пределами штата; но на то человеку и дана голова, чтобы находить выход из сложной ситуации. В 1879 году трое служащих среднего звена (Мирон Р. Кит, Джордж Ф. Честер и Джордж Г. Вилас) получили в своё распоряжение, по договору о доверительном управлении имуществом, акции филиалов, расположенных в других штатах. Получая по ним дивиденды, эти люди распределяли их между тридцатью семью инвесторами — физическими лицами, в зависимости от вклада каждого в материнскую компанию. Таким образом, Рокфеллер мог бы сказать под присягой, что у «Стандард ойл» не имеется собственности за пределами Огайо, тогда как на самом деле она контролировала большинство трубопроводов и нефтеперегонных предприятий в Пенсильвании, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Мэриленде. Ведь формально это была собственность троих доверенных лиц. Лгать грешно, но и говорить всю правду не обязательно.

Идею о тресте подал Сэмюэл Калвин Тейт Додд — сын плотника из Франклина, пресвитер, юрист и поэт-любитель, выдающийся житель Тайтусвилла, громко обличавший в 1872 году происки «SIC». Он был невероятно толст (что поставь, что положи) и считался честным человеком. Кстати, когда Рокфеллер нанял его в 1879 году, Додд попросил не денег (зарплата в 25 тысяч долларов в год считалась относительно невысокой), а гарантий его порядочности. И акций «Стандард ойл» не взял, чтобы оставаться лицом незаинтересованным, и в правление компании не вошёл. Сказал, что никогда не отречётся от своих слов, что льготные тарифы — это нечестно, и Рокфеллер с ним согласился. Некоторые бывшие клиенты с Нефтяного ручья всё же отказались от услуг Додда, но он лишь пожал плечами: «Как говорят священники, получив место с более высоким окладом, — видно, на то была воля Божья».

Пути Господни неисповедимы: Роджер Шерман, составивший иск нефтепромышленников против Рокфеллера, тоже вошёл в команду юристов «Стандард ойл». Рокфеллер предложил ему работу — и он согласился. Джон Д. получал особое удовольствие, когда вербовал своих про-

тивников, обративших на себя его внимание именно ловкими происками.

За день до Рождества в Нью-Йорке, в отеле «Пятая Авеню», состоялась встреча с нефтепромышленниками: «Стандард ойл» на словах отказалась от использования тайных льгот и откатов и согласилась на официальные тарифы; «Юнайтед пайп лайнз» отныне будет перекачивать нефть в пределах своих возможностей, не деля её на «свою» и «чужую» и не подыгрывая своим. За это гражданские и уголовные иски против компании в Пенсильвании были отозваны. А в марте 1880 года Дэниел О'Дэй случайно встретил Байрона Бенсона в поезде, шедшем из Ойл-Сити в Брэдфорд. «[Бенсон] сказал мне, что хочет “раскрыть ворота”... для любых предложений, сделанных его компанией, с целью достичь соглашения по вопросам о нефтепроводе, — написал О'Дэй Рокфеллеру. — Он сказал, что скоро наступит такое время, когда компаниям надо будет работать вместе, чтобы помешать другим компаниям заняться этим бизнесом». Лучше и быть не может: теперь, вместо того чтобы понижать тарифы, борясь с железными дорогами за клиента, «Тайдуотер» вступит в сговор со «Стандард ойл» и начнёт тарифы повышать.

В 1882 году, когда Бенсону потребуется два миллиона долларов на расширение «Тайдуотер», союзники «Стандард ойл» воспользуются разногласиями среди акционеров и приобретут миноритарную долю в «Тайдуотер», позволив Рокфеллеру заключить с этой компанией сделку на следующий год: «Стандард ойл» поделит с ней трубопроводный бизнес в Пенсильвании, забрав 88,5 процента; соответственно, Бенсону останется только 11,5 процента.

Срок президентства Хейса подходил к концу, в ноябре 1880 года должны были состояться выборы. Неожиданно для всех кандидатом стал депутат палаты представителей из Огайо, 49-летний республиканец Джеймс Абрам Гарфилд, только что избранный сенатором. Вообще-то на Национальный конвент республиканцев он приехал как глава предвыборного штаба министра финансов Джона Шермана, однако ни Шерман, ни его соперники Улисс Грант (баллотировавшийся на третий срок) и Джеймс Блейн не набрали достаточно голосов. Вот тогда-то взоры делегатов и обратились на Гарфилда. От сенаторского кресла пришлось отказаться.

Чтобы победить соперника-демократа Уинфилда Скотта Хэнкока, Гарфилду нужна была поддержка. Он поинте-

ресовался у своего советника Амоса Таунсенда, как к нему относится «мистер Рокафеллер». Тот посоветовал быть крайне осторожным: факт личной встречи скрыть вряд ли удастся, а в Пенсильвании такую новость воспримут крайне негативно. Ну что ж, будем действовать исподтишка. Так всегда сочувствовавший республиканцам Джон Рокфеллер внёс вместе с Джем Гулдом, Чонси Детью и Леви Мортонем вклад в их не слишком убедительную победу над демократами.

В марте 1881 года в очередном номере престижного бостонского журнала «Атлантик мансли» (в котором печатались такие известные авторы, как Генри Лонгфелло, Гарриет Бичер-Стоу и Марк Твен) вышла «История Великой Монополии» 33-летнего журналиста Генри Демаре Ллойда. Отдельные статьи Ллойда, посвящённые «Стандард ойл» и написанные бойко и цветисто, выходили с 1878 года, привлекая внимание читающей публики. Для этой же крупной работы он использовал материалы заседаний комиссии Хепбёрна и судебного расследования в Пенсильвании. Впрочем, нефтяная компания не была его единственной мишенью: Ллойд повёл широкомасштабное наступление на Уильяма Вандербильта, Джея Гулда, Тома Скотта, требуя реформы железных дорог. Мартовский номер «Атлантика» разошёлся мгновенно, тираж допечатывали ещё шесть раз.

Ллойд умел складывать слова в звонкие, отточенные фразы, но к фактам относился без особой трепетности. Например, ляпнул, что раньше Рокфеллер владел в Кливленде мучным магазином — не всё ли равно, кто в Бостоне станет это проверять? Но он умел достучаться до рядового читателя: «Мало кто из сорока миллионов человек, жгущих керосин, знает, что его производство, изготовление и экспорт, его цена в стране и за рубежом годами контролируются одной-единственной корпорацией — компанией “Стандард ойл”». Ллойд прилепил к ней прозвище «спрут», обвинив в нарушении свободной конкуренции и подрыве основ американской демократии. По его словам, «Стандард ойл» контролировала двух сенаторов и развела в Гаррисберге такую коррупцию, что «делала с пенсильванскими законодателями что угодно, разве что не очищала их». В общем, гордись, Америка: ты породила величайшую, умнейшую и отвратительнейшую монополию в истории.

Тем временем Гарфилд собирался укрепить президентскую власть в противовес сенату, бороться с коррупцией, модернизировать сельское хозяйство, просвещать население

ние и предоставить полные гражданские права чернокожим. Но, увы, 2 июля 1881 года на вокзале в Вашингтоне в него дважды выстрелил из пистолета Шарль Гито, ранив в руку и спину (вторая пуля сломала ребро и застряла в животе). Во время президентской кампании Гито — проповедник, юрист и писатель — произнёс речь в пользу Гарфилда и считал, что это достаточное основание для его назначения консулом во Францию (хотя он не знал ни слова по-французски); отказ его озлобил. Но свой поступок он объяснил политическими причинами: он входил во фракцию «устойчивых» республиканцев, поддерживавших Улисса Гранта. «Я сделал это и пойду за это в тюрьму, а президентом будет Артур!» — выкрикнул Гито, когда его уводили. Президента ещё можно было бы спасти, если бы врачи не полезли в рану немытыми руками, вызвав воспалительный процесс; 19 сентября Гарфилд скончался от инфаркта — сердце не выдержало медицинских манипуляций. (Пулю удалось найти и извлечь только при вскрытии; металлоискатель, срочно сконструированный за два дня Александром Беллом, с этой задачей не справился. На суде Гито заявил, что только ранил президента, а убили его врачи; но его всё равно казнили.) На президентском посту Гарфилд пробыл всего 200 дней, включая время после ранения, поэтому некоторые учёные вообще сбрасывают его президентство со счетов истории. Его преемником стал вице-президент Честер Артур, и Рокфеллеру не удалось занять своего человека в правительстве.

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Реалист в бизнесе, в личной жизни Джон Д. Рокфеллер иногда вёл себя как наивный мечтатель: он всё ещё надеялся на воссоединение родителей. В 1881 году он дал отцу денег взаймы (под шесть процентов, которые тот и не подумал заплатить) на расширение опустевшего дома на Чешир-стрит, который построил сам ещё подростком. Сохранив долю в этом доме за отцом, раз в год наезжавшим в Кливленд, он также согласился купить ему ранчо в 160 акров близ городка Парк-Ривер в Северной Дакоте, поставив одно условие: ноги Маргарет Аллен там не будет. (Большой Билл приезжал к ней на зиму во Фрипорт.) Ранчо оформили на «доктора Левингстона» и лишь через пять лет переписали на Уильяма Эвери Рокфеллера. Билл жил там летом с

Чарлзом Джонстоном: они охотились и рыбачили вдали от цивилизации, шерифов и медицинских обществ, преследовавших шарлатанов. В городке Билла считали старым чудачком (ему было уже за семьдесят). Он по-прежнему лечил от всех болезней одной-единственной микстурой по пять долларов за бутылочку, рвал зубы за доллар и даже пользовал лошадей. При этом он иногда обналичивал в местном банке чек от «Стандард ойл»; когда кассир, удивлённо взглянув на старика, отсчитывал ему три тысячи долларов, тот притворно вскидывал руки, словно и сам поражён не меньше: он-то думал, что чек всего на 300 долларов. Джонстон и не догадался бы, что связывает старого враня с богачем из Кливленда, если бы не одно происшествие, случившееся вскоре после его переезда в Парк-Ривер. Строя загон для скота, Билл поднял слишком тяжёлое бревно и надорвался. Он решил, что умирает. Джонстон спросил, не сообщить ли Маргарет. «Нет, я не хочу, чтобы Аллены получили мои деньги, — просипел «доктор Левингстон». — Сообщи лучше Джону Д. Рокфеллеру, только очень осторожно, чтобы больше никто не знал». Однако Большой Билл не умер и вновь принялся делать вид, что с Джоном Д. у него исключительно деловые отношения. Но Джонстон уже всё понял и решил, что «доктор Левингстон», которого в любой момент могут арестовать за незаконное занятие врачеванием, попросту не хочет компрометировать своих детей, добившихся высокого положения в обществе.

А вот отец Сетти, Харви Спелман, скончался 10 октября 1881 года. Овдовевшая Люси теперь постоянно жила у Рокфеллеров: с поздней весны до ранней осени всё семейство обитало в Форест-Хилле, а зимой — на Евклид-авеню в Кливленде или в отеле «Букингем» на Пятой авеню в Нью-Йорке, напротив собора Святого Патрика. В том же году, в мае, умерла Мэри Флаглер, и Генри терзался чувством вины. Доктора советовали ей переменить климат, но мужу было скучно жить с ней во Флориде; через несколько недель, сославшись на дела, он вернулся в Нью-Йорк, Мэри последовала за ним и... Её смерть заставила Флаглера пересмотреть свою систему ценностей: он решил, что слишком много жертвовал ради других и общего дела, пора бы подумать и о себе, он уже не мальчик. Но пока ещё «Стандард ойл» занимала в его жизни очень много места.

Второго января 1882 года Додд и Флаглер составили новый договор о доверительном управлении, фактически создав холдинговую компанию (в то время этого термина

не существовало), и это был... юридический мираж. Девять доверенных лиц ежедневно собирались за обедом в доме 44 на Бродвее, куда перенесли офис компании с Пёрл-стрит. Они не могли заключать сделки, подписывать контракты или вести бухгалтерию, и всё же в их руках была огромная власть — акции «Стандард ойл Огайо» и сорока других компаний, директоров которых они могли назначать. Контрольный пакет акций принадлежал пятерым кливлендцам: Джону и Уильяму Рокфеллерам, Флаглеру, Пейну и Харкнессу. Для пушего удобства 1 августа 1882 года была создана «Стандард ойл Нью-Йорк», президентом которой стал Уильям Рокфеллер, а четыре дня спустя Джон Рокфеллер возглавил «Стандард ойл Нью-Джерси». Это было сделано для того, чтобы ни один штат не мог облагать налогом собственность «Стандард ойл», находящуюся за его пределами. Трест обеспечивал единое управление этими отдельными компаниями, у каждой из которых были свои (и немалые) активы, при этом речь шла не об объединении в монополию, а о союзе акционеров — на совершенно законных основаниях. Ай да Додд, ай да молодец!

Никто не поверил бы, что Рокфеллеры ворочают миллионами. Однажды маленький Джон не поблагодарил официанта из отеля, принёсшего ему еду, и мать сурово отчитала его. Когда сама Сетти попросила мужа купить новый экипаж, тот уставился на неё, поражённый: на какие деньги? Разве что удастся продать старую двуколку. Завтракал Джон Д. молоком с куском хлеба, ужинал яблоками. В Нью-Йорке он не пользовался собственным экипажем, а каждое утро ехал на работу в вагоне надземной железной дороги по Шестой авеню до Уолл-стрит за пять центов, по пути делая заметки карандашом на манжете. В контору входил ровно в девять — по словам его личного секретаря Джорджа Роджерса, так тихо и незаметно, словно был закутан в плащ-невидимку.

Единственная роскошь, которую он себе позволял, — это рысаки. Проживая в Форест-Хилле, он, надев очки «консервы» и пылевик, ездил утром на работу в двухместном кабриолете, правя двумя резвыми лошадьми (всего их было двенадцать). Он даже проложил на своём участке беговую дорожку длиной в полмили (вдоль неё Джон-младший впоследствии посадит клёны), а каждому из детей купил пони — уэльской или шетлендской породы. Перегородил ручей, и получилось два искусственных озера: одно — для лодочных катаний, другое — для плавания; в жаркие дни, надев соломенную шляпу для защиты от солнца, Джон Д.

устроивал заплыв на милю. Зимой на пруду катались на коньках, и Рокфеллер приглашал к себе соседей, так что зачастую на лёд выходило до пятидесяти человек. Когда пришла мода на велосипеды (в 1884 году фирма «Ровер» начала выпускать безопасные велосипеды с двумя одинаковыми по размеру колёсами и задним приводом), Рокфеллер выровнял несколько тропинок и предлагал гостям велосипед, чтобы те выучились ездить и составляли ему компанию. Дети тоже укротили «железного коня». Когда они мчались гуськом по сумрачной лесной тропе, подпрыгивая на корнях деревьев, Джон Д., ехавший первым, прикреплял себе на спину большой белый платок, служивший ориентиром. Кроме того, он сам насыпал гравиевые дорожки, распланировал участок: сады, амбары, каретный сарай — и обзавёлся целой фермой, где содержались 16 коров и тысячи цыплят. Руководя бригадой из пятидесяти—шестидесяти рабочих, он построил 20 миль проезжей дороги, для которой брал известняк из карьера, находившегося в его владениях, и украсил её живописными мостиками через ручьи. Ему постоянно требовалось преображать и усовершенствовать тот мир, в котором он жил, — большой и малый.

Считая свои представления о том, что красиво, а что нет, единственно правильными, он и людей, с которыми работал, пытался выровнять по лекалам своих нравственных ценностей. За адюльтер член руководства компании мог поплатиться штрафом, разводов Рокфеллер тоже не одобрял. С пьяницей Арчболдом он, в жизни не выпивший ни капли спиртного, проводил душевспасительные беседы, пытаясь отвести его от дурной привычки. Сначала тот клал в нагрудный карман дольки чеснока, чтобы заглушить запах перегара, но когда пристрастие к бутылке стало слишком очевидным и даже разрушительным, всерьёз решил завязать, опираясь на моральную поддержку Рокфеллера. В 1881 году он каждое воскресенье писал Джону Д. письмо, подтверждавшее, что эту неделю он не пил, и продержался таким образом восемь месяцев. Потом нужда в письмах отпала. Однако через четыре года Арчболд сорвался. Ему было стыдно, что он разочаровал своего патрона, а его товарищи, знавшие, каких усилий ему стоило воздержание, пытались по-своему помочь: когда Арчболд являлся на работу «под градусом», они уверяли Рокфеллера, будто он принимает лекарства на спиртовой основе.

В воскресенье нельзя было работать, и если кто-то из сотрудников писал боссу в тот день, когда ему полагалось

находиться в церкви, то ставил на письме другую дату. К рядовым служащим и рабочим Рокфеллер относился по-отечески, но профсоюзы были под запретом, и профсоюзные активисты никогда не смогли бы получить у него работу. К новым людям он сначала внимательно присматривался, всячески их испытывал (как позже пояснял он сам, «бросал в воду и смотрел: выплывет — не выплывет»); если человек оправдывал его ожидания, то получал большую свободу действий, власть — и ответственность. Руководителю такой огромной корпорации нужны были инициативные люди, чтобы не заниматься всем самому. «Кто-нибудь уже рассказал вам, каков закон в этой конторе? — спросил он одного новобранца. — Нет? Так вот он: не делай того, что может сделать за тебя другой. Найдите кого-нибудь, на кого вы можете положиться, обучите его всему, что нужно, а сами сядьте, закиньте ноги на стол и подумайте о том, на чём бы “Стандард ойл” ещё делать деньги».

Его перфекционизм мог вызвать раздражение — или восхищение (догадайтесь, какое чувство испытывали верные ему люди). Сотни тысяч его деловых писем были образцом краткости и точности. Диктуя письма секретарю, он делал пять-шесть черновиков, изгоняя из текста лишние слова. Когда результат его удовлетворял, он ставил свою подпись — пером самого лучшего качества. «Я видел, как он за один присест написал своё имя на сотнях бумаг, — вспоминал один руководитель высшего звена. — Каждый раз он выводил свою подпись так тщательно, словно именно по этой вот закорючке его должны запомнить навсегда. Каждая подпись превращалась в произведение искусства». Стоит ли говорить, что все подсчёты производились с точностью до тысячных долей?

Нанимая на работу секретарём молодого Джорджа Д. Роджерса, Рокфеллер достал карманные часы и следил, за какое время тот сумеет сложить колонку цифр. «Что ж, вы справились в положенное время», — сказал он, и юноша приступил к исполнению своих обязанностей. Однажды, уходя домой из конторы, Рокфеллер похлопал себя по карманам и обнаружил, что забыл в кабинете кошелек с мелочью. Он попросил у Роджерса пять центов на проезд, пообещав непременно вернуть. «Да ладно, берите так», — сказал секретарь. «Нет, Роджерс, не забудьте об этой сделке. Это же годовые проценты с доллара!»

«Крохоборство» было основой богатства, поскольку, с учётом гигантского объёма осуществляемых «Стандард

ойл» операций, каждый грош, сэкономленный на одной из них, в итоге разрастался до многих тысяч. Ещё в начале 1870-х годов, осматривая один из заводов в Нью-Йорке, Рокфеллер обратил внимание на то, как машина запаивает крышки пятигаллонных канистр с керосином, уходивших на экспорт. «Сколько капель припоя используется для каждой канистры? — спросил он мастера. — Сорок. — А тридцать восемь пробовали? Нет? Не могли бы вы запаять несколько канистр тридцатью восемью каплями и сообщить мне?» С тридцатью восемью каплями некоторые канистры начинали подтекать, но при добавлении ещё одной капли всё было надёжно. Новым стандартом для заводов «Стандард ойл» стали 39 капель припоя. В первый же год благодаря этому удалось сэкономить две с половиной тысячи долларов, а поскольку со временем экспорт увеличился, эта цифра возросла в четыре раза.

Обычно Рокфеллер не вмешивался в технические вопросы, предоставляя их решение профессионалам. «Молодому человеку, желающему преуспеть в бизнесе, не обязательно знать химию или физику. Он в любой момент может нанять учёных», — считал он. Тем не менее он всегда подробно расспрашивал мастеров о технологии, поскольку любой процесс всегда можно улучшить. Обходя заводы, он носил в кармане красную записную книжку и периодически делал в ней заметки. При виде этого блокнота представителей руководства прошибал холодный пот.

Около 1882 года компания перешла на новую систему поставок: телеги с бочками — прошлый век, керосин теперь развозили по городам в цистернах, а у местных оптовиков (бакалейщиков, владельцев хозяйственных магазинов) разливали по канистрам для розничной продажи. Если лавочники «вставали в позу», цистерна отправлялась в путь по городу, керосин продавали всем желающим по оптовой цене или чуть выше. Вместе с керосином можно было почти по себестоимости приобрести обогревательные приборы, кухонные плиты, лампы, фонари, которые, кстати, потом отдавали чистить представителям компании. «Стандард ойл» создавала потребность и сама же её удовлетворяла. А если оптовики не рады её напрямую общению с народом — что ж, она откажется от такой практики, но при условии, что они будут покупать только её керосин.

Целью этого маркетингового хода было не только завоевание рынка, но и снабжение населения качественным продуктом. Спекулянты нередко подмешивали к керосину

«Стандард ойл» дешёвую продукцию местных заводов. В 1870-е от несчастных случаев из-за плохого керосина погибало от пяти до шести тысяч человек в год. Однажды в кабинет Рокфеллера в Кливленде прорвалась разгневанная женщина и спросила, что он намерен делать со своим паршивым керосином, который воняет и от которого лампы чадят. Джон Д. взял у неё бутылку и собственноручно отнёс в лабораторию для анализа. Чем закончилось это дело, к сожалению, неизвестно; но позже, когда офис компании переехал на Бродвей, дом 26, Рокфеллер пристально следил за деятельностью комиссии по производству, которая проверяла качество керосина, оставляя лампы гореть по шесть часов подряд. Жалобы он списал на плохие фитили и начал производить их сам на «Акме» (правда, проблемы это не решило).

Быть в курсе научно-технических открытий тоже было необходимо, чтобы не получать неприятных сюрпризов. Например, ещё осенью 1878 года 31-летний изобретатель Томас Алва Эдисон в Нью-Джерси похвастался перед журналистами, что придумал лампочку для освещения электричеством; в течение года он действительно создал лампу накаливания, которая горела 100 часов подряд. Несколько крупных банков, в том числе «Дрексель, Морган и К^о», купили акции новой «Эдисон электрик лайт компани». 4 сентября 1882 года Эдисон лично повернул рубильник, запустив первую в мире центральную электростанцию на Пёрл-стрит в Нью-Йорке, и контору финансиста Дж. П. Моргана на Уолл-стрит, дом 23, осветили электролампочки. В машинном зале станции было установлено шесть генераторов Эдисона мощностью около 90 киловатт, общая мощность электростанции превышала 500 киловатт. Это была прямая угроза для производителей керосина! К счастью для «Стандард ойл», электричеству не сразу удалось вытеснить керосиновые лампы. Гораздо большую опасность представлял собой природный газ, который раньше считался отходом производства, а теперь вдруг начал использоваться для уличного и домашнего освещения. (Марк Твен, совершивший в 1867 году путешествие по Европе, удивлялся, что в парижском отеле нет газового освещения — только свечи.) Газ доставляли в Питсбург по трубопроводам, и Рокфеллер быстро отдал команду Дэниелу О'Дэю; тот «взял под козырёк», пообещав, что сможет без инцидентов переправлять взрывоопасный газ на длинные дистанции. Через два года газом из Западной Пенсильвании уже снабжали города

в штатах Огайо и Нью-Йорк. Уильям Рокфеллер и Генри Роджерс создадут в 1884 году Консолидированную газовую компанию, обеспечивавшую газом Бруклин, а Роджерс объединится ещё и с Эдвардом Эддиксом, чтобы контролировать «Бостонский газ».

Там, куда технический прогресс ещё не проник, нужно было получать прибыль за счёт широты охвата. В конце 1882 года Уильям Рокфеллер, занимавшийся вопросами экспорта за рубеж, отправил Уильяма Герберта Либби на Дальний Восток. Основное внимание сосредоточили на Японии, Китае и Индии. Брошюру, расхваливающую надёжность керосиновых ламп, перевели на китайский; лампы и фитили покупателям керосина продавали за бесценок, а то и вовсе выдавали бесплатно. Голубые канистры «Стандард ойл» поплыли в джонках по великим китайским рекам, а в самые глухие уголки их доставляли на верблюдах или даже с помощью скороходов; пришлось разработать соответствующую упаковку. Либби прозвали рокфеллеровским «министром иностранных дел». В 1884 году он добрался до Баку и предложил Нобелям ассоциацию с объединением капитала, одновременно начав тайные переговоры с Ротшильдами (Альфонс де Ротшильд импортировал нефть из США и владел нефтеперерабатывающим заводом на Адриатике). Переговоры закончились провалом, пробиться на российский рынок не получилось. Поговаривали даже, что агенты «Стандард ойл» вновь прибегли к тактике, против которой боролись дома: пытались подкупить инженеров из Товарищества братьев Нобель, чтобы те разбавляли свой керосин водой тогда бы он проигрывал в качестве американскому.

Все эти планы и действия держались в строжайшей тайне, плотным коконом окутывавшей «Стандард ойл» и её руководство. В 1882 году газета «Нью-Йорк сан» отправила в Кливленд своего корреспондента, чтобы он написал статью о Рокфеллере, но тот так и не смог ни взять у него интервью, ни сделать его фото, ни даже разузнать что-либо у сотрудников, молчавших как рыбы.

Зато Фрэнк был полной противоположностью старших братьев, вынужденно проявлявших к нему снисходительность. В 1882 году он занял у Джона и Уильяма в общей сложности 80 тысяч долларов и пустился в спекуляции нефтью в Чикаго, потеряв на них целых 100 тысяч. Он жил не по средствам: купил себе красивый загородный дом в Уиклифе, штат Огайо, в семи милях от Форест-Хилла, с

участком в 160 акров, на котором стояли амбары, загоны для скота, беговая дорожка. Он дрессировал скаковых лошадей, выращивал шетландских пони и породистый скот, держал охотничий загон с оленем, медведем, лисами и белками. В праздники надевал старый мундир и обходил свои владения с товарищами-ветеранами, чтобы лишний раз напомнить Джону и Уильяму: они-то не сражались, не проливали свою кровь за родину!

Да, конечно. Но во время Гражданской войны Джон Д. делал пожертвования армии, а ещё — чернокожим проповедникам, церквям и сиротским домам для негров, обществу глухонемых... В июне 1882 года в Кливленд приехали учительницы София Паккард и Гарриет Гилс, с которыми Джон и Сетти Рокфеллер познакомились во время своего медового месяца. Это были настоящие подвижницы, нашедшие дело всей своей жизни: обеспечить доступ к образованию чернокожим женщинам. Годом раньше они открыли баптистскую женскую семинарию в Атланте; первый набор состоял из одиннадцати учениц, по большей части рождённых в рабстве, неграмотных, но уже имевших детей. За год их число возросло до 150. На собрании в баптистской церкви на Вильсон-авеню молодые женщины рассказывали, как дают по 11—12 уроков в день в здании с протекающей крышей, с лужами на земляном полу, в классах, служивших ранее угольными складами, где до сих пор в воздухе висит чёрная пыль, а ученицам приходится стоять на коленях и писать на деревянных скамьях. Освещение плохое, в дождливые дни невозможно читать. Счёту учат на палочках. Из прочих школьных принадлежностей — только Библия, блокнот и карандаш. После собрания по рядам пустили коробочку для пожертвований; Рокфеллер высыпал в неё всё содержимое своих карманов, а потом подошёл к учительницам и задал типичный для него вопрос: «Вы ведь не бросите это дело? Если нет, то я сделаю для вас больше». Он сразу же передал 250 долларов в фонд строительства нового школьного здания, а на следующий день отвёз Софию и Гарриет в Форест-Хилл и обращался с ними как с почётными гостями.

Самоотверженность, импонировавшая Рокфеллерам в других людях, более не входила в число добродетелей их друга Генри Флаглера. Зимой 1882/83 года расшалившаяся печень отправила его на больничную койку. Лёжа он стал просматривать объявления в газетах о продаже земли во Флориде, вознамерившись напоследок пожить в своё удо-

вольствие. В скором времени 53-летний Флаглер женился на 35-летней бывшей актрисе Иде Алисе Шурдс, которая была сиделкой при больной Мэри Флаглер. Эта маленькая рыжеволосая женщина с ярко-голубыми глазами и взрывным темпераментом явно намеревалась прибрать к рукам деньги мужа (она сразу начала обзаводиться дорогим гардеробом) и попытаться с его помощью проникнуть в нью-йоркское высшее общество. Сетти это не понравилось, и она прекратила отношения с Флаглерами; но Джон, хотя тоже не одобрял поступка Генри, всё-таки съездил с ним во Флориду, чтобы оценить экономический потенциал региона, а потом навестил молодожёнов в Сент-Огастине, где они проводили медовый месяц. Город очаровал Флаглера, хотя там негде было остановиться, да и транспортной системы почти не существовало. Эксцентричный бостонский миллионер Франклин Смит только что построил там по собственному проекту «Виллу Зорайда», частично скопированную с дворца Альгамбра в испанской Гранаде (Зорайдой звалась одна из принцесс в книге «Альгамбра» Вашингтона Ирвинга). Флаглер захотел её купить, но Смит не продал. Тем не менее Флаглер твёрдо решил переселиться во Флориду и начать жизнь с чистого листа, вновь занявшись созданием того, чего раньше не было, — в данном случае гостиничного комплекса.

«Скажите мне, как помешать богатству породить роскошь? Скажите мне, как помешать роскоши породить изнеженность, опьянение, экстравагантность, порок и безумие?» — спросил в 1819 году второй президент США Джон Адамс своего преемника Томаса Джефферсона. Рокфеллеры тоже много думали над этой загадкой и решили, что выход — в служении Церкви и в борьбе за трезвость. В 1883 году Джон заседал в консультативном комитете при Христианском женском союзе за трезвость, который добивался принятия поправки к конституции Огайо, запрещающей изготовление и продажу спиртного (разумеется, она не была принята). А ещё жертвовал крупные суммы движению за возрождение веры и призывал Генри Флаглера следовать его примеру.

Кстати, некоторые друзья спрашивали Сетти, почему её дети не приняли крещение (баптисты обычно проходят этот обряд уже взрослыми), и этот вопрос теперь не давал ей покоя. Она стала усиленно молиться вместе с детьми, и в последнее воскресенье перед окончательным переездом в Нью-Йорк, 28 октября 1883 года, двенадцатилетняя

Альта, одиннадцатилетняя Эдит и девятилетний Джон вместе были крещены. «Это было прекрасное и внушительное зрелище, после утренней службы: вокруг купели стояли растения и цветы, а над ней подвешен голубь», — записала Сетти в дневнике. Прибыв на Манхэттен, Рокфеллеры сразу же вступили в баптистскую общину при церкви на Пятой авеню, хотя многие члены их круга, разбогатев, переходили в более престижную Епископальную церковь. В первый День благодарения в Нью-Йорке Джон Д. отвёл свою семью на Нижний Манхэттен, в трущобный квартал «Файв-Пойнтс» («Пять углов»). Ему понравился приют для бездомных, однако он не одобрил бесплатной раздачи еды для бродяг: «У меня такое впечатление, что они это делают только раз в год. Я бы предоставил им работу, чтобы они сами заработали себе на еду».

Сами они поселились в четырёхэтажном доме 4 из коричневого кирпича на Западной 54-й улице — просторном, удобном, но внешне отнюдь не роскошном. В то время как по булыжникам оживлённой Пятой авеню, где стояли новенькие дворцы Уильяма и Корнелиуса Вандербильта II, скрежетали железными колёсами экипажи, Западная 54-я улица была тихим, тенистым уголком, а больницу Святого Луки (прямо напротив дома Рокфеллеров) окружали лужайки и сады. Однако дом, который купил добродетельный Джон Д., прежде принадлежал 32-летней красавице Арабелле Воршам, любовнице железнодорожного магната Коллиса Хантингтона, на 30 лет её старше. Арабелла купила этот дом в 1877 году и жила в нём вместе с сыном Арчером, а в 1883-м Хантингтон овдовел и женился на ней. За скромным кирпичным фасадом скрывалось любовное гнёздышко, обставленное со вкусом, хотя и несколько вычурно: на первом этаже была мавританская гостиная, наверху — турецкие бани; спальня хозяев оформлена в англо-японском стиле: чёрное резное дерево, огромная кровать в виде саней под балдахином, великолепный канделябр из позолоченного серебра, а за ширмой из затемнённого стекла — интимный турецкий уголок. На стенах — картины Коро, Месонье, Добиньи и других французских художников, бывших тогда в моде у американских парвеню. Зато в здании имелись все современные удобства, даже лифт (в то время лифты можно было встретить разве что в больших универмагах или общественных зданиях). Бережливый Рокфеллер всю меблировку сохранил, избавившись только от истёртых ковров, которые отдал нуждающимся через местную церковь.

Нью-Йорк — город контрастов. С одной стороны, по закону, регламентирующему жилищное строительство, в каждой спальне должны были иметься форточка и пожарный выход, в каждом доме — ватерклозеты. С другой стороны, улицы были усыпаны конскими «яблоками», тротуары зимой обледеневали, а в районах трущоб неделями валялись небрунныи туши мёртвых свиной и павших лошадей, что способствовало распространению эпидемий. Богатые кварталы Манхэттена соседствовали с Чайна-тауном и Гарлемом, в то время населённым евреями, итальянцами, мексиканцами и чернокожими; убогие домишки ютились рядом с новенькими небоскрёбами. Зато в 1883 году был построен Бруклинский мост. Модные архитекторы осуществляли свои фантазии, воплощали в жизнь причуды богачей, селившихся преимущественно на Пятой авеню.

Когда из Кливленда в одном пульмановском вагоне прибыли сразу 28 членов руководства «Стандард ойл», их сначала отвезли в отель «Сент-Джеймс», где они собрались на завтрак под председательством Уильяма Рокфеллера, а затем на обед под председательством Джона Д. Последний, встретив коллег на вокзале, помогал им подыскивать жильё, и вскоре весь квартал поблизости от дома Рокфеллеров оказался заселён людьми из «Стандард ойл». Уильям Рокфеллер жил в доме 89 на Пятой авеню, Генри Флаглер — на юго-восточном углу 54-й улицы, по другую сторону от Пятой авеню. Уильям не придерживался такого же аскетизма в быту, как его старший брат, но и не терял головы. Не желая залезать в долги ради постройки дома, он продал часть своих акций «Стандард ойл» за 50 тысяч долларов. Кому? Разумеется, Джону.

Своих сыновей и дочерей (последняя, Этель Джеральдина, родилась 3 апреля 1882 года) Уильям воспитывал в гораздо более свободной атмосфере, вызывая зависть у их кузенов. «Мы, дети, не имели того, что было у тех детей, и замечали разницу, — вспоминал позже Джон Рокфеллер-младший. — Они вели весёлую светскую жизнь с множеством вечеринок, о которых мы могли только мечтать». В отличие от Лоры Мира Рокфеллер одевалась по последней моде, зато Уильям, не в пример Джону, никогда не был заботливым отцом. Дети росли на Пятой авеню, усваивая светские, а не религиозные ценности. В письмах, отправленных из Парижа старшей дочери Эмме, Мира перечисляла людей, встреченных в модных магазинах, пересказывала сплетни, а один раз сделала совсем уж странное добавле-

ние: «Мне кажется, служанку я нашла очень хорошую. Она явно нравится твоему отцу и завоевала его сердце тем, что чешет ему пятки».

Уильям знал толк в красивой жизни, любил коктейли, азартные игры, оперу, театр, яхты, охоту и рыбалку, часто по-соседски захаживал на костюмированные балы Альвы Вандербильт (супруги Уильяма Киссама Вандербильта — внука Командора), чей замок стоял прямо напротив его дома. А Джон Д. и в Нью-Йорке не отказался от своих кливлендских привычек: залил возле дома большой каток и каждое утро, привязав коньки к кожаным штиблетам, катался там в пальто и котелке. (Уильям и Мира ехидничали по поводу того, что Джону пришлось специально завозить снег для катка.) В прихожей повесили особые полки, на которые гости могли положить свои коньки. Вместо того чтобы, как все «приличные люди», обзавестись яхтой, он не изменил своей любви к быстрым лошадям: каждый день после работы выводил из обогреваемой конюшни на Западной 55-й улице два десятка вороных рысаков и отправлялся в Центральный парк, где порой устраивал заезды наперегонки с Уильямом — к восторгу Джона-младшего, сидевшего в дрожках рядом с отцом. «Другие возницы часто выходили из себя, когда лошадь сбивалась с шага или резко тянула вперёд, отец — никогда, — вспоминал он. — Если лошадь была чересчур возбудимой или капризничала, он всегда держал себя в руках и терпеливо, спокойно работал с ней, пока не укрощал». Рокфеллеры не устраивали приёмов и не ходили на них, не посещали костюмированных балов, театров, оперы, не говоря уже про клубы. Однако для детей, годами не покидавших домашних стен, жизнь всё-таки сильно изменилась: Бесси, Альта и Эдит теперь посещали женскую школу, которой руководила миссис Лайф, в девичестве Сьюзен Ла Монте из Овего, помогавшая братьям Рокфеллерам делать уроки. Скорее всего, это был не случайный выбор. Рокфеллер по-прежнему скрывал от своих детей, что они богаты, чтобы приучить их держать себя скромно и незаносчиво. Эдит как-то призналась однокласснице, что мечтает о шёлковом нижнем белье (несмотря на аскетическое домашнее воспитание, девочка с ума сходила по модным нарядам и украшениям), но «мама и слушать об этом не станет». Альта, мечтавшая о цилиндре к своему костюму для верховой езды, в конце концов получила его и сразу же в нём сфотографировалась, после чего принялась мечтать о сапогах.

При этом Рокфеллера со всех концов страны одолевали просьбами о материальной помощи. Помогать он не отказывался, но это не значит, что он был готов раздавать деньги направо и налево, а на изучение вопроса требовалось время. Не лучше ли, чтобы рассмотрением всех этих просьб занималась некая организация, например Американское баптистское общество внутреннего миссионерства? Рокфеллер и так уже направлял пожертвования женской школе для чернокожих в Атланте через секретаря этого общества доктора Генри Морхауза. На деньги Джона Д. школа приобрела десять акров земли и пять зданий, в которых ранее размещались оккупационные войска северян. К концу 1883 года в школе учились уже 450 женщин; Рокфеллер внёс пять тысяч долларов на выплату ипотеки; Паккард и Гилс просили разрешения дать школе его имя или, если он пожелает, любое другое — к примеру, девичью фамилию его жены. Памятуя о вкладе Спелманов в борьбу за права негров и женщин, Рокфеллер предпочёл второй вариант. 11 апреля 1884 года Рокфеллеры прибыли поездом в Атланту на празднование трёхлетия школы и присутствовали на богослужении (Джон Д. обожал спичуэлс — негритянские духовные песни). Лора Рокфеллер произнесла короткую речь об освобождающей силе пения, Лют напомнила об аболиционистской деятельности отца, а их мать рассказала, что дом Спелманов был одной из «станций» на «подземной железной дороге». Джон Д. тоже произнёс несколько слов: «От ваших сердец зависит, станет ли эта школа такой, чтобы в неё поверили люди. Господь превратит это небольшое начинание в великое создание. Я благодарен, что нахожусь здесь». Когда он сел, было объявлено о переименовании школы в Спелмановскую семинарию*.

Это был один из редких счастливых моментов в тот непростой год, проходивший под знаком политической борьбы и несправедливых обвинений.

Казначей «Стандард ойл» Оливер Пейн всё-таки добился, чтобы его отец Генри Пейн, которому перевалило

* В 1886 году здесь будет открыт Рокфеллер-холл — корпус с общими спальнями и красивой часовней. В последующие годы Рокфеллер даст денег на приобретение ещё 11 акров земли и сооружение дополнительных жилых помещений, прачечной, столовой и других построек; в результате получится симпатичный студенческий городок, для украшения которого Рокфеллер пришлёт своих ландшафтных дизайнеров и лично выберет деревья и кусты.

за семьдесят (политические оппоненты называли его усохшим старым ископаемым), был избран сенатором от штата Огайо. Выборы состоялись в законодательном собрании штата, которое уже окрестили «Угольно-нефтяной палатой» за покорность «Стандард ойл»; широко распространились слухи, что Оливер Пейн, сидя за столом в номере отеля «Коламбус», выдавал законодателям плату за труды — в общей сложности 100 тысяч долларов. Это были всего лишь сплетни: Генри Пейн всегда выступал от демократов, а «Стандард ойл» поддерживала республиканцев. Но слухам верят охотнее, чем искренним уверениям.

К тому же у Оливера Пейна был друг-демократ Уильям Уитни, достигший довольно высокого положения в партии. Они вместе учились в Йельском университете; в 1868 году Пейн познакомил Уитни со своей сестрой Флорой, заранее уверенный, что они полюбят друг друга. Год спустя он подарил им на свадьбу пятиэтажный дом на Парк-авеню, а потом ещё особняк за 700 тысяч долларов на углу Пятой авеню и 57-й улицы, украшенный художественными полотнами и гобеленами, через улицу от резиденции Корнелиуса Вандербильта. Уильям Уитни, обладавший настоящим даром притягивать богатых покровителей, сделался богатым юристом с Уолл-стрит (хотя проучился на юридическом факультете Гарварда всего год), адвокатом Командора Вандербильта и других клиентов из железнодорожных компаний. В Демократической партии ему покровительствовал губернатор Сэмюэл Тилден, назначивший его нью-йоркским корпоративным советником. В 1884-м Уитни поддержал мэра Буффало, Гровера Кливленда, баллотировавшегося в президенты, примирил депутатов-реформаторов из Кливленда и партийных бонз из Нью-Йорка и продемонстрировал своё влияние в ходе предвыборной кампании. Его тоже считали «человеком “Стандард ойл”», однако Джон Д. Рокфеллер поддерживал соперника Гровера Кливленда, республиканца Джеймса Блейна из штата Мэн, и считал, что избрание Кливленда станет «большим бедствием». Он принимал политические дела настолько близко к сердцу, что даже разрешил включить себя в список кандидатов на пост вице-президента для поощрения сбора средств на кампанию Блейна (в итоге вице-президентом выдвинули Джона Александра Логана, генерала армии северян во время Гражданской войны).

Предвыборная кампания строилась на идее борьбы с коррупцией; Блейн запятнал себя участием в разных тёмных сделках, а лозунгом Кливленда стало: «Государственная должность — доверие общества». Тайная переписка Блейна, подтверждающая, что он подкупал законодателей, чтобы те действовали в пользу некоторых железных дорог, в том числе «Юнион Пасифик», стала достоянием гласности. В результате от республиканцев откололась группа «независимых», ставивших моральные принципы выше партийных интересов, которая поддержала Кливленда.

Тогда противники Кливленда, которого в плане порядочности кое-кто уподоблял самому Вашингтону, порылись в его «шкафу» и нашли-таки «скелетик». 21 июля «Буффало ивнинг телеграф» ошарашила своих читателей историей о том, как десять лет назад Мария Халпин родила сына от Кливленда, после чего угодила в сумасшедший дом, а ребёнка усыновила другая семья. «Мне кажется, главным вопросом должен быть такой: хочет ли американский народ иметь своим президентом распутника?» — написал преподаватель Джордж Болл из Буффало издателю газеты «Чикаго трибюн», не забывая упоминать об этом и в своих проповедях. Сразу родилась песенка «Мама, мама, где мой папа?». Гровер Кливленд немедленно проинструктировал своих сторонников: «Главное — говорите правду». Да, Кливленд вступил с Халпин в «незаконную связь», когда служил в Буффало адвокатом; но он тогда был холост, а Халпин крутила романы и с его женатыми друзьями-бизнесменами. Поэтому нет никакой уверенности в том, что ребёнка она родила именно от него. Тем не менее Кливленд признал отцовство, дал ребёнку свою фамилию и помог найти для него приёмную семью. Но 31 октября 1884 года «Чикаго трибюн» напечатала интервью с Марией Халпин, в котором та заявила: «Обстоятельства, при которых состоялась моя гибель, слишком отвратительны со стороны Гровера Кливленда, чтобы делать их достоянием общественности». Из рассказа Халпин следовало, что в 1874 году она была 38-летней вдовой; сорокалетний Кливленд не давал ей прохода, и в конце концов она согласилась поужинать с ним в ресторане. После ужина Кливленд проводил её домой, ворвался к ней в комнату, изнасиловал и пригрозил погубить, если она пожалуется властям. Она не хотела больше его видеть, но пять-шесть недель спустя вынужденно стала искать с ним встречи, поняв, что беременна. В положенное время

родился сын, которого сразу отняли у матери, а её саму заперли в «скорбный дом». Журналисты опросили врачей, которые подтвердили, что Халпин, хотя и выпивала, была в твёрдом рассудке и в изоляции не нуждалась, и её выпустили через несколько дней. Халпин обратилась к известному адвокату Майло Уитни, намереваясь подать на Кливленда в суд; к ней на помощь приехал зять из Нью-Джерси. Они показали адвокату договор, по которому Мария Халпин должна была за 500 долларов отказаться от ребёнка, Оскара Фолсома Кливленда (названного в честь Оскара Фолсома, близкого друга Кливленда), и больше никогда не предъявлять каких-либо претензий его отцу. Мальчика усыновил доктор Кинг из психиатрической лечебницы. Что же касается заявлений Кливленда, что отцом ребёнка мог быть кто угодно, Халпин возмущённо ответила журналистам, что это подлая клевета и что до встречи с ним её репутация была кристально чистой.

Газетчики потирали руки: какая тема! Пастор Генри Крабб из Объединённой пресвитерианской церкви написал осенью в «Буффало ивнинг телеграф»: «С большим сожалением вынужден сказать, что он развратный, похотливый человек. Он так и не женился и известен своим дурным поведением с женщинами. <...> Я искренне и горячо молюсь о том, чтобы он не стал нашим новым президентом».

Но у Кливленда нашлись и защитники: подумай, грехи молодости, с кем не бывает. (Все как-то забыли, что Кливленд в то время был уже далеко не мальчиком.) Побочный ребёнок — совсем не то что подкуп конгрессменов. Генри и Оливер Пейны передали 170 тысяч долларов на предвыборную кампанию кандидата от демократов. В итоге Кливленд победил с перевесом в две тысячи голосов, и демократы дали свой ответ на вопрос из песенки-дразнилки: «Мама, мама, где мой папа? — В Белом доме, ха-ха-ха!» Газеты теперь расписывали прелести невесты Кливленда Фрэнсис Фолсом — дочери его лучшего друга, на 27 лет моложе будущего мужа. Впервые в Белом доме сыграли свадьбу. Мария Халпин вторично вышла замуж, а её сын сменил имя и стал Джеймсом Кингом-младшим. Уильям Уитни, прозванный в прессе «Угольно-нефтяным Билли» вместо поста министра внутренних дел получил должность морского министра, чтобы не давать пищи для слухов, что «Стандард ойл» будет через него прибираться к рукам государ-

ственные земли. Он вместе с женой переселился в Вашингтон и занялся строительством стального флота. Оливер Пейн пожелал удалиться на покой и вышел из правления «Стандард ойл». А оно 1 мая 1885 года переехало в новое здание по адресу: Бродвей, дом 26, потратив на это почти миллион долларов.

Десятиэтажный дом в неоклассическом стиле, построенный по проекту архитектора Фрэнсиса Кимболла, протянулся на 26 метров между Бродвеем и Нью-стрит; это была массивная гранитная крепость. Внутри — сдержанно-роскошная отделка: столы из красного дерева, ковры горчичного цвета. Никакой суеты, строгая деловая атмосфера. Служащие инстинктивно приглушали голос, словно находились в святилище. При этом были приняты меры безопасности: дверные замки снабдили «секреткой», которую нужно было повернуть большим и указательным пальцами, прежде чем нажать на ручку; непосвящённый оказался бы в ловушке — ни выйти, ни войти. Офисы снабдили стеклянными перегородками до самого потолка, сквозь которые ничего нельзя было разглядеть.

Окна кабинета Рокфеллера выходили на юг и на восток, из них открывался чудесный вид на порт. Но на самом деле Джон Д. видел отсюда гораздо дальше: агенты обширной шпионской сети получали информацию от бакалейщиков, фрахтовщиков, мелких служащих и передавали «в центр» точные данные о каждом барреле нефти, проданном независимыми производителями (один кливлендский нефтестепереработчик случайно обнаружил, что «Стандард ойл» платила его бухгалтеру 25 долларов в месяц, чтобы тот оставлял информацию о поставках в почтовом ящике № 164 на городском почтамте); месячные доклады подшивались в папки, папки ставились в шкафы. Весь североамериканский континент разделили на 11 округов; «пограничные инциденты» улаживал комитет по внутренней торговле. Каждый полдень исполнительный комитет собирался на обед в комнате на верхнем этаже, украшенной охотничьими и рыбацкими трофеями, тоже с видом на порт. Выглядело это весьма символично: правители мира, практически небожители... Получить приглашение на обед за длинным столом — всё равно что получить пропуск в высшие сферы. На обед являлись в шёлковых цилиндрах, фраках и перчатках; за каждым из директоров было закреплено место. Рокфеллер уступил место во главе стола Чарлзу Пратту —

самому пожилому члену руководства, хотя тот часто вступал с ним в спор; по правую руку от Пратта сидел Флаглер, потом Рокфеллер и Арчболд. Джон Д. часто говорил, что Наполеон не достиг бы успеха без своих маршалов. Кто здесь Наполеон, было понятно. «Я видел заседания правления, когда возбуждённые люди богохульствовали и делали угрожающие жесты, — вспоминал один из директоров, — но мистер Рокфеллер, оставаясь в высшей степени учтивым, главенствовал в кабинете». Иногда после обеда он мог прилечь вздремнуть на кушетку, находившуюся здесь же, в комнате правления. Заседание продолжалось; Джон Д. лежал с закрытыми глазами и ровно дышал, а потом раскрывал глаза и высказывал какое-нибудь предложение.

Уже в 1885 году словосочетание «Бродвей, 26» стало символом богатства и власти, хотя название компании «Стандард ойл» на фасаде не значилось.

Глава вторая
ВРЕМЯ БОГАТОГО ЧЕЛОВЕКА

Большое богатство — это большое время, великая ответственность. Оно неизменно оказывается одним из двух: либо огромной благодарью, либо огромным проклятием.

Джон Д. Рокфеллер

Человек не должен поклоняться идолам, а накопление богатства — один из худших видов идолопоклонства! Никакой кумир так не оподляет, как преклонение перед деньгами! За что бы я ни принимался, я должен проявлять в этом неумеренное рвение, а посему мне следует с осторожностью выбирать такую жизнь, чтобы она была самой возвышенной по своему характеру. Продолжать и далее отягощать себя заботами о делах, когда почти все мои мысли — о том, как сделать больше денег за меньшее время, может погубить меня без надежды на спасение.

Эндрю Карнеги

Американцы в Париже

Преподобный Огастус Стронг, выпускник Йельского университета, после Гражданской войны семь лет служил пастором в Первой баптистской церкви Кливленда; именно он исполнил погребальный обряд над маленькой Алисой Рокфеллер, скончавшейся в 1870 году. Два года спустя он уехал на восток и возглавил Рочестерскую богословскую семинарию — цитадель баптизма. На это учебное заведение Рокфеллер за несколько лет пожертвовал полмиллиона долларов — из уважения к Стронгу, которого продолжал поддерживать материально. Потом преподобный вернулся в Кливленд, и его дети были в числе избранных, допущавшихся в Форест-Хилл. Детям Рокфеллера особенно нравился его старший сын Чарлз, родившийся 28 ноября

1862 года, — высокий, красивый кудрявый брюнет, декламировавший им баллады, взобравшись на дерево. Чарлзу сначала пришлось по душе Альта, но потом он переключился на Бесси; его брату Джону больше подходила Эдит; Джон Рокфеллер-младший влюбился в Мэри Стронг, которая была старше его на десять лет; правда, чуть повзрослев, он стал писать нежные письма её сестре Кейт, называя её «дорогой сестрёнкой».

Благообразный, серьёзный, остроумный и обаятельный, но при этом строгий и деспотичный доктор Стронг вбил себе в голову, что должен создать в Нью-Йорке, в районе Морнингсайд-Хайтс, баптистский «университет будущего» (по образцу частного исследовательского университета Джонса Хопкинса, основанного в Балтиморе, штат Мэриленд, в 1876 году), чтобы молодым баптистам не надо было поступать в Гарвард, Йель или Принстон. Туда будут принимать молодых учёных и самых лучших студентов-баптистов со всей страны, а целью будет защита веры от наступающего модернизма — в этом Стронг видел свою «божественную миссию». Деньги на университет должен был дать, разумеется, Рокфеллер, — подумаете, каких-то 20 миллионов. Рокфеллер, может, и дал бы, если бы ему просто намекнули и позволили спокойно подумать; но когда начинали требовать, он отвечал отказом. Проницательный Джон Д., при всём почтении к Стронгу, разглядел под покровом «божественной миссии» малоприглядное личное честолюбие и наложил мораторий на обсуждение этой темы.

Полностью порвать со Стронгом он не мог, потому что их семьи сильно сдружились, а девятнадцатилетняя Бесси и 23-летний Чарлз, похоже, были безумно влюблены друг в друга и даже заключили в 1885 году тайную помолвку, хотя одарённый, но чересчур рассудочный Чарлз пока ещё не собирался жениться, живя в мире философских абстракций. Он получил образование в Рочестерской богословской семинарии, а затем в Академии Филлипса в Эксетере, штат Нью-Гэмпшир, где изучал латынь и древнегреческий и был редактором школьной газеты. В июле 1881 года Чарлз отправился в Германию, в Гютерсло, где учился в гимназии, через два года вернулся в Америку и окончил университет Рочестера, а в 1885-м получил ещё и гарвардский диплом с отличием. В Гарварде он подпал под влияние своего учителя, философа и психолога Уильяма Джеймса, проповедовавшего прагматизм и функционализм, а также подружился с Джорджем Сантаяной — будущим философом, поэтом

и романистом, основав вместе с ним философский клуб. Оба претендовали на стипендию Уолкера, чтобы уехать на двухлетнюю стажировку в Германию; Сантаяна, признававший интеллектуальное превосходство друга, заранее попросил его разделить стипендию с ним, но её присудили обоим, подразумевая, что они поделятся. Так что Чарлз уехал, а Бесси по совету доктора Стронга определили в женский колледж Мэтью Вассара в Покипси близ Нью-Йорка (Стронг был членом его попечительского совета). Поскольку у Бесси возникли проблемы со зрением и ей было трудно читать, доктор Стронг договорился, чтобы её приняли туда без экзаменов и поселили вместе с однокурсницей, которая читала бы ей вслух. Такой подругой стала Кейт Стронг. Рокфеллер тоже вошёл в попечительский совет Вассара и со временем построил на свои деньги три новых корпуса, названные в честь Стронга, Дэвисона и его самого.

Удивительно, но Бесси всё ещё не догадывалась, насколько богат и знаменит её отец. В первый год учёбы в колледже они с подругами решили купить своей любимой учительнице подарок на Рождество и увидели в одном из магазинов на Манхэттене чудесный письменный стол за 100 долларов. У девушек с собой было только 75, они попросили продавца продать им стол в рассрочку, и тот согласился, но при условии, что какой-либо из нью-йоркских бизнесменов выступит их поручителем. «У меня отец бизнесмен, — робко сказала Бесси, — он может за нас поручиться». — «А кто твой отец?» — «Его зовут мистер Рокфеллер. Джон Д. Рокфеллер, он занимается нефтью». — «Твой отец — Джон Д. Рокфеллер?!» Бесси так и осталась уверенной, что продавец пошел им навстречу только ради праздника.

Между тем «заниматься нефтью» не казалось тогда чем-то непоколебимо надёжным. Руководство «Стандард ойл» неотступно преследовали два взаимоисключающих кошмара: что всю нефть когда-нибудь вычерпают или что, наоборот, найдут массу новых месторождений и трест захлебнётся в море дешёвых нефтепродуктов. В начале 1880-х некоторые паникёры на заседании правления даже призвали вообще уйти из этого бизнеса и заняться чем-нибудь другим. Выслушав их со своим неизменным хладнокровием, Рокфеллер встал, поднял указующий перст и произнёс: «Господь напичкает». Но и он тоже был живой человек, терзаемый сомнениями. В 1884 году с его подачи «Стандард ойл» обзавелась резервным запасом сырой нефти, превышавшим её непосредственные потребности, а сам Джон Д.

вложил деньги в кое-какие производственные мощности в Западной Виргинии: «В нашем поле зрения всегда должны быть большие объёмы сырья, и лучше уж сделать лишние запасы, чем подвергнуться риску прикрыть лавочку из-за конкуренции России».

Однако в мае 1885-го, казалось, начал сбываться второй кошмар. Группа разведчиков, отыскивавшая месторождения природного газа на северо-западе Огайо, случайно наткнулась на нефть. Всю отрасль залихорадило: Пенсильвания лишилась нефтяной монополии! К концу года окрестности городка Лима были утыканы нефтяными вышками. Однако бросать в воздух шапки было рано: химический анализ местной нефти показал, что её будет трудно перерабатывать, так что ценность находки резко упала. Во-первых, керосина в этой нефти было меньше, чем в пенсильванской, и к тому же от него лампы покрывались плёнкой. Во-вторых, из-за высокого содержания серы машины корродировали, а кроме того, запах стоял просто ужасный. Такое сырьё можно было продать не дороже 40 центов за баррель.

Другой бы плюнул и забыл — но только не Джон Д.! «Нам казалось невозможным, чтобы сей замечательный продукт вышел на поверхность с целью быть попусту потраченным и выброшенным; поэтому мы начали экспериментировать с каждым способом его использования», — будет позже рассказывать Рокфеллер. В июле 1886 года он выписал к себе Германа Фраша — 35-летнего химика немецкого происхождения по прозвищу Дикий голландец — и поставил перед ним чёткую задачу: избавить лимскую нефть от запаха и превратить её в рыночный товар.

Фраш приступил к работе, а перед правлением «Стандард ойл» встал непростой вопрос: следует ли, предположив, что немец с задачей справится, начать скупать землю вдоль границы Огайо и Индианы или же подождать окончания его опытов с риском упустить время и самые ценные нефтеносные участки?

Маленький, начинающий лысеть Дикий голландец, обладавший взрывным темпераментом, полностью соответствовал стереотипу эксцентричного учёного. В 16 лет он сбежал от книготорговца, у которого был учеником, и отплыл из Бремена в Нью-Йорк, а оттуда поездом добрался до Филадельфии и поступил в фармацевтический колледж. В 1874 году, когда ему было 23, он уже открыл собственную лабораторию и получил свой первый патент, придумав спо-

соб утилизации оловянного лома. Второй патент ему выдали два года спустя за метод очистки парафинового воска, благодаря чему из парафина стали делать свечи и нашли ему другое применение. Фраш же изобрёл парафинированную бумагу, в которую стали заворачивать скоропортящиеся продукты. В 1885 году он учредил в городке Петролия в канадской провинции Онтарио (на другом берегу озера Эри) Имперскую нефтяную компанию. В 1866 году в Петролии нашли нефть, которую прозвали «скунсовой» из-за запаха серы, и Фраш решил избавиться её от вони. После нескольких попыток ему удалось очистить нефть от серы, подвергнув нефтяные пары воздействию оксидов железа, свинца и меди. Образовавшиеся сульфиды этих металлов потом сжигали в воздухе, серу удаляли, а оксиды восстанавливались для повторного использования. То есть проблема была Фрашу знакома, и Рокфеллер в него верил. Он дал ему в помощники Джона Уэсли Ван Дайка, уроженца Пенсильвании, который начинал бурильщиком, а потом поступил инженером на нефтеперерабатывающий завод «Стандард ойл» на Лонг-Айленде, — его задачей было сконструировать прибор для практического применения метода очистки, который разработает немец.

Джон Д., при всей своей осторожности, умел рисковать и был способен принимать нестандартные решения, благодаря чему, собственно, и выбился из сельских бедняков в миллионеры. Но это доступно единицам, иначе миллионерами были бы все. Приверженность Рокфеллера демократическому методу руководства созданной им компанией подверглась суровому испытанию: раз за разом на заседаниях правления консерваторы, возглавляемые «слабаком» Чарлзом Праттом, «воздевая руки в священном ужасе», восставали против его предложения арендовать земельные участки в Огайо. Наконец, когда Пратт, выведенный из себя упорством Рокфеллера, громко выкрикнул: «Нет!» — тот холодно ответил: «Я оплачу это усовершенствование из собственных средств под двухлетнюю гарантию». Цена вопроса составляла три миллиона долларов. «По истечении этого срока, — продолжал Рокфеллер, — в случае успеха компания возместит мне расходы. В случае неудачи я возьму убытки на себя». Это подействовало. «Если вы так считаете, давайте сделаем это вместе, — смирился Пратт. — Если вы способны пойти на риск, то и я смогу».

Начали скупать нефтеносные участки, строить цистерны, прокладывать трубопроводы в Лиму. В марте 1886 года

Дэниел О'Дэй исследовал северо-запад Огайо в поисках подходящего места для нефтепереработки и выбрал саму Лиму, у которой пересекались четыре железные дороги. Всем местным бурильщикам он сразу заявил, что свою нефть они будут переправлять через его трубу, и вскоре заполучил 85 процентов «скунсовой нефти». Единственным конкурентом была «Сан ойл компани», основанная Дж. Пью в том же году.

«Лима, Огайо — очень милый городок с 12 000 жителей; совершенно естественно, что нефтяные месторождения и строительство нефтеперегонного завода вызовут здесь бум на рынке недвижимости», — писал Джону Д. брат Фрэнк, которого тот сделал вторым вице-президентом «Стандард ойл Огайо», создав этот пост специально для него. После банкротства «Пионер ойл воркс» (Фрэнк тогда разорился в четвёртый раз*) Рокфеллер не стал покупать этот завод у Фосетта, а просто взял брата к себе на работу. Фрэнк сразу же этим воспользовался для извлечения личной выгоды, наплевав на корпоративные интересы: нахально попросил у брата денег на спекуляции с недвижимостью в Лиме, намереваясь взвинтить цены в тот самый момент, когда «Стандард ойл» собиралась делать там инвестиции! Вице-президентом «Стандард ойл Огайо» был полковник Уильям Томпсон, зять Джонсона Кэмдена, занявший этот пост после окончательного поглощения компании «Кэмден консолидейтед ойл» в 1881 году. У Фрэнка сразу не сложились с ним отношения, тем более что во время Гражданской войны Томпсон воевал за южан. Целый год они вели свою «гражданскую войну»: Фрэнк саботировал распоряжения Томпсона и писал Джону, что тот властолюбив и нечист на руку. Томпсону не составило бы большого труда выжить Фрэнка, но он действительно был умён: предоставил младшему Рокфеллеру всю полноту власти в Кливленде, а сам уехал в Нью-Йорк, возглавив комитет по внутренней торговле. Кливленд, колыбель «Стандард ойл», был теперь всего лишь перевалочным пунктом и производственным цен-

* «Не могу понять, почему злой рок и невезение преследуют меня во всём, что я имею», — хныкал Фрэнк в одном из писем Джону в 1884 году. В такие моменты он уже не задавался: «Пользуюсь случаем поблагодарить тебя и Уилла за большую доброту ко мне и соглашаюсь не братья ни за какое новое предприятие, не обсудив его прежде с вами». Однако в том же году Фрэнк оплатил Джону злом за добро, выступив свидетелем на слушаниях в конгрессе по поводу железнодорожных тарифов и выдвинув обвинения против «Стандард ойл».

тром, все главные решения принимались на Бродвее, 26. Фрэнк начал слать брату жалобные письма о бесперспективности своего положения; Джон, доведённый до предела, обращался к нему теперь не «дорогой брат», а «уважаемый сэр», а подписывался «Джон Д. Рокфеллер, президент». Все полномочия Фрэнка постепенно перешли к секретарю «Стандард ойл» Фергусу Сквайру, который руководил филиалами и стал директором трубопровода в Лиме. Фрэнк же, переругавшись со всеми сотрудниками, превратился в балласт; все в конторе понимали: его здесь держат только потому, что он — Рокфеллер, и даже тысяча опровержений с Бродвее, 26, не поколебала бы этой уверенности.

В январе 1887 года доктор Стронг возобновил наступление на Рокфеллера, боясь, что Господь призовет его к себе раньше, чем он осуществит свою образовательную миссию. Нарушить долгое молчание его побудили слухи, что Баптистский университет собираются открыть в Чикаго. Вернее, там уже был небольшой университет, основанный в 1856 году, но 30 лет спустя над ним нависла угроза закрытия из-за долгов и дурного управления. Выпускники, пытаясь спасти альма-матер, обратились к Рокфеллеру, которого как раз в этот момент снова осаждал Огастус Стронг. Джон Д. отделался очередной полусотней тысяч на Рочестерскую семинарию и, чтобы не слишком огорчать будущего родственника, предложил совершить летом совместное путешествие по Европе с Чарлзом и Бесси. Стронг ухватился за это предложение, намереваясь дожать Рокфеллера по пути — с парохода он никуда не денется.

Четвёртого февраля конгресс принял закон о торговле между штатами, имевший целью устранить дискриминацию и протекционизм в отношении железнодорожных и вообще транспортных перевозок; следить за его выполнением должна была Комиссия по торговле между штатами. Сенаторы Пейн и Кэмден голосовали против, но провал этого закона не был одним из главных приоритетов треста: «Стандард ойл» даже утверждала на словах, что приветствует равные условия и больше не примет никаких скидок. На самом деле компания успела подготовиться: ещё год назад полковник Томпсон провёл переговоры с руководством железных дорог, и теперь свои скидки трест получал за счёт бухгалтерских ухищрений: по одной статье платили, сколько требуется, зато из другой удерживали. Всё шло хорошо; Фраш добился частичного успеха с очисткой лимской нефти... Но в мае Рокфеллеру пришлось провести целую неде-

лю в битком набитом зале суда в Буффало, выступая свидетелем по делу шестилетней давности.

В Рочестере, штат Нью-Йорк, был нефтеперегонный завод «Вакуум ойл», принадлежавший Хираму и Чарлзу Эверестам, отцу и сыну. В один прекрасный день Джон Арчболд вызвал Хирама Эвереста в кабинет Рокфеллера и спросил его без обиняков, сколько он хочет за свой завод. Тот сказал, что завод не продаётся; на это Арчболд расхохотался, а Рокфеллер мягко похлопал гостя по колену и спросил: «Мистер Эверест, вам не кажется, что вы совершаете ошибку, вступая в борьбу с молодыми, деятельными людьми, желающими развивать всю нефтяную индустрию?» Со временем Эверест понял, что плетью обуха не перешибёшь, и продал свою фирму Генри Роджерсу, Джону Арчболду и Эмброузу Макгрегору, но при этом по-прежнему управлял заводом вместе с сыном.

В 1881 году три бывших сотрудника «Вакуум ойл» (Дж. Скотт Уилсон, Чарлз Мэтьюз и Альберт Миллер) создали завод-конкурент с намерением возродить старую фирму, используя её технологии и клиентуру. Эвересты пригрозили им судом; Миллер раскаялся; у кого-то возникла идея, чтобы он устроил диверсию на новом заводе и вывел его из строя. 15 июня Миллер приказал кочегару раскалить перегонный аппарат до такой температуры, что нефть закипела. Кирпичный корпус треснул, предохранительный клапан вылетел, произошёл выброс большого количества газа, но пожара не случилось. Миллер с помощью Роджерса скрылся в Калифорнии, а Чарлз Мэтьюз подал встречный иск, требуя возмещения ущерба в размере 250 тысяч долларов. Рокфеллер обо всей этой истории ничего не знал, Миллера в глаза не видел, но от Роджерса и Арчболда ниточка потянулась к нему, и в самый неподходящий момент он получил повестку в суд.

Рокфеллера бесило, что он здесь, как урод на ярмарке, на которого сбегается посмотреть досужая толпа. Сказать по существу дела ему и вправду было нечего. После восьми дней заседаний судья снял обвинения с Роджерса, Арчболда и Макгрегора. Кто-то подарил Роджерсу букет фиалок, которые тот благодарно прижал к груди; Рокфеллер же вскочил со стула, играя желваками, и сказал: «Мне не с чем вас поздравить, Роджерс. Что следует сделать с людьми, которые возбуждают дела таким образом?» Он потряс кулаком в сторону Мэтьюза, пробормотал сквозь зубы: «Неслыханно» — и быстро пошёл к выходу.

Мэтьюз, заставивший его потратить столько времени впустую, был в его глазах всего лишь грязным вымогателем (позже Рокфеллер утверждал, что тот хотел продать свой завод «Стандард ойл» за 100 тысяч долларов, а в суд подал, когда получил отказ). В своей правоте он не сомневался. Но 24 мая Джон Д. неожиданно получил письмо от Уильяма Уордена из Пенсильвании, которое ещё больше испортило ему настроение. «Мы достигли успеха, ни с чем не сравнимого в коммерческой истории, наше имя известно по всему миру, но нашей репутации не позавидуешь, — писал Уорден. — Нас считают олицетворением всего злого, жестоко-сердного, угнетающего, жестокого (мы полагаем — несправедливо), смотрят на нас косо, указывают на нас пальцем с презрением, и если некоторые добрые люди нам льстят, то только из-за денег, и мы насмехаемся над ними за это, что ведёт к ещё большему ожесточению. Не слишком приятно это писать, поскольку я стремился к почётному положению в коммерции. Ни один из нас не захотел бы иметь подобную репутацию: мы все желаем для себя благосклонности, почёта и любви порядочных людей». Далее Уорден излагал свой план раздела прибыли, который мог бы умерить враждебность нефтепромышленников, и закончил словами: «Не откладывайте это письмо и не выбрасывайте; подумайте над ним, поговорите о нём с миссис Рокфеллер, она — соль земли. Как рада бы она была увидеть перемену в общественном мнении, а своего мужа — почитаемым и прославляемым. <...> Весь мир возрадовался бы, увидев подобные усилия для народа — трудящегося народа».

Рокфеллер ответил через неделю: «Я не мог написать Вам раньше или тщательно поразмыслить, но будьте уверены, что содержание [Вашего письма] от меня не укроется». Сейчас же ему некогда — он вместе с семьёй отплывает в Европу.

Пароход отчалил 1 июня 1887 года; члены руководства «Стандард ойл» плыли за ним на буксирном катере и махали платочками. Они были рады за босса: пусть немного отдохнёт и развеется, нельзя же так — всё работа да работа. Тот какое-то время держался, но за 460 миль до Саутгемптона сломался и отбил телеграмму своему секретарю Джорджу Роджерсу: «Я уже жажду узнать о делах».

Поездка была рассчитана на три месяца (включая пересечение Атлантики, на что уходило около двух недель); планировалось посетить Англию, Францию, Германию, Швейцарию и Италию. Рокфеллеры не были «простаками

за границей», о которых писал Марк Твен, но заранее настроились смотреть на этот «мир второго сорта» со стороны и чуть сверху. В Лондоне Джон Д. забронировал апартаменты в отеле на улице Пиккадилли, чтобы наблюдать с балкона за кортежем королевы Виктории, праздновавшей «золотую» годовщину своего восшествия на престол. (Приветствуемая толпой монархиня проследовала в открытом ландо из Букингемского дворца в Вестминстерское аббатство в сопровождении индийской конницы.) Там к ним присоединились Чарлз Стронг и его друг Сантаяна, впервые увидевший Бесси — «воплощение крепкого здоровья и здравомыслия, миловидную, прямодушную и с мужеподобным институтским выражением на лице». Скрытый Чарлз ничего не рассказывал другу о помолвке, но тот сразу заподозрил, что отец хочет женить Чарли на Бесси, чтобы получить доступ к рокфеллеровским миллионам для осуществления своего проекта. Рокфеллер же, по мнению Сантаяны, был бы рад иметь своим зятем «красивого молодого человека с высокими моральными принципами», который «не разлучил бы дочь с отцом» — ни в плане места жительства, ни в плане христианских убеждений. Однако именно тогда Чарлз переживал духовный кризис: занимаясь корректурой богословских книг своего отца, он утратил веру; его жизненный опыт и полученные знания резко контрастировали с догматами, внушаемыми ему с юности. Его учитель Уильям Джеймс полагал, что религия нужна, чтобы дать людям точки опоры, помешать им стать жертвой несовершенного общества; однако Чарлз понял, что священником, как надеялся его отец, стать не сможет, но пока ещё не решался признаться ему в этом.

Вся компания пересекла Ла-Манш. Рокфеллер, не говоривший по-французски, понимал, что представляет собой лакомую добычу для мошенников, и усилил бдительность. Заподозрив (не без оснований), что нанятый ими в Париже гид нечист на руку, Джон Д. дал ему расчёт и сам занялся финансовыми вопросами, тщательно проверяя счета на непонятном языке. «Poulets! — восклицал он во время этого занятия. — Что такое poulets, Джон? Bougies, bougies... Что это может быть — bougie*?» — обращался он к тринадцатилетнему сыну, посещавшему в Нью-Йорке школу иностранных языков. «Отец никогда не соглашался заплатить по счёту, пока не убедится, что тот верен по

* Цыплята... свечи (фр.).

всем пунктам. Такое внимание к мелочам могло кое-кому показаться скаредностью, но для него это было жизненным принципом», — вспоминал Джон Рокфеллер-младший. В Риме, изучая гостиничный счёт за неделю, Джон Д. удивился: они будто бы съели целиком двух кур. В семье началось обсуждение, могло ли это произойти. Послушав некоторое время, Рокфеллер-старший решил прибегнуть к логике: «Джон, ты ел куриную ножку? — Да. — А ты, Альта, ела куриную ножку? — Да. — Так, мама, я припоминаю, что и ты одну съела. Верно? — Да. — Я знаю, что тоже ел, а ни у одной курицы нет трёх ног. Счёт верный». Позже платить по счетам и выдавать чаевые поручили Джону-младшему, и он считал это великолепной школой бизнеса.

Поездка в Европу была в большей степени уступкой детям и требованиям современности, чем удовлетворением собственного желания. Разумеется, о посещении театров, мюзик-холлов или, прости господи, кабаре не могло быть и речи — только церкви и шедевры архитектуры. В Риме Рокфеллер хотел отказаться от аудиенции у папы, но согласился, когда ему сказали, что это может понравиться католикам, работающим в «Стандард ойл». Мыслями Рокфеллер по-прежнему находился в Америке. «Нельзя ли пробудить больший интерес ко мне со стороны И[сполнительного] К[омитета] по поводу текущих дел? Мне нужна любая информация», — писал он секретарю из Берлина. Зато в Париже он нашёл время прочесть бестселлер Лью Уоллеса «Бен-Гур» (который потом назовут самой влиятельной христианской книгой XIX века), грозивший затмить по популярности «Хижину дяди Тома», а перед восхождением на Везувий одолел «Последние дни Помпеи» Эдварда Булвер-Литтона. В Швейцарии, в Церматте, отец и сын лазали по горам, и Джона-младшего поражали неутомимость и выносливость Джона-старшего.

Но отдохнуть по-настоящему не получилось: Рокфеллер был уже настолько знаменит, что о его прибытии в каждый новый город тут же сообщала местная пресса и на его временный адрес сразу начинали поступать письма от просителей, чаще всего безграмотные, написанные карандашом, да ещё и на чужом языке. Эти мольбы напоминали письма детей Деду Морозу; только авторы, особенно женщины, уподобляли Рокфеллера самому Создателю: «Хотела бы я увидеть Вас и поговорить с Вами, как я говорю с Богом, но это много труднее». Читать их все было немислимо, но и выбросить (в представлении Рокфеллера) тоже; их накопилось столь-

ко, что пришлось специально приобрести большой сундук, с которым он и вернулся домой. А потом пароход доставил ещё пять тысяч писем из Европы. «В последнее время меня так одолевают подобными вещами, что я хочу сделать перерыв, чтобы хоть немного перевести дух», — написал Джон Фрэнку. И без того загруженным сотрудникам «Стандард ойл» теперь приходилось просматривать письма. В четырёх из пяти просили денег на личные нужды, поэтому удовлетворялась только малая толика просьб — совершенно бескорыстных. Когда стало известно о щедром пожертвовании Рокфеллера на дело образования*, он получил ещё 15 тысяч писем только за одну неделю, а к концу месяца — 50 тысяч. Так продолжаться больше не могло. Для благотворительности нужна была отдельная фирма.

Тем временем Огастус Стронг повёл осенью новое наступление на будущего родственника, доказав, что он не

* Руководители «Стандард ойл» высшего образования не имели, однако не сомневались в его ценности и старались сделать его доступным для других. Рокфеллер с большим уважением отнёсся к поступку Чарлза Пратта, построившего на свои деньги учебное заведение в Бруклине, в двух кварталах от собственного дома на Клинтон-авеню. В мае 1887 года Законодательное собрание штата Нью-Йорк выдало соответствующую лицензию, и 17 октября Институт Пратта был торжественно открыт в присутствии двенадцати студентов. Стоимость обучения составляла четыре доллара в год; принимали на учёбу всех, независимо от социальной принадлежности, цвета кожи и пола. В первые годы задачей института считалось дать образование тем, кто ранее его не имел, и привить навыки, которые помогли бы им добиться успеха и улучшить своё экономическое положение. Поскольку американская экономика остро нуждалась в инженерах, гражданских и промышленных архитекторах, механиках, дизайнерах, именно их в первую очередь предстояло подготовить: в программе обучения были рисование и черчение, математика, физика, но также литература, история (чтобы лучше понимать происходящее вокруг). Через полгода в институте учились уже почти 600 человек, а к первой годовщине число студентов возросло до тысячи. Обращаясь к ним, Чарлз Пратт сформулировал девиз института: «Будь честен в своей работе, и работа будет справедлива к тебе». Эндрю Карнеги посетил Институт Пратта, чтобы использовать его как образец для технических училищ Карнеги (ныне — Университет Карнеги—Меллона). Очень скоро к отделением инженерии, архитектуры и искусства добавились отделения музыки, библиотечного дела и торговли; в дальнейшем Институт Пратта стал развивать и научные исследования. Что касается Рокфеллера, то он давал деньги Университету Денисона в Гранвилле (Огайо), Индейскому университету в Маскоги (Оклахома), Колледжу Барнарда в Нью-Йорке и Университету Корнелла, с президентом которого, Эндрю Уайтом, познакомился во время поездки в Европу.

слишком умный человек и никудышный психолог. «У Вас есть возможность обратить неблагоприятное суждение всего света в благоприятное суждение — и не только: войти в историю как один из величайших благодетелей в мире», — написал он. Вполне вероятно, что Рокфеллера передёрнуло, когда он это прочитал. Письмо Уордена ещё не стёрлось из его памяти (даже если выдернуть такую занозу из души, рана ещё долго кровоточит), а теперь и Стронг туда же. Да чем же таким он провинился перед всем светом? Чем запятнал свою репутацию? Разве он не о людях печётся? Для кого он всеми средствами старается удешевить керосин — для себя? Что это за намёки, уж не думает ли преподобный, что, жертвуя на благотворительность, Рокфеллер пытается купить себе билет в Царствие Небесное? Проект Баптистского университета в буквальном смысле слова был положен в долгий ящик.

Железный человек

Джон Рокфеллер-младший родился не просто ребёнком мужского пола, а Наследником — наследником идей, а не богатства. Вместо того чтобы кутаться в уютный покров родительской и сестринской заботы, он должен был нести на своих плечах груз возложенных на него ожиданий. Мальчик тащил её безропотно, из последних сил, страшась с чем-нибудь не справиться.

Деньги на карманные расходы он зарабатывал, склеивая разбитые вазы, чиня сломанные автоматические ручки, точа карандаши. Воспитываясь вместе с сёстрами, учился шить, вязать, готовить, чтобы потом быть в состоянии самостоятельно вести холостяцкое хозяйство и делать себе сэндвичи. Поскольку Бесси была старше на восемь лет, играл он в основном с озорной и шаловливой Альтой и вдумчивой, расчётливой Эдит. (Когда Альте было восемь или девять лет, она переболела скарлатиной и оглохла на одно ухо. Но она так хорошо пела и играла на пианино, что многие и не подозревали о её недуге. Только самые внимательные замечали, что во время разговора она старается повернуться к собеседнику боком. Эдит же запоем читала и очень рано начала сомневаться в вере; позже она признается одному журналисту, что в детстве чтение для неё было важнее еды и что если бы ей пришлось выбирать между стаканом молока и книгой, она бы выбрала книгу. При

этом она вовсе не была хилым «синим чулком»: однажды так сильно сжала в объятиях бабушку Спелман, что сломала ей ребро. Характер у неё тоже был стальной, её было трудно укротить.) «Мы, девочки, часто думали о том, что Джону следовало бы родиться девочкой, а нам — мальчиками», — скажет позже Альта. Самой главной «женской» чертой Джона было желание нравиться. Мать же считала, что он обладает сильным и независимым христианским характером. В самом деле, ребёнку требовалась большая сила духа, чтобы не сломаться в обстановке аскетизма и самоограничения. Лора Рокфеллер однажды поделилась с соседкой: «Я так рада, что сын сказал мне, какой подарок хочет получить на Рождество: теперь ему можно будет в этом отказать». А ведь кроме матери детей школили ещё тётка и бабушка!

Когда Рокфеллеру говорили, какой славный у него сын, он всегда искренне возражал, что это заслуга не его, а Сетти. Однако сам он тоже не упускал возможность преподать сыну урок. Так, все дети должны были жертвовать каждую неделю 20 центов из заработанных ими денег на баптистскую церковь. Однажды Джон-младший пришёл к отцу, когда того брили, и изложил свой план: он выплатит положенную сумму сразу за определённый период, чтобы больше об этом не думать. «Давай-ка сначала поразмыслим», — возразил отец и пустился в вычисления, в результате которых оказалось, что воскресная школа от этого ничего не выиграет, зато Джон потеряет 11 центов на процентах. Когда мальчик ушёл, Рокфеллер сказал брадобрею: «Я вовсе не возражаю против того, чтобы малыш внёс деньги именно так. Я хочу, чтобы он их отдал. Но я хочу также приучить его быть внимательным к мелочам».

Начальным образованием Джона до десяти лет занимались частные учителя, приходившие на дом. Потом были языковая школа в Нью-Йорке, школа Дугласа и основанная в 1876 году аристократическая частная школа Артура Катлера. Среди однокашников Джона Рокфеллера-младшего были Корнелиус Вандербильт-младший, Корнелиус Ньютон Блисс-младший и Альберт Милбанк (последний со временем станет партнёром в самой влиятельной и богатой юридической конторе с отделениями по всему миру и будет зарабатывать три с половиной миллиона долларов в год). Все они, дети богатых родителей, приезжали в школу в изящных экипажах, тогда как Джон каждое утро шёл туда пешком. Вернувшись, он садился за уроки, а потом брался

за скрипку: он восемь лет учился игре на этом инструменте у Ричарда Арнольда, первой скрипки филармонического оркестра. Относясь ко всем своим обязанностям очень серьёзно, мальчик боялся совершить какую-нибудь ошибку — что в школьном задании, что в поступках: мать регулярно читала ему проповеди о том, как должен себя вести добрый христианин. В десять лет он подписал торжественное обязательство воздерживаться от сквернословия и употребления табака и спиртных напитков; мать также внушала ему, что танцевать кадрили безнравственно. Отец же, наоборот, играл и шутил с ним, стараясь развивать физически, но сын перед ним трепетал, а в душе боготворил его. Самым большим кошмаром для Джона было разочаровать отца.

В первый же год учёбы в школе Катлера тринадцатилетний Джон получил оценку в 98,1 балла из ста возможных — и заболел от нервного истощения. Отец сам назначил ему лечение: жизнь на вольном воздухе и физический труд. Зимой 1887 года Джон вместе с матерью, которая тоже совсем расклеилась, провёл в Форест-Хилле: рубил дрова (15 центов за вязанку), разбивал камни, выжигал кустарник, сгребал опавшие листья. Ему действительно стало лучше: он подчинялся правилам, которые устанавливал для себя сам, мать заботилась о нём одном, и в письмах отцу он писал о красоте снежного покрова, катании на санках при луне и на коньках по замёрзшему озеру (мать садилась в деревянное кресло, которое он толкал перед собой). Вторым годом у Катлера прошёл без осложнений, а потом отец и дядя Уильям подобрали мальчику школу «на заказ» — маленькое частное учебное заведение талантливого педагога Джона Браунинга, где было всего два класса: один — для окружения Джона-младшего, а второй — для его кузена Перси. Школа размещалась в частном доме на Западной 55-й улице, Джон Д. и Уильям Рокфеллеры платили Браунингу жалованье и сохраняли за собой право лично отбирать учеников. Там учились Гарольд и Стэнли Маккормики (дети знакомых Рокфеллеров), два сына управляющего имением Уильяма в Гринвиче, штат Коннектикут, — всего 25 человек. Программа обучения сочетала ручной труд с классическими науками, а преподавание велось в духе равенства. При этом младшие Рокфеллеры вновь попадали в «капсулу», ограждавшую их от внешнего мира.

А этот мир стремительно менялся и бурлил. К 1886 году в Орден рыцарей труда, ставивший себе цель улучшить положение рабочего класса (туда не принимали адвокатов,

врачей и банкиров, считавшихся продажными невеждами), вступили 700 тысяч человек. 1 мая профсоюзы устроили большую демонстрацию в Чикаго с требованием восьмичасового рабочего дня; на заводе Маккормика по производству сельскохозяйственных машин был организован митинг и началась забастовка. Во время выступления последнего оратора в дело вмешалась полиция: один человек погиб, с десяток были ранены. Митинг против полицейского произвола состоялся 4 мая; при появлении сил правопорядка кто-то бросил бомбу, убив одного из полицейских; в начавшейся сумятице погибли ещё семеро полицейских и четверо гражданских. Восемь человек предстали перед судом; прокурор требовал для них смертной казни «в наказание» и «для спасения общественных институтов». Всех приговорили к высшей мере, но повесили четверых, а трем заменили повешение пожизненным заключением (их помилуют в 1893 году); восьмой покончил с собой в тюрьме. После этого процесса волна демонстраций прокатилась по нескольким европейским столицам.

В противовес радикальным социалистам Эдвард Беллами написал утопический роман «Взгляд назад: 2000—1887», вышедший в 1888 году, где заменил понятие «социализм» на «национализм». Согласно представлениям писателя, в 2000 году вся экономика будет национализированная, люди будут работать на государство и все блага получать от него, частные корпорации будут ликвидированы. Роман мгновенно стал бестселлером: только в США открылись 162 «Клуба Беллами», в первый же год было продано 200 тысяч экземпляров книги и еще 100 тысяч — в Великобритании. Параллельно в стране ширились протесты против трестов — нефтяного, алкогольного, сахарного; реформаторы-аграрии на Юге и Западе вели агитацию против железнодорожных компаний, играющих на руку монополистам; протестанты-евангелисты обличали упадок нравов, вызванный индустриализацией и резким перекосом в распределении богатств; в газетах, в том числе в «Нью-Йорк уорлд» Джозефа Пулитцера, стали появляться статьи против «Стандард ойл», с призывами к правительству штата и всей страны начать бороться с трестами.

В сенате штата Нью-Йорк решили провести расследование, но вручить Рокфеллеру повестку в суд оказалось не так-то просто. Когда судебный курьер явился на Бродвей, 26, ему сообщили, что мистера Рокфеллера нет в городе. Тот отправился к клиенту на дом; там сказали, что

хозяин дома, но никого не принимает. Курьер всю ночь просидел на крыльце, думая подстеречь Рокфеллера ранним утром. Как только рассвело, он позвонил в дверь — ему объявили, что хозяин уже ушёл. На самом деле Джон Д. был тогда в Кливленде, но держал это в секрете из опасения, что ему вручат повестку в суд — только не от нью-йоркских сенаторов, а от местных нефтепромышленников. Однако долго бегать от законодателей было нельзя, и к слушаниям решили подготовиться: «Стандард ойл» наняла известного адвоката Джозефа Чоута. Во время их первой встречи Рокфеллер сердечно приветствовал мэтра, а затем лёг на диван и принял томный вид. Чоут начал задавать вопросы по существу дела, но так и не смог ничего добиться. «Не знаю, как нам быть с мистером Рокфеллером, — озабоченно сказал он Флаглеру. — Он выглядит совсем беспомощно. Постоянно задаёт вопросы...» Флаглер улыбнулся: «О, не волнуйтесь за него! Вот увидите: он сумеет за себя постоять».

Морозным февральским утром 1888 года Рокфеллер во фраке и цилиндре в сопровождении Чоута вошёл в зал заседаний Высшего суда в Нью-Йорке. Вскоре адвокат понял, что ему действительно не стоило беспокоиться. Рокфеллера привели к присяге; он пылко поцеловал Библию. Вопросы ему задавал советник Роджер Прайор, который постоянно расхаживал перед членами комитета, периодически останавливаясь и указывая обличающим перстом на свидетеля. Тот же сохранял просветлённо-безмятежный вид, отвечал ясным, мелодичным голосом, без единого лишнего слова, и вся (тщательно дозированная) информация, которую он тогда раскрыл, была воспринята журналистами, освещавшими слушания, как сенсация. Рокфеллер впервые показал соглашение о создании треста в 1882 году, назвал восемь его действующих управляющих, сообщил, что в трест входят 700 акционеров, и перечислил сорок одну компанию, которые его образуют*. В опровержение утверждений, что «Стандард ойл» является монополией, он представил список из 111 конкурирующих нефтеперерабатывающих предприятий и по-своему описал ожесточённое соперничество за рынок с русскими нефтедобытчиками. Прайору так хотелось его подловить, что он допустил оплошность: вернулся

* Эту информацию тридцатилетний юрист из Мичигана Уильям Уилсон Кук использует в своей брошюре «Тресты: недавние комбинации в торговле, их характер, законность и способ организации, права, обязанности и имущественная ответственность их управляющих и держателей сертификатов», которая будет издана в 1888 году.

к «тёмному прошлому» Рокфеллера и спросил, состоял ли он в «SIC», но только вместо «*South Improvement Company*» произнёс «*Southern Improvement Company*». Между тем такая компания тоже какое-то время существовала, поэтому Джон Д. с чистой совестью ответил, что слышал о ней, но не участвовал. («Когда они хотели завлечь меня в ловушку, я позволил им попасть туда самим», — скажет он много лет спустя своему биографу.) В итоге посрамлённый, но впечатлённый Прайор протянул Рокфеллеру руку и попросил позволения осмотреть заводы «Стандард ойл» в его сопровождении.

Тем не менее сенатский комитет в своём отчёте указал, что успех «Стандард ойл» способствовал созданию других трестов и комбинатов: «Это типичный пример системы, которая распространилась, подобно болезни, по всей коммерческой системе нашей страны». Кто виноват — понятно; но что делать? Рокфеллер, который, как отмечали адвокаты, умел просчитывать ситуацию на шесть ходов вперёд, заранее выбил у законодателей оружие, которое они ещё даже не взяли в руки. Мнения американцев разделились: для одних он (и другие богатые промышленники, особенно «сделавшие себя сами») был героем, для других — исчадием ада.

За завтраком Джон Д. иногда зачитывал семье отрывки из злобных писем, пачками приходивших в «Стандард ойл». Возможно, таким образом он, с одной стороны, предупреждал родных, что в окружающем их мире не всё спокойно (хотя обычно не посвящал их в свои дела), а с другой — не позволял им преувеличить опасность, высмеивая её. Теперь это было единственное слуховое оконце, сквозь которое жена и дети могли заглянуть в мир бизнеса; а ведь раньше Джон Д. подробно рассказывал Лоре о сделках и переговорах, интересуясь её мнением. Со временем его письма, когда он был в отъезде, стали скучными и пресными: он писал лишь о погоде, о том, что здоров, справлялся о здоровье близких... Понимал, что жена сильно переживает за его репутацию, и не хотел её огорчать? Сам себя он в глубине души считал непогрешимым. И разве его способность делать деньги — не Божий дар? Бог послал ему знание, и не смертным это оспаривать. Но все обвинения, отскакивавшие от «носорожьей кожи» Джона Д., попадали рикошетом в Лору, терзали её совесть и подрывали здоровье. Лора, любившая мужа и считавшая его образцом нравственности и набожности, старалась защитить себя бронёй христианского фанатизма, отвлекавшего её от сомнений;

из любознательной и бойкой девушки она превратилась в почти карикатурную святошу. Джон-младший под её влиянием тоже уверился, что праведники Рокфеллеры несправедливо подвергаются нападкам со стороны мира безбожников.

Приближались новые президентские выборы, и оба кандидата, Гровер Кливленд и Бенджамин Гаррисон, сделали своим лозунгом борьбу с трестами. Арчболд уверял Рокфеллера, что всё это чистая показуха: «Демагоги попросту пытаются переговорить друг друга в политических целях».

Гаррисон, внук президента Уильяма Генри Гаррисона, стал кандидатом от республиканцев только с восьмой попытки (обойдя в том числе сенатора Джона Шермана), тогда как демократы утвердили кандидатуру Кливленда сразу и единогласно. Кливленд предлагал резко снизить тарифы в интересах потребителей; Гаррисон же хотел поддерживать их на высоком уровне, приняв сторону промышленников и фабричных рабочих. В итоге Кливленд получил большинство голосов избирателей, но победил Гаррисон, набравший большинство голосов выборщиков; колеблющийся штат Нью-Йорк определился только за неделю до выборов, когда было опубликовано частное письмо одного из избирателей британскому послу, из которого можно было заключить, что Кливленд угоден англичанам.

Республиканец Рокфеллер мог вздохнуть с облегчением. Но вскоре после выборов, в ноябре 1888 года, в руках у Сетти взорвалась лампа, оставив сильные ожоги на руках и лице; несколько недель она была прикована к постели. В своих письмах Рокфеллер упоминал об этом происшествии только мельком, уточняя, что лампа была спиртовая. Жена нефтяного магната использовала спиртовую лампу? Или всё-таки керосин оказался не лучшего качества? Неужто Господь снова послал знамение — на сей раз неблагоприятное? За месяц до несчастного случая, 13 октября, Рокфеллер получил от Фергуса Сквайра телеграмму, которую ждал два года: «Рады сообщить Вам, что, экспериментируя с методом Фраша, мы смогли получить годную к продаже нефть». И вот теперь... Гнать, гнать из головы плохие мысли! И молиться. Рокфеллер сам признавал, что две проповеди в неделю необходимы ему, как завод часам.

По выходным Джон Д. часто навещал Бесси в колледже Вассара. Однажды, в 1886 году, президент колледжа Джеймс Тейлор свёл его за завтраком с тридцатилетним богословом Уильямом Рейни Харпером, преподававшим в

Йельском университете, но по воскресеньям приезжавшим толковать Библию ученицам Вассара. Они сразу прониклись друг к другу симпатией. Харпер был вундеркиндом: в десять лет поступил в колледж, изучал священные тексты, в четырнадцать стал бакалавром, в восемнадцать — доктором философии. Это был настоящий сгусток энергии, его бойкие глаза за толстыми стёклами очков горели подвижническим огнём. Вернувшись из европейского турне, сверхзанятый Рокфеллер однажды провёл с Харпером целый день: они пообедали вместе, потом несколько часов катались по Центральному парку, проговорили весь вечер; позже, приезжая в Покипси, они ездили по студгородку на велосипедах. Речь шла... о Баптистском университете в Чикаго. Рокфеллера зацепила эта идея, но сам он в университете никогда не учился, поэтому ему требовалось авторитетное мнение специалиста.

В мае 1888 года в Вашингтоне было создано Американское баптистское образовательное общество. Его движущей силой был Генри Морхауз, через которого Рокфеллер передавал пожертвования Спелмановской семинарии. Исполнительным секретарём стал 35-летний священник Фредерик Т. Гейтс, недавно оставивший должность пастора в Миннесоте и теперь подыскивающий себе светское занятие. Он с детства восставал против пуританских взглядов на земную жизнь как на юдоль печали, в воскресной школе и в церкви откровенно скучал, молитвы дважды в день считал пустым набором слов, но тем не менее пошёл по стопам отца-священника. Ему пришлось бросить школу в 15 лет, чтобы помочь отцу расплатиться с долгами: несколько лет он работал репетитором и клерком в магазине, а потом в банке, набираясь опыта в бизнесе. В 1875 году поступил в университет Рочестера, а через два года — в Рочестерскую семинарию Огастуса Стронга, по окончании которой получил назначение священником в Миннесоту. Он не танцевал, не играл в карты, не ходил в театр. Но когда его молодая жена Люсия Фуллер Перкинс умерла от внутреннего кровотечения после шестнадцати месяцев брака, вера пастора поколебалась, как и его доверие к американским эскулапам. Господь указал ему путь через Джорджа Пилсбери, самого богатого баптиста в Миннесоте, сколотившего состояние на торговле мукой и ставшего мэром Миннеаполиса. Он по секрету сообщил Гейтсу, что неизлечимо болен и хочет пожертвовать 200 тысяч долларов на местную Баптистскую академию. Гейтс посоветовал дать академии

50 тысяч прямо сейчас, чтобы такую же сумму собрали местные баптисты, а остальное завещать. Собрать деньги пришлось самому Гейтсу, и он так хорошо справился с этой задачей, что решил: вот оно, его призвание.

После пожара 1871 года Чикаго отстроили заново, город превратился в динамичный, современный мегаполис с 1,7 миллиона жителей, размерами уступающий только Нью-Йорку. 15 октября там прошла баптистская конференция, на которой Гейтс представил свой доклад о необходимости учреждения в Чикаго Баптистского университета. Две недели спустя, проведя очередной день в Вассар-колледже вместе с Харпером, Рокфеллер решил: Баптистский университет будет в Чикаго, а не в Нью-Йорке, — достаточно далеко от Уолл-стрит, чтобы над ним не довели подозрения в педалировании интересов дельцов вообще и «Стандард ойл» в частности. Он лично согласен предоставить три миллиона долларов из необходимых четырёх. И тут Харпер совершил классическую ошибку — стал чересчур рьяно ратовать за новое дело и рисовать слишком уж монументальные картины будущего университета, в то время как Рокфеллер собирался начать с небольшого колледжа.

Поправить дело удалось Гейтсу, который послал Рокфеллеру план устройства именно колледжа. Они познакомились, поговорили, даже вместе поехали на поезде из Нью-Йорка в Кливленд. (Поезд уходил вечером. Опуская верхнюю койку, носильщик случайно стукнул Рокфеллера по голове, но тот не вскрикнул, не выругался, ни в чём его не упрекнул и очень вежливо ответил на извинения — это произвело сильное впечатление на Гейтса.) За всю поездку о Баптистском колледже не было сказано ни слова. Разочарованный Гейтс тогда ещё не знал о любви Рокфеллера к эффектным жестам. Месяц спустя, 20 февраля 1889 года, Образовательное общество собралось в очередной раз; как только его заседание объявили открытым, явился посыльный с чеком от Рокфеллера на 100 тысяч долларов. Позже Рокфеллер спросил у Гейтса, что сделали с этими деньгами, и тот ответил, что положили на беспроцентный счёт в банке. Для Джона Д. это было недопустимо. Он занял у Образовательного общества им же пожертвованную сумму под шесть процентов. «Не выношу, когда деньги не работают, — пояснил он Гейтсу. — У меня это вызывает такое же ощущение, как если бы я вошёл в дурно выметенную комнату, где повсюду пыль и паутина по углам: хочется сразу навести там чистоту».

Но вообще-то университет рассчитывал на куда более крупную сумму, обещанную полгода назад Харперу. В мае Гейтс поехал её добывать. Они с Рокфеллером после завтрака какое-то время гуляли по улице перед его домом, и Джон Д. согласился выписать чек на 400 тысяч. Мало, возразил Гейтс. Хорошо, полмиллиона. Всё равно мало. Ладно: 600 тысяч, а остальные для ровного счёта наберёте из других источников. Ну, по рукам! Они вернулись в дом, и Рокфеллер подписал обязательство внести эту сумму. На следующий день Гейтс появился в бостонском храме Тремонт перед замершими в ожидании баптистами. «Я держу в руке, — начал он хорошо поставленным голосом проповедника, — письмо от великого покровителя образования, мистера Джона Д. Рокфеллера. (*Ропот восхищения.*) Письмо, в котором, основываясь на резолюциях, принятых нашим правлением, он обещает передать нам шестьсот тысяч долларов...» Дальнейшие его слова потонули в буре радостных криков и аплодисментов: священники размахивали платками, подбрасывали в воздух шляпы, свистели и хлопали в ладоши. Потом все встали и запели: «Восхвалим Бога, источник благодати».

Джон Д. предложил и Уильяму пожертвовать на Чикагский университет, но тот даже ухом не повёл. Хотя братья поддерживали добрые отношения, они были очень разные люди. Уильям вёл жизнь типичного нувориша и только усмехался, когда Джон говорил ему, что построить церковь лучше, чем закупить на те же деньги картин. Благотворительность была не его стихией. В 1888 году он вместе с Джоном П. Морганом, Уильямом Вандербильтом и Сайрусом Маккормиком-младшим (сыном изобретателя жатки, построившего завод в Чикаго) основал «Джекилл-Айленд клуб» — роскошный курорт «Ста миллионеров»* на острове близ побережья штата Джорджия, где вскоре появились «дорога Моргана» и «тропа Рокфеллера». Тогда же он был занят перестройкой недавно приобретённого загородного дома Роквуд-холл на реке Гудзон, с 204 заново отделанными комнатами, окружённого тщательно разбитыми садами. Но самое главное — Уильям любил играть на бирже: приходил в свою контору на Уолл-стрит, садился в кресло и дымил сигарой, поглядывая в окно на табло с котировками. Помимо

* Уильям Рокфеллер входил в десятку самых богатых людей США, хотя и не был так богат, как его старший брат. В 1889 году одна газета оценила состояние Джона Д. Рокфеллера в 150 миллионов долларов, но эта цифра сильно преувеличена, по-настоящему у Джона было тогда миллионов шестьдесят.

председательства в «Стандард ойл Нью-Йорк», он входил в совет директоров сорока компаний — пароходных, газовых, железных дорог, банков, медных шахт... Когда Джону предлагали вложиться в какое-нибудь предприятие, он просто отвечал: «Нет, оно Уильяма», и разговор был окончен.

Их 76-летняя мать по-прежнему относилась к ним так же, как в детстве, и они отвечали ей тем же. В марте 1889 года Элизу, жившую в доме Уильяма, разбил паралич: отнялась правая сторона тела. Пренебрегая работой, Джон и Уильям сменяли друг друга у её постели. Но свадьбу Бесси переносить не стали: жених должен был вернуться в Германию, уже куплены билеты на пароход...

Двадцать второго марта в дом 4 на Западной 54-й улице съехались аж 125 гостей — это был самый большой приём, когда-либо устраивавшийся Рокфеллерами; однокурсниц и любимых учителей Бесси привезли из Вассар-колледжа на поезде в частном вагоне. Отсутствие опыта всё же сказалось: у входа выстроилась длинная очередь из гостей, и, как позже ехидно рассказывал Уильям одному знакомому, некоторые нетерпеливые дамы отправились домой, оставив запыхавшегося Джона Д. в толпе на тротуаре, со шляпой в руке, обливающегося потом и утирающего лоб шёлковым платком. Обряд бракосочетания 23-летней Элизабет Рокфеллер и 27-летнего Чарлза Стронга совершил отец жениха. На Бесси было жемчужное ожерелье стоимостью восемь тысяч долларов. На следующее утро Чарлз и Бесси отплыли в Европу, чтобы молодой супруг мог продолжить свои философские изыскания в Германии, поэтому Бесси колледж так и не окончила. Обычно весёлая девушка была как в воду опущенная. Её явно что-то угнетало; возможно, Чарлз рассказал ей, что больше не верит в Бога, и это потрясло её до глубины души; а может быть, она не знала, как рассказать об этом отцу, от которого никогда прежде не имела тайн. Джон Д. сам с начала года чувствовал себя неважно из-за переутомления. Он слал дочери письма с советами избегать волнений и побольше отдыхать, но это были в большей степени советы самому себе...

Менее чем через неделю после свадьбы Бесси, 28 марта, земные страдания Элизы закончились; трое сыновей отвезли гроб с её телом в Кливленд; прощание состоялось в доме Джона на Евклид-авеню.

Джон ещё в 1882 году продал отцовский участок на кладбище Вудленд, чтобы закрепить за отцом место рядом с матерью на кладбище Лейк-Вью, дабы родители воссоединились хотя бы после смерти. На это требовалось согласие

Билла; Джон попросил Фрэнка и их бывшего зятя Пирсона Бриггса выступить посредниками. Разумеется, Билл начал возражать — то ли желал быть похороненным рядом с Маргарет, то ли просто хотел позлить Джона. Во всяком случае, на похороны первой жены он не явился. Когда уже стало ясно, что Элиза умирает, Биллу дали знать; но Фрэнк, через которого поддерживались сношения с отцом, объявил, что у того внезапный приступ астмы и он не приедет. Даже ангельскому терпению может прийти конец. За день до похорон Джон навестил преподобного Джорджа Доулинга из баптистской церкви на Евклид-авеню, который должен был произнести надгробную речь, и сообщил ему, что его мать умерла вдовой, верной памяти покойного мужа. Так и записали в свидетельстве о смерти.

Через полгода выздоровевший Билл неожиданно-негаданно явился в Кливленд. Джон заставил его продать ранчо Парк-Ривер в Северной Дакоте (зачем оно, если матери уже нет в живых?) и подписаться своим настоящим именем — Уильям Эвери Рокфеллер, вдовец из Кливленда. Билл продал это ранчо — и купил другое, по соседству. Ещё через год, в октябре 1890-го, он приехал в Нью-Йорк, захватив с собой брата Эгберта. Джон Д., неизменно учтивый, устроил двум старикам экскурсию по Бродвею, 26, и сводил их в собор Святого Патрика. Эгберт, до этого побывавший в Нью-Йорке только раз, по делам, смотрел на всё разинув рот и всем восторгался. Детям Джона Д. он понравился. «Он такой милый, простоватый старик и так благодарен за всё, что для него делается, что для нас большое удовольствие доставлять ему радость, — писал Джон-младший своей подружке. — Дедушка сказал мне наемни, когда мы вместе катались по парку: “Дядя Берт рад, что ваша семья и семья дяди Уильяма не оправдали его ожиданий”. Я спросил почему, что он хотел этим сказать. “Ну, — сказал он, — он предполагал, что вы будете надутые, много о себе понимающие, не станете обращать никакого внимания на деревенского старика вроде него, а теперь он в восторге от того, что вы общительные и весёлые”».

Мужчина на грани нервного срыва

Проводив Бесси в Германию, Рокфеллер потянулся за ней — и не только мыслями. Вскоре после того как Англо-американская нефтяная компания (заморский филиал

«Стандард ойл») монополизировала британскую нефте-торговлю, в Бремене основали Немецко-американскую нефтяную компанию, чтобы подмять под себя северогерманский рынок. Глядя на океан из окна своего кабинета, словно капитан на мостике корабля, Рокфеллер учредил нефтяной терминал в Роттердаме; заключил договор на поставку сырой нефти во Францию, чтобы обеспечить все её потребности в этом сырье; приобрёл доли участия в нефтяных фирмах в Голландии, Италии и Скандинавии. Огромный танкер «Стандард ойл» мог доставить в Европу сразу миллион галлонов нефти; со временем появится целая флотилия таких «китов». Но британец Маркус Сэмюэл уже строил в Хартлпуле танкер «Мурекс» (так называются морские раковины, которыми когда-то торговал отец Маркуса, иракский еврей, перебравшийся в Англию и основавший успешную экспортно-импортную фирму для торговли с Дальним Востоком). Сэмюэл будет торговать керосином из России в Сингапуре и Бангкоке, а Жан-Батист Август Кесслер, занявший место основателя «Роял Датч» Янса Зейклера после его кончины в 1890 году, станет успешно использовать нефтяные месторождения на Суматре.

В то время как средний американец зарабатывал не больше десяти долларов в неделю, доходы Джона Д. Рокфеллера оценивались в десять миллионов долларов в год (без уплаты подоходного налога, отменённого в 1872 году*). Неудивительно, что многие считали его таким царём Мидасом, превращающим в золото всё, к чему ни прикоснётся. Лишь только становилось известно, что Рокфеллер купил акции каких-либо фирм, на них тотчас набрасывались другие инвесторы. Однако их могло ждать жестокое разочарование, поскольку гениальный «мозг» «Стандард ойл» порой выказывал полную беспомощность при распоряжении своей личной собственностью, доверчиво следуя советам своих псевдодрузей, например Чарлза Колби и Колгейта Хойта из баптистской церкви с Пятой авеню. Хойт часто заходил за Рокфеллером поутру и сопровождал его на работу, толкая по дороге о котировках акций. Через эту парочку Рокфеллер

* Впервые конгресс США ввёл подоходный налог в 1861 году для покрытия расходов на Гражданскую войну: полагалось выплачивать три процента с годового дохода свыше 800 долларов. На следующий год налогом обложили уже доход свыше 600 долларов, повысив его до пяти процентов для тех, кто зарабатывал более десяти тысяч долларов в год. В очередной раз ставки повысили в 1864 году, но в 1872-м подоходный налог отменили.

вбухал миллионы в убыточные компании, будучи уверен, что он всего лишь миноритарный акционер, а его приятели владеют ровно такими же пакетами акций; те подсовывали ему фиктивные цифры, которые Джон Д., всегда такой внимательный к мелочам, когда речь касалась его конторы, даже не думал проверять. Колби и Хойт входили в исполнительный комитет железнодорожной компании «Нозерн Пасифик», и Рокфеллер оказался её главным акционером. По их совету он покупал шахты, сталелитейные заводы, бумажные фабрики, железные дороги и даже завод по производству гвоздей. «Друзья» планировали построить город Эверетт в самом конце «Нозерн Пасифик», да вот незадача: дорогу не дотянули до выбранного ими места.

Столь странное невнимание Джона Д. к важным вещам и стремление переложить хотя бы часть ответственности за принятие решений на других вполне объяснимы: даже сталь разрушается от усталости, что уж говорить о человеке. После Рождества 1888 года Харпер зашёл повидать Рокфеллера на Бродвей, 26, но не застал его, справился о его здоровье и получил ответ: «Моя жена была больна, и я тревожился о ней. Моё время уходит на рассмотрение петиций из множества источников — никогда их не было так много. На меня навалился Монреаль, на меня навалился Ричмонд, да со всей силой. Каждый квартал просьбы становятся всё многочисленнее и всё настойчивее... Я не пригласил Вас прийти в воскресенье, потому что провёл весь день в постели; Рождество тоже провёл в постели — я так устал. В последние три недели у меня было несколько необычно тревожных дел, связанных с бизнесом, но о нашем деле я думаю постоянно и хочу узнать о нём больше».

С самого начала 1889 года Джон Д. испытывал хроническую усталость, даже впадал в депрессию, а в начале 1890-го несколько месяцев не появлялся на Бродвее, 26, из-за болезни и пообещал себе больше отдыхать и не работать по субботам. Вполне резонно полагая, что все его проблемы со здоровьем (головные боли, расстройство пищеварения, нарождающаяся язва желудка) вызваны нервным истощением, он не обращался к традиционной медицине, полностью доверяя своему давнему другу, доктору Гамильтону Ф. Биггару, поборнику гомеопатии. (По его просьбе Рокфеллер станет вице-президентом и управляющим кливлендского колледжа при гомеопатической лечебнице, даст денег на покупку земли, постройку корпусов и преподавание.) Они познакомились ещё в 1870-х годах, когда Рокфелле-

ры только-только поселились на Евклид-авеню. Однажды, играя с детьми в жмурки, Джон Д. сильно ударился о дверной косяк и рассёк бровь; доктор Биггар наложил ему швы, стал захаживать в гости и практически сделался членом семьи. Родом из Канады, он переехал в Кливленд после Гражданской войны, преподавал в вышеупомянутом колледже анатомию и клиническую хирургию, а среди его пациентов были школьный друг Рокфеллера Марк Ханна и конгрессмен Уильям Маккинли. Оставаясь приверженцем «народной медицины», Рокфеллер отвергал всякую «химию», зато мог, например, во исполнение предписания Биггара курить глиняную трубку, набитую коровяком, от катара верхних дыхательных путей, а от печёночной колики привязывал к боку специальную подушку, купленную в местной аптеке, и пил какой-то настой без названия, собственноручно изготовленный для него доктором. Впрочем, Биггар в большей степени лечил его «добрым словом»: они любили подтрунивать друг над другом, шутить и смеяться. «Он обладает тонким чувством юмора, обожает шутки, остёр на язык, увлекательный собеседник и хорошо умеет слушать» — так отзывался Биггар о Рокфеллере.

Старшее поколение начинало всё больше думать о покое и своём здоровье. В 1890 году Генри Флаглер продал Рокфеллеру две с половиной тысячи акций «Стандард ойл» за 375 тысяч долларов, чтобы вложить их в благоустройство Флориды. «Я уверен, что этот край станет для тебя открытием, если ты приедешь хотя бы на недельку», — писал он годом раньше. Но Рокфеллер не приехал. Женившись на Иде Алисе, Флаглер под старость лет стал вести себя как типичный нувориш: завёл собственный железнодорожный вагон, купил яхту, назвав её «Алисия», а Рокфеллер этого терпеть не мог. Господь послал очередное знамение, подтвердив, что Джон Д. всё делает правильно: Флаглер оказался наказан за легкомыслие. Его взбалмошная жена отравляла ему жизнь своей ревностью, и вскоре её подозрения стали небеспочвенными...

В «Стандард ойл» намечалась смена поколений. В 1890 году Генри Роджерс стал вице-президентом треста и считал себя идеальным преемником Рокфеллера. Однако Джон Д. предпочёл Джона Арчболда и начал потихоньку передавать ему полномочия. Рокфеллера раздражало, что Роджерс увлекается азартными играми, сквернословит, любит внимание толпы и пытается втереться в высшее общество. Арчболд, при всех его недостатках, думал прежде всего об

интересах фирмы (в то время он усиленно делал инвестиции в месторождения Лимы), тогда как Роджерс больше радел о собственных интересах и, злоупотребляя служебным положением, запрещал своим подчинённым продавать нефть конкурентам его с Уильямом Рокфеллером газовой компании, хотя «Стандард ойл» от этого проигрывала.

А на компанию как раз сейчас ополчилось правительство. В декабре 1889 года сенатор от Огайо Джон Шерман внёс в конгресс проект закона, направленного против трестов. Это был не единственный законопроект такого рода: их насчитывалось тогда штук пятнадцать или шестнадцать. Но Шерман! Как он мог? В августе 1885-го, когда он вёл свою предвыборную кампанию, Марк Ханна сказал Рокфеллеру: «Джон Шерман сегодня — наша главная опора в сенате для защиты наших бизнес-интересов». Тот сначала сомневался, но потом послал чек на 600 долларов, который ему не вернули. Теперь же угроза, на которую Арчболд легкомысленно не обращал внимания, вполне материализовалась, так что Рокфеллеру даже пришлось, изменив своим принципам, высказаться в прессе. «Законопроект сенатора Шермана носит крайне радикальный и деструктивный характер, предлагая штрафовать и сажать в тюрьму всех, кто прямо или косвенно участвует в организациях, над которыми конгресс вряд ли вообще имеет какую-либо власть», — написал он в статье, напечатанной 2 апреля 1890 года в газете «Нью-Йорк уикли уорлд». «Закон Шермана» запрещал соглашения, препятствующие конкуренции, и попытки монополизации рынка, предоставляя частным лицам, понёвшим ущерб от подобных действий, право подавать в суд для возмещения убытков в тройном размере. Искусственное повышение цен за счёт сокращения предложения объявлялось вне закона. Возникновение монополии естественным путём ещё не считалось преступлением, но действия по поддержанию этого статуса или намеренное его создание предлагалось карать штрафом до пяти тысяч долларов или годом тюрьмы, а то и тем и другим. Заявлялось, что целью закона было защитить потребителей от злоупотреблений. Президент Гаррисон подписал его 2 июля 1890 года.

Всем было понятно, что антимонопольный закон направлен прежде всего против «Стандард ойл»; однако Арчболд, не веривший в способность политиков делать дело, а не просто болтать языком, оказался прав. Закон с расплывчатыми формулировками, не имевший никаких реальных инструментов для его применения, был настолько нашпи-

гован лазейками, что его прозвали «законом швейцарского сыра». Запрещая торговые ассоциации, он побуждал компании к слияниям, что способствовало концентрации производства, а значит, противоречило заявленной цели. По сути, он действовал лишь на бумаге, и в 1891 году Рокфеллер вновь поддержал переизбрание сенатора Шермана. Зато осенью, через четыре месяца после антимонопольного закона, конгресс принял «тариф Маккинли», внесённый знакомцем Джона Д., повышающий почти на 50 процентов пошлины на импортные товары, чтобы защитить отечественную промышленность от конкуренции.

В 1891 году по предписанию врача Рокфеллер «взял больничный» и на восемь месяцев уехал в Форест-Хилл, с удовольствием переложив все заботы о благотворительности на плечи Фредерика Гейтса, который в марте перевёз свою семью — жену Эмму и четверых детей (позже родятся ещё трое) — в Монклер, штат Нью-Джерси, и перенёс свою контору в Темпл-Корт, поблизости от Бродвея, 26. Секретарю Рокфеллера Джорджу Роджерсу дали строгие инструкции: не говорить боссу о делах, разве что случится что-нибудь совсем уж из ряда вон выходящее. Джон Д. работал в поле, катался на велосипеде, ел простую здоровую пищу и в шутку утверждал, что становится «великим концертным певцом». Кроме того, он оставался диаконом и экономом воскресной школы, оплачивая половину расходов церкви из собственного кармана.

Церковь, впрочем, преподнесла ему сюрприз. Оказалось, что для двадцатилетней Альты, преподававшей в воскресной школе, «пришла пора»: год назад она влюбилась... в пастора — преподобного доктора Кренделла, всего на пять лет моложе её отца (его сын учился в колледже, а дочь — в частной школе), который полтора года назад овдовел и пытался заполнить душевную пустоту. Поверив в наивную любовь Альты, преподобный заговорил с ней о браке. Когда слухи об этом дошли до Рокфеллера, он сначала не поверил, потом пригласил сплетников к себе домой, расспросил и был как гром поражён открывшейся правдой. Кренделлу он выставил ультиматум: либо он уезжает, либо Рокфеллер выйдет из числа прихожан баптистской церкви на Евклидавеню (которая без его денег просуществовала бы недолго). Кренделл перевёлся в Чикаго — якобы для того, чтобы дать своим детям лучшее образование.

Несмотря на этот досадный инцидент и скоропостижную смерть Чарлза Пратта 4 мая, воспринятую со сме-

шанными чувствами, Рокфеллер быстро шёл на поправку: его щёки вновь покрылись здоровым румянцем. В июне он писал Арчболду, оставшемуся за старшего: «Я рад отметить, что моё здоровье постоянно улучшается. Я Вам выразить не могу, насколько иным предстаёт передо мной мир». Увы, в его представления о мире пришлось внести коррективы после того, как Фредерик Гейтс по его просьбе совершил инспекционную поездку по баптистским школам Алабамы, чтобы попутно выяснить, почему железоплавильная печь, которую Рокфеллер купил по совету старого друга, оказалась в руках судебного распорядителя. На поверку вышло, что выплавлять железо никто и не собирался, а вся эта операция потребовалась, чтобы поднять цены на местную недвижимость: многие баптистские священники покупали землю, стоимость которой должна была возрасти из-за близости к железодельному заводу. Рокфеллер скрыл своё удивление, сказав, что приобрёл эту «безделицу», просто чтобы помочь сыну старого друга освоить производство железа. Кстати, у него есть прибыльный завод в Висконсине, который якобы приносит тысячу долларов в день. Вам не трудно будет съездить туда и проверить?.. Гейтс отправился в Висконсин и выяснил, что там такая же картина, а рокфеллеровский завод на самом деле приносит тысячу в день убытка. Закладная на 600 тысяч долларов — не безделица.

Выслушав отчёт Гейтса, Рокфеллер вызвал в Форест-Хилл «старого друга» с Уолл-стрит (то ли Колби, то ли Хойта — Гейтс не запомнил). Тот сначала всё отрицал, но доказательства, которые привёз с собой Гейтс, выглядели неопровержимо. На следующий день другу пришлось вернуться и переписать закладную. А Гейтса послали в Скалистые горы инспектировать шахты. «Что?! — воскликнул горный инженер из Денвера, когда Гейтс сообщил ему о цели своего приезда. — Вы хотите сказать, что Джон Д. Рокфеллер вложил деньги в эту чёртову аферу?!» Многообещающее начало. Шахты оказались фикцией... Узнав об «открытиях» Гейтса, Джордж Роджерс предложил Рокфеллеру учредить исполнительный комитет для управления его собственными инвестициями на общую сумму 23 миллиона долларов, из которых 14 миллионов были вложены в ценные бумаги железнодорожных компаний. Гейтс будет заниматься инвестициями и благотворительностью, его сосед по Монклеру Старр Мёрфи — юридическими вопросами, сам Роджерс — делопроизводством, а Рокфеллер станет платить каждому по десять тысяч долларов в год. Это только поначалу ка-

жется, что дорого, а на самом деле выйдет гораздо дешевле, чем довериться мошенникам, которые тебя обкрадывают. Джон Д. был вынужден согласиться. В одну ночь бывший бедный баптистский священник стал президентом двух железных дорог, тринадцати горнодобывающих компаний и ещё кое-чего по мелочи: фабрик, лесопилок...

По возвращении в Нью-Йорк поздоровевшему от сельской жизни Рокфеллеру пришлось вновь с головой окунуться в зловонное болото проблем, интриг и махинаций.

Ещё в мае 1890 года молодой генеральный прокурор штата Огайо Дэвид Уотсон потребовал начать расследование против «Стандард ойл Огайо» с целью... роспуска этой компании. На такие решительные действия его подвигла брошюра о трестах учёного юриста Уильяма Кука, случайно купленная в книжной лавке. В руководстве фирмы решили, что это очередные происки конкурентов. «Не уверен, кого именно преследуют дознаватели, но считаю, что к этому приложили руку кливлендские переработчики», — написал Фрэнк Рокфеллер старшему брату, предположив, что информацию Уотсон получает от Джона Шермана. Защищая компанию, Сэмюэл Додд в очередной раз повторил, что акции «Стандард ойл Огайо» перевели управляющим в Нью-Йорк их держатели, то есть физические лица, а не сама фирма, но Уотсона это не убедило. А ведь он принадлежал к Республиканской партии! Уж я ли не помогал республиканцам! — возмущался Джон Д. человеческой неблагодарностью. Весной 1891 года, когда он приходил в себя в Форест-Хилле, Марк Ханна написал ему: «Намедни я прижал нашего достойного генерального прокурора Уотсона и сообщил ему, что думаю». А думал он следующее: «Компанией “Стандард ойл” управляют и руководят одни из самых лучших и сильных людей нашей страны. Все они республиканцы и были весьма щедры в пожертвованиях на партию; я лично знаю, что мистер Рокфеллер всегда спокойно вносил свою долю». Самому Уотсону шесть раз предлагали взятку (до 100 тысяч долларов наличными), чтобы он закрыл дело, но тот не шёл на сделку — наоборот, подобное давление побуждало его упорствовать. 2 марта 1892 года он одержал победу: Верховный суд штата Огайо постановил, что компанию «Стандард ойл Огайо» на самом деле контролируют с Бродвея, 26; договор о доверительном управлении надлежит расторгнуть, поскольку трест пытается монополизировать нефтяной бизнес на всех его этапах.

Один шустрый репортёр тотчас ринулся на Бродвей, 26, за комментариями; Сэмюэл Додд учтиво разъяснил ему, что решение суда не будет иметь никаких последствий, а договор о доверительном управлении вообще-то и не нужен: его заключили просто так, для очистки совести. Додд был спокоен, потому что они с Рокфеллером ещё несколько лет назад рассмотрели все возможные варианты действий на случай роспуска треста по решению суда. Например, в 1889 году штат Нью-Джерси принял закон, позволявший компаниям-резидентам владеть акциями других корпораций, — чем не вариант? 10 марта Додд объявил, что трест будет ликвидирован. На следующий же день всех держателей сертификатов «Стандард ойл» оповестили о собрании, которое состоится 21 марта и на котором они смогут обменять свои сертификаты на соответствующее количество акций двадцати входивших в трест компаний. Распределение полномочий, денег и дивидендов внутри империи «Стандард ойл» останется прежним.

Председательствовал на заседании 21 марта Джон Д. Рокфеллер, которому принадлежали 256 854 из 972 500 акций. В помещение, способное вместить 200 человек, набилось целых три сотни акционеров, поэтому долго размусоливать не стали: проголосовали единогласно за роспуск треста, назначили восьмерых ответственных за его ликвидацию и разошлись. Рокфеллер тоже был в их числе, но поскольку он только-только оправился от разных хворей, то предпочёл переложить ношу на плечи коллег. Это было весьма прозорливо, поскольку ликвидация проходила долго и трудно, в обстановке свар и нервогрёпки: мелкие акционеры не хотели менять сертификаты треста на акции компаний, не приносившие дивидендов и не котировавшиеся на вторичном рынке.

Головная компания теперь называлась «Стандард ойл Нью-Джерси». Она скупила огромные пакеты акций других компаний «Стандард ойл» и теперь владела имуществом по всей территории США, от Атлантики до Тихого океана, образовав огромный холдинг. Исполнительный комитет на Бродвее, 26, официально распустили, но его члены теперь превратились в президентов двадцати дочерних компаний. На внутреннем жаргоне их называли «джентльмены сверху» или «джентльмены из комнаты 1400». Порядок раскладки за обеденным столом не изменился (за исключением опустевших стульев Пратта и Флаглера). 17 акционеров (почти сплошь руководители «Стандард ойл» и члены их

семей) обладали контрольными пакетами двадцати компаний и назначали их директоров.

Вдумчивым наблюдателям было ясно, что законодатели пытаются палочкой закона проделать дыру в желеобразной массе треста, которая тотчас затягивается. Вряд ли проблеме удастся решить таким способом. Нашлись горячие головы, которые рассматривали и другой вариант примерно в то же время Генри Роджерс сообщил Лоре Рокфеллер, что получил письмо от организации «Справедливость или Истребление», в котором сообщалось, что ему на дом отправлена посылка с бомбой.

Подобные угрозы следовало воспринимать всерьёз: анархисты и прочие борцы за социальную справедливость с лёгкостью переходили от слов к делу. 27 марта 1892 года в Париже взорвалась бомба, ранив семь человек. Устроившего взрыв Равашоля (Франсуа Кёнигштейна), причастного к нескольким терактам и убийствам, поймали и судили. Накануне суда, 25 апреля, ещё одна бомба взорвалась в ресторане, где работал официант, донёсший на Равашоля, при взрыве погибли хозяин и один из клиентов. Анархиста казнили 11 июля. При этом журналист-антисемит Эдуар Дрюмон напишет в своей газете «Либр пароль», что «банковские анархисты» своими махинациями причиняют гораздо больше вреда, чем бомбы Равашоля. Как раз в это время на Бродвее, 26, тайно принимали «анархиста трёхмиллиардного уровня» — барона Альфонса де Ротшильда. «Мы достигли с ними предварительного соглашения, — писал Арчболд Рокфеллеру в Форест-Хилл. — Едва ли мне следует напоминать, что для всех сторон желательно держать это дело в строжайшей тайне. Было решено, что нам лучше не видеться с людьми Нобелей, но что Ротшильды попробуют найти к ним подход. Барон Ротшильд обращался с нами крайне учтиво, и мы были очень рады тому, что он бегло говорит по-английски, это значительно облегчало наше общение». Тем не менее в Европе какие-то данные о встрече всё-таки просочились в прессу, потому что художники изощрались, рисуя карикатуры с неуклюже обнимающимися спрутом и медведем.

Из этих объятий в самом деле ничего не вышло: в 1892 году Маркус Сэмюэл, заключивший с Ротшильдами контракт на реализацию на Дальнем Востоке керосина Батумского нефтепромышленного и торгового общества, отправил в первое плавание свой танкер «Мурекс». Путь из Батуми в Азию через Суэцкий канал занимал всего месяц,

тогда как из Нью-Йорка наливное судно добиралось туда в четыре раза дольше. «Стандард ойл» наняла лондонских адвокатов, чтобы посеять сомнения по поводу этого проекта, и распространяла грязные слухи о «могущественной группе финансистов и купцов», находившихся под влиянием евреев, которые планируют проводить свои танкеры через Суэцкий канал (контрольный пакет его акций Великобритания, кстати, приобрела на деньги, одолженные бароном Лайонелем Ротшильдом). Рокфеллер бушевал: евреи «кричат: Волк! Волк! Компания “Стандард ойл”! — а сами забирают контроль над всё новыми рынками». Тем не менее красные канистры Сэмюэла в скором времени вытеснят голубые по всей Азии. Зато 1 июля на острове Статен-Айленд в Нью-Йорке открылась первая троллейбусная линия (проезд стоил пять центов), которую контролировал Генри Роджерс. Впоследствии он станет транспортным королём Статен-Айленда, распоряжаясь и паромной службой, и местной электрической компанией.

То лето проходило в Америке под знаком очередной предвыборной кампании, которая стала своеобразным матчем-реваншем для Гровера Кливленда, хотя у него и Бенджамина Гаррисона появился ещё один соперник — бывший конгрессмен из Айовы Джеймс Уивер, выступавший от новой Народной партии — объединения Лиги грейнджеров, фермерских союзов и Ордена рыцарей труда. Кампания строилась вокруг экономических вопросов: так, Кливленд был против «тарифа Маккинли», выступал за снижение пошлин и ратовал за золотой стандарт, в то время как республиканцы и популисты поддерживали биметаллизм*.

Политической борьбе придали остроты настоящие баталии в Хомстеде, на заводах Эндрю Карнеги, с которых

* Серебро настолько обесценилось на рынке, что почти все страны Европы перешли на золотой стандарт, а Россия проводила денежную реформу для его введения. Тем не менее некоторые группы промышленников, землевладельцев и политиков выступали за биметаллизм, чтобы использовать при расчётах и серебряные деньги. 14 июля 1890 года конгресс США принял «закон Шермана о покупке серебра», по которому министр финансов мог ежемесячно приобретать 4,5 миллиона унций серебра по рыночной цене, расплачиваясь казначейскими билетами, подлежащими обмену на золотые или серебряные монеты. Биметаллическая система могла быть только международной, однако несколько посвящённых ей конференций (в том числе в Брюсселе в ноябре 1892 года) окончились безрезультатно.

директор Генри Клей Фрик пытался выжить профсоюзы*. За день до истечения срока трудового договора (30 июня) всех работников уволили и предложили им заключить «договор жёлтой собаки»: поскольку в профсоюзе состояло только 800 из примерно 3800 рабочих, меньшинство должно подчиниться большинству. Фрик подготовился заранее: территорию завода обнесли высоким забором с колючей проволокой наверху, с будками для снайперов, оборудованными прожекторами, возле каждого корпуса, и водяными пушками (некоторые из которых стреляли кипятком) у каждого входа. В ответ профсоюз сталелитейщиков и Рыцари труда объявили забастовку, к которой присоединились заводы Карнеги в Питсбурге, Дюкене и др. Мононгахилу патрулировали шлюпки, чтобы предотвратить доставку штрейкбрехеров; в самом городе были выставлены круглосуточные пикеты; активисты производили досмотр пассажиров, прибывавших на паромах и поездах, и если те не могли убедительно обосновать свой приезд в город, их выдворяли. Репортёры для передвижения по городу носили специальные опознавательные знаки, которые у них отбирали, если они в своих статьях искажали действительность. Фрик прибегнул к услугам Национального детективного агентства Пинкертона: в четыре часа утра 5 июля три сотни агентов, вооружённых винчестерами, попытались под покровом темноты высадиться на берег перед заводом. Забастовщики, предупреждённые по телеграфу, открыли огонь. В перестрелке погибло несколько человек, в том числе де-

* Эндрю Карнеги, начинавший карьеру на Пенсильванской железной дороге под покровительством Тома Скотта и Эдгара Томсона, а после Гражданской войны переключившийся на производство стали, публично высказывался в пользу профсоюзов, осуждал использование штрейкбрехеров и говорил своим компаньонам, что ни один сталелитейный завод не стоит единой капли крови, пролитой из-за него. Но когда Генри Клей Фрик, поставленный им в 1881 году во главе завода в Хомстедде под Питсбургом, предложил покончить с засильем профсоюза сталелитейщиков, из-за которого производство не работает в полную мощь, Карнеги согласился. 1 января 1882 года профсоюз начал забастовку, чтобы не позволить руководству включить в трудовое соглашение пункт об отказе работника от членства в профсоюзе и участия в забастовках («договор жёлтой собаки»). Обе стороны прибегли к насилию, заводу пришлось привлечь к работе многочисленных штрейкбрехеров, но в итоге забастовка закончилась 20 марта полной победой профсоюза. Дело в том, что профсоюз выступал в роли рекрутингового агентства и найти без его помощи высококвалифицированных рабочих редких профессий было затруднительно.

вать рабочих; сдавшихся пинкертоновцев разоружили и провели с непокрытыми головами сквозь двойную шеренгу вооружённых активистов. Только введение военного положения и прибытие восьми тысяч милиционных солдат положили конец противостоянию.

Узнав о том, что Фрик использовал силу для борьбы с профсоюзами, Джон Д. Рокфеллер послал ему поздравительную телеграмму, что не добавило ему популярности в глазах трудовой общественности. (Пошли слухи, что он держит револьвер в прикроватной тумбочке, опасаясь ночного нападения.) Популисты стали требовать введения прогрессивного подоходного налога, передачи железнодорожных и телеграфных компаний в собственность государства и новых гарантий для профсоюзов.

Как обычно, во время выборов президента США ни один из кандидатов не был без греха, к тому же Уивер оттолкнул от себя избирателей Юга тем, что во время Гражданской войны участвовал в марше Шермана к морю. Победил в итоге Кливленд, опиравшийся на Юг, — он получил большинство голосов и избирателей, и выборщиков. Республиканцу Рокфеллеру надо было готовиться к новым боям.

Второго декабря скончался от туберкулёза Джей Гулд, кумир Джона Д., — всего в 56 лет. Всё его состояние досталось 28-летнему сыну Джорджу, моту и ловеласу, развлекавшемуся охотой, фехтованием, игрой в поло, прогулками на яхтах и обзаведшемуся целым частным поездом. Возможно, не только Рокфеллеру тогда вспомнились слова из эссе «Богатство» Эндру Карнеги, опубликованного два с половиной года назад в «Норт америкэн ревю»: «Человек, умирающий богатым, умирает обесщеченным». Карнеги, имидж которого тоже сильно пострадал после событий в Хомстед, считал расширяющуюся пропасть между самыми богатыми и простыми людьми угрозой для капитализма и утверждал, что богатым следует жертвовать деньги на общественно полезные дела, вместо того чтобы оставлять их наследникам, которые пустят их на ветер. Джон Д. Рокфеллер глубоко уважал Карнеги за благотворительную деятельность, однако видел в ней некоторое проявление тщеславия: «Как говорят мне близкие друзья мистера Карнеги, он не делает тайны из того, что совершает всё это, лишь бы увидеть своё имя, высеченное в камне, по всей стране. Вы замечали, что он всегда дарит здания, а кому-то другому приходится предоставлять деньги на их ремонт?» Кстати, 1 октября того же года в Баптистском колледже в Чикаго начались занятия.

Отцы невест

Весной 1893 года Сетти со всеми детьми отправилась в собственном вагоне в Чикаго и остановилась у Нетти Фоулер-Маккормик, в её особняке на Раш-стрит. В 1858 году 23-летняя Нэнси Фоулер (близкие звали её Нетти), сирота из Нью-Йорка, перебравшаяся в Чикаго и ставшая секретаршей изобретателя сельскохозяйственных машин Сайруса Маккормика, вышла замуж за своего босса, которому тогда было 49 лет, родила ему семерых детей, а в 1884-м овдовела. Маккормики, истые пресвитерианцы, во многом походили на Рокфеллеров: щедро жертвовали на миссионерскую деятельность, воспитывали своих детей в строгости — только голосовали за демократов. Уильям Рокфеллер водил дружбу со старшим сыном Нетти, Сайрусом Маккормиком-младшим, а Джон Рокфеллер-младший учился в школе Браунинга вместе с Гарольдом, который был на два года его старше, и Стэнли, своим ровесником. Теперь он представил их своим сёстрам.

Целью приезда была Всемирная Колумбова выставка, посвящённая четырёхсотлетию открытия Америки Христофором Колумбом. (Решение приурочить выставку к этому юбилею было принято в ноябре 1892 года.) В центре экспозиции находились большой искусственный водоём, символизировавший долгое плавание Колумба в Новый Свет, и копии трёх его каравелл — «Ниньи», «Пинты» и «Санта-Марии» в натуральную величину, построенные в Испании и пришедшие под парусом в Америку. На право принимать выставку претендовали Нью-Йорк, Вашингтон и Сент-Луис, но победил Чикаго. Выставка разместилась на территории в 690 акров, где специально возвели две сотни зданий в неоклассическом стиле, прорыли каналы, создали лагуну, разместили павильоны сорока шести стран-участниц. По размаху и великолепию выставка превзошла все предыдущие (Парижская Всемирная выставка 1889 года, для которой Эйфель построил башню, занимала почти в шесть раз меньшую территорию и принимала 35 стран) и стала символом американской исключительности. Президент Гровер Кливленд торжественно открыл её 1 мая. Предполагалось, что по воскресеньям вход на выставку будет закрыт, но Чикагский женский клуб настоял, чтобы она работала без выходных, — тогда её смогут осмотреть и те, кто занят по будням. В итоге за полгода выставка приняла около двадцати шести миллионов посетителей.

Впервые в мире отдельно от выставочных павильонов оборудовали парк развлечений на бульваре длиной целую милю — Мидуэй Плезенс, благодаря чему в американском варианте английского языка появилось слово «midway», обозначающее места народных гуляний с ярмарочными балаганами. Развлечения тут были на любой вкус: знаменитый охотник на бизонов Буффало Билл привёз своё шоу, оно сопровождалось лекциями историка о Диком Западе; благодаря организатору парка Солу Блуму американцы впервые увидели «танец живота». Среди аттракционов было «Колесо Ферриса» — колесо обозрения, построенное Джорджем Вашингтоном Гейлом Феррисом-младшим, высотой 80 метров, с тридцатью шестью кабинками, каждая из которых могла вместить до сорока человек. Кроме того, Эдвард Мейбридж прочитал в специальном павильоне несколько лекций о движениях животных, демонстрируя изобретённый им зоопраксископ, который использовал принцип хронофотографии (делал снимки один за другим, запечатлевая разные фазы движения), то есть зрители, по сути, впервые посмотрели кино. В другом павильоне немецкий изобретатель Оттомар Аншютц с помощью другого приспособления, электротаксископа, показывал «искусственно оживлённые фотографические картины в полном естественном движении»: прыгающих гимнастов, летящий пушечный снаряд и т. п.

От берега озера к казино можно было добраться по первой движущейся дорожке — травелатору, имевшему две части: для сидящих и для стоящих или идущих. Для украшения зданий, подсветки фонтанов и трёх мощных прожекторов использовалось электричество. Компания «Вестингауз электрик», приобретшая около сорока патентов у Николы Теслы, продемонстрировала преимущества генераторов переменного тока перед оборудованием прямого тока, производимым компанией «Дженерал электрик» Томаса Эдисона. Но в павильоне электричества, у входа в который стояла статуя Бенджамина Франклина, Эдисон представил кинетоскоп, прожекторы, сейсмограф, электроинкубатор для цыплят и телеграфный аппарат с использованием азбуки Морзе. Выставка была коммерческой, поэтому обе фирмы не просто показывали «фокусы» типа медного «Колумбова яйца» Николы Теслы, раскрученного и поддерживаемого в воздухе электромагнитным полем, а заключали контракты на поставку оборудования. В Англии, Франции, России строилось всё больше электростан-

Джон Дэвисон Рокфеллер — родоначальник династии американских предпринимателей, основатель нефтяной компании «Стандард ойл».
Дж. И. Джонсон. 1895 г.

Отец Джона Д., Уильям Эвери Рокфеллер («доктор Левингстон»)

Мать, Элиза Рокфеллер, урождённая Дэвисон

Дом в Ричфорде, штат Нью-Йорк, где родился Джон Д. Рокфеллер

Дети Уильяма и Элизы Рокфеллер. Сидят: Джон Д. (20 лет), Мэри Энн (16 лет), Уильям (18 лет); стоят: Люси (21 год), Фрэнк (14 лет). 1860 г.

На втором этаже здания на Мервин-стрит в Кливленде располагалась фирма «Хьюитт и Татл» — первое место работы Джона Д. и Уильяма Рокфеллеров. *Начало XX в.*

Добыча нефти
в Пенсильвании
началась
со скважины,
пробурённой
Эдвином
Дрейком
(в цилиндре)
в 1859 году
в Тайтусвилле

Компания
«Рокфеллер
и Эндрюс»
располагалась
на втором
этаже офисного
здания
в Кливленде

Джон Д. Рокфеллер. 1872 г.

Лора Селестия (Сетти) Рокфеллер,
урождённая Спелман

Дом Рокфеллеров на Евклид-авеню в Кливленде

Нефтеперегонный завод. 1880 г.

Сертификат треста «Стандард ойл» с подписями Г. Флаглера и Дж. Д. Рокфеллера. 1882 г.

Загородный дом Рокфеллеров в Форест-Хилле. *Открытие начала XX в.*

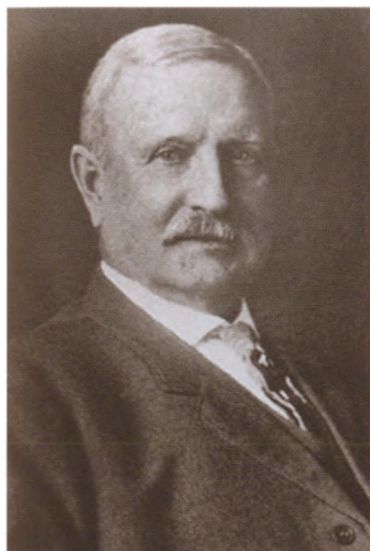
Джон Д. (стоит слева) с женой (сидит слева), дочерьми (Бесси и Эдит сидят за столом, Алья лежит) и гостями на пикнике в Форест-Хилле. *Около 1880 г.*

Книга Иды Тарбелл «История компании «Стандард ойл»» имела большой общественный резонанс и попортила Рокфеллерам немало крови. 1905 г.

Один из руководителей «Стандард ойл» Генри Роджерс (на переднем плане) поставлял журналистке материалы о деятельности компании, зато его друг, писатель Марк Твен, отказался издавать антирокфеллеровскую книгу Г. Д. Ллойда. 1908 г.

Фрэнк Рокфеллер. 1905 г.

Уильям Рокфеллер. 1910 г.

Усадьба Уильяма Рокфеллера Роквуд-холл в Тарритауне, штат Нью-Йорк. *Открытие начала XX в.*

Джон Д. в 74 года продолжал ездить на велосипеде. 1913 г.

После отхода Рокфеллера от дел его главной страстью стал гольф. Около 1932 г.

Хлопчатобумажный жилет — фирменный подарок Джона Д. друзьям и партнёрам по гольфу

Самый спортивный из семьи — Джеймс Стилман Рокфеллер, олимпийский чемпион по гребле. Обложка журнала «Тайм». 1924 г.

Первый в мире долларовый миллиардер
в своём рабочем кабинете. 1927 г.

Джон Д. дарил каждому встреченному им ребёнку
десятицентовую монету. 1923 или 1924 г.

Очередной сезонный переезд Джона Д. и Сетти из одной резиденции в другую. 1911 г.

Девяностодвухлетний магнат в окружении поклонниц. 1931 г.

Джон Рокфеллер-младший (с права) с единственным другом детства Гарри Муром — сыном управляющего усадьбой в Форест-Хилле. Около 1880 г.

Три поколения Рокфеллеров. Джон Д. с сыном Джоном, невесткой Эбби и внуками: сидят Уинтроп, Дэвид, Лоранс, Нельсон; стоят Бабс, Джон III. 1916 г.

Педагогическое училище для чернокожих в Таскиги финансировалось Дирекцией общего образования под руководством Джона Рокфеллера-младшего. 1902 г.

Джон с Эбби и смотрителем Хорасом Олбрайтом в национальном парке Гранд-Титон. 1931 г.

Бродвей, 26, — здание, ставшее символом богатства и власти.
С 1885 года здесь располагалось правление «Стандард ойл»

ций — тепловых и гидравлических; лампы накаливания вытесняли газовые фонари и керосиновые лампы. Наконец, отличительной чертой Колумбовой выставки было участие в культурной программе множества чернокожих музыкантов, представлявших самые разные стили и жанры, от спиричуэлс до регтайма и классики. Скрипач Джозеф Дугласс и пианист Скотт Джоупин «проснулись знаменитыми» и в дальнейшем снискали международную известность.

Праздник омрачило трагическое событие: 28 октября, за два дня до официального закрытия выставки, любимый народом мэр Чикаго Картер Гаррисон (он избирался на эту должность пять раз) был застрелен у себя дома Патриком Юджином Прендергастом — неудачливым искателем должности, страдавшим манией величия. Церемонию закрытия отменили, вместо этого потрясённые чикагцы собрались на общественную заупокойную службу.

В то время как посетители выставки глазели на диковинки, в Америке происходила биржевая паника — предвестница финансово-экономического кризиса, который уже тогда назвали Великой депрессией.

Началось всё с Лондона. Известный банк Бэрингов делал крупные инвестиции в Аргентине и США, но в 1892 году в Буэнос-Айресе произошёл государственный переворот, ситуация стала нестабильной, и финансисты, опасаясь, что зараза перекинется дальше, принялись спешно выводить свои активы, продавая акции и обменивая доллары на золото (серебро в Лондоне упало в цене наполовину). Золотые запасы Казначейства резко сократились, способность государства обеспечивать золотом бумажные деньги вызывала сомнения, и вкладчики ринулись в банки забирать свои кровные. Начались банкротства банков, а вслед за ними — железных дорог, погрязших в долгах и запутавшихся в мошеннических схемах; железнодорожные компании «Эри» и «Нозерн Пасифик» приказали долго жить. В целом за четыре года Великой депрессии разорятся 500 банков и более пятнадцати тысяч компаний, по большей части на Западе; начнутся массовые увольнения; люди, не имеющие возможности выплатить ипотеку, останутся без крова; против рабочих, осаждающих конторы с требованием выплатить долги по зарплате, бросят войска. Уровень безработицы будет доходить до 25 процентов в Пенсильвании, 35 процентов в Нью-Йорке и 43 процентов в Мичигане. Мужчины будут хвататься за любую работу — колоть дрова, дробить камни, шить; женщины — выходить на панель, чтобы про-

кормить детей. В случившемся обвинят Кливленда; тот, в свою очередь, назовёт причиной кризиса «закон Шермана» о покупке серебра. Чтобы спасти ситуацию, конгресс осенью отменит этот закон, но президенту придётся прибегнуть к займам: он получит 65 миллионов долларов золотом от Дж. П. Моргана и английских Ротшильдов.

Членам руководства «Стандард ойл» было грех жаловаться: фирма оказалась одним из редких предприятий, которые не только не пострадали от кризиса, но и продолжали получать прибыль. Можно было даже помогать другим. В 1893 году дети Генри Роджерса подарили городу Фэрхейвен в Массачусетсе Библиотеку Миллисент, названную в память об их сестре, умершей тремя годами ранее в 17 лет. На следующий год супруга Роджерса Эбби Палмер открыла там новое здание ратуши, построенное на деньги её мужа. Именно в год биржевой паники Роджерс познакомился с Марком Твенем, которого высоко ценил как писателя, и спас его от разорения.

Несмотря на отсутствие в то время в США понятия авторских прав, Марк Твен зарабатывал своим пером довольно большие деньги (некоторые книги сначала выходили в Великобритании, где копирайт уже существовал), однако потерял почти всё, инвестируя в новейшие изобретения. Так, в 1880—1894 годах он потратил 300 тысяч долларов — свои гонорары и часть наследства жены — на типографскую наборную машину Пейджа, которая была чудом техники, но часто ломалась. Когда её, наконец, довели до ума, она уже устарела — появился линотип. Основанное Твенем издательство («Чарлз Л. Уэбстер и К^о») стартовало довольно неплохо, продавая мемуары Улисса Гранта, но потом потеряло много денег на биографии римского папы Льва XIII (удалось продать менее двухсот экземпляров). Семье пришлось отказаться от дорогого дома в Хартфорде и в июне 1891 года уехать в Европу на воды. Пока жена Твена Оливия с дочерью Сьюзи жила то в Берлине, то во Флоренции, то в Париже, сам писатель четырежды возвращался в Нью-Йорк, чтобы решать финансовые проблемы. В сентябре 1893-го он снимал в «Плейерс Клуб» номер за полтора доллара в сутки. Роджерс выписал ему чек на восемь тысяч долларов, посоветовал подать заявление о банкротстве, передать все права на его произведения жене, чтобы не достались кредиторам, а потом сам занялся управлением финансами Твена, пока не выплатил все его долги. Так началась их дружба, продлившаяся 16 лет. Оба любили игру в по-

кер и на бильярде, театр и яхты, ядрёную шутку и крепкое словцо. Они были похожи даже внешне: кустистые брови, вислые усы, копна светлых волос. Писатель стал частым гостем на яхте бизнесмена и захаживал к нему в кабинет выкурить сигару, лёжа на диване, точно в клуб. «Да, он пират, но он имеет на это право, и ему нравится быть пиратом. За это я его и люблю», — говорил Твен о Роджерсе.

Джон Д. Рокфеллер раздал почти шесть миллионов долларов пятидесяти восьми людям и фирмам, которым банки отказали в ссуде. Получив телеграмму от капитана Вандергрифта из Питсбурга, что трест, которым он управляет, находится в смертельной опасности, Рокфеллер тотчас отбил ответ: «Сколько Вы хотите?» — «Один миллион долларов». — «Чек на миллион уже отправлен». Однако просьб о помощи было столько, что многим приходилось отказывать. Рокфеллер и так был вынужден занять почти четыре миллиона, причём около трёх из них — у «Стандард ойл Нью-Йорк». Это было рискованно, поскольку деньги он занимал под залог ценных бумаг, падавших в цене. Дошло до того, что в октябре, когда Рокфеллер перевёл ещё полмиллиона долларов Чикагскому колледжу, казначей «Стандард ойл» Уильям Уордвелл сделал невообразимое — закрыл кредит основателю компании! Ошеломлённый Джордж Роджерс сообщил боссу: «Он отказался выдать мне ещё денег, потому что у него нет уверенности, что он получит их обратно, когда пожелает». После тяжёлых переговоров Уордвелл увеличил Рокфеллеру кредит до 2,8 миллиона под гарантию его квартальных дивидендов с 775 тысяч акций «Стандард ойл». Теперь Джону Д. приходилось теребить своих должников, чтобы выплатить собственные долги «Стандард ойл», — это было бы смешно, когда бы не было так грустно. К счастью, к сентябрю следующего года вопрос решился, и Джон написал Сетти: «Мы неуклонно выходим из кризиса, но я надеюсь, что мне больше никогда не придётся пройти через нечто подобное».

Рокфеллер получал около трёх миллионов долларов в год в виде дивидендов с акций «Стандард ойл» и инвестировал их в самые разные компании: 16 железных дорог, девять риелторских фирм, шесть сталелитейных заводов, шесть пароходных компаний, девять банков и даже две фермы по выращиванию апельсинов. Нельзя держать все яйца в одной корзине.

Фредерик Гейтс во время инспекционной поездки по неисследованным владениям Рокфеллера нашёл «жемчуж-

ное зерно в навозной куче» — Железородную компанию Миннесоты, эксплуатировавшую месторождение Месаби-Рейндж с залежами железной руды, протянувшимися лентой на 120 миль. Вот только коммерческая ценность этого месторождения тогда была неочевидна: от порошкообразной руды в домне образовывался «козёл», труба взрывалась, чёрная пыль разлеталась по всей округе... Зато руда залежала близко к поверхности и в таком количестве, что её можно было добывать открытым способом.

Первыми разрабатывать Месаби взялись Мерритты — четыре брата и три их племянника. Они назанимали денег, скупили огромные участки земли, начали строить железную дорогу к озеру Верхнему... Когда разразилась паника 1893 года, цены на железо упали. Мерритты остались без наличности. Обстановка в Дулуте, где находился складской терминал, накалилась до предела: вооружившись пистолетами, рабочие вломилась в железнодорожную контору, требуя уплаты жалованья. Карнеги и других стальных магнатов Месаби не интересовало: руда бросовая. Поэтому, когда Рокфеллер пришёл на помощь Мерриттам, это вызвало только насмешки: не зная броду, не суйся в воду! «Я не думаю, что ребята из “Стандард ойл” сумеют превратить руду в монополию, как нефть, — заявил Карнеги правлению своей стальной компании, — им не удалось ни одно новое начинание, и у Рокфеллера теперь репутация самого незадачливого инвестора в мире». Но Рокфеллер верил в технический прогресс: если лимскую нефть удалось очистить, то и с рудой из Месаби можно будет что-нибудь сделать. К тому же его привлекала почти готовая транспортная инфраструктура. А ещё он чувствовал потребность навести порядок в металлургической промышленности, не то и она захлебнётся от перепроизводства, как нефтяная.

Предложив Мерриттам 100 тысяч долларов, взамен он потребовал создать холдинг «Объединённые железородные шахты озера Верхнего», в который вошли бы активы Мерриттов и шахты, приобретённые Колби и Хойтом. Рокфеллеру будут принадлежать пятая часть акций и закладная на недвижимость, которая не позволит холдингу распасться в случае дефолта. (Карнеги отказался создать совместное предприятие с Мерриттами, но его подчинённые всё-таки приобрели долю в месторождении Месаби.) Гейтс не советовал патрону принимать во всём этом личное участие, однако Леонидас Мерритт настаивал, что должен пожать руку своему спасителю. В июне он приехал на Бродвей, 26.

Аудиенция продлилась ровно пять минут, и Джон Д. был образцом учтивости: похвалил месторождение Месаби, справился о погоде в Миннесоте и пожелал гостю всего хорошего. В сентябре Гейтс отправился в Дулут, захватив с собой сотню тысяч долларов; к октябрю затраты возросли до двух миллионов. «Мне пришлось одолжить мои личные ценные бумаги, чтобы собрать деньги, и в конечном итоге мы были вынуждены выйти на денежный рынок, который переживал тогда тяжёлые времена, и покупать наличность с большой надбавкой, срочно отправляя её на запад для выплат рабочим и оплаты железной дороги, чтобы поддерживать в них жизнь», — рассказывал позже Рокфеллер. В начале 1894 года Мерриттам, всё ещё не расплатившимся с долгами, пришлось уступить Рокфеллеру 90 тысяч акций по десять долларов за штуку, а через год — опцион на ещё 55 тысяч акций; в результате он получил полный контроль над холдингом.

Надо сказать, что интерес к железорудному месторождению Месаби у Рокфеллера пробудился, когда друг его брата Фрэнк, Джеймс Корриган, продавший Джону Д. несколько нефтеперегонных заводов за 2500 акций «Стандард ойл» и наличные, купил на эти деньги половинную долю в одной горнорудной компании из Висконсина. Джон Д. ссудил тогда Фрэнка деньгами, чтобы тот приобрёл вторую половину; сама шахта служила залогом. Фрэнк, так и не научившийся вести дела, по-прежнему не вылезал из долгов. Джон Д. и Уильям согласились аннулировать закладную на канзасское ранчо Фрэнка стоимостью 180 тысяч долларов, названное им «Солдатский ручей». Тем временем Корриган получил от Джона Д. дополнительные кредиты под обеспечение акциями «Стандард ойл», доведя общую сумму до более чем 400 тысяч долларов; долги Фрэнка брату превышали 800 тысяч. Таким образом, в качестве залога Рокфеллер получил акции горнодобывающей компании, акции «Стандард ойл», принадлежащие Корригану, и долю Корригана в озёрной флотилии. Отдавать залог он не собирался, хотя Корриган и просил у него хотя бы пароходы, чтобы зарабатывать с их помощью.

Почему «Стандард ойл» не разорилась? Рокфеллер в очередной раз уверился в том, что Господь не оставит его своей милостью. Котельные электростанций, ещё недавно казавшихся угрозой для нефтяного бизнеса, работали на угле и нефти. (Позже в качестве топлива станут использовать мазут.) А 20 сентября 1893 года братья Чарлз и Фрэнк Дьюри,

ранее делавшие велосипеды, провели в Спрингфилде, штат Массачусетс, дорожные испытания первого американского автомобиля с бензиновым двигателем. (Автомобиль с двигателем внутреннего сгорания впервые был построен в 1885 году немцем Карлом Бенцем; в августе 1888-го его жена Берта Бенц совершила вместе с сыновьями первое в мире автомобильное путешествие из Мангейма в Пфорцхайм и обратно на третьей модели этого транспортного средства. Автомобиль Бенца работал на лигроине, который тогда можно было купить в аптеке.) «Самодвижущаяся повозка» братьев Дьюри представляла собой подержанную двуколку, приобретённую за 70 долларов, к которой они приспособили одноцилиндровый двигатель мощностью четыре лошадиные силы с фрикционной передачей, распылительным карбюратором и искровым зажиганием. Чарлз был автором идеи и инженером, Фрэнк — механиком и испытателем. 10 ноября он снова проехался на автомобиле позади их мастерской в Спрингфилде, и на следующий же день газета «Рипабликен» бурно приветствовала это событие. Рокфеллер сразу понял: открылась новая ниша для бизнеса!*

И всё же дела начинали его утомлять; вернулись проблемы с пищеварением, он начал лысеть... Его тянуло на природу, подальше от каменных джунглей. Посетив замок Уильяма на берегу реки Гудзон, он был очарован её красотой. А тут как раз упали цены на землю. Джон Д. воспользовался моментом для покупки 400 акров на Покантико-Хиллс, южнее Роквуд-холла; с холма Кайкат открывался дивный вид на реку и Катскильские горы. «У меня нет никакого плана в отношении новой собственности на Гудзоне, кроме владения ею; со временем мы решим, как её исполь-

* Двадцать восьмого ноября 1895 года Фрэнк Дьюри выиграл первую в Америке автомобильную гонку, проехав из Чикаго в Эванстон и обратно. Дистанцию в 54 мили он преодолел за десять часов, продираясь сквозь снег со средней скоростью 11,75 километра в час. Из шести участников до финиша дошли только он и одна из трёх машин Бенца. Победитель получил две тысячи долларов, а зритель, окрестивший безлошадную повозку «мотоциклом», — 500 долларов. Спонсор гонки газета «Чикаго таймс геральд» писала: «Любям, склонным критиковать развитие безлошадной повозки, придётся признать её как допустимое механическое усовершенствование, прекрасно подходящее к некоторым из острых потребностей нашей цивилизации». В марте 1896 года братья впервые выставили автомобиль на продажу, а всего за этот год они собрали вручную 13 автомобилей в своей мастерской на Тейлор-стрит, дом 47, которая станет самым крупным на тот момент автомобильным предприятием в США.

зовать», — написал он Сетти в начале сентября 1893 года. На участке уже стоял скромный меблированный дом с просторной верандой. Рокфеллер потихоньку принялся его перестраивать, чтобы там можно было жить «просто и спокойно», насыщая душу прекрасными картинами природы.

А для Джона-младшего начинались как раз беспокойные дни, потому что он, вылупившись из домашнего кокона, расправил хилые крылышки и попробовал полетать — поступил в колледж. Изначально он по примеру кузена Уильяма планировал учиться в Йельском университете: сдал вступительный экзамен, даже подобрал себе комнату, но потом один священник ему сказал, что в Йеле правит бал великосветская тусовка. (Там, кстати, учились сыновья Вандербильта.) Для другого юноши из далеко не бедной семьи это был бы лишний плюс, но только не для Джона. Он решил посоветоваться с Уильямом Рейни Харпером: «Будучи по природе своей немного застенчивым (прошу прощения за личные оценки), я трудно схожусь с людьми, и пекущиеся о моём благе боятся, что, если я отправлюсь в Йель, к совершенно чужим мне людям, я “потеряюсь в толпе”, так сказать, и по большей части буду оставаться один, вместо того чтобы обзавестись связями в обществе, которые мне крайне необходимы». В итоге он выбрал колледж Брауновского университета в Провиденсе, штат Род-Айленд, президент которого Бенджамин Эндрюс был баптистским священником и политэкономистом. Во время Гражданской войны, при осаде Петерсберга, Эндрюс потерял глаз и заменил его стеклянным, поэтому его взгляд производил на собеседника довольно необычное впечатление. Джону-младшему импонировали духовное рвение и острый ум Эндрюса, а однажды услышанные от того слова глубоко запали ему в душу: «Рокфеллер, никогда не бойтесь отстаивать свою позицию, когда знаете, что правы».

В первом же письме домой Джон уверил маму и бабушку, что у него всё хорошо, он уже ходил на молитвенные собрания, а «бабушке будет интересно знать, что в классе есть трое цветных». Он начал преподавать в воскресной школе при баптистской церкви в Провиденсе, и отец с облегчением похвалил его за нравственность и религиозность. Джон записался в хоровое общество, на курсы игры на мандолине и в струнный квартет, где состояли и девушки. Всем этим занятиям он старался найти благопристойное обоснование — например, писал матери, что пение в хоре придаст ему уверенности и научит вести себя на публике не-

принуждённо, а ведь ему наверняка придётся в дальнейшем быть на виду. Пока с этим были проблемы. «Если кто-то делал мне замечание, я замыкался, как ракушка; я был не очень-то учёным, но всегда старался изо всех сил и не любил упрёков», — рассказывал Джон позже. Ему нравилось изучать экономику и социологию, и мысли Эндрюса о более справедливом распределении доходов находили отклик в его душе. «Разве можно смотреть на миллионы трудящихся, чья жизнь — бег в колесе, постоянная работа, к которой их подталкивает суровая нужда... не загоревшись желанием произвести революцию в условиях их существования, внедрив систему раздела прибыли?» — написал он в студенческой работе.

В быту он по-прежнему придерживался баптистского аскетизма: не пил, не курил, не играл в карты, не ходил в театр, даже не читал воскресных газет. Когда к нему приходили однокурсники, он угощал их крекерами с какао, делая уступку только в одном: разрешал курить в своей комнате. Вскоре по кампусу уже ходили анекдоты о Рокфеллере: как он размачивал две склеившиеся почтовые марки стоимостью два цента, как сам гладил себе брюки и пришивал пуговицы, латал посудные полотенца. По примеру отца он записывал в книжечку все свои расходы, в том числе на букеты для девушек, на пожертвования в церкви и на покупку карандаша у бродяги. «Он сказал мне, что отец готов предоставить ему столько денег, сколько он попросит, но настаивает на аккуратном отчёте за каждый пенни», — вспоминал позже один приятель Джона по колледжу. А другой рассказывал, что девушки из Провиденса много смеялись над тем, как Джон Рокфеллер-младший, угостив их содовой, записывал расход в свою книжечку, не отходя от киоска. «Вот идёт Джонни Рок, смердящий добродетелью и без единого некуплённого греха!» — глумились греховодники из кампуса.

Строгий к себе, Джон вовсе не был непримиримым в отношении других. «Здесь есть люди самого разного сорта, которые смотрят на жизнь, долг, наслаждение и загробную жизнь совершенно иначе, — писал он бабушке. — Мои мысли и представления во многом меняются, я считаю. Теперь я меньше придерживаюсь буквы закона и больше — его духа». Его избрали старостой курса, и он сумел убедить одноклассников не напиваться за общим ужином. А когда они отправились в традиционную холостяцкую поездку в Ньюпорт, Джонни согласился, чтобы они захватили с собой пиво, но предотвратил пьяный дебош. «Дорогой Джон, — писала

ему мать, — ты был нашей гордостью и утешением с самого дня своего рождения, но никогда ещё мы не были так благодарны за такого сына, как теперь: глаза твоего дорогого отца наполнились слезами радости, когда мы читали твоё письмо; он просит передать тебе, что он горд и счастлив».

Его сёстрам не удалось испытать прелестей вольной студенческой жизни; они по-прежнему томились в безвоздушном пространстве баптистских ограничений и семейных предрассудков. Бесси не помогло даже замужество, и в конце 1893 года ей вместе с 21-летней Эдит пришлось отправиться в Филадельфию — пройти курс лечения в клинике ортопедических и нервных заболеваний Сайласа Уэйра Митчелла (1829—1914) — «отца неврологии», психиатра, токсиколога, поэта, романиста, покровителя художников и знаменитости американского и европейского масштаба.

Современники сравнивали Митчелла с Бенджамином Франклином. В 1887 году Зигмунд Фрейд написал рецензию на его книгу «Лечение некоторых форм неврастении и истерии» и перенял у Митчелла метод электротерапии, а также релаксации. Митчелл считался специалистом по женским нервным заболеваниям и для лечения полностью ограждал своих пациенток от внешнего мира, запрещая общаться и даже переписываться с родственниками. Писательница-феминистка Шарлотта Перкинс Гилман обличила этот метод в своём самом известном рассказе «Жёлтые обои»: женщина, запертая в четырёх стенах и лишённая возможности заниматься какой-либо физической или умственной деятельностью, скорее сойдёт с ума, чем излечится. Впоследствии «лечение отдыхом» было испробовано на другой писательнице — Вирджинии Вулф, которая тоже его не оценила. Но Рокфеллер, единственный раз навещавший своих дочерей в феврале 1894 года, горячо одобрил программу релаксации, массажа, хорошего питания и электрической стимуляции мышц. Бесси такое лечение вроде бы действительно пошло на пользу, но Эдит потом пришлось долечиваться в коттедже на озере Саранак, штат Нью-Йорк.

В то время Рокфеллер, возможно, и сам был бы не прочь отрешиться от мира, думать только о хорошем, но ситуация не позволяла расслабиться. Весной сорокалетний мелкий бизнесмен из Огайо Джейкоб Кокси, член Народной партии, организовал марш на Вашингтон с целью заставить правительство решить проблему безработицы. 25 марта 1894 года сотня манифестантов выступила из Массилона,

штат Огайо, и прошла через Питсбург и Хомстед в Пенсильвании, постепенно пополняя свои ряды. Официально они называли себя «Армия братства во Христе», но в народе за ними закрепилось название «Армия Кокси», от которой позже отделились «армии» других «военачальников». Большинство протестующих были безработными железнодорожниками, винившими в своих бедах железнодорожные компании, денежную политику Кливленда и чрезмерные тарифы на перевозки. 21 апреля Уильям Хоган и пять сотен его последователей погрузились в поезд на дороге «Нозерн Пасифик» и отправились в Вашингтон. Поддержка, которую оказывали им по дороге, помогла им справиться с правительственными чиновниками, пытавшимися их остановить. Только возле Форсайта, штат Монтана, им преградили путь войска.

Одиннадцатого мая в городке рабочих пульмановских компаний в Чикаго в ответ на сокращение жалования при сохранении прежней платы за жильё вспыхнула стихийная забастовка. Джордж Пульман считал городок, названный его именем, образцовым, однако жители его мнение не разделяли: рабочие не могли получить в собственность дома, в которых жили, плата за газ и воду была слишком высока, компания вмешивалась во все их дела. Забастовщики прекратили обслуживать все железнодорожные составы, в которых был хотя бы один пульмановский вагон; в определённый момент благодаря профсоюзам бойкот затронул 27 штатов и 250 тысяч рабочих. Саботаж принёс убытки в 80 миллионов долларов, при подавлении мятежей погибли три десятка человек. Наконец, президент Кливленд вновь привлёк войска, и 20 июля протестное движение было подавлено. В качестве некоей уступки через шесть дней был принят федеральный закон о праздновании в первый понедельник сентября Дня труда — в ознаменование вклада рабочего движения в мощь и процветание страны. Вообще-то этот праздник существовал в штате Орегон ещё с 1887 года, но теперь его должны были отмечать все. В сентябре Рыцари труда вышли на первый парад в Нью-Йорке.

Несколькими днями ранее, 27 августа 1894 года, был принят новый закон о тарифах («тариф Вильсона—Гормана»), понизивший ставки пошлин, введённые в 1890 году Маккинли, и введший двухпроцентный налог на доходы свыше четырёх тысяч долларов в год (он затрагивал тогда менее десятой части населения). Сначала импортные пошлины на железную руду, уголь, лес и шерсть отменили

вовсе, но это рассердило американских производителей, и сторонники протекционизма в сенате под давлением сахарного лобби добавили к законопроекту более шестисот поправок, в результате чего ставки снова поднялись. Кливленд, который, таким образом, не смог сдержать своё предвыборное обещание, возмущался коварством и подлостью своей партии и подписывать закон не стал, но не помешал его вступлению в силу, считая, что это всё же лучше, чем сохранение «тарифа Маккинли».

Пока законодатели вели свои баталии, Рокфеллер принял попытку купить компанию «Шелл»; но Маркус Сэмюэл отказался продать своё детище и предпочёл вступить в переговоры с Кесслером из «Роял Датч».

Словно в компенсацию, один из проектов Колби и Хойта как будто оказался успешным. В 1891 году они купили от имени Рокфеллера девять из тринадцати рудников в местечке Монте-Кристо, штат Вашингтон, на западном склоне Каскадных гор, уплатив за них братьям Вильмансам 470 тысяч долларов. Два года ранее там обнаружили признаки золотоносных и серебряных руд и провозгласили Монте-Кристо новым эльдорадо. Слух о том, что Монте-Кристо заинтересовался Рокфеллер, побудил других бизнесменов обратить на него внимание. За три года палаточный лагерь превратился в городок с населением более тысячи жителей (из них лишь чуть больше сотни работали непосредственно в рудниках); по канатной дороге от месторождений к городу перевозили 230 тонн руды в день; в самом городке построили пятиуровневую обогатительную фабрику; обогатённую руду из Монте-Кристо везли в Хартфорд по железной дороге длиной 42 мили. Предприимчивый эмигрант из Баварии Фридрих Трамп подал заявку на золотоносный участок, но вместо рудника построил там гостиницу, в которой можно было наесться до отвала, напиться до чёртиков и купить себе ночь любви...

Тем временем к Марку Твену явился собрат по перу Генри Демаре Ллойд, писавший, по мнению Роберта Льюиса Стивенсона, «самые искусные статьи» в Америке. Ллойд был ангажированным журналистом: сам себя он называл «социалистом-анархистом-коммунистом-индивидуалистом-коллективистом-кооператором-аристократическим демократом» и посещал собрания профсоюзов в цилиндре, начищенных штиблетах и в пенсне на золотой цепочке. После того как в 1886 году он выступил в поддержку анархистов, устроивших беспорядки в Чикаго, его тесть, совладе-

лец газеты «Чикаго трибюн», где работал Ллойд, лишил его наследства и передал своё имущество в трастовый фонд на имя детей Ллойда, который теперь жил на доходы жены. Он вздумал превратить свою «Историю Великой Монополии» (1881) в солидную книгу, стал собирать протоколы судебных заседаний, опрашивал ненавистников Рокфеллера. В итоге получился объёмистый труд «Богатство против Содружества» («Wealth Against Commonwealth»), рукопись которого Ллойд и принёс Твену для издания. Автор избегал конкретных имён и названий, ограничиваясь словами «нефтяной комбинат» и т. п.; но было ясно, что он имеет в виду «Стандард ойл» и её руководство. Марк Твен наотрез отказался публиковать эту книгу. Ллойд ему сказал, что вообще уходит из издательского бизнеса (что было правдой), но своей жене признался, что не мог подложить такую свинью Генри Роджерсу, спасшему всю его семью от голодной смерти.

Ллойд обратился в издательство «Харпер и братья», которое согласилось издать рукопись, если автор подсократит текст (в итоге получилось 500 страниц), заплатит за публикацию и гарантирует продажу 1500 экземпляров. Книга вышла в 1895 году — и за год её четырежды переиздали. Ллойд рассылал свой опус американским политикам бесплатно. Один критик назвал «Богатство против Содружества» самой значительной американской книгой со времён «Хижины дяди Тома». Друзьям Ллойд хвалился, будто его выслеживают шпики «Стандард ойл», руководители которой поклялись его убить, но это были его фантазии. Джон Д. Рокфеллер книгу не читал, а на вопросы коллег ответил, что «Стандард ойл» обращает на всякую чепуху не больше внимания, чем слон на комара.

А вот дочь Альта снова доставила ему хлопот, в очередной раз влюбившись в священника — но теперь молодого и слабого здоровьем, по имени Роберт Эшворт. Надо было действовать тонко, и Джон Д. придумал, как ему поступить. В конце декабря он устроил праздничную вылазку для молодёжи в Адирондакские горы с катанием на санках и прочими зимними забавами, специально вызвав для этого Джона-младшего с его приятелями по колледжу. На фоне крепких, здоровых, заводных молодых парней хилый священник имел бледный вид, и через неделю после этой поездки Альта к нему охладела. Коварный план удался.

Альте было уже 23 года, старшая сестра замужем, за младшей начал ухаживать Гарольд Маккормик, а её личная жизнь всё никак не складывалась... Свою неудовлетворён-

ность она сублимировала в благотворительность — не финансовую, а самую что ни на есть практическую: она обходила трущобные районы и предлагала бедным программы самопомощи; учредила школу шитья для неимущих девушек на углу Десятой авеню и 55-й улицы, набрала для неё добровольных наставниц и 125 учениц; открыла небольшую частную клинику для женщин-инвалидов — в общем, проводила в жизнь теорию малых дел.

Тем временем её брат достиг совершеннолетия. На 21-й день рождения, 29 января 1895 года, отец прислал ему 21 доллар и письмо: «Мы безмерно благодарны за надежды и уверенность, которые внушает нам твоя жизнь, и не только нам, но и всем твоим друзьям и знакомым, а это стоит большего, чем все богатства на земле». Джон ответил: «Люди говорят о сыновьях, которые лучше своих отцов; но если я смогу быть хотя бы вполовину таким же щедрым, вполовину таким же бескорыстным, вполовину таким же добрым к ближним, каким был ты, моя жизнь будет прожита не напрасно».

Между тем, учась на втором курсе, он постепенно открывал для себя ранее запретные удовольствия. Сначала — танцы. Один из членов попечительского совета устроил у себя дома вечеринку с танцами. Не пойти было нельзя, пойти и опозориться — тоже, поэтому Джон тренировался в дортуаре со своим другом Леффертсом Дэшиллом. Весь вечер он протанцевал с мисс Фостер. Он страшно боялся упасть, и партнёрша, наверное, это чувствовала, потому что у него сложилось ощущение, будто она подталкивает его вверх. А вот набраться смелости и пригласить на танец хорошенькую подвижную Эбби Олдрич, которую он увидел впервые, Джонни тогда так и не смог... Но теперь он стал ходить на танцы два, а то и три раза в неделю. А по окончании учебного года Джон вместе со своим другом Эвереттом Колби, который ездил с ним зимой в Адирондакские горы, отправился в Англию и почти всю её проехал на велосипеде. В Лондоне он впервые побывал в театре, посмотрел «Два веронца», «Тётку Чарли» и «Сон в летнюю ночь». «Дома мне бы не следовало этого делать, чтобы не подавать дурной пример; но я решил, что в Лондоне, где я никого не знаю, от этого не будет вреда, и воспользовался возможностью посмотреть несколько пьес Шекспира», — оправдывался он перед матерью.

В 1895 году экономический кризис продолжался; как обычно, крупная рыба пожирала более мелкую. «Стандард ойл» уже давно не спускала глаз с семейства Меллон из

Питсбурга, пытавшегося построить собственную нефтяную империю и захватившего угрожающе большую долю экспорта. Рокфеллер опасался, что Меллоны заключат союз с французскими Ротшильдами. Но в августе они всё-таки надорвались под бременем долгов и были вынуждены продать свою трубопроводную компанию и другое имущество «Стандард ойл», в распоряжение которой попали 135 действующих нефтяных скважин. (Как раз тогда Геодезическое общество объявило о планах произвести измерения Земли; «Нью-Йорк уорлд» заметила в связи с этим, что данная информация «позволит тресту “Стандард ойл” и другим трестам узнать точные размеры своих владений».) Поскольку правительство оказалось бессильно перед монополиями, независимые производители решили сражаться с ними их же оружием: 30 нефтеперерабатывающих заводов образовали «Пьюр ойл компани» и, чтобы обеспечить себе автономию, передали половину своих акций в руки пятерых человек, поклявшихся никогда не уступать их «Стандард ойл».

Купить кого-то с потрохами ещё не значило избавиться от проблем. В 1895 году Альфред Мерритт подал на Рокфеллера в суд за мошенничество, утверждая, что во время консолидации компании тот занизил стоимость принадлежавшей ему доли в месторождении Месаби. Поскольку за это время был-таки найден способ приспособить плавильные печи к порошковой руде, акции комбината взлетели до небывалых высот. Мерритты выставили себя невинными простаками, обманутыми коварным магнатом; суд должен был заседать в Дулуте, и Рокфеллер, опасаясь предвзятости местных присяжных, нанял газетчика из Миннесоты, чтобы тот настроил общественное мнение в его пользу, а также увеличил пожертвования баптистским организациям штата. Но федеральный суд всё равно вынес решение в пользу Мерриттов, приговорив Рокфеллера к выплате им 940 тысяч долларов в возмещение ущерба. Рокфеллер подал апелляцию, и решение было отменено. Но два года спустя он всё-таки выплатил Мерриттам 525 тысяч во внесудебном порядке, и те публично заявили, что снимают свои претензии. «Мы договорились и заплатили деньги, чтобы не оказаться ограбленными двенадцатью справедливыми и добрыми людьми (то есть присяжными. — *Е. Г.*), поскольку не могли обратиться в вышестоящий суд», — пояснил свой поступок Джон Д., не скрывая сарказма.

Куда больше он был огорчён и уязвлён письмом, полученным в апреле 1895 года от Джеймса Корригана, продав-

шего ему в феврале свои акции «Стандард ойл» по рыночной цене — 168 долларов за штуку (этот пакет Рокфеллер распределил между своими коллегами). Не прошло и месяца, как цена акций повысилась до 185 долларов, и Корриган тоже решил, что Рокфеллер его облапошил. Вот и делай после этого добро людям.

В это время известный художник Джонатан Истман Джонсон (1824—1906) работал над портретом Джона Д. Рокфеллера, заказанным ему Чикагским университетом. Манера письма Истмана Джонсона была глубоко реалистичной, его портреты отличались психологической глубиной и точностью деталей (чувствовалось влияние фламандских и голландских мастеров XVII века, ведь в юности он учился в Гааге). В своё время ему позировали Джон Квинси Адамс, Авраам Линкольн, Генри Лонгфелло, и вот теперь он всматривался в черты самого богатого американца. На картине моложавый мужчина сидит, нога на ногу, боком на стуле, опершись правым локтем на спинку и непринуждённо сцепив длинные тонкие пальцы. Это не парадный портрет, Джон Д. изображён таким, каким и был в реальной жизни. Интерьер лишь слегка намечен: тёмный фон, уголок письменного стола, простой, лёгкий бамбуковый стул — вероятно, это кабинет. Чёрный пиджак с выглядывающим из нагрудного кармана платком, тёмно-серые брюки, аккуратно повязанный галстук и до блеска начищенные ботинки: скромность, простота, элегантность без излишеств и лоска. Высокий чистый лоб с явственно обозначившимися залысинами, чёткий овал лица; густые усы прикрывают складку рта; взгляд умных светлых глубоко посаженных глаз направлен не прямо на зрителя, а слегка в сторону, поэтому его не перехватить, не прочитать.

В октябре 1895 года, когда портрет уже был готов, Фредерик Гейтс приехал в Чикаго с письмом от Рокфеллера, который передал в фонд университета ещё три миллиона долларов. Вскоре после этого президент университета Харпер отправился на матч по американскому футболу между командами Чикаго и Висконсина (Чикагский университет первым из американских вузов обзавёлся кафедрой физической культуры). В первом тайме команда Чикаго проигрывала 10:12. Харпер спустился к тренеру Эймосу Алонзо Стаггу, создателю кафедры физкультуры, и сообщил ему о письме. В перерыве тот отвёл его в раздевалку, и Харпер повторил новость уставшим и слегка обескураженным игрокам. «Три миллиона долларов! — взревел капитан команды

и в восторге хлопнул другого игрока по спине. — Посмотрите, как мы играем в футбол!» Словно заново родившись, команда высыпала на поле и разгромила Висконсин со счётом 22:12. Вечером студенты разожгли в кампусе праздничный костёр и пели гимны в честь Рокфеллера: «Его послал сюда Господь, и имя его Джон». Сетти вполне разделяла это мнение: её юношеская влюблённость в мужа с годами переросла в почти религиозное поклонение.

А вот семейная жизнь Генри Флаглера превратилась в настоящий ад. Ида Алиса увлеклась спиритизмом, раздобыла себе «говорящую доску» и часами общалась с духами, убедив себя, что в неё безумно влюбился русский царь. В октябре 1895 года она обвинила мужа в попытке отравить её и пригрозила его убить; её посадили в сумасшедший дом в Плезантвилле, штат Нью-Йорк. Весной доктора объявили её излеченной, она вернулась к Генри. Они провели несколько счастливых недель в поместье Флаглера Сатанстое* под Мамаронекком, штат Нью-Йорк, катаясь на велосипедах, гуляя по саду и читая друг другу. Но потом Ида Алиса подкупила служанку, чтобы та выкрала для неё «говорящую доску», и всё закрутилось по новой. В марте 1897 года она набросилась с ножницами на доктора, и её вернули в Плезантвилл; там она взяла себе новое имя — «княгиня Ида Алиса фон Шоттен Тек»; с Флаглером она больше не виделась. В личной жизни Генри Роджерса тоже произошли перемены: в 1894 году он овдовел, а в 1896-м снова женился — на разведённой светской львице Амели

* Джеймс Фенимор Купер описал его в одноимённом романе (1845): «Этот перешеек находится близ известного узкого морского пролива, отделяющего остров Манхэттен от острова Лонг-Айленд; пролив этот носит название Адских Врат, и предание гласит, что однажды дух тьмы, будучи выброшен за дверь одной таверны Новой Голландии, нёсся над этим проливом, вследствие чего в нём появились бесчисленные рифы, мели, омуты и водовороты, сильно затрудняющие проход судов. Там, где в пролив вдавался клочок земли, бегущий Сатана ступил ногой, и это место явилось как бы отпечатком большого пальца его ноги; с той поры это место называется Сатанстое, то есть Чёртов Палец. <...> В сущности, поместье Сатанстое не что иное, как большая ферма в прекрасном состоянии; все постройки, не исключая даже сараев и амбаров, каменные; стены ограды могли бы с честью служить стенами крепости или форта; сам дом не уступал по красоте красивейшим домам колонии и имел фасад в семьдесят пять футов длины при тридцати футах высоты» (перевод А. Энквист). Флаглер построил пирс и волнорез, разбил сады и очень дорожил этим поместьем, где у него гостили Джон Д. Рокфеллер, Генри Роджерс и Джон Арчболд.

«Да будет свет — по моей цене за галлон»: аллегорическое изображение богатого Рокфеллеровского университета со светильником, заправленным «Стандард ойл», и независимого университета, дающего яркий свет знаний. Эскиз

Августе Рэндел Харт. Рокфеллеры же праздновали свадьбы своих детей.

Богатые родители всегда опасаются, что их дочь угодит в сети ловкого охотника за приданым, а сын женится на аферистке, которой нужны только его деньги. Поэтому Рокфеллеры старались, чтобы молодёжь знакомилась и общалась в своём кругу. Уильям Рокфеллер тесно сошёлся с Джеймсом Стилманом; совместными усилиями они превратили «Нэшнл сити банк» в самый большой банк Нью-Йорка. «Мне нравится Уильям, потому что нам с ним нет нужды говорить, — отмечал Стилман. — Мы часто сидим молча с четверть часа, прежде чем один из нас нарушит молчание». При этом они сильно отличались характерами. Стилмана на Уолл-стрит называли «человеком в железной маске»: суровый, мрачный, молчаливый (если не считать сардонических замечаний); он прогнал свою жену и запретил пятерым детям упоминать её имя. (Однажды девочки получили от неизвестного отправителя из Европы по паре одинаковых серёжек и догадались, что это подарок от матери.) Рокфеллер же, при всей своей деловой хватке, был добродушным бонвиваном. Кстати, его старший брат недолго любил Стилмана и отказывался участвовать во многих сделках Уильяма, если подозревал, что за ними стоит Стилман. Впрочем, это не помешало желанию партнёров породниться.

Любимицей Стилмана была младшая дочь Изабель, с которой он советовался даже о делах. Поэтому именно её, а не старшую Элси, он якобы вызвал к себе первой и предложил выбрать кого-нибудь из сыновей Уильяма Рокфеллера. Этот матримониальный бизнес-проект вполне устраивал обеих девушек, мечтавших выйти замуж, чтобы избавиться от отцовской тирании. (В детстве они должны были по утрам выстраиваться вместе с братьями вдоль стены у входа и смотреть, как отец уходит на работу.) Изабель выбрала младшего, Перси, потому что он был высокий, красивый и весёлый. Элси достался Уильям.

Свадьбу Элси устроили 21 ноября 1895 года в Роквуд-холле, в тропическом саду. Репортёры писали о роскошных подарках, в том числе серебряной вазе от президента Гровера Кливленда и бриллиантовых колье и диадеме от Уильяма и Миры. Лора и Джон Д. преподнесли картину. После медового месяца молодожёны переехали в полностью меблированный особняк, предоставленный отцом новобрачной.

В том же месяце Джон Д. выдал замуж младшую дочь Эдит, которая завершила курс лечения от депрессии и мечтала стать хозяйкой элегантного дома. Гарольд Маккормик, недавно окончивший Принстонский университет, обладал атлетической фигурой и мечтательными ярко-голубыми глазами, носил запонки с драгоценными камнями и яркие жилеты. Трудно сказать, почему он настолько пришёлся по сердцу будущим тестю и теще, что ему даже разрешали курить в присутствии Сетти. Единственный минус — Гарольд не отказывал себе в выпивке. Рокфеллер несколько раз пытался убедить его сделаться трезвенником, но тот уверял, что «свою норму знает». Впрочем, незадолго до свадьбы он временно стал абстинентом, чтобы сделать приятное будущему родственнику и хотя бы таким образом поддержать его морально, поскольку Рокфеллер опять начал получать по почте угрозы.

Свадьба должна была состояться в баптистской церкви на Пятой авеню, но Гарольд простудился, и церемонию перенесли в отель «Букингем». Перед самым бракосочетанием Рокфеллер позвал к себе дочь, сказав, что им нужно в последний раз поговорить по душам, и с величайшей серьёзностью высказал ей свою «тщательно обдуманную просьбу»: пообещать, что в её доме никогда не будут подавать спиртное. «Да, конечно, папа», — весело рассмеялась Эдит, позабавленная тем, с какой торжественностью отец говорит об очевидных вещах. Рокфеллер подал ей руку и повёл к алтарю. На голове у Эдит была бриллиантово-изумрудная диадема, подарок жениха. (А вот свадебное платье родители могли бы справить и побогаче, считала она.) В прессе её окрестили «принцессой Стандарт ойл», а Гарольда — «принцем Интернэшнл харвестер».

Проведя медовый месяц в Италии, молодые поселились в большом каменном доме в Чикаго, обнесённом высокой железной оградой. Тогда-то и оказалось, что пороки, которые Рокфеллер старался искоренить в своих детях (тщеславие, себялюбие, необузданность в желаниях), Эдит только подавляла в себе до поры до времени. Теперь же чикагское общество заговорило о её «королевских» замашках. Гостей миссис Рокфеллер-Маккормик (Эдит не стала расставаться с девичьей фамилией) встречали лакеи и провожали через анфилады роскошных комнат, блиставших позолотой канделябров и картинных рам. Эдит решила, что Рокфеллеры происходили от аристократического французского рода

Ларошфуко*, поэтому в доме всё было выдержано во французском стиле. На ужины порой приглашали до двухсот гостей; каждый получал меню и карточку с указанием его места, напечатанные на французском языке. Столовый сервиз из позолоченного серебра некогда принадлежал Бонапартам. В великолепной гостиной в стиле ампир стояли четыре кресла Наполеона Бонапарта: на спинках двух из них была буква N, а на двух других — В. В спальне стояла кровать в стиле Луи-Сез (Людовика XVI), а на туалетном столике Эдит — золотая шкатулка, подаренная Наполеоном его второй жене Марии Луизе Австрийской. И всё же её вечерам недоставало «изюминки». Гарольд дал жене простое объяснение: «Дорогая, разве ты не понимаешь, что молодые чикагцы, у которых в жилах кровь, а не вода, привыкли к спиртному? Они просто обязаны получить свои коктейли, вино, виски с содовой и ликёры». Но никто из детей Рокфеллера, поклявшихся в чём-то отцу, не мог нарушить слово. Эдит решила найти замену выпивке: в её доме будут упиваться музыкой и искусством. Она познакомилась с художниками и музыкантами, разделяла любовь Гарольда к опере, и зачастую званые вечера превращались в концерты. Опаздывать на них было нельзя: Рокфеллер передал своим детям маниакальную пунктуальность. На столе возле Эдит стояли небольшие часы, инкрустированные драгоценными камнями; по истечении определённого времени она нажимала на кнопку, и лакеи мгновенно производили смену блюд, порой забирая у гостей тарелки с недоеденным кушаньем.

Альта безумно завидовала сестре — не стилю её жизни, а положению любящей и любимой жены. (24 февраля 1897 года Эдит родила первенца, Джона Рокфеллера-Маккормика.) Уже на свадьбе она призналась брату, что не может искренне радоваться счастью Эдит. Словно в насмешку в декабре ещё одна мисс Рокфеллер вышла замуж: кузина Эмма сочеталась браком с доктором Дэвидом Макалпином из госпиталя «Бельвью».

Дэвид происходил из старинного рода нью-йоркских коммерсантов, которые в тот момент достраивали на Геральд-

* Позже возникла легендарная генеалогия, согласно которой предками Рокфеллеров были французские гугеноты по фамилии Рокфёй (Roquefeuille), проживавшие в одноимённом замке в Лангедоке, под Жювиньяком, но были вынуждены бежать из Франции в Германию после отмены Людовиком XIV Нантского эдикта о свободе вероисповедания в 1685 году. Однако германские корни Рокфеллеров прослеживаются ещё с XVI века.

сквер отель «Макалпин», самый большой в мире. Основной доход они получали от табачной продукции. Мира Рокфеллер радовалась, что дочери удалось подцепить такого жениха. «Ты не блестящая особа, как и твоя мать, но я чувствую, что любого мужчину, которого ты выберешь, можно искренне поздравить», — написала она Эмме. Уильям же предупредил будущего зятя, что Эмма упрямая и своенравная (это было правдой). Сетти пыталась уверить себя, что Макалпин — «молодой человек глубоко религиозного склада, с тонким музыкальным вкусом, к тому же... кое-что сделал, чтобы помочь миру». Четыре сотни гостей доставили на станцию в частных вагонах, бронированных Уильямом, а оттуда отвезли в каретах к Роквуд-холлу. Церемония состоялась в музыкальном салоне, под готическим цветочным пологом. Веранду застеклили — там разместился оркестр из сорока музыкантов. Джон Рокфеллер-младший был одним из семи распорядителей, занимавшихся гостями. Подробное описание свадьбы любопытствующие могли прочесть на страницах «Нью-Йорк таймс».

Трудно сказать, думал ли тогда Джон о том дне, когда и он, с белым цветком в петлице, возьмёт за руку девушку в фате, услышит от неё «да» и наденет ей на палец кольцо... Наверное, все молодые люди мечтают о подобном. А мечты «младшего» со временем принимали всё более конкретные очертания.

Эбби Олдрич, с которой он всё-таки познакомился, была не просто хорошенькая — она была красавица, высокая, статная, с изящными манерами и безупречным вкусом. Дочь сенатора, она часто играла роль хозяйки дома во время приёмов в Вашингтоне, на которых она кого только не перевидала — от сенатора Маккинли до вдовы генерала Джорджа Кастера. Уверенная в себе, Эбби сумела передать эту уверенность робкому, застенчивому Джону. «Она обращалась со мной так, словно я умел всё на свете, и её отношение сослужило мне добрую службу», — вспоминал позже Джон.

Предком Эбби по линии матери, Абигейл Пирс Труман Чапмен, являлся один из пилигримов, прибывших в Америку на корабле «Мэйфлауэр», а её отец, Нельсон Уилмарт Олдрич, хотя и был сыном работника с мельницы, утверждал, что он потомок Роджера Уильямса, основателя колонии Род-Айленд. Выбившись из бедности, сенатор Олдрич продолжал её бояться и 30 лет держался за своё кресло, которое впервые получил в 1881 году, поскольку именно

должность (член финансового комитета) была основой его благосостояния: к концу жизни он скопил 16 миллионов долларов, построил себе замок в 99 комнат и яхту с восьмью каютами и экипажем из двадцати семи человек. Когда особо ретивые журналисты нападали на него в прессе, Олдрич придерживался правила: «Ничего не отрицать, ничего не объяснять». Кстати, он был масоном и являлся казначеем Великой ложи Род-Айленда. Своих восьмерых детей он всячески баловал: подарки, вечеринки, игры, балы... С Эбби он играл в бридж и даже в покер. Кроме того, сенатор коллекционировал старинные книги, мебель, ковры, предметы искусства, и Эбби знала назубок собрания всех европейских картинных галерей, читала Диккенса, Джейн Остин и Джорджа Элиота.

Благодаря Эбби Джон понял, что от жизни можно получать удовольствие. Они ходили на танцы, на футбол, катались на двухместном велосипеде и на лодке, а по воскресеньям посещали церковь. Когда они шли рядом по улице, Эбби совершенно естественным образом грызла печенье, которое доставала из кармана у Джона. К весне третьего курса молодой Рокфеллер был уже почти своим на Беневолент-стрит, где жили Олдричи. Однажды он обмолвился, что собирается летом поехать с Альтой в круиз по норвежским фьордам. Несколько недель спустя сенатор купил билеты для себя с женой и двух дочерей на тот же самый пароход, и во время круиза они встречались за ужином. С возобновлением занятий осенью Джон и Эбби встречались так часто, что поползли слухи об их скорой свадьбе. Но Джону-младшему ни одно решение не давалось легко. Он должен был всё как следует взвесить, обдумать... И потом — что скажет отец?

Уйти красиво

Гровер Кливленд не выставил свою кандидатуру на новых президентских выборах, понимая, что шансов у него никаких. Кандидатом от демократов стал адвокат и бывший конгрессмен Уильям Дженнингс Брайан. 9 июля 1896 года он произнёс речь в поддержку биметаллизма и против золотого стандарта: «Вы не распнёте человечество на золотом кресте», — попутно обвинив в экономической депрессии промышленных магнатов. Речь нашла широкий отклик у популистов; предвыборная кампания Брайана стала «кре-

стовым походом рабочего класса против богатых». Республиканцы выдвинули ему в соперники Уильяма Маккинли, опиравшегося на бизнесменов, успешных фермеров и квалифицированных рабочих.

Летом, когда оказалось, что за Брайана весь Юг, Запад и частично центр страны, республиканцам пришлось срочно разрабатывать новую стратегию. Избирателям нужно было разъяснить сложные вопросы денежной политики, выставить Брайана фанатиком, а Маккинли — трезвомыслящим спасителем отечества, несущим ему процветание за счёт протекционизма. Глава предвыборного штаба Марк Ханна объезжал финансистов и промышленников с предупреждением: если ничего не предпринять, победит Брайан, экономика рухнет окончательно, а анархисты совсем распояшутся. А для победы Маккинли нужны деньги. Как вы думаете, какая сумма спасёт надежду американской демократии? Согласитесь, торг здесь неуместен. Отлично, можно выписать чек. «Стандард ойл» передала в избирательный фонд Маккинли 250 тысяч долларов; Рокфеллер отослал школьному другу Ханне две с половиной тысячи от себя лично с запиской: «Не вижу ничего другого, что бы мы ещё могли сделать ради нашей страны и нашей чести». Таким образом Ханна собрал три с половиной миллиона долларов, два из которых были потрачены в Иллинойсе с вечно бурлящим Чикаго. Брайану же удалось собрать только полмиллиона — за счёт дельцов, заинтересованных в добыче серебра; финансисты с северо-востока, традиционно поддерживавшие демократов, ему отказали.

Бенджамин Эндрюс, президент Брауновского университета, где учился Джон Рокфеллер-младший, высказался за свободную чеканку серебряных денег — и потерял работу. Генри Демаре Ллойд, в своё время получивший от Эндрюса похвальный отзыв на свою книгу «Богатство против Сообщества», сразу увидел в этом увольнении руку Рокфеллера: тот якобы дал понять членам опекунского совета, что, пока во главе университета стоит Эндрюс, денег от него они не получат. Какие ещё доказательства? Это же очевидно.

Партийные активисты республиканцев устраивали митинги, факельные шествия, распространяли миллионы брошюр с восхвалением Маккинли и нападками на Брайана. Напечатали даже фальшивые доллары с портретом Брайана и надписью «Мы верим в Бога... и остальные 53 цента» — так сторонники золотого стандарта старались доказать, что бумажный доллар будет стоить всего 47 центов, если станет

обеспечиваться не золотом, а серебром*. Брайан сосредоточил внимание на колеблющихся штатах, Маккинли же вёл наступление по широкому фронту — и в итоге получил большинство голосов и избирателей, и выборщиков при 90-процентной явке. Марк Ханна, которого журналисты прозвали Доллар Марк, отбил ему телеграмму: «Бог есть. С миром всё в порядке». Вскоре он объявит во всеуслышание, что, пока у власти республиканцы, никакой анти-монопольный закон Шермана не будет вставлять палки в колёса американской экономики.

К тому времени Джон Д. Рокфеллер уже отошёл от главного дела своей жизни: паровоз «Стандард ойл» поставлен на прочные рельсы, все механизмы отлажены и прекрасно работают — пусть теперь люди помоложе бросают уголь в топку. Как позже напишет Фредерик Гейтс в книге «Секрет характера и успеха мистера Рокфеллера», бизнес «перестал его забавлять: ему недоставало свежести и разнообразия, теперь он вызывал только раздражение». Ещё 4 июня 1896 года в конце письма Арчболду Рокфеллер приписал: «Буду очень рад в любое время узнавать о любых новостях, важных для дела, если это не слишком Вас беспокоит или если Вы сообразоволите позвонить мистеру Роджерсу».

Джон Д. в полной мере наслаждался жизнью на природе в Форест-Хилле, где становился совершенно другим — весёлым, общительным, раскованным. Продолжал свои

* Шестнадцатого августа 1896 года золотоискатель Джордж Кармак ехал вместе с женой — индианкой из племени тагиш, её братом и их племянником вдоль реки Клондайк. По совету канадского коллеги Роберта Хендерсона они начали искать золото на впадающем в Клондайк ручье Бонанза, который тогда назывался Кроличьим. Нашёл его, возможно, один из индейцев, но родственники решили, что будет лучше, если заявку подаст белый человек. Кармак застолбил четыре участка: два для себя (один полагался ему как награда нашедшему месторождение) и по одному для шурина Скоокума Джима и племянника Доусона Чарли. На следующий день он зарегистрировал их в полицейском участке, и новость быстро разлетелась по долине реки Юкон. К концу августа весь ручей Бонанза поделили на участки, а ещё один золотоискатель обнаружил новые месторождения на одном из его притоков и назвал его Эльдорадо. Началась торговля участками по спекулятивным ценам. До Сёркл-Сити на Аляске весть о найденном золоте докатилась только к Рождеству. Несмотря на зимний холод, люди тотчас устремились на Клондайк на собачьих упряжках в надежде успеть застолбить участки получше. Канадские чиновники уведомили о происходящем Оттаву, однако правительство не уделило их сообщению должного внимания. Настоящая «золотая лихорадка» началась только в июне 1897 года, когда реки вскрылись ото льда.

ландшафтные преобразования, устраивал пикники для родных, соседей и близких друзей. Наконец-то он мог жить как «нормальный» человек.

Джон-младший учился на последнем курсе. Его сделали менеджером университетской команды по американскому футболу, и Рокфеллер-старший, никогда прежде не бывавший на футбольном матче, поехал в Нью-Йорк посмотреть на игру между «Брауном» и «Карлайл индианс». Сначала он спокойно наблюдал за действием, но потом пришёл в такое возбуждение, что спустился с трибуны к полю и стал бегать с тренерами вдоль боковой линии — в цилиндре и чёрном сюртуке. Капитан команды поручил одному линейному игроку объяснить ему правила, и уже через пять минут Рокфеллер, гений тактических манёвров, производил впечатление человека, постигшего игру до тонкостей. Над сыном же его постоянно подтрунивали, поскольку он не владел спортивной терминологией. Кроме того, всех по-прежнему веселила его «скаредность». Однажды нападающий попросил у него новую пару шнурков, и Джонни воскликнул: «А куда ты девал ту, что я выдал тебе на прошлой неделе?!»

Чтобы отблагодарить однокурсников за доброту к нему, Джон-младший попросил родителей устроить в Провиденсе танцевальный вечер. Танцы?! Сетти была шокирована. Она договорилась с мужем, что это будет *музыкальный* вечер: Мендельсон, Бах, Шопен, Лист — ну а потом можно потанцевать. На разосланных приглашениях слово «танцы» было напечатано мелкими буквами в нижнем левом углу. В назначенный вечер у миссис Рокфеллер так разболелась голова, что она ушла к себе в номер и не показывалась оттуда. Рокфеллер-старший, во фраке и в белых перчатках, один встретил три сотни гостей, найдя для каждого любезное слово и улыбку.

Как бы то ни было, совсем не вспоминать о делах не получалось, ведь портфель инвестиций Рокфеллера был просто огромным, и перепоручить Гейтсу решение всех без исключения вопросов он не мог. Однако теперь он уже не вникал во все детали, придерживаясь того самого правила, которое в своё время установил для «Стандард ойл»: не делай того, что может сделать за тебя другой. Когда Рокфеллер оказался владельцем нескольких миллионов тонн железной руды с месторождения Месаби и железной дороги, он столкнулся с группой судовладельцев-вымогателей с озера Верхнего, заломивших немислимые цены за фрахт.

Джон Д., как это уже часто бывало, взял на работу одарённого молодого человека из стана врага — Сэмюэла Матера, зятя Амаасы Стоуна из Кливленда.

После десятиминутного разговора с Рокфеллером Матер вышел из дома на Западной 54-й улице с заданием построить за три миллиона долларов 12 грузовых судов, самых больших на Великих озёрах. Больше они не встречались, Матер действовал самостоятельно. Предвидя, что верфи пожелают нажиться на крупном заказе, он сделал вид, будто ему нужно построить только один или два парохода, и объявил тендер. Подрядчики выстроились в очередь, сбивая цену, чтобы заполучить контракт, а потом с удивлением узнали, что контракты заключили с каждым из них. Кроме того, на озере Верхнем построили специальные доки и длинную железную дорогу на опорах, вдающихся в воду на сотню метров. В итоге перевозка руды обходилась Рокфеллеру в 80 центов за тонну, тогда как судовладельцы требовали за тот же объём 4,2 доллара.

Но на этом Матер счёл свою миссию выполненной — управлять построенной им флотилией он отказался. Рокфеллер попросил Гейтса подыскать надёжную фирму, но тот предложил заняться этим делом самим. «Вы что-нибудь понимаете в пароходах?» — удивился Рокфеллер. «А зачем?» — парировал Гейтс. Вот у него, например, есть дядя, Ламонт Монтгомери Бауэрс. «Он живёт на севере штата, никогда в жизни не поднимался на корабль. Возможно, он не отличит нос от кормы, а якорь от зонтика; но он умён, честен, предприимчив, энергичен и бережлив». Бауэрс чем только не занимался: торговал мылом, управлял агентством недвижимости в Омахе, держал бакалейную лавку в Нью-Йорке... Через него Джон Д. купил 56 стальных судов и стал владельцем самой большой в мире флотилии сухогрузов. Теперь уже он устанавливал тарифы на перевозку на озере Верхнем, и это побудило Эндрю Карнеги основать соперничающую Питсбургскую пароходную компанию.

В 1896 году пресса распускала слухи, что Рокфеллер намерен построить в Кливленде или в Чикаго огромный металлургический комбинат, создать стальной трест наподобие «Стандард ойл» и вызвать Карнеги на поединок — конечно, в переносном смысле. (Эти двое, похожие, как зеркальное отражение, терпеть не могли друг друга. На Рождество Рокфеллер посылал Карнеги хлопчатобумажный жилет, которыми одаривал своих гостей в Форест-Хилле, а Карнеги ему — бутылку лучшего виски, зная, что Рокфеллер не

пёт.) 19 миллионов долларов, вложенных Рокфеллером в месторождение Месаби, как будто говорили в пользу этого предположения. Карнеги, злившийся на самого себя за проявленную близорукость, отводил душу, коверкая фамилию соперника: Рокафеллоу, Горефеллер, Впрокфеллер... Но в декабре 1896 года ему пришлось согласиться на крупную сделку: он пообещал забрать всю продукцию рокфеллеровских шахт (как минимум 600 тысяч тонн руды) по цене 25 центов за тонну и перевезти всё это плюс ещё 600 тысяч тонн руды из собственных шахт по рокфеллеровским железным дорогам и на его судах. Карнеги дал слово не приобретать новые участки на месторождении Месаби-Рейндж и не заниматься транспортировкой железной руды, а Рокфеллер в ответ отказался от мысли о металлургическом комбинате. Союз двух титанов разорил мелких производителей, а за оставшиеся участки Месаби разгорелась настоящая драка. Акции, которые Рокфеллер купил в 1894 году по десять долларов за штуку, теперь поднялись в цене до 50 долларов, а к 1901 году котировались уже по 100*.

Знакомая ситуация... В июле 1897 года Джеймс Корриган подал на Рокфеллера в суд, выставив себя жертвой обмана: якобы в 1895 году его вынудили продать акции за бесценок. Столь продолжительный срок между «преступлением» и своим демаршем он объяснил, прикинувшись простаком: пойдя попробуй вручить Рокфеллеру повестку. Но, скорее всего, он дождался, пока акции «Стандард ойл» подскочат в цене до 350 долларов за штуку (Арчболд щедрой рукой раздавал дивиденды). Корриган выставил ультиматум: пусть Рокфеллер либо вернёт ему его акции, либо заплатит за них по 500 долларов. Фрэнк Рокфеллер принял сторону своего друга (а сам при этом занял у брата ещё 130 тысяч). Он появлялся то на Бродвее, 26, то на веранде дома в Форест-Хилле и требовал встречи с Джоном, тот же соглашался принять брата только в присутствии секретаря, чтобы тот записывал их разговор. Суд назначил мировых посредников, которые получили доступ к бухгалтерским

* Золотые рудники в Монте-Кристо ждала иная судьба. Тамашние дела шли прекрасно до ноября 1896 года, когда железнодорожные пути и туннели повредило и частично смыло наводнением. На следующую осень новое стихийное бедствие нанесло урон самим рудникам, вся прибыль ушла на их восстановление. Постепенно Монте-Кристо начал пустеть; блеск золота теперь манил рабочих в другие места, и с началом «золотой лихорадки» они ринулись на Клондайк. К 1907 году Монте-Кристо превратится в город-призрак.

книгам «Стандард ойл» и пришли к выводу, что Рокфеллер действовал безупречно. Но, как говорится, осадочек остался. «Джон, никогда не одалживай денег друзьям — это испортит вашу дружбу», — написал Рокфеллер сыну.

В сентябре у него снова возникли проблемы со здоровьем, вызванные, скорее всего, нарушением кровообращения. Доктора настоятельно советовали ему окончательно отрешиться от дел. «Я не считаю себя больным, — писал Джон Д. одному родственнику, — но прислушаюсь к этому небольшому предупреждению, потому что здоровье — прежде всего». Он с Сетти отправился в Покантико, куда к ним приехала беременная Бесси. (Они уже два года жили с Чарлзом в Нью-Йорке, потому что чикагский климат оказался ей вреден; Джон Д. приплачивал Чарлзу тысячу долларов в год, чтобы тот никуда не уезжал.) Когда родилась Маргарет, Рокфеллер объявил выходной для всех рабочих, трудившихся в его поместье.

Если Джон Д. верил в целительную силу отдыха, простой пищи и физического труда на вольном воздухе, то Фредерик Гейтс, перенёсший той весной серьёзное заболевание, крепко задумался об уровне развития американской медицины. Это ведь всё-таки наука, не так ли? Летом, отдыхая с семьёй в Катскильских горах, Гейтс прочитал толстенную книгу «Принципы и практика медицины», написанную известным врачом Уильямом Ослером (в 1873 году тот открыл тромбоциты, три года спустя — новый вид глистов-нематод, в 1892-м описал симптомы бронхиальной астмы и «слизистого колита»). Гейтса потрясло, что автор, описывая множество заболеваний, не в состоянии назвать их причину и способен назначить лечение только для четырёх-пяти. (Ослер известен своими изречениями: «Одна из главных обязанностей врача — научить людей не принимать лекарства» и «Опытный врач выписывает одно лекарство от двадцати болезней».) На дворе — конец XIX века! В Париже с 1888 года существует Институт Луи Пастера, в Берлине с 1891 года — Институт Роберта Коха; престиж европейской медицины резко возрос, а чем Америка хуже? Между тем медицинские вузы в США — практически коммерческие заведения, в которых преподают лечащие врачи, а не учёные; для поступления туда даже не требуется иметь соответствующий уровень образования. Доколе же мы будем лечиться наугад, бабушкиными средствами и настоями ярмарочных шарлатанов?.. Об этом Гейтс написал Рокфеллеру, побуждая его учредить научно-исследовательский

медицинский институт и поручить это дело Старру Мёрфи. Джон Д. на записку не ответил, но Гейтс уже достаточно хорошо его знал, чтобы понять: Рокфеллер думает*.

Первого октября 1897 года в подъезд дома 26 на Бродвее вошёл Джон Рокфеллер-младший, недавно окончивший колледж. Поднялся на девятый этаж и занял место за дубовым столом с откидной крышкой в аскетичной и слегка обшарпанной конторе, занимавшейся внешними инвестициями его отца, а также благотворительностью. Тут же работали Фредерик Гейтс, Джордж Роджерс и телеграфистка миссис Татл, в обязанности которой входило, кроме прочего, вскрывать письма с угрозами, а таких было немало. Зарплата молодого специалиста составляла шесть тысяч долларов в год, которые выплачивал его отец. То есть Джон всё ещё был мальчиком, сынком, и это его совсем не устраивало. Он отказался от предложений продолжить учёбу на юридическом факультете или отправиться в путешествие вокруг света: «Я чувствовал, что у меня нет времени ни на то, ни на другое, и если я хочу помогать отцу в делах, чем раньше я начну учиться под его руководством, тем лучше». К тому же они по-прежнему жили под одной крышей. Но не тут-то было: «Отец не обмолвился ни единым словом о том, что мне следует делать в конторе, пока я не начал там работать, да и потом тоже. Более того, он ничего не сказал по этому вопросу другим сотрудникам, насколько мне удалось узнать. Он явно хотел, чтобы я сам выбрал свой путь».

Поскольку Джон не знал ни своих обязанностей, ни своих прав, поначалу он занимался всякими мелочами — например, наполнял чернильницы. Потом начал подписывать бумаги за отца. Отец не возражал, значит, так и надо. Первое поручение, которое Джон-младший получил от Джона-старшего, — проследить за созданием и перевозкой гранитного обелиска для семейного участка на кливлендском кладбище (он был таким громоздким, что пришлось зафрахтовать два вагона). Потом выпускник колледжа Брауновского университета подбирал обои для родительских

* Гейтс надеялся основать медицинский институт при Чикагском университете, но Харпер разрушил его планы, объединившись в 1898 году со старейшим в Чикаго медицинским училищем имени Бенджамина Раша. В то время медики разделились на поборников новомодной гомеопатии (приверженцем которой был и Рокфеллер) и сторонников аллопатии (классической медицины), методов которой придерживались в училище Раша. Гейтс же считал лженаукой и то и другое и ратовал за научный подход к медицинским исследованиям.

домов, продавал старые дроги и экипажи, управлял недвижимостью Рокфеллеров в Кливленде. Всё это, конечно, нужные дела, но разве в этом его предназначение? Не за это же платить такие деньги! Между тем отец, как обычно, был прекрасно осведомлён о том, что делается на Бродвее, 26, и часто за ужином, извинившись перед гостями за смену темы, начинал расспрашивать сына, как прошёл день. Его пронизательные вопросы и были наставничеством в бизнесе — без принуждения. Кстати, отец и сын часто расходились во взглядах, и Джон Д. уже начинал по-стариковски ворчать: «Мальчишки поступают в колледж, а когда приходят оттуда, то всё-то они знают и о бизнесе, и обо всём другом».

По счастью, рядом с Джоном был Фредерик Гейтс; они вместе объезжали железорудные месторождения в Миннесоте и строевые леса на северо-западном побережье Тихого океана, а по дороге, в поезде, разыгрывали скрипичные дуэты. Гейтс приглашал Джона на совещания, вводил в курс разных дел, и уже через три месяца после начала работы Рокфеллер-младший вошёл в правление Чикагского университета. Желая добиться успеха хоть в чём-нибудь, он решил попробовать поиграть на бирже. Чтобы обучить Джона и Альту искусству вложения денег, отец стал давать им займы под шесть процентов для покупки ценных бумаг. В первый год Джон заработал несколько тысяч долларов и, как все новички, поверил в свою удачу и стал повышать ставки...

Ему бы следовало проявить осторожность, поскольку перед глазами был дурной пример — дядя Фрэнк. В 1898 году Джон Д. сообщил Уильяму, что Фрэнк теперь ему угрожает, и попросил вмешаться. Долгие увещевания пьяного Фрэнка ни к чему не привели. Тот считал, что раз его брат настолько богат, он просто обязан простить ему все долги. Джон был с этим не согласен. Они в последний раз прошлись вместе по улице, и Джон Д. сказал: «Фрэнк, я всегда был тебе братом». Больше они не общались. Чтобы подчеркнуть, что этот разрыв окончательный, Фрэнк велел выкопать гробы двух своих детей, умерших во младенчестве, и перезахоронить на другом участке кладбища, а не под обелиском, который установил Джон: «Моя кровь не будет покоиться в земле этого чудовища, Джона Д. Рокфеллера». Вскоре после этого Фрэнк с женой и тремя дочерьми перестал быть прихожанином баптистской церкви на Евклид-авеню. Тем не менее он по-прежнему пользовался своей синекурой в «Стандард ойл Огайо», только жалование ему понизили с пятнадцати до десяти тысяч долларов в год.

А Уильям Рокфеллер воспользовался своими связями в «Стандард ойл», чтобы провернуть крупную спекуляцию. В 1899 году он вместе с Джеймсом Стилманом и Генри Роджерсом тайно приобрёл контроль над компанией «Анаконда» — медными рудниками в штате Монтана. (Ранее контрольным пакетом владели Ротшильды, но в феврале 1898-го они получили конфиденциальное сообщение от одного инженера, предупреждавшего, что запасы меди будут выработаны в течение ближайших двух лет. Они избавились от акций, и компанией завладел сенатор Джордж Хёрст.) Ловкая тройца приобрела контрольный пакет за 39 миллионов долларов, взятых взаймы у «Нэшнл сити банк», потом преобразовала компанию в новый холдинг, всучила её акции легковерной публике за 75 миллионов и таким образом наварила 36 миллионов прибыли, попутно обрушив бостонский «Глоуб банк», финансировавший конкурирующую горнодобывающую компанию. Ну и кто после этого чудовище?

Если бы Джон Д. вышел тогда на площадь и задал этот вопрос, все тотчас показали бы пальцем на него. 11 октября 1898 года его снова вызвали на допрос в качестве свидетеля, но с намерением обвинить в нарушении закона.

Когда суд в 1892 году вынес решение о роспуске треста, некто Джордж Райс, владелец небольшого нефтеперерабатывающего завода, купил шесть сертификатов «Стандард ойл» и попытался обменять их на акции двадцати компаний, ранее входивших в трест, а ныне самостоятельных. Однако ликвидаторы, в число которых входил и Рокфеллер, отнюдь не торопились пойти с ним на сделку. Пять лет спустя трастовые сертификаты на 27 миллионов долларов оставались непогашенными. Райс заявил об этом генеральному прокурору Огайо Франку Моннетту, сменившему на этом посту боевого Дэвида Уотсона; Моннетт возбудил дело о неуважении к суду.

Допрос Рокфеллера продолжался более пяти часов. Как всегда, невозмутимый, он говорил так тихо, что всем приходилось напрягать слух, и сказал так мало, что на следующий день в «Нью-Йорк уорлд» вышла статья под заголовком «Рокфеллер изображает устрицу». Слышно было в основном адвокатов «Стандард ойл», протестовавших против вопросов, задаваемых их клиенту. Если же отвести вопрос не удавалось, Рокфеллер ссылался на плохую память: что вы хотите от старика? Сам же он был совершенно уверен, что весь этот балаган судебного рвения в интересах

простого народа — всего лишь изощрённый шантаж с целью вытрясти деньги из «Стандард ойл» и что Моннетт в сговоре с Райсом. Когда всё, наконец, закончилось, он выдохнул с облегчением, подскочил к Джорджу Райсу, протянул ему руку и спросил:

— Как дела, мистер Райс? Стареем мы с вами, а? Небось, жалеете, что не последовали тогда моему совету?

— Наверное, надо было, — ответил Райс, глядя на него в упор. — Вы разорили меня, как и обещали.

— Пфф! Пфф! — фыркнул Рокфеллер, уходя.

— Да, вы разорили меня! — не отставал Райс, идя за ним следом. (Надо сказать, что на тот момент он был небедным человеком и явно преувеличивал.)

Рокфеллер мрачно улыбнулся, надел цилиндр и ушёл. А вот Джон Арчболд чуть не подрался с одним из помощников прокурора, назвав его лжецом, а Райса — вымогателем.

Моннетт обвинил «Стандард ойл Огайо» в тайной выплате дивидендов держателям трастовых сертификатов после 1892 года; Рокфеллер и прочие члены руководства это отрицали. Тогда Верховный суд штата велел предоставить бухгалтерские книги. Две недели спустя пресса пронюхала, что служащие «Стандард ойл» сожгли 16 коробок с документами. Разразился скандал; представители компании уверяли, что в коробках была макулатура... И тут сам Моннетт заявил, что его пытались подкупить, как в своё время Уотсона: некто явился к нему в офис и предложил 400 тысяч долларов: их положат в сейф, в банковскую ячейку в Нью-Йорке, а Моннетт получит ключ. Адвокаты «Стандард ойл» потребовали назвать имя этого человека; Моннетт, отказавшись, подорвал доверие к себе, потом спохватился и назвал Фергюса Чарлза Хаскелла и... Фрэнка Рокфеллера. Но к тому времени он уже навлёк на себя недовольство бонз Республиканской партии, в особенности сенатора от Огайо Джозефа Форейкера, состоявшего на жалованье у «Стандард ойл» (Арчболд платил ему около 44,5 тысячи в год). В 1899 году республиканцы не поддержат кандидатуру Моннетта на пост генерального прокурора, и через два года он перейдёт к демократам.

Но Рокфеллеру пришлось давать показания ещё и Комитету по промышленности, учреждённому конгрессом. К счастью, поправки к закону о регистрации компаний, принятые тогда же в Нью-Джерси, позволили реорганизовать «Стандард ойл» в холдинговую компанию, объединявшую 19 крупных и 22 мелких предприятия. Хотя Рокфелле-

ру принадлежало более четверти всех акций, он настаивал, что не будет принимать участие в руководстве компанией (что помогло бы ему избежать ответственности). «Я отказался от любой официальной должности в “Стандард ойл Нью-Джерси” в 1899 году, — рассказывал он позже Гарольду Маккормику, — и попросил занять её моего брата [Уильяма]; но поскольку он отклонил это предложение, а все остальные были очень заняты, меня назвали президентом, хотя эта должность и тогда была, и сейчас является чисто номинальной». Рокфеллер не ходил на совещания, не получал зарплату, а управлял компанией (на долю которой приходилась треть всей сырой нефти, добываемой в Америке, и 84 процента продаваемых там нефтепродуктов) вице-президент Арчболд.

В детстве, теперь уже таком далёком, отец однажды сбросил Уильяма Рокфеллера с лодки в воду, чтобы научить плавать, а потом нырял за ним, чтобы спасти. Теперь то же самое проделал Джон Д. со своим сыном — разумеется, в переносном смысле. Осенью 1899 года Джонни оказался ещё одной мушкой, угодившей в липкие сети пауков с Уолл-стрит. Правда, Дэвид Ламар, который эти сети расставил, впоследствии получил прозвище Волк с Уолл-стрит, но действовал именно как паук — исподволь: сначала опутал Джорджа Роджерса и сделал его своим посредником в отношениях с Рокфеллером-младшим. Роджерс, с которым Джон ежедневно встречался в конторе, сообщил ему, что прославленный биржевой маклер Джеймс Р. Кин скупает акции крупной кожевенной компании и предлагает к нему присоединиться. Эти данные Роджерс получил не от самого Кина, а от Ламара, но Джонни не стал проверять и, не переговорив с Кином, купил огромный пакет акций. Но вот он случайно узнал, что Роджерс в обеденное время тайком встречается с Ламаром. Почему такая секретность? У него засосало под ложечкой. Джон велел Ламару прийти в контору, и когда тот появился — красный, возбуждённый, — сразу понял, что его кинули. В самом деле, Кин ничего не знал об этом деле, Ламар же немедленно продавал акции, купленные Джоном. Случилось немыслимое: Рокфеллер потерял почти миллион долларов! Как признаться в этом отцу?

Двадцать третьего июля мать написала ему: «Никогда не забывай, что ты принц, сын Короля из королев, и что тебе нельзя совершить ничего, порочащего твоего Отца или оказаться неверным Королем». Конечно, в последнее

время Сетти слишком увлекалась метафорами: уединённая жизнь в узком мирке, отгороженном от внешнего мира глухими стенами благочестия, которые она сама же и возвела, не могла не сказаться на её психике. Тем не менее... «Никогда не забуду своего стыда и унижения, когда я явился сообщить о происшедшем отцу. У меня не было денег на покрытие убытка; мне не оставалось ничего другого». Рокфеллер-старший спокойно его выслушал, задал множество вопросов по каждой детали сделки, но без единого слова упрёка. А потом просто сказал: «Хорошо, я займусь этим, Джон». Сын ожидал взрыва, разноса или хотя бы проповеди о том, куда он катится и что ждёт его в будущем, — ничего подобного. Отец преподавал ему урок иначе. Джон Д. достаточно хорошо знал своего сына, чтобы понять: тот и так занимается сейчас моральным самобичеванием; зачем же усугублять? Глупость может сделать каждый, важно уметь исправить положение и больше в него не попадать.

Старея телом, Джон Д. словно молодел душой. Если в юности он ограничивал себя во всём, одевался по-стариковски, избегал развлечений, то теперь словно навёрстывал упущенное. И совсем не кичился своими деньгами — так, по его словам, поступают только дураки. Кливленд тогда охватила настоящая велосипедная лихорадка: как только подсыхала весенняя грязь, по Евклидавеню мчали сотни ярких тандемов. Рокфеллер накопил себе спортивных костюмов (штаны до колена, гетры, альпийские шляпы), подобранных по цвету, и научился делать разные трюки на велосипеде: запрыгивал в седло с разбега (кто-нибудь должен был держать велосипед), ездил без помощи рук да ещё и раскрывал над собой зонтик. Фредерик Гейтс сам видел, как Рокфеллер тренируется в Форест-Хилле: ездит по кругу, постепенно сокращая радиус. Дорожка к дому была слишком крутой, чтобы по ней можно было подняться на велосипеде. Инженер развёл руками: ничего не поделаешь. «Нет ничего невозможного», — возразил Рокфеллер, засел за книги — и рассчитал нужный угол, после чего торжествующе подкатил на велосипеде прямо к крыльцу.

В 1899 году он отдыхал в Лейквуде, штат Нью-Джерси, и играл во дворе отеля в «подковки» с приятелем, Элайасом Джонсоном, который восхищался его лёгкими и точными бросками. У вас наверняка хорошо получится играть в гольф! «Он посмотрел на меня своими спокойными сероголубыми глазами и ничего не сказал», — вспоминал потом

Джонсон. Но он всё же уговорил Джона Д. сделать несколько ударов клюшкой на лужайке за отелем. «И всё?» — спросил тот, забросив три мяча на сотню ярдов*. «Да, это всё; но только один человек из сотни смог бы сделать то, что вы сделали сейчас». В Рокфеллере разыграла страсть к соревнованию. «Разве некоторые игроки не могут послать мяч дальше, чем я? — Могут, но для этого нужно много практиковаться». Тогда Рокфеллер решил разыграть свою жену. Он стал брать уроки у профессионального гольфиста Джо Митчелла, который приходил в отель. Как только помощник-кэдди делал знак, что идёт Сетти, Джон прятался в кустах. Через несколько недель он как бы между прочим сказал ей, что гольф — очень милая игра; может, и ему попробовать? Взял клюшку, ударил по мячу и забросил его на 160 ярдов, почти к самой лунке. «Джон, я так и знала, — сказала Сетти. — Ты всё делаешь лучше и легче, чем другие». 2 апреля 1899 года, за три месяца до своего шестидесятилетия, Рокфеллер впервые по-настоящему сыграл в гольф и прошёл девять лунок за 64 удара.

Во всех его увлечениях одержимость сочеталась со скрупулёзным подходом к делу. Его свинги были самыми долгими в мире: могло пройти минуты четыре, прежде чем он, наконец, ударит по мячу. Заметив, что в конце удара он поворачивает правую ногу, Рокфеллер велел кэдди прикрепить её к земле крокетной калиткой; привыкнув стоять ровно, он калитку убрал. Другой мальчик должен был напоминать ему: «Голову вниз», если Джон Д. норовил поднять её во время удара. При ударе вудом — клюшкой с большой головкой — мяч, летевший прямо, потом отклонялся вправо. Чтобы понять, в чём проблема, Рокфеллер поручил одному кливлендскому фотографу сделать серию моментальных снимков его свинга: разложив движение на составные части, он понял, что же делает не так. И, конечно же, он завёл специальную книжечку, в которую записывал все игры: дата, место, имена партнёров, результат.

«Если играть в гольф умеренно, это не только увлекательная игра, но и ценная помощь для здоровья», — уверял Джон друзей. Его частым партнёром был доктор Гамильтон Биггар, который тоже отмечал благотворное влияние гольфа на здоровье своего друга и пациента: «Его кожа, ранее бледная и морщинистая, стала гладкой, румяной и здоровой».

* Ярд — британская и американская единица измерения расстояния; составляет три фута, или 36 дюймов; равен 91,44 сантиметра.

Сетти тоже «заболела» этой игрой. В Покантико Рокфеллер оборудовал поле для гольфа с четырьмя лунками. «Мама и папа с ума сходят по гольфу, — писал Джон-младший университетскому товарищу в 1900 году. — Отец играет по четыре—шесть часов в день, и мама тоже по несколько часов». Тренером Рокфеллера стал Уильям Таккер. На следующий год архитектор Уильям Данн спланировал в Покантико (после новых земельных приобретений поместье теперь занимало три тысячи акров) поле на 12 лунок, а в Форест-Хилле было поле на девять лунок. Джон-младший попытался поддержать компанию и целый год учился играть, но он был не создан для состязаний и предпочитал верховую езду в одиночку.

Тем временем Дьявол Билл, ничуть не остепенившийся, продолжал наезды в Кливленд, всё так же прикрываясь братом Эгбертом: ему по-прежнему нужны были деньги. Вёл он себя, как и раньше: сыпал сальными шутками и заставлял старшего сына, которого от них коробило, слушать всё это, в буквальном смысле держа его за ногу (во время пикников в Форест-Хилле Билл привольно валялся на травке). Однажды он пригрозил перестрелять всех белок в округе, если Джон не заплатит ему 50 центов за каждую (все смеялись, кроме Рокфеллера). Никто не знал, где он обитает, и Билл не называл свой точный адрес, ограничиваясь намёками: например, что живёт где-то на западе и недавно охотился на «веерохвостых лебедей». Несмотря ни на что, Джон Д. сохранил за отцом долю в доме на Чешир-стрит — вдруг всё-таки одумается, вернётся. Положенных шести процентов Билл так и не платил, тогда Джон пообещал девяностолетнему отцу снять все материальные претензии, если тот подарит этот дом своим внукам. Ни один цент рокфеллеровских денег не должен достаться Маргарет Аллен...

Три свадьбы и одни похороны

Джон-младший постоянно находился в нервном напряжении, которое начинало сказываться на здоровье. Чтобы снять его, он шёл в конюшню на Западной 55-й улице и яростно рубил дрова. Однажды, обедая с однокурсником Генри Купером, Джон открыл ему главную причину своих переживаний: никчёмный он человек. «Ты одновременно сердитый, мрачный и унылый, Джон, — написал ему друг, поразмыслив на досуге об этом разговоре. — Я вправду

считаю, что тебе бы пошло на пользу, например, время от времени выкурить сигарету или сделать что-то в этом роде. Я не шучу. Просто попытайся быть чуть-чуть бесшабашнее, беззаботнее по поводу того, достигнешь ли ты совершенства за пять лет, и увидишь: ты станешь счастливее». Джонни воспринял совет слишком буквально: через несколько дней в его записной книжке появилась пометка: «Пачка сигарет — 10 центов». Курильщиком он так и не стал, да и сути совета, похоже, не уловил.

По выходным он иногда садился в вечерний поезд до Провиденса, ужинал с Эбби Олдрич и полночным поездом возвращался в Нью-Йорк. Зато на Манхэттене он часто ходил на танцы с Альтой, которая видела в Эбби соперницу. К счастью, Гарольд Маккормик познакомил Альту со своим приятелем Эзрой Пармали Прентисом, генеральным юридическим советником металлургической компании «Иллинойс стил». Умный, рассудительный (он был старше Альты на восемь лет), строгий перфекционист, учёный-любитель, собравший большую коллекцию метеорологических инструментов, выпускник юридического факультета Гарварда. Господи, неужели?

Джон Д. решил навести справки об очередном увлечении дочери; Пармали «сообщил папе имена четырёх своих друзей, которые ответят на любые вопросы, какие папа пожелает задать, и сказал, что при желании дополнит этот список», писала Альта брату в начале 1900 года. Претендент «экзамен» сдал; состоялась помолвка. Своеобразным подарком к ней стало присвоение имени невесты ночлежке с яслями и детским садом для эмигрантов, живших в кливлендском квартале «Маленькая Италия». В 1898 году Рокфеллер дал денег на постройку нового здания, и 20 февраля 1900 года «Альта-хаус» был торжественно открыт, став настоящим социальным центром. Вскоре Альта, надеясь избавиться от глухоты, уехала в Вену к известному врачу; тот уговорил её пройти полный курс лечения, и свадьбу перенесли на следующий год. Правда, помочь ей австрийский эскулап так и не смог...

А вечные сомнения, терзавшие Джона-младшего, распространялись и на область чувств. «Я всегда боялся, что женюсь на ком-нибудь, а потом окажется, что я любил другую, — вспоминал он позже. — Я знал многих девушек и совсем не доверял собственному суждению». Сенатору Олдричу, не желавшему упускать наследника рокфеллеровского состояния, пришлось взять дело в свои руки.

В апреле он пригласил Джона сопровождать их с Эбби в поездке на Кубу на яхте президента Маккинли «Дельфин»: сенатор должен был изучить условия на острове по окончании испано-американской войны*. Джон поехал, но ожидаемого объяснения не произошло. Он даже не пытался посоветоваться с родителями. Наконец Эдит выступила в роли посредника, сказав, что родителей печалит его нежелание поделиться с ними своими переживаниями. Как оказалось, любовь — тема для обсуждения.

Однако тем летом на первый план снова выдвинулась политика. Маленькая победоносная война и золото, найденное на Аляске, укрепили позиции республиканцев, и 58-летний Уильям Маккинли с лёгким сердцем пошёл на пере выборы в 1900 году, не сомневаясь в успехе. Только нужен был новый вице-президент взамен Хобарта, умершего в конце 1899-го. Маккинли нравился военный министр Элиу Рут, но тот был хорош на своём месте. В конце концов президент остановил свой выбор на восходящей звезде Республиканской партии — 42-летнем Теодоре Рузвельте, покрывшем себя славой на Кубе, где он сражался в рядах им же созданного кавалерийского полка. Разбогатеv на операциях с недвижимостью на Манхэттене, он тем не менее обличал происки Джея Гулда и прочих представителей «богатого преступного класса». В тепер ь уже далёком 1886 году, когда Рузвельт баллотировался в мэры Нью-Йорка, Рокфеллер передал в его фонд тысячу долларов — только потому, что программа его противника Генри Джорджа не нравилась ему ещё больше. В 1898-м Рузвельт был избран губернатором штата Нью-Йорк (не побрезго-

* Война с Испанией, которой Маккинли и деловое сообщество всячески старались избежать, неожиданно оказалась ещё одним очком в пользу республиканцев. 15 февраля 1898 года в порту Гаваны при невыясненных обстоятельствах взорвался американский броненосец «Мэн». В то время Куба уже несколько лет пыталась добиться независимости от Испании; жёлтая пресса Пулитцера и Хёрста вела антииспанскую пропаганду. Тепер ь и демократы подали голос за войну, и 20 апреля Маккинли был вынужден подписать резолюцию конгресса с требованием к Испании уйти с Кубы, разрешающую президенту в случае отказа применить военную силу. На следующий день Испания разорвала дипломатические отношения с США, а американский флот начал блокаду Кубы. Война в Карибском бассейне продлилась десять недель и закончилась подписанием Парижского договора 10 декабря (вступил в силу 11 апреля 1899 года), по которому США получили временный контроль над Кубой, а ещё Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины, выплатив за них 20 миллионов долларов.

вав пожертвованиями от Генри Флаглера и ряда воротил с Уолл-стрит) и явно метил в президентское кресло. Сенатор от Огайо Марк Ханна был настроен резко против (слишком уж тот импульсивен); но сенатор от Нью-Йорка Томас Платт посадил Рузвельта в седло — чтобы убрать с губернаторского поста и не дать ему провести намеченные реформы. (Сам Рузвельт всегда был уверен, что «Стандард ойл» поддержала эти усилия.) Демократы снова выдвинули своим кандидатом Уильяма Брайана.

Вопрос о золотом стандарте был теперь уже не так актуален, поэтому демократы выстроили свою кампанию на обличении трестов и корпораций у власти, выставя Маккинли прислужником капитала и крупных монополий. Брайан отправился в тур по стране, а Маккинли остался дома: кампанию за него вёл популярный в народе Рузвельт, а Ханна помогал — например, разрулил ситуацию со стачкой на угольных шахтах в Пенсильвании. 6 ноября 1900 года Маккинли одержал убедительную победу: за него проголосовала даже Небраска — родной штат Брайана. «Америку можно искренне поздравить с избранием мистера Маккинли, — записал Рокфеллер. — Финансовые интересы стоят на прочной основе, и следующие четыре года должны послужить общему процветанию американского народа».

Однако настоящую радость Рокфеллеру доставил приезд в Покантико внуков — сыновей Эдит: его любимчика Джона (Джека), которому было почти четыре годика, и двухлетнего Фоулера. Впрочем, радость быстро сменилась тревогой, потому что оба мальчика заболели скарлатиной. Рокфеллер на собственном опыте знал, как опасна эта болезнь; он велел выстроить отдельную лестницу, по которой больные дети и их сиделки попадали из своей комнаты наверху на застеклённое крыльцо, чтобы не заразить кого-нибудь ещё. Джон Д. предложил одному нью-йоркскому врачу полмиллиона долларов за спасение детей. Но тогда антибиотиков ещё не изобрели, о причинах и лечении скарлатины было известно крайне мало, полагались больше на Божью волю. Фоулер поправился, а Джек умер 2 января 1901 года. Эта смерть потрясла Рокфеллера не меньше, чем его родителей.

«Пока буду жива, не забуду, с какой великой любовью и неустанными усилиями ты старался спасти жизнь дорогого Джека, — напишет Эдит отцу несколько лет спустя. — Совершенно позабыв о самом себе, с истинно христианской любовью». Смерть старшего сына подкосила Гарольда. Злые языки будут потом утверждать, что Эдит узнала о

смерти Джека от дворецкого во время банкета, кивнула и продолжала есть. Но это ложь: она была там, где и положено находиться матери, — у постели больных детей*.

Трагедия в семье Эдит нарушила свадебные планы Альты. Смерть племянника побудила её отказаться от большой и торжественной церковной церемонии. 17 января 1901 года она дала Пармали обеты в украшенном розами главном холле отцовского дома. Новобрачные уехали в Покантико, а оттуда в Форест-Хилл. По окончании медового месяца они поселились в доме 5 на Западной 53-й улице — это был отцовский подарок. Обставить дом Рокфеллер поручил Джону-младшему, и тот закупил всё, вплоть до метлы. Пармали неохотно согласился на переезд из Чикаго в Нью-Йорк и устроился на работу в юридическую фирму; бытовые условия его совсем не занимали, а Альта, так и не повзрослевшая окончательно, считала, что брат всё сделает лучше.

Жизнь Альты после свадьбы не слишком изменилась: до родительского дома рукой подать, и каждый день она шла туда пешком — помочь тётке Лют по дому и позаботиться о матери, которая всё чаще хворала: у неё не раз случались приступы астмы, желудочные колики, а то и временный паралич. Врач прописал Сетти строгую диету: избегать фруктов, овощей, сладкого — только молоко, яйца, рыба и мясо. На самом деле такой режим только усугубил её болезнь, вызвав развитие атеросклероза и усилив нагрузку на почки. (Возможно, вегетарианство, проповедуемое доктором Келлогом — изобретателем кукурузных хлопьев, — пошло бы ей на пользу; но тот настолько скомпрометировал себя сумасбродными идеями о борьбе с мастурбацией у детей и экстравагантным поведением, что миссис Рокфеллер не стала бы ему доверять, несмотря на большое число его последователей.) Сетти никогда не жаловалась, читала Писание и молилась.

Через год Альта забеременела сыном; мальчику дадут имя Джон Рокфеллер Спелман Прентис, а дома будут звать просто Фриц. Тёплых семейных отношений между Джоном Д. и новым зятем не сложилось; письма тестю тот начинал словами «Уважаемый мистер Рокфеллер», а подписывался «Э. Пармали Прентис». Поначалу Рокфеллер

* Год спустя Эдит и Гарольд Маккормик учредят в Чикаго исследовательский Институт инфекционных заболеваний имени своего сына; со временем его сотрудникам удастся выявить возбудителя скарлатины.

пытался использовать его как юриста и даже рекомендовал другим крупным бизнесменам, но никакой благодарности не получил; более того, Прентис заламывал такие цены, что Джон Д. махнул рукой: на всех родственников денег не напасёшься.

В январе 1901 года нефтяную отрасль потрясла новая сенсация: 10-го числа горный инженер капитан Лукас нашёл нефть в Спиндлтопе, штат Техас. Фонтан ударил вверх с такой силой, что тысячи баррелей пропали даром, прежде чем его удалось усмирить. Если до этого нефтедобыча в Техасе шла ни шатко ни валко, теперь туда устремились бурильщики: за год производство увеличилось с 836 тысяч баррелей до 4 миллионов 394 тысяч; цены упали аж до трёх центов за баррель. Техасская нефть заинтересовала и «Шелл» Маркуса Сэмюэла... А вот компания «Уотерс-Пирс», филиал «Стандард ойл», прежде контролировавшая 90 процентов нефтяного рынка штата, буквально накануне эпохального открытия была с позором изгнана из Техаса за нарушение местного антимонопольного законодательства... Но теперь это была головная боль Джона Арчболда.

В феврале Эбби Олдрич, устав от нерешительности Джона, предложила ему расстаться на полгода, чтобы проверить чувства. Джон безропотно подчинился. Ему всё ещё надо было найти свой путь. Не век же точить карандаши.

Однажды на Бродвей, 26, явился Джеймс Стилман, чтобы повидать Уильяма Рокфеллера. Поравнявшись со столом Джона-младшего, он начал громко высказывать нелицеприятные замечания в адрес Рокфеллера-старшего. Джон разом вскочил на ноги: «Мистер Стилман, вы можете сказать всё это моему отцу, но не имеете права говорить такое его сыну. Всего хорошего». Тем не менее Стилман пригласил его войти в совет директоров «Нэшнл сити банка». Джону хотелось принять приглашение, однако он опасался, что соперник Стилмана, Джон Пирпонт Морган, как-нибудь отомстит за это Рокфеллеру-старшему. Тот же в большей степени боялся дать подтверждение сплетням, что он владеет долей в «Нэшнл сити банке».

Тёзки Рокфеллер и Морган были полными антиподами. Морган, происходивший из далеко не бедной семьи, получил блестящее образование в Америке и Европе и более сорока лет служил проводником в США британского капитала, финансировавшего железные дороги и промышленность. Подвижный, взрывной, вспыльчивый, он словно всё время куда-то торопился, а решения к нему приходили

в виде мгновенных озарений. Он вращался в мире роскоши, курил длиннющие сигары, пил самые лучшие вина и плавал на огромных яхтах. Когда магнаты впервые встретились в загородном доме Уильяма Рокфеллера, то невзлюбили друг друга с первого взгляда. «Мы обменялись несколькими любезными словами, — вспоминал позже Джон Д., — но я видел, что мистер Морган был слишком... мистер Морган: очень надменный, склонный смотреть на других сверху вниз... Я же никогда не понимал, с какой стати человеку столь высоко мнить о себе». Но мир тесен, и в нём волей-неволей приходится сосуществовать и договариваться.

Морган годами руководил созданием промышленных трестов. В начале 1901 года судья Элберт Гэри сказал ему, что долю Рокфеллера в месторождении Месаби нужно включить в какой-нибудь стальной картель. Морган нехотя согласился с тем, что Объединённые железорудные шахты озера Верхнего и пароходную компанию Бессемера надо включить в «ЮС стил». Но для этого надо было провести переговоры с Рокфеллером, а Морган об этом и слышать не хотел. Однако бизнес выше личной неприязни... Сделав над собой усилие, Морган попросил у Рокфеллера позволения зайти к нему на Бродвей, 26. Тот ответил, что отошёл от дел, в офисе больше не бывает, и пригласил Моргана к себе домой. Едва переступив порог, Морган сразу спросил, какова цена железорудных залежей. Рокфеллер воздел руки к небу, напомнил гостю, что бизнесом более не занимается, и предложил обсудить эту сделку с его 27-летним сыном, который, несомненно, будет рад с ним поговорить. Это уже было оскорбление. И всё же банкир обронил на прощание, чтобы Рокфеллер-младший зашёл к нему на Уолл-стрит.

Отец и сын тщательно готовились к этой встрече и чуть не переборщили. Утром 25 февраля к рабочему столу Рокфеллера-младшего подошёл Генри Роджерс и спросил, не желает ли тот поехать вместе с ним к мистеру Моргану. Откладывать визит было бы просто неприлично, и Джон с Роджерсом отправились к магнату после обеда. Теперь уже Морган играл на своей территории: когда посетители вошли в его кабинет, он продолжил разговор со своим партнёром Чарлзом Стилом и только после его ухода «заметил» гостей. Роджерс представил ему Рокфеллера-младшего. «Ну?! — рявкнул Морган, переходя сразу к делу. — Какая ваша цена?» Неожиданно для всех (возможно, и для самого себя) Джон ответил так, как это сделал бы его отец: «Ми-

стер Морган, полагаю, здесь какая-то ошибка. Я пришёл сюда не продавать. Насколько я понял, это вы хотите купить. Назовите вашу цену». А уж Джон Д. волен согласиться или отказаться. Даже Генри Роджерс был ошарашен; когда Морган ненадолго вышел из кабинета, он посоветовал Джону сбавить тон, но тот стоял на своём. В итоге пришли к компромиссу: взаимоприемлемую цену определит Генри Клей Фрик. Перед уходом Джон осведомился, сможет ли его отец получить долю в стальном синдикате. Ай-ай-ай, что ж так поздно спросили, там уже всё разобрали... Морган уже приберёт доли для Уильяма Рокфеллера и Джеймса Стилмана на общую сумму в пять миллионов долларов и теперь должен был внутренне ликовать, что уел-таки Рокфеллера-старшего.

Вернувшись в контору, Джон немедленно написал родителям в Покантико, подробно пересказав весь разговор. Джон Д. прочитал это письмо жене, перемежая чтение восклицаниями: «Великий Цезарь, Джон молодчина!» (Он никогда не поминал имя Господа всуе.) «Ты в самом деле мастерски провёл переговоры, — тотчас написала сыну Сетти, — и был так спокоен и ненавязчив на словах и в поведении. Владение собой приносит победу в сражении, поскольку означает владение другими».

Для выполнения посреднической функции Фрику пришлось отправиться в Покантико. Дождавшись, когда стемнеет, он нанял экипаж, велел вознице ждать его у ворот, а сам быстро переговорил с Рокфеллером, не заходя в дом. Случись тут журналисты, подумал Джон Д., ночное перешёптывание двух бизнесменов, прячущихся в кустах, наутро непременно стало бы газетной сенсацией. «Как мой сын уже сказал мистеру Моргану, я не горю желанием продать свою собственность. Но как вы догадываетесь, я никогда не встану на пути стоящего предприятия. Однако я резко возражаю против того, чтобы возможный покупатель назначил цену, взяв её с потолка». Фрик признался, что сумма, названная судьёй Гэри, на пять миллионов долларов ниже реальной стоимости месторождения. «Тогда я доверяю вам представлять мои интересы», — коротко ответил Рокфеллер. Вся встреча продлилась не больше четверти часа. 28 февраля Гейтс и Джон-младший засели на Бродвее, 26, разрабатывать совместную стратегию вместе с Фриком, а потом развили бурную деятельность. Гейтс заказал новые карты Месаби-Рейндж с указанием мест возможного залегания железной руды, и оказалось, что там есть шанс

открыть новые шахты, то есть Рокфеллер контролирует далеко не всё. Непримируемую позицию пришлось слегка смягчить, но в результате переговоров Рокфеллер всё равно остался в крупном выигрыше. «ЮС стил» стала первой корпорацией с капиталом в миллиард долларов и превзошла «Стандард ойл» по размеру. Акции горнодобывающей компании, купленные в 1893 году по десять долларов за штуку, теперь продавались по 160 долларов наличными. Рокфеллеры получили за них 80 миллионов, причём половину суммы — акциями «ЮС стил», плюс ещё восемь с половиной миллионов за 56 сухогрузов. Теперь Джон Д. стал вторым самым богатым человеком в Америке с состоянием более 200 миллионов долларов. Первым был Эндрю Карнеги, получивший 300 миллионов ценными бумагами от продажи «Карнеги стил».

Гейтс решил, что имеет право на долю от этой сделки. Когда он явился сообщить Рокфеллеру о прибыли в 55 миллионов, тот спокойно сказал: «Спасибо, мистер Гейтс, спасибо!» Гейтс посмотрел на него в упор: «Спасибо — это мало, мистер Рокфеллер». Он получил свою долю, но никогда не называл точной суммы.

Став одним из крупнейших акционеров «ЮС стил», Джон Д. потребовал два места в совете директоров — для себя и для сына. Одновременно Джон-младший принял предложение Стилмана; отец с неохотой купил десять тысяч акций банка... Но через год Джон вышел из правления «Нэшнл сити банка», потому что кое-какие из использовавшихся там приёмов показались ему сомнительными. А Рокфеллера удручали чересчур большие дивиденды, выплачиваемые «ЮС стил», хотя он же их и получал. Он не присутствовал ни на одном заседании совета директоров, поручая сыну быть своим представителем, а в 1904 году и вовсе вышел оттуда. Зато Джон-младший приобрёл умного и опытного советчика, практически друга, в лице Генри Фрика.

Все переживания последних лет привели к тому, что Джон Д. начал стремительно терять волосы. Это было не обычное возрастное облысение, а полная утрата волосяного покрова. В марте у него стали выпадать усы, а к августу на теле не осталось ни единого волоска. Ещё недавно видный мужчина вдруг превратился в старика — ссутулившегося, с мешками под глазами. Голова теперь казалась чересчур большой и шишковатой, губы — слишком тонкими, кожа — сухой, похожей на пергамент. Таким Джон Д. отправился на ужин, устроенный Морганом, и сел рядом с

новым президентом «ЮС стил» Чарлзом Швабом. «Я вижу, вы не узнаёте меня, Чарли, — сказал он, перехватив удивлённый взгляд соседа. — Я — мистер Рокфеллер».

Он никогда не сдавался без боя — пробовал бороться и с этой напастью. Доктор Биггар велел ему принимать фосфор шесть дней в неделю и серу на седьмой — не помогло. Чёрная шёлковая шапочка, которой он покрывал свой голый череп, делала его, по мнению одного французского журналиста, похожим на монаха из испанской инквизиции. Зато теперь Джон Д. и рано постаревшая Сетти снова выглядели ровесниками и идеальной парой.

А вот семидесятилетний Генри Флаглер сохранил мужскую привлекательность, но оказался в сложном положении — меж двух женщин. В 1899 году суд признал Иду Алису невменяемой, и Генри основал трастовый фонд, передав ему два миллиона долларов в акциях «Стандард ойл», чтобы тот выдавал деньги на её содержание в психиатрической лечебнице. Но развестись с ней он не мог, поскольку по законам штата Нью-Йорк единственным поводом для развода была супружеская измена. Между тем Флаглер снова полюбил — Мэри Лили Кенан, с которой познакомился в 1891 году у общих друзей в Ньюпорте; она была моложе его на 38 лет. Мэри не хотела жить с ним «просто так», но соглашалась ждать. Закон — что дышло; Флаглер привык добиваться желаемого и ещё летом 1900 года объявил о скорой свадьбе. Он стал резидентом Флориды, надавил на местных законодателей, и 9 апреля 1901 года в действие вступил «закон о разводе Флаглера» (конечно, это неофициальное название), по которому неизлечимое помешательство одного из супругов признавалось достаточной причиной для развода. Через десять дней после расторжения брака с Идой Алисой Флаглер женился на Мэри Лили; ему тогда было 72, ей — 34. Свадьба была пышная: для украшения своего особняка «Уайтхолл» Флаглер нанял фирму «Каррер и Гастингс», заказал свадебный торт в виде дворца в стиле бозар, забронировал вагон в поезде, чтобы привезти друзей из Нью-Йорка. Но его сын Гарри Харкнесс-Флаглер не удостоил празднество своим появлением — они не общались со времён предыдущей женитьбы Генри; сам Гарри женился в 1894 году в отсутствие отца, который в тот момент открывал новый отель («Роял Поинсиана») в Палм-Бич. Джон Д. Рокфеллер тоже не приехал; дружба с Флаглером осталась в прошлом, а любвеобильность под старость лет — всё-таки скандал.

К тому же 23 апреля Рокфеллеры играли свадьбу Перси, недавно окончившего Йельский университет, с Изабель Стилман. Младший сын Уильяма Рокфеллера входил в советы директоров компании «Анаконда», металлургической корпорации «Бетлехем», «Кубинской компании», «Чилийской медной компании», «Объединённой газовой компании», «Железорудной компании Месаби», а теперь ещё и «Нэшнл сити банка» и Нью-Йоркской компании Эдисона. Несмотря на это, оперившимся птенцам никак не удавалось выпростаться из-под отеческого крыла: Джеймс Стилман и Уильям Рокфеллер соперничали за то, кто будет помыкать поженившимися детьми. Стилман подарил дочерям дома в Нью-Йорке; Рокфеллер поделил между ними участок земли в Гринвиче и построил там ещё более внушительные особняки. Отцы наперебой покупали детям произведения искусства, гобелены, мебель, спорили даже о том, как назвать внуков. Старший, родившийся 8 августа 1896 года, получил имя Уильям Эвери Рокфеллер III; второй, появившийся на свет 1 мая 1899 года, — Годфри Стилман Рокфеллер. 8 июня 1902 года, когда Элси разрешится от бремени третьим сыном, её отец ворвётся в комнату роженицы и потребует назвать внука в его честь — Джеймс Стилман Рокфеллер. 23 июня Изабель родит первенца, девочку, и Стилман наречёт её тоже Изабель — в честь своей сестры, умершей молодой.

Перед тем как попить на свадьбе кузена, Джон Рокфеллер-младший совершил очень важную поездку. В апреле 1901 года отошёл от перрона на Манхэттене и отправился в десятидневный тур по Югу специально забронированный поезд, набитый миллионерами из Нью-Йорка, Бостона и Филадельфии, желавшими осмотреть учебные заведения для чернокожих, большинство которых финансировалось северянами. Тур был организован Робертом Огденом, владельцем империи универсальных магазинов, который сочетал высокую духовность с умением делать рекламу. Цель же была святая: объединить усилия янки-филантропов и южных реформаторов, залечить незажившие раны Гражданской войны и сократить экономический разрыв между Севером и Югом.

На Юге тогда всё ещё действовали сегрегационные «законы Джима Кроу», ограничивавшие чёрное население в гражданских правах. Что же касается образования, то лишь в штате Кентукки посещение школы было обязательным, тогда как на Севере это была повсеместная практика. Если

в целом по стране только 4,6 процента населения были неграмотными, то на Юге таких было 12 процентов среди белой бедноты и половина среди чернокожих.

Пассажиры «миллионерского литерного» посетили несколько учебных заведений — в Виргинии, Алабаме, Джорджии — и провели финальную конференцию в Северной Каролине. Рокфеллер побывал в Спелмановской семинарии (его родители годом раньше оплатили её новую больницу, два спальных корпуса, обеденный зал с кухней, электростанцию и резиденцию президента), выступил с речью перед учащимися в Спелмановской часовне и получил свою минуту славы — но не был ею ослеплён. «Эта поездка была для меня постоянным откровением, — сообщил Джон-младший репортёрам по возвращении. — Особенно интересно было в Таскиги. Мистер Вашингтон (директор педагогического училища. — *Е. Г.*) — воистину замечательный человек. Его школа делает удивительную работу для всей расы. Я рад, что съездил».

Педагогическое училище для подготовки цветных учителей основали в Таскиги, штат Алабама, 4 июля 1881 года, в День независимости. В тот год бывший полковник конфедератов Уильям Фостер, баллотировавшийся в конгресс от демократов, пообещал лидеру местных чернокожих, республиканцу Льюису Адамсу, устроить школу для чёрных, если тот организует ему поддержку на выборах в графстве Макон (там преобладало негритянское население). Фостер получил свой мандат, а избиратели — педучилище, которое было мечтой бывшего раба Льюиса Адамса и бывшего рабовладельца Джорджа Кэмпбелла, ставшего банкиром. Несмотря на то что Адамс никогда не ходил в школу, он умел читать, писать, говорил на нескольких языках, владел профессиями жестянщика, шорника, сапожника, был франкмасоном и признанным лидером негритянской общины. Вместе с Кэмпбеллом они собрали в штате Алабама две тысячи долларов на жалованье учителям, и Кэмпбелл выписал из Виргинии, из Института Хэмптона (для чёрных), 25-летнего Букера Т. Вашингтона, ставшего директором педучилища. Но у училища не было здания, поэтому занятия проходили в разрушенной церкви. В 1882 году Вашингтон купил бывшую плантацию в 100 акров, на которой учащиеся сами возвели стены школы.

Программа обучения разрабатывалась с учётом того, что работать предстояло в сельской местности. Выпускники Таскиги основали небольшие школы и училища по

всему Югу. Помимо академических предметов Вашингтон обучал своих студентов практическим навыкам сельского хозяйства. Часть жалованья будущие учителя получали за работу на строительстве школ, выращивали урожай и скот, а также занимались ремёслами. Желание сохранить своё детище заставило Вашингтона пойти на компромисс, который не одобрили лидеры негритянской общины: 18 сентября 1895 года на выставке в Атланте он заявил, что чернокожее население не будет требовать для себя права голоса, восставать против сегрегации и дискриминации, если сможет получать базовое образование, не претендуя на его продолжение на гуманитарных отделениях высших учебных заведений. Вашингтон привлекал в Таскиги известных учёных, например ботаника Джорджа Вашингтона Карвера, и, ратуя за «реальное» образование, создал целую сеть из богатых филантропов, жертвовавших на училище: среди прочих туда входили Эндрю Карнеги, Джон Д. Рокфеллер и Генри Роджерс, который добрых 15 лет анонимно передавал деньги в Таскиги и нескольким десяткам других школ для чернокожих. После испано-американской войны в Таскиги хлынули негры с Кубы.

«Несколько лет вопрос об образовании цветных занимал наши умы и мысли. Мы должны приложить усилия, чтобы разработать некий план, который помог бы в решении этого важного вопроса», — сказал Рокфеллер-младший Огдену. Но далеко не все белые разделяли его воодушевление. Когда «поезд миллионеров» катил обратно в Нью-Йорк, в Виргинии по ступенькам вагона поднялся Генри Сент-Джордж Таккер, президент Университета Вашингтона и Ли, и произнёс речь: «Если вы намерены учить негров, то захватите заодно и белых южан. Если белый бедняк увидит, что сын его соседа-негра благодаря вашему великодушию получает выгоды, в которых отказано его сыну, у него возникнут такие чувства, которые сведут на нет всю вашу работу. Если хотите добиться успеха, дорогу наверх надо проложить не только неграм, но и белой бедноте». А когда Огден образовал Дирекцию южного образования, её исполнительный секретарь Эдгар Мёрфи заявил, что белая и чёрная расы должны селиться по отдельности, жить по отдельности и учиться по отдельности. Да что далеко ходить — даже Фредерик Гейтс забрал своих детей из государственной школы в Монклере, штат Нью-Джерси, потому что там учились «дурно воспитанные, грязные и неопрятные дети цветных и иностранцев». Он тоже считал,

что негры не способны постичь латынь, греческий или метафизику, да им это и не нужно.

Тем временем Гейтс потихонечку дожал Рокфеллера и осуществил свой проект четырёхлетней давности: в июне 1901 года в Нью-Йорке был (очень скромно) основан Рокфеллеровский институт медицинских исследований (РИМИ), временно занявший производственное здание на Лексингтон-авеню. Никаких грандиозных планов, ожиданий и трат: Рокфеллер, вопреки обыкновению согласившийся дать институту своё имя, предоставил в его распоряжение 200 тысяч долларов, распределив их на десять лет, и больше ничего не обещал. Главное условие, которое он выставил, — чтобы на руководящие должности подобрали самых лучших специалистов. «Джон, у нас есть деньги, — сказал он сыну, — но они будут иметь ценность для человечества, только если мы сможем найти способных людей с идеями, воображением и смелостью, чтобы плодотворно их использовать».

Подобрать звёздную команду поручили доктору Уильяму Уэлчу — известному патологоанатому, первому декану медицинского училища Джонса Хопкинса. Лысый, упитанный Уэлч с козлиной бородкой, которого студенты прозвали «Куколкой», учился в Германии и перенёс в Америку немецкие стандарты, открыв в 1878 году первую патологоанатомическую лабораторию в больнице Бельвью. 15 лет спустя он основал собственное медучилище, а своих студентов из учебного заведения Хопкинса отправлял стажироваться в Германию. Они-то, посвящавшие себя исключительно преподаванию и научным исследованиям, и составили костяк Рокфеллеровского института.

Став его президентом, Уэлч назначил директором своего протеже Саймона Флекснера, которого считал лучшим молодым патологоанатомом в Америке. Флекснер вырос в Луисвилле, но имел немецко-еврейские корни и идеально соответствовал рокфеллеровской модели дисциплинированного и ответственного самоучки. В 1902 году, когда Уэлч сделал ему «предложение века», Флекснеру было 39 лет, и он далеко не сразу смог определиться с выбором между пожизненным местом профессора патологоанатомии в Университете Пенсильвании и работой в «институте, занимающемся исключительно открытием чего-то нового». Он спросил, почему Гейтс убеждён, что они откроют что-то новое; тот ответил, что надо попросту в это верить. На размышления у Флекснера ушло несколько месяцев; наконец,

он согласился, выторговав себе право назначать высокое жалованье перспективным учёным и оборудовать при институте небольшую больницу для проведения клинических исследований. Его деловой подход так понравился Рокфеллеру, что тот выложил ещё миллион долларов.

Между тем полгода, отведённые Эбби на проверку их с Джоном чувств, подошли к концу, а она так и не получила от него никакого ответа. Сколько можно ждать, в конце концов? Ей скоро двадцать семь! И между прочим, за ней ухаживают шестеро. Джон поехал в Форест-Хилл и, гуляя с матерью по саду, набрался мужества и спросил, что она думает о мисс Абигейл Олдрич. Неожиданно для него Сетти рассмеялась: «Ты же любишь мисс Олдрич! Почему же ты сразу не поедешь и не скажешь ей это?» Джон немедленно вернулся в Нью-Йорк, стал жарко молиться и услышал «голос Господа», благословившего его выбор. «После стольких лет сомнений и колебаний, великого томления и надежд на меня снизошёл высший покой». Не откладывая до утра, он отправил Эбби письмо, прося позволения увидеться с ней. Естественно, она его ждала. По дороге Джон заехал в Нью-порт, где сенатор Олдрич отдыхал на яхте, рассказал ему, какое жалованье он получает и каковы его финансовые перспективы, а затем попросил руки его дочери. «Мне важно только, чтобы моя дочь была счастлива!» — театрально воскликнул будущий тесть. Возликовав, Джон помчался в Уорвик, где у Олдричей был летний дом на берегу залива Наррагансетт.

Стояла тёплая августовская ночь, луна высветила длинную голубоватую дорожку в чёрной воде. Стрекотали сверчки, поскрипывал песок под неспешными шагами — и Джон наконец-то выдал из себя сакраментальный вопрос. Эбби не удалось скрыть усталости из-за нерешительности своего избранника. «Ты вправду любишь меня?» — спросила она. Тут-то до Джона, наконец, дошло, чем он рисковал: ведь из-за своей медлительности он мог потерять её навсегда! Просто удивительно, что столь замечательная девушка выбрала такого мужчину, как он... «Не могу поверить, что всё это правда, что вся эта священная радость, это святое доверие — моё! — ликую, написал он матери. — Вместо того чтобы покинуть тебя, ибо я никогда не покину тебя, я приведу тебе ещё одну дочь, которая сделает тебя в сто раз счастливее». Эбби тоже написала будущей свекрови: «Другого такого человека, как Джон, больше нет, — такого настоящего, нежного, мужественного. Я невероятно им горжусь».

Узнав о помолвке, репортёры тотчас раструбили: «Крёз пленён!» — и стали строить предположения, как же сможет ужиться эта пара. «Молодой мистер Рокфеллер... преподаёт в воскресной школе, не верит в карты, танцы или декольте, а мисс Эбби и представить себе не может, что от всего этого можно отказаться». Затем журналисты ополчились на отцов. Им было трудно решить, кто более отвратителен: Джон Д. Рокфеллер, породивший «Спрута», или сенатор Олдрич, ливший воду на мельницу монополий. Однако детей щадили и даже хвалили за прогрессивные взгляды.

Дети хотели, чтобы церемония прошла скромно, в церкви Уорвика. Джон-младший не любил привлекать к себе внимание толпы, Эбби тоже старалась избежать лишней помпы. Но сенатор Олдрич был с этим не согласен: свадьба должна быть, как у людей. За месяц до назначенного дня он нанял несколько десятков рабочих, чтобы они подготовили к торжеству бальный зал чайного домика в имении Уорвик и окрестный сад.

За этот месяц произошло очень важное событие. 5 сентября 1901 года президент Уильям Маккинли приехал на Панамериканскую выставку в Буффало; посмотреть на него и послушать его речь собралась толпа в 116 тысяч человек. Пиротехники устроили патриотический фейерверк; в вечернем воздухе повисла огненная надпись: «Добро пожаловать, президент Маккинли, вождь нашей нации и нашей империи».

На следующий день Маккинли ждали в «Храме музыки», где он должен был «окунуться в народ». Этого-то и опасались сотрудники администрации; личный секретарь президента Джордж Б. Кортелью дважды пытался отменить мероприятие, но президент всякий раз настаивал на своём участии. Стояла по-летнему знойная погода; к четырём часам дня к «Храму музыки» выстроилась длинная очередь: не каждый день выпадает шанс увидеть президента и пожать ему руку. Органист заиграл сонату Баха, и людская змея понемногу стала заползать внутрь. Среди людей, «склонившихся перед великим правителем», находился 28-летний рабочий-металлист Леон Чолгош из семьи польских эмигрантов, пришедший, чтобы его убить.

В июле в Кливленде, превратившемся в центр движения анархистов, состоялось публичное выступление Эммы Голдман, проповедовавшей индивидуальный террор (её муж Александр Беркман сидел в тюрьме за покушение на Генри Клея Фрика). Её слова произвели в душе Леона Чолгоша

эффект искры, попавшей на сухую паклю. Теперь он знал, что ему делать. В день приезда Маккинли в Буффало он тоже стоял в толпе, но не стал стрелять, боясь промахнуться. Теперь же, когда президент с улыбкой протянул ему руку, Чолгош тоже поднял руку, обмотанную платком, и дважды выстрелил из спрятанного в платке револьвера 32-го калибра (прошлым летом точно из такого же другой анархист застрелил итальянского короля Умберто I). «На мгновение наступила почти полная тишина, как затишье после громового раската, — писала «Нью-Йорк таймс». — Президент какое-то время стоял неподвижно, с выражением нерешительности, почти удивления на лице. Потом он сделал шаг назад, а по его чертам разлилась мертвенная бледность. Толпа не сразу поняла, что случилось нечто серьёзное». Первым опомнился высокий чернокожий парень Джеймс Паркер, тоже стоявший в очереди: он ударил Чолгоша и помешал ему выстрелить в третий раз. Только тогда на убийцу набросились солдаты и агенты охранной службы. Маккинли попросил не допустить линчевания, и Чолгоша увели. «Моя жена, — прошептал Маккинли своему секретарю Кортелью, глядя, как по его белому жилету расплывается ярко-красное пятно. — Скажите ей очень осторожно, очень осторожно!»

Президента перенесли в больницу при выставке. Единственный врач, которого удалось найти, оказался гинекологом; тем не менее Маккинли срочно прооперировали. Одна из пуль отскочила от пуговицы и ударила его в грудь, не причинив большого вреда, но вот вторая угодила в живот. Врач сумел зашить рану и остановить кровотечение, однако не мог найти пулю, которая, по его мнению, застряла где-то в спине. Примечательно, что на выставке в Буффало демонстрировалась примитивная установка для просвечивания икс-лучами, но использовать её по назначению никому и в голову не пришло.

После операции президент вроде бы пошёл на поправку. Газеты сообщали, что он бодрствует и даже читает газеты. Вице-президент Теодор Рузвельт настолько успокоился, что даже отправился отдыхать в Адирондакские горы. Но 13 сентября состояние Маккинли резко ухудшилось: внутренняя гангрена поразила стенки желудка и вызвала заражение крови (никакая антисептика при операции не применялась). Он ослабел на глазах, потерял сознание и в четверть третьего ночи 14 сентября умер на руках у жены.

Чолгош заявил полиции, что «исполнил свой долг», поскольку у республики не должно быть правителей. Он на-

стаивал, что действовал один, но в Чикаго всё равно провели облаву и арестовали с дюжину анархистов. 10 сентября пришли и за Эммой Голдман. Однако потом всех пришлось отпустить. Зато Чолгош 23 сентября предстал перед судом, а 29 октября был казнён на электрическом стуле, так и не раскаявшись в содеянном.

Английский король Эдуард VII и другие европейские монархи объявили траур по убитому президенту. 17 сентября гроб с телом Маккинли выставили в ротонде Капитолия для прощания; тысячи людей часами стояли под дождём, чтобы войти внутрь. Затем траурный поезд проследовал через несколько городов до Кантона, штат Огайо, — родного города Маккинли. Биржу лихорадило, но на фоне траура падение котировок осталось незамеченным.

Первая леди сопровождала гроб с телом мужа, моля Бога, чтобы Он забрал и её. (Остаток дней она проживёт в Кантоне и умрёт в мае 1907 года, в 59 лет, за несколько месяцев до открытия мраморного монумента в память о её муже.)

По всей стране разлетелись слухи, что убийство президента — лишь часть большого заговора. В Чикаго бродячий торговец рассказывал репортёрам, что он якобы подслушал в поезде разговор анархистов: следующими будут Морган и Джон Д. Рокфеллер. Резиденцию Рокфеллера окружило плотное кольцо охраны. Однако истинная опасность исходила от нового президента страны — им стал Теодор Рузвельт, принеся присягу в день смерти Маккинли. «Большинство законов против трестов, не только внесённых, но и введённых в действие, — не умнее средневековой буллы против кометы и ничуть не эффективнее её», — заявил он. Рузвельт делил тресты на плохие, обманывавшие потребителей, и хорошие, назначавшие справедливые цены и предоставлявшие качественные услуги. Он собирался сосредоточить усилия на борьбе с плохими трестами, символом которых для него была «Стандард ойл»...

Марк Ханна посоветовал новому президенту, самому молодому в истории страны, избегать провокационных заявлений, и тот устроил ужин в честь Джона Моргана, сказав одному из членов кабинета: «Вот видите, я делаю усилие, чтобы стать консерватором, поддерживающим связь с могущественными людьми, и, на мой взгляд, заслуживаю поощрения». Он также обращался за советами к сенатору Олдричу и дружелюбно вёл себя с бизнесменами. Однако Генри Флаглер не стал искать с ним личной встречи. Чутьё побуждало его остерегаться — как и Джона Д. Рокфеллера.

Настал день свадьбы Джона-младшего. 8 октября Рокфеллеры прибыли в Провиденс в частном вагоне, забронированном Джоном Д., и поселились в отеле «Наррагансетт». Вместе с родителями Джона и тётёй Лют приехали дядя Уильям с тётёй Мирой, Альта и Бесси с мужьями, Уильям и Перси с жёнами и даже Джеймс Стилман-старший. Эдит с Гарольдом находились в Швейцарии: Гарольду, впавшему в депрессию после смерти Джека, потребовалась помощь психиатра.

Дяди Фрэнка тоже не было. В 1900 году он решил окончательно заделаться скотоводом. Он рассказывал журналистам, что на эту мысль его навели опыты с морскими свинками: он скрещивал их, чтобы получить определённый окрас. На ярмарке в Канзасе Фрэнк купил за 5050 долларов быка-производителя герефордской породы, привезённого из Англии, и был избран президентом Ассоциации селекционеров Герефорд, а потом подарил ценного телёнка местному сельскохозяйственному колледжу. Он считал, что будущее животноводческой индустрии за выращиванием безрогого скота. Кроме того, он начал кампанию по спасению буйволов от уничтожения. На следующий год газета «Вичита дейли игл» назвала канзасское ранчо Фрэнка Рокфеллера «раем на земле». На ранчо было 15 просторных хлевов для скота самых разных пород; на 500 акрах росла люцерна на корм скоту, имелись отопление, водопровод, теннисный корт; туда съезжались гости со всей округи. Фрэнк терпеть не мог, когда его «главное дело» называли прихотью богача, однако бывал на ранчо лишь наездами, предоставляя чужим людям право управлять им, а также судиться с соседями, захватывавшими части его участка, сносить заборы и драться, а сам по большей части жил в Кливленде. В сентябре, разорившись на очередных спекуляциях, он сказал Уильяму, что объявит себя банкротом, если немедленно не получит 86 тысяч долларов. Уильям тайком попросил Джона уплатить половину этой суммы, взяв остальное на себя; и Джон согласился при условии, что Фрэнк не будет об этом знать. Понятно, что на свадьбу племянника его не пригласили.

Девятого октября, войдя в балльный зал, жених даже не заметил обвивающего стены винограда, благоухающих роз и нежных орхидей: ничто не могло сравниться с красотой и свежестью его возлюбленной, которую подвёл к нему тесть. На Эбби было атласное платье цвета слоновой кости с жемчужным колье поверх высокого кружевного воротника.

Брачный обряд совершил преподобный Дж. Колби, который 37 лет тому назад обвенчал Джона и Сетти. Церемония заняла всего семь минут, после чего молодожёны и 35 свидетелей вышли в сад, где их ждали пять сотен гостей с бокалами, наполненными лучшими винами: сенатор Олдрич не собирался делать уступок своим непьющим новым родственникам. Один из друзей Рокфеллера-старшего наивно похвалил «имбирное пиво» — он никогда ещё не пил шампанского.

А вот мать жениха на свадьбе не присутствовала. «Мы приехали из Кливленда, но я заболела и не смогла быть на церемонии. Такое разочарование для всех нас», — записала Сетти в дневнике. Разыгравшийся колит приковал её к постели. Хотя, возможно, свою роль сыграло и нервное напряжение — перспектива оказаться среди грешников приводила её в ужас. О том, как проходило торжество, ей рассказали муж и сестра.

На следующее утро Джон и Эбби написали ей по отдельному письму из отеля «Плаза» в Нью-Йорке, где они провели брачную ночь, после чего уехали на месяц в Покантико. Там они и распаковали 415 свадебных подарков, среди которых было несколько одинаковых серебряных чайных сервизов и канделябров. Оба любили отдыхать на природе: золотая осень на холме Кайкат, утренний туман, стелющийся над лебединым озером, — что может быть прекраснее? «Быть женатым просто чудесно», — сообщил Джон матери.

Первое время новобрачные жили с родителями Джона в доме 4 по Западной 54-й улице, пока их собственный дом 13 ремонтировался. Один приятель Джона по колледжу спросил Эбби, что они намерены делать с огромным домом, где бродит эхо, для которого они закупают мебель. «Мы наполним его детьми», — ответила она.

Но прежде надо было притереться друг к другу. Эбби потребовалось ангельское терпение, чтобы сносить одержимость Джона порядком. Он любил предсказуемость, а она радовалась сюрпризам. Когда он попросил завести книгу домашних расходов, она коротко ответила: «Не буду!» Она отказывалась ходить в церковь каждую неделю, но при этом отклоняла приглашения на светские мероприятия, если те выпадали на воскресенье. Она смирилась с тем, что обед всегда по расписанию, по воскресеньям муж ходит на собрания в церковь, а за ужином собираются те же гости, с какими он познакомился в отцовском доме. Но она могла

высказать ему всё, что думает по поводу напыщенного священника и его велеречивой жены, а после их ухода заказывала горячий шоколад, любимый напиток Джона, и разучивала с ним новые танцы. Ещё они читали друг другу. Им нравилось быть вдвоём. Джон, привыкший, что в обществе женщин он главный, порой проявлял собственнические замашки: если Эбби зачем-то ему нужна, она должна всё бросить и бежать к нему. Но ей это было даже приятно: она же видела, как страдала её мать от пренебрежения мужа.

Джон подарил жене на свадьбу тысячу долларов и был удивлён, когда она передала эти деньги Ассоциации молодых христианских женщин. При этом Эбби придавала большое значение своему внешнему виду и могла провести полчаса перед зеркалом, примеряя то эту брошь, то вон ту шляпку для создания законченного образа. «Ну, как тебе?» — спрашивала она Джона. Тот мычал что-то одобрителное. «Ты ведь даже не взглянул на меня! А ну, отложи свои дурацкие бумаги и удели внимание жене!» Она предпочитала экстравагантные шляпы, привлекавшие к ней взгляды. А вот обедать в ресторанах не любила, считая, что там недостаточно гигиенично. Ей нравились развлечения вроде катания на осликах, и Джон, уступая ей, соглашался на такое, чего сам никогда в жизни не попробовал бы.

Эбби не была мотовкой, ей с детства внушали, что лучше заштопать штору, чем купить новую; и всё же её бережливость не шла ни в какое сравнение с мелочностью Джона. К тому же он привык вмешиваться во все домашние дела. Но она была дочерью политика и умела разруливать конфликтные ситуации, не доводя их до крайности. Со временем она приучила мужа к мысли, что картины, изящная мебель и предметы искусства — не пустая трата денег. Джон, выросший в спартанской обстановке, был благодарен жене за то, что она окружила его красотой. Их дом был обставлен со вкусом, богато, но без кричащей роскоши, — даже Альва Вандербильт одобрила бы.

Что касается религии, то она была для Эбби формой общественной жизни, а не способом укрыться от своих проблем. Она убедила женщин, посещавших занятия по изучению Библии при баптистской церкви с Пятой авеню, начать регулярные встречи с привлечением соседей-иммигрантов, которые рассказывали бы о том, как им живётся на новом месте, о чём мечтается, как они жили раньше. Венгры, ирландцы, итальянцы, чехи готовили свои национальные блюда, исполняли народные мелодии, рассказывали

о своей ежедневной борьбе за выживание. Эбби охотно училась народным танцам. Её целью было не столько внушить какие-то ценности иммигрантам, сколько познакомить снобов из высшего общества с реальной жизнью. В итоге благочестивые дамы начинали заниматься благотворительностью, улучшением жилищных и санитарных условий «сестёр во Христе» и их детей. Джон, преподавая в воскресной школе, тоже пришёл к выводу, что Христос проповедовал открытость и толерантность. «Социальный дарвинизм» был чужд и Рокфеллерам, и Олдричам.

Тот год ознаменовался ещё одной громкой свадьбой: 28-летний Джеймс Стилман-младший женился на Фифи Поттер, 22-летней рыжеволосой вертихвостке. Поттеры, снобы и консерваторы, были связаны с крупным банком братьев Браунов. Отца Фифи принимали в высшем обществе, но вот её мать Кора Эркхарт считалась там парией. Красавицу из Нового Орлеана, старшую из трёх дочерей мелкого торговца, в 20 лет выдали замуж за Джеймса Брауна Поттера; в брачную ночь она подралась с мужем и выбросила обручальное кольцо в окно поезда. Молодожёны уехали в Англию, в Брайтон, и там Кора дебютировала на сцене Королевского театра в пьесе «Гражданская война». Позднее ту же пьесу поставили в Нью-Йорке, в театре на Пятой авеню; у Кору сложился успешный дуэт с актёром Гарольдом Белью. Но муж всё же вступил в супружеские права, и у них родилась дочь Анна (Фифи). В 1886 году Поттеры снова находились в Англии, были представлены принцу Уэльскому и получили приглашение провести с ним уик-энд. После этого Поттер вернулся в Америку, а Кора осталась. «Мы теперь живём не в тёмные времена, когда жёны были рабынями, — написала она мужу. — P. S. Я ненавижу твою семью». Но развелись они только 4 июня 1900 года. Поттер ещё раньше добился права воспитывать дочь и забрал её к себе.

Юная Фифи переняла от матери импульсивность, дерзость и театральность. В 1899 году во время катания на яхте Оливера Пейна она улеглась на пальто юного Джеймса Стилмана, словно это был коврик, и тот был покорён. Отец молодого человека оборвал ухаживания, отправив его в Вайоминг. Впервые в жизни Джеймс-младший проявил самостоятельность и помчался в Мехико, где Фифи жила с отцом. Сделал ей предложение, она отказала. Потом, вернувшись в Нью-Йорк, девушка приняла приглашение на ужин от одной видной матроны, и та ловко устроила так,

чтобы оставить её наедине со своим сыном, который повёл себя не по-джентльменски. Фифи убежала, позвонила Стилману-младшему и приняла его предложение.

Стилман-старший сдался и подарил Фифи на свадьбу длинную нитку жемчуга. В руках она держала не букет и не молитвенник, а веер из белых страусовых перьев. Банкир купил 340 акров земли по соседству с поместьем Рокфеллеров в Покантико и начал строить там швейцарское шале из тридцати пяти комнат. Джон и Сетти содрогнулись при мысли, что тот однажды вздумает представить им свою невестку. Семья — это прекрасно, но родственники — вечная заноза в пальце.

Твёрдость и предубеждение

В октябре 1901 года на Бродвее, 26, состоялась тайная встреча Маркуса Сэмюэла из «Шелл» и Джона Арчболда. «Эта компания представляет собой самое крупное агентство по торговле нефтепродуктами по всему миру, вне сферы наших собственных интересов, — сообщил Арчболд Рокфеллеру. — Он здесь, несомненно, затем, чтобы поднять с нами вопрос о некоем союзе, с его стороны — предпочтительно о продаже нам большей доли в их компании». Но два месяца спустя, испугавшись, что позволит Арчболду забрать слишком большую власть, Сэмюэл передумал и заключил договор с Генри Детердингом из «Роял Датч», который привлёк к их союзу французский банк «Братья Ротшильды». Вместе они создали «Азиатик петролеум компани» для эксплуатации нефтяных месторождений на юге России* и освоения новых рынков. Арчболд ответил новой ценовой войной.

Дома ситуация складывалась не менее тревожная: в феврале 1902 года президент Теодор Рузвельт начал судебное преследование против «Нозерн секьюритиз компани» — холдинга, созданного Дж. П. Морганом для объединения железных дорог на тихоокеанском побережье. Вспокоившиеся бизнесмены начали срочно избавляться от акций. Но Морган не стал объявлять «Тедди» войну. Лучше

* В скором времени бакинские нефтеперерабатывающие заводы начнут работать с перебоями из-за деятельности революционеров; с 1903 года там будут устраивать забастовки и силовые операции против Ротшильдов и Нобелей (последние перенесут производство в Румынию).

перейти в стан «хороших» трестов и заручиться поддержкой президента на будущее. Тем временем Джон Рокфеллер-младший наконец-то нашёл своё призвание: 27 февраля он вместе с Эбби провёл в своём новом доме совещание по вопросам развития образования в южных штатах, в котором участвовали десять человек. Проговорили до полуночи, строя планы новых благотворительных кампаний на миллион долларов, выделенный Рокфеллером-старшим. Так родилась Дирекция общего образования — ДОО (а не Дирекция негритянского образования, как предлагал Джон). Через год сенатор Олдрич проведёт через конгресс закон о её официальном учреждении; это будет единственная благотворительная организация Рокфеллеров, получившая федеральный устав и постоянную государственную поддержку.

В это время под главное детище Рокфеллера, «Стандард ойл», собирались подложить бомбу. В декабре 1901 года Генри Роджерс случайно увидел в журнале «Макклюр мэгэзин» анонс серии статей об истории создания крупнейшей нефтяной корпорации. Обеспокоенный, он написал своему другу Марку Твену, который печатался в этом журнале: «Представляется совершенно естественным, что любой человек, желающий написать подлинную историю, станет искать сведения из оригинальных источников». Не мешало бы перед публикацией предоставить эти статьи для ознакомления руководству треста. Марк Твен «взял за пуговицу» Сэмюэла Макклюра, но тот по всем вопросам переадресовал его к автору — ответственному редактору журнала Иде Минерве Тарбелл, 45-летней женщине с юношеским блеском в глазах, носившей блузки со стоячими воротниками и строгие причёски. Она тотчас ухватилась за возможность пообщаться с одним из главных людей в «Стандард ойл», известным под прозвищем Адский пёс.

Роджерс пригласил её к себе домой на Восточную 57-ю улицу. Тарбелл была поражена его внешним сходством с Твеню — только нос у «пирата» был тонкий, орлиный, хищный. А тут ещё оказалось, что много лет назад они с Адским псом были соседями. Ида родилась в 1857 году в Пенсильвании, в деревняной избушке, которую её отец Франклин Тарбелл построил в 30 милях от того места, где Эдвин Дрейк двумя годами раньше установил первую буровую вышку. Она росла среди дерриков, нефтяных резервуаров, трубопроводов, нефтеперегонных заводов и с наслаждением барахталась в кучах сосновых опилок — её отец делал бочки, в которых перевозили нефть. Их дом сто-

ял на холме, а у его подножия, за оврагом, жил Генри Роджерс, занимавшийся перегонкой нефти; он иногда видел девочку, собиравшую цветочки. Вскоре бочки заменили цистернами; Тарбелл, оставшийся без работы, попытался сам добывать и очищать нефть. Но все независимые нефтеперегонные предприятия потихоньку прибрала к рукам компания «Стандард ойл»; Тарбелл держался до последнего, а Роджерс перешёл на работу в корпорацию и стал одним из членов руководства...

В 19 лет Ида поступила в колледж Аллегейни в Мидвилле, оказавшись единственной девушкой на курсе. Ей нравилось рассматривать препараты в микроскоп, она собиралась стать биологом. Окончив колледж, она два года преподавала в семинарии города Поланд, штат Огайо, а потом нашла работу в газете, которую издавала организация «Шетоква» — по выражению Теодора Рузвельта, «самая американская вещь в Америке»: она разрабатывала летние образовательные программы, привозила в сельскую местность лекторов, учителей, музыкантов, проповедников, актёров лёгкого жанра и разного рода специалистов для развлечения и расширения кругозора местного населения. У Иды было много поклонников, однако она решила, что никогда не выйдет замуж и будет сама зарабатывать на жизнь: чувства могут только помешать карьере.

В 1891 году она с друзьями переехала в Париж и поселилась в богемном квартале на левом берегу Сены. Ида Тарбелл хотела написать биографию жирондистки мадам Ролан, погибшей на гильотине со словами: «Какие преступления совершаются во имя свободы!» Одновременно она посещала лекции в Сорбонне и посылала статьи в газеты Пенсильвании и Огайо, брала интервью у знаменитых парижан, от Луи Пастера до Эмиля Золя. Вырученных денег едва хватало на жизнь, поэтому, когда к ней домой явился Сэмюэл Макклюр — «циклон во фраке», как назвал его Редьярд Киплинг, — она с радостью приняла его предложение о сотрудничестве. Макклюр собрал тогда команду из самых талантливых американских писателей (среди них были Теодор Драйзер, Марк Твен, О. Генри), чтобы создать новый серьёзный журнал, в котором публиковались бы материалы о технических новинках, научных исследованиях, технологиях будущего и серьёзный анализ важных вопросов — в противовес скандальной хронике Пулитцера и Хёрста.

В июне 1892 года, вскоре после блицвизита Маккляра, Ида узнала из газет, что на её малой родине был страшный

пожар, 150 человек сгорели или утонули, спасаясь от огня. На следующий день её брат Уилл прислал ей телеграмму в одно слово: «Живы». Однако она не могла избавиться от чувства вины, что она в Париже, а они там, сражаются с нищетой (один из партнёров её отца застрелился от безысходности, сам отец был вынужден заложить дом, чтобы расплатиться с долгами). Тогда же ей в руки попала брошюра Генри Демаре Ллойда «Богатство против Содружества», и она узнала имя врага своей семьи: Джон Д. Рокфеллер. Если раньше она собиралась писать для нового журнала о сталепромышленниках и сахарном тресте, то теперь её внимание обратилось на «Стандард ойл». Она решила написать «большой американский роман», сюжет которого опирался бы на историю нефтяного треста.

В 1894 году Ида вернулась в Нью-Йорк и опубликовала биографии Наполеона и Линкольна: они печатались в «Макклюр мэгэзин», в результате чего тираж журнала взлетел с 24,5 тысячи экземпляров в 1894 году до 300 тысяч в 1899-м. Она стала редактором журнала, купила себе дом в Гринвич-Виллидж и приготовилась взяться за главный труд своей жизни — «Историю “Стандард ойл”», но уже без беллетристики. Макклюр, к которому она специально съездила в Швейцарию, одобрил её новый проект.

«Не делай этого, Ида, — они разорят журнал», — сказал отец, узнав о её планах; он даже боялся, что дочь убьют или покалечат. Но её брат Уильям Уолтер Тарбелл, ставший в 1902 году казначеем «Пьюр ойл компани» — самого серьёзного конкурента «Стандард ойл» в Америке, — рассказывал ей в письмах о ценовых манипуляциях «Спрута», направлял к ней для разговора врагов Рокфеллера и даже вычитывал её рукописи.

Если Рокфеллер что-то и прознал о готовящейся журналистской «стряпне», то, как обычно, ответил презрительным молчанием. Единственную «угрозу» Тарбелл получила от вице-президента «Нэшнл сити банка» Фрэнка Вандерлипа: на одном званом ужине в Вашингтоне тот отвёл её в сторонку и выразил недовольство её проектом. «Что ж, сожалею, — ответила Ида, — но мне, конечно же, всё равно». Она продолжала встречаться с Роджерсом на Бродвее, 26, соблюдая правила конспирации: входила в одну дверь, а выходила в другую. Сэмюэл Додд подбирал для неё материалы, Дэниел О’Дэй передавал информацию о трубопроводах... А вот Джон Арчболд сразу почувствовал предвзятость журналистки и сотрудничать с ней отказался.

К работе она подошла добросовестно, хотя гряда обрушившихся на неё документов (судебных протоколов, отчётов Промышленной комиссии) чуть не погребла её под собой. К июню, закончив первые три части, Ида призналась, что уже не может думать ни о чём другом, «Спрут» ей даже снится. Передав эстафету своему помощнику Джону Сиддаллу из кливлендской газеты «Плейн дилер», она уехала отдохнуть в Швейцарские Альпы, а вернувшись, встретила с Генри Демаре Ллойдом в его приморской усадьбе в штате Род-Айленд. Кипя от гнева, первый обличитель Рокфеллера сказал ей, что Джон Д. и его компаньоны воплощают собой «самые опасные тенденции современной жизни», а крупные фрахтователи до сих пор получают существенные скидки с железнодорожных тарифов, только власти не в курсе, потому что мошенники уничтожают доказательства. Позже, узнав, что Тарбелл встречалась с Генри Роджерсом, Ллойд решил, что она в сговоре с компанией, и предупредил своих знакомых в Пенсильвании, чтобы те её остерегались. (Впоследствии все его сомнения развеются, и в сентябре 1903 года Ллойд умрёт со спокойной душой, зная, что смена пришла.)

Пока Тарбелл беседовала со свидетелями и копалась в документах, в Пенсильвании началась очередная стачка горняков, недовольных условиями труда и жизни. Около тридцати тысяч рабочих уехали из этого штата, по большей части на битумные месторождения Среднего Запада; десять тысяч вернулись в Европу. Вспыхнули столкновения между забастовщиками, с одной стороны, и штрейкбрехерами, полицией и сотрудниками детективных агентств — с другой. 8 июня 1902 года Теодор Рузвельт поручил Министерству труда провести расследование; глава министерской комиссии Кэрролл Райт предложил ряд реформ: введение девятичасового рабочего дня на экспериментальной основе, ограничения при заключении коллективных трудовых соглашений. Рузвельт побоялся опубликовать его доклад, чтобы не сложилось впечатление, что он на стороне профсоюза. Но если стачка затянется до зимы, когда потребность в угле резко возрастёт, последствия могут оказаться очень тяжёлыми. 3 октября президент созвал совещание представителей правительства, трудящихся и руководства предприятий. Последние заявили ему, что забастовщики убили два десятка человек и что правительство должно защитить тех, кто хочет работать, а также их семьи, только тогда возможно избежать угольного дефицита зимой.

Рузвельт попытался убедить профсоюзных лидеров прекратить стачку, пообещав создать комиссию для расследования проблем и поиска их решения, но те отказались.

Зарплата шахтёров составляла большую часть расходов на производство угля; в 1902 году отрасль переживала кризис перепроизводства, цены упали, поэтому владельцы шахт в общем-то не возражали против умеренно продолжительной забастовки: предложение сократится, цены поползут вверх. К тому же у них были запасы угля, которые с каждым днём повышались в цене. По закону бизнесмены не могли вступать в сговор для ограничения производства. Рабочие, погибавшие в плохо оборудованных шахтах и получавшие гроши за тяжёлый труд, отказом от работы невольно действовали в интересах владельцев, думая, что борются за свои права. От переговоров отказывались и те и другие. Но Рузвельт не оставлял попыток примирения, прося Гровера Кливленда войти в создаваемую им комиссию. Кроме того, он подумывал о национализации угольных шахт под началом героя Гражданской войны и бывшего военного министра Джона Скофилда, то есть о передаче их под контроль вооружённых сил. Действующий военный министр Элиу Рут обратился за посредничеством к Джону П. Моргану, интересы которого как владельца нескольких железных дорог стачка затрагивала напрямую. Работодатели в конце концов согласились на учреждение комиссии, в которую вошли бы военный инженер, горный инженер, судья, специалист по угольному бизнесу и «видный социолог», то есть представитель профсоюза. Последним стал Э. Кларк, глава профсоюза железнодорожных кондукторов. Под давлением церковников президент включил в комиссию католического епископа; седьмым её членом стал Райт. 23 октября стачка закончилась.

На следующий же день комиссия приступила к работе: неделю объезжала угольные регионы, собирая данные, а потом три месяца заседала в Скрентоне, штат Пенсильвания, опрашивая 558 свидетелей, — и в итоге пришла к выводу, что социальные условия в шахтёрских посёлках вполне сносные, всякие «ужасы» носят единичный характер, а утверждения шахтёров, что их зарплата недостаточна «для поддержания американской нормы жизни», обоснованы лишь частично. «Эти люди не страдают, — заявил один из членов комиссии. — Чёрт возьми, да половина из них даже не говорит по-английски». Всё закончилось компромиссом: шахтёры получили прибавку к жалованью в десять

процентов — вдвое меньше, чем требовали, девятичасовой, а не восьмичасовой рабочий день вместо существовавшего десятичасового; работодатели, так и не признавшие профсоюз, были вынуждены согласиться на создание арбитражной комиссии для урегулирования споров. Профсоюз горняков назвал это победой. Между тем зимой угля действительно не хватило, приходилось топить мазутом, и цены на нефть резко поднялись.

Нефтепродуктам находили всё более разнообразное применение. В 1898 году в Америке было 800 автомобилей, а в 1900-м — уже восемь тысяч. Когда Генри Форд выкатил из гаража свой новый, дешёвый автомобиль, рядом стоял Чарли Росс, агент по продажам «Стандард ойл», с канистрой бензина «Атлантик ред ойл». 17 декабря 1903 года в долине Кити-Хок состоялся первый полёт аэроплана, сконструированного братьями Райт. Его двигатель внутреннего сгорания был заправлен бензином, доставленным агентами «Стандард ойл». В 1903 году британские военно-морские силы перевели несколько военных кораблей с угля на мазут, и это привлекло внимание руководства военного флота США. А парафин стал главным изолятором, который использовала нарождающаяся телефонная сеть и электрическая индустрия вообще. Джон Д. Рокфеллер был тысячу раз прав, советуя покупать акции «Стандард ойл». В 1902 году его личный доход составил 58 миллионов долларов, а на домашние расходы он потратил только 439 тысяч (подоходный налог в то время не взимали). «Богатство человека определяется соотношением между его желаниями и тратами и его доходом. Если он чувствует себя богатым, имея десять долларов, и получает всё, чего желает, он действительно богат» — эту фразу Рокфеллера привёл в мае того же года журнал «Космополитен».

Но аппетит приходит во время еды. После крайне удачной сделки с продажей тресту «ЮС стил» железорудных шахт Месаби Фредерик Гейтс по совету Джорджа Гулда посетил Колорадо и осмотрел владения крупнейшего работодателя этого штата — компании «Колорадо фьюэл энд айрон», которой принадлежали 24 угольные шахты, поставлявшие кокс на её собственный металлургический комбинат. Гулд полагал, что, если бы эта компания перешла под контроль Рокфеллеров, те заключали бы выгодные контракты с его железными дорогами на перевозку угля. Гейтс надеялся повторить успех. В ноябре 1902 года Джон Д. Рокфеллер заплатил шесть миллионов долларов за 40 процен-

тов акций и 43 процента облигаций компании, получив, таким образом, контрольный пакет. И только позже выяснилось, что руководство компании было бандой «лжецов, мошенников и воров».

И не только оно... В октябре, когда стачка в Пенсильвании ещё продолжалась, Линкольн Стеффенс, ещё один редактор журнала Маккьюра, начал публиковать серию статей о коррупции и борьбе с ней, которая позже выйдет отдельной книгой «Позор городов». (В последней статье, напечатанной 24 февраля 1905 года, речь пойдёт о сенаторе Олдриче и о коррупции в штате Род-Айленд.) А в ноябрьском выпуске журнала поместили начало «Истории компании “Стандард ойл”».

Для возбуждения интереса Тарбелл, подобно Шахерзаде, завершала каждый выпуск так, чтобы читатель ждал продолжения. Маккьюр держал руку на пульсе. «Не будет отклика — не будет новых глав, — сказал он Иде Тарбелл. — Будет здоровая реакция — будет столько глав, сколько потребуется, чтобы вместить материал». И реакция последовала — да ещё какая! Номера журнала отрывали с руками, общественность бурлила. Ида Тарбелл, как выразился Маккьюр, стала «самой знаменитой женщиной в Америке», о ней писали в газетах, а после третьего выпуска, в январе 1903 года, сам президент Рузвельт послал ей записку с похвалами. Но журналистка с замиранием сердца ждала реакции Адского пса. «Я ожидала, что он порвёт со мной, когда поймёт, что я пытаюсь доказать, что компания “Стандард ойл” — всего лишь расширенная “Южная компания по благоустройству”», — вспоминала она позже. Однако Роджерс не отказал ей в новых встречах и вёл себя учтиво и дружелюбно. На данном этапе рассказа он ещё не вышел на сцену, и его мало заботил урон, наносимый репутации компании, пока его собственное имя оставалось незапятнанным. Возможно, что это была и его месть Джону Д. Рокфеллеру, не одобрявшему его биржевых операций и банковской деятельности*. Сам же Рокфеллер заявил партнёрам, призывавшим его ответить Тарбелл: «Господа, мы не должны ввязываться в дискуссии. Если она права, мы ничего не выиграем, ответив ей, а если она не права, время за нас отомстит».

* В конце июня 1902 года в Нью-Йорке заработал трест «Взаимный альянс»; среди тринадцати его директоров были Уильям Рокфеллер, Корнелиус Вандербильт и Генри Роджерс.

Президент Рузвельт читал статьи Тарбелл очень внимательно. В начале 1903 года был принят «закон Элскина» (дополнявший закон о торговле между штатами), который вводил штрафы для перевозчиков, предоставлявших скидки крупным клиентам: тарифы должны быть едиными для всех. Но штрафами никого не напугаешь, и новый закон оказался не эффективнее старого. Зато 14 февраля при Министерстве торговли и труда учредили Бюро корпораций с широкими полномочиями для контроля над монополиями. Это была попытка преодолеть дефицит квалифицированных кадров для сбора и анализа информации: на бой с трестами надо было выступать во всеоружии. Чтобы привлечь на свою сторону общественность, президент сообщил репортёрам, что шесть сенаторов получили телеграммы по поводу этого бюро: «Мы против антимонопольного законодательства. Наш советник встретится с вами. Это нужно остановить. Джон Д. Рокфеллер». Как он и рассчитывал, эффект был велик: возмущение зашкаливало, все сомнения в необходимости нового ведомства сразу отпали. «Я пробил закон, опубликовав эти телеграммы и сосредоточив внимание общественности на этом законе», — воскликнул Рузвельт.

На самом деле телеграммы отправил Джон-младший по совету Арчболда — и теперь ужасался, во что Арчболд его втравил. Как он подставил отца! «Я вышел из колледжа таким идеалистом, — вспоминал Джон позже, — и сразу же очутился в гуще деловых операций “ты мне, я тебе”. Я был к этому не готов».

Арчболд, живший в Тарритауне, каждую субботу утром заезжал в Покантико к Рокфеллеру, дарил ему красное яблоко и советовался по деловым вопросам. Кроме того, он часто брал с собой Джона-младшего, когда ехал на работу на катере по Гудзону; они вместе завтракали, Арчболд общался с делами; тогда-то молодой Рокфеллер и открыл для себя «тёмную сторону луны». Партийные боссы (Марк Ханна, Корнелиус Блисс) стояли, по его выражению, «у чёрного входа со шляпой в руке». Внутренне возмущаясь, Джон-младший всё же не мог устоять под напором Арчболда. После женитьбы он даже использовал по его просьбе свои новые родственные связи — например, в 1903 году попросил тестя добиться назначения Бойза Пенроуза в сенатский комитет по финансам, потому что тот «несколько лет является другом некоторых джентльменов из нашей компании и всегда вёл себя по-дружески в отношении компании».

В представлении журналистов главой компании по-прежнему являлся Джон Д. Рокфеллер, поэтому Арчболд не привлекал их внимания; зато любой поступок, любое высказывание наследника сразу вызывали многочисленные комментарии. «Он редко тратит больше 50 центов на ланч, — сообщала читателям «Нью-Йорк дейли ньюс» 27 августа 1901 года. — Он не пьёт спиртных напитков, умеренно использует табак, а его счета от портного за год далеко не так велики, как у процветающего клерка из конторы на Уолл-стрит». Число посетителей воскресной школы при баптистской церкви на Пятой авеню, где Джон с 1900 года вёл занятия, затрагивая «финансовые, образовательные, социологические и религиозные вопросы, а также говоря о помощи ближнему в целом», резко возросло — с пятидесяти до двухсот, а потом и до пятисот человек; среди них были бухгалтеры, клерки, агенты по продажам, студенты, а также многочисленные журналисты, задававшие провокационные вопросы. В феврале 1902 года, выступая перед членами юношеской христианской ассоциации Брауновского университета, Джон попытался оправдать создание корпораций, поскольку это — благо по сравнению с дикой конкуренцией, и привёл в пример сорт роз «американская красавица», который был выведен в результате постоянной болезненной обрезки и прищипки. Потом эта метафора, выдернутая из контекста, ещё долго преследовала Рокфеллера-младшего: в ней увидели кредо хищнического капитализма.

Рокфеллер-старший по обыкновению посоветовал сыну не обращать внимания на критику, но тот отчаянно хотел восстановить доброе имя семьи и вести такую жизнь, чтобы его не в чем было упрекнуть. Ему не удалось «примирить свою совесть с реалиями практической жизни». Нет, бизнесмена из него точно не выйдет...

Джон Д., получавший угрозы физической расправы, был вынужден обратиться к услугам частного охранного агентства Алана Пинкертона. Журналистов он к себе не подпускал на пушечный выстрел, а Сиддалл считал, что очерк об этом незаурядном человеке, о котором никто ничего не знает, стал бы козырной картой для журнала Маккляра. Он рьяно взялся за дело: попросил одного друга из «Плейн дилер» прикинуться учителем воскресной школы и таким образом проникнуть на ежегодный баптистский пикник в Форест-Хилле. В апреле 1903 года, разговаривая по телефону с зятем Рокфеллера Уильямом Раддом, Сид-

дал совершенно случайно узнал, что Рокфеллер-отец всё ещё жив — кочует где-то на Западе, кажется, в Дакоте. Как, неужели? При посредничестве своего брата, одного из адвокатов Фрэнка Рокфеллера, Сиддалл попробовал прояснить этот вопрос через секретаря Фрэнка, но тот честно ответил, что не посмеет спросить об этом ни Фрэнка, ни какого-либо другого члена семьи, а сам он не знает, в какой именно Дакоте — Северной или Южной — живёт старик. Почему такая таинственность? Сиддалл подослал коллегу-репортёра к доктору Биггару, чтобы тот аккуратненько выведал, не заезжали ли они к доктору Рокфеллеру во время недавней поездки на Запад. Биггар ответил: «Нет, мы не были в Дакоте», — понял, что проговорился, и тотчас прикусил язык.

Самую большую помощь журналистам оказал старый приятель Рокфеллера Хирам Браун, с которым Тарбелл когда-то встречалась, работая над книгой о Линкольне. Браун лично знал Большого Билла, поэтому Джон Д. не почувал подвоха и на вопрос об отце ответил, что тот совсем одряхлел, живёт на ферме близ Сидар-Валли в Айове: ему там нравится, и ферма принадлежит ему. «Ему уже девяносто три года, сами понимаете. Говорят, старик совсем оглох, ни слова не слышит. Его племянницы хорошо о нём заботятся, — записала Тарбелл со слов Брауна. — Они говорят, старик лежит в постели и сквернословит целый день. Я уже три года его не видел». Браун также спросил Джона Д., что тот думает о статьях Тарбелл*. При упоминании этого имени Рокфеллер сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. «Знаете, Хирам, многое изменилось с тех пор, как мы с вами были детьми. В мире полно социалистов и анархистов. Стоит человеку добиться успеха в какой-либо отрасли, как они набрасываются на него и начинают поносить». Сиддаллу удалось раздобыть фотографии Рокфеллера, после чего пришлось что-то придумывать, чтобы укрыть своего усердного помощника, кливлендского фотографа, от праведного гнева.

Проводя лето в Форест-Хилле, Рокфеллер появлялся на публике только во время воскресных служб в баптистской церкви на Евклид-авеню. Теперь туда стекались целые тол-

* Весной 1903 года Рокфеллеры отправились на поезде в Сан-Диего: у Джона Д. начались проблемы с бронхами, и врачи посоветовали переменить климат. Во время путешествия Аделла Прентисс Хьюз, сиделка и компаньонка Сетти, читала вслух «Макклор мэгэ-зин». Джон Д. слушал задумчиво, с большим интересом и без злобы.

пы — поглазеть на него, и, несмотря на присутствие агентов Пинкертон в штатском, Рокфеллеру было не по себе; ему очень не хотелось идти в церковь, но он боялся, что его сочтут трусом. На одном молитвенном собрании в пятницу вечером напротив него уселся подстрекатель из числа радикалов, и было видно, как он стискивает в карманах кулаки. Это настолько выбило Рокфеллера из колеи, что он не стал произносить запланированную речь о социализме.

То, что встретить его можно лишь в церкви, ещё больше вредило ему в глазах общественности, для которой он был обычным «богомольным вором», замаливавшим грехи. Людям не приходило в голову, что посещения служб были для него единственным «выходом в свет»: там он встречал давних друзей — простых людей, которым от него ничего не нужно; кроме того, Джон Д. получал удовольствие от совместных молитв и слушания проповедей. В воскресенье 14 июня 1903 года Рокфеллер выступил перед детьми в воскресной школе. Присутствовавший там Сиддалл пожалел, что Ида Тарбелл этого не видит: Рокфеллер в пасторском сюртуке и шёлковом цилиндре обшаривал толпу подозрительным взглядом, словно опасаясь за свою безопасность. «Он склоняет голову и шепчет молитву, поёт гимны, кивает головой, хлопает в ладоши, словно автомат. Всё это для него — работа, часть бизнеса. Он думает, что если будет выполнять её час-другой, то отгонит от себя дьявола ещё на неделю». И только несколько месяцев спустя Сиддалл узнал, что каждое воскресное утро Рокфеллер раздаёт деньги в конвертах нуждающимся членам общины. «Не поколебало ли это Вашу веру в теорию чистого лицемерия?» — написал он Тарбелл. Сам он пришёл к выводу, что в мозгу Рокфеллера всё разложено по полочкам: законный бизнес, махинации, политический произвол, религиозность, частная жизнь.

В начале осени Сиддалл проведал, что Рокфеллер перед отъездом в Нью-Йорк выступит в воскресной школе с краткой прощальной речью; Ида должна увидеть своего «героя». Они захватили с собой рисовальщика Джорджа Вариана, чтобы тот сделал наброски с натуры. Иде было неловко, что она устраивает Рокфеллеру засаду в церкви; она надеялась спрятаться за чьей-нибудь широкой спиной. Она никогда его раньше не видела, но его нынешний облик прекрасно согласовался с тем представлением, какое она себе составила заочно. Рокфеллер вошёл в убогую комнату с матовыми стёклами в окнах и стенами, оклеен-

ными дешёвыми тёмно-зелёными обоями с золотистым рисунком. «Его лицо было ужасно старым — я подумала, что это самый старый человек, какого я только видела, но какая мощь!» — записала она. Он медленно снял пальто и шляпу, натянул на лысый череп чёрный шёлковый колпак и сел, прислонившись спиной к стене (как показалось Тарбелл — из соображений безопасности). Его голос оказался неожиданно сильным. После речи все перешли в церковь; Ида была уверена, что Рокфеллер узнает её в толпе, но он как будто не заметил её.

Стиль статей Иды Тарбелл сильно отличался от писаний Генри Демаре Ллойда: она опиралась на факты, избегала громких фраз и цветистых метафор и методично вспарывала, точно скальпелем, внешние наслоения, скрывавшие механизм работы нефтяного треста, чтобы открыть взгляду все его колёсики и винтики. Тем не менее Ида, действуя, как учёный-естествоиспытатель (каким она хотела стать в юности), не была бесстрашной. В последние месяцы работы над «Историей “Стандард ойл”» она бессильно наблюдала, как её отец умирает от рака, а первопричину этой болезни следовало, по её мнению, искать в бесплодном напряжении сил в щупальцах «Спрута». Как раз тогда она писала о «нефтяной войне 1872 года», и кое-каких мелодраматических перекосов не удалось избежать и ей. На сцену вышла бедная вдова, ограбленная богатыми мошенниками, — миссис Фред Баккус.

История такая. Ещё в молодости Рокфеллер подружился в Кливленде с Фредом Баккусом, который работал в его конторе бухгалтером и преподавал в воскресной школе. Со временем Баккус женился, обзавёлся тремя детьми и открыл небольшой завод горюче-смазочных материалов. В 1874 году сорокалетний Баккус умер от чахотки, и его вдове достался устаревший завод с примитивным оборудованием, к тому же стоявший на холме, поэтому сырьё надо было втаскивать наверх, а готовую продукцию спускать вниз по крутому склону. Пока «Стандард ойл» не занималась производством смазочных материалов, этот заводик её не интересовал. Но в конце 1870-х компания расширила свой ассортимент и поглотила три небольшие компании, включая завод Баккуса, который сразу же закрыли.

Когда вдове сделали первое предложение о продаже, она заявила, что хочет иметь дело лично с Рокфеллером, и тот пришёл к ней домой в память о старом приятеле. «Он пообещал со слезами на глазах, что примет мою сторону в этой

сделке и что я не останусь внакладе, — рассказывала потом вдова одному знакомому. — Я думала, что... могу доверять ему и что он обойдётся со мной достойно». Рокфеллер предложил ей вместе опуститься на колени и помолиться.

В производственном процессе Рокфеллер не разбирался, поэтому послал специалистов произвести оценку завода. Вдова Баккус запросила за него 150—200 тысяч; служащие «Стандард ойл» соглашались заплатить 19 тысяч за запасы нефти и еще 60 за сам завод и земельный участок. Рокфеллер добавил ещё 10 тысяч от себя. Адвокат вдовы Чарлз Марр впоследствии показал под присягой, что его клиентка, составляя опись своего имущества, оценила завод и землю в 71 тысячу долларов, то есть практически в такую же сумму, какую заплатил ей Рокфеллер. Однако она осталась недовольна и написала ему гневное письмо, обвинив в двурушничестве. Рокфеллер ответил ей в выдержанном тоне, напомнив, что два года тому назад она обращалась за советом к нему и Флаглеру, намереваясь продать завод некоему мистеру Роузу по гораздо меньшей цене. А 60 тысяч, уплаченные за производственные помещения, — это в три раза больше, чем нужно, чтобы построить с нуля нечто подобное, и управляющий заводом это подтверждает. Под конец Рокфеллер предложил вернуть ей завод в обмен на полученные деньги или заплатить акциями компании, но вспыльчивая вдова швырнула письмо в огонь.

Первым над историей об обманутой вдове стал проливать слёзы Генри Демаре Ллойд, но тогда его не приняли всерьёз. Теперь же реакция общества была совсем иной. «Если бы это было правдой, — скажет позже Рокфеллер, — это стало бы примером величайшей жестокости — разорить беззащитную женщину. Вероятно, широкое распространение этой истории, принятой за правду теми, кому не были известны факты, возбудило больше враждебности к “Стандард ойл” и ко мне лично, чем любое другое обвинение». В 1905 году адвокаты Рокфеллера передадут журналистам письмо, написанное братом покойного Баккуса, который жил в то время в одном доме со своей невесткой и присутствовал при визите Рокфеллера. «Я знаю о десяти тысячах долларов, добавленных к покупной цене по Вашей просьбе, — писал он Рокфеллеру, — и знаю, что Вы заплатили тройную стоимость имущества; я знаю, что единственный способ спасти нашу компанию от разорения было продать её имущество Вам; я просто хочу облегчить свою душу, воз-

давая Вам должное». Занявшись горюче-смазочными материалами, «Стандард ойл» построила современные заводы, выпускавшие 150 наименований продукции. Вдове со своим заводиком было бы за ней не угнаться, она бы просто разорилась, если бы осталась в этом бизнесе. Теперь же она вложила полученные деньги в недвижимость в Кливленде и сильно разбогатела: к моменту смерти её состояние оценивалось примерно в 300 тысяч долларов. Несмотря на это, она охотно рассказывала всем и каждому, как у неё отобрали завод.

Хотя Тарбелл способствовала укоренению этого мифа, она развеяла другой — о том, что Рокфеллер взорвал конкурирующий завод в Буффало. (Эту утку тоже запустил Ллойд, не склонный проверять факты, и потом она плескалась на страницах «Нью-Йорк уорлд».) Как мы помним, эта история 1881 года привела к суду над Рокфеллером, Роджерсом и Арчболдом по иску Чарлза Мэтьюза и закончилась их полным оправданием. Роджерс потому и сотрудничал с Тарбелл, чтобы стереть это пятно со своей репутации.

Но журналисты не собирались никого покрывать. Один мальчик-подросток, зарабатывавший тем, что каждый месяц сжигал документы на одном из заводов «Стандард ойл», помог Сиддаллу и Тарбелл сделать одно из самых крупных разоблачений. Однажды ночью, собираясь бросить в топку очередную порцию бланков, он заметил на одном из них имя бывшего учителя воскресной школы, который занимался переработкой нефти и был конкурентом «Стандард ойл». Порывшись в документах, предназначенных для уничтожения, мальчик понял, что всё это — тайные донесения от железных дорог с указанием поставок конкурентов. В февральском выпуске журнала за 1904 год Тарбелл рассказала, как агенты железнодорожных компаний шпионили за конкурентами «Стандард ойл». Генри Роджерс всегда отрицал подобные обвинения. Когда Ида в очередной раз появилась на Бродвее, 26, он спросил её с порога: «Откуда вы это выкопали?» Разговор вышел коротким и напряжённым, и больше они уже не встречались. Рокфеллеры и так уже считали Роджерса предателем.

Другой удар в спину нанёс бывший старый друг Генри Флаглер, тоже согласившийся встретиться с Тарбелл и назвавший Рокфеллера «величайшим маленьким человеком и мельчайшим великим человеком, какого он только знал»: «Он может пожертвовать 100 тысяч долларов на благотворительность, а в следующую минуту яростно торговаться о

цене тонны угля». Впрочем, в серьёзный разговор Флаглера вовлечь не удалось, процветание компании Рокфеллера он приписывал тому, что Джону Д. благоволил Господь. Марк Ханна же сказал Иде, что Рокфеллер «здоров во всех остальных отношениях, но помешан на деньгах». (15 февраля 1904 года Ханна скончался в Вашингтоне от тифа, и это избавило Рузвельта от возможного серьёзного соперника на предстоящих выборах.)

Следовало ожидать, что Фрэнк Рокфеллер не упустит случай насолить старшему брату. Одной вашингтонской газете он заявил, что Джон Д. страшно боится похищения и поэтому его повсюду сопровождают вооружённые люди. На самом деле они не виделись уже много лет, так что Фрэнк всего лишь разносил сплетни. Возможно, потому он и уклонялся от встреч с Идой Тарбелл. Но в январе 1904 года Сиддалл узнал, что дочь Фрэнка Хелен и её муж Уолтер Боулер с увлечением читают статьи в «Макклюр мэгэзин». Через Боулера Фрэнк выставил свои условия для встречи: «Я хочу, чтобы ни один член моей семьи о ней не знал. Чтобы о ней не знал вообще никто. Я приму мисс Тарбелл в моей конторе в Гарфилд-билдинг*. Больше никого не будет. Ни один служащий не должен знать, кто такая мисс Т.» Иде даже пришлось одеться по-другому. Это было самое безумное интервью в её жизни.

Ничего не зная о семье Рокфеллер и об отношениях в ней, она была поражена. Совершенно не похожий на высохшего старшего брата, плотный коренастый Фрэнк (он весил около центнера при росте 1,8 метра) жевал табак и без умолку говорил, плюясь коричневой слюной и жёлчью. «Мне нет дела до этого человека, — сказал он. — Я не желаю его видеть. Я видел его всего раз за восемь лет, и то случайно. Он разрушил мою жизнь. Практически свёл с ума мою жену. Два года назад мне пришлось поместить её в лечебницу, где она провела почти год, и всё из-за мстительного чувства этого человека ко мне». Разумеется, он по-своему изложил дело Корригана, заметив, что «Кливленд можно вымостить закладными, по которым он (Джон) отобрал имущество у людей, загнанных в угол», и сказал, что у его брата только две цели: стать очень богатым и очень старым. Досталось даже Сетти — узколобой сквалыге и святоше, же-

* С 1892 года Фрэнк Рокфеллер являлся акционером металлургической компании «Бакки стил» из Колумбуса — столицы штата Огайо, а в 1905 году стал её президентом.

лающей «слыть доброй христианкой и поражать мир своим благочестием и гармонией в семье». А в семье, между прочим, разлад: достигнув девяноста лет, Рокфеллер-отец решил разделить своё имущество, стоившее 87 тысяч долларов, между четырьмя детьми в равных долях, а Джон потребовал сверх того выплатить ему 35 тысяч, которые когда-то дал ему займы. «Старик так разъярился, что больше не приезжает домой. Говорит, что не желает жить в одном штате с сыном». Потом Фрэнк признался, что хочет написать биографию брата, но, поскольку у него нет способностей к сочинительству, он и обратился к Тарбелл: с него — материал, с неё — оформление. Ошарашенная этим предложением, Ида пролепетала, что сейчас слишком загружена работой в журнале; может быть, потом... Тогда Фрэнк выдал финальный аккорд: «Я знаю: вы думаете, что я озлоблен и что всё это неестественно, но этот человек загубил мою жизнь. Почему я не убил его, сам не знаю. Наверное, Бог всё-таки есть и он помешал мне это сделать, потому что сто раз была такая возможность: встретить я его на улице, я знаю, что пристрелил бы его». Ида всё-таки изложила дело Корригана в версии Фрэнка, не называя его имени и вольно цитируя материалы судебного дела, что позволило Джону Д. обвинить её в клевете.

Последняя, семнадцатая глава «Истории...», опубликованная в мартовском номере за 1904 год, называлась «Законное величие компании “Стандард ойл”». «Хотя нет никаких сомнений — писала Тарбелл, — что определяющим фактором успеха компании “Стандард ойл” в приобретении практической монополии на нефтяную промышленность были особые привилегии, которыми она пользовалась с самого начала своей деятельности, так же верно и то, что одними этими привилегиями её успех не объясняется. В создание треста “Стандард ойл” входит нечто помимо незаконных преимуществ. Если бы он обладал лишь теми качествами, которые всегда приписывала ему широкая общественность, его уже давно обрушили бы. Но этот гигант, почерневший от греховной практики, всегда держался за счёт великих деловых достоинств: энергии, ума, бесстрашия. Он всегда был полон молодёжи, как и алчности, умов, как и бессовестности. Хотя он вёл свою большую игру с презрительным безразличием к честности и законности, он делал это ловко, дерзко и умело. Молчаливый, терпеливый, всевидящий человек... настаивал на этих качествах, и благодаря его настойчивости трест “Стандард ойл” всегда был

чем-то большим, чем разбойничья шайка, построенная на разбойничьих принципах: у него были жизнь и будущее».

Почему же этот гигант молчит? Где его энергия, ум и бесстрашие? «Неужто перо сильнее денежного мешка?.. А Ида М. Тарбелл, слабая женщина, могущественнее миллионера Джона Д. Рокфеллера?» — задавалась вопросом одна кливлендская газета. «Жизнь коротка, у нас нет времени на то, чтобы следить за писаниями глупых и беспринципных людей», — высказался Рокфеллер в письме Пармали Прентису. Однажды, гуляя по окрестностям Форест-Хилла вместе с другом, который советовал ему ответить на клевету Тарбелл, Рокфеллер увидел червяка, переползавшего через тропинку. «Если я наступлю на этого червяка, это привлечёт к нему внимание, — сказал он. — Если же я пройду мимо, он исчезнет». И всё же он не оставался полностью неуязвимым. «Он разговаривал со мной о критике в свой адрес, и думаю, ему становилось легче на душе, потому что при внешней бесчувственности он был чувствительным человеком», — вспоминал позже Джон-младший. При этом отец всегда говорил ему под конец таких разговоров: «Ну что ж, Джон, надо проявить терпение. Мы добились успеха, а эти люди — нет».

Это вовсе не значит, что ничего не делалось. «Стандард ойл» несколько лет платила годовое жалованье в 15 тысяч долларов английскому экономисту Джорджу Гантону, который издавал журнал, оспаривавший утверждения Ллойда и Тарбелл. В 1904 году на деньги треста была издана книга «Взлёт и развитие компании “Стандард ойл”», автор которой, Гилберт Холланд Монтаг, начал собирать для неё материалы ещё в 1900—1901 годах, учась на экономическом факультете Гарвардского университета. Гейтс подбивал Рокфеллера обзавестись собственной командой публицистов, и тот разрешил ему поговорить на эту тему с Арчболдом. Обрадовавшись перемене его позиции, Арчболд нанял Джозефа Кларка — поэта и драматурга, издававшего «Нью-Йорк геральд». Кларк поручал своим репортёрам писать статьи типа «Гуманная сторона Джона Д. Рокфеллера», показывать его не машиной для добывания денег и не спрутом, а человеком. Журналисты брали у него интервью во время игры в гольф, и он соглашался сделать несколько нравоучительных замечаний по поводу важных тем.

Джон-младший, привыкший, что отец «изображает устрицу», сначала сомневался в положительном эффекте даже благоприятных публикаций, но затем присоединился

к Пармали Прентису, уговаривавшему Джона Д. опубликовать авторизованную биографию и подорвать тем самым усилия порочащей его Тарбелл — а может, и упредить её. Сначала Рокфеллер не поддавался, уверенный, что время всё расставит по своим местам и история отомстит за него, но потом уступил настояниям сына. В 1904 году он начал диктовать ответы на вопросы о его жизни, задаваемые ему Старром Мёрфи, но у него не лежала к этому душа, и биография так и не была написана.

Вести открытую войну с газетными писаками значило тратить нервы и силы, которых и так было мало. У Рокфеллера и без Иды Тарбелл хватало причин для беспокойства. С Бесси, не отличавшейся крепким здоровьем и жаловавшейся на сердце, весной 1903 года случился удар, после которого она сильно сдала: постарела и даже тронулась умом. Днём она по большей части лежала в постели или бродила по дому в Лейквуде, набросив серую шаль поверх халата. Ей казалось, что они с мужем страшно бедны, поэтому она сэкономила на свечных огарках, штопала бельё, сообщала друзьям, что они не имеют средств, чтобы принимать гостей; Чарльзу приходилось докупать продукты, поскольку тех, что заказывала жена, не хватало для нормального питания. При этом ежегодный доход Бесси составлял более двадцати тысяч долларов. Впрочем, через некоторое время она отбросила страхи и радостно объявила, что они богаты, но при этом почему-то перешла на ломаный французский язык. Уильям Джеймс, навестивший бывшего ученика и друга, был шокирован видом его жены. Весной 1904 года Чарльз Стронг взял отпуск в Колумбийском университете и увёз Бесси в Европу, чтобы показать её французским специалистам по нервным болезням. Может быть, средиземноморский климат пойдёт ей на пользу. Да и ему самому хотелось пожить «на свободе».

В апреле 1904 года у Сетти парализовало половину тела; на восстановление уйдёт два года. Эдит похоронила ещё одного ребёнка: Эдита, родившаяся в 1903 году вслед за своей сестрёнкой Мюриел, умерла, не прожив и года. Отношения с Гарольдом стали натянуто-напряжёнными; Эдит утратила интерес к светской жизни и заперлась в четырёх стенах; у неё развилась агорафобия. Если она ехала куда-то в наёмном экипаже, то давала вознице чёткие указания по поводу маршрута и после не разговаривала с ним всю дорогу. Вилла «Турикум» под Чикаго, которую купил для них Гарольд, — серый каменный особняк в 44 комнаты, с

конической башней, видом на озеро и огромным парком (Эдит прозвала его бастионом), — стояла пустой, нераспакованные фарфоровые сервизы и мебель пылились в чуланах. У Альты были другие проблемы: поскольку отец по-прежнему выплачивал ей (как и другим дочерям) содержание, он периодически проверял баланс, поручая Джону провести аудит. В 1904 году Джон решил, что Альта и Пармали потратили вдвое больше, чем позволяют их доходы; Прентис возмутился этим вмешательством в их личную жизнь, и понервничать пришлось всем.

Выполняя поручения отца, Джон по-прежнему считал себя ни на что не годным и мучился от того, что зря получает зарплату. Эбби смотрела на дело иначе и поощряла его требовать принадлежащее ему по праву — по крайней мере не отказываться от этого. Руководство «Стандард ойл» решило использовать его в качестве «витрины». Тридцатилетнего Джона ввели в совет директоров, после чего он вместе с Бедфордом и Генри Роджерсом отправился объезжать нефтяные скважины в Оклахоме. Тогда-то и оказалось, что застенчивый и нерешительный молодой человек не лишён обаяния. «Бедфорд и Роджерс обнаружили, что я очень хорошо схожусь с людьми и что публике интересно увидеть живого Рокфеллера, — писал он жене. — Другими словами, они начинают думать обо мне как о чём-то вроде актива».

Ему самому эта поездка не прибавила уверенности. Джон-младший разрывался между своими чувствами к отцу и осознанием того, что руководство «Стандард ойл» в самом деле не работало в белых перчатках, поэтому газетные стервятники, слетевшиеся на семью Рокфеллер, нашли себе лёгкую добычу в его лице. Американцы, при всём возмущении «спрутами», «анакондами» и прочими хищниками, в глубине души восхищались волевыми и безжалостными бизнесменами, благодаря которым в их стране появилось всё «самое-самое-самое» в мире. Щепетильного сына Рокфеллера высмеивали как слабого, нерешительного, закомплексованного неврастеника. Что бы он ни делал, всё оказывалось не так: не дал на чай — стал мишенью для насмешек, оставил брадобрею пятицентовую монету — тот выставлял её в витрине, и фотографию с ней печатали в газетах. «Каждое воскресенье молодой Рокфеллер толкует Библию своим ученикам, — написал Марк Твен в автобиографии. — На следующий день газеты и Ассошиэйтед Пресс разносят его толкования по всему континенту, и все смеются». Понятно, что высказываемые

Джоном мысли не отличались оригинальностью; но те же слова, из других уст, не вызывали бы подобной реакции. В декабре Джон-младший, замученный мигренью и бессонницей, вместе с женой и первенцем — родившейся 9 ноября 1903 года дочкой Бабс (ещё одно уменьшительное от Абигейл) уехал в Канны, чтобы проконсультироваться у того врача, который лечил Бесси. Вместо запланированного месяца они проведут во Франции полгода, путешествуя по Лангедоку и Приморским Альпам.

Тем временем Теодор Рузвельт, собираясь идти на переизбрание, попытался наладить отношения со «Стандард ойл». Сын бывшего президента Джеймс Р. Гарфилд, возглавивший Бюро корпораций и водивший дружбу с некоторыми юристами из треста, начал собирать о нём информацию — по большей части в благожелательном ключе. Соперником Рузвельта от демократов стал Элтон Б. Паркер — главный судья Нью-Йоркского апелляционного суда, опередивший медиамагната Уильяма Рэндольфа Хёрста. Поддержать Паркера было немислимо, поэтому, когда конгрессмен Джозеф Сибли сообщил Джону Арчболду, что президент уверен во враждебном отношении к нему воротил нефтяного треста, Арчболд ему ответил: «Я всегда был почитателем президента Рузвельта и прочёл все книги, которые он написал*, они стоят в моём книжном шкафу в лучших переплётках». Сибли передал этот ответ (только без сарказма) президенту, после чего устроил встречу, посоветовав Арчболду, прежде чем туда идти, ознакомиться хотя бы с названиями опусов Рузвельта.

Сибли был «сутенёром», поставившим Арчболду «политических проституток». В обмен на свои услуги какой-нибудь сенатор получал деньги «взаймы»; Арчболд это называл «инвестицией». Сенатор Джозеф Форейкер, хлопотавший ныне о переизбрании «Тедди», давно состоял у него на жалованье. В феврале 1900 года «Джо — пожарная сирена» (прозванный так за ораторские способности) помог провалить законопроект, враждебный «Стандард ойл», и получил от Арчболда поздравления и сертификат на пятнадцатитысячный депозит, открытый на его имя: такой документ было сложнее отследить, чем чек. Теперь же «Стандард ойл» получала возможность сделать самую выгодную инвестицию — купить президента.

* Рузвельт был плодовитым писателем: с 1882 по 1902 год выпустил 14 книг, по большей части биографий исторических деятелей и сборников эссе. С 1905-го по 1919-й вышли ещё 22 его книги, включая автобиографию.

Генри Роджерс пожертвовал на кампанию Рузвельта 100 тысяч долларов. Его поддержали железнодорожный король Эдвард Гарриман, Генри Клей Фрик и Джеймс Стилман. Демократы, прежде обличавшие рузвельтовский «произвол», тотчас завопили, что президент подкуплен теми самыми компаниями, которые он якобы пытается приструнить. В октябре министр юстиции Филандер Нокс зашёл к Рузвельту в кабинет и услышал, как тот диктует письмо с указанием вернуть деньги «Стандард ойл». «Как же так, господин президент, эти деньги уже потрачены, они не смогут их вернуть — у них их просто нет», — удивился Нокс. «Ну и что, — возразил Рузвельт, — в любом случае письмо зачтётся».

В ноябре 1904 года Рузвельт с лёгкостью победил Паркера, и Рокфеллер прислал ему телеграмму: «Поздравляю от всего сердца с великим результатом вчерашних выборов». В том же месяце «Историю “Стандард ойл”» издали отдельной книгой, в двух томах. А Хёрст вскоре получил возможность взять реванш.

В особняке Арчболда в Тарритауне служил чернокожий дворецкий Джеймс Уилкинс, у которого был 24-летний сын-раздолбай Вилли. Из симпатии к Уилкинсу Арчболд нанял Вилли рассыльным в контору «Стандард ойл» (в те времена негров на такие должности брали крайне редко). Вилли, который вечно сидел без денег, потому что играл на скачках, подружился с другим рассыльным, белым балбесом Чарлзом Стампом, и они решили отыскать в столе у Арчболда какой-нибудь компромат, чтобы выгодно продать его журналистам. В декабре они стащили оттуда пару телеграмм и отнесли редактору «Нью-Йорк америкэн» Фреду Элдриджу. Телеграммы его не заинтересовали, но он дал двум прохвостам список из двухсот имён сенаторов и конгрессменов и попросил раздобыть переписку Арчболда с ними. Теперь по окончании рабочего дня Уилкинс и Стамп рылись в бумагах шефа. Найдя письма, адресованные Сибли или Форейкеру, они несли их Элдриджу и торговались. Так продолжалось до февраля 1905 года, пока Арчболд не обнаружил пропажу документов и не уволил обоих. Но к тому времени Уилкинс и Стамп получили от Хёрста 20 500 долларов и смогли открыть собственный салун в Гарлеме. Несколько месяцев Арчболд жил в страхе перед неминуемой публикацией украденных писем, но, к его удивлению, её не последовало. Хёрст решил приберечь взрывные документы до удобного случая.

Опасения Арчболда были небеспопеченны: в феврале палата представителей единогласно решила начать антимонопольное расследование деятельности «Стандард ойл». В то время нефтяной бум начался в Канзасе, и независимые производители протестовали против нефтяного гиганта, придерживавшегося старой тактики: прибирать к рукам все трубопроводы и сговариваться с железными дорогами. Статьи Иды Тарбелл распалили страсти. Она отправилась в турне по нефтяным месторождениям. Гарфилд выслал повестки Арчболду и Роджерсу, и их отношения испортились навсегда.

В начале марта Арчболда и Роджерса приняли в Белом доме. Как потом рассказывал отцу Рокфеллер-младший, президент признался, что ничего не знает о делах компании, как и о расследовании, проводимом ведомством Гарфилда. Пусть не подумают, что это расследование затеял он, боже упаси; он настроен по-дружески и ни к кому не испытывает личной неприязни. Арчболда это удовлетворило, но Джон в письме от 13 марта добавил: «Сенатор Олдрич заметил у меня дома прошлым вечером, что президент соглашается с любым, кто говорил с ним последним и будто бы полностью его убедил, но на следующий день первый человек, который изложит ему противоположную точку зрения, будет заслушан так же внимательно и успокоится».

К весне 1905 года Сетти поправилась настолько, что они с Джоном вновь отправлялись на ежедневные прогулки в двухместных дрожках. Рокфеллер тогда намеревался подать на Тарбелл в суд за её утверждения, будто бы он солгал под присягой, отрицая свое участие в «Southern Improvement Company», ведь обвинитель не спрашивал его про «South Improvement Company». Гейтс побуждал его опровергнуть и клевету по делу вдовы Баккус, но Рокфеллер возразил, что тогда придётся пройти по всей книге, а ему этого не хочется. Тарбелл сама догадалась: «Его самообладание было мастерским: он как никто другой знает, что ответить — значит вступить в дискуссию, значит привлечь внимание к изложенным фактам». Идти у кого-то на поводу он не желал.

В мае здоровье Джона-младшего, только-только закончившего курс лечения, снова ухудшилось, и в июне он сообщил отцу о нежелании преподавать в воскресной школе: для него это слишком большое напряжение, каждую неделю он тратит три вечера на продумывание очередного выступления. Отец ответил, что и ему, и матери было бы неприятно узнать об этом. Он явился на одно из занятий и сказал: «Я предпочёл бы видеть моего сына занимающим-

ся этой работой, чем монархом на троне». И Джон остался ещё на три года — чтобы не бежать с поля боя, а уйти достойно, с чувством выполненного долга.

Тем временем у Эдит, которая 8 апреля 1905 года после тяжело протекавшей беременности произвела на свет дочь Матильду, усилился маниакально-депрессивный синдром. Летом они с Гарольдом отправились в автомобильный тур по Европе, оставив младенца на попечение Джона и Сетти. За океаном Эдит как будто стало лучше...

Рокфеллер был уверен, что обличительный пыл журналистов скоро остынет, потому что в противном случае раззадоренная общественность может обратить внимание и на медиамагнатов, которые ничем не лучше прочих капиталистов. «Владелец “Уорлд” является также крупным собственником, и я полагаю, что, как и у других владельцев газет, обладающих состоянием, у него начинают открываться глаза на тот факт, что он, подобно Самсону, собирается обрушить здание себе на голову», — писал он Гейтсу 12 мая. Старр Мёрфи тоже считал, что «макклюровцам» уже самим тошно от своей затеи и они просто не знают, как из этого выпутаться.

Но в июле—августе в «Макклюр мэгэзин» вышел двухчастный очерк Иды Тарбелл о Рокфеллере, основанный в том числе на её личном впечатлении, полученном в воскресной школе и церкви. «После двух часов изучения мистера Рокфеллера у меня возникло неожиданное чувство, усилившееся со временем. Мне было жаль его. Я не знаю более страшного спутника, чем страх. Мистер Рокфеллер, при всём осознании своей власти, читавшемся в его лице, голосе и фигуре, боялся, сказала я себе, — боялся себе подобных». Для неё Рокфеллер был отвратительной «живой мумией», а его благочестие — «лицемерным фасадом, блестяще возведённым хищным дельцом». «Мистер Рокфеллер, может, и сделался самым богатым человеком в мире, но он за это заплатил» — своим здоровьем, превратившись в урод. Именно этот последний «пинок» оказался самым болезненным для Рокфеллера: Тарбелл представила его облысение признаком нравственной деградации! И никакого страха в церкви он не испытывал: «Нет другого такого места, где я чувствую себя как дома, находясь в собрании людей, как эта старая церковь, куда я впервые пришёл четырнадцатилетним мальчишкой и где мои друзья всё обо мне знают».

Рокфеллер решил купить себе парик. Перед тем как впервые появиться в нём на людях — в воскресенье, в баптистской церкви на Евклид-авеню, — он страшно волно-

вался: перед началом службы спрятался в комнатке священника, нервно поправляя парик и говоря вслух о том, какое непотребство показываться в нём в храме. Однако новый образ Джона Д. произвёл весьма благоприятное впечатление, и он испытал почти детскую радость. Теперь он полюбил парик. «Я сплю в нём и играю в нём в гольф; сам удивляюсь, как я обходился без него так долго, и думаю, что это было моей большой ошибкой», — писал он дочери Эдит. Он купил несколько париков из волос разной длины и менял их, чтобы у людей складывалось впечатление, будто у него отрастают волосы и он стрижётся. Теперь у него были парики на все случаи жизни: для гольфа, для церкви, для коротких прогулок и т. д. Но творение рук человеческих не может быть совершеннее создания природы. Свой самый первый парик Рокфеллер заказал в Париже и был разочарован, обнаружив, что сетка основы просвечивала сквозь волосы. Тогда он обратился к кливлендскому парикмахеру, но тот делал парики на тканевой основе, которая могла «сесть», в результате чего парик съезжал набок. И всё равно он был доволен. «Я вешу почти двести фунтов без моих пяти париков, — напишет он Бесси в декабре 1905 года. — Если бы ты их только видела! Это настоящие произведения искусства, и весьма удобные. В одном я сплю и просто не знаю, как я обходился все эти годы без волос».

Что же касается более важных вопросов — репутации, а не внешности, — то Рокфеллер позволил юристу «Стандард ойл» Верджилиу Клайну заявить протест по поводу трактовки Идой Тарбелл дела Корригана. Клайн подчеркнул, что Тарбелл опиралась на иск, поданный против Рокфеллера, а не на свидетельские показания, заслушанные в суде. Да, а почему бы нет? — невозмутимо ответила Ида.

«Друзья мистера Рокфеллера говорят, что для него это жестокое наказание и что он корчится от боли под этими нападками», — сообщила «Детройт трибюн» 24 июля 1905 года. «Филадельфия леджер» утверждала, что «богатейший человек в мире часами сидит в Форест-Хилле, уронив голову на грудь... Он потерял интерес к гольфу, стал мрачен, не вступает в разговоры с сотрудниками и высказывается лишь тогда, когда это абсолютно необходимо, отдавая распоряжения сжато и с отсутствующим видом». На самом деле Рокфеллер вовсе не мучился угрызениями совести и в гольф играть не перестал — он играл в любую погоду, даже в зимний холод, на расчищенном от снега поле, вместе с гостями, которым выдавал для тепла хлопчатобумажные

THE HISTORY OF THE STANDARD OIL COMPANY

BY

IDA M. TARBELL

AUTHOR OF

THE LIFE OF ABRAHAM LINCOLN, THE LIFE OF NAPOLEON BONAPARTE,
AND MADAME ROLAND: A BIOGRAPHICAL STUDY

ILLUSTRATED WITH PORTRAITS
PICTURES AND DIAGRAMS

VOLUME ONE

NEW YORK
McCLURE, PHILLIPS & CO.
MCMV

Обложка первого тома книги Иды Тарбелл «История компании
«Стандард ойл»». 1904 г.

жилеты (они стали его фирменным подарком). В том же месяце он появился в баптистской церкви на Евклид-авеню — в прекрасном настроении, хотя и с уставшим видом, весело поболтал со старыми приятелями, а под конец своей речи в воскресной школе вынул из кармана часы, взглянул на них и сообщил собравшимся: «Я слишком долго говорил. Надо и другим место дать. Я не хочу, чтобы вы считали меня монополистом!» И присутствовавшие зааплодировали.

Бей первым, Тедди!

Весной 1906 года Эдит вернулась из Европы, оправившись от депрессии, но теперь врачи обнаружили у неё туберкулёз почки. Альте сделали операцию, которая на несколько недель приковала её к постели. Сетти заболела пневмонией и гриппом, Джон тоже был ещё слаб. «Так что я думаю, Вы со мной согласитесь, что ни одна семья не обладает монополией на жизненные напасти», — писал 1 мая Рокфеллер своей родственнице, миссис Уотсон Ван Дейн. Сам он в свои 66 лет был самым здоровым членом семьи.

Поставив себе цель прожить 100 лет, он решил придерживаться постоянного распорядка дня вплоть до секунды. Вставал в шесть утра, молился, читал газету, с семи до восьми обходил дом и сад, раздавая десятицентовые монетки новым сотрудникам и пятицентовые старым. В восемь часов был завтрак: Рокфеллер всегда тщательно прожёвывал пищу, даже жидкую, поэтому тратил много времени на еду; на завтрак уходило три четверти часа. Пока шёл процесс пищеварения, он развлекал себя игрой в «Нумерику» — вид солитера, только вместо игральных карт использовался набор из пятидесяти двух карточек четырёх цветов, на которых были проставлены числа от единицы до тринадцати*. В эту игру можно было играть как одно-

* Правила игры такие: ведущий тасует свои карточки и кладёт рубашкой вверх, остальные игроки раскладывают свои карточки по порядку, чтобы их видеть. Ведущий достаёт карточку и называет номер, а игроки выбирают карточку с таким же номером. Карточки выкладывают в четыре колонки по цвету, чтобы номера шли по порядку от тринадцатого к первому. Если число не подходит, карточку кладут в стопку у начала колонки. Единственный способ перемещать карточки — класть нижнюю в стопку. Когда ведущий переберёт всю свою колоду, подсчитывается сумма очков верхних карточек в колонках; выигрывает тот, у кого она больше.

му, так и в компании. Проигравшим Рокфеллер давал пять центов, выигравшим — десять. Если он играл сам с собой, монетки просто перекочёвывали из правого кармана в левый. (Игра без соревновательности была Рокфеллеру неинтересна. Играя в шахматы, он всегда тщательно обдумывал ходы, а если соперник начинал его торопить, замечал: «Я ведь играю, чтобы выиграть, не так ли?») С 9.15 до 10.15 он занимался перепиской, посвящённой в основном благотворительности и инвестициям. (В Покантико каждый день приходило около двух тысяч писем, по большей части с просьбой о деньгах.) С 10.15 до 12.00 Джон Д. играл в гольф, нарядившись в длинный жёлтый шёлковый пиджак поверх хлопчатобумажного жилета и соломенную шляпу-канотье; с 12.15 до 13.00 принимал ванну, а затем отдыхал. С часу до половины третьего пополудни — ланч и снова игра в «Нумерику». Потом он полчаса лежал на диване, и ему читали письма. С 15.15 до 17.15 он в кожаном шлеме и очках-«консервах» совершал прогулку в автомобиле*, с половины шестого до половины седьмого снова отдыхал. На ужин в компании отводилось два часа — с семи до девяти, снова с «Нумерикой». Потом он час слушал музыку и болтал с гостями, а в половине одиннадцатого, помолвившись, ложился спать. Такому расписанию он следовал всегда, в любую погоду; впоследствии один журналист увидит в этом нечто сверхчеловеческое, даже нечеловеческое. Единственная перемена заключалась в сезонных переездах: зиму он проводил в отеле «Бон Эр» в Огасте, штат Джорджия, раннюю весну — в Лейквуде, позднюю — в Покантико, на лето перебирался в Форест-Хилл (из-за угроз анархистов дом пришлось обнести двухметровым железным забором с колючей проволокой поверху), а в октябре возвращался в Покантико. Этот порядок не могла нарушить даже болезнь Сетти, не поспевавшей за супругом. Обычно нежный и предупредительный с женой, Рокфеллер теперь был готов на продолжительную разлуку с ней, лишь бы не отклоняться от расписания. При этом в жизни обоих появились важные новшества. В 1906 году Рокфеллер впервые побывал... в театре, где посмотрел сверхпопулярную пьесу «Учитель музыки» Чарлза Клейна и пьесу о Шерлоке Холмсе. Кроме того, они с Сетти взяли абонемент в филармонию и даже иногда появлялись в ложе Уильяма в опере.

* В 1904 году Рокфеллер приобрёл автомобиль кливлендской фирмы «Пирлесс», купившей лицензию на двигателях французской «Де Дион-Бутон». «Три П» («Паккард», «Пирлесс», «Пирс-Эрроу») славились высококачественными и роскошными машинами.

Переезды были и мерой безопасности: руководство «Стандард ойл» наперебой старались привлечь к суду. Едва вступив в должность генерального прокурора штата Миссури в 1905 году, Герберт С. Хэдли, уже снискавший репутацию борца с коррупцией, взялся доказать, что «Уотерс-Пирс» и «Рипаблик ойл» — тайные филиалы «Стандард ойл», которая устанавливала цены и подмяла под себя всю нефтеторговлю в штате. «Джентльмены занимаются в городе своими обычными делами, но передвигаются, соблюдая осторожность», — сообщал Джон-младший отцу в декабре 1905 года. Однажды утром Генри Роджерс ехал на работу из своего загородного дома в автомобиле с шофёром, и вдруг из-за поворота выпрыгнул человек, вскочил на подножку автомобиля: «Мистер Генри Роджерс?» — вручил онемевшему и выпучившему глаза Роджерсу повестку в суд, сфотографировал его и соскочил на полном ходу. Но вычислить перемещения Рокфеллера было не так-то просто, хотя на помощь сотрудникам прокуратуры пришли журналисты. Впрочем, от них было больше путаницы: то они сообщали, что магнат находится на борту яхты Генри Роджерса у берегов Пуэрто-Рико, то утверждали, будто он скрывается у Флаглера в Ки-Уэсте. «Между нами, я предпочитаю, чтобы никто не знал, где я нахожусь, — предупреждал Рокфеллер своего зятя Уильяма Радда 18 января 1906 года. — Это часто избавляет меня от многих неприятностей. Моя переписка сократилась на пятьдесят или семьдесят пять процентов с прошлой осени. Я говорю об этом, потому что какие-нибудь любопытные люди могут спросить у тебя, не получал ли ты весточки от меня, не писал ли мне и т. д.»

Выдал Рокфеллера... сыр. Когда Джон Д. находился в Покантико, ему каждый день доставляли его любимый сорт сыра с Центрального вокзала в Нью-Йорке; однажды местный извозчик Генри Кудж сообщил прессе, что посылки с подозрительным запахом вновь привозят в усадьбу. «Этот сыр — я его всегда узнаю, днём ли, ночью ли... По-моему, Рокфеллер где-то в своём имени*». Нюх его

* В ночь на 17 сентября 1902 года дом, купленный Рокфеллером вместе с земельным участком, сгорел. К счастью, никто не пострадал. Джон и Сетти перебрались в ничем не примечательное строение — Кент-хаус. Рокфеллер не слишком расстроился, потому что давно собирался построить в Покантико новый дом. Заботы по строительству он собирался переложить на Джона-младшего в терапевтических целях, чтобы отвлечь его от других проблем, но передумал: летом 1905 года у Джона случился нервный срыв, и отец не захотел его перегружать.

не подвёл, но Рокфеллер превратил Покантико в крепость, расставив по всей огромной территории агентов-охранников. Судебным курьерам в самых разных обликах иногда удавалось прошмыгнуть мимо одного-другого пикета, но никогда — прорваться к самому клиенту. Их обнаруживали и вышвыривали за ворота, не особо церемонясь. Опасаясь, что его телефон прослушивается, Рокфеллер просил жену не звонить ему, а секретарь посылал ему письма с Бродвея, 26, в конвертах без обратного адреса. Улучив момент, Джон Д. сбежал из Покантико и отплыл из Тарритауна в Лейквуд. Там по ночам мощные прожекторы обшаривали лучами местность — мышь не проскочит; все средства доставки чего бы то ни было тщательно обыскивали — вдруг там спрятался служитель закона. В марте Джон-младший пригласил отца посетить собрание его однокурсников в Брауновском колледже или хотя бы отправить им поздравление. Рокфеллер отказался: «Если не указать место, откуда я пишу, это вызовет пересуды. Если на письме будет стоять штампель “Бродвей, 26”, это вызовет пересуды, особенно в связи с утверждением, что я не был в конторе много лет... Чем меньше речи пойдёт обо мне по этому поводу, тем лучше».

Когда Эбби 21 марта 1906 года родила в Нью-Йорке Джона Д. Рокфеллера III*, дедушка был лишён возможности повидать своего внука и тёзку. «У Джона Д. Рокфеллера родился внук, а он, заключённый в своём Лейквудском форте, мог порадоваться только по телефону», — злорадствовала «Нью-Йорк уорлд». Однако цель была достигнута: Хэдли так и не сумел вызвать Рокфеллера на допрос в качестве свидетеля. А вот Роджерсу пришлось признать, что обвинения против «Стандард ойл» обоснованны. Но стоило Джону Д. облегчённо вздохнуть, как его свидетельские показания пожелали выслушать в Пенсильвании, где было заведено дело на одноимённую железнодорожную компанию. Юристы объяснили: нельзя приближаться к Филадельфии ближе 100 миль. Джордж Роджерс циркулем очертил на карте круг с центром в этом городе, и Рокфеллер стал «выбирать маршруты объезда»: расстояние между Нью-Йорком и Филадельфией по дороге составляет 155 километров, а по прямой — всего 134.

* Одна нью-йоркская газета писала, что теперь главный вопрос для брокеров с Уолл-стрит, вызовет ли это событие воодушевление на рынке или просто поддержит его стабильность.

При этом работа благотворительных институтов, основанных и финансируемых Рокфеллером, не прекращалась. Во время этой игры в «кошки-мышки» Фредерик Гейтс и Уоллес Баттрик, секретарь Дирекции общего образования, отправились в Вашингтон на встречу с учёным-первопроходцем Симаном Кнаппом, работавшим в Министерстве сельского хозяйства. Тремя годами ранее Кнапп спас Техас от нашествия хлопкового долгоносика, который мог уничтожить всю индустрию хлопка; люди тогда бросали свои фермы и массово уезжали, не надеясь когда-нибудь собрать урожай со своих полей. Учёный-экспериментатор продемонстрировал, как с помощью тщательного отбора семян и интенсивного земледелия можно справиться с этой заразой. С тех пор он искал частных инвесторов, чтобы расширить поле деятельности, охватив весь Юг. Кнаппу было уже 73 года, Гейтса и Баттрика он принял вместе с министром сельского хозяйства Джеймсом Вильсоном. Сложилось частно-государственное партнёрство: министерство составляло планы и контролировало их выполнение, а ДОО ежемесячно давала на это деньги. А в мае 1906 года Рокфеллеровский институт медицинских исследований переехал в новый шестиэтажный кирпичный дом на Йорк-авеню, недалеко от строящегося моста Квинсборо. За этот участок земли в 13 акров Рокфеллеры выложили 660 тысяч долларов; раньше там паслись коровы, а промышленность была представлена только пивоварнями и скотобойнями; даже паровые катера его не обслуживали. Но Джон-младший уже видел в мечтах, как это место полностью преобразится.

Пока одни репортёры гонялись за живым Рокфеллером, другие пытались напасть на след призрака — его отца. В одном из номеров «Макклюр мэгэзин» с очерком о нефтяном магнате был помещён портрет Уильяма Эвери Рокфеллера. После этого в редакцию журнала пришло письмо от газеты «Фрипорт дейли бюллетин». Её редактор сообщил, что на портрете — доктор Уильям Левингстон, а никакой не Рокфеллер. В ответном письме редакция опровергла эти инсинуации: у нас ошибок не бывает, на портрете именно Уильям Эвери Рокфеллер! Большая пресса не обратила тогда внимания на возражения провинциальной газеты из Иллинойса, а зря. Ведь это существенно облегчило бы задачу претендентам на премию в восемь тысяч долларов, которую Джозеф Пулитцер пообещал тому, кто раздобудет информацию об отце Рокфеллера.

Не полагаясь на любителей, Пулитцер отправил в Кливленд одного из своих лучших репортёров, Дж. У. Слата, надеясь, что тот всё быстро выяснит; но через две недели он вернулся в Нью-Йорк с пустыми руками. Однако Пулитцер сдаваться не собирался: исчезновение отца самого богатого человека в мире — жуткая тайна, которая непременно заинтересует читателей. Зацепка была только одна — те самые «веерохвостые лебеди», которых Большой Билл стрелял на ближайшем озере. Натуралист, к которому Слат обратился за консультацией, сказал, что речь о диких гусях, гнездящихся на Аляске. Вооружившись фотографией Рокфеллера, несчастный журналист объехал все тамошние озёра, а потом узнал, что Большого Билла видели в Индиане. Чтобы не вызвать подозрений, он прикинулся бродячим торговцем, ходил от дома к дому, предлагая фермерам-немцам купить бритвы и попутно пытаясь выведать у них информацию. Демонстрируя свой товар, он брился по 10—15 раз в день, так что всё лицо горело; но и этот подвиг оказался бессмысленным. Тогда он обратился к Фрэнку Рокфеллеру, подкупив его секретаршу конфетами и билетами в театр. Фрэнк сказал, что отец его жив-здоров, но где он — надо спросить у Джона, пусть попробует не ответить. Фрэнк предложил сделку: Слат прекращает поиски, а взамен получает сенсационный материал о его старшем брате — и тотчас извлёк из ящика стола рукопись толщиной с Библию. Редакция дала согласие, но Фрэнк вдруг передумал: не только не отдал Слату свою рукопись, но и пригрозил убить, если тот опубликует их разговор с неллицеприятными высказываниями о Джоне Д. (он был не настолько глуп, чтобы резать курицу, несущую золотые яйца).

Большой Билл тогда действительно был ещё жив, но уже не здоров. Устав странствовать, он обитал по большей части во Фрипорте, стрелял из ружья в цель, рассказывал охотничьи истории и похвалялся своим большим ранчо и табуном прекрасных лошадей в Северной Дакоте. Однажды вечером, в 1904 году, он сел мимо кресла; падая, попытался за что-нибудь ухватиться и сломал себе руку. Думали, что он не выживет, и известили родных. Только тут Маргарет Аллен-Левингстон и узнала, что у её мужа есть вторая семья и что его старший сын — Джон Д. Рокфеллер. С восточного побережья приехал в частном вагоне таинственный незнакомец, незаметно проник в дом с чёрного хода, дождался, пока доктор и сиделка выйдут из спальни Билла, и лишь

потом вошёл. Тогда он в первый и последний раз увидел вторую жену своего отца.

Но Билл поправился. Он остался таким же болтливым, но всё чаще заговаривался. Временами он принимался бормотать имена своих пятерых детей — Джон, Уильям, Фрэнк, Люси, Мэри Энн, — потом смотрел, не узнавая, на верную Маргарет и плакал: «Ты не моя жена. Где Элиза?» Раньше Маргарет была уверена, что они богаты, а теперь её мужу оказалось нечем заплатить за лечение, и он даже собирался заложить бриллиант из галстучной булавки. В январе 1906 года он умер. Маргарет не знала, что ей делать. Несколько месяцев тело пролежало на городском кладбище в ожидании ответа от Рокфеллеров, но его не последовало, и вдова перевезла гроб на кладбище Окленда. Похороны состоялись 11 мая, и тем же днём датирован некролог в местной газете: доктор Уильям Левингстон, старейший житель Фрипорта, скончался в возрасте девяноста шести лет. Только Фрэнк и Пирсон Бриггс* присутствовали при том, как простой гроб опустили в безымянную могилу: Маргарет наскребла три доллара на уплату могильщикам, но у неё не нашлось ещё одного на кирпичный свод. Только через пять лет, после смерти самой Маргарет, там установят гранитный памятник — с фамилией Левингстон.

Журналистам не удалось произвести сенсацию, зато 2 мая 1906 года Рузвельт велел опубликовать пятисотстраничный доклад Бюро корпораций о тресте «Стандард ойл» и его сговоре с железнодорожными компаниями. «Доклад показывает, что компания “Стандард ойл” получала огромную прибыль от тайных тарифов практически до настоящего момента», — подчеркнул президент. Чарлз Миллард Пратт (сын покойного Чарлза Пратта), входивший в совет директоров «Стандард ойл», набросал ответ на это заявление, но Рокфеллер возразил: «Распространять эту информацию в данный момент неразумно, это приведёт к ещё более суровому обращению со стороны Фед[ерального] правит[ельства]». Тем не менее компания сделала заявление, отрицая, что преднамеренно совершала противоправные действия. Рузвельт передал доклад Гарфилда в конгресс, предупредив, что Министерство юстиции может начать преследование «Стандард ойл» из-за вскрывшихся злоупотреблений. Во второй

* В 1890 году Пирсон Бриггс удалился от дел и с тех пор почти безвылазно жил в Кливленде, разводя цветы и копаясь в саду, до смерти 25 октября 1912 года, в 80 лет.

половине июня президент вызвал министра юстиции Уильяма Генри Муди и других членов кабинета на экстренное ночное совещание в Белом доме для обсуждения возможных мер воздействия, и 22-го числа Муди объявил о начале предварительного расследования, которое поручили Фрэнку Б. Келлогу. На следующий день на первой странице «Нью-Йорк геральд» красовался жирный заголовок: «Руководители “Стандард ойл” могут сесть в тюрьму».

«По моему мнению, у нас всё хорошо и мы непременно выиграем; я совершенно не сомневаюсь, что нам нечего бояться», — успокаивающе писал Рокфеллеру Генри Роджерс 25 июня. А 29-го вступил в силу закон Хепбёрна, расширявший полномочия Комиссии по торговле между штатами: теперь она могла заменить существующие тарифы на железнодорожные перевозки «справедливыми и разумными» минимальными ставками, сама определяя при этом, что «справедливо», а что «разумно», а также проверять бухгалтерию железнодорожных компаний. Власть комиссии теперь распространялась на мосты, терминалы, паромы и трубопроводы. Решениям комиссии надо было подчиниться — или опротестовать их в федеральном суде. Апелляции из окружных судов передавались непосредственно в Верховный суд США для ускорения процесса. Вводилась единая стандартизированная форма отчётности компаний; штрафы за нарушения были резко увеличены. Против этого закона в конгрессе проголосовали только трое.

«Даже негры в Абиссинии не видели такого обращения, как мы от администрации после избрания мистера Рузвельта в 1904 году», — возмущался Джон Арчболд. Генри Фрик выразился ещё прямее: «Мы купили сукина сына, но он не хочет быть купленным».

В это время Джон Д. Рокфеллер с женой, свояченицей, Альтой и доктором Биггаром плыл во Францию на пароходе «Дойчланд», причём в списке пассажиров их фамилии не значились. Они собирались провести целых семь недель у Стронгов в Компьени под Парижем: по словам Чарльза Стронга, здоровье Бесси улучшилось, но не настолько, чтобы она могла пересечь океан. Ну что ж, тогда мы к вам. Джордж Сантаяна решил, что Рокфеллеры путешествуют под вымышленными именами, чтобы оградить себя от любопытных и просителей — да, но ещё и от судебных курьеров. Журналисты тоже строили предположения. Репортёр из «Нью-Йорк америкэн» Уильям Хостер написал, что Рокфеллер окончательно загубил свой желудок, едет лечиться

к прославленному европейскому специалисту и может не вернуться живым. Хостер изловчился и раздобыл себе билет на тот же самый пароход, намереваясь написать серию репортажей «Игры самого богатого человека в мире» и прославиться не хуже Иды Тарбелл.

Журналист был поражён тем, насколько реальный Рокфеллер не соответствовал стереотипу. Во-первых, у него был превосходный аппетит и он питался трижды в день. Во-вторых, вместо измождённой «мумии» Хостер увидел высокого, широкоплечего, крепкого мужчину с ясным взглядом и бодрой походкой. Обыграв доктора Биггара в шаффлборд, он пустился в пляс; на ужин, устроенный капитаном в честь пассажиров первого класса, явился в костюме арлекина; маленьких детей развлекал фокусами. «Один бутуз показал два пенни и непременно хотел поделиться ими со своим приятелем Рокфеллером, — писал позже Хостер. — Человек, имеющий миллионы, с серьёзным видом принял медную монетку и аккуратно положил себе в карман, а потом, отвернувшись лицом к морю, подхватил ребёнка и сжал в своих объятиях». Это было неожиданно.

Судно причалило в Шербуре. Сейчас Рокфеллеры погрузятся в машину — и прости-прощай сенсационное интервью. Хостер нагнал Джона Д., представился. «А, это вы написали ту глупость о моём здоровье? — Да, это я; извините. Но, мистер Рокфеллер, вам никогда не приходило в голову, что и вы тоже в некоторой мере виноваты в том, как вас представляют газеты?» Он, Хостер, множество раз пытался взять у Рокфеллера интервью, но его и на порог не пускали. Вот он и написал, что глава «Стандард ойл» при смерти. Глава «Стандард ойл»? Джон Д. уже много лет не имеет никакого отношения к руководству компанией. «Возможно ли, чтобы об этом не знали? Я этого не скрывал. Всем моим друзьям это известно. — Другим, может, и известно, а вот журналистам — нет. Сделайте публичное заявление!» Рокфеллер уставился на Хостера; выкопал своей прогулочной тростью ямку в гравиевой дорожке. Потом на его тонких губах заиграла слабая улыбка. «То есть это всё моя вина, — сказал он не без сарказма. — Хотя в том, что вы говорите, что-то есть. Я никогда раньше не думал об этом в таком ключе». Хостер осмелел и спросил, правда ли, что у Рокфеллера миллиард долларов. «Ничего подобного, даже трети этой суммы не наберётся! Я хочу, чтобы вам стало ясно, какой урон наносят мне все эти рассказы о том, что у меня миллиард. Они вызывают в умах тысяч людей вся-

кие мысли, которые делают их крайне несчастными». Они медленно шли по дорожке, и Рокфеллер говорил Хостеру, как ему досадно, что пресса превращает его в чудовище, и винил в своих неприятностях конкурентов и демагогов. А потом вдруг предложил журналисту поехать вместе с ним в Компьень. Разве можно было отказаться?

Чарлз и Бесси снимали небольшой замок на опушке Компьенского леса. Раньше это был летний домик испанской королевы Изабеллы, а теперь он принадлежал герцогу де л'Эглю. Чарлз работал над книгой «Происхождение сознания». Кстати, сопоставление индивидуальных восприятий одного и того же явления могло бы дать ему пищу для размышлений. В отличие от Хостера Стронг ужаснулся: тесть выглядел ужасно, постарел, сморщился, а парик с проседью был ему явно мал. Бесси порадовала родителей здоровым видом, но Джордж Сантаяна, тоже гостивший у друга тем летом, писал своему знакомому о Чарлзе: «Он ведёт просто ужасную жизнь: его жена впала в детство, безнадёжно больна, но умрёт ещё явно не скоро».

Хостер не отставал от Рокфеллера ни на шаг: они гуляли по лесу, играли в гольф, ужинали на постоянных дворах. Рокфеллер научил Хостера ездить на велосипеде, и они катались по главной улице Компьеня вместе с девятилетней Маргарет. Разговаривали обо всём: о Наполеоне («Он был человек и мужчина, потому что вышел непосредственно из народа. В его жилах не было ни капли застоявшейся крови аристократов или королей»), о Жанне д'Арк («Откуда взялась её мудрость, если не сошла на неё свыше?») и о самом Рокфеллере. «Они узнают меня лучше, когда я умру, мистер Хостер, — сказал он однажды. — В моей жизни нет ничего, что не выдержало бы самого пристального рассмотрения».

В начале июля Рокфеллер получил известие, что суд округа Хэнкок, штат Огайо, возбудил антимонопольное дело против «Стандард ойл» и выдал ордер на арест основателя компании. Местный шериф похвалялся репортёрам, что будет встречать Рокфеллера в порту, как только тот вернётся из Европы. Арчболд советовал задержаться во Франции подольше. Джордж Роджерс предупредил из Нью-Йорка, что ещё один иск подан в Арканзасе и ожидается новая волна преследований. Но потом юристы стали, наоборот, торопить Рокфеллера с возвращением: дело в Огайо возбуждено против местного отделения «Стандард ойл», а не против отдельных лиц; если он добровольно явится, чтобы дать показания, его не арестуют.

Рокфеллер уже заказал обратные билеты на пароход «Америка» на 20 июля и теперь то и дело ругался с зятем: он хотел, чтобы Стронги вернулись вместе с ним на родину, и не верил, что Бесси не вынесет переезда. Но Чарлз настоял на том, чтобы остаться во Франции. Незадолго до отъезда родственников он прочитал вслух своё эссе об обязанностях богатых людей: когда человек накопил колоссальное состояние, ему следует передать его в распоряжение общественных трастовых фондов на благо всего сообщества. То же самое писал в июне Фредерик Гейтс: «Я прожил пятнадцать лет, ежедневно занимаясь Вашим огромным состоянием. Я отдал ему — его приумножению и использованию — все свои помыслы, пока оно не стало частью меня самого, словно было моим собственным. <...> Ваше состояние разбухает и низвергается подобно горной лавине! Вам нужно приноровиться к нему! Вы должны распределять его быстрее, чем оно растёт! Иначе оно сметёт и Вас, и Ваших детей, и детей Ваших детей».

Вернувшись в Нью-Йорк, Рокфеллер первым делом продиктовал Джорджу Роджерсу письмо о своей отставке с поста президента «Стандард ойл», прося совет директоров как можно быстрее решить этот вопрос. Он и раньше высказывал эту просьбу, говоря Арчболду: «Я поставлен в ложное положение и оказываюсь посмешищем, не зная о делах ничего, что положено знать занимающему эту должность официально; и я не удивлюсь, если будет принят закон о наказании людей, занимающих должности подобным образом». Но Арчболд всякий раз отвечал, что сейчас неподходящий момент. А Генри Роджерс в своё время сказал Тарбелл без обиняков: «На нас заводят дела в судах; мы сказали ему, что, если хоть кто-нибудь из нас попадёт в тюрьму, ему придётся сесть туда с нами!»

Вторым делом он резко изменил своё поведение с журналистами, которые были сбиты с толку его неожиданным дружелюбием и словоохотливостью. «Нефтяной король ведёт себя, как политик-кандидат», — гласил заголовок в одной из газет. Хостер напечатал своё длинное и лестное интервью с магнатом, а доктор Биггар собрал пресс-конференцию и заявил: «Мистер Рокфеллер сейчас здоровее физически, чем в последние пятнадцать лет. Он бодр и весел, как мальчик. Путешествие пошло ему на пользу». Отношение журналистов тоже резко сменилось на благоприятное, о чём Рокфеллер сообщил Гарольду Маккормику 1 сентября. Приехав в Форест-Хилл, он принял делегацию американ-

ских журналистов-юмористов, которые были настолько очарованы его остроумием, что избрали его почётным членом своей ассоциации и заявили, что, если разделить его доход на всех её участников, они окажутся самыми состоятельными в мире. Эдит завела большой альбом для вырезок из газет всего мира о её отце.

Молясь о выздоровлении Бесси, Рокфеллер начал раздавать пакеты акций членам семьи. Но 13 ноября из Франции пришло тяжёлое известие: Бесси разбил паралич. «Люблю сочувствую надеюсь. Сделай всё возможное», — отбил Джон Д. телеграмму Чарлзу. Он утешал себя, что рядом с Бесси хороший врач, заботливый муж и любящая дочь. Но уже на следующий день получил по телеграфу ответ: «Бесси скончалась два часа нынче утром не мучилась». Потрясённый до глубины души, Джон Д. телеграфировал: «Мы все думаем о вас. Покойся с миром, дорогая Бесси. Проси нас о любой услуге. Отец».

А 18 ноября федеральное правительство подало в суд штата Миссури иск о роспуске компании «Стандард ойл» согласно антимонопольному закону Шермана. Ответчиками были названы «Стандард ойл Нью-Джерси», 65 компаний, которые она контролировала, и весь ареопаг, включая Джона и Уильяма Рокфеллеров, Генри Флаглера, Оливера Пейна, Джона Арчболда и Генри Роджерса. Они обвинялись в монополизировании нефтяной промышленности, сговоре с целью ограничения торговли путём установления льготных тарифов на перевозки, злоупотреблении монополией на нефтепроводы, демпинге, промышленном шпионаже и тайном владении компаниями-конкурентами. Рокфеллер был уверен, что это личная месть президента Рузвельта.

Тон газетных публикаций снова изменился. «Когда этот джентльмен сидит в своём кабинете, деньги сыплются на него со скоростью 1,90 доллара в секунду, — писала о Рокфеллере газета «Чикаго рекорд геральд» 12 декабря 1906 года. — Ему нужна паровая лопата, чтобы не задохнуться».

Тогда же Уильям Муди перешёл на работу в Верховный суд, новым министром юстиции Рузвельт назначил своего друга Чарли Бонапарта-Паттерсона, внучатого племянника Наполеона I (в молодости они вдвоём провели успешное расследование о коррупции федеральных чиновников в Балтиморе). Чарли не любил юлить, был непримирим и уверен в себе на грани высокомерия, чем заслужил прозви-

ще Императорский павлин, однако Тедди это импонировало. В 1904 году он сделал Бонапарта министром флота, но эта должность была явно не для Чарли: он не признавал телеграфа, электричества и автомобилей, у него дома по-прежнему жгли свечи, а передвигался он в конном экипаже; его слуги носили чёрно-красные ливреи и шёлковые цилиндры с золотыми галунами. Зато никто не смог бы обвинить министра юстиции в покровительстве нефтяной монополии.

В январе 1907 года Рузвельт вступил в перепалку с сенатором Джозефом Форейкером на официальном ужине в Вашингтоне в присутствии множества людей. Форейкер препятствовал мерам по регулированию бизнеса, и президент заявил, что тот покрывает «богатых злодеев». Присутствовавшие при этой сцене репортёры потом уверяли, что Рузвельт, произнеся эти слова, посмотрел на Дж. П. Моргана, а друзья Моргана возражали, что взгляд был направлен на сидевшего рядом Генри Роджерса. Скорее всего, правы были они, потому что Рокфеллер-младший, благодаря тестю хорошо осведомлённый в области кулуарной политики, сообщал отцу, что «ЮС стил» («хороший трест») подбивает Фрэнка Келлога вплотную заняться «Стандард ойл», чтобы отвлечь внимание от себя. Чарлз М. Пратт и Эдвард Бедфорд злились на Арчболда за его непримиримую позицию: надо было прогнуться под правительство, как это сделал Морган, и тоже были бы «хорошими».

Рокфеллер теперь больше думал о себе. Он неукоснительно следовал распорядку дня, регулярно менял резиденции. А Сетти опять расхворалась, да так, что не вставала с постели: в 1907 году она целых десять месяцев подряд провела дома, не ходила в церковь и даже не спускалась к завтраку в круг семьи. Не была она и на свадьбе младшей дочери Уильяма и Миры, 25-летней Джеральдины, и Марселла Хартли Доджа — президента оружейной компании Ремингтона. Церемония, состоявшаяся 18 апреля, прошла скромно, в доме у Уильяма, поскольку в феврале жених лишился отца и всё ещё был в трауре. Зато, писали журналисты, это была «самая богатая пара в мире»: Додж в свои 26 лет унаследовал семейное состояние в 60 миллионов долларов, а личное состояние Джеральдины оценивалось в 101 миллион.

К лету «Стандард ойл» была похожа уже не на спрута, а на медведя, отбивающегося от своры собак: иски против компании были поданы в суды шести штатов (Техас,

Миннесота, Миссури, Теннесси, Огайо и Миссисипи), не считая семи федеральных. Компания «Уотерс-Пирс» была оштрафована и изгнана из Миссури; в Теннесси рассматривался законопроект о запрещении деятельности треста; в Огайо Большое жюри выдвинуло за год 939 обвинений против Рокфеллера и прочих членов руководства «Стандард ойл». В Чикаго «Стандард ойл Индиана» обвинили в получении незаконных скидок от железной дороги «Чикаго и Олтон» уже после принятия закона Элкинса, в то время как Рокфеллер всегда утверждал, что с 1887 года «Стандард ойл» отказалась от этой практики. В конце июня сорокалетний, но уже полностью седой Кенесо Маунтин Лэндис, назначенный в 1905 году федеральным судьёй Чикаго, запросил данные по капитализации и доходам за 1903—1905 годы. На требование окружного прокурора предоставить список сотрудников, имеющих доступ к этим данным, юрист «Стандард ойл» Джон С. Миллер ответил: «Гори в аду». Это было по меньшей мере невежливо. Лэндис велел разослать повестки в суд нескольким членам руководства, включая Рокфеллера. Джон Д. сбежал к Прентисам в Питсфилд, штат Массачусетс, а оставшейся дома Сетти, страдавшей от эмфиземы лёгких, велел никому не говорить, где он, а письма отправлять на имя Прентисов.

Узнав, что Лэндис хочет судить Рокфеллера в Чикаго, Тедди Рузвельт и Чарли Бонапарт встревожились: если магнат явится туда, его уже нельзя будет привлечь к суду в рамках более громкого федерального дела. К Лэндису отправили человека — объяснить, что к чему, но тот ответил: «Я был бы рад услужить мистеру Рокфеллеру... но он выставляет дураком моего судебного исполнителя, и я заставлю его предстать перед судом, чтобы восстановить уважение к суду». Но Рокфеллер уже сам понял, что ему выгоднее подчиниться. Он неожиданно связался с Лэндисом из Питсфилда и добровольно принял повестку. 5 июля Джон и Уильям Рокфеллеры, а также Генри Флаглер прибыли в новую контору «Стандард ойл Индиана» в Чикаго, чтобы посоветоваться с юристами. Джон Д. по-прежнему советовал «уйти в несознанку», но Флаглер возразил, что времена изменились: «Старая пословица, что молчание — золото, теперь не работает». Впрочем, юристы были согласны с Рокфеллером — все, кроме самого молодого, Роберта Стюарта.

— Мистер Рокфеллер, после того как присутствующие здесь выдающиеся талантливые юристы высказали своё мнение, я не смею выразить своё, — сказал он.

— Молодой человек, я плачу вам за то, чтобы вы высказывали своё мнение.

— Мистер Рокфеллер, в глазах закона вы ничем не отличаетесь от любого другого гражданина, и на вашем месте я бы явился в суд.

Утром 6 июля 1907 года перед зданием федерального суда в Чикаго собралась плотная толпа. Ждали, топтались с ноги на ногу, переговаривались вполголоса. «Вон он идёт!» — крикнул вдруг кто-то, и толпа подалась вперёд. Два десятка полицейских дубинками расчистили путь для Джона и Уильяма Рокфеллеров. «Вот его фотография в газете была!» — завопил уличный мальчишка, указывая пальцем на Джона Д. в соломенном канотье и с тросточкой; тот улыбнулся. Несмотря на все усилия блюстителей порядка, с его пиджака оборвали пуговицы. Когда братья наконец поднялись на шестой этаж, где находился зал суда, побагровевший и вспотевший Уильям проворчал, отдуваясь: «Безобразие! Неслыханное обращение». Джона Д. это как будто забавляло, он даже спародировал репортёра газеты «Сан», пытавшегося делать заметки в блокноте, хотя его толкали со всех сторон. Двери зала закрылись, но толпа, оставшаяся перед ними, так шумела, что полиции велели очистить коридор.

«Мистер Рокфеллер выглядел хладнокровнее всех в зале. Каждое его движение было медленным и полным достоинства. Он шёл медленным шагом. Его ответы на вопросы суда были ещё медленнее», — узнали на следующий день читатели газеты «Сан». Допрос выглядел так:

— Мистер Рокфеллер, чем занимается так называемая компания «Стандард-ойл Нью-Джерси»? — строго спрашивает судья Лэндис.

— Я полагаю, ваша честь... — начинает Рокфеллер и будто сбивается с мысли. Делает паузу, крутит в руках трость, закидывает ногу на ногу. — Я полагаю, ваша честь... — Лэндис раздражённо стучит по столу очками, зажатыми в кулаке. — Я полагаю, ваша честь, она управляет нефтеперерабатывающим заводом в Нью-Джерси.

Через 15 минут Лэндис сдался. Да и люди в зале роптали: ну сколько можно мучить бедного старичка? В подарок ко дню своего рождения (8 июля ему исполнилось 68 лет) Джон Д. получил иммунитет от уголовного преследования — и тотчас снова попросил Арчболда принять его отставку и не впутывать в судебные разборки. Свою просьбу он возобновлял две недели подряд! Но ему принадлежало

Судья Лэндис допрашивает Джона Д. Рокфеллера по делу «Стандард ойл» 6 июля 1907 года. Газета «Чикаго экзаминар». 7 июля 1907 г.

27,4 процента акций «Стандард ойл» — втрое больше, чем Флаглеру, и Арчболд не позволил ему отвертеться. К тому же 22 июля Генри Роджерс пережил инсульт. Тогда Рокфеллер передал 32 миллиона долларов в распоряжение Дирекции общего образования, не преминув объявить об этом прессе, которая теперь была на его стороне.

Утром 3 августа плотная толпа вновь штурмовала вход в зал суда: Лэндис зачитывал решение по делу «Стандард ойл Индиана». На компанию, уличённую в использовании льготных тарифов на железнодорожные перевозки, был наложен штраф в 29,24 миллиона долларов — по 20 тысяч за каждый из 1462 транспортов нефти, перечисленных в обвинительном заключении. На эти деньги можно было построить пять боевых кораблей; выплатить годовое жалование 48 730 чернорабочим; сумма составляла чуть больше половины общего номинала монет, ежегодно чеканившихся по заказу федерального правительства, и чуть меньше трети капитала «Стандард ойл», оценивавшегося в 100 миллионов. Марк Твен сказал, что это напомнило ему слова молодой жены после первой брачной ночи: «Я этого ожидала, но не думала, что будет такой большой».

Рокфеллер находился в Кливленде и играл в гольф с тремя знакомыми. Вдруг они увидели мальчика-рассыльного, бегущего к ним по газону, размахивая жёлтым конвертом. Рокфеллер взял конверт, дал мальчику десятицентовик и прочитал приговор суда, не изменившись в лице, потом засунул письмо в карман: «Ну что, господа, продолжим?» — и послал мяч на 160 ярдов. Сначала никто не осмеливался задать вопрос, вертевшийся у каждого на языке; потом самый храбрый всё же спросил: «Сколько? — Двадцать девять миллионов двести сорок тысяч — максимальный штраф, я полагаю. Ваша очередь, джентльмены». В тот день Рокфеллер был в превосходной форме и прошёл девять лунок за 53 удара — его лучший результат, — ничем не выказав гнева или огорчения, сообщила на следующий день газета «Кливленд плейн дилер». Впрочем, он обронил фразу: «Судья Лэндис умрёт гораздо раньше, чем этот штраф будет уплачен», — а ещё до конца дня сделал заявление: «В отношении компании проявлена большая несправедливость. Она происходит от незнания того, как был основан этот крупный бизнес. За все эти годы никто так и не узнал да и не задумывался о том, каким образом компания возникла». 9 августа Фредерик Гейтс написал Рокфеллеру, что разочаровался в Тедди Рузвельте и надеется лишь на то, что «этот

поразительный и бездумный грабёж и разбой от имени закона пробудит предпринимателей нашей страны и думающих людей, показав им, в какую пропасть мы катимся».

В течение недели после вынесения приговора курс акций «Стандард ойл» упал с 500 до 421 доллара. В сентябре «Стандард ойл» предложила следователям сделку: она покажет свою бухгалтерскую отчётность и будет подчиняться антимонопольным законам, если правительство отзовёт свой иск. Гарфилд был готов согласиться — но не Рузвельт. «Раз у нас заведено уголовное дело на этих людей, мне бы не хотелось его закрывать», — сказал он Чарли Бонапарту.

Акции железных дорог тоже падали. Свободных денег становилось в обрез, и в сентябре Рокфеллер сделал депозиты в нескольких нью-йоркских банках в виде облигаций, которые можно было использовать как гарантию правительственных займов; с этой спасательной операции он получил комиссию в два процента. В середине октября на Нью-Йоркской бирже произошёл обвал. Уолл-стрит охватила паника; к банкам выстроились очереди из вкладчиков, торопившихся забрать свои деньги. Чеки треста «Никербокер» перестали принимать, и его президент Чарлз Барни попросил Джона П. Моргана о встрече. (Банк «Никербокер» был основан в 1884 году школьным другом Моргана Фредериком Элдриджем.) Барни использовал средства треста, чтобы сбить цены на медь и завладеть этим рынком, обскакав «Юнайтед коппер компани», стремившуюся к тому же. 22 октября помощники Моргана изучили бухгалтерию банка, и Морган вынес свой приговор: пациент безнадежен*. В ту же ночь министр финансов Джордж Кортелью встретился с Морганом в отеле на Манхэттене и предоставил в его распоряжение 35 миллионов долларов из правительственных средств для прекращения паники, которая, подобно цунами, накрыла всю страну.

Узнав о крахе «Никербокера», Гейтс рано утром позвонил Рокфеллеру в Покантико и сказал, что публичное заявление нефтяного магната могло бы успокоить население. Подумав, Рокфеллер продиктовал по телефону Мелвиллу Стоуну, главе Ассошиэйтед Пресс, заявление: финансы страны находятся в полном здравии, а если потребуются, он отдаст половину всего, что имеет, для поддержания платёжеспособности США. На следующее утро эти слова перепечатали все американские газеты, а в Покантико слетелись

* Четырнадцатого ноября 1907 года Чарлз Барни застрелился.

журналисты. «Вы что, вправду отдадите половину своих акций? — Да, у меня их кучи, джентльмены, целые кучи». Рокфеллер вложил в «Нэшнл сити банк» десять миллионов долларов, и у него теперь самый большой золотой запас и ресурсы в наличных, — «они всегда приходят к дяде Джону, когда у них неприятности». 23 октября Джеймс Стилман ответил на призыв Джона Моргана спасти Американскую трастовую компанию и вместе с Джорджем Бейкером из «Фёрст нэшнл банк» передал ему три миллиона; по сути, это были деньги Рокфеллера.

Двадцать четвёртого октября Джон Д. впервые за много лет вошёл в подъезд дома 26 на Бродвее — чтобы исполнять свои обязанности, раз с него их не снимают. Он предложил Моргану свои услуги, и тот с его помощью собрал за один день фонд в 25 миллионов долларов, что помогло спасти от банкротства с полсотни брокерских контор. При всей неприязни к Моргану Рокфеллер отдавал ему должное: «Он действовал быстро и решительно, когда быстрота и решительность были необходимы больше всего для восстановления доверия».

Проведя в виде исключения день в конторе, Рокфеллер вернулся в Покантико и продолжал играть в гольф. Ему было уже тяжело ходить пешком от лунки к лунке, поэтому он разезжал между ними на велосипеде. Утром, во время игры, его постоянно отвлекали срочными сообщениями; каждый раз он садился на велосипед, ехал к каретному сараю, где стоял телеграфный аппарат, отдавал распоряжения и возвращался к игре.

Это был прекрасный момент, чтобы наладить отношения с президентом и привлечь его на свою сторону. Но Арчболд опять наломал дров: в конце октября сенатор Джонатан Борн из Орегона намекнул Рузвельту, что, если правительство заключит договор со «Стандард ойл», та может ему снова выдвинуть свою кандидатуру в следующем году. Гарфилд назвал это предложение «глупым подкупом»; к тому же Рузвельт уже заявил, что не пойдёт на третий срок.

Между тем Джону Д. пришлось спасать от разорения своих родственников: у сидевшего без денег Маккормика*

* С учётом того, как Эдит любила драгоценности и как часто обновляла свой гардероб, финансовые проблемы её мужа не вызывают удивления. Однажды Эдит вышла в свет в таком тяжёлом серебряном платье, что едва могла дышать. У неё была накидка из 275 звериных шкурок. На шиколотке она носила золотую печочку, а на шее — ожерелье от Картье с десятью изумрудами и 1657 мелкими бриллианта-

он купил акции «Интернэшнл харвестер» на четыре с половиной миллиона долларов и дал семь миллионов займа под залог ценных бумаг брату Уильяму, по уши увязшему в биржевых хитросплетениях. Советник Рокфеллера Генри Купер считал, что этого мало, но Джон Д. иронично заметил: «Не будьте слишком строги, мистер Купер. Не забывайте: Уильям — очень богатый человек». Фрэнк занял у Уильяма 184 тысячи долларов под обеспечение живым товаром (800 голов скота и 100 мулов с канзасского ранчо), но не знал (хотя мог бы догадаться), что гарантом половины этого займа выступил Джон.

В начале ноября Морган предотвратил падение акций Угольной, железорудной и железнодорожной компании Теннесси: «ЮС стил» выкупил их в срочном порядке, и антимонополист Рузвельт это одобрил, временно приостановив действие закона Шермана. Поскольку пресса с благодарностью отзывалась о мерах, принятых богатейшими людьми страны «для спасения корабля», казалось, можно было ожидать, что правительство умерит рвение в борьбе с монополиями. Не тут-то было. Один журналист нарушил клятву, данную Рокфеллеру, и опубликовал его слова, сказанные не для печати, о том, что безоглядная политика администрации может привести лишь к несчастью всей страны — финансовой депрессии и хаосу. Рузвельт принял это к сведению. Пока продолжалась биржевая паника, «Стандард ойл» не трогали, но в январе 1908 года президент в послании к конгрессу обвинил во всех бедах «спекулятивное безумие и явную непорядочность горстки богатых людей», осудив бессовестное руководство «Стандард ойл», сопротивляющееся реформам. Неприятно, конечно, но не стоит падать духом: комиссию по расследованию кризиса учредил и возглавил сенатор Олдрич. А Рокфеллер, отправляясь в Джорджию, познакомился в поезде с сенатором-демократом из Южной Каролины Бенджамин Тилманом по прозвищу Бен Вилы — расистом, популистом и автором закона, запрещающего корпорациям делать пожертвования во время общенациональных политических кампаний (президент Рузвельт подписал его в январе 1907 года). Позна-

ми. У неё была нитка жемчуга стоимостью два миллиона. В апреле 1908 года, узнав, что Эдит и Гарольд занимают деньги, чтобы поддерживать роскошный образ жизни, Рокфеллер прочитал зятю нотацию: «Поскольку моё внимание было привлечено к этому вопросу, я осведомился о расходах Альты и Джона и обнаружил, что они составляют менее трети твоих».

комился — и совершенно очаровал своего непримиримого врага.

К тому времени Рокфеллер наконец-то созрел для издания своих мемуаров. В феврале он ежедневно играл в гольф в Огасте с Фрэнком Даблдеем; тот записывал его воспоминания для последующей их публикации в журнале «Уорлдс ворк», издатель которого, Уолтер Пейдж, входил в Дирекцию общего образования. Между тем жёлтая пресса продолжала поиски отца Рокфеллера: Уильям Хёрст отрядил своих людей, а Джозеф Пулитцер, не отчаявшись после первой неудачи, послал по следу Э. Макдональда из «Сент-Луис пост диспэтч». В начале 1908 года один аптекарь из Мадисона, штат Висконсин, сказал Макдональду, что его друг и коллега из Фрипорта Джордж Шварц годами продавал разные снадобья доктору Уильяму Левингстону, а потом вдруг увидел его портрет в журнале, где Тарбелл печатала свои статьи. Макдональд поехал во Фрипорт, показал кое-кому фото Билла Рокфеллера, и ему подтвердили, что это доктор Левингстон, который живёт в собственном доме на Уэст-Кларк. Журналисту открыла дверь пожилая дама лет семидесяти, в кружевном чепце на седых волосах. Когда Макдональд сообщил о цели своего визита, она разрыдалась: «Я всё думала, когда же кто-нибудь из вас придёт. И всегда этого боялась, потому что знала, что тайна когда-нибудь раскроется, ведь мой муж умер». На вопрос, верно ли, что Уильям Эвери Рокфеллер и доктор Левингстон — одно и то же лицо, она посоветовала обратиться «к той стороне», а её оставить в покое: «Я счастливо прожила с мужем пятьдесят лет, он был добрым и искренним. Это всё, что я вам скажу». Макдональд наведался в местную библиотеку и отыскал там некролог. Даты рождения Рокфеллера и Левингстона совпадали: 13 ноября 1810 года. Миссия выполнена.

На первой странице «Нью-Йорк уорлд» от 2 февраля 1908 года красовался крупный заголовок: «Тайная двойная жизнь отца Рокфеллера, раскрытая “Уорлд”». Под статью отвели целую полосу. Двоежёнство, неприкаянная жизнь, погребение в безымянной могиле — нарочно не придумаешь. Рокфеллеры сделали вид, будто этой статьи не было. Все — кроме Фрэнка, который выступил с опровержением, заявив, что его отец не только не был двоежёнцем, но и вообще не умер. А ещё в газету написал доктор Чарлз Джонстон — «ученик шарлатана». Опасаясь лишиться лицензии, если выяснится, что они с «доктором Левингстоном» сбы-

вали простакам непатентованные снадобья, он выставил своего наставника «природным целителем» и сообщил, что всё ещё хранит скрипку, которую тот ему подарил, когда больше не мог на ней играть из-за подагры. «Я думаю, что Джону Д. Рокфеллеру и его брату пора признать его своим отцом, поскольку весь свет теперь это знает».

К счастью, можно было опереться на более умных и ловких людей. С 24 февраля по 11 апреля Генри Роджерс находился на Бермудских островах, восстанавливаясь после инсульта, и компанию ему составлял Марк Твен. Когда они вернулись, к писателю обратился Фрэнк Даблдей с просьбой помочь Рокфеллеру укрепить пошатнувшуюся репутацию. Хватит изображать его кровососом, сидящим на мешке с деньгами. Один пример: Саймон Флекснер, заведующий Рокфеллеровским институтом медицинских исследований, сумел разработать способ лечения менингита, используя сыворотку крови лошадей. В 1907 году он провёл испытания на обезьянах, а в январе 1908-го у пациента, которому ввели сыворотку в спинномозговой канал, уже через четыре часа спала температура, и он пошёл на поправку. В мае Рокфеллер-младший объявил руководству института, что его отец, впечатлённый результатом, даст денег на строительство больницы на 60 коек с изолятором на девять мест; вместе с пожертвованиями в фонд РИМИ расходы составят восемь миллионов долларов.

Любимая дочь Марка Твена Сьюзи умерла от менингита в 24 года; во время эпидемии зимой 1904/05 года эта болезнь унесла три тысячи ньюйоркцев. РИМИ теперь раздавал сыворотку Флекснера бесплатно, и смертность сократилась с 75 до 25 процентов. Люди должны об этом узнать. 20 мая 1908 года более сорока издателей иллюстрированных журналов собрались на обед в «Олдин клуб». Когда все уселись за столом, в глубине зала раскрылась дверь и вошли Марк Твен, Генри Роджерс и два Джона Рокфеллера — отец и сын. Три четверти присутствующих впервые увидели легендарного бизнесмена, хотя в своих публикациях не раз честили его на все корки. Он всё ещё был высоким импозантным мужчиной, но его лицо было печальнее и задумчивее, чем на журнальных картинках. После представления, сделанных Марком Твенем и Роджерсом, Рокфеллер рассказал о работе РИМИ, перемежая общие сведения историями из жизни. Он говорил «мило, здраво, просто, человечно и поразительно эффективно; почти после каждой его фразы зал взрывался аплодисментами, и когда он

сел, все эти люди были его друзьями», написал Марк Твен на следующий день. Каждый хотел пожать ему руку.

На 69-й день рождения, 8 июля 1908 года, Эбби преподнесла Рокфеллеру подарок — родила ещё одного внука, которого назвали Нельсоном в честь другого дедушки. Тот факт, что они родились в один день, был в глазах Джона Д. знаменем: именно этому мальчику суждено возглавить следующее поколение Рокфеллеров. В том же месяце федеральный апелляционный суд не только отменил штраф, но и вынес порицание Лэндису, посчитавшему каждый груз нефти отдельным нарушением закона. Судья Питер Гросскап назвал решение Лэндиса «злоупотреблением судебским усмотрением», приказал провести повторное разбирательство, и «Стандард ойл» в итоге признали невиновной. Узнав об этом, Тедди Рузвельт был готов рвать и метать. Да, штраф был великоват, но само решение суда справедливо! На следующий же день президент заявил, что правительство снова привлечёт «Стандард ойл» к суду, поскольку «ни вина ответчика, ни исключительная тяжесть преступления не вызывают абсолютно никаких вопросов».

Между прочим, сенатор Джонатан Борн устроил-таки весной — летом несколько тайных встреч, где президент высказал Джону Арчболду желание уладить дело «Стандард ойл» без суда. Но, видимо, политические соображения перевесили — выборы же на носу.

Рузвельт сдержал обещание не идти на третий срок* и поддержал выдвижение кандидатом от республиканцев своего близкого друга Уильяма Говарда Тафта, военного министра его правительства. Демократов вновь представлял Уильям Брайан, сохранявший популярность в либеральных и популистских кругах. Он повёл широкую кампанию против бизнес-элиты.

В предвыборную гонку вступили и кандидаты от других партий: Юджин Дебс от социалистов, Юджин Чейфин

* Негласное правило, ограничившее время пребывания в Белом доме двумя президентскими сроками, существовало ещё со времён Джорджа Вашингтона. Законодательно оно будет закреплено 22-й поправкой к Конституции США, принятой конгрессом в 1947 году и ратифицированной в 1951-м: «Никто не может быть избран на должность Президента более чем два раза, а лицо, занимавшее должность Президента или действовавшее в качестве Президента в течение более двух лет от срока, на который был избран Президентом другой человек, не может избираться на должность Президента более чем один раз».

от Прогрессионистской партии, борющейся за введение «сухого закона». Медиумагнат Уильям Рэндольф Хёрст создал в 1906 году свою партию — Лигу независимости, чтобы баллотироваться в губернаторы штата Нью-Йорк, но проиграл; зато некоторым его однопартийцам повезло больше. В июле 1908-го эта партия, выступавшая против коррупции в политике, за восьмичасовой рабочий день, национализацию ряда отраслей экономики (в том числе железных дорог) и создание Центрального банка, выдвинула своим кандидатом в президенты Томаса Хисгена из Массачусетса. Он занимался производством дёгтя и в своё время не поддавался «Стандард ойл», предлагавшей купить его бизнес за 600 тысяч долларов. Компания пыталась разорить его ценовым демпингом и нажила себе ярого врага. 17 сентября Хёрст выступил в Колумбусе, штат Огайо, с речью в поддержку Хисгена, заявив, что прямо сейчас, перед тем как он отправился на митинг, к нему в гостиницу явился незнакомец и передал копии писем Арчболда и некоторых политиков. И Хёрст зачитал вслух те самые письма Арчболда сенатору Форейкеру и конгрессмену Сибли, которые два с половиной года назад ему продали бессовестные рассылные из конторы «Стандард ойл». Отпираться было бессмысленно, но Форейкер всё же заявил, что получал деньги от Арчболда на законном основании, в качестве советника компании. Общественность этому объяснению не поверила, и на политической карьере Форейкера и Сибли был поставлен жирный крест. Арчболд же усидел в своём кресле (желающих его занять было не так уж много), но на следующий год на всякий случай пожертвовал миллион долларов Сиракузскому университету.

Рокфеллер вновь появился в офисе компании 29 октября, чтобы поддержать Тафта: «Я считаю, что он не такой человек, чтобы пускаться в рискованные эксперименты или препятствовать возвращению процветания, ратуя за меры, подрывающие промышленный прогресс». Это был камешек в огород Тедди Рузвельта, который сразу назвал такую «поддержку» явной попыткой «Стандард ойл» навредить Тафту. Однако Джон Д. был вполне искренен. К тому же Уильям Брайан прямо заявил, что Рокфеллера следует посадить в тюрьму.

С октября в журнале «Уорлдс ворк» начали печатать мемуары Рокфеллера — «Случайные воспоминания о людях и событиях», записанные Даблдеем и отредактированные Старром Мёрфи. Перед публикацией каждую порцию

тщательно вычитывали адвокаты «Стандард ойл», ведь генеральный прокурор не оставит такой материал без внимания. Рокфеллер сначала хотел обойтись без эпизода с вдовой Баккус — там дел-то на копейки; но Гейтс возразил, что именно копеечные истории оказывают большее воздействие на умы простых людей: обобрать бедную вдову из-за грошей! «Никакая другая клевета в ваш адрес или в адрес компании не наделала больше вреда», — уверял он. Поэтому пресловутой истории уделили больше внимания, чем некоторым крупным промышленным проектам. К тому же этим примером можно было проиллюстрировать идею, что «величайшим препятствием на пути прогресса и счастья американского народа является желание множества людей тратить время и деньги на умножение конкурирующих предприятий вместо того, чтобы открывать новые сферы деятельности и вкладывать деньги в те отрасли промышленности и развития, которые необходимы». А вообще Даблдей попытался представить Рокфеллера не воротилой бизнеса, небожителем, а этаким стариной Джоном: «Я живу, как фермер, отойдя от ярких событий в бизнесе: играю в гольф, сажаю деревья; при этом у меня так много дел, что дня не хватает». А незаслуженную критику в свой адрес он принимает с христианским смирением*.

К тому времени «Дело “Стандард ойл”» уже составляло 21 толстый том: следователи допросили 444 свидетелей, заполнив 12 тысяч страниц протоколов. Пока расследование продолжалось, против компании был подан 21 иск в разных штатах, от Техаса до Коннектикута. Все эти люди были уверены, что Рокфеллер всегда был «кукловодом», а Арчболд и иже с ним — его марионетками. Джон Д. утверждал обратное. Теперь, когда дело двигалось к суду, он неожиданно сделал для себя неприятное открытие: он в самом деле не был в курсе реальных дел. Так, он пола-

* В апреле 1909 года мемуары Рокфеллера были изданы отдельной книгой, вышедшей одновременно в Англии, Германии, Франции и Италии. Ида Тарбелл высказалась о них 25-го числа на страницах «Чикаго рекорд геральд», поиронизировав над рассказами о выращивании цветочков и сравнив Рокфеллера с гуннами, пронёсшимися по завоеванной стране беспощадным потоком, сметающим всё на своём пути: «Нет, он не гунн: его разрушительная сила слишком умна. Он больше похож на Наполеона Бернарда Шоу — великого, поскольку он не применяет обычные законы благопристойности и морали к самому себе, при этом сохраняя их для других. Он — мастодонт ментальной машинерии. Можно ли просить сжалиться паровой плуг? Бывают ли угрызения совести у динамо-машины?»

гал, что дивиденды, выплачиваемые по акциям «Стандард ойл», составляли шесть—восемь процентов. Однако из цифр, предоставленных в его распоряжение членом совета директоров Генри Клеем Фолджером, следовало, что в последние 25 лет они составляли в среднем 13,86 процента. Так много?! Конечно, для других бизнесменов это ерунда, но вот борцы с монополиями могут взглянуть на вещи иначе... На протяжении двенадцати лет перед отходом Рокфеллера от дел доходность активов колебалась в рамках 11—17 процентов, а когда у руля встал Арчболд, взлетела до 21—27 процентов в 1900—1906 годах. Конечно, это признак умелого руководства; но Рокфеллер всегда ставил себе в заслугу, что продаёт населению качественный и дешёвый керосин... Фолджер пообещал уничтожить обличительную статистику.

В ноябре Фрэнк Келлог вызвал Рокфеллера в нью-йоркскую таможню, чтобы задать ряд вопросов, в основном по ценовой политике компании. Стоя возле карты, на которой вся страна была поделена на торговые районы разных отделений «Стандард ойл», Келлог пытался заманить свидетеля в ловушку.

— Есть ли у «Стандард ойл Огайо» закреплённая за ней территория?

— Нет.

— А в последние пять лет?

— Нет, насколько мне известно. Её область — весь мир. В этом её миссия — освещать мир наилучшим и наидешёвейшим образом.

Рокфеллер давал ответы с невозмутимым видом, переглядываясь с адвокатами, которые отводили большинство вопросов Келлога. Почему цены на керосин начали расти с 1895 года? Разные причины, знаете ли: пожары, инвестиции в новые месторождения... Но ведь в то же самое время «Стандард ойл» выплачивала огромные дивиденды? «И мы благодарны за это», — ответил Рокфеллер, воздев очи горé. «Мистер Рокфеллер... не выглядит таким чудовищем, каким рисовало его себе общественное воображение. Он любезен до сердечности», — писала 20 ноября газета «Морнинг телеграф». «Если Рокфеллер играет роль, то делает это так, что ему бы позавидовал Урия Гип*. Если же нет, то вполне возможно, что занятого старика оболгали...

* Отрицательный персонаж романа Чарлза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» (1849—1859).

и что весь мир должен перед ним извиниться», — вторила ей «Таймс стар» из Цинциннати.

К тому времени президентские выборы уже завершились. Хисген набрал 0,6 процента голосов, и Лига независимости распалась. Тафт победил, получив поддержку 51,6 процента избирателей, и Рокфеллер послал ему поздравительную телеграмму. Когда пресса стала делать намёки, что в отношении «Стандард ойл» Тафт занимает враждебную позицию, Рокфеллер сказал Фолджеру, что это просто слухи. На самом же деле Тафт симпатизировал Рокфеллеру как человеку*, но созданную им компанию терпеть не мог. «Это действительно был спрут, державший всю отрасль в своих щупальцах, а горстке оставленных в живых независимых концернов позволили существовать в мучениях для поддержания видимости конкуренции», — напишет он позже.

* В начале 1910 года, когда Рокфеллер жил в отеле «Бон Эр» в Огапе, они с Тафтом случайно встретились и договорились сыграть партию в гольф, однако жена президента отговорила его, опасаясь, что это повредит его репутации. Зато в том же году Рокфеллер представил Тафту свою пятилетнюю внучку Матильду Маккормик, очаровательную девочку с длинными вьющимися волосами, и здоровяк Тафт высоко поднял её на руках — к большому удовольствию обоих.

Глава третья
СТАРИК И ДЕНЬГИ

Своим успехом в жизни я обязан в основном своей вере в людей и своей способности внушить им веру в меня.

Из интервью Джона Д. Рокфеллера
«Сатердей инвинг пост»
21 октября 1911 г.

Люди в белом

«Я жду снега, чтобы опробовать новые санки: они на пружинах, и у них, как у повозки, четыре полоза, чтобы можно было поворачивать. Разве не роскошь?» — писала Лора Рокфеллер сыну из Форест-Хилла в январе 1905 года. В тот год муж подарил ей 500 долларов на день рождения и ещё 500 на Рождество — найдётся ли ещё у кого-нибудь столь щедрый супруг? (Портфель облигаций железных дорог и газовых компаний, принадлежавших лично Сетти, стоил тогда более миллиона.) У Рокфеллеров было принято обмениваться на праздники простыми подарками: перьевыми ручками, галстуками, носовыми платками, перчатками, — а потом сообщать друг другу в письмах, какую радость они доставили. «Тысяча благодарностей за меховую шубу, шапку и варежки. Вряд ли я мог бы себе позволить такую роскошь, и я благодарен сыну, способному купить всё это для меня», — писал Джон-старший, облагодетельствованный Джоном-младшим на Рождество 1908 года.

Рокфеллер опротестовывал счета от бакалейщиков и мясников, поскольку всех их держал за мошенников и вымогателей, стремящихся выжать побольше денег из богатого клиента. Поставленный им «социальный эксперимент» окончательно убедил его в людской непорядочности: одно время он протягивал носильщикам горстку монет и предлагал взять на чай столько, сколько заслужили; те понимали его слишком буквально и забирали всё, поэтому он вернулся к обычной практике — десять процентов от стоимости услуги. Он по-прежнему проверял все домашние счета, а бухгалтерские книги своих поместий посылал для

аудита на Бродвей, 26. Эти поместья образовали собственную рыночную систему: поставляя урожай сада и огорода. «Мы являемся своими собственными лучшими клиентами, — рассказывал Рокфеллер в мемуарах, — и наживаемся на себе, продавая, например, саженцы в наше имение в Нью-Джерси по полтора-два доллара, тогда как в Покантико они изначально обошлись нам всего в пять—десять центов». Когда выяснилось, что столовые расходы в городском нью-йоркском доме достигают 13,35 доллара на человека, в то время как в Покантико — 7,8 доллара, а в Форест-Хилле — вообще 6,62, экономка получила нагоняй. При виде хозяина, гуляющего по саду или проезжающего мимо в автомобиле, рабочие тотчас прекращали «перекур» и демонстрировали бурную деятельность.

Возведение нового дома в Покантико, на холме Кайкат, долгое время откладывалось, хотя строительные фирмы представили свои проекты. Джон-младший наконец догадался, в чём дело: с одной стороны, Рокфеллеру не хотелось, чтобы дом был слишком большим (лишние хлопоты), но, с другой стороны, он же не будет жить там один: станут наезжать дети, внуки, гости... Наконец, был выбран один из проектов, причём Рокфеллер высказал свои пожелания: комнаты следует расположить так, чтобы солнце тоже соблюдало его распорядок дня: в столовой в обед должно быть светло, а в спальне после полудня сумеречно, чтобы он мог вздремнуть. Он сам изготовил уменьшенную модель дома на вращающемся основании и всё проверил. Надзор за строительством взяли на себя Эбби и Джон-младший, который с тех пор всю жизнь носил в кармане складную линейку в четыре фута.

Получился трёхэтажный особняк в георгианском стиле, простой и гармоничный, с элегантными коньками крыш и мансардными окнами. Конструкция не предусматривала бального зала, зато имелся орган для исполнения церковной и светской музыки. Джон и Эбби, проконсультировавшись с экспертами, закупили всю мебель, фарфоровую посуду, льняные скатерти, столовое серебро и произведения искусства. Прежде чем сдать «объект» родителям, они сами прожили в новом доме целых полтора месяца, опробовав каждую спальню, а также кухню и столовую, после чего, в октябре 1908 года, с замирианием сердца встретили настоящих хозяев. На День благодарения три поколения Рокфеллеров праздновали новоселье: Джон и Эбби привезли с собой Бабс, Джона III и маленького Нельсона. Родители

восторгались и говорили, что дом красивый и удобный снаружи и внутри.

На самом деле они были не вполне довольны. В гостевых спальнях на третьем этаже, снабжённых только слуховыми окнами, было душно и некомфортно. Лифт производил ужасный шум. Если кто-нибудь пользовался водопроводом или ватерклозетом, гудящие трубы в ванной комнате сообщали об этом Сетти. Спальня Джона Д. находилась над служебным входом, где постоянно сновали и шумели люди. В столовую затекала дождевая вода, каминны иногда дымили. Наконец, Сетти показались неприличными херувимы у входа в спальню, и она велела превратить «мальчиков» в «девочек». Когда родители решились изложить всё это Джону-младшему, у того сердце оборвалось: ну вот, опять он оказался не на высоте. Надо всё переделывать.

Замечания Сетти не были прихотью: её здоровье было совершенно расстроено, и она месяцами не выходила не только из дома, но и из своей комнаты, а при таких обстоятельствах всякие мелочи сильно раздражают. В конце зимы 1909 года старики уехали в Западную Виргинию и провели три недели на курорте Хот-Спрингс (Горячие источники). С ними жил лечащий врач, доктор Пол Аллен, пригласивший на консультацию доктора Смита. Тот потом выставил Рокфеллеру счёт на три тысячи долларов. Рокфеллер решил, что это чистой воды вымогательство: 500 долларов за консультацию — ещё куда ни шло, но чтобы три тысячи! Он пригрозил судом, и доктор Смит согласился на 500. После этого пришёл счёт от доктора Аллена из расчёта 350 долларов за каждый день лечения. Рокфеллер возмутился и отказался платить больше, чем по 160 долларов, а потом, изучив местные расценки, и вовсе понизил сумму до 75 долларов. Сын заметил ему, что ради пребывания в Хот-Спрингсе доктор Аллен на 21 день оставил без своих услуг целых четыре семьи пациентов. Значит, он рассудил, что выгоднее иметь своим пациентом одного Рокфеллера, чем их всех, — резонно возразил отец, вообще не склонный доверять врачам. Он даже считал своим долгом перед обществом засудить врача-хапугу, чтобы другим было неповадно.

При этом Рокфеллер не обращался к услугам им же основанного Института медицинских исследований, где работали лучшие врачи и учёные, причём не только из Америки. В институтской больнице, где бесплатно лечили больных полиомиелитом, крупозной пневмонией, сифилисом, сердечными заболеваниями и кишечным инфантилизмом (эти

болезни были приоритетными направлениями исследований), целых четыре палаты на верхнем этаже были зарезервированы для семьи Рокфеллер, но Джон Д. никогда не пользовался этой привилегией, хотя Гейтс чуть ли не умолял об этом: «Врачи чрезвычайно вежливые, милые, учтивые, а сёстры милосердия — просто эталон их племени». Нет, Рокфеллер-старший предпочитал своих остеопатов и гомеопатов, хотя часто за ужином рассказывал гостям о чуде, совершённом Алексисом Каррелем*: в 1909 году тот сумел соединить вену в ноге преждевременно родившегося младенца, у которого открылось внутреннее кровотечение, с артерией его отца и таким образом сохранил ребёнку жизнь.

А вот Генри Роджерс не пережил новый инсульт и скончался 19 мая.

Его смерть стала предупреждением, что деньгами лучше распорядиться заранее (после Роджерса осталось 42 миллиона). 29 июня Рокфеллер передал 73 тысячи акций «Стандард ойл Нью-Джерси» стоимостью 50 миллионов долларов трастовому фонду под руководством Джона-младшего, Фредерика Гейтса и Гарольда Маккормика, намереваясь в дальнейшем довести этот фонд до 100 миллионов. Но получить от сената разрешение на учреждение Рокфеллеровского фонда, освобождённого от уплаты налогов как благотворительная организация, в разгар антимонопольного расследования против «Стандард ойл» оказалось делом непростым. Однако в успехе никто не сомневался, а Гейтс уже начал строить планы создания нового крупного университета... в Китае. Правда, там идею встретили в штыки: местным христианским миссионерам не нравилось, что университет будет светским, а правительственные чиновники опасались иностранного вмешательства. Ничего, подождем. К тому же Гейтс уже нашёл для фонда неотложное и важное дело.

* Алексис Каррель, уехавший из Франции из-за нападок коллег за «клерикализм» (в 1902 году он как врач засвидетельствовал чудесное исцеление женщины в Лурде), работал в Монреале и в Чикаго, а в 1906 году пришёл в РИМИ. Став в 1894-м, в 21 год, свидетелем убийства французского президента Мари Франсуа Сади-Карно (анархист Казерио ударил его ножом в печень, повредив воротную вену, и президент скончался от потери крови), молодой врач разработал метод сшивания кровеносных сосудов — триангуляцию (одна вышивальщица научила его делать малюсенькие узелки). В 1912 году он получит Нобелевскую премию в области физиологии и медицины за работу по сосудистому шву и трансплантации кровеносных сосудов и органов.

Когда США после войны с Испанией получили Пуэрто-Рико, один армейский хирург сделал удивительное открытие: многие бедные островитяне, которых считали больными малярией, на самом деле страдали от глистов. И тут доктора Чарлза Уорделла Стайлза осенило: может быть, и на американском Юге та же картина? Пресловутая «заторможенность» южан, которые обычно ходят босиком, — на самом деле анемия, результат воздействия глистов, проникающих в организм через подошвы ног? В сентябре 1902 года, вооружившись микроскопом, он объехал весь Юг, изучая человеческие фекалии, и повсюду находил яйца гельминтов. Доктор возликовал, ведь глистов легко изгнать с помощью тимола и английской соли, которые стоят гроши! Но коллеги только посмеялись, вспомнив к тому же, что по образованию Стайлз зоолог. В декабре после его выступления на медицинской конференции в Вашингтоне в «Нью-Йорк сан» вышла статья «Найден возбудитель лени?». А Уильям Ослер вообще отрицал существование глистов в Америке. Но Стайлз не сдавался. В 1908 году президент Рузвельт включил его в комиссию по изучению сельской жизни. Входивший в неё Уолтер Пейдж, член совета директоров РИМИ, устроил ему встречу с Гейтсом и Флекснером. Стайлз скромно попросил полмиллиона долларов на кампанию по борьбе с гельминтами; но зачем же мелочиться, решил Гейтс, лучше миллион. Добывать круглую сумму у Рокфеллера в октябре 1909 года послали Джона-младшего. Его отцу сумма показалась чрезмерной, однако он согласился пожертвовать её — при условии, что все шаги по её расходованию будут согласованы с ним. Теперь он, как правило, проводил зиму на Юге, где у него появились друзья, и ему хотелось сделать для этих людей что-нибудь хорошее.

Добросердечные южане были, однако, крайне обидчивыми и всегда болезненно воспринимали любой намёк на свою неполноценность, поэтому название «Рокфеллеровская санитарная комиссия по искоренению глистов на Юге» быстро сократили до первых трёх слов, а потом и вовсе заменили на «Санитарная комиссия США». Её штаб-квартира находилась не в Нью-Йорке, а в Вашингтоне, исполнительным секретарём стал уроженец Теннесси доктор Уиклифф Роуз, политическим прикрытием служили государственные медицинские комиссии. Именно они направляли молодых врачей в сельскую местность для проведения разъяснительной работы среди населения, а зарплату этим

врачам платил Рокфеллер. Последний факт тщательно скрывали, чтобы не вызвать недоверия ко всему проекту; и всё же народ как-то прознал, кто его финансирует, и начал строить порой нелепые предположения о том, зачем Рокфеллеру это надо. По одной из версий, Рокфеллер решил заняться производством обуви и теперь хочет приучить южан носить башмаки круглый год, а не только зимой.

В 1910 году по южным штатам разъезжали агитационно-просветительские поезда, в двух округах устроили диспансеры (за три года их число возрастёт до 208), куда людей завлекали рекламными листовками: «Взгляните на глистов и различных кишечных паразитов, которых носит в себе человек». К микроскопам и баночкам с гельминтами выстраивались длинные очереди. За первый год армия медиков под командованием Роуза осмотрела 102 тысячи человек в девяти штатах, у сорока трёх тысяч были обнаружены глисты. Поскольку лечение было быстрым и эффективным (в 1911 году за один день исцелились 454 человека), многие считали его чудом, и исцелённые пели христианские гимны. К программе присоединились все южные штаты, кроме Флориды.

В том же 1910 году Прентисы превратились из городских жителей в фермеров. Рокфеллер выдал Альте с мужем 250 тысяч долларов на приобретение дома и земли, и они купили себе ферму в Беркширских горах, в штате Массачусетс, назвав её Горой надежды (Маунт-Хоуп). Теперь в письмах Альты речь шла в основном о пахоте, боронении, навозе, кукурузе, картофеле, гречихе, севообороте.

Джон-младший тоже решил пойти своим путём — правда, иным. Он уже год собирался окончательно расстаться со «Стандард ойл» с её нечистоплотными методами и посвятить себя благотворительности. Свои тайные мысли он открыл только жене и отцу. Джон Д. коротко ответил: «Делай, как считаешь правильным», — но с предложением выгнать Арчболда не согласился.

В январе 1910 года на заседании правления Джон-младший вышел из совета директоров «Стандард ойл». Общественности об этом сообщили только два месяца спустя, когда в сенате был представлен законопроект об учреждении Рокфеллеровского фонда. Одновременно Джон вышел и из совета директоров «ЮС стил». Со сферой бизнеса его теперь связывали только две компании: «Америкэн линсид» (производство олифы) и «Колорадо фьюэл энд айрон» («КФА»). Рокфеллер передал ему контрольный пакет в «Аме-

рикэн линсид» стоимостью 16 миллионов долларов, и Джон «молил Бога, чтобы тот научил его быть таким же добрым и верным его слугой, каким был его отец». Последний затребовал у него отчёт о расходах за предыдущий год, и Джон-младший подсчитал всё до цента: 65 918,47 доллара.

Компания «КФА», второй по величине металлургический гигант в США, по-прежнему была убыточным предприятием, и Джон решил доказать отцу, что и он способен находить решения в трудных ситуациях. Вот только Рокфеллер-старший в таких случаях всегда выезжал на место и подробно знакомился с положением дел, а его сын доверился управляющему Ламонту Монтгомери Бауэрсу, в своё время весьма умело руководившему озёрной флотилией сухогрузов. Ему уже перевалило за шестьдесят; вице-президентом «КФА» он стал опять же с подачи своего племянника Фредерика Гейтса (который больше думал о том, что горный воздух Колорадо пойдёт дядюшке на пользу).

Бауэрс уяснил для себя только одно: Рокфеллеры не пойдут на уступки профсоюзам. Поэтому он вместе с президентом компании Джесси Уэлборном применял политику кнута и пряника: рабочий городок был наводнён шпионами и сыщиками, в симпатизирующих профсоюзам даже стреляли; при этом зарплаты рабочим подняли на десять процентов, а рабочий день сократили до восьми часов. Ещё Бауэрс хотел открыть магазины для сотрудников, которые принадлежали бы компании. Но для охраны труда не делалось ничего. 31 января 1910 года на одной из шахт произошёл взрыв, погибли 79 человек. Бауэрс обвинил во всём беспечность шахтёров. В ответном письме от 7 февраля Джон-младший вообще не упомянул об этой трагедии, затрагивая лишь экономические вопросы и статистические показатели. Рокфеллер-старший собирался продать «КФА» тресту «ЮС стил», как только за неё можно будет взять приличную цену, а для этого надо было выйти из минуса.

Но такое равнодушие к жизни горняков можно было объяснить и тем, что как раз в то время Джон-младший неожиданно занялся решением другой социальной проблемы.

В 1909 году в журнале Макклюра вышла статья Джорджа Кибба Тёрнера «Дщери бедноты: История развития Нью-Йорка как ведущего мирового центра белого рабства под властью Таммани-Холла». Под «белым рабством» подразумевалась проституция, а Таммани-Холл — влиятельная политическая структура демократов, имевшая «клубы» в каждом районе Нью-Йорка. Тёрнер клеймил в основном

эмигрантов: евреев из Восточной Европы и итальянцев, поставлявших живой товар в дансинги и дома терпимости: первые действовали обманом, обещая девушкам жениться, взять их на содержание, найти им хорошую работу, а потом отправляя на панель, вторые — силой. Эта статья наделала много шума, и через два месяца после её публикации судья Томас О'Салливан, поддерживавший Таммани-Холл, учредил специальное Большое жюри для расследования ситуации. В январе 1910 года он предложил Рокфеллеру-младшему стать председателем Большого жюри, а все его возражения о полной неосведомлённости в этом вопросе отнёс одной фразой: «Ваш долг перед городом — внести свой вклад в борьбу с порочной практикой, которая в нём существует».

На самом деле это было сделано специально. «Белое рабство» было хорошо организованным бизнесом с годовым оборотом семь миллионов долларов. Руководство клубов Таммани полагало, что под председательством стыдливого и бесхребетного Рокфеллера Большое жюри позаседает отведённые ему 30 дней, выдаст какие-нибудь беззубые рекомендации и спокойно разойдётся. Но не тут-то было. По прошествии месяца члены жюри разойтись отказались и работали ещё полгода. Когда все средства из фонда расследования были потрачены, Рокфеллер внёс в него 250 тысяч долларов собственных денег. Он читал литературу по данному вопросу, консультировался со специалистами по гигиене и здравоохранению, собирал через информаторов свидетельства проституток (сам он с девушками не общался), содержателей домов свиданий, полицейских и «воров». «В жизни никогда так много не работал, — рассказывал потом Джон-младший. — Я был на работе утром, днём и ночью». Он объединил усилия с окружным прокурором Джеймсом Рейнольдсом, и под их руководством жюри заслушало Тёрнера, бывшего шефа нью-йоркской полиции Теодора Бингема, а также Клиффорда Роя, боровшегося с «белым рабством» в Чикаго. Несмотря на то, что Тёрнер отказался от своего же прежнего утверждения, будто в Нью-Йорке действует целый преступный синдикат, сказав, что просто есть люди, владеющие несколькими публичными домами, Рокфеллер и Рейнольдс не закрыли расследование. Из отчётов информаторов следовало, что мужчины-сутенёры постепенно вытеснили бандерш, индивидуалок мало, проституция превратилась в организованный бизнес, девушек покупают и продают в бордели. Сутенёры под-

держивали неформальные связи, скидывались в «общак» и обеспечивали себе покровительство полиции, устанавливали общие неписанные правила, чтобы держать в подчинении девушек и жить за их счёт.

В феврале провели операцию по внедрению: два агента Рейнольдса попытались купить проституток. Один из них, опытный полицейский Джордж Миллер, уже арестовал около семидесяти человек за организацию проституции. Теперь он представился владельцем борделя с Аляски, собирающимся открыть новое заведение в Сиэтле. За несколько недель он приобрёл двух девушек по 40 долларов у еврея из России Гарри Левинзона и двух белых девушек по 120 долларов у «мадам» по имени Бель Мур. Левинзон свою вину признал и согласился сотрудничать со следствием в обмен на свободу. Ему пришлось сменить имя, потому что его засыпали угрозами (пресса, разумеется, освещала ход расследования; в конце апреля «Нью-Йорк дейли трибюн» напечатала портрет Рокфеллера-младшего — «главы Большого жюри, благодаря которому были произведены важные аресты белых работарговцев»). Всё внимание сосредоточилось теперь на Бель Мур, которая принуждала к занятиям проституцией несовершеннолетних. Её приговорили к пяти годам тюрьмы.

В общей сложности Большое жюри составило обвинительное заключение из сорока четырёх пунктов, и между О'Салливаном и Рокфеллером произошла громкая ссора: план Таммани-Холла не сработал. К сожалению, труды Большого жюри пошли прахом: мэр Уильям Гейнор, хотя и был на ножах с Таммани-Холлом, спустил всё на тормозах: большинство обвиняемых были оправданы. Зато общество открыло для себя «другого Рокфеллера».

Настало лето, и Джон с Эбби уехали отдыхать на остров Маунт-Дезерт в штате Мэн, где жили несколько их близких знакомых, включая Саймона Флекснера. В 1910 году они купили усадьбу «Эйри» в Сил-Харборе, на южной оконечности острова. Им нравилась первозданная красота этого места (тут не было автомобилей, и передвигаться можно было только пешком или верхом), от потрясающих видов захватывало дух. В тюдоровском особняке на вершине гранитного утёса было 65 комнат. Со временем Джон превратит его в настоящий дворец: 107 комнат, 44 камина и 22 ванны. Семья-то росла. 30 июля родился Лоранс. Именно так — не Лоуренс, а Лоранс: Джон назвал сына в честь своей матери.

В конце апреля 1911 года сенатор Олдрич устроил тайную встречу Джона и Эбби с президентом, за обедом в Белом доме. Злопыхатели увидели в этом неловкую попытку замаять дело «Стандард ойл», но на самом деле речь шла о регистрации Рокфеллеровского фонда. Страшно боясь, чтобы о встрече не проведала пресса, Тафт велел гостям пройти не через главный вход, а через боковую дверь. Их имена даже не внесли в гостевую книгу: Олдрич! Рокфеллер! Чур меня! Но за обедом Тафт произвёл на Джона приятное впечатление. Правда, он сказал, что закон об учреждении фонда не сможет вступить в силу до завершения антимонопольного расследования. Чтобы ускорить дело, Гейтс, случайно встретивший Тафта в клубе, даже предложил перенести штаб-квартиру фонда в Вашингтон и оставить за Рокфеллерами право назначать только пятерых членов правления из двадцати пяти, предоставив право вето президенту США, главному судье Верховного суда, председателю сената, спикеру палаты представителей и президентам Гарвардского, Йельского, Колумбийского, Чикагского университетов и Университета Джонса Хопкинса. Тафт ответил уклончиво.

В мае Рокфеллер-старший испытал дежавю. 15-го числа он играл в гольф в Покантико с отцом Ленноном из католической церкви Тарритауна, когда ему принесли телеграмму. Это было решение Верховного суда по делу «Соединённые Штаты Америки против компании “Стандард ойл”». Компании предоставили шесть месяцев, чтобы превратить все свои филиалы в самостоятельные предприятия, запретив их сотрудникам восстанавливать корпорацию. «Отец Леннон, у вас есть деньги?» — спросил Рокфеллер. «Нет, а что? — Покупайте “Стандард ойл”».

«Боюсь, что суд сделал то, чего от него хотели тресты и что упорно отказывался сделать конгресс», — заявил репортёрам сенатор Роберт Лафолетт, находившийся в зале суда во время оглашения приговора, занявшего 49 минут. По словам Уильяма Брайана, главный судья «ждал 15 лет, чтобы взять под своё крыло тресты и объяснить им, как выпутаться из положения». В последние годы ситуация на рынке изменилась: доля «Стандард ойл» в добыче сырой нефти в Америке сократилась с 32 до 14 процентов, а доля на рынке нефтепродуктов — с 86 до 70 процентов. Бензозаправки росли как грибы после дождя, и установить монополию не представлялось возможным. Акции «Стандард ойл Нью-Джерси» падали в цене из-за судебного процесса, но как только он закончился, котировки вернулись

на прежний уровень. 1 декабря 1911 года начались торги, и акции новых компаний, «вылупившихся» из «Стандард ойл», шли нарасхват, особенно когда было объявлено о дивидендах в 53 процента от стоимости старых акций. За год их курс возрастёт вдвое, а то и втрое. Из тридцати четырёх «дочек» «Стандард ойл» одиннадцать сохранили «девичью фамилию», добавив к ней название штата, в котором находились; распущена была только «Стандард ойл Миссури». «Коноко» и «Атлантик» отказались от названия «Стандард ойл». Проиграв суд, Рокфеллер из миллионера (в 1911 году у него было примерно 300 миллионов долларов) превратился в миллиардера, но самое главное — он больше не был президентом «Стандард ойл» и при этом владел четвертью новых акций «Стандард ойл Нью-Джерси» и четвертью от тридцати трёх независимых компаний.

Несмотря на разрешение вопроса с монополией, дело об учреждении Рокфеллеровского фонда так и не продвинулось. Законопроект прошёл палату представителей и застрял в сенате. Законодатели начали заигрывать с Рокфеллерами, обещая поддержку только в случае, если некоторые гранты уйдут в их округа. Выведенный из себя, Джон Д. в ноябре спросил сына, не лучше ли не мучиться, а получить разрешительные документы в одном из штатов. Джон-младший ответил, что федеральный закон предпочтительнее, поскольку власти штата могут потребовать, чтобы члены правления проживали на его территории, а это ограничит свободу действий Рокфеллеров.

Первого мая 1912 года у Джона и Эбби родился сын Уинтроп, названный в честь своего дяди по матери. Сначала его хотели назвать Уинтроп Олдрич Рокфеллер, но потом до родителей дошло, что инициалы этого имени (WAR) образуют слово «война», и имя Олдрич выбросили. Рокфеллеры в каком-то смысле чувствовали себя на военном положении: им приходили письма с угрозами от вымогателей из «Чёрной руки».

Эта преступная ассоциация действовала с начала века в городах, где имелись итальянские общины: Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго, Новом Орлеане, Детройте, Сан-Франциско; её жертвами в основном становились пресупевшие соотечественники, получавшие письма с угрозами физической расправы и требованием выкупа. Для наглядности в письме была картинка: дымящийся пистолет, верёвочная петля, нож с каплями крови (членов «Чёрной руки» обучали владению стилетом), а вместо подписи

стоял чёрный оттиск ладони. В 1910 году такое письмо получил известный тенор Энрико Карузо, испугался и отнёс в назначенное место две тысячи долларов. Но после этого такие письма посыпались дождём, вымогатели требовали уже 15 тысяч. Певец заявил в полицию, и пришедших за деньгами арестовали. 16 июня 1912 года «Нью-Йорк трибюн», сообщая о раскрытии очередного дела о похищении, писала, что «Чёрная рука» на самом деле существует разве что в воображении полиции, это звонкая фраза, которую использовал в своих преступных целях некий смышлёный проходимец итальянского происхождения и растиражировали журналисты. Как бы то ни было, семью Рокфеллера-младшего отправили на осень в Лейквуд, а в Покантико усилили меры безопасности: Джон Д. даже установил в Кайкате особую сигнализацию, кнопка от которой была у него под подушкой. Заслышав подозрительный шум, он нажимал на кнопку, в трёх-четырёх местах на деревьях начинали мигать лампочки, и ночной сторож звонил по телефону, чтобы проверить, всё ли в порядке.

Другая угроза по-прежнему исходила от «анархистов и социалистов», поскольку филантропы Рокфеллеры отказывались признавать профсоюзы. «Поначалу, — говорил Джон Д., — всё прекрасно: они дают своей организации красивое имя и декларируют набор правильных принципов. Но очень скоро проявляется истинная цель их организации: делать как можно меньше и получать за это как можно больше». Вот куда пойдёт прибавка к зарплате? На кинематограф, виски и сигареты. День труда никогда не был выходным в Покантико, а группу работников, пожелавших объединиться в союз, сразу уволили. Гейтсу тоже было ясно как день: если профсоюзы «получат власть, они вознамерятся разграбить, конфисковать, поглотить без угрызений совести, жестоко, прожорливо всё достояние общества, если только смогут». Не остановятся и перед убийством...

А Рокфеллер, как мы помним, намеревался прожить 100 лет. Швейцарский психоаналитик Карл Юнг, осенью 1912 года находившийся в Нью-Йорке, после их встречи написал в дневнике: «Он почти исключительно озабочен своим телесным здоровьем, думает о разных лекарствах, новых диетах и, возможно, новых докторах!»

Юнг в своё время лечил Гарольда Маккормика от депрессии после смерти сына. Когда в сентябре он приехал в США, кузен Гарольда, Медилл Маккормик, совладелец «Чикаго трибюн», проходивший у Юнга курс лечения от

алкоголизма, представил его Эдит, только что сбежавшей из клиники доктора Фурда в Катских горах. Юнг провёл с ней сеанс психоанализа. Живость ума Эдит произвела на него благоприятное впечатление, но её эмоциональное состояние показалось крайне нестабильным. Она рассказала, что ей приснилось дерево, расколотое молнией надвое, и Юнг поставил предварительный диагноз: латентная шизофрения. Эдит в самом деле переживала кризис, утратив точки опоры. Годом раньше она в последний момент без всяких объяснений отменила бал, на который созвала две сотни человек, а в этом году разочаровалась в религии и перестала ходить в церковь, что сильно испортило её отношения с отцом. Юнг ей понравился, поскольку придал новое направление её мыслям; Эдит тотчас предложила ему переехать со всей семьёй в Америку: она купит ему дом и поможет обзавестись практикой. Юнга покорило от властного заявления женщины, которая думает, что может купить всё; американцев он считал пустыми и лишёнными корней, поэтому сделал ей встречное предложение: приехать в Цюрих для дальнейшего психоанализа.

Двадцатого октября Юнг провёл день с Эдит в Кайкате, воспользовавшись шансом поближе познакомиться с её отцом. «Рокфеллер — в самом деле просто гора золота, причём купленного дорогой ценой», — скажет он позже в цикле лекций «Современная психология». Джон Д. казался ему одиноким, одержимым собственным здоровьем и мучимым угрызениями совести. Рокфеллер ещё усугубил это впечатление, сказав, что австрийцы плохие, потому что заключили особый договор с Румынией, чтобы не платить за нефть ту же цену, что и все остальные люди в мире.

Эта встреча произошла менее чем через неделю после покушения на Теодора Рузвельта, пожелавшего вернуться в Белый дом. На праймериз в начале лета он набрал 278 голосов делегатов против сорока восьми у Тафта и тридцати шести у Лафолетта, однако на партийном конвенте в Чикаго кандидатом от республиканцев был назван Тафт. Рузвельт обвинил его в нарушениях при подсчёте голосов и сформировал собственную партию — Прогрессивную. Её программа называлась «Новый национализм» и предусматривала усиление роли государства в управлении экономикой, право рабочих объединяться в профсоюзы, право голоса для женщин, восьмичасовой рабочий день при шестидневной рабочей неделе, медицинскую страховку на предприятиях, право на пенсию, страхование от безработицы,

введение подоходного налога и налога на наследство и т. д. 14 октября 1912 года Рузвельт собирался выступить с речью в Милуоки, штат Висконсин.

Перед тем как сесть в автомобиль, он снял правой рукой шляпу и помахал ею толпе, собравшейся его поприветствовать возле отеля «Гилпатрик». И тут вечерний сумрак разорвала яркая вспышка: человек, стоявший в двух метрах от Рузвельта, выстрелил в него из кольта. Мгновенно среагировавший стенограф применил к нему борцовский захват и заломил ему руку, помешав выстрелить во второй раз. На стрелка посыпались удары, толпа вопила: «Убить его!» Сохранял спокойствие только Рузвельт. «Не бейте его. Подведите его сюда, я хочу на него посмотреть. Зачем вы это сделали?» Ответа не последовало, и несостоявшегося убийцу передали в руки полиции.

Толстое пальто было пробито с правой стороны груди. Рузвельт покашлял три раза — кровь изо рта не идёт, значит, лёгкое не задето. Сопровождавший его врач велел шофёру направляться в больницу, но полковник Рузвельт отдал другой приказ: «Поехали говорить речь».

«Друзья, прошу вас сохранять спокойствие, — произнёс он, поднявшись на трибуну. — Не знаю, поняли ли вы в полной мере, что в меня только что стреляли». Бывший президент расстегнул пиджак и продемонстрировал онемевшему от ужаса собранию пятно крови на рубашке. «Лося так просто не завалишь», — уверил он. Залез во внутренний карман пальто и достал оттуда пробитую пулей речь на пятидесяти страницах. «К счастью, рукопись была при мне, вы видите, что я собирался произнести длинную речь, а вот тут прошла пуля и, возможно, благодаря этому не угодила мне в сердце. Эта пуля сейчас во мне, так что очень долгую речь я произнести не смогу, но попытаюсь».

Двумя днями ранее главный редактор журнала «Аутлук» назвал 53-летнего Рузвельта «электрической батареей с неисчерпаемой энергией». Он выступал полтора часа. Когда его голос становился слабее, а дыхание учащалось, нервничавшие помощники просили его прекратить или становились рядом, готовые поддержать, если он потеряет сознание, но Рузвельт договорил до конца и лишь тогда поехал в больницу. На рентгеновском снимке стало видно, что пуля застряла на пути к сердцу, у четвёртого ребра. Просто счастье, что ей пришлось пробить пальто, сложенную трубкой рукопись речи и очечник на стальном каркасе. Доктора решили, что разумнее не делать операцию, а оставить пулю в

теле. Рузвельт продиктовал телеграмму жене: он «в превосходной форме», рана пустяковая. Прогрессивную партию теперь стали называть «партией лося».

«Абсолютно естественно, что слабые и порочные умы распалются до совершения актов насилия» под воздействием злопыхательских газет, заявил тогда Рузвельт в Милуоки. Как выяснилось, стрелял в него 36-летний Джон Шранк, оставшийся без работы владелец салуна из Нью-Йорка, который несколько недель выслеживал свою добычу по всей стране. В кармане у него нашли написанное от руки воззвание «К народу Соединённых Штатов»: «Я увидел во сне, как президент Маккинли сел в своём гробу и указал на человека в монашеском одеянии, в котором я узнал Теодора Рузвельта. Покойный президент сказал: вот мой убийца, отомсти за мою смерть». Кроме того, убийство Рузвельта должно было помешать ему стать президентом в третий раз, нарушив традицию. Шранка признали невменяемым и пожизненно заключили в сумасшедший дом. Рузвельт же на волне популярности после покушения обошёл Уильяма Тафта с его «прогрессивным консерватизмом», но проиграл выборы демократу Вудро Вильсону, выдвинувшему программу «Новая свобода»: реформа тарифов, банковская реформа, новое антимонопольное законодательство. «Хотел бы я дожить до того дня, когда нашим президентом станет настоящий бизнесмен!» — воскликнул Рокфеллер-старший. Правда, по словам четвёртого кандидата, социалиста Юджина Дебса, все три его соперника получали щедрое финансирование от трестов.

Как бы то ни было, 3 февраля 1913 года конгресс принял 13-ю поправку к Конституции, наделявшую его правом собирать федеральный подоходный налог, ставка которого составляла один процент для доходов свыше трёх тысяч долларов и семь процентов для доходов свыше пятисот тысяч долларов в год. Джон Д. был этим возмущён: какое право правительство имеет на чужие деньги, заработанные честным путём? Рокфеллеры быстренько зарегистрировали свой фонд в штате Нью-Йорк, чтобы уберечь таким образом большую часть имущества от налога на наследство. Первое заседание (на Бродвее, 26) состоялось 19 мая; президентом был избран Джон Рокфеллер-младший. Фредерик Гейтс стал лишь одним из девяти доверительных управляющих. В ноябре прошлого года он наконец-то сложил с себя обязанности по управлению личным состоянием Рокфеллера и теперь занимался только Дирекцией общего об-

разования, не получая постоянной зарплаты. Впрочем, он был обижен на Рокфеллера, который недооценивал его работу. Сам Джон Д. номинально тоже состоял в правлении фонда, но ни на одном заседании не появился. А его сын ввёл туда тридцатилетнего юриста Рэймонда Фосдика, выпускника Принстонского университета (он учился у Вудро Вильсона), с которым познакомился в ходе расследования о «белом рабстве». Во время президентской кампании Вильсона Фосдик был секретарём и аудитором финансовой комиссии, однако отказался от нескольких постов, предложенных ему бывшим преподавателем, ставшим президентом, зато вошёл в правление Дирекции общего образования и Дирекции международного образования.

В марте Генри Флаглер в собственном доме упал с лестницы и сломал шейку бедра. В 83 года это было смертельно. Мэри Лили преданно ухаживала за ним два месяца. Овдовев, она стала самой богатой женщиной в стране: по разным оценкам, у неё было от шестидесяти до ста миллионов. А 31 марта, незадолго до своего 76-летия, скончался Джон Пирпонт Морган. Он умер во сне в Риме, в Гранд-отеле. На Уолл-стрит приспустили флаги, как делали только в знак траура по главе государства; когда тело покойного, доставленное в Нью-Йорк, провозили по городу, биржа на два часа прекратила работу. Джон Пирпонт Морган-младший унаследовал банковский бизнес стоимостью 30 миллионов долларов и коллекцию предметов искусства, оценённую в 50 миллионов. Свой дом и собрание книг Морган передал библиотеке своего имени.

Тем временем Эдит проводила ежедневные сеансы психоанализа с Юнгом, вернувшимся в США. Зигмунд Фрейд, разочаровавшийся в бывшем ученике, подозревал его в корыстных намерениях. «Юнг снова уехал в Америку на пять недель, как говорят, чтобы увидеться с Рокфеллершей», — писал он в марте венгерскому коллеге Шандору Ференци. В апреле сеансы продолжились уже на корабле, увозившем Юнга и Эдит в Европу — вместе с Фоулером и его гувернёром, Мюриел с гувернанткой и кучей других слуг. Гарольд и Матильда остались в Чикаго. В Цюрихе Маккормики со свитой поселились в роскошном отеле «Бор-о-Лак», совершенно не представляя себе, сколько времени они здесь пробудут. Четырнадцатилетнему Фоулеру там не понравилось. «Это очень странное место, — писал он деду. — Этим летом здесь почти без конца лил дождь и происходили причудливые явления природы».

Рокфеллеру было не по душе, что дочь уехала в Европу. Та уже доконала Бесси. А теперь ещё Чарлз отдал Маргарет в школу в Англии. Почему не в Америке? Каким образом она обзаведётся нужными связями на родине, учась за рубежом? Джон Д. перестал давать деньги зятю, но продолжал посылать подарки внучке. Лишь бы какой-нибудь европейский прошельга не сбил её с пути, ведь ей уже шестнадцать... В сентябре Фоулер вернётся в Америку и поступит в частную школу Гротон; Гарольд же с дочерью поедет в Цюрих, чтобы попытаться привезти жену назад. Но это окажется бесполезно — Эдит не пожелает прекращать сеансы с Юнгом. Мюриел отдадут в немецкую школу, Матильду, из-за слабого здоровья, поместят в санаторий.

Свежеиспечённый президент Рокфеллеровского фонда без долгой раскачки взялся за дело: уже в мае учредил на собственные деньги Бюро социальной гигиены, которое должно было лечить социальные язвы — от венерических заболеваний до наркомании и преступности, попутно внедряя контроль над рождаемостью. Сетти прислала сыну чек на 25 тысяч долларов — эти деньги должны были пойти на разъяснение женщинам правил половой гигиены. Фосдика Джон-младший тоже привлёк к работе, поручив подготовить доклад о полицейских системах в Европе. Он был полон воодушевления и в ответе на последнее письмо Бауэrsa, сообщавшего, что в Колорадо всё спокойно, выразил уверенность, что «крупный промышленный концерн может обращаться со всеми людьми одинаково, быть открытым и непредвзятым в поступках, но при этом всё более успешным».

Тем летом здоровье 74-летней Сетти сильно ухудшилось: к прострелу, плевриту, сердечной недостаточности добавились проблемы с мочевым пузырём и прямой кишкой. Лют тоже разболелась; теперь обе передвигались в инвалидных колясках. Доктор Биггар, не отходивший от миссис Рокфеллер, предупредил её мужа, что она не сможет покинуть Форест-Хилл. Перед Джоном Д. встала дилемма: не уехать, как обычно, на осень в Покантико — значит не только нарушить заведённый распорядок, но и рисковать материально: если он застрянет в Кливленде на всю зиму, его сочтут местным резидентом и потребуют уплаты налогов; но оставить жену в таком состоянии он тоже не мог. Каждый день он катал её по окрестностям в старомодном фэртоне или новеньком автомобиле, а за ужином иногда, извинившись перед гостями, брал из вазы цветок и подни-

мался на цыпочках наверх — подарить его Сетти и развеселить её лёгким шутливым разговором. «Джон очень меня поддерживает и подбадривает и рад тому, что я медленно поправляюсь», — записала Сетти в дневнике 25 сентября. Однажды они даже выбрались в церковь на Евклид-авеню. Произнося речь перед собравшимися, Рокфеллер вдруг выхватил взглядом бледное, измождённое лицо жены и переменял тему: «Люди говорят мне, что я многое сделал в своей жизни. Я знаю, что много работал. Но лучшим, что мне удалось сделать и что доставило мне величайшее счастье, было завоевать Сетти Спелман. У меня была только одна любимая, и я благодарен за то, что она всё ещё у меня есть».

Шахты, деньги, пулемёт

На шахтах в Колорадо трудился рабочий интернационал: горняки говорили на двадцати семи языках. Некоторые из рабочих-эмигрантов были настолько далеки от американских реалий, что считали Рокфеллера президентом США. Летом 1913 года шахтёрские посёлки в горах, напоминающих инопланетный пейзаж с серыми кратерами и охристыми холмами, обходили пропагандисты из Объединения горнорабочих Америки (ОГА), говорившие на английском, испанском, итальянском, греческом и некоторых славянских языках. Рабочим предлагали вступить в профсоюз и бороться за свои права. Угольные компании тоже не дремали: в детективном агентстве Болдуина—Фелтса наняли вооружённых людей, передав их под командование местных шерифов.

Правительство, в свою очередь, попыталось обезглавить профсоюз ненасильственным образом: президент назначил Уильяма Вильсона из ОГА министром труда. Тот послал своего заместителя в Нью-Йорк, чтобы провести переговоры с Рокфеллером-младшим и предотвратить стачку, но Джон отказался его принять и перенаправил к Старру Мёрфи, последний же попросту сказал: «Мы на Востоке ничего не знаем об условиях (в Колорадо) и не хотим вмешиваться в деятельность управляющих».

Условия эти были очень тяжёлыми. В 1912 году уровень смертности в шахтах Колорадо составлял 7,055 случая на тысячу человек против 3,15 в целом по стране: горняки погибали при взрывах и обрушении перекрытий, задыхались от газов. Только в 1913 году под землёй погибли 104 челове-

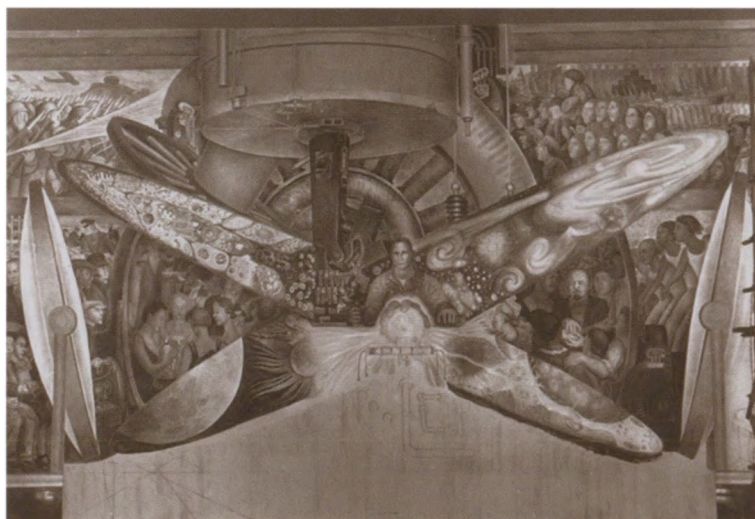
Джон-старший и Джон-младший. 1915 г.

Башни Рокфеллер-центра начали строить в период Великой депрессии. 1932 г.

Первую рождественскую ель на Рокфеллер-плаза купили и установили строители Рокфеллер-центра, а их жёны и дети украсили её. 1931 г.

Роспись Диего Риверы «Человек на перепутье, смотрящий с надеждой на выбор нового и лучшего будущего», уничтоженная из-за изображения Ленина. 1933 г.

Фреска Хосе Марии Серта «Американский прогресс» с 1937 года украшает холл Рокфеллеровского центра

Главный фасад усадьбы Рокфеллеров, построенной Джоном-младшим на холме Кайкат в Покантико-Хиллс в 1908 году

Столовая в Кайкате

Крытая колоннада соединяет жилые помещения с садом

Некоторые скульптуры в парке устанавливали с помощью вертолѐта

Юнионистская церковь в Покантико-Хиллс, построенная по заказу Джона Д. Рокфеллера в 1921 году

Последняя работа Анри Матисса (1954) — витраж-роза над алтарём в память об Эбби Рокфеллер

Интерьер церкви
с витражами Матисса
и Шагала

Витраж Марка Шагала
«Распятие» (1964),
посвящённый Майклу
Рокфеллеру

**Эдит Рокфеллер-Маккормик с мужем Гарольдом и сыновьями
Джеком и Фулером. 1900 г.**

Эдит у своего «роллс-ройса». 1927 г.

Джон
Д. Рокфеллер
с внучкой
Матильдой,
её мужем
Максом Озером
и правнуками
Питером
и Анитой.
Около 1930 г.

Костюмированный
бал в Биаррице,
устроенный
любимой внучкой
Джона Д.,
Маргарет Стронг,
и её мужем
Джорджем
де Куэвасом.
1953 г.

Братья Дэвид, Уинтроп, Джон III, Нельсон, Лоранс Рокфеллеры собрались вместе по случаю вручения им золотых медалей Национального института социальных исследований. В центре — президент НИСИ Фрэнк Пейс. *Нью-Йорк, 1967 г.*

Лоранс Рокфеллер с женой Мэри, урождённой Френч. *1965 г.*

Уинтроп Рокфеллер
во время Второй
мировой войны

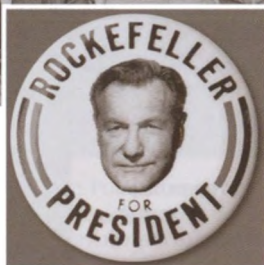

Губернатор штата
Арканзас Уинтроп
Рокфеллер (второй
слева) на закладке
Центра искусств
в Литл-Роке. 1961 г.

Нельсон Рокфеллер с первой женой Тод и детьми Энн, Мэри, Стивенем, Родманом и Майклом. *Не позднее 1961 г.*

В 1964 году Нельсон впервые выставил свою кандидатуру в президенты США

Майкл Рокфеллер среди племени асмагов в Новой Гвинее. 1961 г.

Харизматичный Нельсон Рокфеллер во время предвыборной кампании. Нью-Йорк, 1968 г.

Президент Джералд Форд и вице-президент Нельсон Рокфеллер в Овальном кабинете Белого дома. 1975 г.

Из потомков Джона
Д. Рокфеллера
больше всего на него
был похож Дэвид,
сын Джона-младшего

Женитьбу на Пегги
Макрат Дэвид считал
самой большой удачей
в жизни. 1940 г.

Дэвид и Пегги с детьми. Снизу вверх: Айлин, Нейва, Ричард, Абигейл, Дэвид-младший, Маргарет

Дэвид и Нейва с советским лидером Никитой Хрущёвым и переводчиком Виктором Суходревом. 1964 г.

Рокфеллер-центр — один из главных символов Нью-Йорка

ка и ещё шесть на поверхности; 51 женщина потеряла мужа, 108 детей остались без отца. Шахтёрские городки были по сути средневековыми посёлками, а компания выступала в роли феодала. Всё жильё и инфраструктура принадлежали ей. Действовал комендантский час. Охрана, вооружённая пулемётами и винтовками, не позволяла покинуть территорию и не пускала туда «подозрительных» чужаков. 26 сентября девять тысяч рабочих «КФА» забастовали, требуя признания профсоюза в качестве переговорщика, повышения оплаты труда (считать тонну угля равной двум тысячам фунтов, а не 2200, как раньше), оплаты «побочной работы» (прокладки рельсов для вагонеток, установки деревянного крепежа, вывоза нечистот), восьмичасового рабочего дня, права покупать продукты в магазинах по выбору и самим подбирать себе жильё и врачей, а также строгого соблюдения законов штата Колорадо о безопасности труда. Бауэрс прислал Джону-младшему письмо с обещанием сопротивляться, пока «наши кости не побелеют, как мел в этих Скалистых горах», и тот одобрил такую позицию: «Чем бы ни закончилось, мы будем на вашей стороне до конца».

Вам не нравятся жилищные условия? Угольные компании выгнали забастовщиков из предоставленных им домов, и тем пришлось селиться в палаточных городках за пределами владений бывших работодателей. Самый большой такой лагерь оказался в Ладлоу — прижался к сизым горам Сангре-де-Кристо у входа в каньон. Место выбрали не случайно: таким образом забастовщики блокировали дорогу для доставки в угольный разрез штрейкбрехеров. Стычки между забастовщиками и работающими шахтёрами, которых члены профсоюза называли «паршой», иногда имели смертельный исход. А тут ещё подъехали агенты Болдуина—Фелтса, известные своей жестокостью при подавлении забастовок. 35-летний Альберт Крид Фелтс разработал «машину смерти» — бронированный автомобиль с пулемётом наверху для патрулирования. (Машину построили на заводе «КФА» в Пуэблo.) По ночам лагерь обшаривали лучами прожекторов и обстреливали наугад. Шахтёры выкопали под палатками землянки для защиты своих семей.

К концу сентября более одиннадцати тысяч из четырнадцати тысяч рабочих бастовали. Обе стороны бряцали оружием. Руководство компании отказывалось разговаривать с вожаками забастовщиков, опасаясь, что сам факт встречи будет расценён как готовность идти на уступки. Когда всякое отребье, возглавляемое неудачливыми пре-

подавателями колледжей, дешёвыми писаками из скандальных журналов и сладкоголосыми проповедниками, позволяет себе твякать на бизнесменов, построивших промышленную империю, им следует указать их место, — писал Бауэрс Рокфеллеру-младшему. Тот по-прежнему не вмешивался — возможно, не хотел мараться.

Семнадцатого октября разразилось первое сражение «угольной войны» — между греческими рабочими и полицией. К его концу через палаточный городок проехала «машина смерти», плюясь огнём. (Бауэрс подробно рассказывал Джону-младшему, что забастовщики тайно добывают себе винчестеры и револьверы, но и словом не упомянул о пулемётах на вооружении компании.) 28 октября губернатор Колорадо Илайас Эммонс призвал на помощь Национальную гвардию. Поначалу её появление подействовало успокаивающе, но её командиры были заодно с руководством компании. 30-го числа вмешался президент Вудро Вильсон, потребовав, чтобы президент «КФА» Джесси Уэлборн изложил причины, по которым переговоры были отвергнуты, а ситуация доведена до критической. Вместо этого Бауэрс отправил Вильсону филиппику на шести страницах, наотрез отказываясь вести переговоры с профсоюзом: «Мы никогда не согласимся, даже если все шахты будут закрыты, оборудование уничтожено, а инвестиции пропадут». Уэлборн же в ответе президенту добавил пару нелестных слов в адрес основательницы ОГА Мэри Гаррис Джонс, повторив грязную сплетню, будто в молодости она была содержательницей борделя. («Мамаша Джонс», как её называли, встретила свой 83-й день рождения в тюрьме. В феврале 1913 года военный суд приговорил её к двадцати годам заключения, но через 85 дней она была выпущена на свободу, поскольку сенатор от Индианы Джон Керн инициировал расследование об условиях труда в местных угольных шахтах. Несколько месяцев спустя отважная женщина уже была в Колорадо. Её снова арестовали и выслали из штата.) Министр труда Уильям Вильсон в очередной раз обратился к Рокфеллеру-младшему, а тот опять переадресовал его к руководству «КФА», которое «всегда заботилось и о благосостоянии сотрудников, и об интересах акционеров». По его мнению, забастовщиков попросту запугали члены профсоюза. Рокфеллер-старший следил за событиями и разделял мнение сына.

В декабре в Колорадо разыгралась снежная буря. 20 тысяч мужчин, женщин и детей дрожали от холода в палатках, но ни та ни другая сторона не шла на уступки.

В феврале 1914 года Рокфеллер-старший выехал из Форест-Хилла в Кайкат, где недавно провели ремонт, чтобы убедиться, что к приёму Сетти всё готово. Сама же она неохотно покидала дом, с которым было связано столько счастливых воспоминаний. Ехать надо было поездом, потом в автомобиле... Как только она устроилась в Покантико, Джон Д. распрощался с ней и укатил в Лейквуд, чтобы не выбиться из графика. «Мама скучает по тебе, но рада, что ты хорошо отдыхаешь, и хотя она всегда ждёт тебя дома, она понимает, что тебе необходима эта перемена», — писал Джон отцу. Отдых ему всё-таки подпортили. Поскольку Рокфеллер задержался в Огайо позже 3 февраля, налоговая служба объявила его резидентом штата в 1913 году, обязанным заплатить полтора миллиона долларов налогов. Джон Д. отказался подчиниться, поскольку уже уплатил налоги в штате Нью-Йорк. Губернатор Джеймс Кокс пригрозил ему повесткой в суд, если он пересечёт границу штата, а налоговики начислили пятидесятипроцентную пеню. Теперь он не мог вернуться в Кливленд. Правда, многие люди в тот момент могли сказать: нам бы его проблемы...

В марте на рельсах неподалёку от Форбса, штат Колорадо, нашли тело штрейкбрехера. Командир Национальной гвардии Чейз устроил акцию возмездия, уничтожив палаточный городок под Форбсом. Нападение произошло во время похорон двух детей; его очевидцем стал фотограф Лу Долд, позже предоставивший бесценные документальные материалы. В том же месяце Рокфеллера-младшего вызвали в подкомитет палаты представителей по шахтам и горной промышленности. Вспоминая, как вёл себя в подобных ситуациях отец, которого «никто не мог загнать в угол» и который «никогда не терял самообладания», Джон собирался следовать его примеру. 6 апреля он предстал перед подкомитетом и гордо ответил на вопросы представителя Иллинойса Мартина Фостера: он не предпринял никаких действий для прекращения забастовки; за десять лет ни разу не был в Колорадо; с самого начала забастовки не бывал на заседаниях правления «КФА»; ему неизвестно ни одного требования забастовщиков, достойного внимания; он не знал, что компания наняла людей из агентства Болдуина—Фелтса. Фостер искренне не понимал: чем тут гордиться? И вы не чувствуете своей ответственности за этих людей? И вы готовы лишиться всей вашей собственности и смотреть, как убивают ваших работников, лишь бы сохранить принцип, что рабочий не обязан быть членом профсо-

юза? «Это великий принцип», — ответил Рокфеллер-младший, сравнив его со священными идеалами свободы, ради которой американцы сражались в Войне за независимость.

Бизнесмены засыпали его поздравительными телеграммами. Мать тоже его одобряла. Отец написал одному своему другу: «Он выразил взгляды, которых придерживаюсь и я и которые ему внушали с самого раннего детства». В качестве награды он подарил сыну десять тысяч акций «КФА».

К тому времени Национальной гвардии удалось доставить в шахты рабочих, не состоявших в профсоюзе. Но у штата Колорадо кончились деньги (каждому гвардейцу платили по три с половиной доллара в день), и губернатор решил отозвать войска. В Южном Колорадо оставили только одну роту, состоявшую по большей части из охранников «КФА» и агентов Болдуина—Фелтса, которым велели надеть форму национальных гвардейцев. Утром 20 апреля, на следующий день после православной Пасхи, которую праздновали в палаточном городке под Ладлоу, в лагерь пришли три гвардейца с приказом отпустить некоего человека, якобы удерживаемого там против его воли. Вожак забастовщиков Луис Тикас пошёл с ними разбираться на железнодорожную станцию в полумиле от лагеря. Пока его не было, охранники заняли позицию вдоль железнодорожного полотна и установили пулемёт. Почувяв неладное, Тикас побежал обратно в лагерь. Шахтёры вышли на разведку; прозвучал выстрел, потом два взрыва. Между железной дорогой и вершиной холма, где залегли стрелки шахтёров, началась перестрелка, сотни людей бежали под огнём в укрытие.

Бой продолжался весь день. После полудня охранники получили подкрепление, но и забастовщикам многие сочувствовали: в сумерках паровозная бригада намеренно остановила грузовой поезд перед пулемётом, позволив шахтёрам и их детям отступить за Чёрные холмы. В семь часов вечера охранники вступили в лагерь и подожгли его. Из охваченных огнём палаток выскакивали женщины и дети — пулями их загоняли обратно. Мужчины бросались на помощь своим семьям — и падали замертво. Четыре женщины и 11 детей прятались в яме под палаткой, которая упала и загорелась; две женщины и все дети задохнулись. Всего же в «бойне в Ладлоу» погибли 55 женщин и детей, не считая мужчин. Тикаса и ещё двоих забастовщиков схватили, ударили прикладами и пристрелили. Их тела три дня пролежали на рельсах, пока профсоюз железнодорожников

не потребовал убрать их и похоронить по-людски. Потери нападавших составили четыре человека.

Бауэрс представил это избиение младенцев актом самозащиты. Джон-младший снова поверил и выразил сожаление по поводу новой «вспышки беззакония». В это время он с Эбби занимался ландшафтным дизайном в Кайкате — разве мог он в полной мере представить себе, что творилось в Ладлоу? В конце апреля известный журналист и писатель Эптон Синклер прислал ему «торжественное предупреждение»: «Я намерен нынче вечером предъявить вам обвинение в убийстве перед лицом народа нашей страны... Но, прежде чем пойти на этот шаг, я хочу предоставить вам возможность сыграть честно». Рокфеллер отказался дать ему интервью, и Синклер возглавил «траурное шествие» возле Бродвея, 26, в котором приняла участие делегация из Ладлоу. В контору прорвалась женщина с заряженным пистолетом; её вывели.

Президент Вильсон написал Рокфеллеру-старшему, прося его встретиться с конгрессменом Фостером, пока тот не уехал в Колорадо. Джон Д., как обычно, ответил, что уже 20 лет не при делах, пусть поговорит с его сыном. 27 апреля Джон-младший повторил Фостеру то же самое: «КФА» контролирует только треть производства угля в Колорадо, нельзя сваливать всю вину на неё; если работники чем-то недовольны, пусть обращаются к дирекции шахт; вопрос о вхождении работников компании в профсоюз обсуждению не подлежит. Несколько дней спустя Вильсон ввёл в Колорадо войска.

Рокфеллер-младший оказался ещё большим чудовищем, чем его отец! Джон Лоусон из ОГА говорил, что он может «успокаивать свою совесть, регулярно посещая воскресную школу в Нью-Йорке, но никогда не будет оправдан за совершение ужасных зверств». Даже Хелен Келлер (слепоглая девушка, сумевшая научиться говорить, читать и писать и окончившая колледж благодаря материальной помощи Генри Роджерса и Рокфеллеров) заявила прессе: «Мистер Рокфеллер — чудовищное порождение капитализма. Он жертвует на благотворительность и в то же время позволяет расстреливать беззащитных рабочих, их жён и детей». Кайкат осаждали анархисты и члены профсоюза промышленных рабочих мира под руководством Эммы Голдман и Александра Беркмана. Несмотря на противодействие охраны, некоторым удалось проникнуть внутрь, разбить окна в доме и поджечь хлев. Уверенный в своём даре убеждения,

Рокфеллер-старший пошёл к воротам, думая, что сумеет успокоить протестующих, но охранники вернули его в дом. Вызвали пожарных с водяными пушками, чтобы помешать демонстрантам перелезть через забор. В гольф играть было невозможно — отвлекали вспышки фотоаппаратов, и распорядок дня пришлось изменить. Покантико обнесли оградой из колючей проволоки.

В мае трое анархистов погибли при взрыве бомбы, которую пытались собрать на верхнем этаже дома на Лексингтон-авеню: бомба явно предназначалась для городского особняка Рокфеллера-младшего. Теперь он всегда держал в ящике стола револьвер системы Смита—Вессона, а возле дома на 54-й улице выставил охрану. Угроза собственной жизни окончательно убедила его в правоте Бауэрса. В июне он записал для себя: «Бойни в Ладлоу не было. Стычка началась как отчаянная борьба за жизнь между двумя небольшими отрядами милиционных сил из двенадцати и двадцати двух человек соответственно и целым палаточным лагерем, который на них напал, — более трёхсот вооружённых мужчин». Никаких женщин и детей не убивали; задохнувшиеся в дыму погибли в результате несчастного случая, от недостатка вентиляции...

Подобно страусу, он пытался избежать опасности, спрятав голову в песок. Перестал читать газеты: там могут быть неприятности. И всё же его мучила мысль, что из-за него на всю семью легло пятно. Надо было его отмыть. Джон-младший попросил издателя Артура Брисбена, работавшего и у Пулитцера, и у Хёрста, порекомендовать ему кого-нибудь, кто смог бы это сделать. Тот посоветовал обратиться к 36-летнему Айви Ледбеттеру Ли — выпускнику Принстона, поработавшему репортёром, а после ставшему помощником президента железнодорожной компании «Пенсильвания» по связям с общественностью. На первой же встрече в Нью-Йорке Ли сказал Джону: если хочешь, чтобы тебя правильно поняли, надо говорить правду. «Это первый полученный мной совет, в котором не говорится об уловках какого-либо рода», — с облегчением вздохнул Рокфеллер-младший и взял его на работу с жалованьем в тысячу долларов в месяц.

В начале июня Джон телеграммой вызвал в Нью-Йорк Уильяма Лайона Маккензи Кинга и предложил ему возглавить департамент промышленных исследований Рокфеллеровского фонда — по сути, стать его личным советником по делу Ладлоу.

Кинг был канадцем, родился в провинции Онтарио. Его дед по матери Уильям Лайон Маккензи был первым мэром Торонто, и внук тоже пошёл в политику. Ещё учась в университете Торонто, он заинтересовался социальными вопросами и сыграл важную роль в организации студенческой забастовки в 1895 году. Потом были университет Чикаго и Гарвард, где он изучал политическую экономию. В 1900 году 26-летний Кинг стал заместителем министра труда и развил бурную деятельность, в частности, стараясь предупреждать забастовки путём переговоров. Гарвардский университет присвоил ему докторскую степень за диссертацию о восточной иммиграции в Канаду, написанную на основе доклада, составленного им в 1908 году (Кинг резко противился притоку «жёлтой расы»). Тогда же он впервые был избран в парламент от либералов и годом позже стал министром труда. Ему удалось провести законы, значительно улучшившие финансовое положение миллионов канадских рабочих. Но в 1911 году на выборах победили консерваторы, и Кинг потерял пост.

Предложение работы из Нью-Йорка его вовсе не обрадовало, хотя ему пообещали зарплату в 12 тысяч долларов в год вместо двух тысяч, которые он получал раньше как министр. «Стоит каким-либо образом связаться с концерном Рокфеллеров, и моё будущее в политике будет поставлено под угрозу», — записал он в дневнике. Два месяца он не соглашался. Но работу ему предлагал Рокфеллеровский фонд, а не «Стандард ойл». Да и бывший президент Гарвардского университета тоже высказался «за». Вторая встреча с Джоном-младшим состоялась в Покантико, в присутствии Джона-старшего. Кинг согласился.

Одногодки, Кинг и Рокфеллер были похожи внешне и внутренне: невысокие, коренастые, одевающиеся старомодно и без шика, богобоязненные, застенчивые, склонные к морализаторству. Оба не курили и не играли в карты, боготворили своих родителей (Кинг утверждал, что поддерживает духовную связь с покойной матерью на спиритических сеансах), вот только Кинг ещё не был женат. «Редко когда человек производил на меня столь сильное впечатление с первого взгляда», — скажет позже Джон-младший о Кинге, приезд которого стал для него «ниспосланным свыше избавлением». Они могли говорить совершенно откровенно, как братья. Кинг растолковал, что время отцов прошло, сегодня уже не удастся проворачивать дела, держа их в тайне; свою позицию надо отстаивать публично, чтобы

симпатии общественности были на твоей стороне. Короче, надо полностью отмежеваться от отца и идти своим путём.

Рокфеллер-старший в те годы был совсем не таким, каким его привыкли видеть во времена становления «Стандард ойл». На день его рождения в Кайкате поднимали разноцветные флаги, гремел духовой оркестр, а со всех окрестностей приходили дети, чтобы до отвала наесться мороженым, получить новенькие блестящие монетки и наиграться с именинником, который мог даже встать на четвереньки, если того требовала игра. Маленькие дети были главной отрадой его жизни. Джон Д. тоже понимал, что времена изменились и, разумеется, не в лучшую сторону. Люди стремятся в города, отрываясь от своих корней, утрачивая связь с матерью-землёй и тем самым лишая себя сил... Об этом он говорил в воскресной школе. А с журналистами и даже с друзьями, приходившими в гости, серьёзные вопросы не затрагивал, отделяясь анекдотами и светской болтовнёй. В сентябре 1914 года Рокфеллеры праздновали золотую свадьбу. Джон выписал в Покантико духовой оркестр, усадил его на лужайке и под марш Мендельсона вывез Сетти из дома в инвалидной коляске.

А Ли всё лето отрабатывал свою зарплату, составив серию бюллетеней «Факты о борьбе в Колорадо за промышленную свободу» и рассылая их в газеты. В статьях излагалась версия Рокфеллеров, и многие критики уличали Ли в фальсификации. Лидеры забастовщиков получали большую плату от профсоюзов? Палатки загорелись от перевернувшейся печки? «Айви Ли — лжец на жалованье», — гласил заголовок одной из статей в прессе. Эптон Синклер прозвал его Ядовитым плющом*. Тогда Ли наконец-то съездил в Колорадо, и увиденное его отрезвило.

Кинг призывал к компромиссу, к сотрудничеству между руководством и рабочими, к постепенным реформам: работники «КФА» должны получить право избирать своих представителей для участия в заседаниях правления и изложения претензий. Руководство компании этому противилось, но контрольный пакет был у Рокфеллеров. Джон Д. дал Кингу своё благословение. Джон-младший выслал в Колорадо свой план действий в печатном виде.

К декабрю фонд стачки иссяк, и её решено было прекратить, что позволило президенту вывести из Колорадо войска. Однокурсник Рокфеллера-младшего Эверетт Кол-

* Айви (Ivy) — плющ (англ.).

би устроил ужин в «Юнион-клубе» на Манхэттене и пригласил туда всех хулителей Джона. После ужина принесли сигары, и присутствовавшие по очереди стали распекать «младшего» за нежелание ввязываться в конфликт. «Хотите что-нибудь сказать, мистер Рокфеллер?» — спросил Колби, когда все высказались. «Разумеется, — ответил Джон и медленно поднялся. — Я хочу, джентльмены, чтобы вы знали, насколько я вам благодарен. Никогда этого не забуду. Моя проблема в том, что я не могу разглядеть правду. Человек в моём положении настолько привык служить мишенью для обвинений, что не верит даже тем из них, которые могут оказаться оправданными».

В январе 1915 года Рокфеллера-младшего вызвали на допрос в Сити-холл, в Комиссию по промышленным отношениям, созданную президентом Вильсоном из представителей работодателей, трудящихся и общественности. Слушания проходили под председательством сенатора Фрэнка Уолша, выступавшего за улучшение условий труда рабочих, повышение его оплаты и равные условия для мужчин и женщин. Перед этим в Рокфеллеровском фонде прошёл мозговой штурм с рассмотрением разных сценариев. Кинг снабдил Джона литературой по истории тред-юнионистского движения. Ветер перемен часто превращается в бурю; весь вопрос в том, сметёт она тебя или подтолкнёт вперёд и вверх. Когда встал вопрос, через какую дверь входить в здание, член правления Джером Грин сказал: «О, конечно через боковую», и Ли тотчас вскочил на ноги: «Времена философии боковых дверей прошли. Мистер Рокфеллер должен войти через ту же дверь, что и все остальные».

В понедельник 26 января Рокфеллер-младший явился в Сити-холл. Он был первым свидетелем, вызванным в тот день. Направляясь к своему месту, он увидел среди публики «Мамашу Джонс», подошёл к ней и протянул руку. Та сильно удивилась, но руку ему пожала. «Я бы хотел, чтобы вы пришли ко мне и сообщили любую информацию по ситуации в Колорадо», — сказал Джон. «Это очень мило с вашей стороны. Я всегда говорила, что вы мало что можете знать о положении рабочих в Колорадо и что вам следовало бы послушать кое-что ещё помимо того, что вам рассказывают прихлебатели».

Рокфеллер занял место свидетеля, и председатель Уолш зачитал письмо Джесси Уэлборна Старру Мёрфи о некоем священнике, который позволил себе «нескромные замеча-

ния» в адрес компании и выказал «социалистические тенденции». Стоит ли его выслать? Джон сказал, что, по его мнению, все священники вольны говорить то, что думают. «Было ли вам известно, что Джефферсон Фарр служит шерифом и что в течение пятнадцати лет ваша компания использовала своё влияние для его избрания? — продолжал Уолш. — Известно ли вам, что перед стачкой он привёл к присяге триста человек в качестве своих заместителей, а ему сказали, что компания “Колорадо фьюэл энд айрон” снабдит их оружием и деньгами?» Джон сказал, что не знал об этом, как не знал и о найме агентов для отслеживания лидеров профсоюза, и добавил: «Как гражданин хочу сказать, что всё, препятствующее осуществлению демократической формы правления, недопустимо. Если бы мой дом и моя собственность подвергались опасности, я сделал бы всё, что в моих силах, для их защиты». Последним в этот день был вопрос: «Что бы вы сделали с сотрудником корпорации, признавшимся в использовании денег для оказания влияния на выборы?» — «Я не хотел бы вести дела с таким бесчестным человеком», — ответил Джон.

Выйдя на улицу, он пошёл по Бродвею на работу, сопровождаемый толпой вопящих демонстрантов. Комиссар полиции выделил людей для его охраны, но Рокфеллер-младший от неё отказался. «Отец никогда никого не боялся, — сказал он. — Я не хочу, чтобы люди думали, будто мне нужна полиция для защиты». Рокфеллер-старший передал ему ещё восемь тысяч акций «КФА».

После встречи с «Мамашей Джонс» на Бродвее, 26, Айви Ли запустил в кабинет журналистов, и Рокфеллер-младший сделал заявление для прессы: «Господа, я знаю, что мой долг как директора — узнать больше о положении на шахтах. Я сказал Матери Джонс, что в шахтёрских городах, конечно же, должны быть свобода слова, свобода собраний и независимые, а не принадлежащие компании школы, магазины и церкви. Я отправляю в Колорадо, как только смогу, чтобы ознакомиться со всем самому».

Джон Д. сравнил допрос сына с судом над Жанной д'Арк. А вот газета «Нью рипаблик» от 30 января писала: «Те, кто его слушал, многое ему простили бы, если бы почувствовали, что видят перед собой великого человека, истинного властелина, незаурядную личность. Но Джон Д. Рокфеллер-младший — всего лишь молодой человек, угодивший в неприятности, затравленный и благонамеренный. Никаких признаков государственного деятеля, никаких ли-

дерских качеств в больших делах — просто осторожный, усидчивый, в целом неинтересный человек, оправдывающий себя пошлыми нравочениями и мелкими добродетелями».

В этих словах была большая доля истины. Кстати, тогда же, в январе, Джон попросил у отца денег взаймы на покупку коллекции китайского фарфора покойного Моргана, выставленную в музее Метрополитен. Она стоила целый миллион. Рокфеллер отказал, но Джон настаивал: «Я никогда не тратил деньги на лошадей, яхты, автомобили или прочие экстравагантные вещи. Увлечение фарфором — моё единственное хобби, единственная вещь, на которую я готов потратиться... Пусть это дорогостоящее хобби, зато спокойное, не показное и не сенсационное». Отец уступил; Джон горячо его благодарил: «Я полностью сознаю, что ни в коей мере не стою такой щедрости с твоей стороны»...

Джон Д. дорожил отношениями с сыном, поскольку тот из всех детей был самым близким ему, а его собственные дети любили деда и часто его навещали. Дочери же всё больше отдалялись от него.

Альта писала, что муж превращает её жизнь «в один длинный, радостный сон», а дети «любят его нежно и уважают так сильно, что им нестерпимо видеть, если малейшая тень омрачит его лицо». Однако такие экзальтированные фразы звучали неискренне. Скорее всего, дети просто-напросто боялись отца, который относился к ним без душевной теплоты и сердечности. Все трое должны были церемонно одеваться к ужину, им запрещали приводить в дом друзей. Прентис перевёл «Остров сокровищ» на латынь и заставлял детей каждый вечер говорить с ним на этом языке. По воскресеньям он зачитывал эссе на определённую тему и устраивал семейную дискуссию. Кроме того, он увлёкся генетическими теориями Грегора Менделя и начал экспериментировать с картофелем, молочным скотом и курами. В Маунт-Хоуп чаще можно было встретить генетиков из колледжа Уильямса, чем светских особ. Когда Пармали затеял опыт по скрещиванию чёрных и белых мышей, Альта сфотографировала тысячу грызунов.

Эдит в Швейцарии взялась изучать астрономию, биологию, историю и заниматься музыкой. На сеансы психоанализа к Юнгу она больше не ходила, зато ими увлёкся Гарольд, да так, что передал должность казначея компании «Интернэшнл харвестер» своему брату Сайрусу. На свадьбу Сайруса в феврале они не приехали.

Джон-младший и Эбби старались скрасить существование бедной Сетти, пленницы своего немощного тела. Рокфеллер-старший теперь проводил зиму в солнечной Флориде: снимал целый этаж в отеле «Ормонд-Бич», построенном покойным Генри Флаглером, и играл в гольф в своё удовольствие. В начале весны 1915 года Сетти, остававшейся в Покантико, как будто стало лучше. Вздохнув с облегчением, Джон с женой уехал к отцу. 11 марта Сетти попросила вывезти её в сад, чтобы полюбоваться цветами, после прогулки выпила стакан молока и впала в забытье. На следующее утро она тихо скончалась. Джон Д. получил одну за другой две телеграммы: в первой сообщалось, что Сетти умирает, во второй — что она умерла. Когда он вернулся с последней телеграммой за стол, завтракавшие с ним Джон и Эбби впервые увидели его плачущим навзрыд. Они выехали поездом в Нью-Йорк. Рокфеллер был поражён многочисленными выражениями соболезнования от кондукторов и станционных служащих. В спальне жены он долго сидел у её постели, вглядываясь в её «ангельски сияющее лицо». Альта приехала, а Эдит осталась в Швейцарии — у неё развилась боязнь путешествий*.

Согласно завещанию Сетти была составлена опись её гардероба. Самым ценным предметом в нём оказалось котиковое пальто с муфтой за 150 долларов. 15 костюмов оценили в 300 долларов, десять шляп — в 50, а тоненькое обручальное колечко, которое Джон надел ей на палец у алтаря, когда им было по 25 лет, — в три доллара.

Через месяц, 16 апреля, скончался от удара Нельсон Олдрич, и семья Рокфеллера-младшего погрузилась в двойной

* Личный шофёр Эдит Эмиль Амман оставил воспоминания, в которых описал её тщеславной, надменной, нарциссичной, равнодушной к семье, грубой с прислугой и помешанной на пунктуальности. В первое же утро она велела ему подать машину к 9.14, а когда он приехал, сказала, взглянув на свои отделанные бриллиантами часы: «Амман, я велела вам быть здесь в 9.14. Вы были здесь в 9.13. Естественно, это не одно и то же». Поскольку Эдит боялась ездить в поездах, Юнг рекомендовал ей бороться с этой фобией: садиться в поезд и стараться проехать как можно дальше. Иногда она в ужасе выпрыгивала из вагона ещё до отправления, но если оставалась в поезде, Амман ехал в «роллс-ройсе» вперёд, чтобы встретить её на следующей станции. Если всё было хорошо, Эдит махала ему из окна, и он ехал дальше. Такая гонка могла длиться часа три и выматывала обоих. А для преодоления гордыни Юнг заставлял Эдит на коленях мыть полы в своём роскошном гостиничном номере или идти без шляпы под дождём; Амман тихо ехал сзади.

траур. Эбби приходилось тем тяжелее, что она была тогда на восьмом месяце беременности. 12 июня она родила ещё одного сына, Дэвида.

Для Сетти было приготовлено место в семейном склепе в Кливленде, но поездка туда грозила вызовом в суд по поводу неуплаченных налогов*. На протяжении своей жизни Рокфеллер пожертвовал более трёх миллионов долларов на разные местные учреждения (баптистскую церковь, «Альта-хаус», Школу прикладных наук, Кливлендский оркестр и др.), передал городу просторный Рокфеллеровский парк возле своего бывшего дома на Евклид-авеню (дом будет снесён в 1938 году), но по сравнению с тем, что он потратил в Нью-Йорке, этого казалось мало, и кливлендские власти не хотели упустить возможность содрать с него ещё миллиона полтора, а то и два. Четыре с половиной месяца Рокфеллер хранил гроб с телом жены в зелёном гранитном мавзолее Арчболдов в Тарритауне, под круглосуточной охраной двух вооружённых сторожей. Прессе он объяснял, что не может с ней расстаться. Но на самом деле он готовил секретную операцию. В грозу с проливным дождём сторожей отправили якобы за цветами, и за 25 минут, пока их не было, местный могильщик извлёк из склепа гроб с телом Сетти, заменил его пустым и вывез гроб с территории кладбища в грубом ящике. Оттуда он сразу направился на вокзал, погрузил гроб в багажный вагон и в сопровождении двух сотрудников «Стандард ойл» выехал в Кливленд. При погребении присутствовали только Джон Д., Лют и Альта с мужем. Был очень красивый закат; вдовец сам прочитал положенные молитвы и умилился. Лору Спелман похоронили рядом с Элизой Рокфеллер, но на достаточном расстоянии, чтобы осталось место для Джона Д.: он хотел после смерти покоиться между двумя женщинами, которых больше всего любил.

А 8 сентября в Кливленде умер Уильям Радд — муж сестры Рокфеллера Мэри Энн.

В это время Рокфеллер-младший сдержал обещание — отправился в Колорадо. Его отец признался одному другу, что отдал бы миллион долларов, лишь бы не подвергать своего мальчика такой опасности. Пусть возьмёт с собой телохранителей, хотя бы пистолет... Но Джон отказался

* Впоследствии юристы Рокфеллера доказали в суде, что взыскание этих налогов неправомерно, и претензии были сняты.

сделать и то и другое. С ним поехали Кинг и восемь репортёров, пообещавших держать маршрут в секрете.

Первую остановку сделали в Ладлоу — у разорённого лагеря на равнине, продуваемой всеми ветрами. Выйдя из поезда, постояли с обнажёнными головами у креста из двух скрещённых шпал, установленного на месте гибели двух женщин и одиннадцати детей. Потом поехали в первый из восемнадцати шахтёрских городков, принадлежащих «КФА». Пообедали бифштексами с бобами и картофельным пюре. Потом Рокфеллер и Кинг облачились в купленные за два доллара в магазине «КФА» джинсовые комбинезоны и спустились в шахту. После этого Джон выступил с короткой речью перед рабочими, собравшимися в местной школе, и неожиданно предложил расчистить место, чтобы устроить танцы. Маленький оркестр из четырёх музыкантов заиграл вальс; Джон подхватил жену одного из шахтёров и закружил с ней по комнате. Он потанцевал с каждой из двух десятков пришедших на собрание женщин. «Из газет я узнаю, что умение танцевать — чуть ли не главный твой капитал, — писала ему Эбби. — Кто бы возражал».

Второго октября Джон-младший выступил в Пуэбло перед двумя сотнями рабочих и управляющих «КФА». Подчеркнув, что для него большая честь находиться среди них, он изложил свой план совместного разбора жалоб представителями трудящихся и руководства наряду с учреждением комитетов по здравоохранению, гигиене, безопасности труда, досугу и образованию. За членство в профсоюзе никого не уволят; компания построит новые дома, школы, досуговые центры. Для наглядности Джон разложил на столе три стопки монет, изображающие рабочих, управляющих и директоров, а затем показал, как каждая группа забирает монеты себе, не оставляя ничего для выплаты дивидендов с тридцати четырёх миллионов рокфеллеровских инвестиций. Под конец провели тайное голосование, и 2404 из 2846 рабочих проголосовали за его план. Впрочем, две тысячи шахтёров бойкотировали голосование.

В общении с руководством тоже было не всё гладко. Попиравшись, Уэлборн всё же согласился на введение механизма урегулирования споров и прочих новшеств, зато Бауэрс категорически им воспротивился. Джон бился с ним три или четыре часа, пытаясь уговорить уйти в отставку по хорошему (ему не улыбалось получить ещё одного врага),

но тот не согласился. Дядю Гейтса пришлось уволить — и он этого Джону не простил. Но взялся за гуж — не говори, что не дюж. Когда управляющий нефтяным сектором «КФА» посетовал на чересчур мягкую позицию Рокфеллера-младшего по отношению к профсоюзам, тот сказал как отрезал: «Патернализм противоречит демократии». Отец одобрил его поведение: «Я сам не справился бы с этим лучше». Эбби тоже его поддержала.

Конечно же, все проблемы не разрешились чудесным образом. Хозяева и рабочие по-прежнему находились по разные стороны баррикад. 19 ноября 1915 года садовник Арчболд обнаружил в поместье Тарритаун четыре связанные проволокой динамитные шашки, каждая весом в фунт; они были завернуты в бумагу под цвет гравиевой дорожки и наполовину вкопаны в неё в 20 метрах от ворот; по этой дорожке Арчболд должен был проехать в автомобиле. Полиция, обезвредившая бомбу, предположила, что это дело рук анархистов и радикалов из союза Индустриальных рабочих мира: как раз в тот день в Солт-Лейк-Сити, штат Юта, казнили активиста этого движения Джо Хилла, и его товарищи собирались ответить ударом на удар*.

А «Мамаша Джонс», наоборот, предложила Рокфеллеру-младшему вернуть одну жизнь взамен другой. Во время «бойни в Ладлоу» погиб одиннадцатилетний Фрэнки Снайдер — «лучший паренёк в Ладлоу». За год до этого в Иллинойсе был посажен в тюрьму четырнадцатилетний Герман Коппс — «худший мальчик в стране», совершивший тройное убийство: жены фермера Мод Слип и двух её детей. Коппс трудился на ферме с половины шестого утра до восьми часов вечера; судмедэксперты признали его идиотом с тяжёлой наследственностью. К тому же среда, в которой мальчик жил, не способствовала развитию в нём лучших человеческих качеств. «Мамаша Джонс» знала историю обоих детей. После гибели Фрэнки она заявила Джону Рокфеллеру-младшему, что он должен вернуть обществу человеческую жизнь взамен отнятой, то есть дать шанс Герману Коппсу прожить жизнь, которую не смог прожить Фрэнки Снайдер: добиться его освобождения, приставить к нему учителей и воспитателей, дать образование и профессию, вывести в люди. Рокфеллер согласился; это была возможность поставить деньги на службу людям. Юристы

* Джон Арчболд умер через год, 6 декабря 1916-го, от осложнённого после аппендицита.

предприняли соответствующие шаги, чтобы добиться освобождения Коппса к его семнадцатилетию — 27 февраля 1916 года. Затем его должны были отправить на ферму в Неваду за счёт Рокфеллера. Об этих планах писали в газетах. Осуществились ли они? Скорее всего, да. Во всяком случае, Герман Коппс прожил 79 лет и скончался в июне 1978 года в Денвере, штат Колорадо.

Война и мир

Юнг рекомендовал своим последователям читать Ницше, особенно «Волю к власти», хотя этот сборник заметок был составлен, и весьма тенденциозно, сестрой философа, а не им самим. Эдит и Гарольд прислали Рокфеллеру-старшему экземпляр книги (в 1910 году она была переведена на английский). «Я уверен, что это очень интересная книга, но она выше моего понимания, — ответил тот 26 января 1916 года. — Я придерживаюсь простой философии и почти первобытных идей о жизни». Гарольд же считал, что жизнь его тестя иллюстрирует на практике теорию, изложенную в книге: некоторые люди нуждаются в том, чтобы навязывать свою волю другим.

Что бывает, когда одни люди навязывают свою волю другим, наглядно продемонстрировала пылающая войной Европа. Газеты рассказывали о жестокостях, совершаемых в растоптанной немецким сапогом Бельгии; некогда цветущие поля Франции покрывались уродливыми шрамами траншей, а 7 мая 1915 года немецкая торпеда отправила на дно британский лайнер «Лузитания», разом погубив 1198 человек.

В это время Эдит из мирной Швейцарии требовала у властного и несправедливого, на её взгляд, отца больше денег — чтобы заняться благотворительностью. «Это прекрасная и всепоглощающая работа, а Джон получает преимущества, в которых отказано мне и Альте, — писала она в сентябре 1915 года. — Я уверена, что мы как женщины серьёзно настроены, честны и глубоко заинтересованы в человечестве». В январе она поставила вопрос ребром: «Мне сорок три года, и мне хотелось бы иметь деньги, чтобы помогать другим... Я заслуживаю большего доверия с твоей стороны». Джон Д. увеличил ежемесячное содержание, выплачиваемое дочери, с двух с половиной до пяти тысяч долларов — но и только: он сильно сомневался в способности

Эдит правильно распоряжаться деньгами и хотел бы знать, каким именно образом она собирается облагодетельствовать человечество*.

Его опасения подтвердились: в 1916 году Эдит потратила 120 тысяч долларов (из которых 80 тысяч были взяты взаймы) на аренду и ремонт особняка в Цюрихе для нового Психологического клуба с библиотекой, рестораном, комнатами отдыха и спальнями для гостей, в котором психоаналитики и их пациенты могли общаться и слушать лекции. (Впоследствии клуб переехал в более скромный квартал — на Гемайндештрассе). А ещё Эдит оплачивала перевод сочинений Юнга на английский, способствуя распространению его влияния. Мюриел стала заниматься с Юнгом психоанализом с двенадцати лет; Фуллер по настоянию матери прошёл несколько сеансов с учеником Юнга. Подарки Эдит Юнгу далеко превосходили пожертвования Институту инфекционных заболеваний имени Джона Маккормика и Оперной компании Чикаго. В качестве ответного жеста Юнг произвёл её из пациенток в психоаналитики. На следующий год Эдит, вовсе не избавившаяся от собственных фобий, по шесть часов в день проводила сеансы психоанализа с другими людьми.

В это время Джон подключился к созданию Национального парка на острове Маунт-Дезерт, где у него была летняя резиденция. Идея принадлежала ландшафтному архитектору Чарлзу Элиоту, а пробивал её его отец, бывший президент Гарвардского университета Чарлз У. Элиот, пожертвовавший для парка земельный участок. 8 июля 1916 года президент Вудро Вильсон учредил Национальный монумент Сьер-Демонт** под управлением Службы национальных парков. Джон-младший не только передал парку несколько тысяч акров земли, но и лично разработал сеть дорог для конных экипажей общей протяжённостью более 50 миль, с семнадцатью гранитными мостиками и двумя во-

* Среди факторов, отравлявших отношения Рокфеллера-старшего с дочерью, немаловажную роль играли её отказ от посещения церкви и пересмотр ею своих религиозных представлений: она писала, что учится думать, тогда как раньше жила в основном чувствами.

** Парк был назван в честь Пьера Дюгюа, господина де Мона (de Monts) — французского первопроходца в Северной Америке. В XVII веке территория острова Маунт-Дезерт, теперь принадлежавшая штату Массачусетс, входила во французскую Акадию. В 1919 году парку присвоят имя Лафайета, а в 1929-м снова переименуют — в национальный парк Акадия.

ротами. Обточенные гранитные глыбы, установленные для безопасности по краям дорог на крутых склонах, прозвали «зубами Рокфеллера». Эта работа будет занимать его почти два десятка лет. В середине марта 1917 года отец подарил ему 20 тысяч акций «Стандард ойл Индиана». (Скорее всего, его подтолкнули к этому недавние законы, которые ввели, а потом вдвое увеличили налог на наследство.) Таким образом, состояние Рокфеллера-младшего оценивалось примерно в 20 миллионов долларов, но всё это были ценные бумаги и недвижимость, а не живые деньги. Средства же, которые он мог свободно тратить, складывались из жалованья и отцовского содержания — несколько сотен тысяч долларов в год.

В марте 1916 года Джон и Эбби предложили Рокфеллеру-старшему заказать пять портретов (три — Джона Д. и по одному — их самих) Джону Сингеру Сардженту — известному на весь мир художнику, написавшему несколько сотен портретов, в том числе Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона, и две тысячи акварелей. «Почему не Кольбах? — спросил Джон Д. — Цена кажется очень, очень высокой, но я хочу обсудить с вами этот вопрос как следует». Джон-младший ему объяснил, что Кольбах — не тот уровень; Сарджент учился в Париже и Флоренции, живёт преимущественно в Лондоне и бывает в Америке лишь наездами. И вообще это лучший портретист нашего времени. Кстати, Сарджент к тому моменту уже устал от портретов и согласился принять новый заказ только в виде одолжения Рокфеллеру-младшему.

Ровно год спустя 61-летний Сарджент начал писать портрет 77-летнего Рокфеллера в Ормонд-Бич, придав ему непринуждённую позу и мечтательный вид. Портрет понравился, и Джон Д. охотно позировал для второго, уже в По-кантико. Выполненный в той же манере (на тёмном фоне, без всякой парадности), этот образ получился совсем другим. «Он показался мне похожим на старого средневекового святого с печатью ума на челе, — вспоминал художник. — Я был поражён прежде всего его породистой внешностью, утончённостью его типа — тонкого, глубоко аскетического типа... и его доброжелательным выражением».

Сарджент порекомендовал 32-летнего скульптора Пола Мэншипа, недавно вернувшегося из Европы, приверженца классической простоты и любителя античной мифологии. Рокфеллер и ему показался необыкновенным человеком из другого времени: «Я сказал себе: если бы он жил в Средние

века, то был бы римским папой». Во время сеансов в Лейквуде и Покантико Рокфеллер развлекал художника рассказами о своём прошлом. «Он повторил мне несколько раз, что, как он считает, приобретённое им состояние было даровано ему как ответственность и что он может использовать его лишь во благо человека», — рассказывал позже Мэншип. Он изваял два бюста Джона Д.: на одном его лицо обращено кверху, взгляд устремлён в небеса, а на втором губы крепко сжаты, лицо напряжено, взгляд прямой. Стоя рядом, они образуют комплексный портрет Рокфеллера, разрывающегося между земной юдолью и мечтой о райском блаженстве.

В январе 1917 года британские спецслужбы перехватили и расшифровали телеграмму германского министра иностранных дел Артура Циммермана послу в Вашингтоне о том, что в случае отказа США от позиции нейтралитета в связи с возобновлением подводной войны в Атлантике Германия окажет финансовую помощь Мексике, пообещав ей вернуть после войны Техас, Новую Мексику и Аризону*. Это был уже казус белли; Джон П. Морган и фонд Карнеги, давно наседавшие на Вудро Вильсона, побуждая его вступить в войну (чтобы заработать на производстве оружия), получили крупный козырь. Вильсон, всего несколько месяцев назад переизбранный президентом под лозунгами «Он не втянет нас в войну» и «Америка прежде всего», был вынужден резко изменить внешнеполитический курс. В конце февраля в России произошла революция; 9 марта США признали Временное правительство; теперь демократ Вильсон уже не мог объяснить неучастие в войне нежеланием сделаться союзником самодержавной монархии. 6 апреля США объявили войну Германии. А 11 дней спустя скончался Фрэнк Рокфеллер, и его смерть положила конец «холодной войне» между братьями.

* В дела Мексики, где с 1910 года шла революция, США официально не вмешивались; но 21 апреля 1914 года в порту Веракрус причалил немецкий пароход «Ипиранга» с грузом оружия для временного правительства Викторiano Уэрты. Вильсон приказал американским войскам воспрепятствовать разгрузке («Ипиранга» позже разгрузился в другом порту). Два года спустя 16 американских граждан погибли во время нападения партизан Панчо Вилья на поезд в штате Чиуауа. Вильсон послал для поимки Панчо Вилья восьмитысячный отряд под командованием бригадного генерала Джона Першинга. Задача оказалась невыполнимой: Вилья хорошо знал местность, прятался в горах и пользовался популярностью в народе. Першингу пришлось вернуться ни с чем, а отношения между двумя соседними странами окончательно испортились.

«Я лучше буду на своём западном хуторе в 150 акров есть обычную хуторскую еду, чем жить, как Джон Д. в его дворцах, — утверждал Фрэнк в 1913 году. — Его жизнь — сущий ад. Он самый одинокий человек на земле». Но два года спустя его последний буйвол был продан с аукциона. Без материальной поддержки со стороны братьев семья бы не выжила. Тем не менее Фрэнк продолжал упорствовать, уверяя, что любит животных больше родственников. Попытки семейного примирения, предпринятые Уильямом летом 1916 года, результатов не дали. В начале следующего года Фрэнка хватил удар. И всё же, как рассказал позже один его близкий друг, он до последнего вздоха больше всего боялся, что к нему приедет Джон. Он завещал похоронить себя отдельно. Братья приехали на похороны в Кливленд. Джон, писала пресса, выглядел «усталым и измождённым». Вдова Фрэнка Хелен и их три дочери не собирались враждовать с родственниками и после похорон очень сердечно приняли Джона Д. в своём доме. Он списал всё, что покойный брат был ему должен; но на следующий год ранчо всё же пришлось продать.

Одновременно Джон Д. Рокфеллер создал два трастовых фонда — для Альты и Эдит, внёс на счёт каждого 12 миллионов долларов и с этого момента прекратил выплачивать дочерям содержание.

В последнее время его всё чаще занимал вопрос, что думают о нём другие люди. Конечно, никто не судит о нём объективно... В мае загорелый и целеустремлённый Рокфеллер вызвал к себе в Форест-Хилл Уильяма Инглиса, журналиста из «Нью-Йорк уорлд», писавшего о спорте и светской жизни, которого два года назад ему рекомендовал Айви Ли для работы над биографией. «Мы не станем касаться никаких спорных вопросов, — с порога заявил Рокфеллер. — В прошлом на меня вылили много грязи. С тех пор она подсохла и почти вся отвалилась. Поднимать эти вопросы теперь — только оживить ожесточённые споры». В следующие полтора месяца они играли в гольф, и Рокфеллер делился с Инглисом детскими воспоминаниями. Только после этого он согласился ответить на его вопросы, удивляясь сам себе: «Если бы мои старые компаньоны, мистер Флаглер и другие, были живы, они бы сказали: Джон, что это на тебя нашло? На что ты тратишь время!»

...США не готовились к войне, и теперь многое приходилось спешно навёрстывать. Пуэрториканцам предоставили американское гражданство, чтобы они могли вступать

в армию. Рэймонда Фосдика назначили председателем Комиссии по деятельности тренировочных лагерей при Министерстве обороны. Её задачей было побуждать солдат, проходящих обучение в лагерях, заниматься физкультурой и другими полезными видами деятельности, чтобы отвлечь их от посещения борделей, игорных домов и питейных заведений. С работы в Рокфеллеровском фонде Фосдику пришлось уйти. В июне 1917 года Джон Першинг прибыл во Францию; американский 16-й пехотный полк промаршировал по Парижу, а 4 июля, в День независимости, Першинг вместе с полковником Стэнтоном из Генерального штаба и французским военным министром Полем Пенлеве побывал на могиле маркиза де Лафайета на кладбище Пикпюс. По легенде, тогда и была произнесена фраза: «Лафайет, мы здесь!» — означавшая, что американцы решили отдать долг Франции, в своё время помогшей им завоевать независимость. Правда, ни тот ни другой военачальник позже не мог припомнить, чтобы кто-то её произносил; скорее всего, её придумал репортёр Аристид Веран из «Пти паризьен», опоздавший на мероприятие и не понимавший ни слова по-английски. Фосдика же назначили специальным представителем Министерства обороны во Франции и гражданским помощником генерала Першинга.

Первое время американских солдат использовали только для подкрепления во время военных операций британцев и австралийцев. Помощь США была по большей части материальной. В августе Герберт Гувер возглавил особое ведомство — Администрацию пропитания, — которое начало учить американцев экономить при покупке еды и разводить «огороды победы» для снабжения солдат, а ещё руководило распределением продуктов в масштабах страны и регулировало цены. В Покантико тоже устроили «огороды победы», и Эбби заставляла детей за ними ухаживать. А в доме 4 на Западной 54-й улице разместили отделение Красного Креста, откуда Эбби руководила пятью сотнями человек; она с детьми облачалась в белую униформу и собственноручно скатывала бинты в рулоны. Жена Уильяма, 73-летняя Мира Рокфеллер, тоже активно занималась благотворительностью.

В середине декабря 1917 года конгресс принял 18-ю поправку к Конституции, введившую сухой закон. Интересно, что трезвенник Рокфеллер, пожертвовавший 350 тысяч долларов Лиге по борьбе с салунами, усомнился в эффективности этой меры: «Люди будут это делать и продавать.

Это правая рука дьявола». Сам он пытался действовать убеждением и собственным примером, а не запретами.

В феврале 1918 года союзники учредили Нефтяную конференцию для координирования поставок нефти, и «Стандард ойл Нью-Джерси», обеспечивавшая четверть всех потребностей Антанты в этом стратегическом сырье, стала работать в тесном сотрудничестве с вечным соперником — «Роял Датч Шелл». 10 июля 1918 года Джон Д. Рокфеллер подарил сыну 166 072 акции «Стандард ойл Калифорния», а две недели спустя — крупный пакет «Атлантик рефайнинг» и «Вакуум ойл». А Эдит, обретшая финансовую независимость, открыла счёт в банке на имя скрывавшегося от войны в Цюрихе ирландского писателя Джеймса Джойса, с которого тот мог снимать каждый месяц по тысяче швейцарских франков. Джойсу, пришедшему её поблагодарить, она сказала, что ему следует пройти курс психоанализа с Юнгом, — она всё оплатит. Джойс недальновидно отказался, и через полтора года Эдит перестала его содержать; писатель отомстил, изобразив Эдит в образе Цирцеи в своём «Улиссе».

Весной, после подписания Брестского мира, выводившего из войны РСФСР, германские войска предприняли последнее отчаянное наступление, длившееся с марта по июль. Но теперь им противостояли не только измотанные французские и британские части, но и свежие американские; ежедневно прибывали десять тысяч военнослужащих. Среди них был младший лейтенант Годфри Стилман Рокфеллер, внук Уильяма. Фоулер Маккормик какое-то время прослужил в полевом госпитале во Франции, а после возвращения домой поступил в Принстон.

В августе союзники перешли в наступление, которое могло бы оказаться куда более эффективным, если бы Першинг не придерживался порочной тактики европейских коллег и не положил уйму народу в атаках сразу по всему фронту. Необстрелянные американцы, конечно же, уступали в боевых навыках закалённым немецким и австрийским ветеранам, но взяли числом. 11 ноября 1918 года в Компьенском лесу под Парижем было подписано перемирие. Лорд Керзон, один из четырёх министров британского военного кабинета, устроил праздничный ужин в Лондоне, на котором заявил: «Дело союзников завершилось победой на нефтяной волне». Рокфеллер мог принять это как комплимент на свой счёт. В общей сложности он отдал на военные нужды 70 миллионов долларов, включая 22 мил-

лиона от Рокфеллеровского фонда — на борьбу с голодом в оккупированной Бельгии.

В начале 1919 года в Париже открылась мирная конференция с участием семидесяти делегатов от двадцати семи стран (исключая Германию, Австрию, Венгрию и Россию). Условия мирного договора, подписанного 28 июня в Версале, определила «большая тройка»: Дэвид Ллойд Джордж, Жорж Клемансо и Вудро Вильсон. На обратном пути в Америку президент Вильсон делился с Рэймондом Фосдиком своими идеями о Лиге Наций — организации, призванной предупреждать войны и поддерживать мирное сотрудничество и свободную торговлю между странами. Устав Лиги Наций был составной частью Версальского договора; Вильсон попросил Фосдика стать заместителем Генерального секретаря организации. Фосдик согласился, хотя и не был уверен, что справится. Однако возникли проблемы в сенате: Генри Кабот Лодж возглавил группу сенаторов, настроенных резко против Лиги Наций, дебаты блокировались месяцами; для Фосдика это был сущий кошмар. Когда США так и не ратифицировали своё членство в организации, он решил уйти с поста, хотя и оставался убеждённым её сторонником. Эбби Рокфеллер его поддерживала, и даже Джон-младший преодолел своё предубеждение и пожертвовал два миллиона долларов на новую библиотеку для Лиги Наций, а также профинансировал её структуру — Организацию здравоохранения. Вернувшись на работу в Рокфеллеровский фонд, Фосдик завершил своё исследование об американской полицейской системе. А вот Маккензи Кинг фонд покинул: его избрали главой Либеральной партии Канады, и он вернулся в парламент. (Через два года он станет премьер-министром.)

В октябре 1919 года Вудро Вильсон созвал Промышленную конференцию, в работе которой приняли участие Рокфеллер-младший и... Ида Гарбелл. Как ни странно, они поладили. «Как человек она мне очень нравилась, хотя я никогда не был большим поклонником её книги», — сказал Джон. Ида же призналась: «В публичной и деловой жизни нашей страны нет другого человека, который так близко придерживается своих идеалов, как Джон Д. Рокфеллер-младший. Я даже скажу, что не знаю другого отца, который лучшим образом направлял бы своего сына, чем Джон Д. Рокфеллер».

Джон Д. постепенно избавлялся от груза денег, ставшего слишком тяжёлым для его плеч. С 1917 по 1922 год он пере-

дал 200 миллионов на благотворительность и 475 миллионов своим детям, в основном Джону. В 1919 году Рокфеллер-младший получил в два приёма 100 тысяч акций «Стандард ойл Нью-Джерси»*, а 17 февраля 1920-го — 3,5-процентные «облигации свободы», выпущенные правительством США, на общую сумму 65 миллионов долларов.

Бывший самый богатый человек мира теперь мог позволить себе жить простой жизнью. Через доверенное лицо, чтобы не вызвать ажиотажа на рынке, он купил трёхэтажный серый дом в тени пальм, через дорогу от отеля «Ормонд-Бич», откуда берег уступами террас спускался к реке Гали-факс, и приобрёл для него скромную мебель, рояль фирмы «Стейнвей», граммофон-«виктролу» и фисгармонию. («Я почитаю человека, сочиняющего музыку; это чудесный дар», — сказал он однажды под впечатлением от произведения Рихарда Вагнера.)

В доме было 11 комнат для гостей (внуков становилось всё больше), но они часто пустовали. Это в Покантико дед видел их регулярно: по воскресеньям шестеро детей Джона приезжали обедать. Рокфеллер встречал их, называя каждого «брат». Сидя во главе стола, он рассказывал истории из своего прошлого, изображая разных людей и размахивая белоснежной салфеткой. Каждый получал поцелуй и пятицентовик. «Знаете ли вы, что больше всего расстроит дедушку? — спрашивал он мальчиков. — Знать, что кто-либо из вас стал расточительным, сумасбродным, небрежным с его деньгами... Будьте осторожны, мальчики, и тогда вы всегда сможете помочь несчастным людям. Это ваш долг, никогда не забывая о нём». С внуками он был менее строг, и Бабс, достигшая мятежного подросткового возраста, не принимала близко к сердцу наказания «монетой». «Я всегда получу свой доллар у дедушки», — хвасталась она братьям. В конце концов, сам дед накладывал на себя ограничения только по собственной воле, внутренне он всегда был свободен. И она тоже будет делать только то, что считает нужным.

Джон-младший пытался воспитывать своих детей так же, как в своё время воспитывали его самого; правда, Эбби деликатно, но твёрдо «корректировала курс» с учётом новых реалий. Джон-старший рос в бедности, из которой

* Джон-младший и Маккензи Кинг ввели в «Стандард ойл Нью-Джерси» и «Стандард ойл Индиана» принцип сотрудничества между рабочими и работодателями. Эбби даже пожертвовала деньги профсоюзам и в фонд забастовок; её муж счёл это всё же излишней мерой.

надо было выбиваться трудом и смекалкой; для своих детей он создал *иллюзию* бедности, пытаясь развить в них те же качества. Но здесь, на Манхэттене, поддерживать эту иллюзию невозможно. Да и зачем каждый раз начинать с нуля? Эбби хотела, чтобы её сыновья обладали всеми достоинствами отца, но без его недостатков. Конечно же, никакого транжирства и пускания пыли в глаза*, но и ходить в заплатах они тоже не будут.

Джон-младший выдавал детям по 30 центов (их друзей родители баловали куда больше) и требовал отчёта за каждый пенни. Не представил отчёт — штраф пять центов, вовремя и тщательно составил — такая же премия. Предполагалось, что треть этих денег они потратят, треть отложат про запас, а ещё треть пожертвуют на добрые дела. Дети часто донашивали одежду за старшими и не могли ходить в театр или в кино до достижения подросткового возраста. Карманные деньги можно было заработать, убивая мух (десять центов за сотню), чистя обувь, работая в огороде или ловя мышей (пять центов за мышь). Кроме того, Нельсон и Лоранс выращивали кроликов и продавали их в научные лаборатории для опытов. (Между ними установилась особенно тесная связь; они даже называли друг друга другими именами: Нельсон стал Диком, а Лоранс Биллом. Они часто добирались в школу на роликах, а сзади, для страховки, их сопровождал автомобиль.)

Раз в неделю дети вместе готовили ужин. Они учились играть на музыкальных инструментах, один вечер в неделю посвящался пению гимнов. Когда семья отправлялась в путешествие, один сын должен был заказать билеты, другой — нести багаж, третий — чистить обувь и т. д. По воскресеньям отец водил их гуськом по Покантико, показывая разные деревья и цветы и штрафуя за невнимание. Каждое утро без четверти восемь дворецкий приносил стопку Библий на серебряном подносе. Джон-младший зачитывал отрывок из Писания, а все остальные должны были прочитать свой; только после этого можно было приступить к завтраку. (Все дети были крещены; Джон-младший проповедовал единство христиан вне зависимости от их конфессии.) Мать старалась облегчить детям жизнь, распечатывая «шпаргалки» из Писания и проверяя их «бухгалтерские книги» перед тем, как показать отцу.

* Однажды Эбби сказала Нельсону: «Я уверена, что слишком много денег делают людей глупыми, скучными, незрячими и неинтересными. Будь осторожен».

Не успев ощутить преимуществ своего положения, дети рано поняли, чем плохо быть Рокфеллерами. 1 мая 1919 года Рокфеллеру-старшему, Моргану и другим известным бизнесменам разослали взрывающиеся пакеты, которые были перехвачены на почте. В Покантико опять пришлось вызвать охрану. Джон-младший больше всего боялся, что какое-нибудь несчастье случится с детьми, и никогда не позволял им фотографировать себя чужим людям. Пока они не поступили в колледж, их фото ни разу не появлялись в газетах.

А Рокфеллер-старший, достопримечательность Ормонд-Бич, грелся на солнышке под навесом в старом кресле-качалке, принадлежавшем ещё его матери, у всех на виду. Никакой охраны при входе, только изгородь, и местные журналисты удивлялись такой беспечности: какому-нибудь корсиканцу ничего не стоит пырнуть старину Джона стилетом под ребро! На самом деле два сторожа постоянно находились в доме, ещё два — вне его, а слуга Джон Йорди, следивший за диетой хозяина, игравший на фисгармонии церковные гимны и вообще делавший всё, что потребуется, выступал в роли телохранителя.

Местные жители обращались к Джону Д. «сосед», чем доставляли ему большое удовольствие. Впервые в жизни у Рокфеллера появились настоящие друзья. Гольф, автогонки в Дейтона-Бич, церковь по воскресеньям — это были его главные развлечения. Однажды в Ормонд-Бич неожиданно нагрянул Генри Форд. Ему сказали, что Рокфеллер каждый день появляется на общественном поле для гольфа ровно в 12.12. Они встретились. «Как только я увидел его лицо, я понял, что создало компанию “Стандард ойл”», — рассказывал позже Форд. Приезжал и юморист Уилл Роджерс. Когда Рокфеллер выиграл у него партию в гольф, Роджерс сказал: «Я рад, что вы победили меня, Джон. В последний раз, когда победили вас, цены на бензин повысились на два цента за галлон».

Кстати, Джон Д. оставался всё таким же скаредно-бережливым. Своим партнёрам по гольфу он предлагал использовать старые мячи там, где есть риск потерять мяч; на заправке его шофёр заливал ровно столько бензина, сколько было нужно, чтобы доехать до места. Впрочем, у Рокфеллера теперь был семиместный «крейн-симплекс», и ежевечерние поездки в компании стали «выходами в свет». (На восьмидесятилетие, в июле 1919 года, Джон-младший хотел подарить отцу «ролс-ройс», но тот, узнав цену авто-

мобилия, предпочёл взять чек на 14 тысяч долларов.) Если по дороге машину кто-нибудь обгонял, Рокфеллер с заднего сиденья наклонялся к шофёру: «Филлипс! С какой скоростью мы едем?» — «Тридцать три (мили в час), сэр». — «Нельзя ли чуть побыстрее?» Стрелка спидометра ползла вверх до тех пор, пока дерзкий водитель не оставался позади.

В июне 1919 года, загрузив целых три «крейн-симплекса», Джон и Уильям Рокфеллеры отправились по местам своего детства: Ричфорд, Моравия, Овего... Дом в Моравии теперь служил временным пристанищем осуждённым из Обёрнской тюрьмы, которые работали на строительстве... Рокфеллеровской скоростной дороги.

Рокфеллер посещал еженедельные концерты в отеле «Ормонд-Бич» и часто приглашал гастролирующих певиц, например Мэри Гарден, сыграть с ним в гольф на следующее утро. В 1920 году Лют отправилась в мир иной; хозяйство теперь вела экономка миссис Эванс, составлявшая Джону Д. компанию за обеденным столом; по вечерам он позволял себе быть галантным (а иногда и назойливым) кавалером. Уильям овдовел 17 января того же года — 76-летняя Мира скоропостижно скончалась от сердечного приступа в их зимнем доме на Джекил-Айленде, в Джорджии.

Каждый год Рокфеллер устраивал в Ормонд-Бич рождественскую вечеринку для соседей. Над входной дверью сияла Вифлеемская звезда, в каждом окошке мерцали свечи. Появлялся хозяин в смокинге, кланялся, поздравлял всех с Рождеством и раздавал подарки, потом пел рождественские песни с детьми. Однажды издатель местной газеты Джордж Ригби написал статью «Ормонд теперь другой», восхваляя дружбу между соседями. Рокфеллер заехал к нему; они мило беседовали, стоя перед редакцией. Рядом пролегал железная дорога; люди, проезжавшие в поезде, узнали Рокфеллера, прижались лбами к оконным стёклам, начали фотографировать... Когда он вернулся в машину, миссис Эванс попеняла ему: зачем было выставлять себя напоказ? «Я просто хотел доказать, что в статье мистера Ригби всё правда», — ответил он.

Через два года после окончания войны, в которой погибли в общей сложности 110 тысяч американцев (из них 30 тысяч от инфлюэнцы, даже не добравшись до полей сражений), состоялись очередные президентские выборы. Вудро Вильсон утратил популярность из-за своей активной помощи странам Центральной Европы, в которой проис-

ходили революции, и партийные лидеры отсоветовали ему баллотироваться на третий срок; к тому же в 1919 году он перенёс инсульт. В том же году скончался Теодор Рузвельт, не подготовив себе смену. Обе лидирующие партии выставили «тёмных лошадок» из штата Огайо: демократы — губернатора Джеймса Кокса, республиканцы — сенатора Уоррена Гардинга. Экономический подъём, вызванный войной, сошёл на нет; в 1919 году металлургическую промышленность снова сотрясали забастовки, а Чикаго — беспорядки. (Руководство «КФА» так и не отказалось от десятичасового рабочего дня при семидневной неделе, и в 1920 году, во время новой стачки, Рокфеллер-младший продал свои акции этой компании тресту «ЮС стил».) Атаки анархистов на Уолл-стрит вызывали панику. Гардинг вёл свою кампанию, обещая привести всё в норму. В ноябре 1920 года он победил Кокса с перевесом в 26,2 процента голосов избирателей, в числе которых после принятия 19-й поправки к Конституции впервые были женщины.

Чтого хочет женщина

«Должен сказать тебе в двух словах, как чудесно развивается Эдит. Ты бы её не узнала», — писал Гарольд Маккормик матери в сентябре 1917 года. Психоанализ избавил их обоих от оков буржуазных условностей и высвободил подавляемые инстинкты. «Амман, — поучала Эдит своего шофёра, — если бессознательное побуждает вас любить нескольких женщин сразу, вы не должны испытывать чувства вины». Однажды Гарольд появился в гостиничных апартаментах своей жены без предупреждения; Эмма, секретарша Эдит, не успела его остановить. «Гарольд, я... этого не потерплю! — закричала немного растерявшаяся миссис Маккормик. — Ты не должен входить в мою комнату, пока Эмма не объявит о твоём прибытии!»

В 1918 году Гарольда назначили президентом «Интернэшнл харвестер», и он вернулся в Чикаго. Эдит же осталась в Цюрихе. «Ко мне постоянно приходят новые пациенты, сейчас у меня с полсотни случаев», — сообщала она отцу в марте 1919 года. Одним из них стал 28-летний австриец Эдвин Кренн — низкорослый, круглощёкий, фатоватый блондин. Он говорил по-немецки, по-английски, по-французски и по-итальянски, назвался архитектором и сыном знаменитого художника (хотя ни о каком художнике

с такой фамилией в Европе не слыхивали). Эдит проводила в его обществе много времени: каталась с ним в автомобиле, посещала театр, ужинала наедине в своих апартаментах, помогла ему получить швейцарское гражданство, давала ему деньги. Когда Юнг предупредил её, что такое поведение чревато скандалом, его эмансипированная ученица ответила: «Это мои проблемы; я могу делать, что хочу».

В сентябре того же года Чикагский оперный театр, который спонсировали Маккормики, был на гастролях в Нью-Йорке, и 28-летняя полька Ганна Вальска — статная, но бездарная певица с классическим профилем и гипнотическим взглядом — изловила Гарольда в отеле «Плаза». К сорока семи годам Гарольд превратился из усатого красавца в заурядного лысоватого мужчину, но Ганну пленили его «удивительные, по-детски голубые глаза». Когда в начале 1920 года Мюриел и Матильда, обеспокоенные романом матери, умоляли отца как можно скорее приехать в Цюрих, тот уже был по уши влюблён в Вальску, бывшую замужем уже в третий раз, и никакой ревности не испытывал. Маккормик потратил тысячи долларов на уроки вокала для Ганны и устроил, чтобы её взяли в постановку оперы Руджеро Леонкавалло «Заза», чикагская премьера которой должна была состояться в том же году. Правда, во время репетиции в костюмах Вальска повздорила с директором труппы Пьетро Чимини, и её выставили до премьеры.

Рокфеллера в большей степени беспокоили очередные авантюры Эдит, возомнившей себя бизнесвумен, из-за которых она рисковала остаться без гроша и пустить по миру детей. Например, некий немецкий учёный явился в Швейцарию, утверждая, что изобрёл метод укрепления дерева, чтобы из него можно было делать всё, от шпал до телеграфных столбов. Эдит учредила компанию, назначив себя председателем её правления, и вложила в неё 100 тысяч долларов, пообещав довести эту сумму до миллиона. «Я против того, чтобы Эдит имела хоть какое-то отношение к этому проекту, — писал Рокфеллер Гарольду 27 января 1920 года. — Я боюсь, что это кончится большими убытками и неприятностями. Я искренне убеждаю её не только бросить это дело, но и больше не заниматься никаким другим». Естественно, папа оказался прав: как только изобретатель уехал из Швейцарии, воспроизвести его результаты уже никому не удавалось, и деньги Эдит вылетели в трубу. Но это было ещё не всё: Рокфеллер, Джон-младший и Гарольд узнали из утренних газет, что щедрая Эдит Маккормик купила

за 300 тысяч долларов участок земли в графстве Кук для устройства зоопарка. К тому времени её долги выросли до 812 тысяч долларов, и отцу пришлось перебросить ей акции «Стандард ойл Нью-Джерси».

«Эдит, дорогая, финансовые вопросы, конечно, важны, но не настолько, как другой вопрос — великое дело твоего присутствия рядом с детьми, — писал Рокфеллер дочери 9 апреля 1921 года. — Я не читаю тебе нотаций, не ругаю тебя. Я люблю тебя, Эдит, дорогая, и всё ещё надеюсь».

Конечно, никакие воспитатели и гувернантки не заменят ребёнку родителей. Шестилетний Дэвид страшно скучал тем летом, когда Джон-младший и Эбби на три месяца отправились в Азию, чтобы посетить Японию, Корею и Китай (их пригласили на официальное открытие Пекинского юнионистского медицинского колледжа*). Эта поездка оставила глубокий след: Джон и Эбби принялись собирать восточную керамику, текстиль, гравюры, скульптуры; но главное, Рокфеллер-младший убедился, что миссионерство в традиционном виде себя изжило, у современного Китая совсем иные нужды. Вернувшись, он пересмотрел программы, финансируемые Рокфеллеровским фондом; теперь они охватывали самый широкий круг проблем — от экономического развития в долине реки Янцзы до восстановления гробниц династии Мин под Нанкином, включая реформирование китайской таможенной службы.

Эдит же наконец превозмогла свою боязнь путешествий. 19 сентября в Шербуре она поднялась на пароход «Джордж Вашингтон», который 27-го числа доставил её в Нью-Йорк. Вместе с ней находились Эдвин Кренн и его школьный товарищ Эдвард Дато. Рокфеллер, не видевший дочь восемь лет, отказался принять всех троих: пусть Эдит приедет одна. Но та якобы не решилась в грозу сесть на паром до Лейквуда. Эдвин стал её постоянным спутником. Эдит любила кинематограф, и шофёр часто возил их в лимузине в небольшой кинотеатр на Кларк-стрит (билет на сеанс стоил десять центов).

* В 1915 году Рокфеллеровский фонд учредил Китайскую медицинскую дирекцию, которая к 1921 году построила в Пекине на территории в 29 акров Юнионистский медицинский колледж — 59 зданий с зелёной черепичной крышей («Зелёный город»). Колледж не только подготовит целое поколение медработников, но и будет заниматься научными исследованиями в области паразитологии, инфекционных заболеваний и последствий недоедания.

Через месяц после приезда Эдит Гарольд подал на развод. Все попытки примирения оказались тщетны: адвокат Маккормика привёз из Европы свидетеля, подтвердившего факт супружеской неверности. Альта посоветовала сестре уладить дело полюбовно. В довершение всего Мюриел вознамерилась стать оперной певицей и брала уроки у Ганны Вальской! Она появилась вместе с матерью на благотворительном фуршете по сбору средств для Чикагской оперы. Репортёр газеты «Чикаго джорнал» был особенно поражён тем, что, когда после кофе мужчины закурили, «мисс Маккормик достала изяшный чёрный мундштук и сигарету из своего золотого ридикуля и присоединилась к курильщикам». Мюриел даже недолгое время выступала на сцене в Нью-Йорке, взяв себе псевдоним Наванна Майкор...

В том году пресса обсосала со всех сторон другой громкий развод — Джеймса Стилмана-младшего, президента «Нэшнл сити банка», обвинившего свою рыжую Фифи в неверности и заявившего, что она родила ребёнка от индейского проводника-полукровки из Квебека, назначенного управляющим одним из поместий Стилманов. (К тому времени у них было четверо детей; младший сын родился в ноябре 1918 года.) Миссис Стилман всё отрицала и в свою очередь обвиняла мужа в том, что он прижил ребёнка с хористкой Флоренс Лидс (что было правдой). Фоулер Маккормик дружил с одним из сыновей Стилмана, Бадом. Эдит как-то обмолвилась в письме отцу, что зрелые женщины, опытные оболъстительницы, часто привлекают к себе молодых мужчин; но тогда она и подумать не могла, что эта фраза окажется пророческой...

Фоулер, только-только выпустившийся из Принстона, стоял перед выбором: можно было делать карьеру в «Стандард ойл» или в «Интернэшнл харвестер». Однако он предпочёл пойти своим путём: создал собственную брокерскую фирму, а по ночам изучал бухгалтерское дело. По крайней мере любимый внук не разочаровал деда.

К Рождеству Эдит заставили подписать договор, по которому она не получала права на алименты и должна была уплатить Гарольду 2,7 миллиона долларов за их дома. Взять эти деньги было неоткуда, она была должна банкам 726 тысяч. Рокфеллер же прислал Гарольду чек на тысячу долларов — подарок к Рождеству. Несмотря на старания дочери, он не порвал с Гарольдом, хотя они и стали видеться реже.

А семнадцатилетняя Матильда (единственная из Маккормиков не занимавшаяся психоанализом с Юнгом) собра-

лась замуж — за своего учителя верховой езды, 45-летнего швейцарца-вдовца Макса Озера, бывшего кавалерийского офицера. Эдит была возмущена: девочке не понять, что для этого проходимца она всего лишь дочь богатых родителей, ему нужны деньги её деда. Нет, нет и нет! Матильда обратилась в суд, чтобы отца назначили её опекуном (по швейцарским законам разрешение на брак несовершеннолетней должны дать оба родителя или опекун); Эдит потребовала запретить её дочери вступать в брак. Гарольд тоже просил её подождать. Но в свой восемнадцатый день рождения Матильда, унаследовавшая упрямство от матери, всё-таки вышла за Макса в Швейцарии.

Эдит перебралась в Чикаго и зажила там на широкую ногу: слуги в ливреях сливового цвета и панталонах до колен; два «роллс-ройса», каждый со своим шофёром; шесть телохранителей, один из которых во время утренней прогулки шёл за ней на расстоянии десяти шагов. Вернувшись домой, она читала книги на разных языках, писала стихи. В час дня к ней приходил Эдвин Кренн, проживавший через дорогу, в отеле «Дрейк», в апартаментах с ценной коллекцией статуй Будды. Они садились в автомобиль и ехали в сопровождении детективов в кинотеатр, где смотрели три фильма подряд. Во время оперного сезона Эдит каждый вечер принимала гостей в своей ложе, представляя в бриллиантовом колье за миллион*, в нитке жемчуга за два миллиона или в ожерелье с драгоценностями российской императорской семьи.

На своей вилле «Турикум» она устроила центр юнговской психологии. Ей удалось составить частную практику из сотни пациентов, привлечённых в основном громкими именами Рокфеллера и Маккормика. Центр не приносил большого дохода; к тому же Эдит, увлечённая астрологией и спиритизмом (во время одного из сеансов она объявила, что в неё вселился дух невесты фараона Тутанхамона), платила немислимые деньги за гороскопы.

Пока в семье Маккормик бушевали любовные страсти, Рокфеллер жил во Флориде, куда к нему приехал лечиться шестнадцатилетний внук и тёзка Джон III. Старший сын Джона-младшего рос паинькой и был закомплексован ещё больше, чем отец. Он считал себя уродом из-за тяжёлой нижней челюсти и асимметричного лица. «Я полностью

* Это колье длиной больше метра с 1801 бриллиантом было разборным и могло превращаться в несколько браслетов и брошей.

лишённой личной привлекательности. Никто не хочет сидеть со мной за столом», «У меня нет в школе настоящих друзей», «Хотел бы я быть популярнее», — писал он в дневнике. Он сменил несколько частных школ. Джон добросовестно копил свои центы, отдавал положенную часть на благотворительность, учил иммигрантов английскому языку. Рассказывали, что однажды, когда он грёб на старой лодке по Сил-Харбору, сын соседей спросил: «Почему бы тебе не купить моторную лодку?» — «Моторную! — ужаснулся Джон. — С ума сойти! Кто мы, по-твоему, — Вандербильты?» Ото всех этих моральных терзаний и самоограничений у него развились те же психосоматические реакции, что и у отца: мигрень, проблемы с желудком; во Флориду его привела нестерпимая боль в ухе. Доктора посоветовали переменить климат; но куда более благотворное воздействие на юношу, страдавшего комплексом неполноценности, оказал его безмятежный весёлый дед, умевший получать удовольствие от жизни.

Само собой, Джон не пил, не курил, не сквернословил и посвящал воскресенья Богу. Полная противоположность своей старшей сестре Бабс — типичной девушке эпохи джаза. Высокая, стройная, дерзкая Бабс носила модные неприличные платья и шляпки-клош, гоняла на спортивных автомобилях*, обожала играть в теннис, а ходить в церковь терпеть не могла, покровительствовала джазовым клубам в Гарлеме, курила с пятнадцати лет. Уж она-то, конечно, не отослала бы обратно чек — подарок деда на день рождения, как это сделала Мюриел, возмущённая таким «материалистическим выражением любви». Хотя... Джон-младший пообещал своим детям награду в две с половиной тысячи долларов, если они воздержатся от курения до двадцати одного года; для Бабс на кону стояла машина. Но в октябре 1922-го девятнадцатилетняя Бабс написала отцу покаянное письмо: «Я курила и поэтому потеряю машину. Мама сказала мне отогнать её завтра в Тарритаун». Джон-младший пообещал дочери удвоить содержание, если она бросит курить, но Бабс не рассталась с пагубной привычкой даже после того, как её постель загорелась от непотушенной сигареты. Отец боялся, как бы она не пристрастилась к подпольной выпивке.

* Зимой 1923/24 года Бабс за превышение скорости дважды вызвали в суд, и оба раза она признала свою вину. Отец рвал и метал, а дед, сам равнодушный к скоростным машинам, прислал ей утешительное письмо.

Когда 24 июня 1922 года дядя Уильям скончался от пневмонии (врачи диагностировали у него рак горла, а он ещё и простудился во время очередной поездки в Ричфорд вместе с Джонами — братом и племянником*), Бабс не сразу удалось найти — она была на какой-то вечеринке на Лонг-Айленде. Газета «Нью-Йорк таймс» сообщила, что покойный Рокфеллер учредил трастовый фонд для своих рождённых и ещё не рождённых внуков и правнуков, «...оставил огромное состояние в 102 миллиона долларов, сократившееся до 50 миллионов — в основном из-за долгов в 30 миллионов и 18,6 миллиона налогов на наследство и на имущество».

Тем летом газетам было о чём писать. Гарольд Маккормик, недавно расставшийся с Эдит, решил жениться на Ганне Вальской, но тут возникло препятствие... интимного характера. Чтобы удовлетворять сексуальные запросы молодой любовницы, Гарольд решился на операцию: врач Сергей Воронов пересадил ему «железы обезьяны». Это потом Воронова будут называть шарлатаном, а после первой операции на человеке (12 июня 1920 года), когда срезы яичек шимпанзе и бабуинов, пересаженные в мошонку пациента, прижились, его называли чудо-доктором, а на операцию, которая должна была вернуть молодость и мужскую силу, выстроилась очередь из миллионеров.

Ганна Вальска в Париже разводилась с третьим мужем. Гарольд приехал к ней туда инкогнито, избегая репортёров, поселился в её доме, и пару видели только в автомобиле. Газета «Трибюн» поместила две фотографии Маккормика: до операции — невзрачный, облысевший, стареющий мужчина, после — помолодевший, почти без седины. Правда, о характере операции ничего не сообщалось. Эрнест Хемингуэй, живший тогда во французской столице, написал на эту тему три стишка-пародии в подражание Роберту Стивенсону, Роберту Грейвзу и Редьярду Киплингу. Последнее звучало так:

Малютка-обезьянка смотрит на восход.

Сопрано-обезьянка на пальме слёзы льёт.

А Гарольд чудно выглядит — так пресса нам поёт.

* Во время этой последней поездки по местам детства и юности Джон Д. Рокфеллер, стоя перед домом в Моравии, снял шляпу, склонил голову и произнёс: «Прощай, старый дом!» Несколько дней спустя он узнал, что дом сгорел дотла — вероятно, из-за засорившегося дымохода. «Это было место нашего первого делового предприятия, где мы занялись выращиванием индюшек», — записал он в дневнике.

После свадьбы Ганна купила парижский Театр на Елисейских Полях. Газете «Чикаго трибюн» она заявила, что совершила приобретение на собственные средства, а не на деньги мужа, добавив: «Я никогда не появлюсь в собственном театре, пока не завоюю признание, основанное единственно на моих достоинствах как артистки». Однако эти достоинства были очевидны только Гарольду; все остальные считали, что у неё просто ужасный голос. Впоследствии усилия богатого мужа по выстраиванию оперной карьеры своей жены найдут отражение в знаменитом фильме «Гражданин Кейн» (1941), снятом Орсоном Уэллсом, который исполнил в нём главную роль*.

Тридцатого ноября 1922 года, спустя пять месяцев после смерти отца, от пневмонии скончался 52-летний Уильям Гудселл Рокфеллер, оставив четверых сыновей и пятнадцатилетнюю дочь Альмиру. Его кузен Джон-младший, страдавший от нервного истощения и даже временной глухоты, вскоре после этого отправился лечиться в санаторий доктора Джона Келлога, сажавшего своих пациентов на вегетарианскую диету и строгий режим. Пройдя курс лечения, он был ещё слишком слаб, чтобы вернуться к работе, и заболел гриппом. Поправлять здоровье он поехал в Ормонд-Бич и провёл несколько месяцев с отцом. А Фредерик Гейтс лечился от диабета инсулином, который ему выдавали в Рокфеллеровском институте медицинских исследований, и больше не мог руководить Рокфеллеровским фондом**... Первое поколение Рокфеллеров уже практически сошло в могилу (Мэри Энн, сестра Джона Д., умрёт в 1925 году), второе нельзя было назвать богатырским, третье пока ещё только училось. Рассчитывать можно было лишь на молодых друзей: Рэймонд Фосдик, уже входивший в правление Рокфеллеровского фонда, РИМИ, Мемориала Лоры Спелман-Рокфеллер, Китайской медицинской дирекции

* «Ганна Вальска провалилась в роли мадам Баттерфляй: голос снова ей изменил при попытке изобразить героиню Пуччини», — писала «Нью-Йорк таймс» 29 января 1925 года. Но Ганна не сдавалась. «Госпожа Вальска цепляется за своё желание петь», — сообщила та же газета 14 июля 1927-го. На представлении оперы «Федора» Умберто Джордано в Гаване Вальска так фальшивила, что публика закидала её гнилыми помидорами. Именно этот эпизод послужил отправным моментом для Орсона Уэллса — с него он начал писать образ Сьюзан Александер.

** Старр Мёрфи скончался ещё в 1921 году. Гейтс умрёт в феврале 1929-го от пневмонии после острого приступа аппендицита.

и Международного отдела здравоохранения, был назначен ещё и в Дирекцию общего образования, а с 1923 года вошёл в Международную дирекцию образования.

Пресса, некогда клеймившая Рокфеллера, теперь пела ему дифирамбы. «Вряд ли найдётся частное лицо, которое когда-либо тратило большие деньги мудрее господина Рокфеллера», — писала пулитцеровская «Нью-Йорк уорлд» в мае 1923 года. «Рокфеллеры отдали больше денег и с большей пользой, чем кто-либо другой за всю мировую историю, с тех пор как ковчег причалил к Арарату», — вторил ей в июле «Хёрст интернэшнл мэгэзин».

Как в бизнесе, так и в благотворительности Рокфеллеры мыслили в мировом масштабе. В июне Джон-младший и Эбби побывали во Франции и были поражены жалким состоянием Версальского дворца: железная ограда проржавела, с потолков текло, статуи в саду полуразрушены. Джон предложил французскому премьер-министру Раймону Пуанкаре миллион долларов на починку дворцовой крыши и приведение в порядок садов и «деревеньки» Марии Антуанетты, а также на восстановительные работы в Фонтенбло и реставрацию Реймского собора, пострадавшего от бомбардировок; понятно, что предложение было принято. Рокфеллер-младший вовсе не соответствовал карикатурному образу американского миллионера. Однажды он приехал в Версаль из Парижа, и охрана на входе сказала ему, что дворец закрыт. Человек, пожертвовавший на этот дворец огромные деньги, безропотно сел в машину и уехал. В итоге французы даже простили ему покупку знаменитых гобеленов «Охота на единорога» лично для себя* (обошед-

* Серия из семи гобеленов была создана предположительно в Брюсселе в 1495—1505 годах, возможно, по заказу французской королевы Анны Бретонской, и впоследствии принадлежала аристократическому роду Ларошфуко. В 1793 году, во время французской революции, замок Вертёй, где они находились, разграбили крестьяне. На след гобеленов удалось напасть только 60 лет спустя: «старые одеяла» нашли в каком-то сарае, ими прикрывали мешки с овощами. Грязные, порванные гобелены удалось восстановить, за исключением седьмого, изорванного на лоскуты. В 1922 году шесть отреставрированных гобеленов привезли на выставку в Нью-Йорк, где их увидел Рокфеллер-младший. Шпалеры не продавались, но скульптор Джордж Грей Барнард, долгое время работавший в Париже, знал, что семейство Ларошфуко мечтает обустроить при своём замке поле для гольфа, чтобы не отставать от моды. За миллион долларов дело уладилось — гобелены во Францию не вернулись. До 1937 года они занимали две комнаты в доме 12 по 54-й улице, и маленький Дэвид

шуюся ему в миллион долларов). А 1 сентября в Японии произошло сильное землетрясение, полностью разрушившее Токио и Йокогаму; Джон-младший восстановил на свои средства библиотеку Императорского университета в Токио.

За месяц до этого США тоже слегка тряхнуло — в политическом смысле. 2 августа Флоренс Гардинг читала мужу-президенту хвалебную статью о нём в «Сатердей ивнинг пост». Гардинг уже пару недель был болен (пневмонией, считали врачи) и соблюдал постельный режим. Флоренс остановилась, чтобы поправить ему подушки за спиной; Уоррен сказал: «Так хорошо, читай дальше». Это были его последние слова; с ним вдруг случились конвульсии, и спасти его не смогли. Причиной смерти назвали кровоизлияние в мозг, потому что врачи тогда ещё не распознавали симптомов сердечного приступа.

Вице-президент Калвин Кулидж находился в то время в Вермонте, в отчем доме, где не было ни электричества, ни телефона, поэтому весть о смерти президента ему доставили с нарочным, глубокой ночью. Новый президент оделся, помолился и спустился на первый этаж, где уже собрались репортёры. Присягу у него принял родной отец — нотариус и мировой судья, при свете керосиновой лампы, около трёх часов ночи 3 августа, после чего глава государства пошёл досыпать.

Гардинга в народе любили, его смерть повергла нацию в шок. Гроб с телом покойного президента провезли через всю страну из Сан-Франциско в Вашингтон, а оттуда в Марион, штат Огайо, где прах предали земле; проститься с ним пришли в общей сложности девять миллионов человек. На похоронах присутствовали Томас Эдисон и Генри Форд. Но после смерти «спокойного человека», как водится, всплыли его неприглядные делишки: вскрылось, что Гардинг пристроил на разные государственные посты своих родственников и знакомых. От некоторых было мало толку, но и немного вреда, а вот ярые коррупционеры составили целую «банду из Огайо». Пусть они не делились с Гардингом, но он и не принимал мер для пресечения зло-

Рокфеллер часто приходил их рассматривать, восхищаясь яркими красками и разнообразием деталей: на гобеленах изображены растения и животные 101 вида. Родители объяснили ему, что в средневековой традиции единорог символизирует Христа. В 1937 году Рокфеллер передал «Охоту на единорога» в Клуатр — отдел средневекового искусства музея Метрополитен. В 1938 году седьмой гобелен купили отдельно и восстановили два сохранившихся фрагмента.

употреблений, хотя знал о них. Однажды он спросил министра сельского хозяйства Герберта Гувера, что бы тот сделал, если бы узнал о некоем крупном скандале: предал огласке или замаял? Гувер посоветовал ничего не скрывать от общественности, чтобы остаться в её глазах порядочным человеком, но на свои расспросы ответа не получил. Скандал, разразившийся из-за сдачи в аренду частной фирме принадлежавших государству нефтяных месторождений в Вайоминге, сильно повредил репутации покойного Гардинга. А Рокфеллер-младший убедился в правильности выбранной им политики открытости.

Ему, кстати, стало казаться подозрительным, что Уильям Инглис так долго пишет биографию его отца. Журналист в самом деле приохотился к красивой жизни при миллионерах и не желал с ней расставаться. Но в начале 1924 года, после семи лет работы, он всё же представил жизнеописание Рокфеллера-старшего — написанное сахарной пудрой по патоке. Не торопясь публиковать этот опус, Джон-младший показал его издателю из Канзаса Уильяму Аллену Уайту и президенту Рокфеллеровского фонда Джорджу Винсенту. Оба нашли книгу чересчур подобострастной и не советовали её издавать. Такой же ответ Джон получил от Иды Тарбелл и со вздохом запер рукопись в ящик стола. Навсегда.

Пока Джон собирался вернуть первоначальный вид Йеллоустону, очистив его от коросты цивилизации, построить нормандскую деревушку в Форест-Хилле, купленном им в 1923 году у отца, и превратить городок Уильямсберг в Виргинии в музей под открытым небом (он любил старину и сам смотрелся музейным экспонатом), Эдит вознамерилась возвести современный город на берегу озера Мичиган и назвать его Эдитон. Архитектором, разумеется, станет Кренн. Она учредила трест «Эдит Рокфеллер-Маккормик», вложив в него свои акции «Стандард ойл» на пять миллионов долларов. Трест возглавили Кренн и Эдвард Дато. В конце 1923 года Эдит отправила отцу детальное описание проекта. Тот взорвался: «Хотя ты блестящая и зрелая женщина больших умственных способностей, я не могу забыть, что ты — моя плоть и кровь, а потому считаю своим долгом предостеречь тебя от ловушек и превратностей жизни. Прошу тебя: найди честного, смелого и способного мужчину, чтобы он давал тебе советы в подобных делах».

Эдит явно считала, что уже нашла, причём сразу двоих. Офис её треста находился в центре Чикаго. В Висконсине приобрели полторы тысячи акров земли по тысяче долла-

ров за акр (когда торговцы недвижимостью узнали, кто её покупает, цена резко скакнула вверх). Четыре миллиона было потрачено на земляные работы и обустройство гавани, способной принимать большие яхты. За образец для дворцов, где будут проживать миллионеры, Кренн взял особняки в испанском стиле, которые видел в Палм-Бич и Санта-Барбаре: красочерепичные крыши, колокольни, внутренние дворики, мавританские арки. Осмотреть строительство Эдитона миссис Маккормик отказалась, в бухгалтерские книги не заглядывала, даже в офисе бывала редко, а когда всё-таки пришла, то велела одному служащему бросить курить — и только. Однажды Кренн попытался выдать ей расписку на облигации стоимостью несколько миллионов, переданные ею в его распоряжение; Эдит прогнала его прочь: всё должно строиться на взаимном уважении и доверии, она не верит в юридические документы. В результате огромные суммы попросту оставались неучтёнными; но не это ли есть свобода?

В это время её сын Фоулер совершил вместе с Юнгом поездку в Африку для изучения жизни туземцев; впоследствии он распространит исследования на чернокожих американцев. В 1925 году, поняв, что Принстон не дал ему достаточно практических знаний, он устроился на завод компании «Интернэшнл харвестер» в Милуоки — стажёром с оплатой 25 центов в час — и следующие четыре года изучал производство, инженерное дело и технику продаж.

В мае 1925-го ещё одна мятежная женщина из клана Рокфеллеров, Бабс, вырвалась на свободу: 14-го числа она стала женой своего друга детства, молодого юриста Дэвида Милтона. В прессе эту историю преподносили как сказку: «самая богатая невеста в мире» вышла за клерка, у которого ни гроша за душой. На свадьбу, в дом Рокфеллеров на 54-й улице, явилось около 1200 человек; Айви Ли следил, чтобы фотографии не засняли Бабс в свадебном платье — а то будут потом писать, как Рокфеллеры шикуют. Перед домом собралась толпа, а Бабс с Дэвидом сбежали через чёрный ход. К любопытным вышел отец невесты и спросил, не угодно ли им войти и осмотреть дом, где прошло бракосочетание. В результате Джон-младший с сыновьями стал водить экскурсии для групп по 20 человек по украшенным цветами комнатам. Восемилетний Дэвид стал гидом губернатора Нью-Йорка Эла Смита и показал ему комнаты с «Охотой на единорога». Потом он долго хранил карточку с надписью: «Моему другу Дэйву. Эл».

Месяцем раньше, 15 апреля, Джеймс Стилман Рокфеллер (ставший в прошлом году олимпийским чемпионом по гребле во главе команды своих друзей по Йельскому университету — его фото поместили на обложке журнала «Тайм») женился на Нэнси Карнеги, внучатой племяннице Эндрю Карнеги.

В июне Изабель, старшая дочь Перси, объявила о своей помолвке с Фредериком Уолкером Линкольном IV. Ей тогда было 24 года; прежде чем выйти замуж, она успела поставить пьесу, в которой сама исполнила вокальные и танцевальные номера, проучиться три года в Колумбийском университете, избрав своим направлением бактериологию, и совершить вместе с матерью пятимесячный вояж в Европу. Свадьба состоялась 26 сентября, а днём ранее кузен Изабель, Уильям Эвери Рокфеллер III, женился на сестре её жениха. Тоже своего рода семейная традиция.

А вот внуки Джона Д. словно старались превзойти друг друга в оригинальности. В 1926 году Мюриел сочеталась «духовным» браком с призраком покойного сына подруги её матери — Джорджа Александра Маккинлока-младшего, погибшего во Франции во время мировой войны. Свадьба в Палм-Бич началась с обеда в теннисном клубе и завершилась ужином в клубе «Эверглейдс».

Старшая и любимая внучка Маргарет, дочь покойной Бесси, наконец тоже нашла своё счастье. Маргарет говорила на нескольких языках и стала одной из трёх женщин, поступивших в Кембридж, где она изучала химию. Но её вовсе нельзя было назвать привлекательной: высокая, крупная и застенчивая, до двадцати лет не менявшая фасон своего платья с матросским воротником. Зато по достижении совершеннолетия она принялась швырять деньгами, покупать драгоценности, модные платья. Приезжая в Штаты, брала в долг у Эбби, а Рокфеллеру-старшему потом приходилось эти долги возвращать, скрупулёзно записывая их в книжечку. Однажды Маргарет купила себе норковую шубу — и ещё одну для своей горничной, за 500 долларов, только за вторую шубу забыла заплатить... Дед не сердился на неё, обвиняя во всём её отца, который не позволил воспитать девочку «по-рокфеллеровски». Советник Рокфеллера Бертрам Катлер предложил перевести всё денежное содержание Маргарет в трастовый фонд, который бы разумно распорядился её деньгами, а во главе фонда поставить его самого. Фоулер взялся уговорить кузину дать на это согласие, но не смог. Однако после её замужества всё изменилось.

После революции в России в Париж хлынули русские эмигранты. Высокий и элегантный князь Феликс Юсупов основал дом моды «Ирфе» (объединив первые слоги имени своей жены Ирины и своего собственного). Туда-то и вошла в 1927 году тридцатилетняя наследница Рокфеллера. Её встретил весёлый брюнет, говоривший по-французски с сильным акцентом. По легенде, Маргарет приняла его за Юсупова и спросила, что он делает в модном доме. «Я продащица», — ответил тот. Говорят, чтобы влюбить в себя женщину, её надо рассмешить. Уже 3 августа 1927 года безденежный чилиец Джордж де Куэвас вступил в брак с расцветшей Маргарет. (Он был старше её на 12 лет и прекрасно знал, кто её дед.) Под венец её вёл не отец, а его друг Джордж Сантаяна: боясь не получить отцовского благословения, Маргарет специально дождалась момента, когда Чарлза Стронга не будет в Париже. Супруги вели легкомысленную, эксцентричную жизнь. Маргарет открыла для себя мир балета, которым Джордж страстно увлекался. В их квартиру на набережной Вольтера, заставленную роскошной мебелью и оккупированную домашними животными, приходила вся парижская богема. Джордж уговорил её согласиться на план деда, и Катлер стал выплачивать ей содержание — пять тысяч долларов в месяц... что не мешало им тратить больше.

Рокфеллер, словно переживавший вторую молодость, только порадовался за внучку. «Каким весельчаком ты стал: сегодня в оперу, завтра на бал к губернатору, — писал ему сын 28 февраля 1928 года. — Надеюсь, к нашему с Эбби приезду там станет поспокойнее». Если не знать, кто был автором и адресатом письма, можно подумать, что это отец совестит сына, а не наоборот. Гардероб Джона Д. теперь состоял из шести десятков модных костюмов и нескольких сотен галстуков, он переодевался три раза в день. На концерты и танцы в отеле «Ормонд-Бич» он всегда отправлялся в обществе молодых женщин, а катаясь с ними в автомобиле, распускал руки, прикрывшись пледом. Садовник и водитель машины для гостей Том Пайл позже вспоминал, что однажды автомобиль Рокфеллера остановился на светофоре и молодая дама, ехавшая на заднем сиденье рядом с хозяином, вдруг выскочила оттуда, пересела во вторую машину и воскликнула: «Старый петух! Его надо в наручники заковать!» Однако некоторые местные матроны с большой охотой садились на заднее сиденье рокфеллеровского авто. «Я так и не понял, то ли он по-разному обращался с разными женщинами, то ли некоторых устраивало, когда их щиплет девяностолетний мультимиллионер», — размышлял Пайл.

Смутное время

Президент Калвин Кулидж решил не баллотироваться на второй срок, и в 1928 году кандидатом от республиканцев стал Герберт Гувер. Демократы выдвинули ему в соперники «друга» Дэвида Рокфеллера — Эла Смита. Оба считались выдающимися лидерами и при этом ещё ни разу не участвовали в президентской гонке, поскольку не пользовались безусловной поддержкой в своих партиях. Республиканцы представили экономический подъём 1920-х годов своей заслугой, а демократам припомнили грязные дела Таммани-Холла. К тому же Смит выступал против «сухого закона»* и был католиком. Протестантские священники пугали свою паству, что Смит будет выполнять волю римского папы, который в случае его победы переедет в США и поселится в крепости, построенной для него в Вашингтоне. Когда Смит проиграл, шутники утверждали, что он послал Пию XI телеграмму в одно слово: «Распаковывайтесь».

Уолл-стрит переживала бум. В «ревушие двадцатые» 450-миллионный капитал Рокфеллера-младшего удвоился. Его отец полюбил игру на бирже (меняться — так во всём). После завтрака он часто сообщал сотрапезникам: «Пойду посмотрю, что можно сделать, чтобы не остаться без куска хлеба» — и удалялся в кабинет, чтобы узнать свежие котировки по телефону или телеграфу. В случае резких колебаний курсов посыльный отыскивал Рокфеллера на поле для гольфа и передавал ему сложенный листок с ценами акций. Большую часть денег Джон Д. держал в акциях различных компаний «Стандард ойл», железных дорог (он мог назвать точное количество акций каждого предприятия, которыми владел, даже если это было пятизначное число), а также в государственных и биржевых облигациях, остальное — наличными. В биржевых операциях он следовал неизменному правилу: покупал, когда акции падали на 1/8 пункта, и продавал, когда они на столько же поднимались в цене. Теперь, когда основное состояние перешло к Джону-младшему, Джон-старший нередко занимал у него деньги, до двадцати миллионов долларов, чтобы проверить какую-

* Как и предполагал Джон Д. Рокфеллер, с введением этого закона люди пить не перестали, а вот контрабанда спиртного и подпольные питейные заведения резко увеличили доходы мафии, в частности в Чикаго. Аль Капоне от этой деятельности, а также игорного бизнеса и проституции получал около 60 миллионов долларов в год; в 1927 году его состояние оценивалось в 100 миллионов.

нибудь операцию. Отец и сын поменялись ролями. «Джон, я внимательно слежу за рынком ценных бумаг и полагаю, что, если бы у меня было немного денег, я смог бы их умножить. Как думаешь, не мог бы ты ссудить мне несколько сотен тысяч долларов? — Что ж, папа, надеюсь, ты достаточно взрослый, чтобы распорядиться ими с умом».

Весной 1929 года Федеральная резервная система предостерегла биржевых игроков от спекуляции ценными бумагами, но, поскольку после пары дней паники дела как будто наладились, все успокоились. А зря: в экономике появились зловещие признаки кризиса. Производство стали шло на спад, стройки простаивали, продажи автомобилей сокращались, а потребители набирали кредиты, не задумываясь о том, как будут их возвращать.

Рокфеллер занимался благоустройством своего миникоролевства Поканτικο, где были 75 домов, ферма, сотни работников и 70 миль частных дорог. Чтобы шумная железная дорога, с которой к тому же летела паровозная сажа, не мешала играть в гольф, Джон Д. купил за 700 тысяч долларов посёлок Ист-Вью, снёс все 46 домов и передал землю железной дороге; рельсы от его поместья перенесли туда. Джон-младший заплатил ещё полтора миллиона за 300 акров земли, на которой находился другой источник беспокойства — колледж Святого Иосифа, и построил для него новый кампус в другом месте.

Основатель династии собирался торжественно отметить девяностолетие. Эдит заранее написала отцу, чтобы он не вздумал принимать у себя Матильду с её корыстолюбивым мужем Максом Озером, но добрый дедушка не отказал себе в удовольствии увидеть правнуков и сочувственно выслушал жалобы Матильды на мать — та как раз не желала видеть внуков («Дети вовсе не важны, — написала она дочери 3 июля 1929 года, — они нужны лишь для продолжения рода»). 22 января 1929 года Маргарет де Кузвас родила дочку Бесси, и они с мужем решили, что разумнее будет перебраться в Штаты. Они поселились в Лейквуде, в старом доме матери Маргарет, и обзавелись ещё квартирой в Нью-Йорке. Наняли прислугу, записались в самые эксклюзивные клубы... С дедом своей жены Джордж играл в гольф и старался его очаровать.

Запечатлеть юбилей нефтяного магната явилась киногруппа. Рокфеллер, в светло-сером костюме, сшитом на заказ, с белым жилетом и бутоньеркой, добрых два часа разрезал огромный торт и импровизировал на камеру, пока

не извели всю плёнку до последнего фута. Потом по всей Америке показывали фильм, в котором Рокфеллер играл в гольф и пел церковные гимны вместе с паствой.

В тот же день, когда Рокфеллеру стукнуло девяносто, его внуку Нельсону исполнился 21 год. Студент Дартмута (родители не поддержали его желание стать архитектором, и Нельсон изучал экономику), унаследовавший коренастую фигуру от отца и общительный, жизнерадостный характер от матери, писал родителям, что, сопоставляя эти цифры, чувствует себя «тонким побегом возле могучей сосны». «Но у побега ещё есть время вырасти и развиться, когда-нибудь и он сможет вымахать в достойное дерево. Кто знает?» Нельсон не упускал ни одной возможности пообщаться с дедом, поучиться у него уму-разуму. Он не пил, преподавал в воскресной школе, в колледж ездил на велосипеде, одевался неброско, стараясь смешаться с толпой, но это ему плохо удавалось: имея задатки лидера, он всё равно выделялся. Пожалуй, он единственный оценил слащавую книгу Инглиса. «Впервые я почувствовал, что в самом деле немного знаю дедушку, взглянул одним глазком на могущество и величие его жизни», — написал он отцу. В своей дипломной работе он утверждал, что с конкурентами, вытесненными из бизнеса «Стандард ойл», обошлись справедливо и во многих случаях великодушно, отрицая, что корпорация, созданная его дедом, забрала власть путём «ценовой дискриминации, создания подставных компаний и шпионажа». Осенью Нельсон объявил, что собирается жениться на подруге детства — Мэри Тодхантер Кларк по прозвищу Тод, внучке бывшего президента железной дороги «Пенсильвания». Джон-младший страшно разгневался: поставить родителей перед фактом! Разве так делается? Вот он в своё время... Эбби помнила, как было «в своё время», и приняла сторону сына; тот повёз невесту в Ормонд-Бич. Сыграв с Тод в гольф и оценив её ум и чувство юмора, Рокфеллер дал своё благословение.

Жизнь была прекрасна и удивительна. Имея деньги, можно было заниматься тем, что интересно. Например, Джон Стерлинг-Рокфеллер, внук Уильяма, окончив в 1928 году Йельский университет, увлёкся орнитологией. Вместе со своим однокашником Чарлзом Мёрфи и канадским таксидермистом Аланом Мозесом он отправился в Африку — добывать экспонаты для Американского музея естественной истории. Деньги на эту экспедицию (150 тысяч долларов) выделил Рокфеллеровский фонд. Главной её целью было

найти редчайшую птицу — зелёную ширококлювку: единственное чучело этой мухоловки находилось в Англии, в Зоологическом музее Уолтера Ротшильда, и коллекционеры всего мира гонялись за ней уже два десятка лет. 26 июля 1929 года Мозес увидел и подстрелил эту птичку в горах на северном берегу озера Танганьика. Потом удалось добыть ещё несколько экземпляров, и через три месяца экспедиция вернулась в США*. В знак благодарности Рокфеллер купил за 25 тысяч долларов остров Кент в заливе Фанди, недалеко от дома Мозеса, чтобы разводить там птиц, в частности, гагу обыкновенную, которой грозило исчезновение. Этим Мозес и занялся, добившись замечательных успехов. Ах, если бы во всех областях работали увлечённые и компетентные люди...

В конце сентября 1929 года британский финансист Кларенс Хейтри и его компаньоны угодили в тюрьму за мошенничество; это вызвало крах Лондонской биржи и охладило пыл американских инвесторов. Рынок залихорадило; люди бросились продавать свои акции. 24 октября индекс Доу—Джонса упал на 11 процентов; началась паника. Ведущие банкиры — Томас Ламонт из Банка Моргана, Альберт Виггин из «Чейз нэшнл», Чарлз Митчелл из «Нэшнл сити банк Нью-Йорк» — собрались на совещание, чтобы попытаться прекратить хаос. Своим представителем они выбрали вице-президента Нью-Йоркской фондовой биржи Ричарда Уитни, который прибегнул к тактике, положившей конец панике 1907 года: купил большой пакет акций «ЮС стил» и других «голубых фишек» по цене выше рыночной. Биржевой индекс пополз вверх, но передышка оказалась недолгой: после «чёрного четверга» наступила «чёрная пятница», а затем «чёрный понедельник» и «чёрный вторник», когда такой же шаг миллионеров (среди них были Рокфеллеры, автомобильный магнат Уильям Дюрант и др.) с целью повышения доверия к рынку закончился неудачей.

Джон Д. купил миллион акций «Стандард ойл Нью-Джерси» и сделал заявление для прессы, составленное Айви Ли: «За девяносто лет моей жизни депрессии приходили и уходили. Процветание всегда возвращалось, вернётся и теперь». Когда актёру Эдди Кантору сказали, что Рокфелле-

* Джеймс Чапин в труде «Птицы Бельгийского Конго» (1932) описал нектарницу Рокфеллера (*Cinnyris rockefelleri*). Позже островной дрозд получил название дрозд Стерлинга (*Turdus poliocephalus sterlingi*).

ры снова покупают акции, тот пожал плечами: «Конечно! У кого же ещё остались для этого деньги?»

Деньги, как известно, надо хранить в банке. В своём. С 1911 года Джон Д. был основным акционером «Экитабл траст компани» вместе с Джорджем Гулдом, Куном и Лёбом; все компании, входившие в галактику «Стандард ойл», имели счета в этом банке, который за десять лет стал восьмым по величине в Америке. Когда разразился кризис, Джон-младший призвал на помощь брата Эбби, Уинтропа, из юридической фирмы «Мюррей, Олдрич и Уэбб»; тот за несколько месяцев устроил слияние «Экитабл траст» с «Чейз нэшнл», создав крупнейший в мире банк, который стали называть «рокфеллеровским»*. Правда, дети и внуки Уильяма держались за соперничающий «Нэшнл сити банк». Джеймс Стилман Рокфеллер, постажировавшись шесть лет в одной банковской фирме на Уолл-стрит, пришёл работать в «Нэшнл сити банк» в 1930 году (чтобы через 20 лет возглавить его). В кризисный год 27-летний молодой человек построил себе четырёхэтажный кирпичный особняк в Гринвиче, штат Коннектикут, общей площадью 1800 квадратных метров, с одиннадцатью спальнями, двенадцатью каминами, шестнадцатью отделанными мрамором ванными, лифтом и открытым бассейном в английском саду, и зажил там с женой Нэнси. Его брат Джон Стерлинг женился в 1931 году на Поле Ватиен, дочери представителя нью-йоркского банка «Гаранти траст компани» в Центральной Европе. На тот момент он был связан с другим банком — «Чатем Финикс нэшнл банк энд траст компани оф Нью-Йорк».

Внуки Джона Д. тоже становились взрослыми... хотя и не вполне самостоятельными. Совершив кругосветное путешествие, Джон III отдал себя в распоряжение отца, и 2 декабря 1929 года Джон-младший устроил пресс-конференцию, чтобы представить своего сына, который

* Прежние руководители банка «Чейз» во главе с Альбертом Виггином во время краха 1929 года заработали десять миллионов долларов, продавая акции банка, которых у них фактически не было, а ещё выдавали крупные ссуды самим себе на льготных условиях, в чём Виггин признался на слушаниях в конгрессе в 1933 году. Узнав об этом, Джон-младший пришёл в ужас, добился позорной отставки Виггина и двух других членов правления и уговорил своего шурина Уинтропа Олдрича, не питавшего склонности к банковскому делу и собиравшегося вернуться в свою юридическую фирму, остаться на должности президента «Чейз».

теперь будет работать в семейном офисе на Бродвее, 26, влившись в ряды доброй сотни юристов, бухгалтеров, управленцев и риелторов. Каждый раз, когда журналист задавал вопрос сыну, отвечал на него отец. Джона III сразу ввели в правление двух десятков организаций, включая РИМИ, ДОО, Китайскую медицинскую дирекцию, Бюро социальной гигиены и музей под открытым небом «Колониальный Уильямсберг». Он получил отдельный кабинет и работал шесть дней в неделю, занимаясь самыми разными вопросами — от преступности несовершеннолетних до контроля над рождаемостью. Отца он видел редко. Джон III прекрасно понимал, что во многих благотворительных организациях не приносит реальной пользы, а лишь играет роль «свадебного генерала», и груз ответственности ложился свинцовой плитой на его хлипкие плечи.

А Джона-младшего отец послал в Чикаго — спасти тонущий корабль треста «Эдит Рокфеллер-Маккормик», что сама его учредительница расценила как недопустимое вмешательство в её дела. В 1929 году Эдит осталась у разбитого корыта — обременённая недвижимостью, которую невозможно продать. В довершение всех бед в начале 1930 года у неё обнаружили рак правой груди, которую пришлось удалить, а затем пройти курс лучевой терапии. Родные скрывали от неё горькую правду: опухоль удалена не целиком. Матильда приехала из Швейцарии и наконец показала матери внуков. А ещё призналась, что та была права: Макс Озер действительно женился на ней ради денег, относится к ней высокомерно и пренебрежительно, но она не подаст на развод, во-первых, ради детей, а во-вторых, потому что ей нравится её новая родина. Чикагская пресса писала о «счастливом браке» дочери Эдит; это была сказка, чтобы держать репортёров на расстоянии.

Джон-младший сам потерял много денег, и его обязательства по ряду благотворительных проектов (включая «Колониальный Уильямсберг») теперь висели на нём веригами. Его агенты несколько лет скупали тысячи акров земли в Вайоминге, в районе Джексон-Хоул, чтобы позже устроить на этой территории национальный парк. Операцию надо было держать в секрете, потому что, узнай продавцы, что землю приобретает Рокфеллер, цены резко взлетели бы вверх. Так что по совету Хораса Олбрайта, будущего директора Службы национальных парков, который в 1926 году показывал Рокфеллерам Йеллоустон, Джон-младший учредил компанию «Снейк ривер лэнд». Местное население

пребывало в уверенности, что её неизвестный владелец хочет расширить лосиный заказник, созданный в 1913 году. Но к 1930 году, уже после учреждения конгрессом национального парка Гранд-Титон, тайну наконец-то раскрыли, и жители Вайоминга были готовы рвать и метать. Новая газета «Гранд-Титон» восставала против парка; землевладельцы утверждали, что их обманули, вынудив продать свои участки. Общество раскололось: одни были за, другие против; вечеринки или светские ужины могли вылиться в жаркую ссору. Сенатор из Вайоминга Роберт Кэри заявил юристу Рокфеллера-младшего: «Мы не желаем, чтобы эта территория Вайоминга эксплуатировалась или чтобы его граждан выселяли ради удовлетворения амбиций мистера Олбрайта или установления монополии к выгоде агентов мистера Рокфеллера». Джону-младшему покупка 33 тысяч акров земли обошлась в полтора миллиона долларов, а теперь получалось, что деньги потрачены впустую: конгрессмены из Вайоминга блокировали все попытки сделать Джексон-Хоул природоохранной зоной. А ведь Рокфеллер всего лишь хотел передать её в государственную собственность! Раздражённый этим непониманием, Джон-младший всё же твёрдо стоял на своих позициях. Но ситуация в Вайоминге скоро покажется ему мелкими неприятностями по сравнению с кошмаром, который он устроит себе в Нью-Йорке.

В 1928 году компания «Метрополитен-опера» решила переехать на Манхэттен и построить новое здание в квартале между 48-й и 51-й улицами и Пятой и Шестой авеню, принадлежащем Колумбийскому университету. Райончик был так себе: по Шестой авеню проходила надземная железная дорога, на каждом шагу подпольные бары, ломбарды и прочие злачные места. Но президент компании Отто Кун (партнёр в фирме «Кун и Лёб») убедил Рокфеллера-младшего, что тот окажет большую услугу обществу и при этом заработает немного денег, если возьмёт этот участок в аренду у Колумбийского университета и построит там оперный театр. Вокруг Джона водили хоровод пятеро экспертов по недвижимости, и на него словно затмение нашло: не посоветовавшись с юристом, он согласился заключить договор об аренде участка на 87 лет за три миллиона в год.

Продажа старого здания не могла окупить строительство нового, и Джона-младшего стали уговаривать внести ещё четыре миллиона. Он решил, что это шантаж, и отказался; тогда компания «Метрополитен-опера» вышла из проекта,

и Джон оказался владельцем недвижимости в виде 229 развалюх в нехорошем квартале, причём в самый разгар кризиса. К весне 1930 года он заплатил по разным счетам уже десять миллионов долларов, и каждый год обходился бы ему ещё в четыре миллиона — аренда плюс налоги. Надо бы поскорее сбыть всё это с рук, но Рокфеллер-младший снова решил последовать примеру отца и превратить неприятность в новую возможность. Он построит здесь новый комплекс офисных зданий и найдёт для них арендаторов! (Самым первым станет банк «Чейз нэшнл».) Архитектор Уоллес Гаррисон составил проект: снос старых зданий и строительство новых должно было обойтись в 250 миллионов долларов, и Джон-младший бессонными ночами ходил по комнате, ломая голову над тем, где взять деньги. В своё время его отец решал тот же вопрос...

Кстати, в 1930 году на старый дом в Ричфорде, в котором родился Рокфеллер, случайно наткнулась Сара Деннен — секретарь Торговой палаты Кони-Айленда в Бруклине, штат Нью-Йорк. Её озарила идея: разобрать эту развалюху, перевезти на Кони-Айленд, собрать — и не менее пяти миллионов человек в год станут приходить, чтобы поглазеть на гнездо, из которого вылетел американский нефтяной орёл, выкладывая деньги за билеты. Прослышав об этих планах, Рокфеллер сразу привёл своих юристов в боевую готовность, чтобы никто не смел делать деньги на его имени. Деннен купила и разобрала дом, но под натиском юристов местные власти запретили перевозить его по дорогам общественного пользования; груда старых досок добралась только до Бингемтона.

В том же году Рокфеллера пригласили в Кливленд на празднование шестидесятилетия «Стандард ойл Огайо». Хотя он был ещё довольно крепок для своего возраста (мог забросить мячик для гольфа на 165 ярдов и проходил шесть лунок за 25 ударов), но не решился ехать из Флориды так далеко и предложил вместо этого записать киноприветствие. Оператор, который его снимал, был восхищён: это прирождённый актёр! Две недели спустя руководство «Стандард ойл Огайо» само прибыло в Ормонд-Бич, и киношники сняли, как самолёт садится на лужайку для гольфа, а Рокфеллер идёт его встречать. Неожиданно старик сам забрался в кабину и собрался взлетать (камера снимала!), но тут прибежал бдительный Джон Йорди и отменил полёт — мало ли что может случиться в воздухе. Вместо этого аэроплан просто покатался по полю, а Рокфеллер

махал из кабины рукой. Теперь он почувствовал себя кинозвездой.

Конечно, он храбрился и держался молодцом, но всё-таки ему было одиноко. Он всё чаще прозрачно намекал в письмах внукам, что был бы рад их увидеть. Его жизнь скрашивала дочь шофёра Винсента Фраски, маленькая Люсиль. Не проходило и дня, чтобы она его не навестила, иначе он сам отправлялся её искать. Рокфеллер разговаривал с девочкой, рассказывал ей разные истории, а когда она отвечала, его лицо светлело, взгляд теплел.

Внуки же были заняты устройством личной жизни. 23 июня 1930 года Нельсон женился на Тод в Пенсильвании; полиция сдерживала тысячу зевак, явившихся поглазеть на свадьбу. Рокфеллер приехать не смог и прислал в подарок ценные бумаги на 20 тысяч долларов. Новобрачные провели две недели в Сил-Харборе, где им прислуживали 24 человека, а затем отправились в девятимесячное кругосветное путешествие (подарок Рокфеллера-младшего), превратившееся в нечто вроде дипломатического турне. На каждом этапе поездки представители «Стандард ойл» служили им проводниками и представляли премьер-министрам и прочим официальным лицам. В Индии Нельсон встретился с Махатмой Ганди; впрочем, тот не проявил большого интереса к наследнику американского миллионера.

Пока Нельсон смотрел на мир и показывал ему себя, мучительный процесс развода Джеймса Стилмана с Анной Поттер (Фифи) закончился, и 4 июня 1931 года, в тот самый день, когда суд назвал её свободной, Фифи вышла замуж... за 32-летнего Фоулера Маккормика, который был моложе её на 20 лет. Его сестра Мюриел тоже вышла замуж в этом году; на сей раз её избранником стал живой мужчина, старше её на 24 года — Элайша Дайер Хаббард, бывший «фермер», солидный человек с деньгами. Они поженились в Бар-Харборе, в том же доме, где и познакомились; никто из родственников невесты на свадьбе не присутствовал. Брак окажется недолгим — Хаббард скончается через пять лет... А Гарольд Маккормик развёлся с Ганной Вальской, но к Эдит не вернулся, хотя она на это надеялась и хранила в шкафу его рубашки и костюмы.

Во время этих любовных драм произошла трагедия в семье младшей дочери Уильяма: 29 августа 1930 года её единственный сын Хартли Додж-младший разбился во Франции — его автомобиль врезался в дерево на дороге из

Байонны в Бордо и загорелся. Хартли только что окончил Принстон; мать отправила его в Европу, чтобы отвлечь от мыслей стать лётчиком, считая это увлечение слишком опасным... В память о сыне Доджи построят спортзал в Колумбийском университете, ратушу и вокзал в Мадисоне, штат Нью-Джерси*.

Джон-младший был занят строительством своего бизнес-центра. По новому, уже восьмому плану, представленному в марте 1930 года руководителем проекта Джоном Годдом, на арендованной площади предстояло построить помещения для «телевидения, музыкальных представлений, радио, звукового кино и пьес», а также четыре театра; всё это будет готово в 1933 году. Здание овальной формы с садами на крыше из первоначального проекта решили заменить четырьмя небольшими отдельными зданиями и башней в 41 этаж. Подумав, сады на крыше оставили, а ещё добавили площадь в центре. Как мы всё это назовём? Раньше это был Метрополитен-сквер; в планах значилось «Радио-сити» или «Рокфеллер-сити». Джону-младшему не хотелось лишний раз привлечь внимание к своей фамилии, но Айви Ли ему возразил: наоборот, «Рокфеллер-центр» — то, что нужно. Это новый имидж Рокфеллеров, которые уже не будут ассоциироваться со «Стандард ойл»**. И потом, громкое имя привлечёт арендаторов. Годд и Нельсон его поддержали.

Сначала надо было расчистить место: снести старые дома и переселить четыре тысячи их обитателей. Некоторые упорно цеплялись за свою собственность и переезжать отказывались, поэтому новые здания пришлось встраивать между домами упрямец. Ядром проекта было «Радио-сити»: Радиокорпорация Америки, Эн-би-си и «Радио-Кит-Орфеум» согласились арендовать будущий корпус за три миллиона в год. В сентябре 1931 года началось строительство мюзик-холла, в ноябре — Центрального театра. Всего планировалось построить 14 зданий, для которых заказали в Индиане 14 миллионов кубических футов известняка — в то время это был самый крупный заказ такого рода.

* Впоследствии Джеральдина Рокфеллер-Додж станет судьёй на выставках собак, проводившихся в каждом американском штате, а также в Германии, Канаде, Ирландии и Англии, и напишет две книги: «Английский коккер-спаниель в Америке» и «Немецкая овчарка в Америке».

** Книга Иды Тарбелл, переизданная в 1925 году, больше не находила покупателей.

Каждое утро к восьми часам Джон-младший приезжал на работу со складной линейкой в кармане. Расстелив на полу чертежи, он ползал по ним, производя измерения. У Великой депрессии обнаружились свои плюсы: стройматериалы и рабочая сила теперь стоили дешевле; на строительстве Рокфеллер-центра работали 75 тысяч человек — сплошь члены профсоюза. (Помимо создания рабочих мест, оба Рокфеллера, старший и младший, пожертвовали два миллиона долларов в фонд экстренной помощи безработным.) Нельсон, приступивший к работе на Бродвее, 26, с лета 1931 года, тоже принимал посильное участие в проекте. Для зданий выбрали современное архитектурное решение, в стиле ар-деко, а Джон-младший, в отличие от жены и сына, современное искусство не любил и не понимал.

В кризисном 1929 году Эбби вместе с Лили Bliss и Мэри Салливан основала Музей современного искусства. Сначала для музея арендовали галерею в Хекшер-билдинг, потом он переехал в дом на Западной 53-й улице, принадлежащий Рокфеллерам. Несмотря на то что музей быстро сделался довольно популярен, Джон-младший по-прежнему морщил нос при виде его экспонатов. «Я сегодня показала папе картины и галерею, и он думает, что они невыразимо ужасны, так что я немного приуныла сегодня вечером», — писала Эбби Нельсону, тогда ещё учившемуся в Дартмуте. В итоге именно сын возглавил опекунский совет музея.

Из любви к жене Джон-младший пожертвовал на музей шесть миллионов долларов, но этого всё равно было мало. Видя, сколько у мужа забот, снова сказывавшихся на его здоровье, Эбби не решалась клянчить у него деньги, а её собственных хватило только на небольшую картину и рисунок Матисса. В декабре 1930 года она пригласила Матисса на ужин, и семидесятилетний художник напрямую спросил у Джона, как может он, хорошо разбирающийся в искусстве, не видеть красоты работ Сезанна, Ван Гога, Пикассо, Брака. Джон вежливо выслушал его и ответил на изящном французском, что по-прежнему твёрд как камень; но отчаиваться не стоит — миссис Рокфеллер обладает даром убеждения и со временем превратит камень в желе*.

* В 1931 году Лили Bliss умерла, завещав музею своё живописное собрание — 24 работы Сезанна, девять полотен Сера, восемь картин Дега и др., — при условии, что его существование будет поддержано достаточно крупным фондом. Джон-младший внёс в этот фонд 200 тысяч долларов, а Нельсон — 100 тысяч.

Джон в самом деле больше тяготел к классике — чем древнее, тем лучше. Джеймс Генри Брэстед, основавший в 1919 году на деньги Рокфеллера Восточный институт Чикагского университета, пригласил его в конце 1928 года посетить места археологических раскопок в Египте. Тринадцатилетний Дэвид напросился в эту поездку с родителями (он уже читал об открытии гробницы Тутанхамона), доказав отцу, что ценный для жизни опыт легче получить в путешествиях, чем сидя на школьной скамье, но вместе с Рокфеллерами поехал гувернёр, чтобы Дэвид не отстал от программы. В последний момент к ним присоединилась Мэри Годхантер Кларк, в то время ещё просто подруга Нельсона.

Каир: отель «Семирамида», Сфинкс, пирамиды Гизы, танцы дервишей, древний арабский университет, шумный цветистый рынок с пряными запахами, узкие улочки, женщины в чадрах, мелкие лавчонки с экзотическими товарами, тучи мух и орды нищих, грязные дети с гноящимися глазами... Каирский музей египетских древностей находился в ужасающем состоянии: облепленные грязью саркофаги, барельефы на тёмных полках без всяких поясняющих надписей... Ещё в 1925 году Джон-младший предложил через Брэстеда правительству Египта десять миллионов долларов на благоустройство музея, но оно отказалось — скорее всего, под давлением Великобритании, не терпевшей вмешательства американцев даже в дела культуры. После Каира было путешествие вверх по Нилу под лекции Брэстеда: Луксор, Карнак, Абу-Симбел... Дэвид, собиравший жуков, нашёл скарабея и был просто счастлив. «Тод дразнила меня в связи с моим хобби, а я в ответ купил недорогое обручальное кольцо и презентовал ей в присутствии моих родителей и других, заявляя, что представляю Нельсона и прошу её руки для вступления в брак с ним, — рассказывает Дэвид в мемуарах. — Все, за исключением Тод, решили, что это весьма забавно, поскольку мы знали, что она сильно надеялась именно на это».

Следующим этапом поездки была Палестина, в то время подмандатная Великобритании: Иерусалим, Иерихон, Мёртвое море, долина реки Иордан, Бейрут... Для Джона-младшего, искренне верующего христианина, эта часть пути была особенно значимой. Посетив Вифлеем и Гефсиманский сад, увидев Храмовую гору и Стену плача, пройдя по Крестному пути, он поддержал инициативу Брэстеда построить в Иерусалиме археологический музей. На сей раз

британское правительство не стало возражать. Первый камень будущего музея был заложен 19 июня 1930 года; однако на месте строительства обнаружили гробницы, датируемые V веком до нашей эры, поэтому работы приостановили. Палестинский археологический музей откроется 13 января 1938 года и будет неофициально называться Музеем Рокфеллера.

В 1931 году Рокфеллеровский фонд организовал археологические раскопки на Агоре в Афинах. Эта территория была сплошь застроена, пришлось снести четыре сотни домов. Работы растянутся на два десятка лет, зато в итоге получится археологический парк с фрагментами зданий, деревьями и византийской церковью Всех Святых.

Джон и Эбби расходились не только в оценке современного искусства, но и в вопросах воспитания детей. Джон считал, что она слишком их балует: эти денежные переводы во время учёбы в колледже, тайные разговоры по телефону из ванной комнаты (а он потом плати по счетам!). Хорошо ещё, что у Джона III и Нельсона оказались твёрдые моральные устои; а Уинтроп? В старших классах лишь дурака валял и за девушками ухлёстывал, в Йельском университете научился только пить и курить. К картам его ещё мать приучила; записывать расходы совсем перестал. Да и Лоранс... Конечно, мальчик с головой, и руки растут откуда надо (ещё в детстве он приделал мотоциклетный мотор к деревянной машинке и ездил на ней); внешне сильно похож на деда. Но ему трудно сосредоточиться на рутинной работе, и ничего-то он не принимает на веру — ни религию, ни право: вот, пожалуйста — бросил Гарвард!* Надо было поступить с ними, как Прентис со своим сыном Джоном: когда тот, учась в Йельском университете, наделал долгов, родители попросту перестали выплачивать ему содержание. И что же? Поработал в Бостоне четыре года в фирме оптовой торговли, скопил денег, чтобы продолжить учёбу, окончил в 1932 году юрфак и теперь работает юристом. И цену деньгам знает, это уж точно! Альта молодец, не то что Эдит...

У Эдита развился хронический кашель; врачи обнаружили затемнение под рёбрами (метастазы не до конца удалён-

* Учась в Принстоне, Лоранс сообщил отцу, что хочет «разработать независимую и личную философию и представление о ценностях на основе собственной интуиции и мировоззрения». Он написал диплом на тему «Концепция ценности и её связь с этикой», придя к выводу, что вера и эмпиризм необходимы в равной мере. Прочувшись в Гарварде два года, он понял, что не хочет быть юристом.

ной злокачественной опухоли). До самого конца она обещала отцу, что придет повидаться, но так и не приехала. В апреле 1931 года она продала через Картье свои жемчуга и изумруды, выручив миллион долларов. В декабре умоляла отца ссудить ещё миллион на поддержание её фирмы, но Джон-младший отговорил его: «Это будет только начало долгих и болезненных отношений с представителями Эдит, которые, естественно, подумают, что, раз мы в это ввязались, всю эту обузу можно переложить на наши плечи». Эдит подчёркивала, что ей не нужен подарок — она просит деньги взаймы, через пять лет её фирма их вернёт. Аудиторы, посланные Джоном-младшим, были вынуждены признать, что Кренн и Дато (которых они презрительно называли «евреями») вообще-то довольно умело управляли компанией, и, если бы не Великая депрессия, та, может быть, и удержалась бы на плаву. Один банкир консультировал Эдит бесплатно (год назад, когда его сын погиб в автокатастрофе, Эдит поддержала его морально и сильно ему помогла). Он рекомендовал ей попросту объявить себя банкротом; она отказалась. За сочувствием же обращалась к брату: «Я столько пережила в жизни, так устала и измучена, мне нужна твоя ободряющая и помогающая рука». Не купишь ли ты хотя бы кое-что из моих драгоценностей или мебели? Джон не купил. А Гарольд отказался выкупить виллу «Турикум» (Эдит не жила в ней с 1913 года). По настоянию брата она перебралась из своего особняка с невыплаченной ипотекой в апартаменты в отеле «Дрейк». (Газеты написали: «Миссис Маккормик жертвует миллионы для защиты бедных».) Там она и умерла 25 августа 1932 года. Гроб с её телом несли Гарольд, Фоулер, Джон-младший и Эдвин Кренн (Джон не хотел пускать Кренна на похороны, но Гарольд не стал его прогонять из уважения к памяти Эдит). Половину того, что у неё оставалось, Эдит завещала Кренну, а остальное разделила между тремя детьми. Рокфеллеры немедленно оспорили завешание в суде, и Кренн в конце концов сдался, согласившись на пожизненное содержание в 24 тысячи долларов в год. Виллу «Турикум» выставили на продажу, но желающих купить такую дорогую игрушку не находилось десять лет.

Если финансовая катастрофа Эдит произошла из-за её стремления к самостоятельности, то Куэвасы транжирили деньги просто так. В 1931 году Рокфеллер-старший, питавший слабость к внучке (в 1930 году та родила сына и назвала его Джоном), согласился принять у неё ценные бу-

маги в уплату долгов на 100 тысяч долларов, хотя эти бумаги теперь ничего не стоили. В 1932-м супругам пришлось продать с аукциона мебель, ковры, драгоценности, сдать свой дом жильцам, а самим перебраться в недорогой отель. Джон-младший набросал для отца письмо, адресованное Маргарет: «Ни один член семьи не должен стремиться к уровню жизни, каким-либо образом связанному с надеждами на получение доли имущества после моей смерти».

Рокфеллеры не могли сорить деньгами. Состояние Рокфеллера-старшего сократилось с двадцати пяти до семи миллионов; по словам Уинтропа, для его деда это было равнозначно разорению. (Теперь он раздавал монетки не в десять центов, а в пять.) В момент душевной слабости он сказал юристу, что сыну бы следовало передать ему три с половиной миллиона долларов в виде компенсации затрат на семейный офис за последние десять лет, но очень скоро одумался и отозвал эту просьбу — сын и так бился как рыба об лёд.

Здание «Радио-Кит-Орфеум» построили первым — в сентябре 1932 года. В декабре открылся мюзик-холл. А между этими событиями, в начале ноября, в США состоялись очередные президентские выборы. У Герберта Гувера, на которого возложили вину за Великую депрессию, не было никаких шансов; к тому же он настроил против себя богатых избирателей, повысив подоходный налог в год выборов. Его главный соперник, губернатор Нью-Йорка Франклин Делано Рузвельт, завоевал репутацию человека дела, оказывая государственную поддержку обедневшему населению. Гувер называл Рузвельта «хамелеоном в плеле» (страдающая полиомиелитом, тот передвигался в инвалидной коляске, прикрыв ноги пледом), Рузвельт Гувера — «толстым робким трусом». Во время поездки по стране Рузвельта повсюду приветствовали толпы; его предвыборная кампания проходила под песню «Счастливые дни вернулись» из популярного мюзикла 1930 года «В погоне за радугой», которая стала неофициальным гимном Демократической партии. В итоге Рузвельт получил наибольшее число голосов и избирателей, и выборщиков и готовился провозгласить «Новый курс».

А Джон III готовился к свадьбе. 11 ноября 1932 года он женился на Бланшетт Ферри Хукер — очаровательной выпускнице колледжа Вассара (серьёзно изучавшей там музыку), с изысканными и непринуждёнными манерами. Её отец основал Электрохимическую компанию Хукера, а

мать унаследовала фирму розничной торговли. Застенчивый Джон, мучимый комплексом неполноценности, ухаживал за ней настолько робко, что даже его отец не выдержал: вручил ему ключи от коттеджа в Сил-Харборе и велел привезти туда Бланшетт. Когда они остались наедине, Джон передал девушке список своих грехов и попросил её сделать то же самое. Бланшетт предстояла ещё более трудная задача, чем в своё время Эбби... И всё же она согласилась стать его женой. Бракосочетание состоялось в риверсайдской церкви в присутствии двух с половиной тысяч гостей, хотя Джон III страдал агорафобией.

Сокровище нации

В 1933 году на Бродвее представили новое сатирическое ревю — «Под аплодисменты тысячной толпы»: сценарий Мосса Харта, музыка и слова песен Ирвинга Берлина (урождённого Израйля Бейлина). Ревю состояло из двадцати одного скетча или музыкального номера на злободневные сюжеты; каждый открывался газетным заголовком. Например, президент Гувер с женой покидает Белый дом, фыркнув и показав язык своему кабинету. Или Джон Д. Рокфеллер отказывается принять от сына «Радио-Сити» в качестве подарка на день рождения.

Несмотря на смешки и иронию, строительство Рокфеллеровского центра продолжалось. В апреле открылся Бри-тиш-эмпайр-билдинг — шестизэтажное здание на Пятой авеню, дом 620, стоявшее напротив своего брата-близнеца — Французского дома. За неимением американских арендаторов эти офисные здания сдали англичанам и французам и оформили их соответствующим образом. А вот открытие здания Радиокорпорации Америки, запланированное на 1 мая, пришлось перенести на две недели по совершенно неожиданной причине.

Вестибюль предполагалось украсить фреской на тему «Человек на перепутье, смотрящий с надеждой на выбор нового и лучшего будущего». Кому её заказать? Матиссу, Пикассо? Эбби сделала выбор в пользу мексиканского художника Диего Риверы; он часто бывал в доме у Рокфеллеров, и Эбби приобрела его акварели для своей коллекции. Диего вместе с женой Фридой Кало пригласили в Нью-Йорк, и весной 1933 года он приступил к работе. Тему он раскрыл своеобразно. Человек на перепутье — рабочий, контролирую-

ющий стихии. В левой части картины — мир капитализма, погрязший в пороках и бедствиях, в правой — то самое лучшее будущее с красными флагами и ликом Ленина. Жена и помощники просили Риверу убрать изображение вождя пролетариата, но он стоял на своём. 24 апреля 1933 года в «Нью-Йорк уорлд телеграм» вышла статья Джозефа Лилли «Ривера рисует коммунистические сцены, а Джон Рокфеллер-младший оплачивает счёт». Нельсон письменно попросил Риверу заменить Ленина на обобщённый образ рабочего лидера; тот выдвинул встречное предложение: оставить Ленина и добавить Линкольна.

Управляющие Рокфеллеровским центром отстранили Риверу от работы, а незавершённую фреску закрыли защитным экраном. Люсьен Блош, одной из помощниц Риверы, удалось сделать фотографию фрески. 22 мая Нельсон выплатил художнику часть гонорара (14 тысяч долларов) и думал, что конфликт исчерпан, однако перед зданием стали собираться толпы, требовавшие, чтобы Ривере дали продолжить работу. Сам он появлялся среди митингующих, выступал по радио, давал интервью газетам. Эбби и Нельсон даже подумывали перенести фреску в Музей современного искусства, но это было технически неосуществимо. «Картина была непристойной и, на взгляд Рокфеллеровского центра, являлась оскорблением хорошего вкуса. Именно по этой причине Рокфеллеровский центр решил её уничтожить» — так Джон-младший объяснил ситуацию отцу. В феврале 1934 года рабочие сбили штукатурку с фреской, а куски вывезли на тачках. Диего Ривера назовёт это «культурным вандализмом» и сравнит с сожжением книг нацистами; художественные сообщества в США и Мексике тоже выразят своё возмущение попранием свободы творчества*.

Надо было найти замену Ривере, и новую фреску заказали испанскому художнику-монументалисту Хосе Марии Серту. В молодости тот создавал декорации для «Русских сезонов» Сергея Дягилева, а потом украшал королевские дворцы в Испании и резиденции богатых людей в Америке и Европе, например замок Лаверсин барона Робера де Ротшильда. Перед тем как получить заказ для Рокфеллеровского центра, Серт расписал стены обеденного зала в нью-

* Дэвид Рокфеллер пишет в книге воспоминаний: «В конце 1930-х годов Ривера воспроизвёл фреску с дополнительными пикантными деталями, включая портрет отца, пьющего мартини с проституткой. Эта фреска расположена на видном месте на центральной лестнице Дворца изящных искусств в Мехико».

йоркском палас-отеле «Уолдорф-Астория» (впоследствии он распишет стены и потолок в Зале совета Лиги Наций в Женеве). Созданная им настенная роспись высотой 16 футов и длиной 41 фут называлась «Американский прогресс» и представляла собой аллегорическое изображение развития Америки на протяжении трёх веков. В центральной её части была помещена узнаваемая фигура Авраама Линкольна. Это произведение всех удовлетворило*.

Семейный офис Рокфеллеров переехал с Бродвея, 26, на 56-й этаж нового небоскрёба; теперь империей Рокфеллеров управляли из комнаты № 5600. Нельсон занялся подбором арендаторов для пустующих офисных помещений и развил в этом направлении бурную деятельность, предлагая выгодные условия. Некоторые компании, находившиеся под крылом Рокфеллеров, — «Стандард ойл Нью-Джерси», «Сокони вакуум», «Стандард ойл Калифорния», «Чейз нэшнл банк» — тоже переместились в новый комплекс. А вот Джон Д. Рокфеллер в нём так и не побывал: ему это было неинтересно.

Рокфеллеры оказались в трудной ситуации. С одной стороны, Джон-младший уговорил отца сделать заявление в поддержку «мужества и прогрессивного руководства президента Рузвельта» и даже выступил по радио, призывая конгресс проголосовать за закон о восстановлении национальной промышленности, дававший президенту право регулировать этот сектор экономики с целью поддержания честной конкуренции, достойных условий труда и справедливых цен на нефтепродукты и их перевозку, а также вводивший программу общественных работ для преодоления безработицы. (Сенат возражал против раздела этого закона, гарантировавшего профсоюзам право вести переговоры с работодателями от имени рабочего коллектива.) В итоге закон был принят обеими палатами, и президент подписал его в июне, но уже в следующем году эйфория от его принятия улетучилась, а в 1935-м Верховный суд и вовсе признал его неконституционным. С другой стороны, демократы у власти — кошмар для убеждённых сторонников республиканцев. Джон Д. был уверен, что «Новый курс», в особен-

* Во время гражданской войны в Испании Серт открыто поддержал генерала Франсиско Франко и сохранил с ним дружеские отношения, когда тот превратился в диктатора. Возможно, именно этим объясняется, что крайне популярный Серт был быстро забыт после смерти в 1945 году. Однако «Американский прогресс» до сих пор украшает холл Рокфеллеровского центра.

ности закон 1935 года о соцзащите, заведёт страну в пропасть. «Большая проблема — научиться давать так, чтобы не ослабить моральный стержень облагодетельствованного», — считал Рокфеллер. Поэтому отец и сын продолжали свои благотворительные программы, но частным образом, не участвуя в государственных. Например, Джон-младший создавал рабочие места, проложив 50 миль новых дорог в Покантико, и щедрой рукой давал деньги Американскому Красному Кресту.

Его состояние к 1934 году сократилось вполовину — до 500 миллионов, а ежегодный доход — с 56,7 миллиона до 16,5 миллиона. Перед самой инаугурацией Рузвельта (в марте 1933 года) ему пришлось продать крупные пакеты акций «Стандард ойл Нью-Джерси» и «Стандард ойл Индиана» да ещё и занять почти восемь миллионов, чтобы выполнить взятые на себя обязательства. Впервые в жизни его расходы превысили доходы. А тут ещё дети вздумали потребовать свою долю.

Бабс, Джон III и Нельсон были уже взрослыми, семейными людьми, однако им по-прежнему приходилось просить денег у отца на новую машину или на поездку за границу. В мае 1933 года они написали ему коллективное письмо о том, что денежные вопросы отравляют родственные отношения, и потребовали увеличить их содержание. Джон-младший согласился с их доводами и передал каждому по 200 тысяч акций «Сокоми вакуум» общей стоимостью около 3,2 миллиона долларов.

На следующий год конгресс резко поднял ставки налогов для богатых: налог на имущество для обладателей состояния свыше 50 миллионов увеличился с 45 до 60 процентов, а налог на дарение (для сумм свыше десяти миллионов) — с 33 до 45 процентов. Пока этот закон не вступил в силу, Джон-младший решил учредить трастовые фонды для своей жены и детей, которыми бы управляли специалисты «Чейза» (в том числе Рэймонд Фосдик и Уинтроп Олдрич). Эбби получила 18,3 миллиона и полную свободу покупать современное искусство на доходы от этой суммы, но без права тратить основной капитал. Каждому из старших детей отец дал 12 миллионов, а троим младшим — гораздо меньше, чтобы не вводить их в искушение. Конгресс опять повысил ставки налогов, и Джон нехотя увеличил фонды всех детей, доведя их до 16 миллионов.

Правда, они об этом не знали; Дэвиду, например, сказали об увеличении только через несколько лет. В 1935 году

он получил всего 2400 долларов — для оплаты расходов на проживание и прочие нужды (за обучение в Гарварде платил отец — 400 долларов в год). «Иногда я обнаруживал, что наличности мне не хватает, и был вынужден обращаться к отцу с просьбой о предоставлении аванса, — напишет Дэвид в мемуарах. — Он обычно использовал мои просьбы как повод поделиться своими мудростью и опытом. В одном из писем, написанных мне в 1935 году, он с неодобрением отмечал: “Ты потратил значительно больше за этот период по сравнению с твоим ожидаемым доходом, который, как ты говоришь, представляет собой, конечно, недостаточное финансирование и является ошибкой... Ты несколько огорчил меня в связи с тем, что опять испытываешь финансовые трудности, которые ты, конечно, мог предвидеть. Когда ты получал 1500 долларов в год, трудностей у тебя не было. После прибавки трудности, вероятно, возросли. Старая пословица, что человек имеет тенденцию терять голову с растущим благополучием, — очень правильная пословица. Я надеюсь, что теперь твои финансовые планы будут такими, что не дадут возможности в будущем считать эту пословицу для тебя справедливой. Сумма в 400 долларов будет выслана сегодня на твой банковский счёт”».

Летом 1933 года Уинтроп в Техасе нанялся разнорабочим на нефтедобывающее предприятие «Хамбл ойл», принадлежавшее «Джерси стандарт». «Именно это я и искал! — обрадовался он. — Мужчин, работающих руками, производящих нечто настоящее... Меня заворожило всё, что я увидел: я хотел стать частью этого, делать то, что делают они, доказать самому себе, что я такой же мужик, как любой из них». В это время на Западную 54-ю улицу на его имя пришла телеграмма, отправленная неким Кёрли Левином. Прочитав её, Джон-младший позвонил президенту Йельского университета; тот сообщил, что этот Кёрли связан с игорным бизнесом и всякими тёмными личностями. По возвращении с каникул Уинтропу устроили допрос; тот признался шокированным родителям, что Кёрли — еврей-бармен в подпольном кабаке в Нью-Хейвене, где он добывал себе выпивку, когда учился в Йеле. («Сухой закон» отменили в марте 1933 года.) Но выперли его с третьего курса (в 1934 году) не за это, а за «аморалку»: застукали в душе с девушкой.

Уинтроп вернулся в Техас, где можно было пить, курить, волокаться за женщинами — и, конечно, работать, получая 75 центов в час. В рабочие дни он обедал с товари-

щами — сэндвичами или другой простой пищей, а по выходным ужинал в кантри-клубе с президентом компании: всё-таки он был Рокфеллер. А когда человек с такой фамилией заходит в магазин, «прямо чувствуешь, как цены поднимаются», вспоминал он позже. Джон Д. написал сыну с невесткой, как он рад, что хоть кто-то из членов семьи снова работает в «Стандард ойл». Когда Уинтроп заехал в Лейквуд и стал рассказывать деду о передовых методах производства в «Хамбл ойл», тот терпеливо его выслушал и заметил: «Что ж, брат... Это всё очень хорошо, но должен тебе напомнить, что самая важная вещь — цифры». Уинтропу все говорили, что он очень похож на деда. От него же не ускользнуло, что в Джоне Д. сосуществовали два человека: душевный, добросердечный, живой — и отстранённый, не от мира сего.

В декабре 1933 года на строящейся Рокфеллер-плаза впервые установили рождественскую ель, заложив добрую традицию. Вернее, самую первую ёлку, высотой шесть метров, купили в складчину рабочие, трудившиеся на строительстве Рокфеллеровского центра, ещё в 1931 году, а их жёны и дети украсили её бумажными гирляндами, шарами и жестяными банками. Два года спустя Рокфеллеры уже сами купили ель высотой более 15 метров, которая должна была стать «рождественским маяком», привлекая внимание нью-йоркцев и туристов и создавая у них ощущение праздника и единения.

В мае 1934 года на нижнем уровне площади (Лоуэр-плаза) водрузили позолоченную бронзовую скульптуру Прометея, созданную Полом Мэншипом и отлитую в Квинсе. Основанием для статуи стал фонтан размером 18,3 × 4,9 метра, а по обе стороны от титана, принёсшего людям огонь, стояли аллегорические изображения — Юность и Дева. На серой гранитной стене позади скульптуры начертали надпись, перефразируя Эсхила: «Прометей, всех искусств учитель, принёс огонь, что стал для смертных началом благ». Теперь рождественская ель сияла огнями над Прометеем. А с 1936 года перед ней станут заливать каток.

К июлю 1934 года были готовы уже шесть зданий, 80 процентов площадей сданы в аренду. Один из небольших корпусов предоставили итальянским коммерческим фирмам; на парный ему претендовала Германия, однако Джон-младший, не одобрявший политики национал-социалистов, пришедших к власти в 1933 году, отказал. В корпус вселились фирмы из нескольких стран.

Конец лета прошёл в ритме различных семейных событий. 15 августа Лоранс женился на Мэри Френч — дочери подруги матери. Когда Нельсон учился в Дартмуте, он делил комнату в общежитии с Джоном, братом Мэри, а с Лорансом она познакомилась в 1927 году. По материнской линии она происходила от майора Саймона Уилларда, основателя города Конкорд в штате Массачусетс, а её дедом был Фредерик Биллингс — президент железной дороги «Нозерн Пасифик». Несмотря на то что Френчи детей ни в чём не ограничивали, Мэри не любила выставлять своё богатство напоказ. Венчание прошло в церкви в Вермонте в присутствии трёхсот гостей, затем был приём в имении невесты.

Подбирая обстановку для будущего семейного гнёздышка, жених и невеста увидели фотографии гнутой деревянной мебели финского архитектора Алвара Аалто, отца североевропейского модернизма, и заказали кое-что для себя. Потом Лоранс, невзирая на предостережения экспертов, открыл магазин на 53-й улице, чтобы продавать мебель по эскизам Аалто; он решил, что современный дизайн и доступная цена привлекут покупателей — и оказался прав: дела будут идти прекрасно до самого начала советско-финляндской войны 1939—1940 годов, когда поставки прекратятся.

За несколько дней до свадьбы Лоранса, 11 августа, скончалась Эмма Макалпин, старшая дочь Уильяма Рокфеллера, а 25 сентября умер её брат Перси. Теперь Джон-младший оставался единственным мужчиной из второго поколения Рокфеллеров.

В 1934 году президент Рузвельт торжественно открыл для публики «Колониальный Уильямсберг», на который Рокфеллер потратил 55 миллионов. Но что деньги? «Я уделил Уильямсбергу больше времени, мыслей и внимания, чем любому другому моему проекту, гораздо больше, чем Рокфеллеровскому центру», — признавался он. Ему был очень дорог этот островок милой старины; они с Эбби купили там себе домик в тени вязов (Бассет-холл), где каждый год проводили два месяца, пополняя коллекцию американского народного искусства. Джон Д. в Уильямсберге не был — ему и это было неинтересно.

Частые простуды заставили его отказаться от гольфа. Теперь он большую часть дня проводил, греясь на солнышке и любуясь цветами. «Многие люди думают, что я сделал в этом мире много зла, — сказал он как-то мэру Ормонд-Бич

Джорджу Ригби. — Но, с другой стороны, я пытался творить добро, как только мог, и в самом деле хотел бы дожить до ста лет». В девяносто пять он подхватил бронхиальную пневмонию, но оклемался. Правда, весь ссохся (он весил теперь меньше 90 фунтов — чуть больше 40 килограммов) и стал похож на грифа. Он окончательно распростился с Кайкатом, загрузил в частный вагон фрукты, овощи, молоко, кислородные подушки и навсегда переехал в Ормонд-Бич.

Теперь он берёт силы: никаких поездок в автомобиле, никаких прогулок по саду. Не носил больше своих дорожных седых париков. Слуги подстраивались под его медленные шаги. Но всё же в его комнате стоял велотренажёр, и каждый день он некоторое время медленно крутил педали. Кино он теперь тоже смотрел дома; ему нравились фигуристые блондинки вроде Джин Харлоу. Если не было сил дойти до церкви, он слушал проповеди по радио или пел гимны под аккомпанемент приходившего на дом скрипача. Когда ему исполнилось 96 лет, страховая компания выплатила ему пять миллионов долларов — полную стоимость его полиса, как в случае смерти. Только один человек на 100 тысяч доживал до такого возраста. Однажды, прощаясь с зашедшим его навестить Генри Фордом, Рокфеллер сказал: «Увидимся на небесах». — «Увидимся, если вы туда попадёте», — немного грубовато ответил тот. Но с сыном Джон Д. никогда не разговаривал о смерти — только о жизни, деятельности, новых свершениях.

В апреле 1935 года ввели в строй 38-этажный Интернэшнл-билдинг высотой 156 метров, в начале мая закончили подземный торговый центр и систему пешеходных переходов между 48-й и 51-й улицами. К ноябрю 1936-го построили 36-этажный небоскрёб, в котором разместились редакции журналов «Тайм» и «Лайф». Обложку январского номера «Тайм» за 1936 год украсила фотография Эбби Рокфеллер — «выдающейся покровительницы ныне живущих художников в США»: за предыдущий год она передала Музею современного искусства 181 картину, купленную на свои деньги. Управляющие трастовым фондом, распоряжающиеся её деньгами, дали согласие на строительство нового музейного корпуса с прилагающим к нему Садам скульптур Эбби Олдрич-Рокфеллер, для чего дома Рокфеллера-старшего и Рокфеллера-младшего на Западных 53-й и 54-й улицах пришлось снести. В начале 1938 года Джон и Эбби переехали в новую квартиру в доме 740 по Парк-авеню.

Тем временем Куэвасы, спасаясь от кредиторов, вернулись в Европу; Маргарет примирилась со старым больным отцом (он умрёт в 1940 году). Однако они, подобно Бурбонам в изгнании, ничего не забыли и ничему не научились: Маргарет заложила свои драгоценности, чтобы купить себе платье к свадьбе испанского инфанта дона Хуана, состоявшейся в Риме 12 октября 1935 года, а после просила Катлера выкупить их за 1800 долларов. Её машина сбила насмерть итальянского мальчика, и Джордж, вместо того чтобы заплатить родителям ребёнка, попытался через своего друга, близкого к Муссолини, воздействовать на суд, чтобы избежать штрафа. Рокфеллер и тогда от них не отвернулся. Во-первых, Куэвасы старались получить американское гражданство для всей семьи. (Американцами были только Маргарет и Джон, родившиеся в США; Бесси считалась француженкой, а Джорджу, испанцу по отцу, испанский король пожаловал (или продал) титул — тот стал восьмым маркизом Пьедрабланка де Гуана, хотя настоящие испанские гранды над этим титулом смеялись.) А во-вторых, у обоих были проблемы со здоровьем: Маргарет часто впадала в депрессию, а Джордж мучился от артрита. Зато их дети росли здоровенькими, счастливыми, хорошо воспитанными, а Джон Д. так любил детей! «Вы самое дорогое, что у нас есть на земле. Мы любим вас нежно», — писал он им.

В 1936 году Джон-младший и Эбби, взяв с собой младшего сына Дэвида, тоже поехали во Францию — присутствовать на освящении Реймского собора, восстановленного на деньги Рокфеллеров. Министр образования и изящных искусств Жан Зэй устроил в их честь банкет в Версальском дворце; одной из улиц Версаля дали имя Джона Рокфеллера-младшего. Несколько дней спустя президент Альбер Лебрэн наградил его в Елисейском дворце Большим крестом Почётного легиона. Дэвид очень гордился отцом.

Джон Д. как-то сказал Джону Йорди, что из внуков на него больше всего похож Дэвид. Умненький, покладистый, круглолицый и румяный (только характерный нос унаследован от Олдричей), он скрупулёзно записывал свои расходы и пел с дедом рождественские песни. В детстве он ловил бабочек, стрекоз, жуков, кузнечиков, потом, вслед за старшими братьями, ходил в основанную в 1917 году Джоном Дьюи на средства Дирекции общего образования экспериментальную школу имени Линкольна, где применя-

лись передовые педагогические методики*. Латынь и древнегреческий из программы исключили, зато изучали два живых языка. Французским Дэвид овладел хорошо, а вот немецкий ему не давался, поэтому в 1933 году он поехал в Баварию, где занимался по методу погружения с «замечательным педагогом» фрау Берман, которая к тому же знакомила его с искусством Альбрехта Дюрера и Лукаса Кранаха. «Уже тогда, всего лишь через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти, люди шёпотом говорили о гестапо и появились сообщения о концентрационных лагерях, куда отправляли политических противников нового режима, — вспоминал потом Дэвид. — Уже были проведены в жизнь первые законы о чистке государственного аппарата Германии от евреев и людей с еврейской кровью. Я нашёл оскорбительным для себя, что общество открыто терпело худшие формы антисемитских высказываний, не в последнюю очередь потому, что я тесно работал с фрау Берман, которая была еврейка. Меня также возмущало, что немало людей принимали без серьёзных сомнений заявления нацистов, что евреи ответственны за все экономические проблемы Германии и заслуживают наказания».

В 1936 году Дэвид с отличием окончил Гарвардский университет, написав диплом о Фабианском социализме «Обнищание глазами фабианцев». «Я указывал на то, что традиционный европейский подход к бедности был основан на христианской концепции покаяния за грехи подаванием милостыни, — разъясняет Дэвид в мемуарах. — Акцент делался на преимущества, получаемые в загробной жизни дарителями, а не на выполнение социальных обязательств перед людьми, нуждающимися в этом. Фабианские социалисты под руководством Сидни Уэбба и его жены Беатрис придерживались противоположной точки зрения. Они рассматривали обеспечение минимального уровня жизни для каждого как фундаментальное право всех граждан и неотъемлемую обязанность государства». По совету Маккензи Кинга Дэвид остался в Гарварде ещё на год, чтобы изучать экономику. В конце 1937-го ему предстояло уехать в Англию, в Лондонскую школу экономики. А в конце мая грянула новость: дед умер.

* Суть методик сводилась к обучению через практику, поэтому преподаватели поощряли различные хобби учеников, например фотографию, которой увлекался Лоранс, а также путешествия и исследовательскую деятельность; орфографии же уделялось меньше внимания.

Джон Д. до последнего дня сохранял ясный ум: играл на бирже, шутил с миссис Эванс. 22 мая выкупил закладную на здание баптистской церкви на Евклид-авеню. Вечером того же дня с ним случился сердечный приступ, и в четыре часа утра он впал в кому. Джон Д. Рокфеллер умер во сне, не дожив полутора месяцев до своего 98-летия.

Весть о его смерти быстро облетела город; возле дома стали собираться толпы, в церкви звонили в колокол. После краткой похоронной церемонии в Ормонд-Бич, на которой присутствовали только слуги и друзья, гроб под охраной мотоциклиста доставили на вокзал, погрузили в частный вагон и отвезли в Покантико. На платформе в Тарритауне его встречал Джон-младший с пятью сыновьями в одинаковых костюмах. В Кайкате гремел орган; вокруг Покантико выставили военные кордоны, чтобы непримиримые враги покойного не могли нарушить прощальную церемонию. Служащие всех отделений «Стандард ойл» по всему миру почтили память основателя пятью минутами молчания. 27 мая тело Рокфеллера вернулось в Кливленд, чтобы занять подготовленное для него место — между матерью и женой. Из опасений, что вандалы могут осквернить могилу, её накрыли тяжёлой каменной плитой, которая выдержала бы и взрыв бомбы.

После его смерти осталось 26,4 миллиона долларов — Джон Д. всё-таки нашёл способ «не остаться без куска хлеба». Большая часть его капитала состояла из государственных казначейских билетов; из сентиментальности он также сохранил одну акцию «Стандард ойл Калифорния» с надписью «Сертификат № 1». 6 июня газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала его завещание: отменив все прежние распоряжения, он перевёл 25 миллионов в трастовый фонд для своей внучки Маргарет де Куэвас и её детей. Другим внукам не перепало ничего — им пусть деньги завешают их родители.

Газета «Аргонавт» за 16 июня назвала Рокфеллера «величайшим филантропом в мире, создателем научной благотворительности». «Благодаря ему в мире стало лучше жить. Будь благословенна память о Гражданине Мира номер один», — сказал прокурор Сэмюэл Антермайер, который когда-то пытался выжать из Рокфеллера информацию в суде.

Джон-младший переехал жить в Кайкат. Он не отказался от довеска к своему имени: «Джон Д. Рокфеллер был только один».

Глава четвёртая
НАСЛЕДНИКИ

Лично я убеждён, что главная причина экономических различий между людьми — это личностные различия.

Из интервью Джона
Д. Рокфеллера, январь 1917 г.

Никогда не торопись винить других, обрати сначала внимание на самого себя и на свои недостатки в отношениях с другими людьми. Цени и понимай других за их хорошие качества, а не за плохие.

Уинтроп Рокфеллер. Письмо
к моему сыну

До свидания, мальчики!

В жаркий воскресный день 30 апреля 1939 года, ровно через 150 лет после инаугурации первого президента США Джорджа Вашингтона, в Нью-Йорке состоялось торжественное открытие Всемирной выставки, на котором присутствовали 206 тысяч человек. Речь Франклина Д. Рузвельта, переизбранного на второй срок, транслировали не только по радиоканалам, но и по телевидению — на чёрно-белых экранах двух сотен телеприёмников с кинескопом в 5—12 дюймов, установленных по всему городу. Эн-би-си (Национальная широкоэвещательная компания) начала регулярные телепередачи в Нью-Йорке. Чтобы убедить скептиков, что это не фокус, один из телевизоров сделали с прозрачным корпусом, сквозь который было видно все детали. В павильоне Радиокорпорации Америки посетители могли увидеть себя на телеэкране. Тогда же первые телевизоры поступили в продажу в различные нью-йоркские магазины. После выступления Альберта Эйнштейна о космических лучах зажглись ярмарочные огни; ВИП-гости получили особые программки дня открытия, в которых имя каждого было набрано шрифтом Брайля.

Выставке, готовившейся с 1935 года, предстояло стать крупнейшим послевоенным международным мероприятием: площадь в 486 гектаров, 33 страны-участницы. В оргкомитет входили видные бизнесмены, среди которых был Уинтроп Олдрич. Ярмарка, разворачивавшаяся под лозунгом «Заря нового дня», должна была позволить посетителям «заглянуть в мир будущего» — и, естественно, раскрутить новые товары повседневного спроса.

Наибольшее внимание привлекла «капсула времени» в павильоне «Вестингауз электрик». Тёмный цилиндр нельзя было вскрывать пять тысяч лет. Внутри находились труды Альберта Эйнштейна и Томаса Манна, экземпляры журнала «Лайф», часы с Микки-Маусом, бритва «Жиллетт», целлулоидный пупс, доллар мелочью, пачка сигарет «Кэмел», микрофильм с миллионами страниц текста, а также семена широко распространённых сельхозкультур: люцерны, ячменя, моркови, кукурузы, хлопка, льна, овса, риса, сои, сахарной свёклы, табака, пшеницы — запечатанные в стеклянных пробирках. А ещё на выставке был представлен робот ростом 2,1 метра, который говорил, различал цвета и даже «курил» сигареты.

Джон Рокфеллер-младший предоставил для выставки часть своей художественной коллекции. Его кузина Маргарет внесла 175 тысяч долларов на сооружение павильона (в надежде окупить затраты за счёт входных билетов стоимостью 25 центов), отделкой которого занимался её муж Джордж де Куэвас. Осмотрев павильон, Джон написал им редкое для него письмо с похвалами. Но, как и многое на этой выставке, это семейное предприятие оказалось убыточным. Когда газеты раструбили о вкладе Куэвасов, Джорджа завалили письмами с просьбами о финансовой помощи или с упрёками: «Не стыдно ли вам сорить деньгами, живя в роскоши, когда другим людям нечем заплатить за квартиру?» Чтобы положить этому конец, Джордж пригласил репортёра и ознакомил его с семейной бухгалтерией: их доход составляет 200 тысяч долларов в год, 75 процентов этой суммы уходит на налоги. Приходится как-то выкручиваться на жалкие 50 тысяч. «Почему у нас четыре дома? Милый мой, да мы не можем от них избавиться! И потом, у нас есть родственники и друзья в Испании, разорённые гражданской войной. Нельзя закрывать глаза на чужие страдания». Американцев этот ответ не удовлетворил. К тому же к четырём домам скоро добавился пятый — в Палм-Бич, и ещё земельный участок в Коннектикуте.

Среди национальных павильонов выделялся павильон Еврейской Палестины, представивший концепцию будущего Израиля. Его фасад украшал монументальный чеканный барельеф «Учёный, Рабочий и Земледелец». В гигантский павильон СССР поместилась полноразмерная копия станции метро «Маяковская» (архитектор Алексей Душкин получил Гран-при выставки.) Экспозиция польского павильона состояла из 200 тонн различных произведений искусства, включая королевский ковёр Казимира Ягеллончика, 150 картин современных художников, бронзовый памятник Юзефу Пилсудскому, доспехи польского гусара, народные костюмы и мебель из разных областей Польши, образцы польских изобретений и колокол, изготовленный специально для выставки.

Через четыре месяца после открытия выставки в Польшу вторглись нацистские орды и началась Вторая мировая война. Но выставка продолжала работать — США соблюдали нейтралитет*. (За два года её осмотрели 44 миллиона посетителей.) И Рокфеллеровский центр продолжал строиться. В 1938 году президентом «Рокфеллер-центр инкорпорейтед» стал Нельсон** и первым делом заменил Джона Тодда, который, по его мнению, не справлялся со своими обязанностями, Хью Робертсоном. Осенью 1939-го комплекс сдавал площади двадцати шести тысячам арендаторов и принимал 125 тысяч посетителей в день. За год 1,3 миллиона человек совершили экскурсию по Центру или посетили

* На Рождество 1937 года Дэвид снова поехал в Германию. Он оказался в Мюнхене, когда там проходили похороны Эриха Людендорфа, и сфотографировал Гитлера, шедшего во главе колонны солдат. Истерическое настроение толпы его поразило, как и иступлённое веселье, словно в желании забыть о реальности. «Из разговоров я узнал, что, по мнению многих, агрессивные требования Гитлера о возврате немецких территорий неизбежно приведут к войне, хотя никто не хотел протестовать». Его мать Эбби, убеждённая пацифистка, в прямом смысле слова заболела, узнавая о падении каждой новой страны под натиском нацистской машины: Австрия, Чехословакия, Польша... Она считала, что Гитлер и его союзники представляют собой угрозу для США и всей западной цивилизации. Чувствуя приближение войны, Матильда с двумя детьми вернулась в Америку и поселилась в Калифорнии, где её отец Гарольд Маккормик жил с третьей женой Адой Вильсон.

** Джон Рокфеллер-младший, которому было уже за шестьдесят, постепенно перекладывал обязанности на плечи людей помоложе: в 1936 году президентом Рокфеллеровского фонда и Дирекции общего образования стал Рэймонд Фосдик.

смотровую площадку в здании Радиокорпорации Америки; шесть миллионов побывали в подземном торговом центре, семь миллионов — на каком-либо из представлений.

На месте, предназначавшемся для здания Метрополитен-оперы, теперь возвышался корпус Ассошиэйтед Пресс, к которому примкнул кинотеатр «Гильд». Шестнадцатизэтажное здание в центре южного блока предложили правительству Нидерландов. В мае 1940 года эта страна была оккупирована Германией, поэтому правительство предпочло временные помещения в Интернэшнл-билдинг, и в октябре здание отдали авиакомпании «Истерн эрлайнс». Её возглавлял легендарный ас Первой мировой Эдди Рикенбакер, а крупнейшим акционером был Лоранс Рокфеллер, который к тому же унаследовал от деда место на Нью-Йоркской фондовой бирже, став самым молодым её членом. («Авиация в каком-то смысле постучалась в мою дверь, — скажет позже Лоранс, вспоминая свою первую встречу в 1939 году с другим авиатором — инженером Джеймсом Смитом Макдоннеллом, владельцем небольшой механической мастерской в Сент-Луисе. — Он вошёл, держа в руке чемоданчик, в котором в буквальном смысле слова была вся «Авиастроительная корпорация Макдоннелла»). Лоранс отдал десять тысяч долларов за акции компании, которая тогда ещё не построила ни одного самолёта. Не пройдёт и десяти лет, как он окажется основным акционером ведущего поставщика американских военно-воздушных сил.) Семь из восьми туристических агентств, арендовавших офисы в Рокфеллер-центре, тоже были вынуждены переехать из-за войны.

Шутники говорили, что в Рокфеллеровском центре можно делать всё, что хочешь, только не спать (отелей нет), не молиться (церквей тоже нет) и не платить аренду Джонумладшему. К 1940 году его долги возросли до 39 миллионов долларов. Однако 87 процентов площадей были уже сданы, и с 1941 года наконец-то начала поступать прибыль.

Уинтроп в 1938 году прошёл стажировку в «Чейз нэшнл банке», работал в компании «Сокони вакуум ойл» и был вице-президентом Фонда Большого Нью-Йорка, однако отец часто отчитывал его за развесёлые вечеринки с выпивкой и женщинами, поставлявшие материал для светских сплетен. После очередной ссоры Уинтроп сказал: «Господи, если у меня когда-нибудь будут дети, я буду с ними разговаривать, а не просто назначать время для встречи и через пять минут уходить в парикмахерскую».

Конфликты с отцом возникали и у других детей, поэтому Нельсон взял на себя инициативу по объединению молодого поколения, чтобы не допустить распрей и разъединения, часто случавшихся в других богатых семьях. Он предложил братьям (и Бабс — но ей это было неинтересно) регулярно встречаться, обсуждать вопросы карьеры и возможного сотрудничества. Такие встречи происходили каждые два месяца — в Покантико или у кого-нибудь дома. Отца тоже пригласили, но он не пришёл. Дэвид писал в своих воспоминаниях: «Он ощущал дискомфорт, почти угрозу, из-за перспективы встречи лицом к лицу со всеми своими сыновьями одновременно, возможно, из-за опасения, что мы можем предъявить ему единодушные решения, с которыми он не будет согласен. Мать, вероятно, была бы рада принять участие, однако я думаю, что она посчитала неудобным присоединиться к нам, поскольку отец отклонил наше приглашение». Дэвид, самый младший в семье и единственный доктор наук, вёл протоколы встреч. Сначала братья лишь рассказывали друг другу о своей деятельности и планах; но, поскольку к каждому ежегодно обращались за помощью разные благотворительные организации, а возможности их были неодинаковы, они решили объединить свои средства. В сентябре 1940 года сыновья пригласили Джона-младшего на ланч и объявили ему о создании Фонда братьев Рокфеллеров с целью «продвигать социальные перемены для более справедливого, устойчивого и мирного общества». Они собирались помогать организациям «Объединённый еврейский призыв», «Объединённый госпитальный фонд», Красному Кресту, а также фонду образования чернокожих.

Дэвид тогда только что женился на своей давней знакомой Пегги Макграт*. (Её отец был партнёром в знаменитой юридической фирме с Уолл-стрит, а мать — дочерью бывшего президента Пенсильванской железной дороги.) Её семья потеряла много денег во время кризиса, но всё ещё считалась зажиточной. Они жили в Маунт-Киско, в двадцати

* Интерес к Пегги возник у Дэвида уже после возвращения из Англии. А когда он только приехал в Лондон, сын Уинстона Черчилля, Рэндольф, писавший для газеты «Ивнинг стандарт», взял у него интервью, а потом сообщил читателям, что Рокфеллер хочет найти себе английскую невесту. Эту «новость» перепечатали газеты по всей Британской империи, и Дэвид несколько недель получал предложения о браке с фотографиями невест, одна из которых жила аж в Нигерии.

двух минутах езды от Кайката. Пегги была общительная, озорная, весёлая, любила ездить верхом, танцевать вальс и польку (однажды они с Дэвидом даже выиграли танцевальный конкурс в ресторане «Рэйнбоу-рум» в Рокфеллеровском центре), со вкусом одевалась. Дэвид несколько месяцев собирался с духом, чтобы сделать ей предложение, и в июне всё-таки решился. «Пегги дала мне ответ 24 долгих часа спустя. Когда я сообщил об этом матери — я никогда ранее не упоминал ей о такой возможности, — она сказала сухо, но с юмором: “Хорошо, Дэвид, я не очень удивлена, поскольку видела телефонные счета: там очень много разговоров с Маунт-Киско”. Чтобы купить обручальное кольцо, я снял все свои сбережения, около 400 тысяч долларов». В то время Дэвид был помощником мэра Нью-Йорка Фьорелло Ла Гуардиа, зарабатывая «доллар в год», но занимая кабинет вице-мэра. Шеф предоставил ему отпуск на время медового месяца.

Свадьбу отпраздновали 7 сентября 1940 года в Бедфорде, штат Нью-Йорк; шафером был старший брат Дэвида, Джон. На приём к Макгратам явилось около двухсот гостей, включая Генри Форда с сыном. Молодожёны «отправились в пятидневный поход с рюкзаками через национальный парк Йеллоустон, где каждый из нас застрелился». Впрочем, интерес к охоте у них впоследствии пропал. Да и не до лосей теперь было...

В октябре Федеральное бюро расследований начало выявлять американцев немецкого происхождения, покупавших «репатриантские» марки, которые германское правительство стало продавать в первые месяцы войны. Как оказалось, посредником в этих операциях выступил и «Чейз»: сочувствующие нацистам приобретали через него марки за доллары по сниженному курсу, а банк получал комиссию от Берлина. Низкий курс поддерживался за счёт того, что эти марки были попросту конфискованы у евреев, эмигрировавших из Германии. С 1936 по 1941 год нацисты получили таким образом более 20 миллионов долларов, а банки-посредники заработали 1,2 миллиона комиссии, из которых более полумиллиона получили «Чейз» и его субагенты. 14 июня 1941 года Франклин Д. Рузвельт издал распоряжение о замораживании германских активов в США, а министр финансов Генри Моргантау распорядился блокировать доступ к французским счетам, чтобы ими не могли воспользоваться немцы. Через несколько часов после издания этого распоряжения «Чейз» разблокировал счета, и деньги были

переведены в нацистскую Германию через Южную Америку. Банк могли привлечь к суду по законам о шпионаже и о регистрации иностранных агентов; однако главный юрист «Чейза» пообещал в таком случае раскрыть источники информации и методы работы ФБР и военной контрразведки, что поставило бы под угрозу их дальнейшую деятельность. До суда дело не дошло.

Трудно сказать, какую роль во всём этом сыграл Уинтроп Олдрич. Между тем его племянник и тёзка в начале 1941 года записался рядовым в армию; его зачислили в 77-ю пехотную дивизию, ещё год не участвовавшую в боевых действиях. Джон Рокфеллер-Прентис, сын Альты, тоже пошёл в армию добровольцем в марте 1941-го, а 11 августа женился на Эбби Кэнтрилл, которая потом родила ему дочь.

Жизнь всё ещё катилась по мирным рельсам, и семейные потери не были связаны с войной. Когда в 1941 году Макс Озер скончался в Швейцарии от сердечного приступа, Фоулер посоветовал Джону-младшему не посылать Матильде соболезнований — она уже несколько лет жила отдельно от мужа. В октябре 1941-го, в 69 лет, от кровоизлияния в мозг умер Гарольд Маккормик.

Своё отношение к событиям в Европе Рокфеллеры выражали доступным им способом: в 1941 году Рокфеллеровский центр отказал Уильяму Родсу Дэвису в продлении аренды, потому что он поставлял нефть нацистской Германии и фашистской Италии и был агентом влияния гитлеровского правительства. 2 августа Дэвис, возглавлявший два десятка компаний в нескольких штатах, а также в других странах, включая Мексику и Швецию, умер в Хьюстоне, штат Техас, от сердечного приступа. После налёта японской авиации на Пёрл-Харбор 7 декабря были расторгнуты соглашения об аренде со всеми компаниями из Германии, Италии и Японии. В комнате № 3603 корпуса Радиокорпорации Америки разместилось отделение службы британской разведки МИ-6 по координации операций в США; там же находился кабинет Аллена Даллеса из Управления стратегических служб (до его переезда в Берн). Франклин Д. Рузвельт, переизбранный в 1940 году на третий президентский срок, назвал 7 декабря «днём позора»; на следующий же день он объявил войну Японии, а затем Германии и Италии. Война добралась до США.

Шестидесятисемилетняя Эбби вызвала Дэвида для разговора и тихо, но твёрдо заявила ему, что мужчины, годные

к военной службе, должны, не дожидаясь призыва, записаться в армию: пришло время сражаться и, возможно, погибнуть в сражениях. Такая перспектива страшила Дэвида, да и его матери было нелегко об этом думать. Однако Пегги, с которой он обсудил этот вопрос, тоже считала, что свекровь права. «В середине марта 1942 года я записался в армию в качестве рядового, хотя отец мог использовать своё влияние, чтобы я получил офицерское звание», — рассказывает он в мемуарах.

Сама Эбби финансировала недавно созданные Объединённые организации обслуживания вооружённых сил — независимое объединение благотворительных обществ, старавшееся морально поддержать солдат, призванных на службу, создать для них «дом вне дома» — в основном в виде клубов, а также организовывавшее для солдат концерты с участием звёзд эстрады и кино. Разъезжая в автомобиле по Нью-Йорку или Уильямсбергу, миссис Рокфеллер высматривала парней в военной форме и предлагала их подвезти; стремилась залучить на ужин молодых людей, отправляющихся на фронт. Она также помогала деньгами Комитету спасения, который оказывал содействие европейским артистам, в особенности евреям и антифашистам, укрывшимся в США.

Мюриел Маккормик оставила театр и вступила в созданный 15 мая 1942 года Женский вспомогательный военный корпус (1 июля 1943-го слово «вспомогательный» исчезло из его названия), руководимый тexasской журналисткой Оветой Калп Хобби, и со временем дослужилась до сержанта материально-технического обеспечения. Джеймс Стилман Рокфеллер служил в Командовании воздушных сил. Джон Рокфеллер III, морской офицер запаса, заседал в отделе кадров в Вашингтоне. Они с Бланшett состояли в Комитете военной помощи Великобритании и взяли на своё содержание двух мальчиков из Лондона на время войны; кроме того, у них было трое своих детей: Сандра (она рано умрёт); Джон IV, которого в семье называли Джей (1937), и Хоуп (1938). Лоранс служил на флоте офицером по снабжению. Он был отцом трёх девочек: Лоры Спелман (1936), Марион (1938) и Люси (1941); его единственный сын, Лоранс-младший, родился в 1944 году. Нельсон, ещё до войны заинтересовавшийся нефтедобычей в Латинской Америке и выучивший испанский язык, выразил обеспокоенность президенту Рузвельту в связи с влиянием нацистов в этом регионе, и тот назначил его в 1940 году координато-

ром в Управление по координации межамериканских дел. В рамках «политики добрососедства» президентская администрация поощряла создание фильмов, ориентированных на латиноамериканские страны. Так, мюзикл «Южно-Американская дорога» стал называться «По дороге в Аргентину» (1940), и Нельсон Рокфеллер велел продюсеру внести в сценарий некоторые изменения, чтобы не обидеть аргентинцев. Кроме того, он состоял в штате Департамента здравоохранения и был отцом четверых детей: Родмана (1932), Стивена (1936) и близнецов Майкла и Мэри (1938).

Джон-младший в это время продолжал войну за экологию. В 1942 году он написал письмо министру внутренних дел Гарольду Икесу с завуалированной угрозой продать свои земли в Вайоминге тому, кто предложит за них лучшую цену, если федеральное правительство не предпримет ничего для создания на этой территории национального парка. Поставленный в известность Франклин Д. Рузвельт воспользовался законом о древностях 1906 года и учредил своим решением, без утверждения конгрессом, Национальный монумент Джексон-Хоул. Сенатор-республиканец от Вайоминга Эдвард Робертсон назвал это «грязным, подлым пёрл-харборским ударом». Один газетный обозреватель сравнил поступок Рузвельта с аншлюсом Австрии Гитлером... В мае 1943 года владельцы местных ранчо, возглавляемые актёром Уоллесом Бири, дважды сыгравшим в кино Панчо Вилью, погнали к Джексон-Хоул стадо из 550 голов скота — только попробуйте остановить нас! Им не препятствовали, но эти события привлекли к себе внимание всей страны. Конгресс принял закон, отменяющий учреждение Национального монумента; Рузвельт наложил на него вето; Вайоминг в суде опротестовал использование президентом закона о древностях, но иск отклонили*... Если бы Гитлеру чинили препятствия с таким же упорством!..

Холостой бездетный Уинтроп, как и его кузен Прентис, воевал на Тихом океане, десантировался на Гуам и Лейте на Филиппинах. Он находился на борту транспортного корабля «Генрико», участвовавшего в операции «Айсберг» по захвату японского острова Окинава силами американ-

* Долгая борьба Джона-младшего за заповедник в Джексон-Хоул закончится в 1950 году компромиссом: в сентябре Национальный монумент включают в национальный парк Гранд-Титон. Зато закон о древностях больше не будет распространяться на Вайоминг, то есть президент США уже не сможет учреждать там национальные монументы без одобрения конгресса.

ского и британского флотов. 26 марта 1945 года с корабля высадился десант на острова Керама, которые были захвачены за четыре дня. Уйдя в море, «Генрико» был атакован японским камикадзе; погибли 49 человек, включая капитана и командира морских пехотинцев, но пожар на корабле удалось потушить, и в середине мая он вернулся в Сан-Франциско. Уинтроп Рокфеллер, получивший ранение, за эту операцию был награждён Бронзовой звездой с Дубовыми листьями, учреждённой в 1944 году, и медалью «Пурпурное сердце». Его фотография есть в Зале славы пехотных офицеров военной базы Форт-Беннинг, штат Джорджия. К моменту демобилизации (1946) он дослужился до подполковника.

А Дэвид окончил разведшколу, получил звание лейтенанта и отправился в Северную Африку. К тому времени у него уже родились двое детей — Дэвид-младший и Абигейл. Десяток офицеров разведки, которые должны были собирать и обрабатывать информацию, проживали в Алжире на частной вилле, имели массу свободного времени и тратили его на дегустацию местных вин и покупку деликатесов, отпускавшихся по талонам и недоступных населению. Рокфеллеру было скучно заниматься сведением отчётов, подготовленных другими; владея французским, он предложил своему начальнику составить обзор политической и экономической ситуации в регионе. Тот, колебавшись, согласился, и Дэвид начал создавать с нуля собственную разведывательную сеть. Мог бы совершить такое простой лейтенант? Но Рокфеллеру оказал помощь Анри Шевалье, главный управляющий компании «Стандард ойл Нью-Джерси» в Северной Африке — свёл его с деловым сообществом, арабскими бизнесменами и политическими лидерами. А премьер-министр Канады Маккензи Кинг рекомендовал сына своего друга канадскому генералу Джорджу Веньеру; Дэвид отправился в десятидневную поездку по Марокко с группой военных атташе союзных стран. Сеть информаторов, занимавших высокие посты, была создана в несколько месяцев. Кроме того, для укрепления связей с французской разведкой Дэвид совершил двухнедельную поездку в Каир и Стамбул.

Дэвид часто писал домой, но письма доставляли с задержкой в несколько недель: после перлюстрации их снимали на микроплёнку, отправляли в США, там увеличивали, распечатывали и рассылали обычной почтой. К счастью, в июле 1944 года Рокфеллера самого отправили с развед-

почтой в Вашингтон, а там предоставили двухнедельный отпуск, чтобы он навестил семью. Он впервые увидел маленькую Нейву, родившуюся в июне. В том месяце американцы высадились в Нормандии, и к концу лета Париж был освобождён. Капитан Рокфеллер отправился туда и подготовил со своими сотрудниками большую серию отчётов, предсказавших судьбу лидера «Свободной Франции» генерала Шарля де Голля. «Его высокомерие, негибкость и сосредоточенность на чём-то одном — те качества, которые были столь важны для его политической победы над Жиро в Алжире, — создали серьёзные проблемы, когда французы начали заниматься формированием постоянного правительства и написанием новой конституции. Не прошло и года, как он потерял власть», — вспоминал впоследствии Дэвид.

Через десять дней после капитуляции Германии Дэвид посетил Франкфурт и Мюнхен, лежавшие в руинах. Встречи со старыми знакомыми прошли непросто, между ними теперь зияла гнойная рана войны: он пережил гибель друзей, долгую разлуку с родными, они — страх, сделки с совестью, унижения... Тогда же Дэвид побывал в Дахау и лишь там в полной мере осознал весь ужас нацистского режима.

В августе в Париже проездом побывал его дядя Уинтроп Олдрич, президент «Чейз нэшнл банка». Он полагал, что для Дэвида логичнее всего было бы сделать карьеру в «Чейз». У племянника его предложение не вызвало бурного восторга, но он обещал подумать. Однако демобилизации нужно было ждать несколько долгих месяцев. Только в начале октября его вызвали в Вашингтон. Нетерпеливая Пегги приехала туда из Нью-Йорка и жила в доме у Нельсона на Фоксхолл-роуд; целую неделю она каждый день ездила в аэропорт, надеясь высмотреть мужа в толпе прибывших военных. Наконец, он приехал; дети, для которых он был чужим, не сразу поняли, что это их отец, а не просто мужчина, конкурирующий с ними за внимание матери. После возвращения Дэвида они с Пегги отправились во второе «свадебное путешествие» в Мексику.

В военные годы Пегги часто впадала в депрессию из-за постоянного психологического давления: продукты по карточкам, судьба мужа неизвестна, да ещё мать постоянно указывает, что ей носить, как вести хозяйство и как воспитывать детей... Зато она сблизилась со свекровью, так что Джон-младший теперь ревновал жену к невестке. Их объединяла любовь к современному искусству. В 1944 году Эбби передала Музею современного искусства почти все

деньги, которыми могла свободно распоряжаться, — около 600 тысяч долларов — и настояла на увольнении его директора Альфреда Барра, не справлявшегося с обязанностями при росте коллекций.

Дела Рокфеллеровского центра шли на лад: арендаторы уже записывались в очередь: четыре сотни компаний мечтали получить там офисы, так что пришлось достроить еще 93 тысячи квадратных метров, в том числе башню для компании «Эссо» (Eastern States Standard Oil) — так с 1932 года называлась «Стандард ойл Нью-Джерси». Очередь в мюзик-холл, где давали пять спектаклей в день, вытягивалась от угла Шестой авеню и 50-й улицы до Пятой авеню и 52-й улицы — на четыре квартала. Джону Рокфеллеру-младшему вернули долг в 57,5 миллиона долларов, и он разделил эти деньги между сыновьями. Нельсону было этого мало — он с головой ушёл в политику. Франклин Д. Рузвельт, вновь избранный президентом в 1944 году (в четвёртый раз — единственный случай!), назначил его заместителем госсекретаря по делам Американских республик.

В декабре 1944 года в Мехико состоялся Межамериканский конгресс. Вернувшись оттуда, Нельсон уговорил отца передать в дар Нью-Йорку земельный участок на Манхэттене стоимостью 8,5 миллиона долларов для возведения на нём здания для Организации Объединённых Наций. В марте 1945 года, по инициативе Нельсона, Межамериканская конференция по вопросам войны и мира приняла Чапультепекскую декларацию о взаимопомощи и солидарности, рекомендовавшую странам Латинской Америки заключить в мирное время военный союз под эгидой США. От имени США этот документ подписал Рокфеллер. В апреле в составе американской делегации он прибыл на конференцию в Сан-Франциско, где был утверждён Устав ООН. Там он лоббировал идею региональных договоров (типа Чапультепекской декларации) в рамках ООН и убедил руководство организации разместить её штаб-квартиру в Нью-Йорке (это произойдёт в 1946 году).

Ещё до завершения конференции, 12 апреля, скончался президент Рузвельт; новым главой государства стал бывший вице-президент Гарри Трумэн, существенно поменявший внешний курс. В августе две американские атомные бомбы разрушили Хиросиму и Нагасаки, хотя капитуляция Японии была лишь вопросом времени.

В конце лета Нельсон, уволенный из Госдепартамента, вернулся в Нью-Йорк. Отношения с Трумэном у него

не сложились настолько, что он чувствовал себя «пари-ей» в вашингтонском истеблишменте. Тем не менее он не пал духом и не опустил рук. Активно занимаясь развитием Рокфеллеровского центра как председатель его правления, он создал попутно две организации: некоммерческую (в 1946 году) — Американскую международную ассоциацию экономического и социального развития и коммерческую (в 1947-м) — Международную корпорацию базовой экономики (ИВЕС), которая вкладывала деньги в развитие Венесуэлы и Бразилии. Не пропадать же былым усилиям! Ассоциация занималась внедрением передовых технологий и управленческих моделей в экономику развивающихся стран, помогала их правительствам бороться с неграмотностью, болезнями и бедностью. Корпорация открывала в этих странах свои компании, которые своей успешной деятельностью должны были поощрять местных инвесторов создавать им конкурентов и таким образом двигать экономику вперёд. Действуя собственным примером, Нельсон учредил образцово-показательные фермы в Венесуэле, Эквадоре и Бразилии. С разрешения управляющих своего трастового фонда Дэвид вложил в ИВЕС целый миллион долларов и не пожалел об этом. Настало время «собирать камни».

Как потратить миллион

Ещё во время войны, в 1943 году, когда мужчины ценились на вес золота, непредсказуемая Бабс вдруг решила развестись с Дэвидом Милтоном. Не сошлись характерами. Дэйв любил копать в земле и предпочитал жить в Покан-тико, а Бабс была горожанка до мозга костей. Но больше всего раздражали его участвовавшие отлучки, порой на несколько недель, — «по делам». Да, когда он дома, он хороший муж и отец (у них были две дочери: пятнадцатилетняя Абигейл и двенадцатилетняя Мэрилин), но ей нужен надёжный человек, который всегда будет рядом. Джон-младший, считавший развод грехом, пытался ему помешать. Эбби, всегда принимавшая сторону детей, в конце концов уломила его; Рокфеллер всё же сообщил Дэвиду Милтону, что его по-прежнему будут считать членом семьи.

После развода Бабс потребовалась помощь невролога. Друг познакомил её с доктором Ирвингом Парди. Он был старше Бабс на 11 лет. Со временем они начали встречаться, а в 1946 году поженились. Парди оказался тем рассу-ди-

тельным, внимательным, надёжным женщиной, о котором она мечтала, но через три года после свадьбы умер от лейкемии.

В это время Джордж де Куэвас решил создать балетную труппу — «Балет интернэшнл», — которая будет выступать в Нью-Йорке, в театре на площади Колумба, когда они с женой его отреставрируют. В Нью-Йорке уже действовали тогда «Театр балета» и «Балет Монте-Карло», но Джордж заявил, что «Балет интернэшнл» пойдёт своим, особенным путём. Маргарет вложила в компанию миллион долларов, причём вся прибыль должна была пойти на развитие проекта. При театре была школа танца, чтобы поддерживать традиции классического балета и развивать новый американский балет. Куэвас сумел привлечь к работе балетмейстера и хореографа Брониславу Нижинскую — сестру знаменитого танцовщика Вацлава Нижинского. Дебют новой труппы состоялся в октябре 1944 года; в программе были одноактный балет «Сильфиды» («Шопениана») в хореографии Михаила Фокина (он умер в Америке в 1942 году) и «Ночь на Лысой горе» из «Картинок с выставки» Мусоргского — новая, смелая постановка Нижинской. Костюмы и декорации создал Борис Аронсон, с которым она работала в Киеве и Париже.

Публика начала аплодировать ещё до поднятия занавеса: зал на 1300 мест полностью переделали для создания камерной атмосферы роскоши; люстра сияла двадцатью семью тысячами хрустальных подвесок. В то время как другие балетные труппы делали ставку на известных европейских звёзд, Куэвас намеревался выращивать их из молодых талантов. В вечер премьеры танцоры, которым, по замечанию рецензента из «Таймс», «ещё предстояло найти свой стиль», показали хорошую школу; оркестр играл слаженно и с чувством. После успеха в Нью-Йорке труппа отправилась в турне по США и Мексике. Но в 1947 году её объединили с «Балетом Монте-Карло» под названием «Большой балет маркиза де Куэваса» и перевели во Францию. Теперь с ней работали Джордж Баланчин и Леонид Мясин; она гастролировала по всему миру, удивляя новыми постановками: «Вакханалией» на музыку Вагнера по либретто Сальвадора Дали, который и оформил этот балет, «Болеро» Равеля...

Собственную жизнь Джордж тоже превратил в спектакль. В прихожей парижской квартиры Куэвасов всегда находились люди, дожидаясь аудиенции; маркиз часто при-

нимал посетителей, лёжа на кровати в чёрном бархатном халате в окружении девяти-десяти пекинесов. Он скупал у русских иммигрантов меха и драгоценности, а потом дарил их гостям: на вечеринках у Куэвасов бывали египетская королева Назли, оперная примадонна Мария Каллас, сюрреалист Сальвадор Дали... Маргарет всегда одевалась в чёрное, заказывая «придворному» портному платья одного и того же фасона. Отправляясь из США в Европу, она бронировала себе билеты на шесть рейсов, а потом не могла решить, в какой день ей ехать. Для путешествия из Палм-Бич в Нью-Йорк она резервировала места в каждом поезде на всю неделю — и могла вообще не поехать. Однажды, не сумев раздобыть в последний момент билет на поезд Париж—Биарриц, она запихала дочь, служанку, десять пекинесов и багаж в парижское такси и велела шофёру ехать в Биарриц, через всю страну. Путешествие заняло три дня. Своим детям Маргарет уделяла не слишком много внимания. На первый выход в свет Бесси в отеле «Плаза» в Нью-Йорке, куда съехались все Рокфеллеры, она явилась так поздно, что практически всё пропустила.

Её кузина Матильда Маккормик-Озер была более заботливой матерью, но в 1947-м, в неполных 42 года, умерла после операции по удалению раковой опухоли...

В то время как Куэвасы жили по-королевски, Рокфеллеры, как выразился Дэвид, «сводили концы с концами». Трастовый фонд, учреждённый для него отцом, в 1946 году приносил доход более миллиона долларов, но это без вычета налогов. А ставка налога на доходы свыше миллиона за время войны повысилась почти до 90 процентов. Потратив 153 тысячи из своего миллиона на благотворительность, Дэвид должен был уплатить ещё 758 тысяч налога, так что в его распоряжении оставалось менее 150 тысяч. На эти «скромные» деньги надо было обставить три дома, причём не как попало: младший Рокфеллер и его жена ориентировались прежде всего на качество, им нужны были лучшие антикварная мебель, фарфор, столовое серебро... Дэвиду, ездившему на работу на метро, очень повезло, что его жена Пегги была приучена к экономии и не боялась торговаться. Кроме того, она получила лицензию на работу декоратором, что позволяло ей покупать мебель со скидкой в 30 процентов. Когда они только поженились, она сама подобрала по аукционам обстановку для дома всего за пять тысяч долларов!.. В 1946 году за 5150 долларов можно было купить дом — для средних американцев, получавших

40 центов в час (2600 долларов в год) и плативших за аренду жилья 35 долларов в месяц.

В октябре 1947 года газеты сообщили о разводе хорошей блондинки Барбары Сирс с мужем-дипломатом, а также о том, что «Бобо» снова выходит замуж — за Уинтропа Рокфеллера. Прочитав эту новость, отец «жениха» пришёл в ужас. Настоящее имя Барбары Сирс, родившейся 6 сентября 1916 года, — Иевуте Паулекайте: её родители эмигрировали из Литвы, отец работал шахтёром в Пенсильвании. На Всемирной выставке в Чикаго в 1933 году она завоевала титул «мисс Литва». Несколько лет спустя девушка отправилась покорять Нью-Йорк: работала манекенщицей, собиралась стать театральной актрисой. Сыграла несколько маленьких ролей под псевдонимом Ева Пауль, потом познакомилась с богатым представителем светского общества Ричардом Сирсом и в 1941 году вышла за него замуж. Муж вскоре отправился на войну, а жена — в Голливуд, сниматься в вестернах. На калифорнийских вечеринках она встретилась с гулякой Уинтропом, у которого, кстати, тогда был роман с актрисой Мэри Мартин. Джону-младшему не хотелось, чтобы его сын женился на разведёнке, и потом, что за имя такое — Бобо? Наверняка какая-нибудь авантюристка, охотница за мужчинами с туго набитыми кошельками! Эбби смотрела на дело иначе: Бобо — умная и чуткая женщина, из неё может получиться хорошая жена, и вообще литовцы — смелые и симпатичные люди.

Эбби любила всех своих детей, но Уинтроп был не похож на братьев, в детстве рос «гадким утёнком» (когда у него обнаружилась болезнь почек, братья пугали его рассказами о кузене Уинтропе, умершем от того же заболевания), а потому особенно нуждался в её нежности. Мать была глубоко убеждена, что принуждением и угрозами от него ничего не добьёшься, сделаешь только хуже, а вот ради чьей-то любви он проявит свои лучшие качества.

В начале февраля 1948 года во время семейного ланча зазвонил телефон; Лоранс, взявший трубку, сообщил родителям страшную новость: самолёт, на котором Уинтроп летел в Калифорнию, рухнул в море. Через несколько часов мучительного ожидания Рокфеллерам позвонил репортёр и успокоил: все пассажиры живы. Избежавший смерти Уинтроп женился на Бобо во Флориде, где время между подачей заявления и регистрацией брака составляло три дня. Свадьба состоялась на исходе третьего дня, в полночь — они не могли больше ждать. Среди гостей были герцог и герцогиня

ня Виндзорские, «князь» Майкл Романофф (профессиональный самозванец Гершель Гергузин, снимавшийся в кино и державший роскошный ресторан в Беверли-Хиллз), Асторы и Вардербилты; фото молодожёнов поместили на обложке журнала «Тайм». Родители жениха на свадьбу не приехали, но Эбби послала родителям невесты письмо с поздравлениями. Истинная причина спешки обнаружилась семь месяцев спустя, когда родился Уинтроп Пол Рокфеллер-младший. Однако Эбби не увидела внука.

Весной они с Джоном вернулись в Покантико. В субботу 3 апреля за обеденным столом собрались их шестеро детей со своими спутниками (только Уинтроп был один — беременная Бобо отказалась ехать из-за нездоровья) и 18 внуков. Стояла хорошая погода, в саду зацветали деревья. Атмосфера была непринуждённая; всем было о чём рассказать. Джон III занимался делами Фонда братьев Рокфеллеров; Нельсон стал президентом Рокфеллеровского фонда (Рэймонд Фосдик только что ушёл на покой); Лоранс, полюбивший самолёты и научившийся на них летать, участвовал в разработке ракеты «Викинг» на основе немецкой Фау-2 (запуск первой из двенадцати ракет состоится 3 мая 1949 года); Уинтроп вернулся на работу в «Сокони вакуум ойл»; Дэвид, которого приводили в отчаяние трудности с привлечением клиентов для лондонского и парижского отделений банка «Чейз», перевёлся в его латиноамериканскую секцию и только что совершил вместе с Пегги деловую поездку по отделениям банка в Пуэрто-Рико, Панаме и на Кубе, побывал также в Венесуэле и Мексике, после чего составил для дяди Уинтропа меморандум со своими предложениями по активизации деятельности «Чейз» в регионе. Вот ведь как интересно получается: у одних родителей шестеро таких разных детей! Видно, генами и воспитанием всего не объяснить...

Утром в воскресенье Эбби поехала обратно в Нью-Йорк в машине Дэвида; его годовалая дочка Пегги сидела у неё на коленях. Заехали навестить Бобо. Вечером Эбби позвонила своей сестре Люси и рассказала, как замечательно провела выходные. На следующее утро, когда она проснулась, её стошнило. Вызвали врача. 73-летняя миссис Рокфеллер тихо скончалась, пока врач излагал её мужу диагноз: «устало сердце».

Джон-младший был в шоке; он даже не представлял себе, что Эбби уйдёт раньше него. «Уберите эту боль», — потребовал он, и тело покойной жены немедленно отвез-

ли в морг, где кремировали в тот же день. Они были вместе 47 лет! Как жить дальше? Только по настоянию детей он согласился в мае отслужить панихиду. В конце июня прах перевезли в Покантико, где было заранее подготовлено место захоронения — для них обоих. Сюда супруги приходили помедитировать и поговорить по душам. «Мы не проливали слёз, поскольку все мы чувствовали, что дорогая жена, мать и бабушка, невидимая, присутствовала среди собравшихся, и мы говорили о ней просто, естественно, как будто она была среди нас», — записал Джон в дневнике. В память об Эбби он передал Музею современного искусства акции на четыре миллиона долларов и построил здание в «Колониальном Уильямсберге» для её коллекции американского народного искусства, хотя эта коллекция относилась к XIX веку и её сначала не хотели принимать. Анри Матиссу заказали витраж для розы юнионистской церкви в Покантико-Хиллс — небольшого приземистого здания из природного камня, с деревянной крышей. Художник был прикован к постели; в последние годы он делал в основном аппликации, которые потом переносили на стекло. Ему предложили создать что-нибудь в этом роде; результат получился ярким и элегантным, как сама Эбби. Витраж по эскизу Матисса изготовят за несколько дней до смерти автора в начале ноября 1954 года.

Овдовевший Джон-младший продал сыновьям акции Рокфеллеровского центра, оценённые в 2 миллиона 200 тысяч долларов. Перед этим пришлось решить ряд сложных проблем. Требовалось согласие, во-первых, Колумбийского университета, которому принадлежала земля; во-вторых — страховой компании «Метрополитен лайф», основного кредитора. Университет дал добро, только получив обещание, что акции не будут проданы никому вне семьи, а дивиденды по ним не начнут выплачивать до полного расчёта по долгам, составлявшим в общей сложности 80 миллионов: 20 миллионов — «Метлайф», а остальное — отцу. Первый долг будет погашен в 1950 году, а вот по поводу второго, признаётся Дэвид, в семье возникнет немало трений...

В 1948 году девятнадцатилетняя Бесси де Куэвас, вместо того чтобы поступить в Вассар-колледж, вышла замуж в Париже за молодого инженера Юбера Фора, с которым познакомилась два года назад. Родители были против: отец хотел видеть дочь женой испанского гранда. На свадьбе были только два свидетеля и никого из родственников. Теперь уже Джон-младший выступил в роли доброго дедуш-

ки, уговорив Куэвасов не противиться счастью своего дитяти. Он послал молодожёнам тысячу долларов и помог мужу Бесси найти работу в Америке. Кстати, на вопрос о своей национальности Бесси однажды ответила, что она экспат в третьем поколении. А когда её младший брат Джон работал на Уолл-стрит, один коллега спросил, не родственник ли он сумасшедшей маркизе. «Да, — ответил он, — она моя дальняя мать».

Семейная жизнь Уинтропа не задалась. Уже в 1950 году они с Барбарой расстались, но процедура развода растянулась на четыре года. В итоге Бобо получила больше пяти миллионов долларов; маленький Уин остался с матерью. Барбара переехала в Нью-Йорк и периодически наезжала в Париж — развлекать богатых и знаменитых.

Джон-младший коротал время в обществе своих невесток Бланшетт и Тод. Его жизнь в Покантико скрашивали соседи — молодая чета Робин и Маргарет Мёрфи. Родители Робина были соседями Рокфеллеров по Сил-Харбору, поэтому подружились и дети. Став врачом, Робин в 1948 году женился на Маргарет, которую все звали Хеппи. Пара была дружна с Дэвидом и Пегги; мужа вместе участвовали в гонках, организованных местным яхт-клубом, они вчетвером ходили под парусом вдоль побережья штата Мэн на яхте «Джек Тар». Дэвид помог Робину устроиться в Институт медицинских исследований*, где он стал заниматься биомедициной; Мёрфи переехали жить в особняк на 65-й улице, по соседству с друзьями, а Нельсон присоединился к Дэвиду, когда тот просил отца продать им участок земли в Покантико под загородный дом. До этого в Покантико жили только

* В 1950 году Дэвид стал председателем правления института (Джон III, один из попечителей, отказался от этого поста, предпочитая заниматься Уильямсбергом и Рокфеллеровским фондом). Директором был нейробиолог Герберт Гассер, лауреат Нобелевской премии, который собирался через несколько лет уйти на пенсию. Тогда же встал вопрос о закрытии института, поскольку он выполнил свою задачу; но для Дэвида это было неприемлемо. Институт, который Нильс Бор называл «республикой науки», необходимо было реформировать, чтобы он мог выжить в условиях конкуренции. Программа преобразований была принята под руководством Детлева Бронка — президента Университета Джона Хопкинса и президента Национальной академии наук. Из научно-исследовательского института решили сделать университет с аспирантурой, имеющий право присуждать докторские степени по философии и медицине. Штат Нью-Йорк выдал ему новые учредительные документы в 1954 году, а с 1965-го университет будет официально называться Рокфеллеровским.

Рокфеллеры, но Нельсон, унаследовавший от матери способность убеждать, преодолел сомнения отца.

А отец в 77 лет решил снова жениться — на Марте Бэрд-Аллен, на 20 лет его моложе, вдове его однокурсника и друга. Талантливая музыкантша, в молодости Марта играла в Лондонском симфоническом оркестре, но бросила карьеру ради мужа. «Хотя я уже в течение какого-то времени знал, что отец встречается с Мартой, когда он спросил меня, что я об этом думаю, я не ответил ему: “Я думаю, что это будет замечательно”, — вспоминает Дэвид. — Я знал, что мать не была высокого мнения о Марте, и сказал об этом отцу, выразив сомнения относительно идеи его повторной женитьбы». Впоследствии он признавал, что это был опрометчивый поступок: отец, которому было очень одиноко, «рассчитывал на моё одобрение уже принятого им решения, а отнюдь не интересовался моим мнением. Я поставил память о матери впереди счастья отца». Явного разрыва не произошло — «внешне наши отношения оставались такими же, как и раньше: эмоционально приглушёнными, совершенно естественными и корректными». Чтобы подсластить детям пилюлю, Джон-младший учредил новую серию трастовых фондов на общую сумму свыше 61 миллиона долларов — для Марты и каждого из сыновей, чтобы те могли сделать бенефициарами своих детей. Но с этого момента отношения с отцом становились всё более отчуждёнными, и Марта этому способствовала.

День Рокфеллера-отца строился по неизменному порядку: он вставал в семь утра, в восемь наскоро завтракал, ехал из Кайката в Нью-Йорк — в свой офис в Рокфеллеровском центре, до полудня работал, обедал, после обеда спал, снова работал, потом ехал кататься или развлекаться другим способом. По воскресеньям, после молитвы, он ждал к ужину столько детей и внуков, сколько могли приехать. Весной и осенью они с Мартой на несколько недель уезжали в Уильямсберг. Лето проводили в Сил-Харборе, зиму — в Тусоне, штат Аризона. Джон всё-таки больше походил на свою благочестивую мать, чем на склонного к экстравагантности отца: в 1952 году он купил для внуков 22 экземпляра Библии и с воодушевлением распаковывал ящик с книгами.

Его здоровье, никогда не отличавшееся крепостью, начало ухудшаться. Нельсон предложил отцу простить сыновьям долги Рокфеллеровского центра: лучше потратить эти деньги на модернизацию (например, установку конди-

ционеров) и строительство новых зданий. Но в этом случае Джон-младший должен был бы уплатить 26 миллионов долларов в виде налога на дарение. Тогда ему предложили передать долговые обязательства в Фонд братьев Рокфеллеров, который нуждался в постоянном капитале. Нельсон даже пригрозил подать в отставку с поста президента Рокфеллеровского центра, если отец этого не сделает. Тот подчинился, и теперь братья, по сути, выплачивали долг в 57,7 миллиона (на это уйдёт 17 лет) собственному фонду, позволяя ему накапливать капитал, и при этом стали единственными владельцами Рокфеллеровского центра, который из убыточного предприятия (потери Рокфеллера-младшего составили 110 миллионов) превращался в весьма доходное, с прибылью в пять миллионов в год.

В ноябре 1952 года состоялись очередные президентские выборы, в которых демократы наконец-то уступили республиканцам. В минус Трумэну зачли начавшуюся в 1950 году войну в Корее и неудачи в холодной войне: республиканцы утверждали, что в правительство США внедрились советские шпионы. Демократы же ставили в вину кандидату противников, генералу Дуайту Эйзенхауэру, потворство сенатору Джо Маккарти, начавшему «охоту на ведьм». Пытаясь отмежеваться от непопулярной политики Трумэна, демократический кандидат Эдлай Стивенсон строил свою кампанию на приверженности «Новому курсу», пугая избирателей, что при республиканском президенте неминуемо разразится новая Великая депрессия. Но слава победителя в недавней мировой войне обеспечила Эйзенхауэру безусловную победу. К тому же он съездил в Корею, чтобы разобраться на месте, что можно сделать для прекращения войны*.

Средства для предвыборной кампании Эйзенхауэра помогал собирать Уинтроп Олдрич, которого тот, став президентом, назначил послом в Лондон. Занимать этот пост мог только очень богатый человек.

Нельсона Рокфеллера, вернувшегося в политику ещё при Трумэне, новый президент назначил главой Консультативного комитета по организации правительства, задачей которого было сформулировать рекомендации для повышения эффективности исполнительной власти. Нельсон

* После смерти И. В. Сталина 5 марта 1953 года СССР прекратит военную помощь Северной Корее, а Китай согласится на репатриацию пленных. Договор о создании демилитаризованной зоны будет подписан 27 июля того же года.

предложил 13 планов реорганизации (в частности, департаментов обороны и сельского хозяйства); все они были проведены в жизнь, благодаря чему был создан Департамент здравоохранения, образования и благосостояния, в котором Рокфеллер в 1953 году стал «человеком номер два». Его усилиями программу соцобеспечения распространили ещё на десять миллионов человек.

Уинтроп Рокфеллер, уволившийся в 1951 году из «Сокони», в 1953-м переехал жить в Арканзас, где было легче развестись; и потом, ритм жизни в провинции подходил ему больше. Он купил себе участок в 927 акров на вершине холма Пти-Жан, в 60 милях к западу от Литл-Рока, и основал там инвестиционную компанию «Уинрок энтерпрайзис» и сельскохозяйственную «Уинрок фармз», разводившую коров мясной породы Санта-Гертруда; эта фирма очень быстро приобрела международную репутацию. По семейной традиции он занимался благотворительностью: организовал Художественный центр в Литл-Роке, финансировал строительство медицинских учреждений в самых бедных округах штата, делал пожертвования колледжам и университетам.

Бабс в том же году в третий раз вышла замуж — за Жана Мозе, старшего вице-президента «Ю. С. траст компани». Теперь она стала проявлять интерес к благотворительной деятельности своих братьев, вошла в правление Рокфеллеровского фонда и Фонда братьев Рокфеллеров и поддерживала материально медицинские центры, борющиеся с раком.

Дэвид ещё дважды стал отцом: в 1949-м появился на свет Ричард, а в 1952-м — Айлин (троих рождённых после войны детей они с Пегги называли «серией Б»). Детей воспитывали в лучших семейных традициях: Дэвид-младший узнал, что они богаты, только когда пошёл в школу, — от одноклассников. Вернее, услышал, но не поверил. Да, его детство протекало между особняком на Манхэттене и загородным домом в Уэстчестере, забитыми картинами и антиквариатом; он ходил в престижную частную школу, но деньги, которые ему выдавали на карманные расходы (расходы эти, включая обязательные пожертвования в церкви, надо было — да-да! — записывать в книжечку), не шли ни в какое сравнение с суммами, находившимися в распоряжении его ровесников. «Как и многие другие мальчики, я покупал себе бейсбольные карточки, жвачку и тому подобные вещи, — рассказывал много лет спустя Дэвид-младший в

интервью телеканалу Си-эн-би-си. — У меня были одноклассники, чьи семьи, возможно, не были настолько же богаты, но тратили они куда больше. Помню наше ошеломление (мне было тогда лет двенадцать), когда один знакомый повёл девушку ужинать в ресторан и потратил 50 долларов. Мы думали: бог ты мой!»

Как раз в это время его отец пытался внедрить в банке «Чейз» новые методы управления, воюя с косностью старшего поколения, предпочитавшего ничего не менять и действовать по старинке (даже дядя Уинтроп, которому он пытался доказать, что банку необходимо иметь бюджет и бизнес-план, сказал: раньше этого не было — не нужно и теперь). В 1950 году Дэвида повысили до вице-президента банка по операциям в Латинской Америке, и он отправился в полуторамесячную инспекционную поездку по региону, проводя долгие часы в четырёхмоторных самолётах, проносившихся над бескрайними тропическими лесами, и кашляя от густого сигарного дыма, которым окутывал себя его компаньон и наставник Отто Крейцер. По собственному признанию Дэвида, эта поездка стала рубежом в его жизни: он понял, что банковская деятельность может быть творческим занятием.

Экономика стран Южной Америки строилась на экспорте сырья: из Перу вывозили хлопок, сахар и медь, из Чили — медь и нитраты, из Аргентины — пшеницу и говядину, из Венесуэлы — нефтепродукты, из Бразилии и Колумбии — кофе. Экспортёры получали краткосрочные займы в отделениях «Чейз». Таким образом, финансовые поступления банка зависели от цен на сырьё, а попытки местных правительств соскочить с сырьевой иглы ставили его деятельность под угрозу. Нужна была диверсификация банковских услуг. К тому же в регионе существовала конкуренция: в 1952 году троюродный брат Дэвида Джеймс Стилман Рокфеллер стал президентом «Банк оф Нью-Йорк» (с 1968 года — «Ситибанк»), тоже пробиравшегося на южноамериканский рынок.

Кстати, Нельсон в том же году заказал для отделения «Банк оф Нью-Йорк» в Боготе картину колумбийскому художнику Сантьяго Мартинесу Дельгадо. Это было полотно во всю стену — 8 × 4 метра, самая большая картина маслом в Южной Америке. Работая над заказом, художник умер от сердечного приступа; холст всё равно вывесили в банке, и Нельсон, представляя картину публике, назвал её автора «величайшим латиноамериканским художником десяти-

летия». (Впоследствии здание банка передали Министерству внутренних дел, а картину подарили правительству Колумбии.)

Всё решают связи. Президентом Центрального банка Перу был старый друг Дэвида Рокфеллера Педро Белтран. По его просьбе Дэвид убедил «Чейз» предоставить Перу, вместе с Департаментом финансов США и Международным валютным фондом, кредит в 30 миллионов долларов без залога, под обещание провести программу бюджетно-налоговых реформ, предложенную МВФ. В Панаме «Чейз» собирал плату за прохождение судов через Панамский канал и финансировал местных экспортёров сахара и бананов. По инициативе Рокфеллера банк в 1951 году открыл отделение в городке с названием Давид (!) в отдалённой провинции Чирики, чтобы предоставлять ссуды скотоводам под залог скота. Вице-президент лично клеймил коров логотипом «Чейза», который приобрёл репутацию банка, заботящегося о простом народе Панама. В сентябре 1952-го Дэвида сделали старшим вице-президентом банка и поручили ему нью-йоркские отделения и связи с клиентами.

Президентом же вместо дяди Уинтропа стал Джон Дж. Макклой — тоже юрист по образованию, партнёр в престижной фирме «Милбанк, Твид, Хоуп, Хэдли и Макклой», среди клиентов которой были «Чейз» и Рокфеллеры. На последних «Джек» имел зуб ещё с юности. Он родился в бедной семье, рано потерял отца, но благодаря выдающимся способностям и упорному труду смог окончить колледж и юрфак Гарвардского университета, зарабатывая деньги на учёбу частными уроками. Летом 1912 года он приехал в штат Мэн, рассчитывая найти место домашнего учителя на острове Маунт-Дезерт. Прошёл пешком четверть мили до Эйри, постучал в дверь, объяснил дворецкому цель своего прихода и получил отказ. Эту историю Дэвиду Рокфеллеру (который в 1912 году ещё не родился) придётся выслушать раз сто; он искренне не понимал, что тут не так: его отец всегда нанимал учителя для детей заранее, и ничего удивительного, что случайный визитёр, не предупредивший о своём приходе, не получил места, которое уже было занято. В своё время его дед тоже обходил богатых людей в поисках работы, но он вовсе не считал, что они обязаны ему помочь. Чтобы извлекать выгоду из предприятия, надо в него что-нибудь вложить — труд, упорство, знания, умение просчитать ситуацию наперёд... Позже выяснилось, что Нельсон не слишком дипломатично сказал Макклою, что

президентом «Чейз» тот стал благодаря влиянию Рокфеллеров, так что его задача — гарантировать передачу этого поста Дэвиду. Нельсон «мог говорить достаточно властно и, несомненно, думал, что таким образом оказывает мне услугу», размышлял потом Дэвид. Но услуга оказалась медвежьей: на протяжении многих лет его отношения с Макклоем были натянутыми.

Банковским сектором круг знакомств Дэвида не ограничивался. Он дружил с новым директором ЦРУ Алленом Даллесом и его братом Джоном Фостером Даллесом, ставшим при Эйзенхауре госсекретарём: с первым они вместе учились в колледже, а второй 26 июня 1912 года женился на Джанет Померой Эвери, двоюродной сестре Дэвида. Через Аллена и других агентов ЦРУ он узнавал о готовящихся операциях, которые могли повлиять на его деловые интересы. Благосостояние Рокфеллеров по-прежнему строилось на нефти, и войны за «чёрное золото», переместившиеся на Ближний Восток, не могли оставлять их равнодушными.

Национальный фронт Ирана, возглавляемый доктором юридических наук Мохаммедом Мосаддыком, активно отстаивал права страны на добываемую в ней нефть и доходы от неё, в то время как с 1919 года этим ресурсом распоряжалась Англо-Иранская нефтяная компания (АИНК), получившая выгодную концессию и не платившая подоходный налог и таможенные пошлины. В результате Ирану не хватало нефти даже для внутреннего потребления, и он был вынужден импортировать её из СССР. С конца 1950 года в Иране проходили митинги и манифестации с требованием национализации нефтяной промышленности. Соседняя Саудовская Аравия, сотрудничавшая со «Стандард ойл Калифорния», добилась равного распределения прибыли от добычи нефти, но АИНК отказалась пойти на переговоры. Когда премьер-министр Ирана Хадж Али Размара, державший сторону британцев, публично объявил, что национализации не будет, боевик из организации «Федайны ислама» убил его у входа в мечеть 7 марта 1951 года. Через неделю меджлис принял решение национализировать нефтяную отрасль. 28 апреля новым премьер-министром стал Мосаддык.

Переговоры ни к чему не привели, и британцы установили экономическую блокаду Ирана, запретив своим специалистам там работать. В стране наступил кризис, уровень добычи нефти упал в 30 раз. 22 октября 1952 года Иран разорвал дипломатические отношения с Великобританией.

СССР, заблокировавший британскую резолюцию в Совете Безопасности ООН, ничем не мог помочь Ирану, поскольку не имел мощного флота нефтеналивных танкеров. Мосаддык отправился в США и встретился с Трумэнном, рассчитывая на его поддержку: он был готов продать крупнейший нефтеперерабатывающий завод какой угодно компании, лишь бы не британской. Но после того как в Белом доме сменился хозяин, США во избежание распространения «красной заразы» взяли курс на переворот в Иране. Госсекретарь Джон Фостер Даллес, деятельно строивший НАТО, попросил брата составить совместно с МИ-6 план свержения Мосаддыка и возвращения к власти шаха Мохаммеда Резу Пехлеви. Подготовкой к перевороту руководил внук Теодора Рузвельта, Кермит Рузвельт-младший (Дэвид Рокфеллер был знаком с его кузеном). Операция «Аякс» началась в августе 1953 года.

Для начала против Мосаддыка повели мощную очернительскую кампанию, обвинив его в коррупции, выставив противником монархии и ислама и сторонником коммунистов. Но премьер, узнав, что шах хочет сместить его, перехватил инициативу: по радио объявили о попытке переворота, люди вышли на улицы, требуя свержения шаха и провозглашения республики. Однако Мосаддык, возомнив, что способен контролировать ситуацию, решил отмежеваться от коммунистов; этим воспользовались американцы и британцы, применив принцип «разделяй и властвуй». После проплаченных погромов и кровавых столкновений в Тегеране, вызванных провокаторами, Мосаддык, из страха перед гражданской войной отказавшийся использовать войска, был свергнут верными шаху войсками генерала Захеда.

Одновременно с иранскими трагическими событиями во Франции проходила всеобщая забастовка государственного сектора, вызванная планами правительства увеличить пенсионный возраст и заморозить зарплаты. Поезда не ходили, самолёты не летали, почта не работала, мусор не убирали. Тем не менее богатые кочевники съезжались в Биарриц, где Джордж де Куэвас устраивал грандиозный бал-маскарад. На то, чтобы превратить местный кантри-клуб в замок, ушло десять месяцев; в последний момент на лужайку привезли овец и коров, позаимствованных в близлежащем монастыре.

«Люди начали говорить об этом событии за несколько месяцев, — вспоминала Джозефина Хартфорд Брайс, передавшая свой костюм с того бала в Метрополитен-музей. —

Все мечтали там побывать. Костюмы были фантастические, и большую часть вечера люди просто глазели друг на друга». Под звуки пяти оркестров две тысячи гостей в костюмах XVIII века представляли «живые картины». Светская львица Эльза Максвелл приехала на осле, нарядившись Санчо Пансой. Герцогиня Арджилл явилась в костюме ангела. Энн Вудворд ударила по лицу женщину, слишком часто танцевавшую с её мужем Уильямом (два года спустя она застрелит мужа, намеревавшегося развестись с ней, а полиции скажет, что приняла его за взломщика). Балерина Зизи Жанмари разъезжала на верблюде практически обнажённая; на леди Эшли, бывшей жене актёра Кларка Гейбла, из одежды были только цветы. Тридцатилетний Пётр II, последний король Югославии, танцевал вальс с 42-летней актрисой Мерл Оберон в бриллиантовой тиаре. Юморист Арт Бухвальд нарядился индейцем с татуировкой «US Go Home*». А в центре восседал маркиз Джордж де Куэвас в виде Короля природы — в шитом золотом костюме и шляпе со страусовыми перьями и гроздьями винограда. Его окружали четыре Времени года: граф Шарль де Ганэ, княгиня Марелла Караччоло ди Кастаньето (позже она выйдет замуж за главного акционера «Фиата» Джанни Аньелли) и дочь Бесси с мужем Юбером Фором. Маргарет, как всегда, поступила оригинально. У неё давно был готов костюм от кутюрье Пьера Бальмена — тот лично приехал к ней домой для примерки; но на балу она не появилась, костюм велела надеть своей горничной — прямо как во французском водевиле, а за прибытием гостей наблюдала из укрытия.

Американские периодические издания развлекали читателей отчётами о празднестве, в то время как французские журналисты мрачно взирали на «пир во время чумы», а Ватикан осудил эту ярмарку тщеславия и разврата. Забастовка же закончилась победой профсоюзов: декреты остались на бумаге.

Конец и вновь начало

Прентисы готовились к смерти: Пармали однажды упал и сломал шейку бедра, к тому же он очень плохо видел. Они прислали Джону чёткие инструкции на случай своей кончины: кого позвать на похороны (список телефонов при-

* США, отправляйтесь домой (англ.).

лагался), в какую похоронную компанию обратиться. Никаких объявлений в газетах, скромная церемония в узком кругу; тела непременно кремировать, урны с прахом перевезти в Вермонт, где для них подготовлено место. Заупокойную службу пусть проведёт преподобный Джон Стронг, но не в священническом облачении и без музыки и стихов. И никаких молитв об умерших — только благословение живым.

После смерти Эбби Джон-младший сблизился с зятем, который теперь вновь жил в Нью-Йорке, на Западной 53-й улице: он посылал Пармали статьи на интересующие того темы, например о потенциале океана для производства органической продукции. Пармали одобрял взгляды Джона на контроль рождаемости. Только если для Джона увеличение населения Земли было сопряжено с сокращением её ресурсов и угрозой голода, то Пармали считал, что чем больше людей, тем меньше свободы*. И ещё оба были едины во мнении, что Альта — чудесный человек: щедрая, добрая, бескорыстная. «Когда я отказался от французского ордена Почётного легиона, я сделал это, в точности сообразуясь со взглядами Альты, — писал Пармали. — Орденская лента или громкое имя для неё ничто».

Пармали умер 17 декабря 1955-го, в 92 года, заслужив посмертное признание за усилия по устранению опасности всемирного голода. (В 1944 году вышла его книга «Еда, война и будущее», посвящённая вопросам сельского хозяйства.) Его состояние оценили в 200 тысяч долларов. Альту осаждали просьбами продать его знаменитый автомобиль «мармон V16» с кузовом «фаэтон», но она всем отказала.

В третьем поколении Рокфеллеров скромнее всех держался Лоранс, зачастую превращаясь в тень своего брата Нельсона. Зато тот не скрывал своих амбиций. В 1954 году его назначили специальным помощником президента по иностранным делам — вернее, по психологической войне: нужно было создавать программы для различных департаментов по противодействию СССР на международной арене. В этом качестве Нельсон представлял президента в Со-

* При этом Прентис, у которого было трое детей, посвятил большую часть жизни борьбе с угрозой голода, а его сын Джон занимался вопросами искусственного осеменения домашнего скота. Младший сын Рокфеллера Дэвид, имея, как и отец, шестерых детей, с большим уважением отзывался о программах планирования семьи и ограничения рождаемости, которые финансировал его старший брат Джон III — отец четверых детей.

вете национальной безопасности, в который входили также заместитель госсекретаря, заместитель министра обороны и директор ЦРУ. Рокфеллер слишком широко толковал свои полномочия, и его инициативы часто блокировались госсекретарём Джоном Фостером Даллесом и его заместителем Гербертом Гувером-младшим, а также министром финансов Джорджем Хамфри, но уже по соображениям материального порядка. Так, в марте 1955 года Нельсон предложил создать группу планирования и координации, которую намеревался возглавить, для надзора над операциями ЦРУ и прочими действиями против коммунистов; однако братья Даллесы отказались в ней участвовать. В июне Рокфеллер провёл недельное совещание экспертов в разных областях по оценке психологических аспектов холодной войны, чтобы перехватить инициативу у СССР на грядущем саммите в Женеве. Тогда-то и было предложено, чтобы США и СССР обменивались чертежами военных объектов и проводили взаимное воздушное наблюдение — это была альтернатива советскому предложению о всеобщем разоружении.

В том же году «Чейз нэшнл банк» слился с банком «Манхэттен компани» в «Чейз Манхэттен банк». Поначалу предполагалось, что первый, более крупный, попросту купит второй; но тут выяснилось, что по уставу «Манхэттен компани», составленному ещё его основателем Аароном Бёрром (1756—1836), для этого требовалось согласие всех акционеров. Тогда сделку оформили как приобретение «Манхэттеном» «Чейза» (на это единодушного согласия не требовалось). Председателем правления новой структуры стал Джон Макклой.

В декабре Нельсон ушёл с поста специального представителя президента и тотчас создал на средства Фонда братьев Рокфеллеров Проект специальных исследований под руководством 32-летнего Генри Киссинджера, только что получившего в Гарварде степень доктора философии. Лоранс и Джон III тоже участвовали в проекте, объединявшем семь направлений: «Международные задачи и стратегии», «Задачи международной безопасности», «Экономико-социальные международные задачи», «Экономическая и социальная политика США», «Человеческие ресурсы в США», «Демократические процессы в США» и «Нравственная основа национальных устремлений». Дэвид Рокфеллер тоже был знаком с Киссинджером: они вместе состояли в исследовательской группе по ядерному оружию. На повестке дня

стояло соперничество с СССР в военной и научной сферах. Через два месяца после запуска первого искусственного спутника Земли (17 октября 1957 года) Проект специальных исследований представил свои рекомендации, и Дуайт Эйзенхауэр включил их в ежегодное обращение к конгрессу «О положении страны» в январе 1958-го.

В это время Уинтроп Рокфеллер возглавил Комиссию по промышленному развитию Арканзаса. За восемь лет его деятельности в штате появятся 600 новых предприятий и будет создано 100 тысяч рабочих мест. К тому же он снова женился (11 июня 1956 года) — на 38-летней Жанетт Идрис, дочери промышленника-миллионера из Сиэтла. Юность она провела не менее бурно, чем сам Уинтроп, три раза сходила замуж (у неё были сын Брюс и дочь Энн Бартли), но с годами остепенилась и превратилась в достойную подругу. Они вместе занимались культурными и благотворительными проектами в Арканзасе на средства специально созданного «Уинрок Фонда»: Центр искусств в Литл-Роке, Медицинский центр, Технологический институт... Уинтроп был попечителем нескольких учебных заведений, включая Университет Вандербильта, он учредил стипендии для студентов нескольких вузов. В качестве признания его заслуг ряд университетов, в том числе Колледж Вильгельма и Марии в Виргинии, присудил ему почётные учёные звания.

Джон III, с конца 1952 года руководивший Рокфеллеровским фондом и довольно часто конфликтовавший с отцом по поводу выбора приоритетов, направлял огромные средства на поддержание научных исследований в социально важных областях. В частности, фонд помог Мексике осуществить «зелёную революцию»: агроном Норман Эрнест Борлоуг провёл там 12 лет (с 1944 года), выводя новые высокоурожайные сорта пшеницы, и в итоге страна из импортёра зерна превратилась в экспортёра. Кроме того, у Джона III появился собственный проект — Линкольн-центр, состоявший из филармонии, театра и нового здания Метрополитен-оперы, в который он вложил около 95 миллионов долларов, причём не только из Фонда братьев Рокфеллеров, но и из собственных средств. Когда 18 марта 1959 года умерла 56-летняя Мюриел Маккормик, после неё осталось девять миллионов долларов — в том самом трастовом фонде, который Джон Д. Рокфеллер создал для её матери Эдит. Главным управляющим фонда теперь был Джон III, который хотел вложить его деньги в Линкольн-центр. Однако Мюриел имела несколько приёмных детей

(двоих усыновила в 1943 году, двух близнецов — в 1954-м, потом ещё девятимесячную девочку и взрослого мужчину*), которые считались её наследниками. Их представители подали в суд на Джона и на фонд; пока тянулась тяжба, фонд увеличился ещё на четыре миллиона. В конце концов суд решил поделить эти деньги между детьми и Линкольн-центром. Так в каком-то смысле сбылась мечта Мюриел создать свой театр.

«Семейный адвокат как-то сказал, что два самых дорогостоящих действия, которые может предпринять кто-то из Рокфеллеров, — это пытаться занять выборную должность и развестись», — пишет Дэвид. В 1958 году Нельсон стал губернатором штата Нью-Йорк, с прицелом на президентский пост. (Мартин Ван Бюрен, Гровер Кливленд, Теодор Рузвельт и Франклин Д. Рузвельт переехали в Белый дом из резиденции губернатора Нью-Йорка.) В тот год в целом по стране на местных выборах лидировали демократы, но Нельсону удалось победить действующего губернатора Уильяма Аверелла Гарримана с перевесом более чем в 600 тысяч голосов. Присягу он принёс на Библии своей прабабушки Элизы. Годом позже он попросил братьев помочь ему в проведении публичной кампании, чтобы стать заметнее на национальном уровне; она обошлась в миллион. Щедрее всех был Лоранс, да и давний друг Брук Астор охотно раскошелится. Лоранс, чтобы разгрузить Нельсона, взял на себя управление семейным офисом и Фондом братьев Рокфеллеров. Дэвид, не любивший быть на виду, не одобрял амбиций брата. К тому же у него было полно своих проблем.

Первого января 1959 года Фидель Кастро, которого газета «Нью-Йорк таймс» назвала «демократическим и антикоммунистическим реформатором», произвёл переворот на Кубе, сбросив правительство Фульхенсио Батисты. Незадолго до этого Дэвид вёл переговоры о приобретении доли в крупном кубинском банке, чтобы упрочить позиции «Чейза», открывшего два новых отделения в Гаване, к счастью, окончившиеся неудачей (из-за национальной гордости кубинцев, уточняет Дэвид). К счастью — потому что в 1960-м Кастро национализировал всю американскую собственность на острове, включая отделения «Чейза». В пылу революционных преобразований он проглядел, что у «Чейза» имелись

* Мюриел, владевшей огромной недвижимостью по всей стране, нужны были люди для присмотра за её многочисленными домами.

гособлигации США на 17 миллионов долларов — залоговое обязательство кубинского правительства по невыплаченному кредиту. Этот залог банк быстренько продал, с лихвой покрыв все свои убытки. Когда Кастро узнал об этом, он велел казнить председателя кубинского Центробанка за халатность.

Пока на Кубе занималась заря новой жизни, звезда Джона Рокфеллера-младшего катилась к закату. В 85 лет он перенёс операцию на простате. Отношения в семье к тому времени стали настолько отстранёнными, что дети даже не знали о болезни отца. Он похудел — дряблая кожа да кости. Руки дрожали, трудно было писать. Полюбив одиночество, он с трудом переносил общество родных и друзей. Сидел у окна на солнечной стороне, завернувшись в одеяло. В апреле 1959 года Дэвид, находившийся по делам в Финиксе, заехал в Тусон — и испытал настоящий шок: отец едва мог оторвать голову от подушки. «Однако он узнал меня и явно был тронут тем, что я пришёл. Я взял его руку в свою и сказал, что люблю его и все в семье глубоко обеспокоены его состоянием». Джон попросил заботиться о Марте, когда его не станет.

Через год состояние здоровья Джона-младшего стало критическим. Нельсон и Лоранс срочно вылетели в Аризону, но не успели застать отца в живых: 11 мая он умер. Они привезли его тело в Покантико, забрав по дороге Уинтропа из Литл-Рока. Дэвид и Пегги были в Мадриде, но немедленно вернулись домой. Тело кремировали, прах захоронили рядом с прахом Эбби. Стоял погожий весенний день, воздух был напоён ароматами сирени и цветущего кизила. На похоронах присутствовали 40 членов семьи, включая Джея, сына Джона III, который приехал из Японии, где учился. «Я помню пронзившее меня ощущение: это не просто мой дед умер. Это конец целой эры. Сама история вершилась тут», — вспоминал он впоследствии.

Братья были согласны, что необходимо заказать ещё один витраж для юнионистской церкви — так отец символически соединится с матерью. Но Матисс уже умер. Пегги увидела в Лувре выставку витражей Марка Шагала, предназначенных для медицинского центра «Хадасса» в Иерусалиме. Дэвид тоже пришёл посмотреть и признал: да, это то, что нужно. Уполномоченный семьёй на переговоры, он отправился к Шагалу в Сен-Поль-де-Ванс на Лазурном Берегу. Подробно расспросив Рокфеллеров об их отце, Шагал сделал сюжетной основой для витража притчу о добром самаритянине.

Наследство Джона-младшего оценили в 157 миллионов долларов, которые предстояло поделить по завещанию примерно поровну между Мартой и Фондом братьев Рокфеллеров, чтобы не платить «пошлину на смерть». Была ещё недвижимость, которую братья и Бабс поделили между собой. Жить в Эйри никто не захотел, и дом решили снести. Но прежде все комнаты украсили цветами, зажгли камин в гостиной и столовой, как это делалось в детстве, и знаменитый фотограф Эзра Столлер заснял все интерьеры. Вещи, принадлежавшие матери, разыграли в лотерею: каждый предмет пронумеровали, оценили и включили в каталог; дети вытягивали лоты в присутствии юристов, всё тщательно записывавших и подсчитывавших, чтобы всем досталось поровну. От летнего дома осталась только гранитно-кирпичная терраса, с которой по-прежнему открывается роскошный вид на океан.

Незадолго до смерти Джона-младшего Марта заставила его подписать письмо с обвинением своих детей в неблагодарности и распаде семейных связей. Получив его, Дэвид сначала был ранен в самое сердце, но быстро понял, кто настоящий автор. Он не стал заводить об этом разговор с отцом, щадя его, но Марту не простил. Нельсону, усердно её обхаживавшему, Марта щедрой рукой выделяла средства на политические кампании.

В 1960-м он выставил свою кандидатуру на президентских выборах; но с поезда, идущего в Белый дом, Нельсона сняли уже на стадии республиканских праймериз: партийным кандидатом стал вице-президент Ричард Никсон. Рокфеллер не принял предложение баллотироваться с ним в одном списке в качестве претендента на пост вице-президента, но поддержал его и сосредоточил свои усилия на том, чтобы внедрить в его программу более умеренные положения. Демократы выставили кандидатуру молодого и улыбчивого Джона Кеннеди. Он был на девять лет моложе Нельсона Рокфеллера и на два года — Дэвида, с которым познакомился во время своей учёбы в Лондоне. Роберт Кеннеди, отец Джона, тогда был послом США в Великобритании, и Дэвид бывал на устраиваемых им вечеринках и даже сходил на несколько свиданий с Кэтлин, сестрой Джона. (Она потом вышла замуж за маркиза Хартингтона и погибла вместе с ним в авиакатастрофе вскоре после войны.)

Несмотря на то что избирателей-демократов было на 17 миллионов больше, чем республиканцев, а позиции Республиканской партии ослабил экономический спад 1957—

1958 годов, в августе, согласно опросам, Никсон слегка опережал Кеннеди. И тут во время телевизионной пресс-конференции Эйзенхауэра журналист «Тайм» Чарлз Мор попросил президента привести пример какой-нибудь важной идеи, поданной Никсоном (который говорил о себе как о ценном сотруднике администрации и советнике). Тот ответил: «Дайте мне неделю, я что-нибудь вспомню». Хотя позже эту реплику пытались представить шуткой, она оказалась убийственной для Никсона, а демократы даже обыграли её в телерекламе. Кеннеди сумел обратить себе на пользу своё вероисповедание, заручившись поддержкой католиков — четверти населения США, сведённых, по его словам, до положения граждан второго сорта из страха перед «рукой Ватикана».

Тогда же преподобный Мартин Лютер Кинг-младший был арестован в Джорджии за участие в сидячей забастовке. Никсон попросил Эйзенхауэра простить Кинга, а услышав отказ, больше не предпринимал никаких действий; Кеннеди же осаждал местные власти, требуя свободы для Кинга, поговорил по телефону с его отцом и женой — и получил новых сторонников среди чернокожего населения. Наконец, в тот год кандидаты впервые провели теледебаты (первую из четырёх передач посмотрели 70 миллионов человек). Никсон, недавно вышедший из больницы, бледный, похудевший, измождённый, отказался гримироваться, не слишком удачно оделся да ещё и не смотрел прямо в камеру. Напротив, Кеннеди — загорелый, отдохнувший, уверенный в себе, хорошо подготовился и держал себя непринуждённо. В итоге выборы выиграл он, хотя и с совсем небольшим перевесом, не избежав подозрений в фальсификациях. Он возглавил страну в очень непростой период, когда война с СССР многим казалась неизбежной. Нести на своих плечах огромную ответственность, не принадлежать своей семье и даже самому себе — неужели Нельсон этого хочет?..

Нельсон в самом деле выглядел «белой вороной» среди Рокфеллеров, не любивших находиться в центре внимания. Не зря же Маргарет уже давно не жила с Джорджем де Куэвасом, устав от жизни напоказ. Скрытность порождает домыслы, но и открытость не препятствует сплетням. О Джордже ходили гадкие слухи, его подозревали в мужеложстве. К семидесяти пяти годам он практически растратил здоровье — как и деньги жены. Предчувствуя скорый конец, он решил поставить новый балет — «Спящую кра-

савицу» на музыку Чайковского — в Театре на Елисейских Полях и поручил постановку чилийцу Раймундо де Лоррену, пришедшему в его труппу танцовщиком, но со временем ставшему его правой рукой. «Это мой последний балет, — объявил маркиз. — Я вложил в него всё: деньги, здоровье и страсть». Он настоял на своём появлении на премьере: «Если я умру, то умру за кулисами». Балет был невероятно красив, все билеты расхватили моментально. Когда опустился занавес, маркиза вывезли на сцену в инвалидной коляске, и публика аплодировала ему стоя. 22 февраля 1961 года Джордж де Кузвас скончался на своей вилле в Каннах, завещав её своему секретарю-аргентинцу Орасио Гуэррико, но Маргарет, находившаяся тогда в Нью-Йорке и не приехавшая на похороны, выкупила у него этот дом. А «Спящая красавица» продолжала идти с аншлагом. Когда 16 июня Рудольф Нуреев, гастролировавший в Париже с балетной труппой театра имени Кирова, решил не возвращаться в Москву и попросить политического убежища на Западе, Раймундо де Лоррен устроил ему побег; Нуреев поступил в «Балет маркиза де Кузваса», исполнив партию Голубой птицы в «Спящей красавице».

Нельсон и Тод тоже давно не жили вместе, хотя и обретались под одной крышей. В семье об этом знали, только Дэвид и Пегги оказались настолько наивны, что не замечали творившегося у них под боком. Ведь женщиной, вытеснившей Тод из сердца Нельсона, стала Хеппи Мёрфи, бывшая моложе его на 18 лет. Впрочем, у него и раньше были связи на стороне, и Тод, разумеется, это не нравилось, однако она соглашалась сохранять видимость семейного благополучия ради детей и карьеры мужа. При жизни отца Нельсон не заговаривал о разводе, которого тот, конечно же, не одобрил бы. Между тем ходили упорные слухи, что Малинда Фитлер Мёрфи, родившаяся в 1960 году, — дочь Нельсона Рокфеллера, а не доктора Мёрфи. Жена архитектора Уилли Гаррисона, пользовавшегося доверием Нельсона, утверждает, что среди компаньонов Рокфеллера происхождение Малинды ни для кого не было секретом. Теперь, наконец, положение можно было узаконить: в ноябре 1961 года Нельсон объявил, что разводится. «Я всегда отмечаю это время как начало своего разочарования в Нельсоне: с моих глаз упала пелена, и я перестал видеть его как героя, который не мог совершить никакого неправильного поступка, а стал видеть его как человека, который был готов принести в жертву практически всё, что угодно, во имя своих безмерных

амбиций, — пишет Дэвид в мемуарах. — Хотя я продолжал восхищаться его огромной проницательностью и другими способностями и оставался преданным ему до конца его жизни, я никогда не мог вновь ощутить то безграничное восхищение им, которое было у меня в молодости».

Развод в богатом семействе — всегда дело долгое и трудное, а этот пришлось временно отложить из-за непредвиденных трагических обстоятельств: 23-летний Майкл, сын Нельсона и Тод, пропал в Новой Гвинее.

Окончив Гарвард в 1960 году, Майкл выбрал нетипичную для Рокфеллера карьеру, став этнологом и антропологом*. Тремя годами раньше его отец открыл в доме на Западной 54-й улице Музей примитивного искусства, основу коллекции которого составляли предметы доколумбовой эпохи, созданные ацтеками и майя, приобретённые им во время поездок в Мексику; кроме того, там были произведения искусства аборигенов Африки, Азии и Океании. Майкл, которого Нельсон ввёл в правление музея, увлёкся этим и решил составить собственную коллекцию, отправившись туда, где не ступала нога белого человека. Возможно, тогда-то в нём и заговорил Рокфеллер: сделать то, чего никто ещё не делал. Он уже бывал в Японии и Венесуэле, но теперь, пообщавшись с представителями голландского Национального музея этнографии, решил посетить Новую Гвинею — познакомиться с искусством папуасского народа асматов. Он собрал группу исследователей и кинодокументалистов и поехал туда на разведку. Аборигены из посёлка Осенеп позволили себя сфотографировать, но не согласились продать резные деревянные столбы, которые могли бы стать вкладом Майкла в собрание музея.

«Это самая дикая и далёкая страна, где я когда-либо был», — записал Майкл в дневнике. Асматы ходили войной друг на друга, отрезали головы убитых врагов и ели их тела. В некоторых посёлках присутствовали странные ритуалы: мужчины совокуплялись между собой и иногда даже

* Родман, старший сын Нельсона Рокфеллера, пошёл по стопам отца: окончил Дартмут, а затем Школу управления бизнесом при Колумбийском университете. В 1953-м, в 21 год, он женился, со временем у него родились четверо детей. Стивен, окончив Принстон, получил учёную степень в Юнионистской богословской семинарии Нью-Йорка, а Колумбийский университет присвоил ему степень доктора философии в области религии. Он возглавлял кафедру религии и был деканом Колледжа Мидлбери в Вермонте. В 1959 году он женился в Норвегии на бывшей служанке Рокфеллеров Анне Марии Расмуссен.

пили мочу друг друга. Они верили, что мир за пределами их острова населён духами, а потому первых белых людей признали за сверхъестественных существ.

Успех первой экспедиции дал Майклу заряд бодрости. Он составил план подробного антропологического исследования асматов, не отказавшись от мечты выставить однажды произведения их искусства в музее своего отца. В 1961 году он снова отправился в Новую Гвинею с голландским коллегой Рене Вассингом. 17 ноября их катамаран перевернулся в пяти километрах от берега. Два проводника безуспешно пытались вплавь добраться к ним на помощь. Учёные цеплялись за свою лодку, их сносило всё дальше в океан. Утром 19-го Рокфеллер сказал Вассингу, что попытается доплыть до берега, до которого теперь было около 19 километров. Вассинг остался; его спасли на следующий день. А вот Рокфеллера больше никто не видел, тела тоже не нашли. Решили, что он утонул или был съеден акулами. Поиски продолжались две недели; все крупнейшие газеты мира сообщили об исчезновении отпрыска Рокфеллера.

Двадцать первого декабря губернатор голландской Новой Гвинеи отправил секретную телеграмму министру внутренних дел Нидерландов. Она частично сохранилась в архивах, несмотря на пометку «уничтожить». Два священника-миссионера сообщили властям, что Рокфеллера, которому всё же удалось добраться до берега, убили и съели асматы: на этом самом месте в 1958 году голландский патруль застрелил вождей местного племени, и теперь оно отомстило белому. Губернатор считал, что при отсутствии прямых улик эту информацию лучше не сообщать ни прессе, ни отцу погибшего. (В то время Нидерланды вели борьбу с Индонезией и США, пытаясь сохранить контроль над своей последней ост-индской колонией, предоставив ей независимость, и политичнее было представить папуасов цивилизованным народом. В 1961 году в западной части острова провели выборы в парламент; в ответ Индонезия ввела туда войска и начала массовую депортацию папуасов.) Одного из миссионеров, ван Кесселя, который хотел поехать в Америку и рассказать обо всём родным Майкла Рокфеллера, выслали на родину. Но в марте 1962 года Ассошиэйтед Пресс напечатала сенсационную новость об обстоятельствах гибели учёного, основываясь на письме третьего миссионера. Нельсон связался с посольством Нидерландов в США, те позвонили в Гаагу. Министр иностранных дел ответил, что ведётся расследование.

Его поручили молодому патрульному офицеру Виму ван де Ваалу — тому самому, кто продал Майклу Рокфеллеру катамаран. На расследование у него ушло три месяца. Асматы не желали говорить о подобных вещах, боясь накликать несчастье: вскоре после убийства Рокфеллера в деревне началась смертельная эпидемия холеры, которую сочли карой. Но всё же путём осторожных кропотливых расспросов он узнал историю, схожую с рассказом миссионеров. Более того, папуасы отвели его в джунгли и выкопали кости и череп без нижней челюсти, с дырочкой в правом виске. Несмотря на вещественные доказательства, ван де Ваалу не дали указания составить рапорт. Официально о смерти Майкла было объявлено только в 1964 году*. Его родители развелись 16 марта 1962-го.

На фоне этих треволнений смерть Альты Прентис, угасшей в июне 1962-го, в 91 год, осталась почти незамеченной. Как она и просила, похороны прошли скромно, урна с её прахом заняла место рядом с прахом Пармали. В Кливленде благодетельницу уже забыли, хотя «Альта-хаус» процветал. Своё имущество она завещала госпиталю Ленокс-Хилл, «Дом под вязами» в Маунт-Хоуп купил Колледж Уильямса, а дом в Нью-Йорке отошёл Музею современного искусства. Альта не была поклонницей современного искусства, но решила, что поступит правильно, почтив таким образом память Эбби.

В том же году Нельсон был переизбран губернатором штата Нью-Йорк. Ему хотелось переселиться в Кайкат, где он мог бы устраивать подобающие своей должности приёмы (Марта не пожелала там оставаться после смерти мужа). Кайкат являлся совместной собственностью четверых братьев Рокфеллеров (кроме Уинтропа); но у Джона, Лоранса и Дэвида неподалёку были собственные, вполне удобные дома, поэтому они не стали возражать, чтобы Нельсон поселился там один. Однако трения возникли при

* В 1969 году журналист Милт Маклин провёл на острове собственное расследование, подтвердившее версию о каннибализме. Нельсон передал Метрополитен-музею собрание своего Музея примитивного искусства под названием «Коллекция Майкла Рокфеллера». Ещё через десять лет Тод наняла частного детектива, чтобы тот выяснил, жив ли её сын (ходили слухи, что он живёт с туземцами в джунглях). Детектив обменял лодочный мотор на три черепа белых мужчин, убитых асматами, вернулся в Нью-Йорк и передал их родным Майкла, уверяя, что один из них — череп Майкла. За труды ему заплатили 250 тысяч долларов.

дележе украшавших усадьбу предметов искусства. Нельсон считал само собой разумеющимся, что всё останется на своих местах. Однако Дэвид твёрдо возразил, сославшись на завещание родителей, что внутреннее убранство дома принадлежит им четверым, поэтому они с Пегги заберут кое-какие картины, которые им особенно дороги, и так же поступят остальные братья. Можно провести лотерею, как в Эйри, чтобы всё было по справедливости. Пусть Нельсон не беспокоится: дом не оставят с голыми стенами. Но владеть всем в одиночку он не имеет права. «Нельсон счёл моё предложение неприемлемым и пришёл в ярость, будучи раздражён больше, чем я когда-либо видел, — пишет Дэвид в мемуарах. — Он не мог поверить, что я встану у него на пути. Он сказал, что, будучи губернатором, нуждается в Кайкате, чтобы задавать приёмы, и хочет, чтобы Кайкат оставался без изменений. Нельсон заявлял, что его нахождение на государственной службе соответствует интересам семьи и по этой причине важно разрешить ему держать Кайкат в нетронutom состоянии*. У меня не было настроеня соглашаться. В конце концов, закон был на моей стороне, и ему ничего не оставалось, как подчиниться условиям завещания отца». Наверное, дед бы его одобрил.

Между прочим, «закон и порядок» были одним из важных направлений деятельности Нельсона на посту губернатора. Он учредил в штате Нью-Йорк Полицейскую академию, принял законы «останови и обыщи», а также «вход без стука», предоставлявшие полиции более широкие права, создал 228 дополнительных судебных должностей, чтобы дела в судах рассматривались быстрее. Нью-Йорк оставался последним штатом, где за умышленное убийство полагалась смертная казнь. Сторонник смертной казни (в то время как Уинтроп был её противником), Нельсон 14 раз лично присутствовал при приведении приговора в исполнение. Однако в 1963 году он подпишет закон, учреждавший двухступенчатый судебный процесс по делам об убийствах, а в 1965-м — закон об отмене смертной казни, за исключением дел об убийстве полицейских. Последним человеком, казнённым на электрическом стуле в штате Нью-Йорк, станет 15 августа 1963 года чернокожий грабитель Эдди Мэйз, застреливший посетительницу бара, на который он

* Нельсон превратил нижний этаж в художественную галерею, а вокруг дома расставил скульптуры. Позже их часто перемешали с места на место вертолётom под наблюдением губернатора.

с сообщниками совершил налёт, забрав в общей сложности 275 долларов. На суде выяснилось, что банда, в которой состоял Мэйз, за полтора месяца совершила 52 ограбления. Сам преступник заявил репортёрам, что пусть его лучше «поджарят», чем упрячут за решётку на всю жизнь.

Проблема преступности была тесно связана с распространением наркотиков, и в 1962 году Рокфеллер предложил заменить преступникам-наркоманам тюремное заключение курсом реабилитации на добровольной основе. Соответствующий закон был принят, но к 1966 году стало ясно, что он не работает: большинство наркоманов предпочитали короткую отсидку в тюрьме трёхлетнему лечению. Да и наркоторговля по-прежнему процветала...

Осень 1962 года проходила под знаком тревожных событий в Карибском море: СССР разместил свои ракеты на Кубе; США, поддержанные Организацией американских государств, начали блокаду Острова свободы. Пока шли секретные переговоры между спецслужбами двух стран и открытые баталии в Совете Безопасности ООН, пока Никита Хрущев переписывался с Джоном Кеннеди по телеграфу, а генеральный прокурор США Роберт Кеннеди выполнял дипломатические поручения своего брата, в Андовере, штат Массачусетс, с 21 по 27 октября состоялись третьи Дартмутские встречи, в которых впервые принял участие Дэвид Рокфеллер. Эта мирная инициатива — попытка установить диалог между двумя крупнейшими мировыми державами — была предпринята на излёте правления Эйзенхауэра; встречи представителей гражданского общества стали ежегодными. «Обе стороны видели, что пришло время сделать шаг назад от порога атомного уничтожения и искать другие пути продолжения соперничества», — пишет Дэвид в мемуарах.

Карибский кризис удалось разрешить мирным путём: СССР вывел ракетные установки с Кубы, США сняли её блокаду и убрали из Турции устаревшие ракеты «Юпитер». Это решение, принятое лично Хрущёвым и Кеннеди, одобрили далеко не все, хотя оно и позволило предотвратить войну. На Кубе его расценили как «предательство» со стороны СССР, в США — как поражение. Потепление в отношениях пока не настало. На то, чтобы скрутить из волокон прочную нить, нужны терпение и время. А разрубить её можно одним ударом...

Первого апреля 1963 года Хеппи Мёрфи развелась с мужем из-за «большого морального ущерба», как написа-

ла «Нью-Йорк таймс», в то время как юрист Робина назвал причиной развода «непримиримые противоречия». Всего месяц спустя, 4 мая, она вышла замуж за Нельсона Рокфеллера. Свадьба состоялась в Покантико, в доме Лоранса. Из родственников жениха присутствовали только сам Лоранс и Бабс, больше никого Нельсон не пригласил. «Хеппи Мёрфи уже сравнивают с герцогиней Виндзорской, когда она была всего лишь миссис Симпсон», — писала британская журналистка леди Джин Кэмпбелл в лондонской газете «Ивнинг стандарт». Если английский король Эдуард VIII отрёкся от престола, чтобы жениться на дважды разведённой Уоллис Симпсон и сделать её герцогиней Виндзорской, то Нельсону Рокфеллеру, судя по всему, надо было поставить крест на своём участии в президентской кампании 1964 года. Как заявила «Нью-Йорк таймс» представитель мичиганского отделения Республиканской партии, «всё произошло слишком быстро: он развёлся, она развелась, а это значит, что две семьи разбиты. В нашей стране не любят разбитые семьи».

На самом деле ситуация была ещё более неловкой. К своему 32-комнатному трёхэтажному пентхаусу в доме 810 на Пятой авеню Нельсон докупил этаж в доме 812, соединившийся с его апартаментами пролётом в шесть шагов. Теперь, чтобы попасть в квартиру, Нельсон и Хеппи пользовались входом в дом 812, а Тод заходила через дом 810. Дэвид и Пегги не хотели порывать отношений с Тод и просили её по-прежнему считать себя членом их семьи. А вот друзей они потеряли: Робин Мёрфи теперь не хотел иметь никакого дела с Рокфеллерами, а в Хеппи они разочаровались.

В том же году в юнионистской церкви Покантико освятили витраж «Добрый самаритянин». Присутствовавший при событии Шагал заметил Дэвиду Рокфеллеру, что, за исключением розы Матисса, витражи оставляют желать лучшего — нельзя ли что-нибудь с этим поделать? Дэвид охотно согласился, и следующий витраж Шагал посвятил памяти Майкла Рокфеллера, взяв за основу слова из Евангелия от Матфея: «Просите, и дано будет вам; идите, и обрящете; стучите, и отворят вам», и изобразил Христа, распятого на кресте, на ярко-синем фоне, напоминающем волны океана. А 22 ноября в Далласе был застрелен Джон Кеннеди. Вице-президент Линдон Джонсон, следовавший в том же кортеже, принёс президентскую присягу уже в самолёте, на «борту № 1», направляясь в Вашингтон.

На золотом крыльце сидели

В 1964 году Нью-Йорк отмечал трёхсотлетие своего переименования: в 1664 году английский король Карл II забрал у голландцев Новый Амстердам и принц Яков, герцог Йоркский, переименовал его в Нью-Йорк. По такому случаю в городе открылась выставка, которую назвали Всемирной, хотя Международное бюро выставок и не признало её таковой. Выставка под девизом «Мир через понимание» была посвящена «достижениям человека на уменьшающейся планете в расширяющейся Вселенной». Выступая на торжественном открытии выставки 22 апреля, губернатор Нельсон Рокфеллер сказал: «Думая об этой теме, я не могу не испытывать огромной личной благодарности к великому бывшему президенту Гарри Трумэну» (тот присутствовал на церемонии вместе с дочерью), который «отстоял свободу своим мужеством и решительными действиями». Эти слова были встречены громкими аплодисментами.

Представлены были в основном американские компании, от производителей шариковых ручек до изготовителей компьютеров и космического оборудования, включая автомобильные корпорации. Мониторы на электронно-лучевой трубке, клавиатуры для компьютеров, телетайпы, перфокарты, телефонные модемы, бытовая химия, бытовая техника... Но за два сезона выставку посетили вдвое меньше людей, чем планировалось. Отсутствие Канады, Австралии, большинства крупных европейских стран и Советского Союза (они предпочли СिएТЛ и Монреаль) сильно испортило общую картину. Зато Испания, Ватикан, Япония, Мексика, Швеция, Австрия, Дания, Таиланд, Филиппины, Греция, Пакистан и Ирландия почли за честь открыть свои павильоны в Нью-Йорке. Индонезия тоже построила на свои деньги павильон, но в течение года отношения между ней и США резко испортились из-за антизападной политики президента Сукарно. В январе 1965 года Индонезия вышла из ООН, а в марте покинула выставку. Её павильон был конфискован и стоял заколоченный.

Поддержать мирные отношения с СССР должна была четвёртая Дартмутская конференция, проводившаяся 21—31 июля 1964 года в Ленинграде. Незадолго до неё Дэвид Рокфеллер устроил в Покантико приём для высшего руководства ООН. Узнав, что он собирается в Ленинград, Генеральный секретарь У Тан подал идею о личной встрече банкира с первым секретарём ЦК КПСС для установления

«человеческих» отношений между двумя державами. Почему бы и нет? Дэвид решил взять с собой двадцатилетнюю дочь Нейву: ей это будет полезно, да и впечатлений хватит на всю жизнь. Старшую, Эбби, увлечшуюся марксизмом и восхищавшуюся Фиделем Кастро, он брать в СССР поостерегся...

Встреча, устроенная У Таном, состоялась уже после конференции, в Москве. Рокфеллеры, сопровождаемые агентом КГБ, провели ночь в «Красной стреле» и утром были в столице. Пока их везли в гостиницу, Дэвид сделал для себя вывод, что «Москва — город контрастов». Элегантные постройки, уцелевшие с царских времён, требовали ремонта; «сталинские дома» не отличались красотой и имели неприветливый вид; по центральным полосам широких магистралей неслись «членовозы», и немногочисленные авто уходили в правый ряд; к дверям магазинов выстраивались длинные очереди... «Во время этой своей первой поездки в сердце советской империи я начал сомневаться в экономической мощи страны, которая была предметом хвастовства Хрущёва», — напишет Дэвид в мемуарах.

Он оказался практически в стане врага. В СССР о братьях Рокфеллерах знали по книге, вышедшей в издательстве «Правда» под заголовком «Всегда по колено в крови, всегда шагая по трупам». В книге утверждалось, что Рокфеллеры вложили огромную прибыль, полученную от торговли нефтью во время Второй мировой войны, в производство вооружений и захватили контроль над разработкой атомной бомбы. Помощь, оказанная Рокфеллеровским фондом Энрико Ферми, Лео Силарду, Эдварду Теллеру, чтобы спасти их из лап нацистов, преподносилась как яркое тому доказательство: Ферми и Силард создали первый в мире ядерный реактор, а Теллер стал «отцом водородной бомбы». За несколько месяцев до приезда Дэвида в Москву «Известия» припомнили Рокфеллерам создание Музея современного искусства: «Под руководством Рокфеллеров абстрактное искусство используется для того, чтобы играть определённую политическую роль, отвлекать внимание мыслящих американцев от реальной жизни и оглулять их». Братьев считали кукловодами, а президента США и правительство — их марионетками. Разговор с Хрущёвым начался в том же тоне: советский лидер сразу заявил Дэвиду, что его брат Нельсон призывает увеличить оборонные расходы США для противостояния советской военной угрозе (имелось в виду исследование «Америка в середине

века», проведённое на средства Фонда братьев Рокфеллеров) и что, стань он президентом, его политика не сильно отличалась бы от политики Линдона Джонсона, который вмешивается во внутренние дела СССР.

Беседа велась без посторонних: только сам Хрущёв, переводчик Виктор Суходрев и Дэвид Рокфеллер с Нейвой, которой разрешили делать записи. Сначала речь зашла о странах третьего мира. Хрущёв утверждал, что революции и перевороты в них происходят потому, что созрели условия, их вершит народ, и подстегнуть или остановить их нельзя; придёт время, и в США тоже будет революция. Рокфеллер возражал ему, что в странах Латинской Америки СССР использует местные компартии, чтобы привести к власти лояльные ему правительства; Китай старается установить своё влияние в Азии, оказывая поддержку Вьетконгу, действуя так же в Лаосе... Хрущёв приводил контраргументы, подкрепляя их ударами по столу тяжёлым пресс-папье. «Когда произошла революция на Кубе, в СССР не знали, кто такой Фидель Кастро, сам он признал преимущества социалистического строя только через полтора года после свержения Батисты... — Да, когда СССР оказал Кубе экономическую помощь! А потом вы разместили там ракеты... — Только для того, чтобы на Кубу не напали США! А накрыть США мы можем и с территории нашей страны...»

Почувствовав, как накаляется атмосфера, Дэвид решил перевести беседу в мирное русло и заговорил о торговле. Хрущёв успокоился. «Мы должны исходить из основных моментов, — сказал он, не глядя в глаза собеседнику. — Вы капиталист и Рокфеллер. Я коммунист. Вы банкир. Я был шахтёром. Вы представляете капиталистическую страну, в то время как я говорю от имени Советского Союза. Что бы вы ни говорили или ни делали, вы выступаете за укрепление капитализма. Что бы я ни говорил или ни делал, я выступаю за дело коммунизма, который, как я считаю, представляет собой силу будущего. Это философия завтрашнего дня. Мы верим, что капитализм достиг своего заката. Придёт время, когда она (он указал на Нейву) будет сторонницей моей и моих идей. Однако мы считаем, что, пока обе системы продолжают жить, мы должны работать для мирного сосуществования». При этом, продолжает Дэвид в мемуарах, Хрущёв сказал: «Мы можем вполне хорошо жить без торговли. Её ценность заключается в её политических последствиях, которые, как мы считаем, приведут к укреп-

плению мира во всём мире». Дискуссия завершилась обменом любезностями.

Вернувшись в США, Дэвид снял копию с записей дочери и отправил госсекретарю Дину Раску. В конце августа Линдон Джонсон лично пригласил его приехать в Вашингтон для обсуждения поездки в СССР.

Эта встреча тоже могла оказаться непростой. Весной 1964 года Джонсон объявил о программе социальных преобразований под общим названием «Великое общество», целями которой были борьба с бедностью и преступностью, устранение неравенства и забота об окружающей среде. Предполагалось, в частности, привлекать образованных добровольцев для обучения людей в неблагополучных районах, предоставлять займы и гарантии предпринимателям, создающим рабочие места, оказывать помощь фермерам для организации сельхозкооперативов. Конгресс выделил на эти цели около миллиарда долларов. Кроме того, Джонсон добился принятия закона о медицинском страховании и медицинском обслуживании пожилых и бедных, а также закона о гражданских правах, уничтожившего расовую сегрегацию на Юге. Всё это вполне согласовывалось со взглядами трёх поколений Рокфеллеров, однако Дэвид не одобрял «стоимость и агрессивный экспансионистский характер» программ Джонсона. При этом Джонсон как человек ему нравился: умный, проникательный; яркая, сильная личность. Однажды Дэвид Рокфеллер позволил себе раскритиковать экономическую политику президента, а неделю спустя оказался на совещании в Белом доме вместе с рядом профсоюзных лидеров. Он хотел незаметно уйти с совещания (были другие дела), но Джонсон остановил его, чтобы высказать недовольство его недавним выступлением. Впрочем, искренность в отношениях всегда идёт им на пользу.

«Дэвид Рокфеллер, президент нью-йоркского “Чейз Манхэттен банка”, информировал сегодня президента Джонсона о своём “интересном” разговоре с премьером Хрущёвым в Москве, в прошлом месяце», — напечатала «Нью-Йорк таймс» 11 сентября. Суть была в том, что не следует пугаться догматизма в формулировках: Хрущёв готов идти на контакт с США. Президента это ободрило, он согласился, что коммерческие связи с СССР надо развивать. Однако на носу были выборы, и пока он не мог предпринять конкретных шагов в этом направлении, чтобы соперник-республиканец Барри Голдуотер не смог обвинить его в потворстве

коммунистам. Рокфеллеру же этого никто не запрещал, и он сделал публичное заявление в Сан-Франциско: «Если две великие соперничающие системы хотя бы каким-то образом ужиться на нашей планете, они должны больше знать друг о друге, и это знание должно простираться за пределы узких рамок провозглашённой идеологии». Развитию диалога помешали не американские выборы: в середине октября несколько членов Политбюро, сговорившись за спиной Хрущёва, обвинили его в волюнтаризме и сняли со всех постов.

Барри Голдуотер из Аризоны, возглавлявший правое крыло республиканцев, в очередной раз разрушил президентские планы Нельсона Рокфеллера. Впрочем, Нельсон показал невысокий результат на праймериз, и даже рождение Нельсона Олдрича Рокфеллера-младшего за три дня до голосования в Калифорнии не помогло ему там победить. Тем не менее на Национальном конвенте республиканцев в Сан-Франциско, проходившем в июле, Рокфеллеру дали пять минут на выступление, чтобы изложить пять поправок к платформе Голдуотера, внесённых возглавляемыми им умеренными. Когда он вышел к микрофону, ему 16 минут не давали говорить, однако он не ушёл и добился-таки того, чтобы его выслушали. Голдуотера он поддержал с большой неохотой (тот ему это припомнит).

Хотя на президентских выборах 1964 года белые расисты с Юга впервые за 100 лет проголосовали за республиканца, демократ Линдон Джонсон победил с огромным отрывом, набрав 61,1 процента голосов. Он пользовался поддержкой народа и приобрёл репутацию сильного лидера, умеющего доводить дело до конца.

Уинтроп Рокфеллер, баллотировавшийся в губернаторы штата Арканзас, набрал 44 процента голосов — вдвое больше, чем любой другой кандидат-республиканец, пытавшийся счастья в этом штате до него. Впрочем, бывший глава местных республиканцев Озро Кобб отмечал, что Уинтроп подмял под себя партийную организацию штата, превратив её в «машину Рокфеллера». «Подобный диктат одного человека — смертельный враг всякого подобия двухпартийного правления, — напишет он в мемуарах. — Честных республиканских лидеров, неустанно работавших многие годы, оттёрли в сторону или заменили... Приезжий, оказавшийся в то время в Арканзасе и увидевший рекламные плакаты Рокфеллера, не понял бы, принадлежит ли тот к какой-либо политической партии». Кобб поддержал

действующего губернатора, демократа Орвала Фобуса, и тот ввёл его в состав Верховного суда. Рокфеллер же, если и был раздосадован неудачей (столько денег и сил потрачено впустую), никак этого не выказал. «Мы искренне считаем, что одержали победу даже в поражении», — заявил он.

Политики вообще любят парадоксы. Не прошло и нескольких месяцев с того момента, как Линдон Джонсон, «кандидат мира», победил на выборах «ястреба» Барри Голдуотера, как США вмешались во внутренний конфликт во Вьетнаме, который больше пяти лет не удавалось уладить миром, и направили туда войска.

В 1966 году Уинтроп предпринял вторую попытку занять кресло губернатора. В то время только 11 процентов населения штата Арканзас относили себя к республиканцам, но Фобус за шесть губернаторских сроков успел всех утомить. Даже демократы были в большей степени заинтересованы в реформах, предложенных Рокфеллером, чем в очередной победе своего кандидата. В отличие от соперников, опиравшихся только на однопартийцев, Уинтроп собрал под свои знамёна единомышленников из обоих лагерей, и те подтолкнули его наверх. Даже Кобб поддержал Рокфеллера: «Мне нравился он лично. Он выказал мне множество любезностей, и я всё ещё считал, что из него получится хороший губернатор, избранный от республиканцев. <...> Он усвоил урок». Более того, Морис Л. Бритт, ветеран Второй мировой войны и бывший профессиональный игрок в американский футбол, который шёл в связке с Рокфеллером, стал вице-губернатором, слегка опередив демократа Джеймса Пилкингтона. Правда, больше никому из рокфеллеровской команды повторить этот успех не удалось, так что посты генерального прокурора и главы казначейства достались демократам. 2 декабря 1966 года журнал «Тайм» поместил на обложку портрет Уинтропа, ставшего первым губернатором-республиканцем штата Арканзас за 94 года.

Поскольку Нельсон с 1959 года сохранял за собой пост губернатора штата Нью-Йорк, третий раз в истории США два родных брата одновременно руководили двумя штатами. Первыми были Леви и Енох Линкольны (1827—1829, Массачусетс и Мэн), вторыми — Джон и Уильям Биглеры (1852—1855, Калифорния и Пенсильвания)*. Тандем Рокфеллеров продержится дольше всех — четыре года.

* В 1999—2000 годах губернаторами одновременно будут братья Джордж и Джеб Буши.

Губернатор Уинтроп Рокфеллер — преобразователь Арканзаса. Обложка журнала «Тайм». Декабрь 1966 г.

В определённый момент в палате представителей Арканзаса были 97 демократов и три республиканца, и Рокфеллер быстро ощутил враждебное отношение к себе, выразившееся в личных нападках и распускании всякого рода слухов, в основном о его частной жизни. Говорили, что он властолюбив, слишком много пьёт и слишком мало времени проводит на работе. Да и разве может он, богатенький, понять проблемы простого народа или даже среднего класса, у которого денег в обрез?

Программа Уинтропа Рокфеллера включала в себя переосмотр конституции Арканзаса, реорганизацию правительства, реформу законодательства о выборах, меры по поддержке школьных учителей и детских садов, финансируемых на средства налогоплательщиков, образовательные проекты для взрослых, а также закон о минимальной зарплате. Кроме того, ситуация с преступностью в штате представляла собой авгиевы конюшни. Не откладывая дела в долгий ящик, Уинтроп назначил главой полиции агента ФБР Линна Дэвиса и поручил ему покончить с игорными притонами в курортном городке Хот-Спрингс. Дэвис провёл мощные облавы; по уверениям агентства Ассошиэйтед Пресс, это стало сюжетом года. Но 128 дней спустя Дэвис сняли с должности, поскольку Верховный суд Арканзаса объявил его назначение незаконным: тот являлся резидентом штата меньше положенных десяти лет. Законодатели-демократы отказались изменить это правило, чтобы Дэвис продолжил работу.

Ещё одним неотложным делом была реформа пенитенциарной системы. Творящиеся в арканзасских тюрьмах беззаконие и насилие не раз вызывали скандал. Уже 16 января 1967 года Уинтроп Рокфеллер опубликовал полицейский отчёт за период с 19 августа по 7 сентября 1966-го, который его предшественник побоялся предать гласности. Заключённых морили голодом, заставляли работать по 14 часов в день, били, насиловали; некоторых из них начальство, погрязшее в коррупции, назначало «смотрящими» за другими. Один из надзирателей тюрьмы Таккера, крошечного посёлка в 48 километрах от Литл-Рока, избрёл «таккерровский телефон» — пытку током. «Звонок по межгороду» означал на местном жаргоне серию разрядов. Когда в эту тюрьму явилась полиция, её директор Джим Бёртон в ту же ночь сбежал*.

* В 1969 году ему будет предъявлено обвинение по девятнадцати случаям нарушения прав человека и пыток. Позже федеральное пра-

Приехавший с Аляски Томас Мёртон, которого новый губернатор назначил начальником этой тюрьмы, продолжил расследование, выявившее антисанитарное состояние кухни и столовой: множество заключённых умирали от болезней, которыми раньше не страдали. В январе 1968 года Мёртона перевели в тюрьму Камминса; он обнаружил на её территории три скелета и сразу решил, что это останки замученных заключённых. Не уведомив власти, он сообщил о находке прессе. Впоследствии под тюремным двором нашлись ещё две сотни захороненных тел. Новый скандал затормозил начавшуюся реформу; генеральная ассамблея штата, специально созванная Рокфеллером, отказалась её финансировать, несмотря на принятие соответствующего закона. В Камминсе провели расследование, которое привело к выводу, что тюремный двор — бывшее кладбище для бедных, где хоронили тела умерших заключённых, не востребованные родственниками. Мёртон в это не поверил, да и многие заключённые, знавшие, что творилось в тюрьме в последние годы, думали, что выводы следствия — «фуфло». В марте 1968 года Рокфеллер всё же уволил Мёртона, проработавшего всего 11 месяцев, но за это время успевшего искоренить практику использования «таккеровского телефона» и улучшившего санитарное состояние вверенных ему тюрем. Уровень насилия тоже понизился; заключённые стали лучше питаться, получать медицинское обслуживание; Рокфеллер, со своей стороны, ввёл образовательные программы для тюрем и начал бороться с системой «смотрящих»*.

Главным предметом гордости Уинтропа было принятие закона о свободе информации (1967), благодаря которому протоколы официальных заседаний стали достоянием гласности. «Мы вывели правительство из заполненных дымом помещений и вернули его народу», — заявил глава штата. Продолжал он и финансирование благотворительных проектов — уже не как губернатор, а как Рокфеллер. «Главная отдача от вложения денег, — писал он в неопубликованном

вительство снимет десять пунктов обвинения, а присяжные оправдают Бёртона по восьми из оставшихся девяти. В итоге его приговорят к штрафу в тысячу долларов и году тюрьмы с отсрочкой исполнения приговора.

* В апреле 1969 года в Камминс приехал известный музыкант Джонни Кэш с женой и выступил перед заключёнными вместе с Карлом Перкинсом и группой «Стэтлер Бразерс». Уинтроп Рокфеллер тоже был на этом концерте. В том же году Мёртон издал книгу «Сообщники преступности: тюремный скандал в Арканзасе».

«Письме к моему сыну», — предстаёт в виде того, что мы называем достижениями благотворительности: в виде поощрения людей, помогающих нашему делу расти, создавая рабочие места и гарантии для других, а также развития людей, их счастья, полезности и свободы». Несмотря на это, его считали слабым администратором, слишком зависевшим от своих сотрудников и не умевшим навести среди них дисциплину.

Зато его брата Нельсона нельзя было обвинить в мягкотелости. Для него не существовало непререкаемых авторитетов, он умел настоять на своём. В 1967 году он добился выпуска крупнейшего в истории штата государственного займа (на два с половиной миллиарда долларов) на развитие общественного транспорта, строительство скоростных дорог и аэропортов. Он перестроил руководство транспортной системой, передал под государственный контроль метро, туннели и мосты, создал новую автобусную компанию (государство выкупало разорившиеся частные железные дороги и перевозчиков). Таким образом, он отобрал власть у «главного строителя» Роберта Мозеса*, которого называли нью-йоркским бароном Османом (по аналогии с префектом Парижа конца XIX века, полностью изменившим облик центральной части французской столицы). Теперь плата за проезд по мостам и туннелям, которую раньше использовали для строительства новых мостов и туннелей, шла на развитие общественного транспорта, расширение автобусного парка. А на дорогой сердцу Мозеса проект строительства моста на Лонг-Айленде Рокфеллер наложит вето из-за протестов экологов. Наконец, ещё одним новшеством стало требование пристёгиваться ремнями безопасности в автомобиле.

Год очередных президентских выборов выдался драматичным. Беспорядки в крупных городах, антивоенные митинги, убийство 4 апреля чернокожего проповедника Мартина Лютера Кинга, новые беспорядки... Линдон Джонсон объявил, что не станет баллотироваться на новый срок. Главным кандидатом от демократов стал вице-президент Хьюберт Хамфри, его ближайшими соперниками — сенаторы Роберт Кеннеди и Юджин Маккарти. Но Кеннеди, победивший на первичных выборах в Калифорнии, был смер-

* В 1960 году Лоранс Рокфеллер стал вице-председателем совета парков штата Нью-Йорк, которым руководил Роберт Мозес, и многому научился у этого человека, умевшего добиваться своего и «делать дело».

тельно ранен в Лос-Анджелесе и скончался от ран 6 июня. Нельсон Рокфеллер, намеревавшийся участвовать в президентской гонке, предложил Дэвиду занять с его помощью место Кеннеди в сенате, но тот отказался. Тогда Нельсон сделал это же предложение своему племяннику Джею, единственному демократу среди Рокфеллеров. (Джон IV в 1961 году получил степень бакалавра в Гарварде, где изучал восточные языки и историю, потом учился в Йельском университете и освоил китайский. При Джоне Кеннеди он работал в Вашингтоне в Корпусе мира и подружился тогда с генеральным прокурором Робертом Кеннеди. Послужив некоторое время в Департаменте по делам Дальнего Востока, при Джонсоне он перебрался в Западную Виргинию и стал госсекретарём штата под лозунгом «Я слишком богат, чтобы воровать»). В 1967 году он женился на Шэрон Ли Перси, дочери сенатора от Иллинойса*, занимавшей руководящую должность в крупной телевещательной компании Пи-би-эс.) Джей предпочёл делать карьеру самостоятельно и быть избранным в сенат за личные заслуги.

В августе Республиканская партия США собралась на Национальный конвент. Уинтроп Рокфеллер был выдвинут кандидатом в президенты от штата Арканзас, но не относился к этому серьёзно. Нельсон всю первую половину года то намекал, что будет участвовать в выборах, то открещивался от своих слов. В немолодом уже возрасте он снова стал отцом (в 1967 году Хеппи родила Марка Фитлера). Кроме того, за последние десять лет регулярные избирательные кампании почти разорили его; он потратил все средства трастового фонда, учреждённого для него отцом в 1934 году, которые управляющие согласились ему выдать. В 1967-м, чтобы подготовиться к президентскому рывку, Нельсон попросил Дэвида купить его долю в бразильском ранчо «Фазенда Бодокена», которым они владели совместно, за два миллиона долларов. Вернее, даже не попросил, а потребовал. Но Дэвид сухо возразил ему, что запрашиваемая им цена существенно выше рыночной. Эти слова привели старшего брата в ярость. «Он сказал, что я неблагодар-

* У Рокфеллеров были и другие родственники-политики. Например, в 1946 году сенатор от Висконсина Уильям Проксмайр (1915—2005) женился на правнучке Уильяма Рокфеллера Элси, но через девять лет они развелись. В 1978 году губернатор Миннесоты Марк Дейтон стал мужем Алиды Рокфеллер, младшей сестры Джея. Этот брак тоже окончился разводом, но люди, однажды принятые в клан Рокфеллеров, как правило, не порывали с ним связей.

ный, если учесть всё то, что он для меня сделал, особенно убедив отца продать нам Рокфеллеровский центр», — пишет Дэвид в мемуарах.

Незадолго до Конвента республиканцев Нельсон Рокфеллер всё-таки заявил, что согласен баллотироваться*, и попытался привлечь на свою сторону делегатов, ещё не определившихся с выбором: согласно опросам общественного мнения, избиратели отдавали ему предпочтение перед Ричардом Никсоном и губернатором Калифорнии Рональдом Рейганом, представлявшим консерваторов. Но в результате Нельсон Рокфеллер набрал в общей сложности всего лишь 164 340 голосов и проиграл Никсону. Слабым утешением ему могло служить лишь то, что Рейган, набравший целых 1 696 632 голоса, тоже проиграл. Третьим участником президентских выборов стал губернатор Алабамы Джордж Уоллес, представлявший созданную год назад Американскую независимую партию и выступавший в защиту расовой сегрегации.

Никсон обещал восстановить закон и порядок в крупных городах, совершить поворот в войне во Вьетнаме, пытался вернуть доверие южан и делал ставку на «молчаливое большинство». Хамфри заверял, что продолжит «войну с бедностью» и поддержит движение в защиту гражданских прав. Джонсон специально прекратил бомбардировки Северного Вьетнама, чтобы усилить его позиции. В итоге Никсон победил с очень небольшим перевесом голосов избирателей, но получил значительное большинство голосов выборщиков. Уоллес выиграл в пяти штатах на Юге и неплохо выступил в некоторых этнических анклавах промышленного Севера.

Вскоре после вступления в должность, 17 февраля 1969 года, Никсон решил провести оценочное исследование стран Латинской Америки (он считал, что «Альянс за прогресс», созданный в 1961 году Джоном Кеннеди, потерпел неудачу) и поручил это Нельсону Рокфеллеру. Натянутые отношения между политическими соперниками позволяли предположить, что Никсон не слишком заинтересован в результатах этого исследования, как и в активной политике в регионе в целом. Тем не менее в апреле—мае Рокфеллер, собрав команду из двадцати трёх советников, объехал 20 стран, чтобы составить представление об их

* Это единственный случай в истории США, когда два брата одновременно выдвигались кандидатами на президентский пост.

уровне жизни и нуждах. В поездке не раз возникали неприятные ситуации, которые приходилось разруливать. В отчёте Нельсон написал, что внешний долг латиноамериканских стран надо рефинансировать, снять бюрократические преграды, мешающие эффективно использовать американскую помощь, предоставить странам режим наибольшего благоприятствования в торговле, но не вмешиваться в их внутренние дела... Отчёт положили под сукно.

Нельсон и Уинтроп Рокфеллеры были переизбраны губернаторами. Во время митинга в Нью-Йорке Нельсон вывел на сцену Дэвида (который этому не слишком обрадовался); стоя рядом с ним, Дэвид тоже махал рукой и улыбался — настолько энергия и обаяние Нельсона подчиняли людей.

В Арканзасе же снова началось «перетягивание каната» с законодателями. Уинтроп предложил повысить налоги (Нельсон ещё в 1965 году ввёл в штате Нью-Йорк торговый налог для финансирования государственных программ), чтобы потратить половину вырученных средств на образование, 12 процентов — на здравоохранение, 10 процентов — на местное самоуправление, а остальное — на зарплату госслужащих и неотложные службы. «Я не предлагаю никакой ерунды, роскоши, памятников самому себе, — сказал Уинтроп. — Я умоляю каждого члена генеральной ассамблеи, как и себя: прислушайтесь к голосу народа, а не к своекорыстным интересам». В конце концов его план так и не был осуществлён из-за равнодушия общественности. Журналист из «Арканзас газет» Эрнест Дюма называл Уинтропа Рокфеллера «самым либеральным губернатором в истории Арканзаса», но отметил, что его законодательная инициатива умерла в обеих палатах законодательного собрания. Только отдельные её части будут впоследствии осуществлены демократами, когда они вернутся к власти.

И всё же кое-что сделать удалось. Преодолев сопротивление законодателей, Рокфеллер учредил Совет по отношениям между людьми, проводя политику расовой интеграции, в особенности в учебных заведениях. Но в 1970 году стало известно, что у Рокфеллера есть список активистов, который он может передать полиции для предотвращения беспорядков в университетских кампусах; оппозиция тотчас обвинила его в том, что он просто сводит счёты с неугодными и политическими противниками. Новые выборы Уинтроп проиграл молодому и харизматичному Дейлу Бамперсу, ради победы которого демократам пришлось рефор-

мировать партию. «Кое-кто говорил, что я хотел слишком многого, — скажет Рокфеллер на прощание. — Наверное, да. Сами подумайте, какой лидер захочет слишком мало? Какой лидер ограничится поддержанием уровня жизни, который многих не удовлетворял? Я и моя администрация виноваты лишь в том, что не боролись за лучшее. Сегодня мне не стыдно... Самый значительный показатель прогресса — то, что мы как народ больше не можем мириться с некоторыми вещами». Перед тем как уйти, губернатор Рокфеллер заменил все смертные приговоры, вынесенные в Арканзасе, на пожизненное заключение и призвал губернаторов других штатов поступить так же.

Женщины из клана Рокфеллеров тоже не сидели сложа руки. Жанетт Идрис, став «первой леди Арканзаса», занималась благотворительными программами, сосредоточив своё внимание на домах для душевнобольных, где тоже требовалось навести порядок. Но в 1971 году, когда срок полномочий Уинтропа истёк, они... развелись.

Бабс, предпочитавшая не находиться на виду, тем не менее оказывала теперь серьёзную помощь братьям и их фонду. В 1965 году она получила медаль Мемориального онкологического центра имени Слоуна—Кеттеринга, которому делала пожертвования вместе с Лорансом. В список учреждений, получавших от неё чеки, входили Всемирная ассоциация молодых христианских женщин, Американская федерация планирования семьи, музей Метрополитен, Нью-Йоркский госпиталь, Музей современного искусства, Американский Красный Крест, Нью-Йоркское зоологическое общество (которым также интересовался Лоранс) и Азиатское общество, основанное её братом Джоном. В 1968 году она сама создала и возглавила фонд «Гринакр», охранявший общественные парки и зелёные зоны в штате Нью-Йорк.

Лоранс тоже многое делал для охраны национальных парков, включая Йеллоустон, который впервые посетил ещё в детстве, с родителями. В 1952 году, совершая вместе с женой круиз по Карибскому морю, он бросил якорь в бухте Канил-Бей и был очарован буйной растительностью Сент-Джона — самого крошечного и не испорченного цивилизацией островка в составе Виргинского архипелага. За четыре года он купил 50 тысяч акров земли, образовал на них Национальный парк Виргинских островов и передал его Службе национальных парков. Чтобы проверить на практике свою идею, что защита природы может приносить

коммерческую прибыль, он открыл в Канил-Бей первый экоотель, где постояльцы могли плавать, нырять с аквалангом, гулять, крепко спать и хорошо (хотя и без изысков) питаться, отказавшись на время от телефонов и кондиционеров. Канил-Бей быстро стал популярным у знаменитостей, и новая компания Лоранса «Рокрезорт» (от «Рокфеллер» и «курорт») теперь строила отели в других райских уголках: в Пуэрто-Рико, на Верджин-Горда (Британские Виргинские острова)... История сооружения отеля «Мауна-Кеа» на Гавайях (1965) позже была описана в книге его главного управляющего Ади Кохлера «Мистер Мауна-Кеа».

Открытый всему неизведанному и необычному, Лоранс быстро начал играть ведущую роль в совершенно новой тогда области венчурного финансирования. Когда кончилась Вторая мировая война, он вложил около 8,75 миллиона долларов в две дюжины компаний, и к концу 1958 года эти инвестиции стоили уже более 28 миллионов. Газета «Уолл-стрит джорнал» подсчитала, что, если бы он сохранил акции нефтяных компаний, доставшиеся по наследству, они бы принесли ему только 23,5 миллиона. Но главным для Лоранса была даже не материальная отдача, а моральное удовлетворение: он делает то, чем прежде не занимался никто, — приносит пользу обществу. Основанная в 1969 году фирма «Венрок и партнёры» (первое слово в её названии образовано от «венчур» и «Рокфеллер») быстро пошла в гору и обзавелась отделениями в Пало-Альто (Калифорния), Нью-Йорке и Бостоне (Массачусетс); партнёрами были члены семьи Рокфеллер и некоторые связанные с ними организации, включая Музей современного искусства и Рокфеллеровский университет. Среди многочисленных стартапов, которые эта компания «подсадила в седло» (за 25 лет их набралось 221), были «Интел» и «Эппл компьютер» — прозорливый Лоранс снова попал в «яблочко». Его интересы распространялись на различные сферы новых технологий: авиакосмическая отрасль, электроника, физика высоких температур, композитные материалы, оптика, лазеры, обработка данных, термионика, биотехнологии, приборостроение, ядерная энергия. Как-никак на дворе вторая половина XX века, 21 июля 1969 года американцы высадились на Луне...

Молодое поколение американок переживало тогда сексуальную революцию и не собиралось повторять судьбу матерей и бабушек, становясь домохозяйками. Племянницу и тёзку Бабс, Эбби Рокфеллер (старшую дочь Дэвида),

жгли услышанные в детстве слова, что готовят еду в основном женщины, но великими поварами становятся только мужчины. В 1969 году ей, уже 25-летней, попались в руки «Дневники женского освобождения» — вестник «Ячейки 16». (Так в то время назывался Фронт женского освобождения, основанный годом раньше историком и феминисткой Роксаной Данбар. Ячейка — потому что составлявшие её активистки были всего лишь клеткой великого организма — движения за права женщин, а 16 — потому что собирались в доме 16 по Лексингтон-авеню.) Эбби написала для «Дневников» статью «Секс: основы сексизма», назвав движущей силой дискриминации по половому признаку желание мужчин контролировать женскую сексуальность в собственных целях. Вместе с Джей Уэст она стала обучаться приёмам самообороны и карате. Потом девушки открыли в Бостоне студию тхэквондо, где этому боевому искусству обучились сотни женщин, которые понесли его в массы. Это был действенный ответ на приставания на улицах. Бороться за свободу женщин предполагалось без мужчин, поэтому члены «Ячейки 16» проповедовали безбрачие — но не однополую любовь; последняя рассматривалась лишь как личный выбор. Впрочем, просуществовала организация недолго: очень скоро в неё проникли агенты ФБР и троцкисты, отпочковавшиеся в собственную группу «Женское освобождение», и в 1973 году «Ячейка 16» самораспустилась.

В 1969 году умерла Фифи Поттер-Стилман-Маккормик; ей было 89 лет. Несмотря на все прогнозы скептиков и злоязычных недоброжелателей, они с Фоулером жили душа в душу. До 1958 года Фоулер Маккормик входил в совет директоров семейной компании «Интернэшнл Харвестер» и проводил в ней антидискриминационную политику в отношении чернокожих сотрудников, в каком-то смысле подавая пример всей стране. «Когда компания достигает определённого размера, она становится в некотором роде социальным институтом и в этом качестве должна действовать не в интересах отдельной группы людей, но в равной мере в интересах акционеров, сотрудников и потребителей» — таково было его кредо бизнесмена, сформулированное ещё в 1946 году. Большую часть года Маккормики жили в Чикаго, проводя лето на ранчо на юге Калифорнии, где Фоулер разводил айрширских коров и абердин-ангусских быков, или в Швейцарии — до самой смерти Карла Юнга (1961), с которым он продолжал поддерживать близкие отношения. Фифи собирала предметы искусства ин-

дейцев, намереваясь открыть музей; но эти планы не осуществились, и после её смерти наследники (четверо детей, 16 внуков и 22 правнука) продали всю её коллекцию аукционному дому. Добрый заботливый муж пережил супругу всего на четыре года и скончался 6 января 1973-го в Калифорнии, после долгой болезни, не дожив до семидесяти пяти лет.

Дэвид Рокфеллер сочетал заботу о деловых интересах банка с «народной дипломатией». Он ввёл Генри Киссинджера в правление Фонда братьев Рокфеллеров и советовался с ним по международным вопросам, в частности, в 1970 году, когда к власти в Чили мог прийти социалист Сальвадор Альенде (у «Чейза» были свои интересы в этой стране). В том же году Дэвид объезжал южноазиатские отделения «Чейза». На пресс-конференции в Сингапуре спросили, что он думает о решении администрации Никсона снять кое-какие ограничения на торговлю с Китаем; Дэвид сказал, что находит это решение «логичным и правильным шагом»: нельзя делать вид, будто страны с населением в 800 миллионов человек не существует. В США на эти слова обратили мало внимания, а вот китайцам они запомнились. Кроме того, Рокфеллер теперь чуть ли не каждый год ездил в СССР, где встречался с главой правительства Алексеем Косыгиным. Его впечатление от Москвы изменилось в лучшую сторону; в особенности его очаровало московское метро — «современное, чистое, удобное и дешёвое». Косыгин высказывал очень смелые предложения по расширению экономических связей: например, США могли бы финансировать строительство в СССР атомных электростанций, которые стали бы объектами совместной собственности, помогать осваивать газовые месторождения... В 1971 году Советский Союз закупил зерна на целый миллиард; одним из американских банков, финансировавших эту сделку, стал «Чейз».

Дэвид отмечает в мемуарах, что советские лидеры, начиная с Хрущёва, обращались к нему с просьбой добиться для СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле и не верили, когда он пытался им объяснить, что система принятия решений в США работает иначе: он же не президент, не сенатор — что он может сделать? Но у него же деньги! А у кого деньги, у того и власть — разубедить их в этом было невозможно.

Политика разрядки, проводимая Никсоном в начале семидесятых, вполне согласовывалась с интересами Рок-

феллера. В феврале 1972 года американский президент нанёс визит в Пекин, а в мае встретился с Брежневым в Москве. Тогда были подписаны крайне важные договоры по противоракетной обороне и по ограничению стратегических вооружений, заложены основы сотрудничества в научно-технической и культурной областях. Когда Никсон вернулся из Пекина, Дэвид Рокфеллер спросил у Киссинджера, как получить разрешение на поездку в Китай. Тот порекомендовал обратиться к постоянному представителю Китая в ООН Хуан Хуа, но запастись терпением: китайцы по-прежнему выдают визы иностранцам с большим скрипом, отдавая предпочтение журналистам и учёным (которым можно было показать заранее отрежиссированный спектакль), а не бизнесменам. Делу помогла смекалка одного из сотрудников Дэвида. Когда стало известно, что Хуан со своей свитой приезжает в Нью-Йорк, вице-президент «Чейза» Лео Пьер, отвечавший за связи с ООН, с утра явился в отель «Рузвельт» и целый день дождался в вестибюле прибытия китайской делегации. У него с собой был «дипломат» с 50 тысячами долларов наличными. Когда делегация прибыла, он подошёл, представился послу, вручил ему чемодан с «деньгами на текущие расходы на первые несколько дней», расписку брать отказался и вежливо откланялся. Вскоре китайское представительство открыло счёт в «Чейзе».

Несомненно, Никсон с прицелом на новые президентские выборы пошёл на дипломатический прорыв: поскольку завершить войну во Вьетнаме никак не получалось, он попробовал покончить хотя бы с холодной войной. Теперь ему было что противопоставить своему сопернику-демократу Джорджу Макговерну. К тому же в конце апреля консервативный журналист Роберт Новак опубликовал взрывную статью, в которой говорилось, что на самом деле программа Макговерна заключается не в прекращении войны во Вьетнаме и установлении для граждан США гарантированного минимального дохода, а в амнистии, разрешении абортов и легализации марихуаны, и если средние американцы, в особенности католики, об этом узнают, ему конец. (Новак ссылаясь на некоего сенатора, пожелавшего остаться неизвестным, поэтому его обвинили в том, что он всё выдумал. Однако в 2007 году журналист назвал имя своего информатора, к тому времени уже умершего: им оказался Томас Иглтон, который был кандидатом в вице-президенты! Правда, Иглтона потом заменили на Сарджента Шрайвера — когда

стало известно, что он лечился от депрессии электрошоком.) Республиканцы тотчас переформулировали программу демократов: «Амнистия, аборт, анаша». Тем временем всеми этими вопросами в штате Нью-Йорк занимался республиканец Нельсон Рокфеллер — разумеется, по-своему.

Девятого сентября 1971 года в тюрьме «Аттика» заключённые захватили один блок и взяли в заложники 39 надзирателей. После четырёх дней переговоров комиссар Расселл Освальд из Департамента исправительных учреждений согласился выполнить большинство их требований, но отказался предоставить полную амнистию участникам беспорядков и уволить директора тюрьмы. Переговоры зашли в тупик, жизнь заложников была в опасности, и тогда губернатор Рокфеллер приказал нью-йоркской полиции и войскам Национальной гвардии восстановить порядок. Во время штурма тюрьмы 13 сентября погибли 43 человека, включая десятерых заложников, ещё около восьмидесяти получили ранения. Как выяснилось позже, почти все погибшие были застрелены Национальной гвардией и полицией и только трое заключённых убиты сокамерниками в самом начале мятежа. Оппозиция возлагала вину за жертвы на Рокфеллера, отказавшегося ехать в тюрьму и вести переговоры; сторонники губернатора, включая многих консерваторов, ранее публично выражавших несогласие с ним, оправдывали его действия необходимостью поддержать закон и порядок и преподать урок на будущее. В телефонном разговоре с президентом Никсоном Рокфеллер сказал по поводу смертей: «Такова жизнь». В следующем году Джон Леннон выпустил альбом «Однажды в Нью-Йорке», в который вошла песня «Государство Аттика», исполненная им вместе с Йоко Оно. Там есть слова: «Пресса винит заключённых, / Но убивали-то не они. / На курок нажимал Рокфеллер — / Так считают люди». Джазовый композитор Чарльз Мингус откликнулся на это событие сочинением «Вспомни Рокфеллера в Аттике»...

Реформу законодательства об абортах Нельсон поддерживал ещё с 1968 года, выступая, правда, не за полное снятие запрета, а за расширение списка исключений из него: ради сохранения здоровья матери или в случае обнаружения патологий у плода. Эту реформу провести не удалось, но в 1970 году законодатели приняли закон о разрешении абортов, и Рокфеллер его подписал. А два года спустя наложил вето на новый закон — о восстановлении запрета абортов. «Я не считаю правильным, когда группа людей на-

вязывает свои представления о морали всему обществу», — пояснил он своё решение.

По вопросу же о наркотиках он со временем занял жёсткую позицию. Новый закон, принятый в 1973 году, предусматривал пожизненное заключение без возможности условно-досрочного освобождения или выпуска под залог для употребляющих сильнодействующие наркотики, наркотики и тех, кто совершил жестокие преступления под действием наркотиков; за информацию о лицах, подсаживающих на иглу, полагалась награда в тысячу долларов; от сурового наказания теперь не мог уберечь даже юный возраст правонарушителей. Общественность по-разному воспринимала эти меры, да и результаты не были однозначными. Одним лишь кулаком всего не добьёшься: Нельсон учредил Комиссию по контролю над наркозависимостью и дал денег на исследования о лечении наркоманов метадонном в рамках программы реабилитации.

Разумеется, этим его деятельность не ограничивалась. В правление Рокфеллера Университет штата Нью-Йорк стал крупнейшей системой государственного высшего образования в США: вместо 29 кампусов и 38 тысяч студентов он теперь включал в себя 72 кампуса и насчитывал 232 тысячи студентов на постоянном обучении. На территории Пёрчейз-колледжа, основанного им же в 1967 году, Нельсон построил художественный музей по проекту Филипа Джонсона, чтобы разместить там более пятисот картин из коллекции своего давнего друга Роя Ротшильда Нойбергера* (родившегося в США и к европейским Ротшильдам никакого отношения не имевшего). Музей Нойбергера открылся в 1974 году. Губернатор настоял на приобретении частного Университета Буффало, который вошёл в состав Университета штата Нью-Йорк, а в 1971 году добился соз-

* Нойбергер работал на Уолл-стрит в фирме, продававшей акции Рокфеллеровского центра. В 1939 году он купил первую картину, кисти Питера Хёрда, и предоставил её для устроенной Нельсоном Рокфеллером передвижной выставки американского искусства, объехавшей несколько стран Южной Америки. Впоследствии он собирал произведения Джексона Поллока, Александра Колдера, Стюарта Дэвиса, Эдварда Хоппера, Джейкоба Лоуренса, Дэвида Смита и особенно интересовался творчеством Милтона Эвери, которому помог прославиться. Картины из своей коллекции он никогда не продавал, считая, что это было бы преступлением, потому что все они приобретены «по любви»; зато дарил их и Метрополитен-музею, и Музею современного искусства, и музеям при колледжах и университетах.

дания колледжа для взрослых с программами заочного обучения. Финансовая помощь начальной и средней школе увеличилась вчетверо; в государственные школы стали принимать детей-инвалидов, а на местном телевидении впервые появился образовательный канал.

Став губернатором, Нельсон наконец-то смог частично осуществить юношескую мечту стать архитектором: занялся созданием и благоустройством парков, собрав на эти цели более 300 миллионов долларов; в штате Нью-Йорк появилось 55 новых парков. Попутно Нельсон поощрял научные исследования в области экологии, запустил программу «Чистая вода»*, запретил использование пестицидов... Но одновременно он возводил небоскрёбы — офисные центры, торговые комплексы, — что побуждало острословов шутить по поводу его собственных комплексов. «Саут-Молл» в Олбани обошёлся в два миллиарда долларов (в 1978 году новый губернатор Хью Кэри переименует его в «Эмпайр-стейт-плаза Нельсона Рокфеллера»): на территории в 40 гектаров выстроились небоскрёбы вокруг яйцевидного центра искусств, для которого штат Нью-Йорк приобрёл несколько картин и скульптур. Строительство башен-близнецов Всемирного торгового центра тоже было идеей Нельсона. Он же ввёл облигации, обеспеченные моральными обязательствами властей штата, на средства от продажи которых было построено 88 тысяч квартир для небогатых семей и пожилых людей. (Потом некоторые критиковали Рокфеллера: будто бы именно из-за него в финансовой системе США возникла концепция «Слишком большой, чтобы упасть».)

В жилых комплексах и общественных местах стал действовать запрет на дискриминацию любого рода; теперь оказалась вне закона спекуляция недвижимостью, когда риелторы скупали по дешёвке дома у белых владельцев, пугая их, что в этом квартале скоро поселятся негры, а потом продавали их втридорога чернокожим, пытающимся вырваться из своих гетто. Доля афроамериканцев и латиносов среди госслужащих увеличилась почти на 50 процентов;

* В мае 1973 года президент Никсон назначил Нельсона Рокфеллера председателем Национальной комиссии по качеству воды, которая должна была определить технические, экономические, социальные и экологические последствия применения норм, содержащихся в поправках к федеральному закону о контроле над загрязнением воды от 1972 года. Комиссия представила отчёт в марте 1976 года, и Нельсон доложил конгрессу о сделанных ею выводах.

женщин стали назначать на руководящие посты в крупных государственных агентствах и принимать на работу в полицию. Программа медицинского обслуживания нуждающихся в штате Нью-Йорк была самой крупной в стране, зато раздача пособий сократилась: работоспособные должны были соглашаться на предложение работы или проходить переобучение (Джон Д., должно быть, одобрительно кивал внуку с небес). В районах проживания бедного населения детей бесплатно кормили завтраками; власти штата предоставляли ссуды некоммерческим организациям для создания центров дневного пребывания.

Рокфеллер внёс на рассмотрение законодателей первый в США закон о минимальной зарплате, которую за время его правления повышали пять раз. В сотрудничестве с профсоюзами были созданы программы пенсий для бюджетников — учителей, преподавателей, пожарных, полицейских, тюремных охранников. Средства изыскивались разными путями; например, Нельсон внедрил в штате государственную лотерею и внеипподромный тотализатор. Бюджет штата вырос с 2,04 миллиарда долларов в 1959 году до 8,8 миллиарда в 1974-м (но за эти же 15 лет Рокфеллер восемь раз повышал налоги). Государственный долг тоже существенно вырос, потому что Рокфеллер практиковал выдачу облигаций общественно полезными организациями, которых он создал целых 230. Для выпуска таких облигаций не требовалось проводить референдум, а проценты по ним были выше, чем по государственным. Но эта политика привела к налогово-бюджетному кризису 1975 года. В общем, Нельсон хотел сделать слишком много и слишком быстро, что часто ставило ему в упрёк.

...За четыре месяца до президентских выборов 1972 года в штабе Макговерна, находившемся в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне, задержали пятерых неизвестных, устанавливавших там «жучки» и фотографировавших документы. Доказать по горячим следам связь этого происшествия с Никсоном не удалось, и он легко победил, набрав 60,7 процента голосов избирателей и установив рекорд по отрыву от соперников (у Макговерна было 37,5 процента, у Джона Шмитца от Американской независимой партии — 1,4 процента; на долю остальных девяти кандидатов пришлось 0,4 процента). Это были первые выборы после принятия 26-й поправки к Конституции США, понизившей возраст избирателей с двадцати одного года до восемнадцати лет. 27 января 1973 года было подписано Парижское мирное

соглашение, по которому американские войска, ещё оставшиеся во Вьетнаме (24 тысячи человек), должны были покинуть его. Вывод войск завершился в конце марта.

Уинтроп Рокфеллер этого не увидел — 22 февраля он скончался в Палм-Спрингс, штат Калифорния, прожив всего-то 60 лет. В сентябре у него обнаружили неоперабельную опухоль поджелудочной железы, он прошёл мучительный курс химиотерапии. Жители Арканзаса были шокированы: бывший великан превратился в бледную тень. После смерти его кремировали, а прах захоронили на территории «Уинрок фармз» в Моррилтоне. Основанный Уинтропом Музей автомобилей в Пти-Жане передали «Паркам штата Арканзас».

В ноябре 1972 года «Чейз» стал первым американским банком, получившим разрешение открыть своё представительство в СССР. Официальное открытие состоялось в мае следующего года*. Для чиновников пришлось устроить банкет, и Дэвид, не скрывая презрения, рассказывает в мемуарах о «саранче», которая смела со столов буквально всё.

Несколькими месяцами раньше, в январе, Дэвид передал через Лео Пьера приглашение на чай Хуан Хуа и его жене Ли Лиян. Впрочем, визит китайского посла прошёл не совсем гладко. Гости, находившиеся в Нью-Йорке уже почти год, впервые попали в частный дом; когда с официальными приветствиями было покончено, оказалось, что тем для разговора практически нет. Пегги Рокфеллер извинилась перед гостями за то, что не может предложить им традиционную чайную церемонию, и муж сделал ей «страшные глаза»: это китайцы, не японцы! Она совсем смутилась. Только когда гости собрались уходить, Дэвид сказал как бы между прочим, что хотел бы посетить Китай. Посол, явно не желавший связывать себя какими-либо обязательствами, сообщил, что на непродолжительное время возвращается на родину, а после будет рад снова увидеться. Но их новая встреча состоялась гораздо раньше, чем оба предполагали. Вечером того же дня Генеральный секретарь ООН Курт Вальдхайм пригласил Рокфеллера с супругой на прощальный обед в честь Джорджа Буша, покидавшего пост представителя США при ООН. Там было всего 16 гостей, и Хуан Хуа явно удивился, увидев банкира среди дипломатов.

* Дэвид Рокфеллер в мемуарах называет адрес: «площадь Карла Маркса, дом 1». Но в Москве не было такой площади. Скорее всего, представительство банка находилось в начале проспекта Маркса, неподалёку от Театральной площади, где стоит памятник Карлу Марксу.

Съездив на родину, он, как и обещал, сообщил Рокфеллеру о своём возвращении, и тот устроил ему экскурсию по Музею современного искусства, а затем пригласил к себе домой на обед.

В скором времени Дэвид Рокфеллер стал первым американским банкиром, посетившим с визитом КНР, а банк «Чейз» — первым американским корреспондентским банком Банка Китая после прихода к власти коммунистов. «В 1973 году поездка в Китай могла рассматриваться как донкихотство с учётом антипатии коммунистов ко всему тому, что представляли “Чейз” и я сам, — пишет Дэвид в мемуарах. — Китайцы продолжали оставаться непримиримо враждебными к капитализму, а их ксенофобия не знала границ. Страна по-прежнему находилась в жестоких тисках Великой пролетарской культурной революции, а покрытый тайной стиль руководства Мао Цзэдуна не позволял судить о том, кто одержит верх: радикалы, руководимые женой Мао Цзян Цин, или же умеренные реформаторы, которых без лишнего шума поддерживал осторожный Чжоу (Чжоу Эньлай, глава Госсовета КНР, второй человек в стране. — *Е. Г.*). Мы ехали в Пекин на автомобиле по ухабистой дороге, забитой людьми на велосипедах и повозками, запряжёнными лошадьми и парами быков. Автомобилей было мало как в этот вечер, так и во время всей нашей поездки в Китай. Наконец мы прибыли в бывший когда-то элегантным и находившийся в центре города, всего в нескольких кварталах от площади Тяньаньмэнь и Запретного города, отель “Пекин”. Этот отель, построенный в начале века для европейских путешественников (мои родители и тётушка Люси останавливались в нём в 1920-х годах), обнаруживал после всех прошедших лет явные признаки упадка. Тем не менее это была лучшая гостиница в городе, а персонал был вежливым и внимательно относился к нашим нуждам». Беседа с Чжоу Эньлаем состоялась в Большом народном дворце поздно вечером 29 июня.

В том же месяце, после визита Брежнева в Вашингтон, СССР и США подписали протокол о создании Американо-советского торгового-экономического совета — неправительственной организации, которая должна была заниматься развитием двусторонних экономических связей. Дэвида Рокфеллера в него не включили, и это его сильно обеспокоило. Почему? Он ли не прилагал усилий для сближения с Советами? После долгих раздумий он пришёл к выводу, что, скорее всего, «удружили» конкуренты. «Когда я за-

дал вопрос об этом министру торговли Фредерику Денту, он сказал мне, что, поскольку я уже был членом американо-китайского комитета, все полагали, что я не буду заинтересован в работе ещё в одном комитете, который имел отношение к Советскому Союзу, — пишет он в своей книге. — Поскольку этот вопрос никогда передо мной поставлен не был, сомневаюсь в правдивости этого объяснения. Во всяком случае, советский министр внешней торговли Николай Патолитчев указал, что моё отсутствие было абсурдом, и, в конце концов, чтобы ввести меня в состав этой группы, вмешался Генри Киссинджер».

Политическое лето было жарким. Мало того что сенатская комиссия, сформированная ещё в марте, расследовала «дело Уотергейта», так ещё и над вице-президентом Spiro Agnew нависли обвинения в коррупции и уклонении от уплаты налогов. Глава небольшой строительной фирмы из Мэриленда заявил под присягой, что встречался с Агню в Белом доме и передал ему десять тысяч долларов наличными; Агню возразил, что это были пожертвования на избирательную кампанию, а не откат за строительный подряд... Президент Никсон отказался комментировать прокуратуре свои разговоры с помощниками в Овальном кабинете, записанные на плёнку, и приказал генпрокурору Эллиоту Ричардсону уволить прокурора Арчибальда Кокса, обратившегося за комментариями, а также взять под личный контроль расследование против Агню. В августе и сентябре газеты каждый день печатали новые разоблачения. 10 октября Агню предстал перед федеральным судом в Балтиморе, был приговорён к штрафу в десять тысяч долларов и отпущен с назначением трёхлетнего испытательного срока без надзора. Одновременно он передал официальное письмо об отставке госсекретарю Генри Киссинджеру и сообщил Никсону, что уходит с поста в интересах государства. Никсон похвалил Агню за патриотизм и приверженность интересам США. Лидер парламентского меньшинства Джералд Форд узнал новость об отставке Агню, находясь в палате представителей. Сначала не поверил, потом огорчился. Но именно его, согласно 25-й поправке к Конституции, Никсон назначил вице-президентом вместо Агню. Сначала, правда, он подумал о Нельсоне Рокфеллере, но президенту сказали, что кандидатуру Форда будет легче провести через конгресс, чем кого-нибудь из лидеров республиканцев. В самом деле, за Форда проголосовало большинство в обеих палатах, и 6 декабря он принёс присягу.

Осуждённого Агню исключили из адвокатуры. Тогда он основал консалтинговую фирму, которая в последующие годы обзавелась широкой международной клиентурой. «От меня польза в одном: это способность проникнуть в верхушку», — говорил Агню. Для заключения сделок на поставку военной формы иракской армии он провёл переговоры с Саддамом Хусейном, а позже, на ту же тему, — с румынским лидером Николае Чаушеску.

В конце января 1974 года началась новая сессия конгресса, и сенатор Джексон внёс на рассмотрение поправку к закону о торговле, которая связывала предоставление коммунистическим странам режима наибольшего благоприятствования со свободой эмиграции, в частности, для советских евреев, желающих выехать в Израиль. Завязались сложные переговоры между Джексонем, Киссинджером и советским послом в США Анатолием Добрыниным. Параллельно палата представителей начала процедуру импичмента президента Никсона. На этом фоне тихая кончина 88-летнего Уинтропа Олдрича 26 февраля была замечена разве что его родными.

В начале августа, когда заключение по импичменту уже собирались передать в сенат, обнаружили кассеты, записанные ещё 23 июня 1972 года: Никсон обсуждал с главой своей администрации историю в «Уотергейте», размышляя, как бы подключить ЦРУ и ФБР, чтобы замять это дело. Теперь даже самые ярые сторонники Никсона поняли, что импичмента не миновать. 9 августа Никсон ушёл в отставку, и новым президентом стал Джералд Форд — впервые в истории без выборов*. «Я не стремился к этой огромной ответственности, но не стану уклоняться от неё, — заявил новый глава государства в обращении к народу, транслировавшемся в прямом эфире. — Назначившие и утвердившие меня вице-президентом были моими друзьями и остаются моими друзьями. Они принадлежали к обеим партиям, были избраны всем народом и действуют согласно Конституции от его имени... Я обещаю им и вам, что буду президентом всего народа».

Место вице-президента теперь оказалось вакантным, Форду пришлось выбирать между возглавлявшим либеральное крыло республиканцев Нельсоном Рокфеллером,

* Раньше вице-президенты, заменявшие выбывших президентов, имели мандат доверия от нации, поскольку избирались вместе с президентами; Форд же был назначен на этот пост президентом Никсоном после отставки в 1973 году Спиро Агню.

представителем США в НАТО Дональдом Рамсфелдом и председателем национального комитета Республиканской партии Джорджем Бушем. Кандидатура Буша была отмечена после статьи в журнале «Ньюсуик» о том, что в 1970 году, баллотируясь в сенаторы, тот брал деньги из «чёрной кассы» Никсона*. Рамсфелда президент назначил главой своей администрации, а законодателям представил Рокфеллера: опытный руководитель, умеет заручиться поддержкой избирателей, которые обычно не голосуют за республиканцев, способен найти общий язык с профсоюзами, афроамериканцами, латиносами, и вообще — личность. С ним в связке можно будет пойти и на следующие выборы. Сам Рокфеллер не горел желанием «изображать мебель», однако в конце концов согласился, чтобы избежать конституционного кризиса: «Я почувствовал, что это долг любого американца, который может хоть что-то сделать для восстановления доверия к демократическому процессу и порядочности правительства». Кроме того, Форд клятвенно пообещал сделать его «полноправным партнёром», особенно по части внутренних дел.

Начались долгие слушания в конгрессе, во время которых возник неловкий момент: выяснилось, что губернатор Рокфеллер делал щедрые подарки представителям администрации, включая Киссинджера, и профинансировал из своего кармана издание клеветнической биографии своего политического противника Артура Голдберга. (Нельсон поддерживал с Киссинджером дружеские отношения, но при этом выдавал ему зарплату как консультанту по внешней политике. В 1969 году, когда Киссинджер вошёл в состав администрации Никсона, Рокфеллер выплатил ему выходное пособие в 50 тысяч долларов.) Встал вопрос и по поводу вычетов из федеральных налогов. Чтобы его закрыть, Нельсон согласился заплатить 900 тысяч долларов, а кроме того, задекларировал и передал в анонимный трастовый фонд все свои активы. Барри Голдуотер, у которого был зуб на Рокфеллера, отказался поддержать его кандидатуру; против него вели кампанию и некоторые партийные группы. Левая

* Кстати, 8 сентября Форд помиловал Ричарда Никсона, прославившегося фразой: «Если это делает президент, значит, это законно», — и таким образом прекратил все судебные разбирательства в отношении предшественника. Своё решение он объяснил состоянием здоровья Никсона и желанием примирить американцев. Но рейтинг Форда после этого резко упал, а его друг и пресс-атташе Джералд Терхорст подал в отставку.

группа «Американцы за демократию» утверждала, что личное богатство Рокфеллера способно породить конфликты интересов. Тем не менее его кандидатуру утвердили и палата представителей (287 голосов «за», 128 «против»), и сенат (90 против семи). Он подал в отставку с поста губернатора, хотя остался руководить несколькими правительственными и частными комиссиями, и 19 декабря принёс присягу. Теперь, если бы с президентом что-то случилось, власть досталась бы Рокфеллеру, а не спикеру палаты представительей Карлу Альберту.

Той осенью и Форду, и Рокфеллеру пришлось пережить и по другой причине. В конце сентября первая леди за компанию с подругой пошла на медицинское обследование, и у неё обнаружили рак груди. 27-го числа Бетти Форд удалили одну грудь в военном госпитале под Вашингтоном, и 10 октября она, стоя рядом с мужем, зачитала в сенате петицию, в которой обращалась к женщинам с призывом обследоваться и не бояться операции, способной спасти им жизнь. В 1950—1960-е годы на эту тему было наложено табу; если женщины умирали от рака груди, в некрологе писали: «скончалась от продолжительной болезни» или «от женской болезни». После выступления Бетти в Белый дом хлынул поток телеграмм, писем и цветов, а в последующие месяцы десятки тысяч американок прошли обследование. Решилась на этот шаг и Хеппи Рокфеллер — как оказалось, очень вовремя, потому что всего через две недели после операции первой леди ей сделали двойную мастэктомию...

Кабинет по-прежнему состоял из людей Никсона, которые быстро отгёрли Рокфеллера в сторону. Дональд Рамсфелд возражал против того, чтобы члены администрации отчитывались перед президентом через вице-президента. Когда директором Совета по внутренним делам назначили одного из бывших помощников Нельсона, Джеймса Кэннона, Рамсфелд урезал ему бюджет. Рокфеллера исключили из процесса принятия решений по многим важным вопросам.

Форд считал, что главной угрозой для американской экономики является не перспектива экономического спада, а инфляция. Американцев призывали сократить расходы и потребление, особенно бензина. Президент ожидал получить такой же отклик, как Франклин Рузвельт во время Второй мировой войны, но времена были уже не те. Тогда Форд предложил экономический план из десяти пунктов, в основе которого лежало увеличение налогов для

корпораций и людей с высокими доходами. Однако страна погрузилась в кризис, напомнивший о Великой депрессии.

Уже в ноябре Форд отозвал своё предложение о повышении налогов, а два месяца спустя предложил, напротив, понизить их в течение года, чтобы стимулировать экономический рост. Такие метания не добавили ему популярности. «Это самый важный шаг, какой только сделал президент, а со мной даже не посоветовались», — расстроился Нельсон. (Хотя Форд не советовался с ним в отношении своей инициативы по борьбе с инфляцией, именно ему он поручил проводить её в жизнь.) Конгресс принял план, сокращавший налоги и повышавший правительственные расходы. Форд хотел применить право вето, но в итоге подписал этот закон в конце марта 1975 года. За десять недель до этого, 3 января, он подписал закон о торговле с поправкой Джексона. Брежнев ответил отказом предоставить гарантии свободы эмиграции и вообще что-либо менять в договоре 1972 года. «В конце концов эта поправка не только убила саму возможность торгового соглашения между Соединёнными Штатами и СССР, но и вызвала практическое прекращение еврейской эмиграции из Советского Союза, — пишет Дэвид Рокфеллер в мемуарах. — Многие эксперты считают, что конец периода разрядки был связан с этим близоруким действием конгресса, и я с ними согласен».

Нельсон перенёс резиденцию второго лица в государстве в Военно-морскую обсерваторию США, где прежде размещался командующий военно-морскими операциями. Раньше вице-президенты должны были содержать свои дома на собственные деньги, но из-за необходимости постоянного присутствия там агентов безопасности это становилось нереально. (У Рокфеллера уже была надёжно защищённая резиденция в Вашингтоне, но он не жил в этом доме постоянно, хотя и исполнял там кое-какие официальные обязанности. Впрочем, он был достаточно богат, чтобы потратить миллионы долларов на обстановку.) Кроме того, вице-президенту полагался «борт № 2», но Нельсон продолжал летать на собственном «гольфстриме», чтобы не тратить деньги налогоплательщиков. Однако секретная служба убедила его, что полёты на «борту № 2» вместе с охраной обойдутся налогоплательщикам дешевле, чем оплата перелётов всем агентам по отдельности для обеспечения его охраны.

Когда вице-президент поднимался на палубу военного корабля, там поднимали специальный флаг, введённый в

1915 году и узаконенный отдельным актом в 1936-м. Выглядел он так же, как президентский, только с заменой цветов на противоположные: синий орёл на белом фоне. В 1945 году президентский флаг изменили, вице-президентский — три года спустя: на белом фоне орёл с опущенными крыльями, в лапе у него одна стрела, а не традиционные тринадцать, зато он вписан в круг из тринадцати синих звёзд. Вице-президентам этот флаг не нравился: орёл какой-то понурый — не орёл, а «подбитая перепёлка». Но только Нельсон Рокфеллер добился от Джералда Форда, чтобы флаг был-таки изменён — особым приказом от 7 октября 1975 года. Теперь на нём был такой же герб, как на президентском, и в каждом углу по синей звезде. Изменив вид печати вице-президента, Нельсон с горечью сказал: «Это самое важное дело, которое мне удалось осуществить».

Форд ввёл Рокфеллера в Комиссию по организации правительства для проведения внешней политики, назначил председателем Национальной комиссии по производительности, Федерального комитета по компенсациям, Комитета по праву на частную жизнь, а также Комиссии по расследованию деятельности ЦРУ, которую для краткости называли Рокфеллеровской. Причиной её создания послужили разоблачения «Нью-Йорк таймс» в декабре 1974 года: журналист Сеймур Герш на основании проведённого им расследования утверждал, что ЦРУ осуществляло незаконную деятельность, собирая данные об антивоенных активистах и диссидентах, вскрывая почту, а также ставя эксперименты на гражданах США в 1960-е годы, в том числе в области управления сознанием. Комиссия должна была заняться всеми этими вопросами, а также убийством Джона Ф. Кеннеди (документальные кадры, снятые частным лицом, впервые показали по телевидению в 1975 году). Конгресс начал собственное расследование, учредив 27 января сенатский комитет Чёрча, а 19 февраля — комиссию Недзи в палате представителей; пять месяцев спустя её сменила комиссия Пайка. В июне Рокфеллеровская комиссия представила доклад, в котором в целом оправдывала ЦРУ, хотя и отмечала, что «ЦРУ предприняло некоторые действия, достойные порицания и повторения которых нельзя допустить». В июле «Нью-Йорк таймс» сообщила, со ссылкой на неназванные источники в Рокфеллеровской комиссии, об эксперименте с наркотиком ЛСД для контроля над сознанием, который проводил химик Сидни Готлиб, прозванный в ЦРУ «чёрным колдуном», и в результате которо-

го погиб микробиолог Фрэнк Олсон. (В 1972 году Готлиб, разочаровавшись в эффективности своей работы, покинул ЦРУ, а год спустя уничтожил все записи, касавшиеся этой экспериментальной программы. Когда сын Олсона явился к нему в Калпепер, штат Виргиния, Готлиб жил там на природе, разводил коз, питался йогуртами и призывал к миру и охране окружающей среды.) Пресса критиковала комиссию за то, что она оставила без внимания убийства, осуществлённые ЦРУ. Джералд Форд опасался, что сенатский комитет Чёрча будут использовать в партийных целях, и отказался передать ему секретные материалы; однако Уильям Колби, возглавивший ЦРУ в 1973 году, согласился сотрудничать со следственным комитетом. «Каждый раз, как Билл Колби оказывается поблизости от Капитолийского холма, чёртов дурак испытывает непреодолимую потребность признаться в каком-нибудь ужасном преступлении», — ворчал Генри Киссинджер.

Пятого сентября Форд выступал с речью в Сакраменто. В парке возле Капитолия штата Калифорния его дождалась толпа. Когда он переходил улицу, женщина в красном платье, Линетт Фромм, навела на него пистолет. Агент безопасности Ларри Буендорф успел её обезоружить. 22 сентября в Сан-Франциско другая женщина, Сара Джейн Мур, всё-таки выстрелила в президента, но не попала; её скрутил бывший морпех Оливер Сипл, находившийся в толпе. А вечером 14 октября девятнадцатилетний Джеймс Саламайтс врезался на своём «бьюике» в президентский бронированный лимузин в Хартфорде, штат Коннектикут. Форд не пострадал, но был потрясён случившимся. Это происшествие показалось ему зловещим предзнаменованием. Надвигались очередные президентские выборы, а Форду было практически нечего противопоставить своему главному сопернику Рональду Рейгану; да ещё и Рокфеллер мог оказаться мельничным жерновом, который потянет его вниз: слишком стар (на три года старше Рейгана), слишком либерален, да и Юг не проголосует за северянина. 28 октября Форд вызвал к себе Рокфеллера и попросил сняться с выборов. На следующий день президент выступил с речью, в которой отказал городу Нью-Йорку в федеральной помощи, о которой просил Рокфеллер. Газета «Нью-Йорк дейли ньюс» вышла с крупным заголовком на первой странице: «Форд — городу: отвали». Конечно, Форд не выразился именно так, но словечко «отвали» к нему прицепилось. Нельсон написал ему поспешное и гневное письмо, под-

твердив, что не будет баллотироваться в вице-президенты. Форд решил пойти ещё дальше. Бывший советник Никсона Брис Харлоу посоветовал ему уволить всю президентскую администрацию, которую Киссинджер называл «кухонным кабинетом».

Коренную реорганизацию правительства комментаторы окрестили «резнёй на хеллоуин». 3 ноября президент объявил, что Нельсон Рокфеллер не будет баллотироваться в вице-президенты и что вместо Уильяма Колби директором ЦРУ станет Джордж Буш. Министром обороны вместо Джеймса Шлезингера Форд назначил Рамсфелда; сменивший его 34-летний Дик Чейни стал самым молодым главой президентской администрации. Колби предложили стать постоянным представителем США при НАТО, но он отказался. Киссинджер остался госсекретарём, но потерял должность советника по национальной безопасности — на неё был назначен Brent Скоукрофт. Министром торговли вместо Роджерса Мортон стал Эллиот Ричардсон. В газетах писали, что всё это было спланировано Рамсфелдом, однако Форд настаивал, что это его инициатива. Нельсон ему не поверил. «Рамсфелд хочет быть президентом США, — предупреждал он Форда. — Он сбросил за борт Джорджа Буша, посадив его в ЦРУ, отделался от меня... Он стоял третьим в вашем списке, а теперь избавился от нас двоих... Вы не сможете внести его в список, потому что он министр обороны, но он не захочет видеть в этом списке никого, кто сможет быть избранным вместе с вами... У меня серьёзные вопросы по поводу его лояльности к вам».

Киссинджер всё же считал Нельсона Рокфеллера довольно влиятельным лицом. В конце марта 1976 года произошёл переворот в Аргентине: власть захватила военная хунта. Хосе Альфредо Мартинес де Оса, назначенный министром экономики, затеял приватизацию госкомпаний. Однако многие военные, надеявшиеся попасть в руководство этих компаний, препятствовали его политике. Аргентина, стоявшая на грани дефолта, остро нуждалась во внешних займах, и тогда Киссинджер предложил министру свою помощь: пообещал позвонить Дэвиду Рокфеллеру, который сможет предоставить необходимые ресурсы, и его брату Нельсону, вице-президенту США. Дэвид действительно оказал финансовую поддержку Аргентине, а Нельсон — политическую.

В 1976 году экономика начала оживать, уровни инфляции и безработицы понизились. И всё же дефицит бюджета

та составлял 74 миллиарда долларов. Несмотря на то что Нельсона так грубо сбросили с политических счетов, он вёл активную предвыборную кампанию в пользу Форда. Он сохранил всё своё обаяние и умел держать удар. Когда его спросили, что ему как вице-президенту дозволено делать, он ответил: «Езжу на похороны. Езжу на землетрясения». (В 1976 году в мире произошло 162 сильных землетрясения, из них 12 крупных и три гигантских.) 13 мая Нельсон посетил Фриули в Италии и сделал пожертвование в пользу местного населения, пострадавшего от стихии. А 27-го числа умерла Бабс, два года назад похоронившая третьего мужа... Но когда вопросы становились слишком агрессивными, Рокфеллер мог ответить резко. В анналы вошла фотография с митинга в Бингемптоне, штат Нью-Йорк, где Нельсон показывает крикунам средний палец, что в те времена было крайне неприлично. Зато газетчики стали использовать новый эвфемизм: «жест Рокфеллера».

Интересно, что, будучи вице-президентом, Нельсон Рокфеллер состоял в братстве «Орден рыцарей Пифиаса», основанном 19 февраля 1864 года в Вашингтоне Джастисом Ратбоном, на которого произвела сильное впечатление легенда о друзьях Пифиасе и Дамоне: первый предложил отдать свою жизнь за второго. Точную дату вступления Нельсона в это общество нам обнаружить не удалось. Членом братства мог стать здоровый совершеннолетний мужчина, верящий в Высшее существо. Общество было тайным; новым членам, принятым тайным голосованием, дарили символический меч. Братство поддерживало «достойных пифианцев в беде, оказывало помощь жертвам катастроф национального и местного масштаба, содержало лагерь для непривилегированной молодёжи и дома престарелых, где проживали его члены, спонсировало школы, программы безопасности на дорогах и медицинские исследования. В своё время в нём состояли многие политики, включая президентов Уильяма Маккинли и Франклина Д. Рузвельта, а также одного из предшественников Нельсона Рокфеллера — Хьюберта Хамфри. Золотой век братство пережило в 1920—1930-е годы, а к началу семидесятых находилось в упадке, однако не прекратило существование.

С большим трудом Форд всё-таки стал кандидатом в президенты от Республиканской партии, обойдя Рейгана, который отказался идти в вице-президенты. Это место предложили сенатору из Канзаса Бобу Доулу. Демократы выставили бывшего губернатора Джорджии Джимми Кар-

тера — практически «тёмную лошадку». Несмотря на весь свой «пассив» (экономический спад, падение Южного Вьетнама, прощение Никсона), Форд хорошо провёл первые теледебаты, и ко дню выборов кандидаты шли практически «ноздря в ноздю». Победил всё-таки Картер. Позже Форд скажет: «Я злился на себя за то, что проявил трусость, не заявив ультраконсерваторам: на выборы пойдут Форд и Рокфеллер, и будь что будет». Много лет спустя он назвал это «самой большой политической ошибкой в своей жизни и одним из немногих трусливых поступков». 10 января 1977 года, перед тем как оставить пост главы государства, Джералд Форд наградил Нельсона Рокфеллера президентской медалью Свободы, учреждённой Гарри Трумэном, за «существенный вклад в безопасность и защиту национальных интересов США, в поддержание мира во всём мире, а также в общественную и культурную жизнь США и мира».

Президент Картер предложил Дэвиду Рокфеллеру пост министра финансов США, но тот отказался. А 39-летний Джей Рокфеллер был избран губернатором Западной Виргинии, потратив на свою кампанию три миллиона долларов из средств семьи. На утверждения о «купленных выборах» он отвечал лозунгами о великом будущем Западной Виргинии, которое надо строить вместе. Избирателей-демократов в этом штате было вдвое больше, чем республиканцев, к тому же к услугам Рокфеллера были опытные пиаршики, помогавшие выстраивать кампанию, избегая сложных вопросов. Джей отступился от своего обещания 1972 года покончить с открытой добычей угля. Теперь любая добыча была хороша, лишь бы родной штат процветал, а шахтёры голосовали за него.

Мы — Рокфеллеры

В 1977 году восьмидесятилетняя вдова Маргарет де Кузвас снова вышла замуж — за Раймундо де Лоррена Вальдеса, которому тогда было 42 года (но это по документам; на самом деле — 47). Жених подарил невесте на свадьбу инвалидное кресло улучшенной конструкции (Маргарет страдала от артрита) и вставные зубы. Церемония состоялась в Палм-Бич, в доме некоего Уилсона Лукома — «давнего друга» Маргарет, как он потом скажет. Детей на неё не позвали.

«Сумасшедшая маркиза» неустанно поставляла информационные поводы для бульварной прессы. Журналы пи-

сали о её причудах (типа десяти радиоприёмников, настроенных на разные программы и работающих одновременно), щедрых подарках (яхта, «роллс-ройс», пара «феррари» и даже самолёт одному лишь Яну де Врому — голландскому гонщику и, как говорили, бывшему любовнику её мужа; ему потом перерезали глотку два негодяя, которых он привёл к себе домой из какого-то бара). В 1965 году, когда застройщик Зигмунд Зоммер собирался снести дома 680 и 684 на Парк-авеню в Нью-Йорке (во втором раньше находилось советское консульство, затем дипмиссия СССР при ООН), откуда ни возьмись появилась маркиза де Куэвас с двумя миллионами долларов наличными и остановила бульдозеры; сохранённые здания были признаны памятниками истории. И вот теперь — свадьба.

Маргарет и Раймундо были знакомы уже 25 лет. Даже дети маркизы, неприязненно относившиеся к хореографу, которого считали альфонсом и вымогателем, были вынуждены признать, что он очень заботливо относится к их матери: сам делает ей маникюр, причёсывает, одевает, следит за её здоровьем и гигиеной... И всё же трудно было назвать это браком исключительно по любви.

Сын маркизы Джон де Куэвас был фактически ровесником её нового мужа, а дочь даже немного старше. В 1969 году Джон, ранее успешно занимавшийся банковскими инвестициями, отошёл от дел и посвятил себя науке: получил степень доктора философии в области биологии. Потом он стал помощником преподавателя в Гарварде и составлял головоломки для разных журналов. А Элизабет развелась и стала скульптором.

В детстве, когда они с Джоном подолгу оставались одни во Флоренции предоставленные самим себе, Бесси любила рассматривать красивые статуи. Но ей самой хотелось делать что-то большое, необъятное. «Мне нравится, когда передо мной благоговеют, как перед египетскими пирамидами. Тогда мне радостно и спокойно, — призналась она в одном из интервью. — А ещё я люблю волшебные, мифологические вещи. Если что-то ростом с тебя, это просто ещё одно человеческое существо». Возможно, отец-чилиец передал ей немного крови майя, считала она, — вот откуда её тяга к огромному. Не роденовские человеческие страсти, а бесстрастные головы ольмеков — вот её идеал.

Когда ей было уже около тридцати, она стала учиться лепке у армянского беженца Джона Ованеса, который любил изъясняться притчами. Как и её родная мать, Ованес

никогда не позволяя ей гордиться собой: «Он держал меня в напряжении». Но четыре года учёбы и ещё четыре года работы в его мастерской на 33-й улице не прошли даром. Когда Ованес велел Бесси работать по камню, она «перепугалась до смерти». Когда-то она пыталась изваять поясную скульптуру, но в итоге отбила у неё голову, поскольку ей показалось, что голова и торс не составляли единого целого. Теперь она решила сделать одну только голову, сосредоточившись на лице, и Ованес заставлял её всё время искать, а не делать что-то уже знакомое. Он умер в 1973 году. Два года спустя Элизабет, взявшая фамилию Стронг-Куэвас, стала работать со швейцарским часовщиком и ювелиром Тото Мейланом в заброшенной школе на Восточной 28-й улице. По выражению одного из её друзей, для неё эти пять лет были всё равно что служба в морской пехоте, но оно того стоило. Мейлан стал делать арматуру для её гигантских скульптур; миниатюрной Элизабет приходилось карабкаться по лестницам и орудовать тяжёлыми инструментами, нанося слой гипса нужной толщины... Некоторые её творения приобрёл для своей коллекции дядя Дэвид.

Старшее поколение Рокфеллеров тоже попадало в хронику происшествий. 10 июля 1978 года в автомобильной аварии под Покантико погиб Джон III. Ему было 72 года. Его похоронили на семейном кладбище Слипи Холлоу в Нью-Йорке. Половину его имущества унаследовала жена, а остальное согласно завещанию было поделено между некоммерческими организациями типа «Азиатского общества» и «Японского общества» и Фондом Джона Д. Рокфеллера III.

На этих похоронах Нельсон присутствовал уже как частное, а не официальное лицо. Уйдя из политики, он сосредоточился на благотворительности и искусстве, входя в правление различных фондов и Музея современного искусства. В 1978 году, увидев фотокаталог собственной коллекции примитивного искусства, он был так впечатлён работой фотографа Ли Болтина, что основал вместе с ним и редактором Полом Анбиндером издательство «Нельсон Рокфеллер пабликейшнс»*, чтобы выпустить высококачественные книги по искусству. Созданная им годом раньше компания «Нельсон Рокфеллер коллекшн» изготавливала и продавала лицензионные изображения произведений из

* Ныне это издательство «Хадсон Хиллс пресс».

его собрания — он хотел поделиться с другими «радостью жить в окружении этих прекрасных предметов». Но в пятницу 26 января 1979 года, в 70 лет, он скончался от сердечного приступа.

В субботу утром пресс-секретарь Рокфеллеров Хью Морроу заявил, что смерть наступила практически мгновенно в 22.15, когда Нельсон работал в своём офисе на 56-м этаже дома 30 на Рокфеллер-плаза; рядом с ним был только телохранитель. Но в тот же день Морроу сообщил, что перепутал личный кабинет Нельсона с рабочим — на самом деле тот скончался в своём кабинете в пятиэтажном доме 13 по Западной 54-й улице в присутствии охранника и шофёра. Однако телефонный звонок в службу спасения с 54-й улицы поступил в 23.16, и помощники Рокфеллера не могли объяснить, почему целый час никто не звал на помощь. Тогда Морроу выдал новую версию: на самом деле смерть наступила около 23.15, в доме вместе с Рокфеллером находились охранник Эндрю Хофман и личный помощник Нельсона по работе над арт-проектами Меган Рут Маршак. Именно 31-летняя мисс Маршак, проживавшая по соседству, в доме 25 на Западной 54-й улице, позвонила в полицию, как только Нельсона хватил удар, то есть в 23.16, а про 22.15 Морроу сказал врач Эрнест Исакоф, зафиксировавший смерть в больнице, которому это время назвала опять-таки мисс Маршак. Врач отказался обсуждать все эти подробности с журналистами. Ошибку в час объяснили состоянием эмоционального потрясения, в котором находилась молодая женщина. Она, кстати, «уехала за город с друзьями». Репортёры бросились опрашивать медперсонал, полицейских, прислугу и постепенно восстановили картину событий, с которой «Нью-Йорк таймс» от 29 января познакомила своих читателей.

Рокфеллер всю пятницу работал в комнате 5600 дома 30 на Рокфеллер-плаза над рукописью одной из пяти книг о его личной коллекции предметов искусства. Ему помогали Меган Маршак, Морроу и Пол Анбиндер. Меган раньше была репортёром телеграфного агентства Ассошиэтед Пресс в Вашингтоне, и Рокфеллер в бытность вице-президентом взял её к себе помощником пресс-секретаря. После истечения срока полномочий Нельсона Меган переехала с ним в Нью-Йорк и исполняла самые разные обязанности, в том числе в качестве координатора издательских проектов. 26 января около пяти часов пополудни Нельсон Рокфеллер уехал из центрального офиса в школу Бакли на Восточной

73-й улице, где бывший госсекретарь Генри Киссинджер выступал перед учащимися, среди которых был пятнадцатилетний Нельсон Рокфеллер-младший; там же присутствовала Хеппи. Представив Киссинджера жене и сыну, Рокфеллер отправился с ними домой, в дом 812 на Пятой авеню; там вся семья, включая двенадцатилетнего Марка, села ужинать. Незадолго до девяти вечера Рокфеллер уехал в дом 13 на Западной 54-й улице, построенный ещё его родителями и соединявшийся крытым переходом с домом 22 на Западной 55-й улице, где у него был офис во время губернаторства и где до сих пор работали его компаньоны. Дом 13 уже три десятка лет использовался как офис и место для частных обедов. Шофёр высадил Рокфеллера с охранником и припарковал машину у дома на 55-й улице. Перед отъездом Нельсон по телефону попросил мисс Маршак прийти на 54-ю улицу, чтобы поработать в кабинете на первом этаже. Они часа два поработали, потом Нельсону вдруг стало плохо, и он упал на пол. Меган и Хофман по очереди пытались делать ему искусственное дыхание. Мисс Маршак позвонила в службу спасения.

Первыми прибыли два полицейских. Рокфеллер в костюме и галстук, с красным лицом, лежал на полу в гостиной; он был ещё тёплый. Вокруг разбросаны бумаги. Полицейские стали делать ему непрямой массаж сердца и вызвали «скорую помощь», которая прибыла через четыре минуты. Ни пульса, ни дыхания, ни сердцебиения. Пациент в одежде и носках, но без обуви. Больному надели кислородную маску, поставили капельницу — тщетно. Комната наполнилась медиками и полицейскими; кто-то спросил: есть ли здесь родственники пациента? Нет ответа. Кто-нибудь знает его историю болезни? Нет ответа. Кто-нибудь был здесь, когда с ним случился приступ? Опять нет ответа. Попробовали произвести искусственную вентиляцию лёгких, ввели раствор декстрозы в вены на обеих руках, стимулировали сердце эфедрином... Через пять-шесть минут ровная линия кардиограммы стала слегка волнообразной; дозу повторили, добавив 500 миллиграммов хлорида кальция. Один из врачей запрашивал по рации инструкции из ближайшего госпиталя. Ввели допамин для повышения давления — безрезультатно. Хофман держал в одной руке капельницу, а в другой телефон и рацию, договариваясь о госпитализации с семейным врачом Рокфеллеров доктором Исакофом. Врач «скорой» услышал их разговор и сказал, что больного надо везти в ближайшую больницу. Тогда Хофман ошарашил

всех объяснением, что больной — Нельсон Рокфеллер. Полиция перекрыла движение в квартале, два полицейских экипажа эскортировали машину «скорой помощи», ехавшую медленно, потому что два медика продолжали делать массаж сердца. Рядом с Рокфеллером сидели мисс Маршак и телохранитель.

В больницу прибыли вскоре после полуночи; там уже были другие помощники Рокфеллера, которых привёз его шофёр. В 00.25 приехала Хеппи, затем Лоранс с женой, сыновья, другие родственники и сотрудники. В час ночи к репортёрам, собравшимся возле больницы, вышел Морроу и сообщил, что Нельсон Рокфеллер скончался. Вскрытие не проводилось. Уже в субботу родственники подали просьбу о кремации тела, и прах Нельсона тоже захоронили на Слип-и-Холлоу. Заупокойная служба состоялась в церкви Риверсайда на Манхэттене 2 февраля, на ней присутствовали около 2200 человек, включая президента Джимми Картера, бывшего президента Джералда Форда, более сотни конгрессменов, среди которых был и Барри Голдуотер, и представителей семидесяти одной страны. Два старших сына Нельсона, его брат Дэвид и Генри Киссинджер выступили с речами.

Один из патологоанатомов намекнул журналистам, что Рокфеллер мог умереть во время секса; его тотчас уволили. Но все газеты уже писали о романе Нельсона Рокфеллера с Меган Маршак. Рокфеллер купил ей квартиру, которую обставил мебелью из собственной музейной коллекции. Друзья молодой женщины утверждали, будто она похвалялась, что однажды у неё будет богатый муж. Наконец, восемнадцатилетний внук Рокфеллера Стивен публично признал, что у его деда мог быть роман — таким образом он хотел положить конец сплетням и слухам. «Я не знаю, какова конкретно была роль Меган, — сказал он, — но если у неё что-то было с дедушкой, надеюсь, что она делала всё, что могла, и что ей он обязан некоторыми из своих успехов». Смерть Рокфеллера вскоре оттеснили другие, более свежие новости, однако юморист Джонни Карсон, ведущий вечернего шоу на телевидении, всё ещё вызывал смех и срывал аплодисменты одним лишь упоминанием имени «Меган Маршак».

Витраж Шагала «Пророк Иоиль» в юнионистской церкви Покантико посвятили Нельсону

В 1979 году СССР ввёл войска в Афганистан, и на следующий год США бойкотировали летнюю Олимпиаду в

Москве (соответственно, советские спортсмены не поедут на Олимпийские игры 1984 года в Лос-Анджелесе). Но это были лишь мелкие неприятности по сравнению с ситуацией на Ближнем Востоке.

Исламская революция 1979 года свергла иранского шаха Мохаммеда Резу Пехлеви и привела к власти аятоллу Хомейни. Шах бежал из страны: сначала в Египет, потом в Марокко, на Багамы, наконец, в Мексику. У него обнаружили лимфому, так что его жизнь могла вскоре оборваться естественным путём, но исламисты упорно требовали его выдачи. Генри Киссинджер и Дэвид Рокфеллер уговорили президента Картера выдать разрешение на въезд Пехлеви в США для лечения. В ответ в ноябре мусульманские экстремисты захватили американское посольство в Тегеране, взяв в заложники 66 человек. Отпустить согласились только 13 — женщин и чернокожих. 7 апреля 1980 года США разорвали дипломатические отношения с Ираном, а Картер своим указом запретил производить любые финансовые операции с этой страной. 24-го американские военные попытались освободить заложников, но операция «Орлиный коготь» закончилась полным провалом, что отрицательно сказалось на отношении американцев к Картеру. 11 июля был отпущен только один из пятидесяти трёх заложников — он был серьёзно болен. Тем временем шаха, давно покинувшего США и через Панаму уехавшего в Египет, прооперировал знаменитый американский хирург Майкл Дебейки, удалив ему селезёнку, однако 27-го числа Реза Пехлеви скончался. Его смерть никак не облегчила участи заложников: они провели в плену в общей сложности 444 дня и были освобождены при посредничестве правительства Алжира только в 1981 году, в день вступления в должность нового президента США Рональда Рейгана.

Консерваторы тогда подняли голову по всему миру, так что избрание Рейгана вписывалось в общую тенденцию. Вице-президентом стал Джордж Буш, а Джей Рокфеллер был переизбран губернатором Западной Виргинии. Каждый поданный за него голос обошёлся ему в 29 долларов.

Политик — опасная профессия. 30 марта 1981 года семидесятилетнего Рейгана попытался застрелить психически неуравновешенный Джон Хинкли — он хотел таким образом прославиться на всю страну и завоевать любовь юной актрисы Джоди Фостер. Из шести пуль, выпущенных практически в упор, в президента попала только одна, срикошетившая от бронированного лимузина, сломала ему

ребро и застряла в лёгком, в 25 миллиметрах от сердца. Остальные угодили в пресс-секретаря и охранников, заслонивших Рейгана собой. Уже через пять минут после покушения в Белом доме собрались члены правительства, чтобы обсудить ряд важных вопросов: местонахождение ядерного чемоданчика, необычно большое количество советских подлодок у побережья Атлантики, вероятность вторжения советских войск в Польшу для подавления движения «Солидарность» и очерёдность преемников президента. Джордж Буш примчался в Вашингтон из Техаса, куда только что прилетел по делу. Но Рейган остался жив и быстро поправился, а подлодок в Атлантике оказалось не так уж и много. Правда, в Польше всё-таки ввели военное положение, и в декабре США приняли экономические санкции против СССР. Кроме того, оживились дебаты по поводу контроля над продажей оружия, начавшиеся после убийства Джона Леннона (8 декабря 1980 года). Тогда Рейган выразился против ужесточения контроля. Не стал он менять свою позицию и теперь. Принципы есть принципы.

А Дэвид Рокфеллер, отметив 66-й день рождения, ушёл с поста президента корпорации «Чейз», которую возглавлял с 1969 года, посчитав, что исполнил свою миссию, восстановив «здоровье» крупнейшего банка в мире. Однако он продолжал оказывать помощь банку, используя свои обширные связи с влиятельными людьми по всему миру. Ради дела «ДР» (так по его просьбе называли его сотрудники «Чейза») не гнушался общением с лидерами, которых кое-кто считал «нерукопожатными». «Я встречался с ними всеми, — пишет он в мемуарах. — Я имел продолжительные разговоры с маршалом Тито из Югославии, президентом Румынии Николае Чаушеску, генералом Войцехом Ярузельским из Польши и генералом Альфредо Стресснером из Парагвая. Сидел на продолжительных переговорах со всеми современными лидерами расистской Южной Африки: Генриком Фервурдом, Б. Дж. Форстером, П. В. Ботой и позже — с более просвещённым лидером Ф. В. де Клерком. Упорно вёл длительные беседы с Чжоу Эньлаем и другими высшими руководителями Китая в то время, когда ещё бушевала культурная революция, участвовал в дебатах практически с каждым из лидеров Советского Союза: от Никиты Хрущёва до Михаила Горбачёва... Несмотря на то что я не испытывал абсолютно никакой симпатии к этим режимам, я считал, что банк должен с ними работать. На протяжении своей карьеры в “Чейзе” я никогда не колебался в

отношении встреч с лидерами стран, являвшихся наиболее воинственными и упрямыми идеологическими противниками моей страны, и с правителями, деспотический и диктаторский стиль которых лично я презирал, от Хуари Бумедьена из Алжира до Мобуту Сесе Секо — правителя Заира; от генерала Аугусто Пиночета из Чили до Саддама Хусейна из Ирака».

Возможно, Дэвид потому никогда не стремился занять какую-нибудь выборную должность, чтобы не подчиняться чужой воле, а действовать так, как он сам считает нужным. Политикой он занимался по-своему: «Никогда за более чем четыре десятилетия частных встреч с зарубежными лидерами я не уступал их точке зрения, если был с ними не согласен. Напротив, использовал эти встречи, чтобы указывать уважительно, но твёрдо на пороки в их системах, как я их видел, и защищал достоинства своей собственной системы. Я использовал эти возможности, поскольку считал, что даже наиболее сильно закоренелые авторитарные системы в конечном счёте отступят перед лицом превосходящих ценностей нашей системы».

В начале восьмидесятых в США наметился очередной экономический спад, ответом на который стала «рейганомика», делавшая ставку на сбережения, а не на расходы, частные и государственные. Губернаторство Джея Рокфеллера пришлось на трудное время, когда заводы и угольные шахты закрывались, а люди оставались без работы; уровень безработицы в его штате колебался от 15 до 20 процентов и был самым высоким в стране. В 1984 году он уже не возражал против того, чтобы прежний губернатор Арч Мур вновь занял это место, и потратил более 12 миллионов, чтобы пробиться в сенат. Защищать шахтёров можно и в Вашингтоне.

Джей и раньше тратил на свои предвыборные кампании на порядок больше, чем его соперники, вот и теперь он сумел обойти 34-летнего миллионера Джона Рейси, владельца шахт, каменных карьеров, стальных заводов и двух газет в Моргантауне, который израсходовал всего 1,2 миллиона. Рейси сначала похвалялся, что он один из всех местных республиканцев способен тратить деньги наравне с Рокфеллером, однако очень скоро оказалось, что это блеф. К тому времени, как Рейси предложил установить для кандидатов потолок расходов в три миллиона, Джей выложил уже четыре. Сатирики раскручивали тему «лидерство в тяжёлые времена». Даже один из сторонников губернатора на

условиях сохранения анонимности признался «Чарлстон газетт», считавшейся пророкфеллеровской, что Джей, на его взгляд, тратит просто неприличные суммы. Автор редакционной статьи задавался вопросом, зачем Рокфеллеру расходовать такие деньги на митинги и телевидение, когда пропуск в сенат ему практически гарантирован. Похоже, политика не для него; пусть лучше «найдёт себе другое занятие, а политические приключения оставит своей жене Шэрон или следующему поколению». Шэрон в самом деле принимала деятельное участие в предвыборных кампаниях мужа. В итоге он всё же набрал 52 процента голосов. Рейси опротестовал результаты выборов, но проиграл.

Одним из видов деятельности, которой занималась Шэрон Рокфеллер, было развитие традиционных ремёсел в Аппалачах, например, изготовления стёганных одеял. В это время её тётя Элизабет Стронг-Куэвас творила в стиле авангард: с 1980 года она стала делать композиции из гигантских профилей, вкладывая в них глубокий смысл. Некоторые из её скульптур образовывали арку, сквозь которую мог проехать автомобиль. «Четырёхликий мобиль», в совокупности напоминающий гонг или гигантский глаз диаметром более трёх метров и весом более 400 килограммов, необъяснимо устойчиво стоит на узкой алюминиевой раме: ощущение невесомости достигается за счёт умело спрятанного бетонного основания. В 1985 году «Одноглазая стена» получила первый приз на выставке в Доме гильдий; бронзовый «Обелиск» установили у ворот Музея Брюса в Гринвиче, штат Коннектикут; алюминиевый «Двуликий телескоп» два года простоял на газоне перед галереей Бентона в Саутгемптоне... Но 2 декабря 1985 года в Мадриде умерла её 88-летняя мать, и стало не до искусства: Элизабет и Джон схлестнулись с Раймундо де Лорреном в ожесточённой судебной схватке за наследство.

По завещанию 1968 года, составленному в Нью-Йорке, наследниками Маргарет должны были стать её дети, однако после замужества, в 1980 году, она оформила во Флориде новое завещание с двумя позднейшими поправками, согласно которому всё имущество переходило к её мужу. Лоррена сразу заподозрили в оказании давления на «больную доверчивую старушку», как написала «Нью-Йорк таймс» 24 июня 1986 года. Лоррен же возражал, что покойная супруга, совершенно забывшая своими неблагодарными и алчными детьми, просто хотела отблагодарить его за заботу. «Моей единственной целью было сделать её счастливой, и

я знаю, что её жизнь стала лучше, потому что в ней появился я», — цитировала Раймундо газета «Орландо сентинел» 24 ноября.

До свадьбы состоянием Маргарет управлял банк «Чейз»; по его данным, замуж она вышла, имея 30 миллионов долларов. Раймундо же утверждал, что у неё было всего 16 миллионов, а к моменту смерти оставалось только около 400 тысяч в виде драгоценностей и личных вещей. Банк, указанный в завещании 1968 года в качестве душеприказчика, в апреле 1986-го обратился в суд. Лоррен подал встречный иск.

Перебранки между родственниками из-за денег — это всегда некрасиво, и каждому есть в чём упрекнуть другого. «Через два месяца после свадьбы моя мать была прикована к постели и еле могла говорить; в 1982 году она подписала завещание, не соображая, что делает! — А когда оформила вам дарственную на дом в Сен-Тропе в том же месяце — соображала? И ваш дядя Дэвид считал её вполне дееспособной в 1978 году, когда она “пожертвовала” через него два дома в Нью-Йорке, а их потом продали за 1,6 миллиона! Обратно она их не получила».

В Нью-Йорке, объяснял де Лоррен, ей просто было негде жить, вот они и перебрались во Флориду. Потом три года жили в отеле в Лозанне, затем в его доме в Сантьяго, а после его назначения чилийским культурным атташе в Испании переехали в Мадрид, в «Палас-отель». «Она жила, как королева! — Он таскал её за собой, как багаж!»

Раймундо утверждал, что дети Маргарет сговорились с Джоном Рокфеллером III, одним из управляющих трастовым фондом, учреждённым для неё делом, чтобы забирать себе часть её дохода. Она подарила детям семь миллионов, но те хотели ещё. В 1977 году управляющие выдавали ей 700 тысяч долларов в год, а в 1985-м — всего десять тысяч. «Она чувствовала себя жертвой махинации, составленной её семьёй и “Чейз Манхэттен банк”», — писал де Лоррен в исковом заявлении. При этом дети Маргарет в любом случае получили бы «несколько миллионов долларов» из трастового фонда — свою законную долю.

Постановление суда было вынесено только 25 сентября 1987 года после трёхнедельных слушаний. Имущество маркизы Маргарет Рокфеллер-Стронг де Куэвас де Лоррен оценили в 10—12 миллионов: наличные, ценные бумаги, недвижимость и драгоценности. Наличность и ценные бумаги, в том числе более трёхсот тысяч акций компании «Эксон»,

наследницы «Стандард ойл», отдали вдовцу. Элизабет и Джон получили дом в Палм-Бич стоимостью почти четыре миллиона, апартаменты в том же городе за 800 тысяч и драгоценности на 400 тысяч. Суд постановил, что прах Маргарет останется у Лоррена до его смерти, а потом перейдёт к её детям. Стороны согласились, и судья вздохнула с облегчением, иначе дело могло растянуться лет на пять, а судебные издержки составили бы миллионы долларов. Распоряжение по поводу праха выглядело странновато, поскольку в решении суда был указан возраст истцов и ответчика: Элизабет де Куэвас — 58 лет, Джон де Куэвас — 56, Раймундо де Лоррен — 52. Но 12 июня 1988 года Лоррен скончался в Париже. В газетах его называли «мучеником».

В декабре 1987 года в Вашингтон приехал Михаил Горбачёв — «энергичный и талантливый генеральный секретарь советской Коммунистической партии», как пишет Дэвид Рокфеллер в своих мемуарах. Это была уже третья встреча Горбачёва с Рейганом, её целью было подписание договора о ядерных ракетах средней дальности. Впрочем, бизнесменов больше интересовали перестройка и новые возможности. Дэвид относился к ним скептически: «В американских похвалах Горбачёву и его предложениям утонул тот факт, что он оставался связанным неотъемлемыми свойствами централизованной коммунистической экономики. Он мог быть “социалистическим реформатором”, однако по-прежнему отвергал “буржуазный капитализм” и рыночную экономику».

В Белом доме устроили официальный обед в честь Михаила и Раисы Горбачёвых. Разумеется, Дэвид и Пегги тоже были там. «Горбачёв произвёл на нас впечатление своим обаянием и свободными манерами, так сильно отличавшимися от скованности и дистанцированности других советских лидеров, с которыми я встречался, — вспоминал Рокфеллер. — Двумя днями позже я был приглашён на официальный приём в советском посольстве. Посол Юрий Дубинин пригласил несколько американских финансовых и деловых лидеров на встречу с Горбачёвым, который довольно пространно говорил о тех изменениях, которые он планирует ввести, включая более свободную торговлю и более широкие контакты с капиталистическим миром. После этого он предложил задавать вопросы. Когда Горбачёв указал на меня, я обратился к нему с вопросом, который уже задавал Косыгину десятью годами раньше. Я сказал ему, что рад услышать, что советская экономика будет от-

крываться, однако меня интересовал вопрос, каковы будут последствия этой политики для рубля. Каким образом он может рассчитывать на то, чтобы играть значительную роль на международных рынках, если валюту его страны не принимают в коммерческих операциях вне СССР? С другой стороны, сможет ли рубль стать международной валютой без снятия ограничений на свободное движение людей и товаров через международные границы? Горбачёв быстро ответил: «Мы исследуем этот вопрос и вскоре примем некоторые важные решения». И это было всё».

На выборах 1988 года Рейган передал эстафету Джорджу Бушу, который выбрал себе в напарники 31-летнего сенатора из Индианы Дэна Куэйла: нужно было привлечь на свою сторону молодое поколение американцев. «Не поверю, чтобы такой красивый парень не произвёл впечатления», — сказал о Куэйле 52-летний сенатор из Аризоны Джон Маккейн. Малоопытный Куэйл, своими непродуманными высказываниями порой ставивший однопартийцев в неловкое положение, во время теледебатов уподобил себя Джону Кеннеди, чем вызвал взрыв возмущения среди демократов. Но младший брат Джона Кеннеди, Тед, свою кандидатуру выдвигать отказался, а демократ Майкл Дукакис в итоге проиграл с разгромным счётом (за Буша проголосовали 40 штатов из 52). Перестройка же в Советском Союзе закончилась его развалом. Капиталистические ценности победили.

Клан Рокфеллеров теперь насчитывал больше ста человек, желавших поддерживать привычный образ жизни. Как сказал Дэвид-младший, «вторую “Стандард ойл” найти вряд ли удастся», поэтому нужно было принимать меры к сохранению и приумножению капитала. Долю семьи в двенадцати первых зданиях Рокфеллеровского центра сначала заложили, а в 1989 году, когда рынок находился на небывалом подъёме, продали японской компании «Мицубиси»: высвободили активы, не приносившие дивидендов (два миллиарда долларов), и вложили в трастовые фонды, существенно увеличив семейное благосостояние. (Прямыми бенефициарами фондов, учреждённых в 1934 году Джоном-младшим и приносивших наибольший доход, были только два человека из пятого поколения Рокфеллеров — внуки Нельсона Питера и Стивена-младшего; четвертое поколение жило в основном за счёт трастов 1952 года, а пятое и шестое — за счёт фондов, учреждённых их отцами или дедами при их рождении.)

Николас Хаггер, автор книги «Тайная американская мечта», утверждает, что Рокфеллеры получили выгоду и от приватизации в России, действуя через местные банки. В 1991 году «Чейз» приобрёл 85 процентов мирового производства алмазов, включая российские предприятия. Получил он доступ и к каспийской нефти. (В декабре 1998 года «Бритиш петролеум» сольётся с «Амоко», бывшей «Стандард ойл Индиана», в транснациональную компанию «БП» («ВР»), чтобы обслуживать нефтепровод из Баку к Чёрному морю.) «С учётом сотрудничества Черномырдина с Дэвидом Рокфеллером разумно заключить, что Ельцин, первый президент постсоветской России, был человеком Рокфеллеров*, — пишет Хаггер. — Горбачёв, последний президент СССР, тоже был связан с Рокфеллерами. Когда он покинул свой пост в декабре 1991 года, его связи с Рокфеллерами стали явными, потому что Фонд Горбачёва капитализировал в США три миллиона долларов из средств Фонда Карнеги для мира во всём мире, Фонда Форда и Фонда братьев Рокфеллеров». В феврале 1993 года была проведена приватизация Газпрома через московские банки: компания, оценённая Всемирным банком в 3,4 миллиарда долларов, была продана за 228 миллионов. Нефтяную компанию «Лукойл», оценённую в такую же сумму, реализовали за 294 миллиона, компанию «Единая энергетическая система России», стоившую три миллиарда, — за 467 миллионов; таким образом, Рокфеллеры завладели российским топливно-энергетическим комплексом за десятую часть стоимости.

В это время великих возможностей Лоранс продолжал тратить деньги на спасение природы от человека. Благодаря его средствам, связям и умению вести переговоры были созданы или расширены национальные парки в Вайоминге, Калифорнии, Вермонте, Мэне, на Виргинских островах

* Ельцин, в то время опальный депутат Верховного Совета СССР, посетил США в сентябре 1989 года по приглашению членов конгресса, Фонда братьев Рокфеллеров, Фонда Форда, Университета Джона Хопкинса и ещё нескольких организаций. Программа пребывания была очень насыщенной, и Дэвид Рокфеллер предоставил в распоряжение Ельцина свой личный самолёт. Интерес к лекциям гостя из России, который говорил о том, что в СССР кризис, 48 миллионов людей живут ниже уровня бедности, а коммунизм — это утопия, был огромный. В одной из газет вышла статья под заголовком «Ваши трудности нам кажутся мечтой». Личная встреча Дэвида Рокфеллера и Бориса Ельцина состоялась в Совете по международным отношениям; после заседания Дэвид дал банкет.

и на Гавайях; по карте штата Нью-Йорк, где он жил, расплзлись зелёные пятна парков, спасённых от застройщиков. Кроме того, в июне 1990 года он отдал 21 миллион долларов на основание в Принстонском университете Центра человеческих ценностей. Порой его пожертвования превышали доходы. В 1991-м конгресс наградил Лоранса Рокфеллера золотой медалью, а президент Джордж Буш назвал его «скрытым сокровищем нации». В ответной речи внук нефтяного магната призвал присутствовавших в зале политиков делать больше, чем прежде, для защиты самых ценных ресурсов страны — земли, воды и воздуха. В следующем году они с Мэри передали безвозмездно свой летний дом с фермой в Вудстоке, штат Вермонт, Службе национальных парков; там был создан Национальный исторический парк Марша—Биллингса—Рокфеллера, посвящённый истории охраны природы.

Кроме того, Лоранс, всю жизнь интересовавшийся новейшими технологиями, увлёкся научными исследованиями паранормальных явлений — например, финансировал программу Принстонского университета в области парапсихологии, начатую в 1979 году. Первоначальной целью программы были эксперименты с психокинезом и экстра-сенсорным восприятием с использованием электронных генераторов случайных событий. Руководство университета считало программу лженаучной и старалось от неё отмежеваться; полученные результаты было невозможно повторить. И всё же она будет закрыта только в 2007 году. В 1993-м же Лоранс заинтересовался неопознанными летающими объектами и вместе со своей племянницей Анной Бартли, падчерицей Уинтропа, которая тогда была президентом Фонда семьи Рокфеллер, сделал запрос в Белый дом с требованием рассекретить всю информацию об НЛО, имеющуюся в распоряжении правительства, в том числе доклады ЦРУ и ВВС. Начать можно со знаменитого Розуэлльского инцидента 1947 года. Военные категорически отрицали, что в Розуэлле приземлилась «летающая тарелка». В конце 1994 года тогдашний президент США Билл Клинтон в самом деле издал распоряжение о рассекречивании множества документов из Национального архива, однако далеко не все они были связаны с НЛО.

Между прочим, в апреле 1992 года Джей Рокфеллер, исполнявший обязанности казначея Демократической партии, подумывал, не выставить ли свою кандидатуру на президентских выборах, но отказался от этой мысли по совету

друзей и консультантов и оказал существенную поддержку Клинтону.

В декабре того же года скончалась от пневмонии его 83-летняя мать Бланшетт, страдавшая болезнью Альцгеймера. В 1999 году Джей при помощи родственников создаст в Моргантауне Институт нейробиологии имени Бланшетт Рокфеллер для научных исследований болезни Альцгеймера и прочих поражений мозга. Это единственный в мире некоммерческий институт, занимающийся исключительно изучением проблем человеческой памяти, чтобы улучшать диагностику и методы лечения неврологических и психических заболеваний.

В сенат Джей переизбирался четыре раза подряд (в 1990, 1996, 2002 и 2008 годах) и возглавлял там Комитет по делам ветеранов, потом Комитет по разведке и Комитет по торговле, науке и транспорту. (Попытка его кузена, республиканца Лоранса Рокфеллера-младшего, избраться в 1992 году в сенат от штата Нью-Йорк провалилась — он не смог набрать достаточно подписей в свою поддержку.) В 1993 году Джей, объединив усилия с Тедом Кеннеди, выступал в сенате за реформу системы здравоохранения, предложенную Биллом и Хиллари Клинтон. Именно тогда он подружился с первой леди и предоставил в её распоряжение свой особняк для первого стратегического совещания по этой реформе. Реализовать её, впрочем, не удалось из-за противодействия коалиции малых предприятий и «Круглого стола бизнеса» — лоббистской организации, представлявшей крупные банки и корпорации (в неё входил Клиффорд Гарвин из «Эксон»), а также из-за поражения демократов на выборах в конгресс в 1994 году. Но в целом положение в экономике стабилизировалось, уровень безработицы понизился, внешняя политика была успешной, и Клинтон без особого труда второй раз стал президентом.

Тогда же, в 1996 году, сын Уинтропа Рокфеллера был избран заместителем губернатора Арканзаса, а потом переизбран в 1998 и 2002 годах. К сожалению, этим сходство в судьбах отца и сына не ограничилось: политическую карьеру и жизнь Уинтропа-младшего оборвал рак... Жанетт Идрис умерла в 1997 году, как и Мэри, жена Лоранса, а вот Бобо прожила 91 год и скончалась в 2007-м. Первая жена Нельсона, Мэри (Тод), умерла в том же возрасте в 1999 году. Дэвид тоже овдовел: его обожаемая Пегги умерла в 1996-м, и на следующий год в юнионистской церкви Покантико в память о ней был освящён новый витраж — «Пророк Иезе-

кииль получает книгу от Господа»*. (Марка Шагала к тому времени уже 11 лет не было на свете, но он выполнил девять витражей, о которых в своё время условился с Дэвидом, — каждый посвящён кому-либо из Рокфеллеров.)

В декабре 2000 года «Чейз Манхэттен» приобрёл банк «Дж. П. Морган и К^о» — это было крупнейшее в истории слияние банков — и стал называться «Дж. П. Морган Чейз». В последующие годы он продолжит заглатывать одну компанию за другой.

Билл Клинтон, едва избежавший импичмента из-за секс-скандала с Моникой Левински, сильно подпортил репутацию демократов и невольно распахнул двери Белого дома перед Джорджем Бушем-младшим, сыном бывшего президента. Не прошло и года с его вступления в должность, как США пережили страшнейшую в своей истории серию терактов: 11 сентября 2001 года в башни-близнецы Всемирного торгового центра врезались два угнанных самолёта с пассажирами; такая же атака была совершена на Пентагон; четвёртый самолёт, в котором команда и пассажиры вступили в борьбу с террористами, рухнул в Пенсильвании; в общей сложности погибло около трёх тысяч человек. Президент Буш объявил террористам глобальную войну; в том же году США начали военную операцию в Афганистане, два года спустя — в Ираке. Одним из семидесяти семи сенаторов, проголосовавших за резолюцию о вторжении в Ирак (11 октября 2002 года), был Джей Рокфеллер. Ещё в январе он совершил поездку в Саудовскую Аравию, Иорданию и Сирию, во время которой выражал свою озабоченность тем, что в распоряжении Саддама Хусейна может быть оружие массового поражения, и не скрывал от лидеров этих стран, что Джордж Буш в ответ на 11 сентября способен начать войну в Ираке. Президент смог продлить свой мандат ещё на четыре года, одержав победу над сенатором-демократом Джоном Керри; однако последние годы его правления прошли под знаком экономического спада, а крах банка «Леман бразерс» 15 сентября 2008 года стал началом мирового финансового кризиса, вынудившего США поспешно выводить капиталы с развивающихся рынков.

* В 2013 году Дэвид Рокфеллер-младший и его сёстры Эбби и Маргарет основали благотворительный Фонд Пегги Макграт-Рокфеллер (офис находится по адресу: Рокфеллер-плаза, дом 30) для управления двумя тысячами акров сельхозземель в графстве Колумбия, штат Нью-Йорк, чтобы помогать молодым фермерам и развивать регенеративное земледелие.

За пять лет до этого Дэвид Рокфеллер совершил очередную поездку в Россию, чтобы представить книгу своих воспоминаний «Банкир в XX веке», опубликованную на русском языке издательством «Международные отношения». 11 июля 2004 года его 94-летний брат Лоранс скончался во сне от фиброза лёгких, успев перед смертью распорядиться своим имуществом. Помимо четверых детей, у него было восемь внуков и 12 правнуков. Однако значительная часть наследства перешла к некоммерческим организациям, в том числе Принстонскому университету (альма-матер Лоранса) и Мемориальному онкологическому центру имени Слоуна—Кеттеринга в Нью-Йорке. Решив, что и ему, пожалуй, пора принять какие-то меры в этом направлении, Дэвид в ноябре 2006 года составил завещание, по которому больше половины его имущества должно было перейти к благотворительным организациям, и заранее выделил 225 миллионов долларов для создания Фонда глобального развития Дэвида Рокфеллера.

Рокфеллеры являли собой удивительный феномен: с одной стороны, они сумели сохранить своё богатство и позиции на рынке, так что их имя стало нарицательным, в то время как Вандербильты, Карнеги, Морганы ушли в историю; с другой стороны, они были — и при этом их как бы не было: средний американец затруднился бы назвать по имени кого-нибудь из ныне живущих Рокфеллеров и тем более уточнить, чем он занимается. Конечно же, у них у всех была работа, и все они состояли в правлении какого-либо благотворительного учреждения. Просто они не лезли на глаза, предпочитая находиться в тени, как их великий предок. Если в газетах и промелькнёт знаменитая фамилия, то, скорее всего, в связи с политикой, которой теперь занимался только Джей. Больше никого из Рокфеллеров она не привлекала, и младший сын Джея Джастин, родившийся в 1979 году, заявил: хотя отец и остаётся для него примером, сам он вряд ли будет стремиться занять выборную должность. Он стал соучредителем сети семейных офисов «ИмПакт» («ImPact»), занимавшейся инвестициями в высокие технологии для сбора и обработки данных, выступал на Всемирном экономическом форуме в Давосе, входил в комитет по инвестициям Фонда братьев Рокфеллеров и в правление Японского общества. Поэтому клан Рокфеллеров часто сравнивали с кланом Кеннеди.

На президентских выборах 2008 года Джей Рокфеллер поддержал Барака Обаму, назвав его правильным кандида-

том, чтобы возглавить Америку в период нестабильности внутри страны и за рубежом. На это заявление обратили внимание главным образом потому, что Западная Виргиния, которую Джей представлял в сенате, на праймериз проголосовала за Хиллари Клинтон. Но кандидатом от демократов стал именно Обама. А вот за свои слова в адрес его соперника Джона Маккейна Рокфеллеру потом пришлось извиняться: его высказывания по поводу участия Маккейна в войне во Вьетнаме (тот якобы сбрасывал самонаводящиеся бомбы на мирное население) оказались, мягко говоря, не соответствующими действительности. Предвыборная кампания строилась на отношении к войне в Ираке, начатой Бушем, и победил Обама, ставший лауреатом Нобелевской премии мира.

Первого апреля 2009 года Джей Рокфеллер внёс на рассмотрение в конгресс проект закона о кибербезопасности. Министерство торговли предполагалось превратить в частно-государственный информационный центр, чтобы делиться с владельцами крупных частных сетей информацией о потенциальных угрозах, при этом министр мог наложить запрет на любую информацию по своему усмотрению, а президент — объявить чрезвычайное положение и прекратить трафик с любого поражённого сервера. Этот законопроект так и умер в конгрессе, который завершил свою сессию, не успев его принять. Но 1 июня 2011 года Джей на свои средства организовал двухдневный саммит и выставку по внутренней безопасности в Западной Виргинии с упором на кибербезопасность.

В президенте Обаме он понемногу разочаровался, но и его собственные избиратели всё чаще были им недовольны: сенатор стал недосягаем и редко навещался в родной штат. От него как председателя сенатского комитета по торговле, науке и транспорту ожидали решительных мер по улучшению контроля в аэропортах, где здравый смысл давно был задавлен бюрократическим маразмом. Но откуда человеку, путешествующему в частном самолёте, знать о мучениях пассажиров, вынужденных подолгу ждать, пока сотрудники безопасности гоняют через рамку металлоискателя или обыскивают старушек и детей, писала газета «Вашингтон экзаминар» в 2014 году. Чарлстон, столица Западной Виргинии, находится всего в часе лёта от Вашингтона, а билет на самолёт туда и обратно стоит 206 долларов — при том, что средний годовой доход на душу населения в шта-

те составляет 22 тысячи долларов. Однако один полёт Рокфеллера в среднем обходился в четыре тысячи. Сенатор-республиканец из штата Мэн Сьюзан Коллинз за три года побывала в своём штате 110 раз, и эти поездки обошлись налогоплательщикам в 95 тысяч долларов. Рокфеллер же за тот же период побывал дома только 32 раза и потратил на это 140 тысяч казённых денег. Но это ещё не всё. Обычно хождения конгрессменов в народ продолжают с четверга по понедельник, а пять недель, охватывающих целый август, официально считаются временем «работы в округах». Тем не менее, даже когда конгресс распускали на каникулы и Рокфеллеру, по идее, нечего было делать в Вашингтоне, он не возвращался в Западную Виргинию — например, ни разу не побывал там со 2 июня по 18 ноября 2011 года или с 15 сентября 2012-го по 10 января 2013-го. И ни один из его четверых детей в родном штате не жил.

Кстати, 11 января 2013 года Джей Рокфеллер объявил, что не будет баллотироваться в сенат на шестой срок и уйдёт в отставку в конце следующего года. («Останется ли он в своём вашингтонском особняке за 18 миллионов долларов или уедет в Западную Виргинию — ответ очевиден», — связывала «Вашингтон экзаминар».) Газета «Вашингтон пост» задалась вопросом: неужели эра Рокфеллеров подошла к концу? А ведь когда-то шутники предлагали переименовать Нью-Йорк в Рокфеллервилл...

Более того, 30 сентября 2014 года Фонд братьев Рокфеллеров объявил, что намерен вывести свои активы из сектора ископаемого топлива. «Мы считаем это одновременно нравственным императивом и экономической возможностью», — заявил президент фонда Стивен Хайнц. За 30 лет до принятия этого решения фонд уже критиковал компанию «Эксон» за варварское отношение к природе и пренебрежение мнением учёных, считавших, что её технологии нефтедобычи способствуют потеплению климата и способны в конечном итоге привести к экологической катастрофе. Последней каплей стал взрыв нефтяной платформы, принадлежавшей компании «БП», в результате чего погибли люди, а пять процентов акватории Мексиканского залива оказалось покрыто нефтью. Добывающий сектор больше не был для Рокфеллеров курицей, несущей золотые яйца, и они, как никогда, хотели, чтобы от них не пахло нефтью. «ЭксонМобил», «Амоко», «Шеврон» — все эти «внучки» «Стандард ойл» могут идти своей дорогой. Рокфеллеры —

это «Чейз», «Ситибанк» и «Венрок»*, хотя и этими компаниями теперь управляют не члены семьи.

Политика и бизнес — не единственные сферы, в которых могли реализовать себя Рокфеллеры. Общим видом деятельности для всех членов клана оставалась только благотворительность, к которой их приобщали с детства. Например, сын Дэвида Ричард получил медицинское образование. В 1989—2010 годах он возглавлял консультативный совет организации «Врачи без границ» и до 2006 года входил в правление Рокфеллеровского университета. Его целью было усовершенствовать методы лечения людей, страдающих от посттравматического стрессового расстройства. 12 июня 2014 года 65-летний Ричард был в Покантико у отца, отмечавшего 99-й день рождения. На следующий день он собирался вернуться к себе домой в Маунт-Плезант за штурвалом собственного самолёта — он был опытным пилотом. Одномоторный «пайпер» взлетел с аэродрома Уэстчестера вскоре после восьми утра; шёл сильный дождь, стоял туман. Через десять минут после взлёта федеральная диспетчерская служба уведомила руководство аэропорта, что связь с пилотом потеряна, а в 8.23 полиция городка Гаррисон сообщила, что самолёт разбился в миле от местного аэропорта, пилот погиб. Газеты уже давно сравнивали Дэвида Рокфеллера, старейшего миллиардера на земле, с его знаменитым дедом. Вот и ему пришлось пережить смерть своего ребёнка...

В отношении прессы к деду и внуку тоже было много общего. 28 апреля 2015 года новостной сайт «Уорлд ньюс дейли репорт» сообщил, что 99-летний Дэвид Рокфеллер перенёс шестую за 38 лет операцию по пересадке сердца; она была проведена в Покантико бригадой частных врачей и продолжалась шесть часов. Хотя ни одно другое издание не поделилось с читателями этой новостью, она быстро облетела соцсети, вызвав оживлённые дискуссии. На самом деле это была очередная «утка», запущенная порталом выдуманных новостей с целью намекнуть, что у богатых нет сердца, но есть привилегии.

Девятнадцатого мая скончалась 88-летняя Хеппи Рокфеллер. Дэвид остался единственным представителем третьего поколения клана.

* В октябре 2018 года капитал компании «Венрок» составлял три миллиарда долларов. Когда она вслед за легендарным инвестором Джорджем Соросом проявила интерес к криптовалюте, курс биткоина резко вырос.

В 2016 году новым президентом США стал соперник Хиллари Клинтон, республиканец Дональд Трамп — внук того самого Фридриха Трампа, который в 1894 году открыл гостиницу в Монте-Кристо, привлечённый именем главного инвестора в местные рудники Джона Д. Рокфеллера. Когда-то Джон Д. мечтал, чтобы в Белый дом въехал настоящий бизнесмен. Казалось бы, его мечта сбылась: президентом стал миллиардер, бизнесмен в третьем поколении, владелец гостиничной империи, унаследованной от отца. Но Рокфеллер-старший имел в виду деловой подход к управлению экономикой в общенациональном масштабе, а не образ жизни главы государства. Сравнения между Рокфеллерами и Трампом были неизбежны. Заявление нового президента, сделанное через его адвоката Шери Диллон, что «от него не следует ждать уничтожения построенной им компании» и что он не станет продавать свой бизнес или передавать активы в анонимный трастовый фонд (как поступил Нельсон Рокфеллер), наделало шуму. А уж завершающая фраза — о том, что империя Трампа не менее велика, чем «состояние Нельсона Рокфеллера, когда он стал вице-президентом, но в то время это никого не волновало», — и вовсе возмутила экспертов. Ещё как волновало! В «Чикаго трибюн» появилась рубрика «Статьи Джона Д. Рокфеллера IV» с критическими замечаниями в адрес избранного президента.

Через два месяца после его инаугурации, 20 марта 2017 года, умер Дэвид Рокфеллер, немного не дожив до 102 лет и оставив после себя состояние, оценённое журналом «Форбс» в 3,3 миллиарда долларов. Банк «Дж. П. Морган Чейз и К°» оплатил целую полосу в деловом разделе газеты «Нью-Йорк таймс»: в центре поместили фотографию покойного, а остальное место занял рассказ председателя и генерального директора банка Джейми Даймона о том, какой это был человек, оставивший «неизгладимый положительный след в нашем мире как лидер в области благотворительности, искусства, бизнеса и международных отношений».

Завещание огласили в апреле. Дети могли купить по рыночной цене кое-что из принадлежавшей Дэвиду недвижимости «для собственного использования или для связанной с ними организации» или продать; на раздумья им отводилось время до 20 сентября. Всё остальное полагалось пожертвовать трастовым фондам по сохранению исторического наследия, заповедникам или продать для финанси-

рования благотворительных проектов. Купить можно было особняк на Восточной 65-й улице на Манхэттене, поместье «Округ Коламбия» в Нью-Йорке и два поместья в штате Мэн. Островок Бакл-Айленд у побережья штата Мэн близ Маунт-Дезерт стал единственной собственностью, которую Дэвид завещал конкретно своей дочери Айлин. При этом здание «Театр», входящее в комплекс Кайкат в Покантико-Хиллс, полагалось передать Национальному тресту охраны исторического наследия. (Начиная с 1940-х годов братья Рокфеллеры собирались в этом здании, построенном в 1927-м, чтобы обсуждать проекты созданного ими фонда.)

Коллекцию жуков, которую Дэвид собирал почти 90 лет, с семилетнего возраста, и которая за это время разрослась до 150 тысяч экземпляров, он подарил Гарвардскому музею сравнительной зоологии, присовокупив 250 тысяч долларов на её размещение и хранение. Коллекция редких иллюстрированных книг для детей Люси Трумэн-Олдрич (тётушки Дэвида по матери), среди которых были буклеты XVII—XVIII веков со стихами, детскими рассказами или народными сказками, перешла Брауновскому университету, письма и всё написанное Рокфеллером — Рокфеллеровскому архиву в Покантико.

Каждый из детей Рокфеллера получил право забрать себе его личные вещи на сумму до миллиона долларов, а остальные они могли купить по рыночной цене. «Я делаю это распоряжение с мыслью, что это позволит каждому из моих детей... выбрать вещи, которые чем-то особенно дороги ему или ей». Хотя в завещании не приводился точный перечень предметов, в нём всё же упоминались столовое серебро, фарфор, изделия из льна, гравюры, эскизы, повозки, фургоны, а также лошади, собаки, коровы, овцы и «прочий скот». То, что дети не пожелают взять себе, должно быть продано, а выручка передана в те же благотворительные фонды.

Рокфеллеру принадлежало около четырёх с половиной тысяч предметов искусства, но только несколько картин Вламинка, Писсарро, Виета, Мане он завещал различным музеям, рассеянным по восточному побережью США (в Бостоне, Вашингтоне, Портланде, Нью-Йорке), — в основном Музею современного искусства («Прогулка» Боннара, три картины Сезанна, «Портрет Мейера де Хаана» Гогена, три картины Пикассо, этюд Матисса и др.) и Фонду «Колониального Уильямсберга». «Восточные скульптуры», стоявшие в Саду Эбби Олдрич-Рокфеллер, следовало разделить

между Художественным музеем Бостона и заповедником Маунт-Дезерт в Сил-Харборе. Коллекция картин и артефактов коренных американцев, собранная родителями Дэвида, должна была остаться в одном из его домов в штате Мэн. Остальное — не только картины, но и фарфор, предметы азиатского искусства — предстояло продать на тех же условиях.

После ликвидации имущества различные некоммерческие организации, которым Рокфеллер уже начал выплачивать по пять миллионов в год, должны были получить около 700 миллионов долларов. Не менее 250 миллионов перешли бы в образованный внутри Фонда братьев Рокфеллеров Фонд глобального развития Дэвида Рокфеллера, который должен был финансировать мировые проекты здравоохранения, борьбы с бедностью и «устойчивого международного развития, улучшения управления международными финансами, мировой торговлей и глобальной экономикой, укрепления многосторонности и продвижения прозрачной, коллективной и конструктивной внешней политики США». Ещё 125 миллионов получал Музей современного искусства, 100 миллионов — Рокфеллеровский университет, 109 миллионов — президент и члены правления Гарвардского университета (часть этой суммы предназначалась Центру латиноамериканских исследований Дэвида Рокфеллера), 25 миллионов — Совет по международным отношениям, столько же — Реставрационная корпорация Стоуна Барнса в Покантико-Хиллс, 20 миллионов — заповедник Маунт-Дезерт в Сил-Харборе (через фонд Эбби Олдрич-Рокфеллер), десять миллионов — Фонд семьи Рокфеллер, такую же сумму — Общество Америк, пять с половиной миллионов — Американский фермерский трест, пять миллионов — Трест исторического наследия побережья штата Мэн; 20 миллионов должны были быть потрачены на благотворительность по выбору душеприказчиков.

Пятерым детям Рокфеллера, десяти его внукам и десяти правнукам было где жить, поэтому они решили продать особняк в Уэстчестере, в котором он скончался, и остальную недвижимость. За городской дом на Манхэттене назначили цену 32,5 миллиона долларов; остров в штате Мэн выставили на торги за 19 миллионов. Наконец, имение в Покантико-Хиллс предложили купить за 22 миллиона.

Собрание Дэвида и Пегги Рокфеллер, насчитывающее полторы тысячи предметов искусства, было выставлено на благотворительный аукцион, который доверили провести

«Кристис». Прежде чем быть проданными, главные предметы из коллекции отправились в кругосветное путешествие: их выставляли в Гонконге, Пекине, Шанхае, Лондоне, Париже, Лос-Анджелесе, а затем в Рокфеллеровском центре, где их смогли увидеть около тридцати тысяч человек. Там же с 1 по 11 мая 2018 года проходили торги — в онлайн-режиме и в аукционном зале. Было продано всё подчистую; вырученная сумма (832 573 469 долларов) намного превысила ожидаемую, почти вдвое превзойдя дотоле рекордную прибыль от продажи коллекции Ива Сен-Лорана и Пьера Берже (443 миллиона).

Больше всего удалось получить за «Девочку с корзиной цветов» Пикассо (115 миллионов), «Цветущие кувшинки» Моне (84 687 500 долларов) и «Лежащую одалиску с магнолиями» Матисса (80,75 миллиона). Всё это были рекордные цены для произведений этих художников. Ещё один рекорд — для всего латиноамериканского искусства — установила картина Диего Риверы «Соперники», проданная за 9 762 500 долларов. Среди многочисленных творений американских художников были и произведения Элизабет Стронг-Куэвас. Обеденный сервиз из китайского фарфора «с табачными листьями», созданный около 1775 года, ушёл с молотка за 1 152 500 долларов; сервиз северского фарфора «Красный Марли», изготовленный по заказу Наполеона I, — за 1 812 500 долларов. Кроме того, 19 лотов из коллекции были проданы 12 июня на аукционе ювелирных украшений.

Все вырученные деньги были переданы дюжине некоммерческих организаций, учреждённых Рокфеллерами. «Эти средства окажут существенную поддержку крупным учреждениям и фондам, занимающимся научными исследованиями и высшим образованием, поддержкой искусства, внешней политики и сохранением прибрежных и сельскохозяйственных земель», — уточнил в своём заявлении Дэвид Рокфеллер-младший.

В 2018 году инвестиционная фирма «Рокфеллер и К°», оказывающая услуги по управлению состоянием богатым семьям, а также предприятиям и фондам, стала называться «Рокфеллер капитал менеджмент». Её президентом и генеральным директором является Грегори Дж. Флеминг, а Дэвид Рокфеллер-младший — просто член совета директоров. Ему приходится совмещать эту должность с обязанностями одного из управляющих Фондом Дэвида Рокфеллера, члена Совета по иностранным отношениям, управляющего фон-

дом «Азиатский культурный совет», пожизненного опекуна Музея современного искусства, члена Академии искусств и наук. Основанная им некоммерческая организация «Моряки за море» (Дэвид-младший обожают ходить под парусом) в 2018 году волилась в глобальную организацию по охране морей «Океана» («Oceana»).

Когда родители трудятся, а дети наслаждаются жизнью, внуки будут просить милостыню, гласит японская пословица. Американцы ту же мысль выражают так: «От засученных рукавов до засученных рукавов за три поколения». В самом деле, богатство редко удаётся передать дальше внуков. Налог, банкротства, непомерные траты, делёж — столько богатых семей прошли этот путь. Где теперь Вандельбильты, Гулды, Карнеги, Морганы, которые раньше могли купить весь мир? В списке богатейших семейств журнала «Форбс» их давно нет. Из кланов, начинавших путь к богатству одновременно с Рокфеллерами, в нём остались только Хёрсты (значительно их обогнавшие) и Меллоны, тоже чуть-чуть вырвавшиеся вперёд. Однако нынешнее молодое поколение Рокфеллеров — уже седьмое, клан насчитывает 178 человек; в 2018 году их совокупное состояние достигало 11 миллиардов долларов (у Хёрстов — 24,5 миллиарда, у Меллонов — 11,5). При том только Дэвид Рокфеллер пожертвовал за свою жизнь на разные проекты более миллиарда.

В одном из редких интервью Дэвид Рокфеллер-младший раскрыл секрет, каким образом его семье удалось сохранить и себя, и свои богатства. Кстати, этим рецептом могут воспользоваться любые семьи, а не только богатые. Он состоит из четырёх ингредиентов: 1) регулярные семейные встречи; 2) знание семейной истории; 3) разнообразие занятий; 4) семейные ценности. «Мы собираемся всей семьёй дважды в год, зачастую на рождественский обед в одной комнате оказывается больше ста человек, — рассказывал Дэвид-младший. — Ещё мы проводим своего рода семейные форумы. Как только тебе исполнится 21 год, тебя начинают приглашать на эти встречи». Собираясь вместе, родственники обсуждают семейные проекты, представляют новых членов клана, делятся другими новостями, связанными с карьерой или какими-либо важными событиями. Главное — чтобы каждый чувствовал себя здесь своим, даже если не родился Рокфеллером, а связан с кем-то из них узами брака.

У Рокфеллеров есть «семейные гнёзда», помогающие поддерживать связь с прошлым. «Я могу приехать в такое

место, где жил мой прадед более ста лет тому назад, и посмотреть, как он жил и как жили его сын и внуки», — продолжает Дэвид. Работать сообща теперь уже нет необходимости. Многие ссоры в богатых семействах возникают именно на этой почве: кто должен руководить семейным предприятием, как руководить, как делить прибыль... «Конечно, богатство нашей семьи пришло от нефтяного бизнеса, от “Стандард ойл”. Но не бизнес удержал нас вместе; многие семьи бизнес, напротив, разбил». Самая прочная связь, цементирующая Рокфеллеров, — семейные ценности, в особенности благотворительность. В целом основанные ими фонды располагают пятью миллиардами долларов. Девизом семьи стали слова Джона Рокфеллера-младшего, начертанные на камне у входа в Рокфеллеровский центр: «Ибо каждое право подразумевает ответственность; каждая возможность — обязанность; каждое обладание — долг». Если бы семейные ценности только провозглашались, они не возымели бы никакого действия, считает Дэвид. Этим надо жить, поэтому детей по-прежнему воспитывают «по-рокфеллеровски»: родители показывают своим примером, что заработанным или полученным надо делиться, живя по принципу «иметь, чтобы отдавать».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЬИ РОКФЕЛЛЕР

- 1837, 18 февраля — Уильям Эвери Рокфеллер (1810—1906) женился на Элизе Дэвисон (1813—1889). Их дети: Люси (1838—1878), Джон Дэвисон (Джон Д.; 1839—1937), Уильям (1841—1922), Мэри Энн (1843—1925), Франклин (Фрэнк; 1845—1917), Фрэнсис (1845—1847).
- 1855, 12 июня — Уильям Эвери Рокфеллер под именем доктора Левингстона женился на Маргарет Аллен.
26 сентября — Джон Д. Рокфеллер начал работать помощником бухгалтера в фирме «Хьюитт и Татл».
- 1858, 1 апреля — Джон Д. Рокфеллер стал партнёром в фирме «Кларк и Рокфеллер».
- 1861 — Фрэнк Рокфеллер вступил рядовым в 7-й добровольческий пехотный полк Огайо.
Уильям Рокфеллер стал партнёром в торговой фирме «Хьюз, Лестер и Рокфеллер» (впоследствии «Хьюз, Дэвис и Рокфеллер»).
- 1862, декабрь — Джон Д. Рокфеллер основал с Морисом Кларком фирму «Эндрюс, Кларк и К°».
Джон Д. Рокфеллер построил в Кливленде нефтеперерабатывающий завод «Эксельсиор».
- 1863 — после второго ранения Фрэнк Рокфеллер вернулся с Гражданской войны.
- 1864, май — Уильям Рокфеллер женился на Альмире (Мире) Джеральдине Гудселл (1844—1920). Их дети: Льюис Эдвард (1865—1866), Эмма (1868—1934), Уильям Гудселл (1870—1922), Джон Дэвисон II (1872—1877), Перси Эвери (1878—1934), Этель Джеральдина (1882—1973).
8 сентября — Джон Д. Рокфеллер женился на Лоре Селестии Спелман (1839—1915). Их дети: Элизабет (1866—1906), Алиса (1869—1870), Альта (1871—1962), Эдит (1872—1932), Джон Дэвисон-младший (1874—1960).
- 1865, 15 февраля — Джон Д. Рокфеллер создал нефтяную компанию «Рокфеллер и Эндрюс».
Сентябрь — Уильям Рокфеллер присоединился к брату Джону.
Декабрь — открытие нефтеперерабатывающего завода «Стандарт», директором стал Уильям Рокфеллер.
- 1866 — создание в Кливленде фирмы «Рокфеллер и К°». Уильям Рокфеллер стал представлять её интересы в Нью-Йорке.
- 1870, 10 января — создание акционерного общества «Стандард ойл Огайо» с капиталом в миллион долларов.
12 октября — Фрэнк Рокфеллер женился на Хелен Элизабет Скофилд (1848—1932). Их дети: Алиса Мод (1871—1942), Анна Беатриса (1875—1965), Уильям Скофилд (1877—1878), Хелен Эффи (1880—1960), Мира (1884—1886).
- 1872 — сговор нефтяных и железнодорожных компаний в рамках «Южной компании по благоустройству» («SIC»).

- 1875, *сентябрь* — компанией «Стандард ойл» создана компания для поглощения мелких предприятий «Акме ойл».
- 1879 — преобразование «Стандард ойл» в трест, которому стали принадлежать нефтеперерабатывающие заводы в Пенсильвании, Нью-Йорке, Нью-Джерси и Мэриленде.
- 1882, *1 августа* — создание «Стандард ойл Нью-Йорк» под руководством Уильяма Рокфеллера.
5 августа — создание «Стандард ойл Нью-Джерси» под руководством Джона Д. Рокфеллера.
- 1883 — экспансия «Стандард ойл» на дальневосточный рынок. Переезд её центрального офиса в Нью-Йорк, на Пёрл-стрит.
- 1884, *11 апреля* — школа для чернокожих женщин в Атланте, финансируемая Джоном Д. Рокфеллером, получила название Спелмановская семинария.
- 1885 — переезд главного офиса «Стандард ойл» на Бродвей, дом 26.
- 1886 — Джон Д. Рокфеллер взял кредит для приобретения нефтеносных месторождений в Лиме. Фрэнк Рокфеллер стал вице-президентом «Стандард ойл».
- 1887, *лето* — Джон Д. Рокфеллер с семьёй совершил поездку в Европу.
- 1889 — Джон Д. Рокфеллер выделил средства на основание Чикагского баптистского университета.
22 марта — Элизабет (Бесси) Рокфеллер вышла замуж за Чарлза Огастуса Стронга (1862—1940). Их дочь: Маргарет (1897—1985).
- 1892, *21 марта* — роспуск треста «Стандард ойл» по решению суда; создание компании «Стандард ойл Нью-Джерси» и двадцати дочерних компаний.
- 1895, *ноябрь* — Эдит Рокфеллер вышла замуж за Гарольда Фоулера Маккормика (1872—1941). Их дети: Джон (1896—1901), Эдита (1897—1898), Гарольд Фоулер-младший (1898—1973), Мюриел (1903—1959), Матильда (1905—1947).
Уильям Гудселл Рокфеллер женился на Саре (Элси) Стилман (1872—1935). Их дети: Уильям Эвери III (1896—1973), Годфри Стилман (1899—1983), Джеймс Стилман (1902—2004), Джон Стерлинг (1904—1988), Альмира Джеральдина (1907—1997).
- 1897 — Джон Рокфеллер-младший приступил к работе на Бродвее, 26.
- 1900, *20 ноября* — в Кливленде открыт социальный центр «Альтахаус», названный в честь Альты Рокфеллер.
- 1901, *17 января* — Альта Рокфеллер вышла замуж за Эзру Пармали Прентиса (1863—1955). Их дети: Джон (1902—1972), Мэри Аделина (1907—1981) и Спелман (1911—2000).
23 апреля — свадьба Перси Эвери Рокфеллера и Изабель Стилман (1876—1935). Их дети: Изабель (1902—1980), Эвери (1903—1986), Уинфред (1904—1951), Фейт (1909—1960), Глэдис (1910—1988).

- Апрель* — Джон Рокфеллер-младший совершил поездку по Югу в «поезде миллионеров».
- Июнь* — основание Рокфеллеровского института медицинских исследований.
- 9 октября* — Джон Рокфеллер-младший женился на Абигейл Грин Олдрич (1874—1948). Их дети: Эбби (Бабс) (1905—1976), Джон Дэвисон III (1906—1978), Нельсон Олдрич (1908—1979), Лоранс Спелман (1910—2004), Уинтроп (1912—1973), Дэвид (1915—2017).
- 1902, 27 февраля* — создание Дирекции общего образования во главе с Джоном Рокфеллером-младшим.
Эдит и Гарольд Маккормик учредили в Чикаго исследовательский Институт инфекционных заболеваний имени Джона Маккормика.
- 1904* — публикация «Истории компании “Стандард ойл”» Иды Тарбелл отдельной книгой в двух томах.
- 1905* — антимонопольное расследование конгрессом деятельности «Стандард ойл».
- 1907, 6 июля* — Джон Д. Рокфеллер дал показания в суде Чикаго.
3 августа — федеральным судом Чикаго на компанию «Стандард ойл» наложен штраф в 29,24 миллиона долларов, который будет опротестован.
Октябрь — Дж. П. Морган и Рокфеллер прекратили биржевую панику, создав кризисный фонд для предотвращения банкротства брокерских контор и банков.
- 1910* — Рокфеллеры финансировали кампанию по борьбе с гельминтами в южных штатах.
Джон Рокфеллер-младший возглавил Большое жюри по расследованию «белого рабства» в Нью-Йорке.
- 1911* — роспуск «Стандард ойл» по решению федерального правительства. Джон Д. Рокфеллер стал первым в мире миллиардером.
- 1913, 19 мая* — первое заседание Рокфеллеровского фонда под председательством Джона Рокфеллера-младшего.
Осень — «угольная война» в Колорадо на шахтах «КФА», мажоритарными акционерами которых являлись Рокфеллеры.
- 1915, 26 января* — Джон Рокфеллер-младший вызван на слушания в сенат по поводу «бойни в Ладлоу».
Осень — Рокфеллер-младший и Маккензи Кинг совершили поездку в Колорадо, по результатам которой представили план урегулирования споров между работодателями и рабочими через профсоюзы.
- 1921* — открытие Пекинского юнионистского медицинского колледжа, построенного на средства Рокфеллеровского фонда.
- 1924* — Джеймс Стилман Рокфеллер стал олимпийским чемпионом по гребле.
- 1925, 14 мая* — Бабс Рокфеллер вышла замуж за Дэвида Милтона (1900—1976).

- 1927, 3 августа — Маргарет Стронг вышла замуж за Джорджа де Куэваса (1885—1961). Их дети: Элизабет (род. 1929), Джон (род. 1931).
- 1929 — Эбби Рокфеллер, Лили Блосс и Мэри Салливан основали Музей современного искусства.
- 1930, 23 июня — Нельсон Рокфеллер женился на Мэри (Тод) Тодхантер Кларк (1907—1999). Их дети: Родман (1932—2000), Энн (род. 1934), Стивен (род. 1936), Мэри (род. 1938), Майкл (1938—1961).
Начало строительства Рокфеллеровского центра.
- 1932, 11 ноября — Джон Рокфеллер III женился на Бланшетт Ферри Хукер (1909—1992). Их дети: Сандра (умерла во младенчестве), Джон Дэвисон IV (Джей; род. 1937), Хоуп (род. 1938), Алида (род. 1948).
- 1934, 15 августа — Лоранс Рокфеллер женился на Мэри Френч (1910—1997). Их дети: Лора (1936—2015), Марион (род. 1938), Люси (род. 1941), Лоранс-младший (род. 1944).
Президент Франклин Рузвельт торжественно открыл «Колониальный Уильямсберг», восстановленный усилиями Рокфеллера-младшего.
- 1934—1935 — Джон Рокфеллер-младший создал трастовые фонды для жены и детей.
- 1936 — Джон Рокфеллер-младший получил орден Почётного легиона за восстановление памятников истории и культуры во Франции.
- 1940, 7 сентября — Дэвид Рокфеллер женился на Маргарет (Пегги) Макграт (1915—1996). Их дети: Дэвид (род. 1942), Абигейл (род. 1943), Нейва (род. 1944), Маргарет (род. 1947), Ричард (1949—2014), Айлин (род. 1952).
Сентябрь — создание Фонда братьев Рокфеллеров.
- 1942 — учреждение президентом Франклином Рузвельтом Национального монумента Джексон-Хоул на землях, купленных Рокфеллером-младшим для создания национального парка.
- 1944 — Нельсон Рокфеллер стал заместителем госсекретаря по делам Американских республик.
- 1946, 3 октября — Бабс вышла замуж за Ирвинга Парди (1892—1949).
- 1948 — Уинтроп Рокфеллер женился на Барбаре (Бобо) Сирс (1916—2007). Их сын — Уинтроп-младший (род. 1948).
- 1951, 15 августа — Джон Рокфеллер-младший женился на Марте Бэрд-Аллен (1895—1971).
- 1953, 23 апреля — Бабс вышла замуж за Жана Мозе (1903—1974).
- 1956, 11 июня — Уинтроп Рокфеллер женился на Жанетт Идрис (1918—1997).
Лоранс Рокфеллер создал компанию «Рокрезортс» для строительства экоотелей и Национальный парк на Виргинских островах.
- 1958 — Нельсон Рокфеллер избран губернатором штата Нью-Йорк (будет переизбран три раза).

- 1959 — Джон Рокфеллер III открыл Линкольн-центр.
- 1961, *ноябрь* — Майкл Рокфеллер убит и съеден асматами в Новой Гвинее.
- 1963 — Нельсон Рокфеллер женился на Маргаретте (Хеппи) Мёрфи (1926—2015). Их дети: Нельсон-младший (род. 1964), Марк Фитлер (род. 1967).
- 1966 — Уинтроп Рокфеллер избран губернатором штата Арканзас (переизбран в 1968 году).
- 1969 — Лоранс Рокфеллер создал компанию «Венрок» для инвестирования в новые технологии. Дэвид Рокфеллер стал президентом «Чейз Манхэттен банка» (до 1981 года). Его дочь Эбби вступила в феминистскую организацию. «Ячейка 16» и занялась изучением боевых искусств для самообороны.
- 1971, *13 сентября* — Нельсон Рокфеллер отдал приказ о штурме тюрьмы «Аттика», где заключённые захватили заложников.
- 1973, *май* — официальное открытие отделения банка «Чейз» в Москве.
- 1974 — Нельсон Рокфеллер стал вице-президентом США при президенте Джералде Форде (до 1976 года).
- 1976, *19 декабря* — Джей Рокфеллер избран губернатором Западной Виргинии (переизбран в 1980 году).
- 1977 — Маргарет де Куэвас вышла замуж за Раймундо де Лоррена (1935—1988).
- 1984 — Джей Рокфеллер избран сенатором от Западной Виргинии (переизбирался до 2015 года).
- 1991 — конгресс США наградил Лоранса Рокфеллера золотой медалью за вклад в развитие национальных парков.
- 1993 — Рокфеллеры приняли участие в процессах приватизации в России.
- 1999 — Джей Рокфеллер создал в Моргантауне Институт нейробиологии имени Бланшетт Рокфеллер для научных исследований болезни Альцгеймера и прочих поражений мозга.
- 2018, *май* — коллекция предметов искусства Дэвида и Пегги Рокфеллер продана с аукциона «Кристис». Вырученные деньги перечислены в благотворительные организации, включая Фонд глобального развития Дэвида Рокфеллера. Инвестиционная фирма «Рокфеллер и К°», оказывающая услуги по управлению состоянием богатым семьям, а также предприятиям и фондам, переименована в «Рокфеллер капитал менеджмент».

БИБЛИОГРАФИЯ

Глаголева Е. В. Ротшильды. М.: Молодая гвардия, 2017 (серия «ЖЗЛ»).

Рокфеллер Д. Банкир в XX веке: Мемуары. М.: Международные отношения, 2003.

Brady K. Ida Tarbell: Portrait of a Muckraker. New York: Seaview/Putnam, 1984.

Burr A. R. The Portrait of a Banker: James Stillman, 1850—1918. New York: Duffield and C°, 1927.

Chandler D. L. Henry Flagler: The Astonishing Life and Times of the Visionary Robber Baron Who Founded Florida. New York: Macmillan, 1986.

Chase M. E. Abby Aldrich Rockefeller. New York: Macmillan, 1950.

Chernow R. Titan: The Life of John D. Rockefeller, Sr. New York: Vintage Books Edition, 2004.

Chernow R. The House of Morgan: An American Banking Dynasty and the Rise of Modern Finance. New York: Atlantic Monthly Press, 1990.

Collier P., Horowitz D. The Rockefellers: An American Dynasty. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976.

Connery R. H. Rockefeller of New York: Executive Power in the State House. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1979.

Fosdick R. John D. Rockefeller Jr.: A portrait. New York: Harper and Brothers, 1956.

Grimes R. Jay Rockefeller: Old Money, New Politics. Parsons, WV: McClain Printing Company, 1984.

Hagger N. The Secret American Dream. The Creation of a New World Order with the Power to Abolish War, Poverty and Disease. London: Watkins Publishing, 2011.

Harr J. E., Johnson P. J. The Rockefeller Century: Three Generations of America's Greatest Family. New York: Charles Scribner's Sons, 1988.

Klein N. The Shock Doctrine. The Rise of Disaster Capitalism. Toronto: Knopf Canada, 2007.

Reich C. The Life of Nelson A. Rockefeller: Worlds to Conquer, 1908—1958. New York: Doubleday, 1996.

Rockefeller J. D. Random Reminiscences of Men and Events. Tarrytown, NY: Sleepy Hollow Press and RAC, 1984.

Rockefeller W. A letter to my Son // The Rockefeller Archive Center. Typescript.

Tarbell I. M. The History of the Standard Oil Company: In 2 vol. New York: McClure, Philips & C°, 1905.

Stasz C. The Rockefeller Women. Dynasty of Piety, Privacy, and Service. Bloomington: Universe, 2000.

Ward J. L. Winthrop Rockefeller, Philanthropist: A Life of Change. Little Rock: University of Arkansas Press, 2004.

Winks R.W., Laurance S. Rockefeller, Catalyst for Conservation. Washington, DC: Island Press, 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава первая. ДЖОН Д. И ЕГО БРАТЬЯ</i>	6
Превратности любви	6
Как заработать себе работу	25
Война и бизнес	31
Великий Флаглер	47
Нефть, ложь и Библия	61
Весёлый, плохой, свой	76
Достань до меня, если сможешь	90
Нью-Йорк, Нью-Йорк	104
 <i>Глава вторая. БРЕМЯ БОГАТОГО ЧЕЛОВЕКА</i>	123
Американцы в Париже	123
Железный человек	135
Мужчина на грани нервного срыва	146
Отцы невест	159
Уйти красиво	182
Три свадьбы и одни похороны	196
Твёрдость и предубеждение	218
Бей первым, Тедди!	244
 <i>Глава третья. СТАРИК И ДЕНЬГИ</i>	271
Люди в белом	271
Шахты, деньги, пулемёт	288
Война и мир	304
Чего хочет женщина	316
Смутное время	330
Сокровище нации	345
 <i>Глава четвёртая. НАСЛЕДНИКИ</i>	356
До свидания, мальчики!	356
Как потратить миллион	368
Конец и вновь начало	382
На золотом крыльце сидели	397
Мы — Рокфеллеры	430
 Основные даты жизни и деятельности семьи Рокфеллер ...	457
Библиография	462

Глаголева Е. В.
Г 52 Рокфеллеры / Екатерина Глаголева. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 463[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1786).

ISBN 978-5-235-04279-7

Почти двухвековая история семьи Рокфеллер, давшей миру промышленников, банкиров, политиков, меценатов и филантропов, первого миллиардера и одного из американских вице-президентов, тесно переплетается с историей США от Гражданской войны до наших дней. Их называли кровососами, а созданную ими крупнейшую в мире нефтяную компанию — спрутом, душившим Америку; считали кукловодами, управляющими правительством, — и восхищались их умением поставить на промышленную основу всё, даже благотворительность. Рокфеллеры коллекционировали предметы искусства, строили особняки — и вкладывали деньги в образование и здравоохранение. Благодаря им существуют Рокфеллеровский университет, Музей современного искусства и Линкольн-центр. На их деньги осуществлялись самые разные проекты в Китае, Греции, Мексике, Франции, Израиле; с ними имели дело лидеры СССР и России от Хрущёва до Ельцина. Что из этого правда, а что домыслы? Ответ даёт книга Екатерины Глаголевой о всемирно известном клане, в пяти поколениях сохранившем свои семейные ценности, принципы воспитания и кредо — делать то, чего ещё не делал никто.

УДК 94(7)(092)“18/20”
ББК 63.3(7Сое)

знак информационной
продукции **16+**

Глаголева Екатерина Владимировна
РОКФЕЛЛЕРЫ

Редактор **Е. А. Никулина**
Художественный редактор **А. В. Никитин**
Технический редактор **М. П. Качуркина**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Г. В. Платова**

Сдано в набор 26.12.2018. Подписано в печать 12.02.2019. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newtop». Усл. печ. л. 24,36+1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ № 1904050.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушёвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
arvato в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
BERTELSMANN 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04279-7

ISBN 978-5-235-04279-7

9 785235 042797 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я